О.В. СОКОЛОВ

АУСТЕРЛИЦ
НАПОЛЕОН, РОССИЯ И ЕВРОПА
1799-1805 гг
Том I

Русский культурный фонд
«Империя Истории»

Москва 2006

УДК 355.48(44)" 1799/1805"
ББК 63.3(4)52-681
С59
Автор выражает глубокую признательность
Виктору Николаевичу Батурину, меценату и ценителю Наполеоновской эпохи
Благодаря его поддержке эта книга увидела свет.
Соколов, Олег Валерьевич.
С39 Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. Т. 1 /
О.В. Соколов. — Москва : Рус. импульс, 2006. — 320 с. : ил.
- - ISBN 5-90252521-7. Агентство CIP РГБ

Эта книга об интереснейшем периоде нашей истории — первой войне Наполеона против коалиции государств, возглавляемых Российской империей.

Автор книги использует в своем исследовании обширнейший материал: французские и русские архивы; свидетельства участников событий как с той, так и с другой стороны; работы военных историков прошлого и современности, посвященные этой теме.

Результатом исследования автором явился совершенно новый взгляд на многие события военной и политической истории Европы Наполеоновской эпохи.

Надеемся, что книга будет интересна как широкому кругу читателей, так и специалистам в этой области.

УДК 355.48(44)" 1799/1805"
ББК 63.3(4)52-681
ISBN 5-90252521-7 (т. 1)
ISBN 5-90252520-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Послушайте, но почему же он напал на Россию?!» Этот вопрос я слышал сотни раз, когда на лекции или в частной беседе рассказывал русским слушателям о государственной и реформаторской деятельности Наполеона Бонапарта.

Действительно вызывало (и вызывает!) недоумение, как человек, который совершил столько великих дел, из хаоса создал новое государство, построил новую систему законов, учреждений, столь способствовал развитию промышленности, науки, искусств, вдруг, ни с того ни с сего, начал захватнический поход!.. Конечно, как, вероятно, понял читатель из иронии последней фразы, дело обстояло не столь просто. Но как?

Чтобы ответить на этот вопрос серьезно, необходимо, разумеется, ознакомиться со всем сложным комплексом международных отношений в Европе начала XIX века, и прежде всего рассказать о том, как началась и как разворачивалась великая драма войны 1805 г., первого столкновения наполеоновской Франции с Российской империей. Этому вопросу и посвящена эта книга.

Действительно, война 1805 г. породила целую серию острых противоречий, нараставших впоследствии как снежный ком. Именно она во многом предопределила всю европейскую политику на последующее десятилетие. Так что, не изучив ее генезис, просто немыслимо понять историю Европы XIX века.

Впрочем, война 1805 г. — это не только предыстория, это прежде всего интереснейшая история полных драматизма и эпического размаха событий. В эту войну во всю свою мощь проявился полководческий гений Наполеона. Битва при Аустерлице и Ульмский маневр стали поистине классикой военного искусства.

Но война — это не только деятельность полководцев, это история борьбы, страданий и мужества сотен тысяч людей, вовлеченных в ее водоворот. В 1805 г. сошлись в отчаянном бою солдаты, овеянные памятью суворовских побед, с солдатами Великой Армии, вышедшими из горнила революционных войн, полными гордости за свои успехи, за свою молодую империю и за великого полководца, в которого они беззаветно верили. С обеих сторон сражались с отвагой и мужеством, и русским и французам есть о чем вспомнить с гордостью.

Багратион и Милорадович, Мюрат и Ней — эти имена говорят сами за себя и звучат словно фанфары славы. Рядом с ними шли те, кто, подобно толстовскому капитану Тушину, остался за бортом великой истории. Подполковник Гвоздев, поручик Хмелев, майор Анрио, лейтенант Левавассер... Их были тысячи, и обо всех рассказать невозможно, но хотя бы несколько безвестных героев хотелось вырвать из тьмы прошлого...

Однако война никогда не была похожа на парадные батальные полотна, скорее, в ней, как в трагедиях Шекспира, рядом с высоким и благородным соседствовало низкое и коварное. Здесь отвага и величие шли рядом со страданиями, кровью и грязью. Потому реальные французские и русские солдаты мало походили на сусальную картинку. Они существовали во плоти и крови со всеми их достоинствами и недостатками. Оставить за бортом неприглядные аспекты вооруженной борьбы было бы также несправедливо.

Избегая всяких штампов и стереотипов, но и не стремясь ниспровергать авторитеты ради самого факта ниспровержения, изложить причины начала наполеоновских войн, и прежде всего войны 1805 г., рассказать подробно и обстоятельно о ходе самого конфликта — вот задача, которую ставил перед собой автор. Насколько это удалось — судить читателю.

ГЛАВА 1
ПРОЛОГ

> Мы *приближаемся к моменту, когда великий народ, с которым мы ведем войну, будет нам предписывать законы и заставит заключить мир; нельзя не восторгаться этим народом, вчера я взял в плен гусарского офицера, поведение которого было так благородно, что можно прийти в отчаяние, не встречая таковых у нас.*
>
> *Из письма саксонского офицера Тилъмана. 1796 г.*

Начнем с того, с чего обычно не начинают, о чем часто просто не пишут или упоминают лишь вскользь — с численных величин.

Выдающийся немецкий историк Ганс Дельбрюк справедливо отметил: «Военно-исторические исследования... лучше всего начать с подсчета численности войск. Числа играют решающую роль не только для вычисления соотношения сил... но и безотносительно сами по себе. Передвижения, легко совершаемые отрядом в 1000 человек, являются уже весьма затруднительными для 10 000 человек, чудом искусства для 50 000 и невозможными для 100 000»[1]. То же самое можно сказать и о политических вопросах. Без знания того, каким удельным весом обладало на международной арене то или иное государство, просто немыслимо исследовать его политику, а это, увы, сплошь и рядом встречается.

Итак, поговорим о числах... На рубеже XVIII—XIX вв. Европа выглядела совсем иначе, чем теперь... Эта фраза кажется банальностью, но она не столь наивна, как может показаться. Речь идет не об отсутствии автомобилей, самолетов, современных средств связи и т.п. в то время. Это вполне очевидно. Речь идет об ином соотношении сил европейских государств, об ином весе самой Европы во всем мире. Нелишне заметить, что и менталитет людей, их понятия о добре и зле, войне и мире, свободе и справедливости также были иными.

Но оставим моральные величины на потом и обратимся к сухим цифрам. Тогда Европа для европейцев означала мир, можно сказать, весь мир. Происходившее на других континентах играло лишь малое значение для судеб этой самой главной части планеты. «Неважно, что Европа — это самая маленькая из четырех частей света* по своей протяженности, — можно прочитать в знаменитой Энциклопедии Дидро, — ибо она самая главная по плодам своей торговли, по своему развитому мореплаванию. Она самая плодородная, самая просвещенная, наиболее богатая знаниями искусств, наук н ремесел»[2].

Действительно, хотя по численности населения Европа уступала Азии, она была значительно более плотно населена, чем остальные части света, что же касается энергии, которой располагали люди для своей деятельности, то здесь превосходство Европы было абсолютным. На одного европейца приходилось в 5 раз больше энергетических возможностей (лошадиных сил, сил парусов, ветряных мельниц и т.п.), чем на одного китайца, и в 10—15 раз больше, чем человека любой другой цивилизации.

В этой самой важной и густонаселенной части планеты выделялись государства, которые можно отнести к сверхдержавам того времени. Этими государствами были прежде всего Франция и Россия.

* Австралии в момент написания энциклопедии еще не знали.

Действительно, население Франции достигло к концу XVIII века 27 млн. человек, а в эпоху консульства Наполеона Бонапарта 30 млн., если считать только французов, и 40 млн. с учетом населения присоединенных в ходе революционных войн территорий (Бельгия, левый берег Рейна, Пьемонт). Россия насчитывала в 1801 г. 36 млн. жителей. Ни одно другое государство не могло равняться по силе с этими гигантами. Правда, Англия компенсировала свою слабость в количественном отношении (около 10 млн. человек в первые годы XIX в.) экономическим развитием и мощью своего военного и торгового флота. Наконец, Габсбургская монархия могла еще играть заметную роль. На территории Австрии, Венгрии, Богемии, Моравии и других владениях этой короны проживало около 24 млн. человек.

Пруссию с ее десятимиллионным населением уважали, пожалуй, прежде всего, памятуя о славе Фридриха II, но крупной самостоятельной роли эта держава играть не могла. Что касается остальных государств, они были, скорее, объектами, чем субъектами для европейской политики. Так, 20 млн. немцев жили на территории более 300 государств, вечно споривших между собой. 18 млн. итальянцев были также разделены многочисленными границами.

Все это необходимо учитывать, чтобы понять, как и почему складывались линии напряжения на Европейском континенте. Без этих цифр, которые ясно говорят о значимости Франции и России, их весе в мировой политике, просто невозможно понять то, о чем будет идти речь.

Для начала сделаем первый вывод: Франция и Россия были «сверхдержавами» того времени.

Отношения между этими странами складывались в течение XVIII века, мягко говоря, непросто. Ведь главным содержанием французской внешней политики со времен Ришелье и даже со времен Франциска I была борьба с габсбургской опасностью. Действительно, соотношение сил в XVI—XVII веках в Европе было иным, чем то, которое сложится к концу XVIII века. Габсбурги, правившие в Австрии и Испании, словно сжимали Францию в стальных тисках. В постоянных войнах с многонациональной монархией сложилась определенная система союзов, с помощью которых французское королевство защищалось от этой опасности. Было хорошо все, что плохо для австрийцев. Так, в XVI веке впервые появился шокировавший современников союз Франции с Турцией, угрожавший «Священной Римской империи германской нации» с тыла. Так, в XVII веке Ришелье связал свое королевство узами шведского союза, несмотря на то что эта страна была протестантской, а великий кардинал боролся с протестантизмом у себя на родине. Все объясняется тем, что знаменитый шведский король Густав Адольф, ведя войну за господство в северной Германии, угрожал австрийцам с севера. Наконец, Франция традиционно поддерживала дружественные отношения с Польшей. Хотя в XVII веке поляков и считали в Париже дикарями, но дикарями весьма полезными, ибо границы Речи Посполитой широким фронтом охватывали габсбургские владения, и противоречий с австрийцами у поляков было предостаточно.

Так сложилась знаменитая концепция *Восточного барьера* против Габсбургов — союза со Швецией, Польшей и Турцией, призванного защищать Францию от опасности со стороны «Священной Римской империи германской нации».

«Дремучая» Московия в расчет не принималась. В 1648 г. во время заключения Вестфальского мира, положившего конец Тридцатилетней войне в Европе, подпись представителя русского царя стояла в договоре чуть ли не на последнем месте среди автографов представителей мелких германских княжеств.

Как известно, в начале XVIII века ситуация на международной арене резко изменилась. Вместо безалаберной, слабой Московии в грохоте пушек и шуме

раздутых ветром парусов линейных кораблей на востоке Европы встала по воле Петра могучая империя. Французский посол Кампредон докладывал своему правительству о силе этой обновленной монархии и о самом Петре: «При малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска... Он один из всех северных государей в состоянии заставить уважать свой флаг»[3].

Даже смерть великого реформатора и правление его жалких, бесцветных наследников не изменили этот фактор «Оставил нас, но не нищих и убогих, — провозгласил архиепископ Феофан Прокопович на церемонии погребения императора, — Россию... сделал добрым любимою, любима и будет, сделал врагам страшною, страшная и будет, сделал на весь мир славною, славная и быти не перестанет»[4].

Мощь новой державы совершенно не вписывалась в интересы Версальского двора. Ведь Россия по определению находилась во вражде как раз со всеми державами Восточного барьера. Она воевала и до Петра, и при Петре, и после него со шведами и турками, ну а военные конфликты с Польшей, как известно, в XVII веке вообще поставили Московию на грань катастрофы. Теперь Россия брала реванш в русско-польских отношениях и начала сама оказывать жесткое давление на своего западного соседа. Наконец, 6 августа 1726 г. Россия подписала союзный договор с Австрийской монархией, руководствуясь все теми же интересами борьбы со Швецией, Польшей и Турцией.

Само собой, что подобная ситуация предопределила и выбор Версаля, где вражда к Габсбургам буквально вошла в подкорку к государственным мужам. На Россию смотрели с нескрываемым беспокойством и неприязнью. Даже активная поддержка французским послом трагикомичного переворота, который привел к власти в ноябрьскую ночь 1741 г. великую княжну Елизавету, объяснялась все теми же мотивами — неприязнью к силе новой Российской империи. А также надеждами на то, что «пршзерженница старины» (по мысли французов) новая императрица вернет свою страну в прошлое, к временам безобидной, получающей от всех оплеухи Московшг Однако этим упованиям не суждено было сбыться.

По меткому замечанию П. Черкасова, «Елизавета олицетворяла собой не старый, «московский», а новый, «петербургский», можно сказать европеизированный, национализм, у истоков которого стоял ее отец»[5].

Однако с середины XYIII века отношения между Россией и Францией постепенно начинают меняться. Первой причиной этого был тот факт, что габсбургская угроза, о которой так беспокоились французские политики, постепенно уходила в прошлое. Более того, в 1756 г. в Европе произошла поистине революция в дипломатических отношениях, известная под названием «переворот союзов» (le renversement des alliances). Усиление Пруссии и ее сближение с Англией, ослабление Австрийской державы и умелые маневры ее дипломатов привели к тому, что создается франко-австро-русский союз, направленный против чрезмерных аппетитов прусского короля Фридриха П.

Несмотря на совместные действия против общего врага в ходе Семилетней войны, это потепление русско-французских отношений было лишь весьма относительным вплоть до смерти короля Людовика XV в 1774 г.

Смена главных фигур у власти во Франции сопровождалась и дальнейшими значительными сдвигами в расстановке сил в Европе. Австрийская опасность все более сходила на нет, с другой стороны, Швеция, когда-то верная союзница Французского королевства, все более попадала под английское влияние. Польша окончательно превращалась во второстепенное государство. В 1772 г. три державы — Россия, Австрия и Пруссия оторвали от Речи Посполитой по жирному

куску территории, совершив так называемый Первый раздел Польши, превратив это государство в пешку в их политической игре. Наконец, Османская империя все больше погружалась во внутренний кризис. Впервые раздались голоса о том, что Турция — это «больной человек», который рано или поздно умрет, так что надо думать о разделе его наследства. Наконец, франко-английские противоречия становились все более очевидными.

Какими бы сиюминутными интересами ни руководствовались дипломаты, какие бы причудливые пируэты ни выписывали они в политической игре — объективно обстановка отныне благоприятствовала для сближения двух великих держав.

Не следует также забывать, что вся Европа жила под сильнейшим культурным влиянием Франции. Сама императрица Екатерина II читала, писала и, можно сказать, думала по-французски. Она активно поддерживала переписку со знаменитыми просветителями Дидро, Вольтером, Гриммом. Российская императрица одна из первых поняла растущую роль общественного мнения и умело выявила и заставила работать на себя тех, кто это мнение во Франции создавал. Изысканной лестью и щедрыми подарками она заставила тех, кто поносил свое правительство, стать пропагандистами достоинств, действительных или мнимых, Российской империи и, конечно же, ее правительницы.

Уже во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Вольтер полностью встал на сторону России, рассматривая войну с турками как борьбу с опасными варварами: «Мадам, Ваше Императорское Величество, Вы поистине возвращаете мне жизнь, убивая турок (!), — писал он в своем послании Екатерине при известии о победах русских войск. — Письмо, которое Вы мне написали 22 сентября, заставило меня соскочить с моей постели, восклицая: Алла! Катарина!.. Я действительно, Мадам, на вершине счастья, я восхищен, я благодарю Вас»[6].

Вслед за Вольтером и изменением общей политической конъюнктуры изменилось и отношение французов к России: «Общественное мнение во Франции, которое было враждебно по отношению к России, внезапно стало крайне благоприятным. Ко всему русскому стали относиться с каким-то наивным восторгом. В театре ставились пьесы, сюжет которых был взят из русской истории: «Скифы» Вольтера, «Петр Великий» Дора, «Меншиков» Лагарпа... Повсюду в Париже возникали «Русские» гостиницы, «Северные кафе». Торговец модными товарами открыл лавку под вывеской «У Русского модника».

Обоюдное сближение особенно стало заметно во время войны за независимость американских колоний, когда французы вступили в открытую войну с Англией. Отныне давние связи Версальского двора со Стамбулом явно отошли на второй, если не на третий план. На повестке дня была морская война. Напрасно англичане старались склонить на свою сторону российскую императрицу. Она не только не приняла их предложение, но и возмущенная наглыми действиями британцев, задерживавших под предлогом войны корабли под русским флагом, подписала 9 июля 1780 г. договор с Данией о вооруженном нейтралитете. К этой декларации присоединились позднее Швеция, Голландия, Австрия, Пруссия, Португалия и Неаполитанское королевство. Это был мощнейший удар по попытке бесконтрольного хозяйничанья на морях британского флота. От результатов договора выиграли русские купцы, отныне перевозившие грузы на нейтральных кораблях (часто голландских под флагом Пруссии или Австрийских Нидерландов), и, разумеется, русско-французские отношения, становившиеся все более тесными и дружественными.

Конечно, было бы наивно рисовать русско-французское сближение этих лет в исключительно розовых тонах, но очевидно, что именно изменение француз-

ской позиции в отношении Турции позволило Екатерине аннексировать Крым в 1783 г., и, наконец, еще ранее, в 1779 г., совместные действия России и Франции позволили урегулировать на конгрессе в Тешене прусско-австрийский конфликт. Сближение двух великих держав континента дало возможность России не только значительно усилить свои позиции на юге, но и мирным путем добиться главенства в решении политических вопросов в самом сердце Европы. Франция же благодаря благожелательной позиции России и ее вооруженному нейтралитету получила впервые за долгие годы возможность взять реванш в борьбе с британским владычеством на морях.

В целом, несмотря на существование отдельных противоречий, сближение Франции и России оказалось выгодным для обоих государств. Более того, в конце 80-х годов XVIII века французская дипломатия поставила перед собой задачу добиться еще большего сближения с Россией и заключить русско-французский союз. Министр иностранных дел Монморен в своем мемуаре, направленном королю в самом начале 1789 г., писал: «Швеция не заслуживает более нашего доверия, впрочем, она может играть на континенте лишь второстепенную роль. Пруссия связала себя с Англией и стала нашим врагом. Германская империя — лишь разрозненные земли без всякой связи, к тому же многие из них находятся под влиянием Пруссии. Остается только Российская империя, и это тот союз, которого нам хотелось бы добиться»[7].

После ряда колебаний в марте 1789 г. послу в России графу де Сегюру были посланы инструкции, предписывающие заключение франко-русского оборонительного и наступательного союза...

Однако всего лишь через несколько месяцев все расчеты политиков и дипломатов Европы были нарушены грандиозными событиями, которым суждено будет изменить ход мировой истории — во Франции началась революция.

Рамки этой книги не позволяют описывать причины и ход бурных событий великой революции. Без сомнения, она стала главным событием, произошедшим на Европейском континенте в конце XVIII века, и надолго предопределила ход развития не только Франции, но и всей Европы. Что же касается внешней политики европейских государств, то революционный взрыв станет главной причиной конфликтов, бушевавших на суше и морях в течение почти четверти века.

Действительно, такое мощное потрясение, каким была глобальная революция, произошедшая в крупнейшем государстве Западной Европы, на языке которого говорили все образованные люди континента, не могло не вызвать резонанса в сопредельных странах.

Вначале реакция монархических государств была, в общем, весьма умеренная, если, конечно, говорить о делах, а не о словах. Большинство европейских кабинетов рассматривали произошедшее во Франции лишь как смуту, которая ослабляла королевство Бурбонов, следовательно, помогала устранить конкурента на внешнеполитической арене. Однако скоро это отношение стало меняться.

Огромная пропагандистская сила революции начала всерьез беспокоить монархов. А первыми действиями, которые уже не на шутку взволновали правительства европейских держав, стали акты Национальной ассамблеи, декретирующие присоединение к Франции Авиньона и земель немецких князей в Эльзасе. Население этих крошечных владений, окруженных со всех сторон французской территорией, было охвачено революционным брожением и в подавляющем большинстве требовало свержения своих сеньоров и присоединения к Франции.

Тысячи французских эмигрантов, хлынувших за границу в связи с углублением революционного процесса, готовились к активным действиям. Они собирали свои полки, проникали повсюду ко дворам европейских монархов, запугивая их надвигающейся революцией и требуя активных действий. Из-за границы разда-

лись первые угрозы в адрес Франции и бряцание оружием. 29 августа 1791 г. в замке Пильниц император Леопольд II и прусский король Фридрих-Вильгельм подписали декларацию о совместных действиях и помощи французскому монарху. Людовик XVI и Мария-Антуанетта просили у своих коронованных родственников хорошенько припугнуть чернь. Но все же никто еще всерьез не думал о войне, речь шла, скорее, об угрозах и политических декларациях.

Но эмигранты и король плохо понимали психологию людей, которым пытались угрожать. Деятели революции были не функционерами, состарившимися на службе и боявшимися за свое положение. Напротив, они в большинстве своем были молоды, полны честолюбия и энергии. Им нечего было терять, зато в кипении политических страстей они надеялись завоевать славу и богатство. Наконец, не следует забывать, что Францию охватил настоящий революционный порыв. Многие искренне верили в то, что они создают новый мир, и были готовы на все, вплоть до самопожертвования.

В ответ на угрозы в головах лидеров революции родились планы превентивного удара по врагам. В ослеплении и порыве они считали, что борьба будет легкой и успешной. Знаменитый лидер жирондистов Бриссо восклицал с трибуны Ассамблеи: «Французская революция будет священным очагом, искры которого воспламенят все нации, властители которых задумают к ней приблизиться!» Ему вторил другой известный деятель революции, Инар: «Твердо скажем европейским кабинетам: если короли начнут войну против народов, мы начнем войну против королей!» 29 декабря 1791 г. Бриссо снова потряс Ассамблею громовой речью: «Война — это теперь национальное благо, и есть только одно бедствие, которого надо бояться — это то, что войны не будет!» А депутат Фоше заявил: «Посылайте же, глупые тираны всех ваших глупых рабов, ваши армии растают, как глыбы льда на пылающей земле!.. Пусть же начнется война с князьями, которые поддерживают заговорщиков на наших границах. Война императору Леопольду, который жаждет задушить нашу свободу... Нашими послами будут пушки, штыки патриотов и миллион свободных людей!»

20 апреля 1792 г. в переполненной революционными страстями столице Франции собиралась Законодательная ассамблея, чтобы обсудить вопрос о возможности войны с врагами, готовящими силы на границах. Депутаты пришли, словно охваченные порывом и опьянением, которые, как электрический импульс, передала им бушующая толпа. Даже представитель умеренного крыла ассамблеи Пасторе воскликнул: «Свобода победит или деспоты уничтожат нас. Никогда еще французский народ не был призван исполнить более высокое предназначение... Победа пойдет вместе со свободой!»

Что же касается якобинцев, их представитель Базир громогласно возвестил: «Народ жаждет войны! Торопитесь же исполнить волю его справедливого и благородного гнева. Быть может, сейчас вы объявите свободу всему миру!»

Нечего и говорить, что подавляющим числом голосов война «королю Венгрии и Богемии» (так был назван в манифесте об объявлении войны австрийский император) была объявлена.

Однако первые же столкновения с неприятелем оказались для лишенных организации и дисциплины французских войск роковыми. Едва увидев аванпосты австрийцев, армия, наступавшая на Монс, с криком «Измена!» бросилась бежать.

Но неудачи и вступление неприятельских войск на французскую территорию не запугали мятежную столицу, напротив, весь Париж всколыхнуло мощным импульсом. «Отечество в опасности!» — провозглашали юные ораторы, опоясанные трехцветными шарфами, под звон набатов и гром орудий, стоявших на Новом мосту. Тысячи добровольцев зашагали к границам. Они были еще не обучены, плохо вооружены, но полны решимости и энергии. Король, королева,

а также эмигранты, не понимающие всей силы этого поднимающегося шквала, требовали от командования коалиции хорошенько припугнуть мятежников. Под их давлением герцог Брауншвейгский, в общем довольно мягкий и совсем не жестокий человек, подписал манифест, где он обещал, что в Париже не останется камня на камне, если хоть один волос упадет с головы монарха.

Вместо испуга этот манифест, попавший в раскаленную страстями столицу Франции, вызвал взрыв. 10 августа, спустя три дня после того, как этот манифест узнали парижане, монархия была свергнута. Невиданный дотоле порыв охватил сотни тысяч людей. С трибуны Национальной ассамблеи Дантон громовым голосом произнес обессмертившие его слова: «...Набат, который звучит, — это не сигнал тревоги, это марш к атаке на врагов Отечества. Чтобы их победить, господа, нам нужна отвага, еще раз отвага, снова отвага, и Франция будет спасена!» Для французов с этого мгновения война стала войной не на шутку. 20 сентября в битве при Вальми они остановили атаковавших пруссаков и скоро сами перешли в наступление на всех фронтах.

На севере, разбив австрийцев под Жемаппом, республиканцы заняли часть Австрийских Нидерландов (современная Бельгия). На востоке, тесня пруссаков, вошли в Майнц. На юге при ликовании народа вступили в Ниццу и Савойю. Эти успехи вскружили голову правительству республики. Радостный прием, который встретили французские войска в Савойе и части германских земель, кажется, подтверждал самые фантасмагорические прожекты освобождения человечества. С трибуны Конвента Грегуар провозгласил: «Жребий брошен! Мы кинулись в борьбу! Все правительства — наши враги, все народы — наши союзники! Или мы будем уничтожены, или человечество будет свободным!» Так полушуточная война превращалась в мировой пожар.

На войну с революционной Францией собралась коалиция монархических держав: Англия, Пруссия, Австрия, Голландия, Испания, Неаполь, Сардиния, множество мелких государств Германии — все поднялись на борьбу. Отныне они понимали, что силы республики велики, и готовились теперь не к военной прогулке, а к битве не на жизнь, а на смерть. Весной 1793 г. коалиция перешла в наступление.

Нетрудно предугадать, как отреагировала крепостническая олигархия и самодержавная государыня России на известия о революционных событиях во Франции. С первыми новостями о них Екатерина похоронила все проекты русско-французского союза. Происходящее в Париже она квалифицировала не иначе как «возмутительное безобразие», а о деятелях революции высказалась вполне недвусмысленно: «Вся эта сволочь не лучше маркиза Пугачева».

Начало войны революции против монархической Европы означало также и разрыв дипломатических отношений между Францией и Россией. Уже в феврале 1792 г. русский посол Смолин выехал из Парижа, а в июне покинул столицу Франции последний российский представитель — «поверенный в делах» Новиков.

Известие о суде над королем и его казни 21 января 1793 г. вызвало гневное восклицание императрицы: «Нужно искоренить всех французов до того, чтобы и имя этого народа исчезло!»

Отныне был запрещен ввоз французских товаров в Россию, был установлен надзор за всеми французами, проживающими на территории империи, более того, им разрешалось оставаться в ее пределах лишь по принятии присяги, начинающейся следующим образом: «Я, нижеподписавшийся, клянусь перед всемогущим Богом и на святом Евангелии, что никогда не разделял гнусные и мятежные взгляды, которые господствуют сейчас во Франции. Я рассматриваю правительство, которое утвердилось сейчас во Франции, как узурпацию и нарушение всех законов, а смерть наихристианнейшего короля Людовика XVI как акт ужасающей подлости...»

Однако, несмотря на эти и тысячи других проклятий в адрес революции, Екатерина оставалась весьма трезвым политиком. Возмущаясь событиями во Франции и декларировав, что 20 тыс. казаков будет достаточно, чтобы дойти до Парижа, императрица не слишком спешила это делать.

Во-первых, она понимала, что дело обстоит не столь просто и остановить революционную бурю не так легко.

Во-вторых, у России было много других, куда более важных для нее дел, чем посылать свои войска для подавления революции во Франции.

Вплоть до 1791 г. продолжалась русско-турецкая война, начавшаяся четырьмя годами ранее. Интересно, что, несмотря на единение монархий в борьбе против революционной угрозы, британское правительство не забывало и о других своих интересах и, в частности, о том, чтобы ни в коем случае не допустить Россию до Средиземноморья. Посол Великобритании в Санкт-Петербурге сэр Чарльз Уитворт желал видеть Россию «поставленной на то место, которое ей положено занимать среди государств Европы». На заседании 21 и 22 марта 1791 г. британский кабинет одобрил политику премьер-министра Уильяма Питта, который разделял взгляды Уитворта в российском вопросе. Был составлен ультиматум России, в котором Екатерине давали 10 дней на подписание мира с Турцией, в противном случае Англия грозилась послать свои эскадры на Балтику и на Черное море с целью разгрома русского флота, а пруссаки должны были вступить в Лифляндию. Хотя в конечном итоге ультиматум не был послан, но не без помощи англичан мир на сравнительно мягких для турок условиях был подписан в декабре 1791 г. в Яссах.

Наконец, революция во Франции пробудила подъем патриотических настроений и в Польше, где 3 мая 1791 г. на заседании сейма была принята конституция. Нужно сказать, что эта конституция никоим образом не была ни революционной, ни якобинской. Она, наоборот, упрочила власть короля, установила наследственную монархию, упразднила шляхетскую анархию с ее знаменитым «liberum veto»*, укрепила исполнительную власть и объявила выборность представителей власти законодательной.

Подобная конституция, несмотря на всю ее умеренность, вызывала куда больше беспокойства у русской императрицы, чем события в далеком Париже. Польша была рядом и опасность распространения «революционной заразы» куда чувствительней, наконец, это давало прекрасный повод еще более округлить границы Российской империи на западе.

Поведение Британии в турецком вопросе и польские события привели к тому, что императрица, всячески подталкивая остальные державы, и прежде всего Австрию и Пруссию, к крестовому походу против революции, сама предпочла воздержаться от далеких войн, а вместо этого стала заниматься решением куда более острых проблем в непосредственной близости от русских границ. В разговоре с кабинет-секретарем Храповицким в декабре 1791 г. Екатерина весьма недвусмысленно высказалась на этот счет: «...Есть причины, о которых нельзя говорить; я хочу вовлечь их в дела *(т. е. Австрию и Пруссию в войну с Францией),* чтобы самой иметь свободные руки. У меня много предприятий не оконченных, и надобно, чтобы они были заняты и мне не мешали...»[8]

Летом 1791 г. русская армия, сражавшаяся против Турции, была переброшена к польским границам, а затем вступила в Варшаву. Польская конституция была отменена, а сама Польша в очередной раз поделена.

Правило, согласно которому все решения на сейме принимались только в случае полного единодушия собравшихся. Достаточно было одному шляхтичу произнести «veto» («запрещаю» — лат.), чтобы заблокировать решение.

В результате Второго раздела Польши (в марте 1793 г.) Россия получила Белоруссию и Правобережную Украину, Пруссия — Данциг, Торн и Великую Польшу с Познанью. Что касается Австрии, занятая борьбой с революционной Францией, она не получила ничего.

Нужно сказать, что в Вене это вызвало настоящую бурю. «Неужели правда, что Россия лишь толкала нас сражаться с французами, никоим образом не желая нам помогать, и с тайным проектом использовать это, чтобы решить судьбу Польши», — возмущался известный австрийский политик граф Кобенцель.

Расчленение Польши, ее оккупация иностранными войсками и национальное унижение поляков вызвали восстание под руководством Тадеуша Костюшко. Восстание было подавлено. 5 ноября 1794 г. войска Суворова взяли штурмом предместье Варшавы — Прагу, учинив там кровавый разгром, и в 1795 г. Польша перестала существовать. По Третьему разделу Россия получила Литву, оставшуюся часть Белоруссии и Западную Украину — территории (за исключением Литвы) с преимущественно православным населением. Варшава и значительная часть старых польских земель отошли к Пруссии. Австрия на этот раз не осталась в стороне и получила так называемую Малую Польшу с городом Люблином.

Нет сомнения, что польские и турецкие дела полностью парализовали всякое реальное вмешательство Екатерины II в войну против Франции, когда же к концу 1794 — началу 1795 г. «домашние» проблемы были более или менее улажены, ситуация в войне Первой коалиции против революционной Франции полностью изменилась.

Под влиянием событий на фронтах произошли важные события внутри самой Франции. В апреле 1793 г. был создан знаменитый Комитет общественного спасения из девяти членов, которым были даны огромные полномочия по организации отпора врагу. 2 июня 1793 г. пали жирондисты и к власти пришли якобинцы — наиболее радикальное крыло революционеров.

К этому моменту ситуация на фронтах для республиканцев была просто катастрофической. На севере наступала австрийская армия герцога Кобургского, английские войска осадили Дюнкерк, прусская армия герцога Брауншвейгского, наступая с востока, овладела Майнцем, на юге пьемонтские войска оккупировали Савойю и угрожали Ницце. Испанцы перешли Пиренеи и наступали на Байонну и Перпиньян. Корсикой завладели сепаратисты под руководством Паоли, англичане блокировали все порты Франции, захватывая даже нейтральные суда, а 9 августа 1793 г. пророялистски настроенное командование военно-морской базы в Тулоне сдало крепость англичанам, которые захватили все арсеналы и весь средиземноморский флот Франции.

Наконец, 60 из 83 департаментов Франции подняли мятеж против центральной власти Конвента. Однако правительство якобинцев и Комитет общественного спасения проявили не просто бурную, а отчаянную, яростную энергию. 23 августа по докладу Барера Конвент принял декрет о всеобщем ополчении (levee en masse). Он гласил: «С этой минуты и до той поры, пока неприятель не будет изгнан за пределы республики, — все французы находятся в состоянии мобилизации для службы в армии. Молодые люди пойдут сражаться; женатые будут ковать оружие и доставлять продовольствие; женщины будут изготовлять палатки, шить одежду и работать в лазаретах; дети будут щипать из старого белья корпию; старики дадут понести себя на площади, чтобы своими речами подогревать мужество бойцов и проповедовать ненависть к королям и единство республики».

Исступленная работа закипела в мастерских, где ковалось оружие, на призывных пунктах, куда приходили новобранцы, во всех учреждениях, которые руководили и направляли эту гигантскую деятельность.

Для тех, кто был против, для всех упорствующих был выдвинут действенный аргумент — гильотина. 17 сентября 1793 г. Конвент принял так называемый «закон о подозрительных». Этот закон открыл дорогу революционному террору, объявляя «подозрительными» и отправляя на казнь всех тех, «которые своим поведением, либо своими связями, либо своими речами проявляют себя сторонниками тирании, федерализма и врагами свободы».

Бешеной энергией и террором революционному правительству удалось достичь невозможного: под ружье была поставлена небывалая еще в истории человечества армия — почти что миллион* человек! В войсках была восстановлена строгая дисциплина. Безжалостно были наказаны все генералы, у которых не хватало мужества и энергии, а оставшиеся во главе войск вместе с юными полководцами, недавно взошедшими к вершинам военной иерархии, повели республиканские отряды к победе.

Последнее время в популярной исторической литературе и тем более в средствах массовой информации очень модно описывать любую революцию (и, разумеется, Великую французскую) как продукт деятельности неполноценных личностей, маньяков, а то и просто уголовников, обращать внимание на самые темные и грязные стороны революционных событий, патологически упиваясь описанием казней или кровавых погромов. Здесь не место вступать в полемику об облике Дантона, Робеспьера или Марата и вести дискуссию о причинах революции, до глубины потрясшей Францию и Европу, споря о том, являлась ли она неизбежным продуктом естественного исторического процесса или была сделана кучкой заговорщиков. Все это слишком удалило бы от темы исследования. Важно констатировать лишь один абсолютно очевидный факт — люди, ушедшие ценой своей жизни защищать революцию в рядах новой армии, к числу политических проходимцев и маньяков с патологическими отклонениями не относились. Армия была охвачена волной искреннего, идущего из самой глубины сердца энтузиазма и порыва. Этот порыв, это необычайно приподнятое состояние духа наивной веры в то, что солдаты и офицеры, сражаясь с врагами, открывают новую эру в истории человечества, воюют за «светлое будущее», причем не только Франции, но и всего мира, надолго оставили след в сердцах и умах тех, кто в этот момент дрался под знаменами республики.

Позже бывшие офицеры Революции, став генералами и маршалами Империи, а затем Реставрации, познав за свою бурную жизнь смену многих режимов, будут очень обтекаемо писать в мемуарах о своем участии в революционных войнах, сосредоточивая внимание на сухих перечислениях маневров и чисто военных аспектах операций. Но даже сквозь страницы этих намеренно лишенных эмоций и политически осторожных произведений будут нет-нет прорываться фразы, выдающие чувства, которые некогда испытали их авторы, в молодости ушедшие сражаться во имя новой веры. «Вся страна взялась за оружие, все, кто был в состоянии выдержать тяготы войны, ушел сражаться. Молодой человек почувствовал бы себя неловко, если бы остался в такой момент дома... Война, которую я пытаюсь описать, была войной, участием в которой я горжусь, потому что она была одной из самых справедливых»[9], — вспоминал о революционных войнах военный министр Людовика XVIII и, конечно, благонамеренный «роялист» маршал Гувийон Сен-Сир. А другой маршал и, по иронии судьбы, также королевский военный министр (при Луи-Филиппе) Жан де Дье Сульт так писал о солдатах и офицерах французской армии 1794 г.: «Офицеры подавали пример преданности, с ранцем за спиной, без жалованья... они принимали участие в

* Раньше считалось, что под ружье было поставлено более 1 000 000 человек. Современные авторы в большинстве оценивают это количество иначе — около 750 000. В любом случае, армия достигла небывалой еще в истории численности.

раздачах, как солдаты, и получали, как рядовые, свое обмундирование со складов... Никто, однако, не жаловался на трудности и не отвлекал свое внимание от службы, которая одна была предметом соревнования. Во всех чинах тот же порыв, то же желание идти далее того, что предписывает долг; если один отличился, то другой старался превзойти его своей храбростью, своими талантами, своими делами; посредственность нигде не находила поддержки. В штабах — бесконечная работа, охватившая все области службы, и тем не менее считалось, что ее недостаточно. Мы желали принять участие во всем, что происходит. Я могу сказать, что это период моей службы, когда я более всего работал и когда начальники казались мне более всего требовательными... Что касается солдат, здесь была та же самая преданность, то же самое самоотречение. Завоеватели Голландии переходили замерзшие реки и заливы при 17 градусах мороза босыми и в лохмотьях, и это в то время, когда они находились в самой богатой стране Европы. Перед ними были все соблазны, но дисциплина соблюдалась неукоснительно. Никогда армии не были столь послушными и наполненными таким пылом. Это была эпоха, когда я видел больше всего добродетелей среди воинов»[10].

Эта новая армия ударила всей мощью по врагу. 6—8 сентября 1793 г. республиканцы разбили армию герцога Йоркского при Хонсхооте, 15—16 октября в отчаянном сражении при Ваттиньи армия генерала Журдана нанесла поражение войскам герцога Кобургского. В декабре Мозельская армия под командованием юного генерала Гоша разбила австрийскую армию генерала Вурмзера при Виссембурге. Войска Келлермана выбили пьемонтцев из Савойи, республиканские отряды вступили в Марсель, наконец, 19 декабря 1793 г. был отбит Тулон. При его осаде, как известно, отличился пока еще никому не известный артиллерийский офицер Наполеон Бонапарт.

Наконец, 26 июня 1794 г. республиканская армия одержала решающую победу над австрийцами при Флерюсе и затем развернула наступление в Австрийских Нидерландах.

Нетрудно догадаться, что очень трезво мыслящая российская императрица поняла, что «двадцатью тысячами казаков» для разгона «бунтовщиков» отныне не обойтись. В феврале 1794 г., рассуждая о возможности посылки русских войск против революционной Франции, Екатерина написала барону Гримму: «Но как туда посылать? Послать немного и связаться с пачкунами, войска будут побиты, как и другие. Много же посылать я не могу, потому что с часу на час жду разрыва с турками...»[11]

Тем временем события во Франции приняли новый оборот. Как известно, 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.) произошел государственный переворот, свергнувший власть якобинцев. Робеспьер, Сен-Жюст и ряд их сторонников были казнены. Этот переворот поставил точку в утопическом периоде Великой французской революции. На место кровавых романтиков к власти пришли те, ради кого, собственно, и делалась революция, а именно представители буржуазии. Однако в бурный, полный опасностями и неожиданными поворотами фортуны момент обогатиться сумели не тихие почтенные коммерсанты и талантливые организаторы производства, а деляги и жулики всех мастей, нажившиеся на скупке и перепродаже земель фонда «национальных имуществ», на спекуляции продовольствием и поставке в армию некачественных предметов амуниции и гнилого хлеба. Именно эти «новые богачи»* стали хозяевами жизни, именно они отныне определяли вкусы, нравы, внутреннюю и внешнюю политику страны.

Новые богачи — nouvaux riches, «нувориши», термин появился во Франции в период термидора.

В то время как народ нищал, спекулянты сколачивали фантасмагорические состояния. Невиданная коррупция охватила весь чиновничий аппарат, стремительная инфляция ассигнатов свела на нет доходы всех зарабатывающих честным трудом людей, бандиты властвовали на дорогах. «Деньги стали богом, единственным предметом поклонения и предметом стремлений, — писал современник, — политика — базаром, где все продается». Перо свидетелей тех лет постоянно выводило слова: цинизм, пошлость, отсутствие всякой морали, развал государства, а в отношении народных масс эпитеты: разочарованность, безразличие к политике, апатия...

Антиякобинский переворот 9 термидора, результаты которого незамедлительно сказались в гражданском обществе, далеко не сразу отразился на армии. Мощный импульс II года продолжал воздействовать на войска. Вслед за победой под Флерюсом 26 июня 1794 г. французская армия снова заняла Бельгию, 27 декабря республиканские войска форсировали Маас и 20 января вступили в Амстердам. Голландский флот, вмерзший в лед бухты Тексель, был взят стремительной атакой французских кавалеристов, поддержанных горсткой пехотинцев и артиллеристов. Самбро-Маасская армия перешла Рейн и заняла Кёльн и Кобленц, осадив Майнц. На юге войска под командованием Периньона теснили испанцев и оккупировали часть Наварры и Каталонии. Армия Альп двигалась на Турин. Повсюду войска республики одерживали успехи за успехами.

Победы французских войск раскололи коалицию. 9 февраля 1795 г. первое из союзных государств подписало мир с Французской республикой — это было Великое герцогство Тосканское, затем 5 апреля того же года из войны вышла Пруссия, подписав мир в Базеле, а 22 июля 1795 г. мир подписала и Испания. Наконец, даже Регенсбургский имперский сейм признал необходимым прекратить тягостную и бесплодную войну, уполномочив императора вступить в переговоры с республикой при посредничестве прусского короля.

В этой ситуации тем более было бы странным устремляться в борьбу, из которой выходили наиболее заинтересованные, сопредельные с Францией, монархии. Екатерина ограничилась тем, что послала летом 1795 г. русскую эскадру вице-адмирала Ханыкова в составе 6 линкоров и 6 фрегатов для совместного с англичанами крейсерства в Северном море. Учитывая состояние французского флота, который понес гигантские потери вследствие эмиграции офицеров-роялистов, значительного материального урона, понесенного в ходе революционных событий, уничтожения многих баз и арсеналов (в частности Тулонского), подобная мера представляла не более чем символический жест. Угроза, исходившая от французских военно-морских сил в Северном море, была почти что нулевая, и английского флота для противодействия ей там было более чем достаточно.

Тем не менее в 1796 г. ситуация несколько изменилась. Новое правительство французской республики — Директория, пользуясь ослаблением коалиции, приняло решение действовать наступательно. Две республиканские армии: Самбро-Маасская (76 тыс. человек под командованием генерала Журдана) и Рейнско-Мозельская (73 тыс. человек под командованием генерала Моро) — должны были форсировать Рейн и нанести удар по австрийцам в Германии. В составе этих армий республики были лучшие части. Все, что правительство могло, оно сделало для усиления войск на главном театре военных действий. Наступление армий Журдана и Моро должна была поддерживать так называемая Итальянская армия, командование которой было поручено генералу Бонапарту, только что ставшему известным после подавления антиправительственного мятежа в Париже. Силы этой армии (за вычетом людей, существующих только на бумаге, больных, гарнизонных команд и т.д.) были весьма скромными — не больше 37 тыс. человек, но ей

и отводилась всего лишь вспомогательная роль. Своими действиями она должна была отвлечь какую-то часть австрийских сил от главного направления, а также по возможности потеснить пьемонтскую армию — союзника австрийцев.

Как известно, события развивались с точностью до наоборот. Именно голодная, оборванная, маленькая армия Бонапарта одержит решительные победы, в то время как Журдан и Моро будут терпеть одну неудачу за другой.

Впрочем, весной 1796 г. это было еще неизвестно, и австрийский император Франц, опасаясь наступления республиканцев в Германии, обратился с неоднократными просьбами к российской государыне оказать хоть какую-то помощь в борьбе с французами. Екатерина высказала готовность направить 60-тысячную армию под командованием знаменитого полководца А.В. Суворова для содействия австрийским войскам. Однако практичная императрица связала оказание этой помощи с выполнением со стороны союзников ряда условий. Прежде всего она настаивала на возвращении Пруссии под знамена коалиции, на участии в войне ряда других германских государств. Кроме того, Екатерина рассматривала в качестве непременного условия выплату англичанами субсидий для армии. И наконец, главное, она настаивала на незамедлительном принятии совместной политической декларации. Екатерина требовала, чтобы союзники официально заявили, что целью войны является восстановление монархии во Франции и что они немедленно признают находившегося в эмиграции брата казненного Людовика XVI законным королем.

Однако все эти условия встретили со стороны заинтересованных дворов, мягко говоря, прохладный прием. Пруссаки не желали воевать, англичане не хотели давать деньги. Наконец никто не желал принимать на себя обязательства восстановить королевскую власть во Франции. Дело в том, что война коалиции, начавшаяся прежде всего как идеологическая, для Англии и Австрии плавно переросла в борьбу за сферы влияния в Европе. Эти державы, в общем, конечно, желали восстановления монархии во Франции, но отныне не хотели связывать себя какими-либо обязательствами, которые могли при заключении мира помешать выторговать территориальные приращения и коммерческие выгоды, которые англичане и австрийцы ценили гораздо выше, чем благие пожелания о восстановлении тронов и алтарей.

В результате переговоры зашли в тупик, и золотые гинеи остались в мешках английских банкиров, а русские полки у себя на родине.

В общем, совершенно очевидно, что Екатерина абсолютно не рвалась воевать с революционной Францией. По крайней мере, исключала для себя возможность бросаться очертя голову в борьбу, несоответствующую выгодам и геополитическим интересам России. Более того, она пророчески предсказывала, что французы сами вскоре восстановят монархию и порядок, хотя и в другой форме. В 1794 г. императрица написала: «Если Франция справится со своими бедами, она будет сильнее, чем когда-либо, будет послушна и кротка как овечка; но для этого нужен человек недюжинный, ловкий, храбрый, опередивший своих современников и даже, может быть, свой век. Родился ли он или еще не родился? Придет ли он? Все зависит от того. Если найдется такой человек, он стопою своей остановит дальнейшее падение, которое прекратится там, где он станет, во Франции или в ином месте»[12].

Когда Екатерина II выводила в письме эти строки, человек о котором она говорила, уже был бригадным генералом, а в день, когда императрица умирала, он вошел в легенду и направился по пути, который предсказала ему русская государыня.

[1] Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994, т.1, стр. 36.

[2] Chaunu P. La civilisation de l'Europe des Lumieres. Paris, 1982, p. 37.

[3] Сборник Российского исторического общества, т. 52, 1886, стр. 146.

[4] Цит. по: Анисимов Е. Россия без Петра. СПб., 1994, стр. 59.

[5] Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995, стр. 36.

[6] Voltaire. Correspondance, t. 10 (octobre 1769 - juin 1772). Paris, 1986.

[7] Histoire des relations internationales sous la direction de P. Renouvin. T. 4; Fugier A. La Revolution francaise et l'Empire napoleonien. Paris, 1954, p. 19.

[8] Цит. по: Черкасов П.П. Екатерина II — Людовик XVI. М., 2004, стр. 500.

[9] Gouvion Saint-Cyr L. de. Memoires sur les campagnes des armees du Rhin et Rhin-et-Moselle de 1792 jusqu'a paix de Campo-Formio. Paris, 1829, t. 1, p. LVII, XIX.

[10] Soult J.D. Memoires du marechal-general Soult, due de Dalmatie, publies par son fils. Paris, 1854, t. 1, p. 198-199.

[11] Русский архив, 1866, № 3, стр. 460.

[12] Русский архив, 1878, № 10, стр. 219.

ГЛАВА 2

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Вперед же, рыцари, и разите с неустрашимой душою врагов Христа, с уверенностью, что ничто не может лишить вас милости Божией.

Св. Бернар Клервосский.

15 ноября 1796 г. неподалеку от Вероны, вокруг итальянской деревушки Арколе кипел отчаянный бой. Измотанная в бесконечных сражениях маленькая армия Бонапарта сошлась в смертельной схватке с новой австрийской армией под командованием генерала Альвинци. Эту армию австрийское командование смогло снять с Германского театра военных действий, где Моро и Журдан терпели неудачи. Теперь 50 тыс. австрийцев вступили на равнину Ломбардии, чтобы разгромить Бонапарта, освободить запертую в крепости Мантуе другую австрийскую армию генерала Вурмзера и совместным усилием выкинуть французов из Италии.

Накануне, 12 ноября Бонапарт с горстью своих войск не смог сбить многочисленные войска противника с позиций у Кальдиеро. Ему пришлось отступить. Многим казалось, что война для французов проиграна. Однако молодой генерал так не считал. Он заставил своих солдат сделать новое усилие. 15 ноября 1796 г. засветло французы выступили из Вероны в западном, противоположном от неприятеля, направлении. Всем казалось, что это начало отступления, что в скором времени армия бесславно вернется домой. Но внезапно направление движения изменилось. По приказу главнокомандующего колонны войск повернули налево в юго-восточном направлении и, обойдя австрийцев с фланга, форсировали реку Адидже и двинулись вперед на врага. Теперь даже простые солдаты поняли — главнокомандующий решил дать бой неприятелю на таком поле, где исход боя решит не численность, а отвага. Дело в том, что местность к югу от позиций, занимаемых главными силами Альвинци, представляла из себя сплошные болота, пересеченные лишь узкими дамбами-дорогами. Двигаться можно было только по дамбам шириной всего лишь несколько метров. Теперь дело должно было решить мужество бойцов, стоящих в голове колонны. Вскоре завязался отчаянный бой. Французы продвигались вперед, последовательно громя отдельные батальоны, которые Альвинци, еще толком не разобравшись, в чем дело, послал для прикрытия своего южного фланга. Казалось, бой начинается для армии Бонапарта как нельзя лучше. Но вот перед правофланговой колонной возникло препятствие — на подходе к деревне Арколе дорога пересекала неширокую, зато текущую в крутых берегах речушку Альпоне. Чтобы войти в Арколе, а это было абсолютно необходимо для дальнейшего развития маневра, надо было перейти Альпоне по единственному мосту. Но позади него уже успели занять позицию два батальона хорватов на австрийской службе, отличных стрелков и храбрых солдат. Их командир, полковник Бригидо, навел также на маленький мост две пушки, бывшие в его распоряжении.

5-я легкая полубригада, которая шла в голове французских колонн, храбро двинулась на мост, но шквальный ружейный огонь и картечь из двух австрийских пушек буквально скосили идущих впереди солдат. Бригадный генерал Бон, который вел их на штурм, был ранен. Атака захлебнулась.

Тогда вслед за авангардом на мост бесстрашно двинулись основные силы. Один из самых лучших генералов Итальянской армии Бонапарта, ближайший друг главнокомандующего и человек кипучей отваги Жан Ланн устремился во главе 51-й линейной полубригады к мосту. Но огонь австрийцев был столь плотный, что, несмотря на весь порыв молодого генерала и его солдат, французы были отброшены. Дамбу покрыли сотни окровавленных тел. Сам Ланн был два раза ранен. Его солдаты кто попрятался за дамбу (она шла на подходе к мосту параллельно речке Альпоне), кто спасся бегством.

Вслед за отрядом Ланна вперед устремилась 40-я линейная колонна во главе с генералом Верном. Но и эта атака закончилась кровавой неудачей. Голова колонны была истреблена, а сам генерал Верн смертельно ранен.

Стало ясно, что овладеть мостом можно только очень мощным ударом, тем более что к австрийцам на той стороне Альпоне подходили новые и новые силы. Вся деревня Арколе наполнилась стрелками, которые готовы были открыть огонь по мосту из-за изгородей, из окон, с крыш домов. Другие встали так, чтобы бить по мосту с флангов. Кроме того, австрийцы подтащили еще несколько пушек.

Теперь во главе французских колонн встал лично командир дивизии, генерал Ожеро. Он схватил знамя и с возгласом: «Трусы вы, что так боитесь смерти!» — бросился вперед, увлекая за собой лучших гренадер. Но из-за Альпоне обрушился на них просто ураган пуль и картечи. Сотни людей были убиты и ранены. Атака опять захлебнулась...

Теперь стало ясно, что вокруг этого ничтожного моста без перил, длиной 25, шириной 4 метра решается исход боя, а значит, и судьба Итальянского похода, а значит, и всей великой европейской войны.

И вот около 15 часов по рядам французских войск как молния пронеслась весть — сам главнокомандующий поведет солдат в атаку на этот проклятый мост. Когда солдаты и офицеры узнали об этом, все, кто мог, встали снова в ряды.

Генерал Ланн, которого обливающегося кровью везли на носилках, потребовал, чтобы его посадили на коня — пешком он идти не мог и снова оказался в первых рядах колонны. Главнокомандующий подъехал со своим штабом к передовым батальонам. Спрыгнув с коня и схватив знамя 51-й линейной . полубригады, Бонапарт воскликнул, обращаясь к солдатам: «Вы разве уже более не победители под Лоди? Что стало с вашей неустрашимостью?» С этими словами главнокомандующий двинулся по дамбе, заваленной трупами. Рядом с ним шли все его преданные офицеры и генералы Ланн, Вердье, Мюирон, Виньоль, Бельяр, Сулковский. На этот раз словно электрическая искра воспламенила сердца, и солдаты под ливнем свинца так же решительно пошли за своим полководцем. Но когда колонна была уже близко от моста, залп картечью угодил прямо в тех, кто шел впереди. Бонапарт должен был бы, наверное, погибнуть, но те картечные пули, которые предназначались ему, принял на себя, закрыв своего командующего и друга, молодой капитан Мюирон. Он погиб, но спас того, кому был так предан. Однако колонна заколебалась под шквалом огня. Кто-то из офицеров схватил Бонапарта, закричав: «Генерал, Вы идете на смерть, если Вы будете убиты, мы все пропадем, Вы не должны идти дальше, это место не для Вас!!» Остановка, пусть даже минутная, шедшего впереди штаба поколебала решимость колонны. Новые залпы свалили наземь офицеров и солдат. Толпа заколебалась и бросилась назад...

Увы, генерал Бонапарт не взял штурмом Аркольский мост, его войска вынуждены будут временно отступить, затем снова начнут отчаянный бой на плотинах и вокруг них. Бой будет продолжаться весь день 15 ноября, весь следующий день 16-го и только к вечеру 17-го, после того как австрийцы будут

измотаны трехдневной борьбой, армия Бонапарта окончательно перейдет в наступление, преодолеет все преграды и разгромит, наконец, Альвинци...

Но какое все это имеет отношение к взаимоотношениям Франции с Россией? Самое прямое. В эти дни 15—17 ноября в болотах вокруг Арколе родилась наполеоновская легенда. Та необычайная популярность, которой пользовался отныне во Франции Бонапарт, тот ореол героизма, доблести, славы, который словно окутывал молодого полководца, — все это возникло в эти дни. Да, конечно, победы под Монтенотте, Милеззимо, Лоди, Кастильоне заставили армию поверить в своего полководца, наделали немало шума во Франции и в Европе, но только после Арколе имя Бонапарта начали произносить с каким-то восторженным трепетом, только после Арколе он превратился для своих солдат в полубога, за которым они были готовы идти хоть на край света...

«О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! — написал о молодом герое почти точно в тот момент, когда Бонапарт сражался при Арколе, другой великий полководец, Александр Суворов. — Он побеждает и природу и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель только тогда замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил он на путь военачальника, как разрубил гордиев узел тактики. Не заботясь о численности, он везде нападает на неприятеля и разбивает его по частям. Он знает, что такое неодолимая сила натиска, и в этом все. Его противники будут упорствовать в своей вялой тактике, подчиненной кабинетным перьям, а у него военный совет в голове. В действиях свободен он как воздух, которым дышит. Он ведет полки, бьется и побеждает по воле своей!»[1]

Предсказание Екатерины Великой сбылось. Этот «недюжинный, храбрый, опередивший свой век человек» пришел. И по иронии судьбы, ровно в день и час, когда его слава засияла в Италии, в Петербурге скончалась императрица. Она умерла 17 ноября 1796 г. в тот момент, когда за тысячи километров от Петербурга молодого генерала восторженно приветствовала после победы его молодая, энергичная, готовая на любые подвиги армия.

В Европе начиналась эпоха Наполеоновская, в России — эпоха Павла.

Императору Павлу I судьбой выпало осуществить несколько крутых поворотов во внешней политике России, и прежде всего в отношении Франции, сначала Директории, затем Франции эпохи консульства Наполеона Бонапарта. Поэтому вполне уместно будет сказать несколько слов об этом человеке.

Едва только императрица испустила дух, как ее преемник подчеркнуто продемонстрировал всем, что начались иные времена. Знаменитый поэт Державин так позже опишет начало павловских времен: «Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки и, будто по завоеванию города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом».

Это вполне понятно. В течение долгих лет уже более чем зрелый человек Великий князь Павел Петрович был фактически отстранен от власти и даже просто от участия в управлении государством своей царственной матерью. До 42 лет Павел находился под ее неусыпной опекой, постоянно в страхе не только за свое положение, но и просто за свою жизнь, беспрестанно унижаемый фаворитами императрицы. Конечно, подобное положение не могло не сказываться на характере нового царя, на его желании как можно быстрее поменять все, что осталось от Екатерины.

Тем не менее любой серьезный современный историк навряд ли охарактеризует императора Павла I как ненормального безумца, единственным увлечением которого было гонять солдат по плацу, заставляя всех носить букли и ломать наследие предыдущего царствования. Монография Н.Я. Эйдельмана «Грань веков» впервые на основе большого фактического материала нанесла сокрушительный удар по мифу о сумасшествии Павла. За Эйдельманом последовали и другие историки.

Теперь не вызывает сомнения тот факт, что «безумие» Павла не более чем легенда, созданная теми, кто убил императора, для оправдания их гнусного злодеяния. Легенда, которую с удовольствием подхватили либеральные историки, а особенно советская пропаганда, стремящаяся в самом невыгодном свете выставить все русское самодержавие.

Сейчас с уверенностью можно сказать, что трагически погибший император хотя был человеком импульсивным, вспыльчивым, но обладал массой достоинств. Он получил прекрасное образование, в совершенстве знал иностранные языки, но прежде всего обладал высокими душевными качествами — честностью, прямотой, желанием править, исходя не только из макиавеллистской государственной необходимости, но руководствуясь принципами справедливости и благородства. Даже во внешней политике он стремился действовать «чистосердечно, открыто, презирая обычные дипломатические ухищрения. «Правдивость, бескорыстие и сила могут говорить громко и без изворотов» — так выразился сам император в инструкции одному из своих послов»[2].

Предыдущее царствование к тому же, несмотря на блистательную внешнюю сторону, имело и слишком неприглядную изнанку, хорошо знакомую новому императору. Без сомнения, самой темной, самой ущербной стороной России того времени являлась крепостническая система, где миллионы людей были не просто зависимым крестьянством, как это наблюдалось в странах Западной Европы, а фактически были низведены до уровня рабов или, скорее, рабочего скота. С этой стороной российской действительности сложно было что-либо поделать, оставаясь в рамках существующей системы. Павел издал лишь указ от 16 февраля 1797 г., запрещающий продажу с торгов дворовых и безземельных крестьян, отменил запрещение жаловаться на помещиков, указом от 18 декабря 1797 г. повелел списать все недоимки с крестьян и мещан, запретил (указом от 16 октября 1798 г.) продажу дворовых людей и крестьян без земли, наконец, издал знаменитый закон о трехдневной барщине (5 апреля 1797 г.), ограничивавший повинности крестьян тремя днями в неделю. Впрочем, и здесь не стоит недооценивать совершенное Павлом. Н. Эйдельман справедливо отмечал: «Современные исследователи порою только излагают поздний, более объективный взгляд на прошлое. Однако важным элементом идеологии прошлого является и его собственный взгляд на свои дела. Если же подойти с этой меркой, то заметим, что Павловские законы, особенно от 5 апреля 1797 г., были первыми за много десятилетий официальными документами, по крайней мере, провозглашавшими некоторые послабления крестьянству»[3].

Тем не менее куда более значимой была деятельность Павла I в отношении наведения порядка в государственном аппарате, в армии и на флоте. Поскольку императрица Екатерина в свои преклонные годы совершенно предоставила все детали исполнения на волю правящей элиты, чудовищные злоупотребления творились во всех государственных учреждениях. Воровство в армии было такое, что «многие рекруты гибли от голода по дороге к месту службы или попадали работниками в имение командира». По словам канцлера Безбородко, таких «растасканных» разными способами солдат было в 1795 г. до 50 тыс., т.е. 1/10 армии».

С другой стороны, дворяне формально записывали в гвардейские полки своих отпрысков и те, не являясь к месту службы, получали жалованье, повышения и награды. К концу правления Екатерины в полку конной гвардии был, например, 1541 фиктивный офицер и это при том, что в этой части по штатам полагалось лишь 718 рядовых и унтер-офицеров и только 82 офицера[4].

Знаменитый военный историк XIX века Д. Милютин отмечал: «...исчезло в армии всякое единообразие: один полк не походил на другой; не было даже верного счета наличному числу людей в полках; положенное довольствие не доходило до солдат; все было предоставлено неограниченному произволу частного начальника»[5].

Злоупотреблений было столько, что можно было бы перечислять их бесконечно-Вместе с наведением в армии строгой дисциплины Павел I улучшил материальное обеспечение войск, принял все меры для устранения произвола частных начальников, дал точные правила для рекрутских наборов, для замещения вакансий, для переводов, производства в чины, увольнений, отставок и т.п., но самое главное, как отмечали многие современники, положил конец «золотому веку грабителей».

Одновременно новый император произвел решительный поворот и во внешней политике России. Он публично объявил о неучастии в войне коалиции против Франции. Канцлер Остерман так излагал побудительные мотивы этого решения в ноте, обращенной к правительствам европейских стран: «Россия, будучи в беспрерывной войне с 1756 г., есть потому единственная в свете держава, которая находилась 40 лет в несчастливом положении истощать свое народонаселение. Человеколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезным Его подданным в... отдохновении после столь долго продолжавшихся изнурений»[6].

По приказу императора был отменен новый рекрутский набор, эскадре, находившейся в Северном море, было приказано возвратиться домой, войска, действовавшие за Кавказом против Персии, также были отправлены восвояси, наконец, все возможные приготовления к походу против Франции были аннулированы.

Летом 1797 г. в Берлин был даже послан граф Панин, чтобы начать переговоры о возможности подписания договора о мире и дружбе с французским посланником Кальяром. Однако, несмотря на благие пожелания, эти переговоры были бесплодны. В сентябре они вообще прекратились вследствие непредвиденного инцидента. Чтобы понять, о чем идет речь, нам нужно снова обратиться к итальянским событиям.

Победа Бонапарта вынудила Австрию стать более сговорчивой в отношениях с Французской республикой. 7 апреля 1797 г. в городе Леобен между главнокомандующим Итальянской армией Бонапартом и представителями штаба эрцгерцога Карла было подписано временное перемирие, которое было затем продлено до заключения мира. Наконец, в ночь на 18 октября в местечке Пассариано был подписан окончательный мирный договор, который, впрочем, вошел в историю как Кампо-Формийский мир*.

Подписание этого соглашения означало прекращение войны на континенте и, казалось, открывало перспективы к всеобщему примирению, т. е. прекращению последнего франко-английского конфликта. На самом деле все было не так гладко, как могло показаться.

Кампо-Формийский мир оставлял много нерешенных вопросов и, более того, был чреват созданием новых очагов напряженности в Европе. Согласно этому документу, Габсбургская монархия отказывалась от территории Австрийских

Мир действительно предполагали подписать в местечке Кампо-Формио, но австрийские уполномоченные в спешке прибыли в резиденцию Бонапарта в Пассариано, и там был подписан договор.

Итальянские государства. 1795 г.

Нидерландов (до 1714 г. — Испанские Нидерланды, сейчас территория Бельпши) и своих владений на левом — западном берегу Рейна. В Италии Австрия потеряла Миланскую область, которая вместе с несколькими другими итальянскими землями* образовывала так называемую Цизальпинскую республику — государство, построенное по образцу Французской республики. Зато в качестве компенсации австрийцы приобретали большую часть территории Венецианской республики, которую Бонапарт использовал как разменную монету в политическом торге.

Один из важнейших пунктов соглашения предполагал, что Франция получит весь западный берег Рейна за счет немецких князей, которые, в свою очередь, должны быть компенсированы за свои территориальные потери церковными землями. Эти земли должны были быть «секуляризованы», иначе говоря, конфискованы у независимых епископов и аббатств на территории Германской империи. Разумеется, вопрос был крайне непростой. Он вносил страшную путаницу и в без того запутанные германские дела. Для его решения должен был быть созван съезд германских князей в Раштадте. Тем самым Габсбургская монархия, которая стояла во главе рыхлого и неустойчивого объединения «Священная Римская

* Гецогство Моденское, три папские легатства (владения): Феррарское, Равеннское, Болонское, восточная часть бывших венецианских владений с городами Кремона, Берамо и Брешия.

империя германской нации», сама нарушала имперскую конституцию и дестабилизировала и без того хрупкое политическое равновесие в Германии.

Наконец, отдав Австрии Венецианские владения, Франция также кое-что получала из земель бывшей Республики Святого Марка. Согласно Кампо-Формийскому миру так называемые Ионические острова становились территорией Франции.

Часто, говоря об Ионических островах, историки и читатели даже не смотрят на карту. Однако это стоит сделать. Знаменитый архипелаг из 7 островов (о. Корфу (Керкира), Занте (Закинтос), Лефкас, Кефалиния, Итака, Паксос, Китира) находится прямо рядом с западным берегом Греции, некоторые из островов на расстоянии всего лишь нескольких километров от материка.

Зачем главнокомандующему армии, сражавшейся в Италии, потребовались эти далекие земли?

Ответ можно найти в корреспонденции Бонапарта. В письме правительству от 29 термидора V года Республики (16 августа 1797 г.) он пишет: «Острова Корфу, Занте, Кефалиния важнее для нас, чем вся Италия (!). Я думаю, что если нам придется выбирать, лучше было бы вернуть императору Италию *{т.е. владения в Ломбардии),* зато сохранить острова, которые будут источником богатства и процветания нашей торговли. Турецкая империя разваливается и вот-вот рухнет; обладание этими островами позволит нам либо поддержать ее, насколько это будет возможно, либо овладеть ее частью.

Недалеко то время, когда мы ощутим со всей ясностью, что, чтобы действительно разгромить Англию, нам нужно будет захватить Египет. Состояние обширной Оттоманской империи, которая рушится на глазах, вынуждает нас заранее подумать о сохранении нашей торговли с Левантом»[7].

Да, молодой полководец быстро вырос из своего мундира командующего одной из армий Республики. Теперь, хотело того правительство или нет, он начал думать о глобальных вопросах геополитики и решать их так, как считал нужным. Впрочем, у него был наставник. Этим «учителем» стал знаменитый деятель революции, а впоследствии и Империи, министр иностранных дел правительства Директории Шарль-Морис Талейран. Этот непревзойденный мастер политических интриг, хитрый и ловкий, впоследствии станет одним из тех, кто погубил империю Наполеона, однако в 1797 г. никто, конечно, не мог предсказать событий столь отдаленного будущего. Молодой генерал видел, конечно, в этом человеке его безнравственность и цинизм, однако не мог не восхищаться его умом, проницательностью, великолепным знанием всех пружин политики европейских держав и, как это ни покажется странным, стремление и умение защищать национальные интересы. Именно Талейран подсказал Бонапарту мысли о том, что Франция должна думать о приобретении колоний, и в частности о том, что весьма полезно и просто (!) было бы овладеть Египтом. Это завоевание послужило бы, по мысли Талейрана, развитию французской торговли, промышленности и заодно нанесло бы удар по морскому и колониальному владычеству Англии.

Но ведь Египет, по крайней мере формально, принадлежал турецкой империи, старому союзнику Франции. Как можно сочетать поддержку союзника с желанием расчленить его государство? Это, пожалуй, самый щекотливый вопрос не только во внешней политике Франции, но также и всех других великих держав этого времени, т.е. России, Англии, Австрии. Каждая из них, так или иначе, думала о расчленении Оттоманской империи и захвата ее земель, однако была готова заключать союз с турками и поддерживать их против тех, кто желал это сделать вместо нее. Точно так думал и действовал Талейран. В ноябре 1797 г. он представил рапорт Директории о необходимости союза с Турцией и защите ее целостности и в тот же день (!) начал писать другой доклад правительству,

Вступление французской армии в Венецию. Гравюра по рисунку Карла Берне из книги «Военные походы Наполеона Великого», подаренной Наполеоном Александру 1 при заключении Тильзитского мира.

который начинался следующими словами: «Зачем мы будем и далее жертвовать собой ради сохранения державы, дружба которой весьма сомнительна, а состояние такое, что она вот-вот рухнет. Египет ничего собой не представляет для Турции, да и власть ее в Египте не более чем призрачная... Экспедиция в Египет может начаться не ранее 1-го мессидора*, но она столь легка в исполнении (!), что можно быть уверенным, что мы сумеем овладеть Египтом в конце термидора**»[8].

Овладение Египтом должно было сопровождаться, по мысли Бонапарта, освобождением Греции от турецкого владычества и установлением там если не французского господства, то, по крайней мере, французского влияния.

Наконец, в письме Талейрану, написанному буквально через несколько часов после подписания Кампо-Формийского мира, главнокомандующий Итальянской армией определяет внешнеполитические приоритеты Франции, пророчески предсказывает будущее: «Англия сумеет воссоздать коалицию. Война, которая была недавно еще национальной и народной, тогда, когда враг стоял у нас на границах, стала войной безразличной народу, войной лишь правительств. В такой ситуации мы рано или поздно потерпим поражение (!)». Отсюда Бонапарт делает вывод: «Нужно, чтобы наше правительство разгромило английскую монархию, иначе оно само будет уничтожено деньгами и интригами этих деятельных островитян. Настоящий момент дает нам большие выгоды. Сосредоточим же нашу деятельность на флоте и разобьем Англию...»[9]

Последнее письмо не было опубликовано в многотомной корреспонденции Наполеона, изданной в середине XIX века. Оно стало известным только относительно недавно и впервые полностью опубликовано в новой «Общей корреспонденции Наполеона Бонапарта», первый том которой вышел в свет в декабре 2004 г.

Итак, проекты раздела Турецкой империи — захват Египта, установление контроля над Пелопоннесом как элемента главного — борьбы против Англии. Именно поэтому молодой генерал проявляет такую активность в вопросе, который, кажется, совершенно далек от его сферы деятельности — флот, острова, морские базы. Морским вопросам посвящаются десятки писем, приказов, распоряжений, относящихся к лету—осени 1797 г., именно поэтому по приказу Бонапарта французские войска захватывают все боевые корабли и морские припасы в портах и арсеналах Венеции, именно поэтому остров Корфу превращается в мощную военно-морскую базу Франции на Адриатике.

Действия французских войск не могли не обеспокоить русское правительство, хотя, конечно, вряд ли кто-либо тогда ясно отдавал отчет в том, насколько далеко идущие планы стояли за ними. Кроме того, в ходе операции по захвату Ионических островов французы арестовали русского консула. Это не на шутку разгневало Павла, и он приказал графу Панину прервать переговоры с французским уполномоченным.

Победы Бонапарта вскружили голову французским политикам. Они решили, что теперь им все по плечу. Одновременно победы республиканских войск вызвали в Италии брожение народных масс против отживших свой век режимов — светской власти Римского папы, генуэзских олигархов, чудовищной по своей порочности Неаполитанской монархии и т.п. В Швейцарии также началось народное восстание против олигархической системы.

В результате в начале 1798 г. французские войска под командованием генералов Брюна и Шауэнбурга вступили в Швейцарию, и в апреле того же года была провозглашена так называемая Гельветическая республика, зависимая

1 мессидора VI г. — 19 июня 1798 г.

** Конец термидора — середина августа 1798 г.

от Франции. Одновременно события в Риме, где в ходе народных волнений был убит член французской миссии генерал Дюфо, дали повод для вступления французов в Папскую область. В феврале 1798 г. войска под командованием генерала Бертье заняли Вечный город, а затем на знаменитом Форуме итальянскими якобинцами было провозглашено создание Римской республики.

Таким образом, всего лишь за год с небольшим после подписания Кампо-Формийского мира вся его система была перевернута вверх дном. Причиной этого была, конечно, алчность членов Директории, узнавших впервые после Итальянской кампании Бонапарта, что война, оказывается, может быть прибыльным делом и приносить деньги, много денег — по крайней мере для них. Наряду с этим успех Бонапарта вскружил головы и другим генералам. Отныне они тоже мечтали сыграть свою роль, получить луч славы — это теперь казалось так просто! — и наполнить карманы звонким трепещущим золотом.

Но было бы, конечно, неправильно все сводить только к жадности и жажде новых территориальных приобретений коррумпированного правительства и рвущихся к славе генералов. Успехи Бонапарта в Италии вызвали повсюду мощные народно-демократические движения, породили в сердцах многих итальянцев мечту о свободе, о создании великого итальянского государства, посеяли семена будущего движения за независимость Италии. Позже на острове святой Елены Наполеон весьма точно, хотя и с некоторой долей забавной наивности опишет это состояние духа в Италии в те годы: «С этого момента нравы итальянцев начали изменяться; через несколько лет они превратились в совсем другую нацию. Ряса, бывшая в моде у молодых людей, была заменена военным мундиром. Вместо того чтобы проводить жизнь у ног женщины, молодые итальянцы стали часто посещать манежи, стрелковые тиры, учебные плацы. Дети не играли больше в богослужение, у них появились полки оловянных солдатиков, и они в своих играх подражали военным действиям. В прежних театральных комедиях и в уличных фарсах итальянца всегда представляли как большого труса, хотя и остроумного, а рядом с ним всегда был некий грузный вояка, иногда француз, а всего чаще немец, очень сильный, очень смелый, очень грубый, заканчивающий сцену нанесением нескольких палочных ударов итальянцу под громкие аплодисменты зрителей. Народ больше не выносил подобных зрелищ; теперь авторы показывали на сцене, к радости зрителей, смелых итальянцев, которые, поддерживая свою честь и права, обращали в бегство иностранцев.

Национальное сознание сложилось. В Италии появились свои песни, одновременно и патриотические и воинственные. Женщины с презрением отвергали ухаживания мужчин, напускавших на себя, чтобы понравиться им, изнеженную томность»[10].

Но на Италии дело не остановилось. Чернила еще не успели высохнуть на текстах конституций новых итальянских республик, как Директория приняла идею Талейрана и направила армию под командованием Бонапарта на завоевание Египта.

19 мая 1798 г. морская армада вышла из Тулона. В общей сложности с присоединившимися позднее конвоями она насчитывала 43 боевых корабля (из которых 13 линейных) и около 300 транспортных судов. На борту эскадры было 35 тыс. солдат и офицеров, 167 выдающихся ученых, художников, музыкантов. Ведь экспедиция в Египте, по мысли Бонапарта, должна была быть не только военной, но и научной.

9 июня французский флот подошел к острову Мальта. На рейде Ла Валетты можно было видеть целый лес мачт, простиравшихся на многие мили. Бонапарт потребовал капитуляции от рыцарей Мальтийского ордена, которым принадлежал остров. Руководство древнего ордена сдало город и крепость без малейшего сопротивления. То, о чем говорил молодой генерал еще в 1797 г., свершилось — французы овладели важнейшим опорным пунктом на Средиземноморье раньше, чем это успели сделать англичане.

1 июля на горизонте показались берега таинственного и манящего Египта. Несмотря на шторм и опасность появления английского флота, молодой главнокомандующий твердым

и решительным голосом приказал начать высадку. Начиналась удивительная, небывалая эпопея...

Череда этих событий не могла не вызвать вполне понятного беспокойства в Вене, тем более что многие австрийские политики рассматривали Кампо-Формийский мир лишь как перемирие и искали лишь возможности взять реванш за поражение. Однако любому здравомыслящему человеку было понятно, что тягаться в одиночку на континенте с таким сильным противником, как Французская республика, для Габсбургской монархии было крайне проблематично. Для этого нужна была помощь сильного государства, способного выставить против Франции крупную сухопутную армию. Если принять во внимание, что прусское правительство решило придерживаться нейтралитета и не желало более ввязываться в борьбу с республикой, понятно, что позиция России становилась в подобной ситуации определяющей.

Под влиянием произошедших на Европейском континенте перемен отношение императора Павла I к Франции стало меняться на глазах. Наряду с занятием французами Ионических островов Павла не на шутку обеспокоило появление в рядах французских войск польских легионов. Как известно, в январе 1797 г., когда Итальянский поход Бонапарта уже подходил к концу, по инициативе генерала Домбровского и при поддержке главнокомандующего Итальянской армией был создан так называемый Польско-италийский легион. Под его знамена со всех сторон стекались поляки, бежавшие за границу после гибели своего отечества. Они с энтузиазмом и отвагой готовы были драться против австрийцев, чтобы отомстить обидчику за унижение Польши, но ясно было, что бить габсбургских солдат в Италии — это далеко не главное и не единственное их желание. Боевой песнью польских частей была в будущем знаменитая «Мазурка Домбровского», ставшая впоследствии национальным гимном Польши:

Еще Польша не погибла, Коль живем мы сами.
Все, что взял у нас наш недруг, Мы вернем клинками!
Марш, марш, Домбровский,
За край наш Польский, Чтобы нас встречал он Под твоим началом!
Вислу перейдем и Варту,
Чтобы с Польшей слиться,
Научил нас Бонaпарте,
Как с врагами биться.

Эти слова не просто боевой гимн, а целая политическая программа. Здесь ясно говорилось о том, что легионеры верят в восстановление Польши. Если они и служат Франции и Бонапарту, то не как наемники, а как люди, желающие научиться сражаться в армии самого великого полководца современности. А главная цель — отбить силой оружия «все, что взял у нас наш недруг», т.е., как

вполне понятно, далеко не только австрийцы, а русские и пруссаки, забравшие значительно большую часть территории польского государства.

Учитывая ту раздражительность, которую и тогда, и после все властители Российской империи проявляли к польскому вопросу, легко понять, как возмущен и разгневан был Павел.

В определенной степени ответом на создание польских легионов было принятие Павлом на русскую службу эмигрантского корпуса принца Конде. Дело в том, что в рядах австрийских войск сражался против Франции довольно значительный по численности отряд французских эмигрантов. К марту 1797 г. в рядах корпуса было около 13 тыс. человек — отряды, непосредственно составленные из дворян-эмигрантов, и полки, укомплектованные из наемников под командованием французских дворян. Нужно сказать, что, хотя эмигранты сражались вместе с австрийцами, содержались эти отряды на английские деньги. После заключения Кампо-Формийского мира австрийцы, которые и до того не очень-то желали оплачивать значительное по численности иностранное войско, теперь вообще чурались его — оно могло только помешать торгу при заключении мира. Что же касается практичных британцев, они в новых условиях также не желали платить эмигрантам. Отныне континентальной войны, пусть и временно, не было. Следовательно, оплачивать 13-тысячный отряд не имело смысла — не мог же он один вести борьбу с республикой.

Перед офицерами-эмигрантами встали довольно мрачные перспективы, как вдруг помощь пришла издалека. Император Павел выказал готовность взять их на русскую службу и расквартировать на территории Российской империи. Правда, далеко не все солдаты и офицеры высказали энтузиазм по поводу столь дальней дороги. Многие покинули ряды корпуса. Что касается наемников, то их вообще не пожелали видеть в России (исключение было сделано только для одного, лучшего полка). Так что на русскую территорию пришли 1 января 1798 г. лишь 4320 человек. В этот холодный туманный день корпус пересек пограничную реку Буг и тотчас же, построившись прямо на берегу, принял присягу на верность российскому императору. Корпус должен был отныне снять белые роялистские кокарды и заменить их оранжево-черными кокардами русской армии. Униформа также была вскоре изменена — части Конде получили мундир русского образца. Наконец, знамена, выданные корпусу, отличались своеобразием — это были знамена русского образца с двуглавым орлом в центре, однако по краям полотнищ красовались королевские лилии Франции. Сам принц Конде был торжественно встречен в Петербурге. Ему были воздаus такие почести, которых он не удостаивался ни в одной столице коалиционных государств. Павел I специально купил для принца и подарил ему роскошный дворец в центре Петербурга. Это здание возвышалось там, где ныне стоит знаменитый Мариинский дворец. На фронтоне по приказу царя был помещен герб семьи Конде и золотыми буквами было написано: «Особняк Конде» (Hotel de Conde).

В жесте российского императора было больше сострадания к горестной участи эмигрантов, чем политического расчета. Павлу I, который, по крайней мере, как ему казалось, стремился поступать, руководствуясь принципами справедливости и чести, льстило то, что он может облагодетельствовать людей, которые сражались за идею и были выброшены как использованная салфетка, едва они перестали служить интересам расчетливых политиков.

Руководствуясь теми же принципами великодушия и справедливости, Павел I предоставил убежище и гонимому отовсюду герцогу Прованскому, брату казненного короля Людовика XVI, в будущем ставшему королем Франции под именем Людовик XVIII. Местом для проживания беглого монарха была назначена Митава, а на содержание его дворца и сотни телохранителей было выделено

Россией 200 тыс. рублей ежегодно. Интересно, что Павел обратился ко всем монархам Европы с предложением пожертвовать также что-нибудь на «собрата» в несчастье, однако за исключением испанского короля никто, кроме русского императора, не дал ни гроша.

Ясно, что все эти действия, какими бы возвышенными соображениями они ни диктовались, не могли не вызвать вполне прозаических политических последствий. Эмигранты, нашедшие при русском дворе радушный прием, не сидели без дела. Они возбуждали повсюду среди русской знати ненависть к революционной Франции. Императрица Мария Федоровна и возлюбленная императора — фрейлина Нелидова стали горячими сторонниками идеи легитимизма и борьбы с революционной «заразой». Воспользовавшись этими настроениями, развернули бурную деятельность и англичане, использовавшие свое влияние и золото для того, чтобы подогреть антифранцузские настроения в среде русской знати и при дворе.

Однако ничто так не подействовало на Павла, как история с Мальтийским орденом. Еще в эпоху своей юности Павел увлекся этим рыцарским орденом, прочитав книгу Верто «История рыцарей Госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского». Как известно, орден Госпитальеров (впоследствии Мальтийский) явился первым духовно-рыцарским орденом в истории. Еще в 1070 г., до Первого крестового похода, на Ближнем Востоке вокруг странноприимного дома (госпиталя) Святого Иоанна возник монашеский орден, призванный помогать паломникам. С началом крестоносного движения орден, заботящийся о странниках, взял на себя миссию и их охраны и постепенно из монашеского превратился в военно-монашеский. При Великом магистре Раймунде де Пюи (1120—1160) он окончательно оформился как духовно-рыцарский орден, видевший свою миссию прежде всего в войне с врага>ш христианства. В эти же годы (1118—1119) возник и другой знаменитый духовно-рыцарский орден Тамплиеров (Храмовников). Оба эти ордена получили в скором времени огромные дары от Папы, от монархов и знати Европы и стали могущественными военными организациями, ведущими непрерывную войну с мусульманским миром. Сотни замков Госпитальеров и Тамплиеров усеяли Палестину и Сирию. Один из самых грандиозных средневековых замков Крак де Шевалье был построен в Сирии и принадлежал Госпитальерам. Рыцарям Храма и Госпитальерам посвятил Бернар Клервосский восторженную речь в своем знаменитом произведении «Во славу нового рыцарства» (1125): «Живут они в согласии и в воздержании, без жен и детей и, чтобы не было ущерба евангельскому совершенству, без имущества в едином доме единого духа, стремясь к миру и согласию, так что кажется, что во всех бьется одно сердце и живет одна душа. Никогда не сидят они без дела и никогда не блуждают с любопытством вокруг. Когда они отдыхают от боев с неверными, что случается редко, то, чтобы не есть даром свой хлеб, они чинят свои поврежденные или износившиеся платье и оружие... как только начинается бой, они бесстрашно бросаются на противников, презирая их как овец; и не знают никакой боязни, как бы мало ни было их, уповая на помощь Бога...»[11]

После падения Сен Жан д'Акра — последнего оплота крестоносцев на Ближнем Востоке в 1291 г., оба ордена вынуждены были покинуть Святую землю. В то время как орден Тамплиеров был ликвидирован в 1314 г., орден Иоаннитов сумел выдержать все потрясения. Сначала его центр был перенесен на остров Кипр, затем на остров Родос. Здесь рыцари обосновались в 1309 г., и оставались более двухсот лет, так что их стали даже называть Родосские рыцари. Султан Сулейман Великолепный с огромной армией осадил остров в 1522 г. После героической 6-месячной обороны Госпитальеры вынуждены были оставить Родос и после долгих скитаний получили, наконец, от императора Карла V в 1530 г. остров Мальту и прилегающие к нему острова Гозо и Комино. Здесь Госпитальеры выстроили неприступную цитадель, стены которой высятся

и поныне. Отныне, что вполне естественно, их стали называть Мальтийскими рыцарями, хотя старые названия, разумеется, остались. Рыцари Святого Иоанна Иерусалимского прославили Мальту героической обороной против турецких полчищ в 1565 г., не менее храбро они сражались и в грандиозной битве при Лепанто в 1571 г., где христианский флот разгромил огромную турецкую армаду.

Мальтийские рыцари, таким образом, представляли из себя в конце XVIII века рыцарский орден, не только «древнейший», но и были, в определенной степени, единственным «настоящим», ведущим войну с неверными, орденом.

Увлекшись историей Мальтийского ордена, Павел увлекся идеями рыцарства вообще. Именно этими идеями будут объясняться многие поступки царя, и в частности на внешнеполитической арене.

Нужно сказать, что Мальтийские рыцари со своей стороны также «искали» Павла I. Дело в том, что в результате Второго раздела Польши на территории России оказались владения магната Острожского, которые он после своей смерти передал во владение ордена. Теперь юридический статус земель вызывал много вопросов. Граф Литта, посланник ордена, представивший свои верительные грамоты императрице, ничего толком не смог добиться от Екатерины. Однако с восшествием на престол Павла все мгновенно изменилось. Граф Литта не только был почти тотчас по восшествии на престол принят императором, но и был приятно удивлен на редкость благожелательным отношением к нему со стороны Павла. Император подписал соглашение с орденом, согласно которому Великое Польское приоратство было трансформировано в Великое Российское приоратство, причем субсидии, выделенные на его содержание, увеличивались в 2,5 раза.

В знак благодарности граф Литта от имени Великого магистра поднес императору прошение о принятии Ордена под его покровительство. 18 ноября 1797 г. Павел I торжественно принял титул Покровителя Мальтийского ордена. Так в России обосновался католический рыцарский орден и знаки крестоносцев появились на берегах Невы.

Разумеется, все это было возможно только при очень широком видении религиозного вопроса. Многие исследователи сходятся на мысли, что Павел I стремился объединить католическую и православную церковь, преодолеть тысячелетний раскол христианского мира. Сам же Мальтийский орден приобретал в этой связи огромное, вовсе не игрушечное, значение.

В своем письме Великому магистру от 18 января 1797 г. граф Литта писал о Павле: «Этот монарх полностью предан долгу трона, все без исключения его действия служат государству и народу... Мальтийский орден является для него образцом как по своим институтам, так и по своему поведению, для него *{Павла)* орден является предметом уважения и любви»[12].

Поэтому так серьезно было для Павла все, что связано с Орденом. Мальтийский орден — это мечта о возрожденной и облагороженной монархической идее. Это впервые совершенно ясно подчеркнул выдающийся историк Павловского царствования Н.Я. Эйдельман: «Идея рыцарства — в основном западного, средневекового (и оттого претензия не только на российское — на вселенское звучание «нового слова»), рыцарства с его исторической репутацией благородства, бескорыстного служения, храбрости... Рыцарство против якобинства (и против екатерининской лжи!), т.е. облагороженное неравенство, против «злого равенства»[13].

Так маленький скалистый остров в Средиземном море, на котором возвышалась могучая крепость Госпитальеров и развевался красный флаг с белым мальтийским крестом, стал для императора всея Руси куда большим, чем далекий заброшенный в море клочок земли — это была воплощенная рыцарская идея.

Нетрудно догадаться, чем в данных обстоятельствах обернулись для России события на далеком острове, когда генерал Бонапарт между делом, по пути в Египет захватил крепость Иоаннитов, а заодно и распустил орден! Впрочем, прежде чем говорить о событиях политических, завершим вопрос об ордене.

Новость пришла в Петербург в июле 1798 г. Уже в августе манифестом, подписанным в Гатчине, Павел дал торжественный обет свято сохранять учреждения Ордена и «его привилегии и всеми силами стараться поставить на ту высокую ступень, на которой он некогда находился». Как покровитель Ордена Павел I пригласил в Россию гонимых рыцарей. Они осудили поведение магистра Гомпе-ша, который сдал остров и крепость французам, и 9 ноября 1798 г. собравшиеся на капитул 249 рыцарей избрали 70-м по счету Великим магистром Ордена Госпитальеров российского императора Павла I.

Нечего и говорить, что Павел воспринял это избрание с восторгом. Отныне знаки Мальтийского ордена становятся чуть ли не высшей наградой империи, и даже на государственном гербе России, на груди двуглавого орла появился мальтийский крест.

Хотя в апреле 1799 г. Папа римский Пий VI отказался признать это избрание — ведь Павел был православным, никогда не состоял (как член) в Ордене и сверх того был женатым человеком, на внешнюю политику России это уже не могло серьезно повлиять. Ибо сразу по получении известий о захвате Мальты были приняты и другие решения, куда более сказавшиеся на судьбах Европы, чем страсти вокруг титула Великого магистра.

Павел немедленно направил эскадру адмирала Ушакова к Константинополю. Русскому флоту поручалось, находясь поблизости от Босфора, послать вперед одно небольшое судно с извещением о том, что русские готовы оказать турецкой империи помощь против французов везде, где это потребуется.

К этому времени султан уже знал о высадке Бонапарта в Египте. Неожиданное известие о русской помощи произвело немедленный эффект. Все колебания Селима III по поводу реакции на французское вторжение сразу исчезли. Немедленно был объявлен султанский рескрипт, которым правоверным объявляли о начале войны с Францией, а французский посланник, по старинному обычаю Османской империи, был отведен под стражей в тюрьму — Семибашенный замок.

Русский флот тотчас получил свободный проход через пролив, а в октябре была подписана конвенция, согласно которой турки обязались выделить крупную сумму на содержание эскадры. Наконец, 3 января 1799 г. (23 декабря 1798 г. по старому стилю) был подписан союзный договор между Россией и Турцией. Почти в это же время был подписан союзный договор с Неаполитанским королевством, которое, в свою очередь, подписало договор с англичанами. Наконец, 28 декабря 1798 г. был подписан русско-английский договор. Англичане должны были оказать финансовую помощь России для ведения войны. Со своей стороны, Российская империя должна была выставить войска для действий в Северной Италии и для вторжения в Голландию. Мальта, после взятия ее союзниками, должна была быть временно занята русско-англо-неаполитанским гарнизоном до того времени, пока рыцари ордена Святого Иоанна Иерусалимского не смогут вернуться на остров в достаточном количестве для его защиты.

Дольше всего колебалось австрийское правительство, тем более что австрийские уполномоченные в это время продолжали переговоры с французами и имперскими князьями в Раштадте по окончательному мирному урегулированию германских вопросов. Впрочем, сомнения австрийцев помогли рассеять сами французы. Получив известие о том, что против Франции уже сложилась новая коалиция, что русские войска движутся в Германию, что рано или поздно Австрия

вступит в эту коалицию, Директория дала приказ о наступлении. 1 марта 1799 г. так называемая Дунайская армия форсировала Рейн у Келя и четырьмя колоннами двинулась навстречу австрийцам. Война началась и вскоре снова запылала по всей Европе.

Интересно, что главным детонатором этого взрыва было решение русского императора. Без его решительных и недвусмысленных односторонних действий неизвестно, как повела бы себя Оттоманская империя, Неаполь и Австрия. Разумеется, что причин этого разворота русской политики было предостаточно: стремительное расширение французского влияния в Германии и Италии, перспектива появления французов на Балканах, опасения по поводу попыток восстановления Польши, активная деятельность английской дипломатии и французских эмигрантов при русском дворе и т.д., тем не менее трудно переоценить значение мальтийского эпизода в этом вопросе. Именно занятие Мальты окончательно утвердило Павла в его решении начать войну с республикой. Причем интересно, что императора беспокоил не столько захват французами стратегически выгодного пункта на Средиземноморье, сколько разгром древнейшего рыцарского ордена. Известный американский исследователь очень точно подметил этот факт: «Британцы недооценивали идеологический фактор и считали, что Павел принял титул *(Великого магистра),* чтобы утвердить русское военное присутствие на Средиземноморье, получив стратегически важную морскую базу... Бонапарт также недооценивал то, чем для Павла была Мальта. Но царь выступал прежде всего в защиту не острова, а ордена, который Бонапарт мало ценил»[14].

Одним из важнейших пунктов в договоре с англичанами было то, что державы коалиции обязались не удерживать за собой острова, которые будут отбиты у французов, а общая цель союза была определена следующим образом: «Действенными мерами положить предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие»'[5].

Обратим внимание, что здесь не говорится даже о реставрации монархии во Франции, хотя, конечно, такая реставрация рассматривается как положительная перспектива. Главная же цель союза — крестовый поход во имя справедливости, восстановление прежних границ и законных властей.

На этот раз соотношение сил на фронтах было явно не в пользу французов. Во Франции угас революционный энтузиазм. Бонапарт это точно подметил, вспомним его фразу: «Война, которая еще недавно была национальной и народной... стала войной безразличной народу, войной лишь правительств». Но французское правительство — Директория — было насквозь коррумпировано, могло дать пример не самопожертвования, а лишь стяжательства и грязных махинаций. Экономика страны, снабжение армии — все было в полном развале. Хаос царил внутри страны, бандиты хозяйничали на дорогах. Такое правительство «могло тиранить, но не могло править». Нетрудно догадаться, что армия в этих условиях не могла быть ни многочисленной, ни хорошо обеспеченной. Повальное дезертирство охватило ее ряды. Если же учесть, что одновременно войска несли потери, нетрудно догадаться, что численность резко сократилась.

Если в августе 1794 г. по рапорту военного министра Петие в строю было 732 474 человека, то к августу 1795 г. осталось 484 363 человека, а к концу 1796 г. — 396 016 человек. Реально к началу кампании 1799 г. французы могли выставить для войны с коалицией на всех европейских фронтах всего лишь около 200 тыс. солдат!*

* С вспомогательными контингентами голландцев, швейцарцев и итальянцев — около 230 тыс. человек.

Правда, здесь нужно сделать одно очень важное добавление. Если процесс развала и гниения охватил правящую верхушку, в армии наблюдались иные тенденции. В военной среде все больше зрело раздражение действиями властей и даже просто открытая вражда по отношению к правительству. В войсках, несмотря ни на что, продолжали жить остатки республиканских идеалов, но одновременно солдаты и офицеры слишком явственно видели пороки и ущербное бессилие Директории.

Мысль о том, что «отечество коррумпировано», что республика продается с молотка, стала распространяться в армии. На бивуаках говорили, что аристократы готовятся уничтожить завоевания Революции, что им помогает «аристократия богатства». Солдаты и офицеры, вернувшиеся из краткого отпуска, рассказывали, что в городах властвуют «мюскадены»*, что золотая молодежь избивает а убивает «патриотов» и особенно тех, кто носит военную форму.

Еще недавно рассматриваемые как «лучшие граждане», герои республики, солдаты и офицеры превратились в отверженных, презираемых нуворишами. «Едва вы покидаете военный лагерь, чтобы отдохнуть на квартирах, или, победив в одном месте, вы направляетесь в другой конец страны, как вместо уважения со стороны граждан вы испытываете только унижение и даже оскорбление, — писал лейтенант французской армии эпохи Директории. — Можно все вытерпеть, но не общественное презрение»[16].

Отныне все более и более солдаты и офицеры республиканской армии стали рассматривать гражданское общество как противостоящую им силу, а армию — как единственную хранительницу республиканских идеалов.

Отношение солдат и офицеров к властям в период Директории ярко проявилось во время событий в Риме сразу после занятия его французами в феврале 1798 г. . Младшие офицеры, поддержанные солдатами и рядом старших офицеров, организовали настоящий мятеж. Формальной его причиной была невыплата жалованья и ужасающее материальное положение войск, лишенных всякого правильного снабжения. Однако в петициях, адресованных командованию и одновременно распространяемых среди жителей, говорилось о возмущении простых солдат и офицеров действиями высших чиновников: «В то время как войска нуждаются во всем, расхитители на наших глазах громоздят награбленное, выставляя напоказ возмутительную роскошь; игорные дома и места разврата полны чиновниками военной администрации, скандальное расточительство которых и громкие оргии оскорбляют нужду солдат...»[17]

Одновременно армия отныне рассматривала себя как истинную носительницу чести и республиканских идеалов: «Армия в нашем лице требует, чтобы правосудие совершилось над грабителями, которые бесчестят имя француза; она желает, чтобы были возмещены все разорения, содеянные против правил человечности в домах и церквях, принадлежащих государствам, состоящим в мире с Республикой»[18].

Мятеж с трудом удалось загасить, причем только тогда, когда генерал Массена, считавшийся солдатами и офицерами одним из главных пособников коррумпированных чиновников, покинул армию, передав командование другому генералу.

Впрочем, наряд}' с недоверием и враждебностью к правительству, отсутствием морального подъема и веры в правоту своего дела, армия, с точки зрения чисто профессионально-технической, в общем, скорее, улучшилась. За годы непрерывной войны солдаты и офицеры получили огромный боевой опыт. Дезертировать же было так легко, что можно сказать, в рядах остались лишь те. кто хотел. В результате почти все источники сходятся на том, что французские войска этого

* Мюскадены — от слова мускус (muse), т.е. «надушенные», «расфранченные» — золотая молодежь той эпохи.

периода времени, несмотря на истрепанные, разношерстные мундиры, четко маневрировали на учебном плацу и под огнем, храбро сражались в бою.

В общем, несмотря на неспособность и коррумпированность французского правительства, коалиции навряд ли пришлось бы рассчитывать на легкую победу, если бы Бонапарт с 35 тыс. отборных солдат и целой плеядой блестящих генералов не оказался совершенно отрезанным от событий на Европейском театре военных действий. Отсутствие этих элитных сил давало союзникам дополнительное преимущество.

К весне 1799 г. они смогли двинуть против республики более 330 тыс. солдат. Разумеется, эти войска были разбросаны на широком фронте от Голландии до Северной Италии, однако на ряде участков численное превосходство было полуторакратное, даже двукратное.

Еще до начала боевых действий на континенте русский флот совместно с турецким произвел успешную военно-морскую операцию. 1 октября 1798 г. русская эскадра под командованием адмирала Ушакова* подошла к Ионическим островам. Русские десанты быстро овладели почти всеми островами. Исключение составил остров Корфу, где французы заперлись в мощной крепости, и небольшой остров Видо, также хорошо укрепленный республиканцами. 29 февраля 1799 г. в ходе ожесточенного штурма русско-турецкий десант захватил остров Видо, а французский гарнизон на Корфу был полностью блокирован, сама крепость осаждена с помощью десантов с кораблей и нескольких тысяч албанцев, которых турки прислали на помощь Ушакову. 2 марта 1799 г. после упорной обороны генерал Шабо, комендант крепости, капитулировал. В плен попали 2 930 французских солдат и офицеров. Выбив французов с Ионических островов, русский флот получил базу для дальнейших операций в Средиземном море.

В тот момент, когда решалась судьба Корфу, боевые действия начались и на континенте. Неаполитанский король, которому англичане и австрийцы дали добрый совет поскорее начать активные действия, решил разгромить Римскую республику. Неаполитанские войска под командованием австрийского генерала Макка, которому еще суждено будет не раз быть упомянутым на страницах этой книги, двинулись вперед. Малочисленные французские отряды оставили Рим 26 ноября, но уже буквально через несколько дней, усиленные подкреплением, пришедшим с севера, республиканцы перешли в стремительное контрнаступление. Войска Макка были вдребезги разгромлены, и уже через несколько дней французы оказались под стенами Неаполя. Король и королева бежали на Сицилию. Главнокомандующий французской армией генерал Шампинне вступил в Неаполь, и в скором времени королевство было также «революционизировано». В январе 1799 г. здесь была провозглашена так называемая Партенопейская республика.

Как уже отмечалось, армия Журдана форсировала Рейн 1 марта и двинулась в глубь Германии. Несколько дней спустя генерал Массена со своими войсками развернул наступление в Швейцарии. Массена на первых порах добился некоторых успехов и разбил ряд австрийских отрядов, однако 23 марта он был остановлен на сильной позиции у Фельдкирха и после неудачного боя вынужден отойти. Что же касается Журдана, то его наступление завершилось провалом. Эрцгерцог Карл собрал свои силы и 25 марта нанес французской армии поражение в битве при Штокахе. Через несколько дней французы вынуждены были отойти за Рейн.

* Русская эскадра: 6 линейных кораблей, 7 фрегатов, 3 легких судна, общая численность артиллерии 792 орудия, общая численность экипажей 7 406 человек.

Турецкая эскадра: 4 линейный корабля, 6 фрегатов, 18 легких судов, общая численность экипажей 6 000 человек.

В Северной Италии французы также первыми начали наступление, стремясь разгромить австрийцев до подхода русских войск. Со значительным опозданием по отношению к армиям, действовавшим в Швейцарии и Германии, генерал Ше-рер, командующий французскими войсками на севере Италии, перешел в наступление против австрийской армии генерала Края. Однако и здесь французское наступление захлебнулось. А через несколько дней, 5 апреля в сражении при Маньяно, австрийцы нанесли Шереру поражение, и он вынужден был отойти за реку Адду, уступив тем самым силам неприятеля значительную территорию. Таким образом, еще до прибытия русских войск на театр войны в Северной Италии и Швейцарии дела складывались для французов не самым лучшим образом. С подходом же русских частей и приездом на театр военных действий А.В. Суворова союзники получили решающий перевес в силах.

Впрочем, речь идет не только о численности. Отныне во главе союзных войск стоял человек, обладавший несгибаемой волей, огромной энергией и жаждой победить. На смену педантизму и осторожности пришел порыв и дерзость. «Надо атаковать!!! Холодное оружие — штыки, сабли!» — гласит первая же инструкция Суворова его новым австрийским подчиненным. «Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все, даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека. Казаки ловят бегущих и весь их багаж; без отдыху вперед, пользоваться победой! Пастуший час! Атаковать, смести все, что встретится, не дожидаясь остальных... Забавлять и веселить солдата всячески. Никаких сигналов, ни труб, ни барабанов. Говорить вполголоса! Не надо патрулей, берегись рекогносцировок, которые раскрывают намерения. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей... Колонны к атаке стремительно атакуют штыками вместе с кавалериею, если нужно, неприятельские аванпосты; головы не ожидают развертывания вправо или влево в линии или средние колонны; кавалерия нужна, чтобы рубить и гнать аванпосты и овладеть артиллериею; ...затем она, не увлекаясь далее, возвращается через интервалы на свое место: уже неприятель близок, линия формируется в мгновение ока, без педантизма, скорым шагом; если разорвана — не беда, стрелков не надо, вперед скорым шагом!»[19]

Суворов принял командование союзной армией 15 апреля 1799 г. в Валеджио и тотчас распорядился о начале наступления. Австрийцы и русские под его командованием форсированными маршами ринулись вперед. И 26—27 апреля в серии боев на реке Адда нанесли сокрушительное поражение войскам Шерера. 29 апреля Суворов вступил в Милан, а уже 25 мая его войска были в столице Пьемонта—Турине.

Французская армия под командованием генерала Макдональда, находящаяся на юге Италии, вынуждена была оставить все свои завоевания, спешно двигаться на помощь войскам на севере. Однако Суворов стремительно бросился на части Макдональда и в упорнейшей трехдневной битве на реке Треббии 17—19 июня нанес поражение французам, несмотря на все их мужество и на умелое командование молодых талантливых генералов. Генерал Моро, который после поражения Шерера принял командование французскими войсками в Северной Италии, не успел подойти на помощь своему товарищу по оружию. В конечном итоге остатки французских войск вынуждены были отступать в Геную.

На юге, с уходом армии Макдональда, союзники получили возможность без труда установить контроль над южной частью Апеннинского полуострова. Уже незадолго перед уходом основных сил французов южнее Неаполя стали действовать банды религиозных фанатиков, которые убивали всех тех, кто поддерживал республиканцев. Нужно сказать, что, несмотря на благие намерения,

методы действия этих повстанцев навряд ли могут вызвать большой восторг. Даже консервативный русский историк Милютин, автор замечательного труда по истории войны 1799 г., при всем своем сочувствии к делу контрреволюции вынужден был написать: «В числе предводителей инсургентов были и такие люди, которые именем своим позорили знамя королевское, люди, достойные быть только атаманами разбойничьих шаек. В Абруццах ратовал некто Пронио, расстриженный аббат, осужденный на галеры за смертоубийство; Гаэтано Мам-моне, приводивший в трепет самые окрестности Неаполя, прославился перед всеми прочими неслыханным зверством; современники утверждают, что он находил забаву в мучениях своих жертв и с наслаждением пил из черепа кровь человеческую. Сподвижником его был знаменитый разбойник Микеле Пецца (Michele Pezza), прозванный Фра Диаволо»[20].

С уходом войск Макдональда отдельные отряды контрреволюционеров соединились в целую армию, которую возглавил кардинал Фабрицио Руффо. Это войско в скором времени достигло численности почти 30 тыс. человек и двинулось на Неаполь. Вместе с отрядами Руффо в Неаполь шли и 600 русских моряков под командованием капитана Белле, высадившихся на сушу с кораблей эскадры Ушакова. Если русские моряки в военном отношении придавали сплоченность нестройным толпам Руффо, то контролировать действия своих союзников они никак не могли. 13 июня 1799 г., после того как отряд Белле овладел мостом у входа в Неаполь, в город ворвались обезумевшие от ярости полчища кардинала. С 13 по 15 июня в городе продолжались бои и дикая бойня республиканцев. Вот что об этом пишет уже упомянутый нами Милютин: «В продолжение нескольких дней Неаполь представлял страшную картину убийств, пожара и грабежа. Ополченцы кардинала, соединившись с буйным лаццарони, упивались кровью, придумывая казни самые мучительные: душили, жгли, терзали, не разбирая ни правых, ни виноватых. Не было пощады ни женщинам, ни детям, ни старикам. Несчастных раздевали донага, водили по улицам, провожая ругательствами и побоями, издеваясь над страданиями невинных жертв. Никому и нигде не было убежища от зверств кровожадной сволочи. Многие покушались бежать из города, переодетые в женские платья; но редким удавалось спастись. Другие прятались в подземные трубы; но изверги стерегли у выходов и тут беспощадно убивали»[21].

Остатки французских войск и несколько тысяч неаполитанских республиканцев заперлись в нескольких мощных фортах: Кастель-Нуово, Кастель-дель-Ово и Сант-Эльмо. Однако помощи было ждать неоткуда и после нескольких дней обороны, положившись на слово русского офицера, гарнизоны фортов капитулировали на условии эвакуации их в Геную, занятую еще республиканскими войсками. Однако в этот момент в Неаполь прибыла эскадра адмирала Нельсона и неаполитанская королевская чета. Растоптав условия капитуляции, англичане и роялисты повесили республиканцев на реях кораблей. Более того, не удовольствовавшись этими казнями, скоро суды, учрежденные в Неаполе, приговорили к смерти еще 40 тыс. человек!

Юг Италии, как и большая часть севера, был потерян для республиканцев. В скором времени отряды коалиции вступили также и в Рим. В руках французов оставался только клочок побережья в районе Генуи. Здесь собрались все остатки республиканских войск. Сюда Директория прислала нового командующего. Это был молодой, талантливый и отважный генерал Жубер. Он отличился в Итальянском походе Бонапарта и слыл одним из лучших его помощников. Перед отправлением в Италию он женился на молодой красавице и, выезжая в поход, пообещал своей жене вернуться с победой. Едва прибыв к армии, Жубер, горя

нетерпением превзойти подвиги Бонапарта, сконцентрировал войска и сразу двинул их в наступление. Жуберу удалось собрать примерно 35 тыс. солдат. Перед ним было 52 тыс. русских и австрийцев, но молодой полководец не раздумывал. И 15 августа 1799 г. у местечка Нови он принял неравный бой. Едва только загремели первые выстрелы, как он оказался в первых рядах, и пуля тирольского стрелка сразила его, попав в самое сердце. Командование принял Моро. Несмотря на гибель своего полководца и численное превосходство союзников, французы дрались с бешеной отвагой. Но с противоположной стороны было не меньше упорства и ярости. В конечном итоге численное превосходство сыграло свою роль. Французская армия была разгромлена и вынуждена откатиться в Генуэзскую ривьеру.

Таким образом, в то время как на Рейне эрцгерцог Карл, несмотря на серьезный численный перевес своих войск, не сумел воспользоваться плодами своих первых успехов, в Италии всего лишь за 5 месяцев были разгромлены все французские армии, и коалиция господствовала отныне на всем полуострове. Нужно сказать, что в успехах русско-австрийских войск под командованием Суворова немалую роль сыграл и политический фактор. Разделяя идеи императора Павла в этом вопросе. Суворов вел войну не во имя достижения материальных выгод, а прежде всего войну идеологическую. Главной задачей он видел восстановление попранных тронов и алтарей и борьбу с влиянием идей Великой французской революции. Это можно было сделать только при условии, что союзники будут вести войну бескорыстную, отличную от той кровавой бойни, которую устроили роялисты в Неаполе. Суворов стремился поддерживать в своих войсках строгую дисциплину и привлечь на свою сторону население итальянских государств не диким террором, а наоборот — демонстративным уважением к правам и обычаям местного населения. При въезде в Милан в воскресенье 29 апреля 1799 г., в день, который совпал с праздником Пасхи, русский полководец, подойдя к архиепископу, поцеловав руку священника, сказал: «Я прислан восстановить древний престол папский и привести народ в послушание монарху его. Помогите мне в святом деле».

«Вооружитесь, народы италийские! Стремитесь к соединению под знамена, несомые на брань за бога и веру, — писал Суворов в обращении к итальянскому народу. — Не обременили ли вас правители Франции безмерными налогами? Не довершают ли они вашего разорения жестокостию военных поборов? Все горести, все бедствия изливаются на вас под именем свободы и равенства, которые повергают семейства в плачевную бедность, похищают у них сынов... Смотрите на героев, от севера для спасения вашего пришедших. Все зримые вами храбрые воины стремятся освободить Италию... Возобновлены будут законы, вера и всеобщее спокойствие, коих вы тщетно желали в томлении под игом трехлетнего рабства. При власти грядущей и служители божьих алтарей примут на себя священный сан свой и обретут возвращенную им собственность»[22].

Как ни странно, именно этот подход к политическим вопросам Италии вызвал серьезные разногласия в лагере союзников. Общеизвестно, что всякая коалиционная армия трудно управляется. У каждой державы, составляющей коалицию, есть свои политические цели, свои интересы. Поэтому чуть ли не по каждому поводу возникают разногласия, которые приходится решать часто в ожесточенных спорах, а многие из разногласий вообще не находят решения. (Речь идет, конечно, о «настоящей» коалиции, а не о том случае, когда союзники являются таковыми только по названию. Например, малочисленные контингента итальянских республик, сражавшиеся на стороне французов, были всего лишь войсками вассалов. У них не было своих политических целей, а была лишь одна задача —

с большей или меньшей эффективностью служить интересам державы-покровительницы.) Если же учитывать несходство характера русского полководца и австрийских генералов, различия в организации боевой подготовки и привычках русской и австрийской армий, можно предположить, что трений и противоречий избежать было бы очень сложно. Так оно в действительности и произошло.

Как только русско-австрийские войска под командованием Суворова одержали важные победы и вытеснили французов почти со всей территории Италии, сразу встал вопрос о том, что делать дальше. Каким образом использовать военный успех в сфере политической. Для императора России и верно и точно исполняющего его волю полководца сомнений не было — война велась во имя восстановления попранных тронов и алтарей, следовательно, первое, что необходимо было сделать, это вернуть старые, свергнутые французами власти. Все это прежде всего касалось Пьемонта (Сардинского королевства), ведь именно сардинский король Карл Эммануил явился в наибольшей степени «жертвой» французских республиканцев. Он вынужден был отречься от престола и жил вдалеке от своих итальянских владений на острове Сардиния. В соответствии с данными ему инструкциями тотчас по занятии Пьемонта Суворов пригласил свергнутого короля вернуться в свои владения, распорядился о восстановлении прежнего порядка и королевской пьемонтской армии. Сам император Павел направил любезнейшее письмо Карлу Эммануилу. Но император и полководец неожиданно встретили резкую враждебность этим планам со стороны австрийцев.

Австрийцы, которые составляли 4/5 союзной армии, хозяйничали на территории Пьемонта как в завоеванном вражеском государстве. Австрийским командованием был назначен имперский комиссар граф Кончини, который стал распоряжаться всеми доходами страны. Пьемонт был буквально задавлен поборами, так что жители быстро утратили энтузиазм по поводу их «освобождения», причем все доходы направлялись только на одну цель — удовлетворять потребности австрийских войск. Даже пушки из пьемонтских арсеналов были направлены для вооружения австрийских крепостей. Но это еще не все и не самое главное. Австрийцы потребовали высылки с территории Пьемонта уполномоченного сардинским королем графа Сент-Андре, который пытался восстановить прежние власти. А что касается самого короля, то его просто-напросто не пустили в свои владения. Несмотря на многочисленные письма Суворова и лично императора Павла, австрийское правительство осталось непреклонным: Карлу Эммануилу нечего делать у себя дома! «Пусть король совсем забудет о Пьемонте, — провозгласил после ухода русских войск из Северной Италии начальник штаба австрийской армии генерал Цах, — страна эта завоевана австрийцами и, следовательно, главнокомандующий австрийский имеет один право распоряжаться в Пьемонте, точно так же, как он распоряжался бы, если б вступил с армией в Прованс или другую область Франции...»[23]

Таким образом, становилось вообще непонятным, зачем русским воевать в отдаленных землях. Война имела смысл для Павла и для России только в том случае, если это была война идеологическая, направленная на поддержку консервативных монархических принципов, главной целью которой было как раз не захват новых территорий, а восстановление прежних порядков. И уж тем более русский император не собирался тратить огромные средства и жизнь своих подданных для того, чтобы завоевывать земли для иностранных держав. В конечном итоге, не получая никакого ясного ответа на совершенно недвусмысленные требования, Павел I взорвался. Прежде всего он выразил свое возмущение графу Разумовскому, русскому послу в Вене, который настолько обавст-

риячился, что защищал какие угодно интересы: австрийские, английские, но только не русские. «Имея в виду поступки венского двора в последнее время, — писал император Павел I, — перемену тона его после побед, одержанных фельдмаршалом Суворовым, бесконечные интриги, препятствующие ходу военных действий, наконец явные стремления к завоеваниям и новым приобретениям, я удивляюсь ослеплению этой державы, которая была уже раз на краю гибели, по-видимому снова хочет ей подвергнуться... Зачем противиться устроению войск короля сардинского? Хочет ли Австрия одна бороться с врагом, который отнял у нее Милан и Нидерланды, который поколебал и разорил Италию и большую часть Германии, который подступил почти к самым воротам Вены? ...Я многое вижу и молчу. Я заключат союз с державами, которые призвали меня на помощь против нашего врага общего; руководимый честью, я поспешил на защиту человечества; я пожертвовал тысячами людей для общего блага; но, решившись низвергнуть настоящее правительство Франции, я никак не намерен терпеть, чтобы какое-либо другое стало на его место и в свою очередь сделалось ужасом для соседственных государей, присваивая себе владения их»[24].

Отношения между Суворовым и австрийскими полководцами стали столь напряженными, а присутствие русских войск в Северной Италии настолько мешало планам австрийцев, что последние были готовы на все, лишь бы убрать русских из Италии. Так возник план сосредоточения всех русских войск в Швейцарии с последующим наступлением с территории этой страны на Францию. В этот момент л в Швейцарии появился русский корпус под командованием Римского-Корсакова (около 27 000 человек), здесь же сражались формально приписанные к русской армии войска принца Конде. Вместе с русскими полками, сражавшимися в Ломбардии и Пьемонте, общее соединение позволило бы сконцентрировать на территории Швейцарии значительные силы, которые вполне могли бы действовать самостоятельно под командованием Суворова.

Разумеется, подобная переброска сил не приводила в восторг старого фельдмаршала, тем не менее воевать совместно с австрийцами он уже больше не мог. Именно поэтом}' император Павел I и Суворов согласились с довольно экстравагантным планом австрийского командования, согласно которому армия Суворова должна была пересечь Швейцарские Альпы, чтобы соединиться с Римским-Корсаковым в районе Цюриха. При этом находившиеся поблизости от Римского-Корсакова австрийские соединения перебрасывались севернее, чтобы действовать против французов на Рейне. Ясно, что, по мысли Суворова, переброска австрийцев на север могла произойти только с подходом к Римскому-Корсакову русской армии из Иташш. так как недалеко от Цюриха французы обладали немалыми силами. Здесь было более 30 тыс. республиканских солдат под командованием одного из способнейших французских генералов Массена. 21 сентября армия Суворова (21 тыс. человек) вступила в горы. Однако соединиться с Римским-Корсаковым ему не удалось. Австрийские войска под личным началом эрцгерцога Карла (36 тыс. человек), не дожидаясь подхода войск из Италии, ушли на средний Рейн, за ними последовали и другие австрийские части.

Римский-Корсаков, таким образом, остался один на один с предприимчивым французским полководцем. Более того, русский генерал не отличался большими стратегическими талантами и разбросал свои и без того слабые силы широким кордоном. 25 сентября 1799 г. Массена перешел в наступление, форсировал реку Лимат и в ожесточенном сражении 25—26 сентября нанес сокрушительное поражение войскам Римского-Корсакова (битва под Цюрихом). Одними только пленными русские потеряли 5 200 человек, было потеряно 26 пушек, 9 знамен и весь обоз. В плен попали также 3 генерала.

Суворов узнал о разгроме, когда до Цюриха оставалось уже всего 60 километров. В этой ситуации путь вперед был невозможен. 29 сентября Суворов созвал военный совет. «Корсаков, — начал свою речь полководец, — разбит и прогнан за Рейн! Готце пропал без вести, и корпус его рассеян! Елачич и Линкен ушли! Весь план наш расстроен. Теперь мы среди гор, окружены неприятелем, превосходным в силах. Что предпринять нам? Идти назад — постыдно; никогда еще не отступал я. Идти вперед к Швипу — невозможно: у Массена свыше 60 тысяч; у нас же нет и двадцати. К тому же мы без провианта, без патронов, без артиллерии... Помощи нам ждать не от кого... Мы на краю гибели... Теперь одна остается надежда... на храбрость и самоотвержение моих войск! Мы русские...»

То, что произошло дальше, описано с восторгом и пиететом в сотнях русских военно-исторических книгах. И действительно, есть чему восторгаться. Преследуемые со всех сторон, полки Суворова, ведя ожесточенные арьергардные бои, преодолели все невообразимые препятствия и соединились в начале октября с остатками Римского-Корсакова и австрийцами. Однако это было слабым утешением и ничего не меняло в стратегических результатах похода. Значительная часть Швейцарии была утрачена для союзников, корпус Римского-Корсакова разбит, а от армии Суворова оставалось лишь 15 тыс. изнуренных солдат.

Практически в это же время закончилось катастрофой еще одно предприятие союзников. В конце августа 1799 г. 33-тысячный русско-английский корпус под командованием герцога Йоркского высадился в Голландии. В составе корпуса было около 11 тыс. русских солдат под командованием генерала Германа. Союзники, надеялись на легкую победу, в частности рассчитывая на помощь со стороны голландцев, недовольных республикой. Однако все оказалось совсем не так. Без всякой помощи местного населения англо-русские войска были остановлены франко-батавской* армией генерала Брюна. Несмотря на то что силы Брюна были невелики (около 22 тыс.) ему удалось не только остановить наступление союзников, но и блокировать их. В пяти сражениях, которые произошли между войсками герцога Йоркского и республиканцами, русско-английская армия потеряла около 10 тыс. убитыми, ранеными и пленными, причем в сражении под Бергеном республиканцы не только добились успеха, но и взяли в плен самого f генерала Германа. 18 октября командующий союзными войсками вынужден был подписать конвенцию с французами, согласно которой английские и русские войска очищали территорию Батавской республики, причем англичане в качестве компенсации за свободный выход из страны обязались возвратить французам всех когда-либо взятых французских пленных. Интересно, что в то время как английские войска вернулись на родину, русских солдат в Англию не пустили. Британский флот отвез их на острова Джерси и Гернеси, где они среди зимы были брошены фактически без пропитания, без одежды и обуви на произвол судьбы.

Не слишком-то удачно складывались отношения между союзниками и на море. Адмирал Ушаков и Нельсон были явно не созданы для дружбы. Спесь и самоуверенность, с которой английский адмирал обращался с русским союзником, вызвали резкий ответ со стороны Ушакова. В своих письмах Нельсон говорил, что Ушаков «держит себя так высоко, что это невыносимо», и «под вежливой наружностью русского адмирала скрывается медведь». Нельсон был очень обеспокоен утверждением русского присутствия на Средиземноморье и всячески отклонял проекты совместных действий против французского гарнизона на Мальте. Этот остров был нужен ему как база английского флота, и он вовсе не собирался

* Батавская республика — название дочерней республики, образованной на территории Голландии.

после капитуляции французов (а она рано или поздно должна была произойти, так как французский отряд на Мальте под командованием генерала Вобуа был полностью блокирован английским флотом) отдавать остров каким-то там рыцарям.

Все это вместе не могло не взбесить Павла I, и дело здесь вовсе не в неуравновешенности российского императора. Сущность войны была полностью извращена. Оказалось, что русские солдаты и моряки жертвовали своими жизнями не для того, чтобы восстановить справедливость и монархический строй, а служили орудиями захватнической политики венского двора и алчности английских купцов.

Особенно Павел был поражен событиями в Швейцарии, которые привели русские войска к настоящей катастрофе. 22 октября (11 октября по старому стилю) царь отправил жесткое и недвусмысленное письмо австрийском}' императору Францу: «Вашему Величеству уже должны быть известны последствия преждевременного выступления из Швейцарии армии эрцгерцога Карла, которой, по всем соображениям, следовало там оставаться до соединения фельдмаршала князя Италийского *{Суворова)* с генерал-лейтенантом Корсаковым. Видя из сего, что мои войска покинуты на жертву неприятелю тем союзником, на которого я полагался более, чем на всех других, видя, что политика его совершенно противоположна моим видам, и что спасение Европы принесено в жертву желанию распространить Вашу монархию... я с тою же прямотою, с которою поспешил к Вам на помощь и содействовал успехам Ваших армий, *объявляю теперь, что отныне перестаю заботиться о Ваших выгодах и займусь собственными выгодами моими и других союзников.* Я прекращаю действовать заодно с Вашим Императорским Величеством...»[25]

Письмо русского монарха было вручено лично императору Францу новым послом в Вене графом Колычевым на специальной аудиенции 5 ноября 1799 г. и произвело эффект разорвавшейся бомбы. С трудом оправившись после шока, произведенного чтением послания, австрийский император и его первый министр барон Тугут попытались задобрить русского дипломата комплиментами. Император вообще заявил, что приложит все старания, чтобы найти виновников произошедших «недоразумений», а Тугут вдруг стал восхвалять доблесть русских войск, прося по возможности задержать их возвращение на родину. Одновременно австрийский монарх направил Суворову послание, в котором уговаривал знаменитого полководца отложить по крайней мере возвращение русских войск на родину. Еще более настоятельное письмо получил Суворов от эрцгерцога Карла. Эрцгерцог стремился сыграть на струнах честолюбия русского полководца, говоря, что французы будут теперь хвастаться повсюду, что победили русскую армию, со своей же стороны эрцгерцог клялся в верности и обещал всевозможную поддержку.

Но все было напрасно. Царь категорически запретил слушать какие-либо предложения со стороны австрийцев. 20 (9) ноября он написал Суворову: «Желаю, чтобы Вы продолжали не делать никакого внимания пропозициям *(предложениям)* со стороны Цесарцев для содействия наших войск с ихними и продолжали бы приближаться к пределам империи Нашей»[26].

Длинные колонны русских войск через Баварию, Богемию и Моравию потянулись назад на восток. Крестовый поход закончился, для России начиналось возвращение в мир геополитических реалий.

1 Суворов А.В. Письма. М., 1986, с. 311-312.

2 Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование Павла I в 1799 году. СПб., 1852-1853, т. 1, с. 18.

3 Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1982, с. 118.

4 Анненков И.В. История Лейб-гвардии Конного полка, 1731—1848. СПб., 1849, с. 118.

5 Милютин Д.А. Указ. соч., т. 1, с. 13.

[6] Цит. по: Милютин Д.А. Указ. соч., т. 1, с. 10.
[7] Napoleon Bonaparte. Correspondance generale. Paris, 2004, t. 1, p. 1118.
[8] Poniatowski M. Talleyrann et le Directoire, 1796-1800. Paris, 1982, p. 436-437.
[9] Napoleon Bonaparte. Op. cit., p. 1257.
[10] Correspondance de Napoleon I[er] publiee par l'ordre de l'Empereur Napoleon III. Paris, 1858-1870, t. 29, p. 284.
[11] Цит. по: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938, т. 3, с. 162.
[12] Цит. по: Norman E. Saul. Russia and the Mediterranean, 1797—1807. Chicago and London, 1970, p. 38.
[13] Эйдельман Н.Я. Указ. соч., с. 71.
[14] Norman E. Saul. Op. cit., p. 44—45.
[15] Цит. по: Милютин Д.А. Указ. соч., т. 1, с. 75.
[16] Цит. по: Bertaud J.B. La revolution armee. Les soldats-citoyens et la Revolution franchise. Paris, 1979, p. 291-292.
[17] Service Historique de la Defense (S.H.D.) 1B52.
[18] Ibid.
[19] Золотарев В.А. Генералиссимус А.В. Суворов: вершины славы. М., 1999, с. 64—65.
[20] Милютин Д.А. Указ. соч., т. 1, с. 470—471. ,
[21] Там же, с. 624.
[22] Золотарев В.А. Указ. соч., с. 100.
[23] Милютин Д.А. Указ. соч., т. 2, с. 340.
[24] Там же, с. 175.
[25] Там же, с. 345.
[26] Там же, с. 350.

ГЛАВА 3
БОНАПАРТ И ПАВЕЛ

История сохранит на своих скрижалях память о том, как правительство свободной страны оплакивало смерть монарха, облеченного абсолютной властью, но честного и справедливого.

Замечания о гибели Павла I. Париж, июль 1801 г.

В эти дни, когда российская политика совершала крутой разворот, на другом от Петербурга конце Европы произошли события, которым в не меньшей степени было суждено изменить судьбы мира. Узнав о глубочайшем кризисе, охватившем страну, о сплошных неудачах на фронтах, о том, что Франции угрожает вторжение иноземных войск, Бонапарт принял смелое решение. В ночь на 23 августа 1799 г. он с небольшим отрядом войск и несколькими преданными офицерами отплыл из Египта.

Два фрегата, на которых располагался маленький отряд, совершили поистине беспримерное плавание, чудом проскочив между вражеских эскадр. 9 октября Бонапарт ступил на землю Франции, а 16 октября он уже был в Париже. Хотя к этому времени ситуация на фронтах значительно улучшилась и непосредственная опасность, по крайней мере временно, миновала, прогнивший режим Директории уже окончательно обанкротился. Народ устал от анархии и нестабильности, царства спекулянтов и жуликов, разгула бандитизма и коррупции. Поэтому возвращение молодого полководца было воспринято однозначно: спаситель пришел. «Генерал, отправляйтесь же разбить врагов, — воскликнул один из ораторов, приветствовавший Бонапарта на пути следования через Прованс, — а потом мы сделаем Вас королем».

Лион был весь иллюминирован в честь приезда молодого героя, люди пели и танцевали на улицах под крики: «Да здравствует Бонапарт, который приехал, чтобы спасти Отечество!»

В Париж весть о том, что Бонапарт высадился на французском берегу, пришла вечером 13 октября, а на следующий день утром была объявлена в Законодательном корпусе. Вместо того чтобы осудить генерала, самовольно оставившего армию, депутаты повскакивали со своих мест и со слезами на глазах от восторга и энтузиазма запели «Марсельезу». Через несколько мгновений эту новость знал уже весь город. Генерал Тьебо рассказывает в своих мемуарах, как в этот день он был по делам в Пале-Рояле. «Я только что вошел в большой двор, как на другой стороне сада я увидел группу людей, которая быстро росла, а потом мужчины и женщины побежали куда-то со всех ног... Без сомнения, речь шла о какой-то очень важной новости: восстание, победа или поражение... какой-то мужчина, не остановившись, на бегу прокричал мне: «Генерал Бонапарт вернулся! Он высадился во Фрежюсе». Тогда в свою очередь меня охватил какой-то всеобщий порыв... Новость распространилась с быстротой электрической искры. На каждом углу можно было увидеть то, что я увидел в Пале-Рояле, сверх того, оркестры полков, расквартированных в Париже, пошли по улицам с музыкой, увлекая за собой потоки народа. Едва спустилась ночь, как импровизированная иллюминация зажглась во всех квартирах... на улицах, в театрах раздавались крики: «Да здравствует Республика! Да здравствует Бонапарт!»[1]

В общем, молодому генералу не пришлось ломать голову в размышлениях на тему «что делать?», если у него и были сомнения при отплытии из Египта, теперь от них не осталось и следа — власть сама шла к нему в руки.

Именно поэтому переворот 18—19 брюмера VIII года (9—10 ноября 1799 г.) прошел так, в общем, легко и бескровно. Бонапарт был провозглашен Первым консулом Французской республики и фактически главой всей исполнительной власти, два других консула, видные политические деятели Камба-серес и Лебрен, были не более чем статистами для создания некоего подобия коллегиального правления.

«Господа, теперь у страны есть настоящий хозяин!» — якобы провозгласил известный политик и участник событий 18—19 брюмера Сийес после встречи с Бонапартом наутро после переворота. Даже если эта фраза выдумана позднее, тем не менее она великолепно отражает то, что произошло в эти дни. Действительно, спустя немного времени страна просто неузнаваемо преобразится. Всего за несколько месяцев молодой консул очистит дороги Франции от бандитов, разгонит жуликов и спекулянтов, наладит нормальное функционирование административного аппарата. А самое главное, он вернет народу доверие к власти. Люди снова начнут платить налоги, опять нормально закрутятся все шестеренки государственной машины. На появление доверия к власти, предсказуемости, порядка и уверенности в завтрашнем дне экономика мгновенно ответит резким скачком. Отныне освобожденные от феодальных пут производство и торговля начнут развиваться с такой скоростью, что поразят даже тех, кто считался отчаянным оптимистом. Это в свою очередь придаст дополнительного доверия и пополнит казну новыми исправно выплачивающимися налогами. Бонапарт создаст твердую и надежную денежную систему, откроет государственный банк. Он вернет стране свободу вероисповедания, создаст новую современную систему высшего и среднего образования, введет в стране единую систему мер и весов, будет всюду покровительствовать науке, искусству и вообще всем людям, которые работают на пользу государства и общества.

Знаменитый член Государственного совета Луи Редерер напишет в это время под впечатлением от встречи с Бонапартом: «...черта, которую я хотел бы подметить у Первого консула, это его неподкупность. Я скажу больше, он принципиально недоступен подкупу... Как подкупить человека, у которого все физическое подчинено моральному, а мораль подчинена интересам общества? Как отвратить от пути добра человека, к которому можно подступиться, только разговаривая с ним об общественных интересах? Как отвлечь удовольствиями и утехами того, для кого главное удовольствие — это делать полезные вещи? Как вовлечь в порок человека, который позволяет приблизиться к себе лишь тем, кто известен своей мудростью, честностью и преданностью? Пусть негодяй и глупец не пытаются приблизиться к Бонапарту — они ничего от него не добьются... Мне кажется, что его избегают все те, у кого на совести не только недостойные дела, но даже недостойные мысли...»[2]

Конечно, эта фраза Редерера, написанная под впечатлением от встречи с героем, идеализирует образ Бонапарта, но она тем не менее великолепно отражает настроения первых лет Консульства. Наконец после переворотов, потрясений, нестабильности и анархии в стране утвердилась власть надежная, предсказуемая и честная; власть, отвечающая чаяниям подавляющего большинства французов.

Бонапарт стал первым лицом в государстве почти что день в день с фактическим выходом России из коалиции*, а известия о перевороте во Франции

16 октября Бонапарт вернулся в Париж и начал подготовку к перевороту, 22 октября Павел направил императору Францу послание о прекращении совместных действий против Франции, 10 ноября произошел переворот, 20 ноября Павел еще раз подтвердил свое решение о выходе из коалиции в письме к Суворову.

пришли в Санкт-Петербург вместе с новостями о последних событиях на фронтах пока еще неоконченной войны. Павел узнал о последствиях голландской кампании, о том ужасном положении, в котором оказались русские войска на островах Джерси и Гернеси, наконец, в последние дни 1799 г. царь получил донесение от адмирала Ушакова, в котором рассказывалось об инциденте, произошедшем под стенами Анконы. Эту крепость и довольно важный порт в средней Италии осаждали в сентябре—октябре 1799 г. австрийские войска генерала Фрелиха. Вместе с ними действовали русские части и турецкий отряд. Когда 14 ноября крепость сдалась и французы вышли из нее на правах свободного возвращения к своим, русские офицеры подняли в гавани захваченной крепости флаги союзников — австрийский, русский и турецкий. Однако австрийцы силой обезоружили часовых у флагов и сбросили русский и турецкий стяги, а русские полки не были допущены внутрь крепости, занятой тотчас по выходе французов австрийскими войсками. Если до этого у Павла еще оставались некоторые сомнения, то эти известия из Италии и Голландии окончательно убедили императора в том, что Роспш не по пути с коалицией.

Несколько событий, случившихся в это время, подтверждают, что на этот раз решение было принято основательно и надолго. 1(12) февраля 1800 г. Павел I формально потребовал от английского правительства отзыва британского посла Уитворта. Этот человек был известен своими интригами и бурной деятельностью в среде русской элиты с целью вынудить Россию и дальше воевать на стороне * коалиции. Император как в воду глядел, ибо Уитворту суждено будет сыграть роковую роль в его судьбе.

Несколько позже Петербург покинул генерал Дюмурье. Этот бывший республиканец, покинувший свою страну, стал фактически английским агентом и ярым сторонником короля-изгнанника Людовика XVIII. В течение двух месяцев генерал добивался аудиенции у Павла. В конечном итоге ему удалось встретиться с императором на параде, потом еще два раза он таким же образом беседовал с Павлом. Суть его предложений была такова: Россия должна не только продолжать свое участие в коалиции, но и выделить войска для совместной с англичанами высадки в Нормандии. Сам же Дюмурье брался если не возглавлять их, то, по крайней мере, сопровождать полки до Парижа, захватить власть и, сыграв роль Монка. передать ее «законному монарху» — Людовику XVIII. Какое-то время Павел колебался, думал, но к концу февраля у него созрело окончательное мнение — России все это не нужно, и генералу порекомендовали вернуться туда, откуда он прибыл.

Одновременно вести из Франции все больше и больше вызывали живейший интерес Павла I. В скором времени этот интерес приобрел черты неподдельного восторга преобразованиями и свершениями Бонапарта. Сведения об этом, вначале очень скупые, весной 1800 г. стали достигать Парижа. В Национальном архиве Франции хранится любопытнейший документ, датированный маем 1800 г. Это донесение начальника штаба Рейнской армии Дессоля об изменении настроений императора Павла, составленное на основании данных разведки. В донесении после перечисления причин, заставивших царя покинуть лагерь коалиции, говорится: «Конечно, Павел I никогда не будет разделять республиканские идеи, но он легко может быть увлечен великими людьми, которые отличились на военной стезе, у него, можно сказать, в этом существует потребность... как кажется, он все больше проникается уважением по отношению к Первому консулу, и, очевидно, он благожелательно воспримет предложение о сближении с его стороны»[3].

Автор донесения дает также и свои рекомендации о том, как требуется поступать в отношении Павла: «...нужно укрепить всеми способами Павла I в

его убеждении, согласно которому Австрия и Англия воспользовались его великодушием и доверчивостью, чтобы с помощью русских войск удовлетворить свои амбиции, показать, что обе эти державы сходятся в мысли любыми путями помешать проектам Санкт-Петербургского двора в отношении Средиземноморья и Адриатики, а также развитию русской торговли на Ближнем Востоке... Нужно возобновить переговоры о торговом соглашении между Францией и Россией, о котором уже идет речь в течение 60 лет, и все существующие представления на этот счет показывают взаимные выгоды с абсолютной очевидностью — достаточно их почитать, чтобы убедиться в этом...»[4]

Впрочем, «укреплять» Павла I в его раздражении по отношению к Австрии и Англии не было никакой необходимости. Другой французский агент докладывал из Санкт-Петербурга: «Павел I никогда не простит двуличности венскому кабинету... Его самолюбие настолько уязвлено тем, что он стал игрушкой австрийских интриг, что немыслимо, чтобы он забыл обо всех этих недостойных вещах»[5].

В апреле 1800 г. из Лондона был отозван русский посол граф Воронцов. Семен Романович Воронцов был не просто послом. Представитель влиятельного клана Воронцовых, он в 1784 г. был назначен послом в Великобританию и за 16 лет до того «вжился» в страну своего пребывания, что стал больше англичанином, чем русским. Благоговея перед английскими политическими учреждениями, он безраздельно поддерживал все действия правительства этой страны. Воронцов, как писал граф Чарторыйский, «поистине пустил корни в Англии, он так превозносил ее, как не мог бы это делать самый ярый «тори». Он настолько восхищался господином Питтом*, что не мог себе позволить не только критику, не только какое-либо замечание, но даже малейшее сомнение по поводу доктрин и действий этого министра. Для графа Воронцова подобное сомнение показалось бы неприемлемым нонсенсом, глупостью или моральным уродством... Эти чувства мешали ему смотреть беспристрастно на события и понимать интересы России...»[6] Отзыв Воронцова** был важным политическим знаком, тем более что одновременно русский посол был отозван и из Вены, а на его месте не оставили даже временного поверенного.

На смену курса коалиционной войны окончательно приходили новые политические ориентиры, пока еще довольно неясные.

В то время когда Россия искала новую внешнеполитическую систему, во Франции Первый консул должен был немедленно решить не только острые внутренние проблемы, с чем он блистательно справлялся, но и внешние. Самой главной из них была война с коалицией. Ведь, несмотря на то что Россия покинула де-факто ряды антифранцузского союза. Англия и Австрия не складывали оружия. Война продолжалась на суше и на море, Италия была потеряна, французские войска изгнаны с Ионических островов, блокированы в Египте, осаждены на Мальте, а границы Республики, несмотря на победы в Голландии и Швейцарии, оставались под угрозой. Франция устала от бесконечной войны, подавляющее большинство французов желали не только прекращения анархии и хаоса, но и мечтали о мире. Мира хотело и большинство европейцев — простых англичан, немцев, итальянцев, голландцев...

Бонапарт чувствовал это общее неодолимое желание и решил сделать шаг, пренебрегающий всеми формальными дипломатическими нормами. 26 декабря 1799 г., фактически едва только придя к власти, он напрямую обратился к английскому королю: «Война уже в течение восьми лет разоряет четыре части

* Уильям Питт — английский премьер-министр. Несмотря на официальное смещение с поста посланника, Воронцов, сославшись на болезнь, остался в Лондоне и не вернулся в Россию.

света. Неужели она должна быть вечной? Неужто нет никакого способа ее остановить? Как две нации, самые просвещенные в Европе, могущественные и сильные даже более того, чем нужно для их безопасности и независимости, могут жертвовать во имя пустого тщеславия благами торговли, внутреннего процветания и счастьем стольких семейств? Почему мы отказываемся признать, что мир — это первая необходимость для человечества и самая высокая слава...»[7] Одновременно подобное письмо Бонапарт направил и австрийскому императору. Оно завершалось словами: «Я далек от всякой жажды пустой славы, и моим главным желанием является остановить потоки крови, которые неизбежно прольются на войне»[7].

Ответом на эти послания было презрительное письмо английского министра иностранных дел лорда Гренвиля и концентрация австрийских войск в Италии. Война, увы, была неизбежной. Но, рассчитывая на слабость Франции, союзники забыли, что во главе ее отныне стоял полный энергии и отваги человек, вокруг которого сплотилась вся нация. Наконец, человек, профессией которого, делом которое он знал лучше, чем кто-либо, была война.

Пока австрийские генералы пытались выяснить обстановку и собирали свои войска, пока армия Меласа в Италии только начала свое движение вперед, Бонапарт уже четко наметил план действий и немедленно приступил к его исполнению. В Германии у австрийцев было 108 тыс. человек под командованием генерала Края, против них стояла 128-тысячная армия генерала Моро. Однако удар, который наносил Моро, был не главным. Бонапарт знал таланты этого человека, но также знал и его медлительность и осторожность. Сам же он не мог встать во главе Рейнской армии — этого не позволяла конституция. Рейнская армия славилась к тому же своей верностью республиканским идеалам и наличием в рядах ее командования настоящей клиентелы Моро. Эти люди не позволили бы Первому консулу взять в руки командование вопреки закону.

В Италии у французов оставалось всего лишь 35 тыс. человек, большая часть которых находилась в Генуэзской ривьере. Против них было 128 тыс. австрийцев генерала Меласа. Принять командование горстью войск, прижатых к морю, было физически сложно, да и бесполезно.

Бонапарт принимает смелое решение — собрать так называемую Резервную армию, во главе которой формально будет поставлен генерал Бертье. Верный штабной генерал, разумеется, не будет противиться реальному командованию Первого консула, который официально будет просто «сопровождать» войска. Массена в районе Генуи упорной обороной должен сковать главные силы австрийцев, тогда Резервная армия (60 тыс. человек) стремительно форсирует Альпы и нанесет удар по врагу с тыла. Такова была идея маневра, а его исполнение станет образцовым.

Пока Мелас сосредоточил все свое внимание на Генуе, Бонапарт привел в действие план кампании. 6 мая 1800 г. в 4 часа утра он покинул дворец Тюильри, ставший его резиденцией. На следующий день он был в Дижоне, где провел смотр одной из дивизий Резервной армии, 9 мая в Женеве, 13 мая в Лозанне.

16 мая авангард армии Бонапарта двинулся на перевал Сен-Бернар, а 20 мая в 17 часов сам главнокомандующий был на вершине перевала. В несколько дней французская армия преодолела все препятствия: горы, снега, разбила австрийские отряды на выходе из гор и 2 июня снова с триумфом вступила в Милан. Австрийцы так «умело» управляли в Ломбардии, что итальянцы, которые еще год назад приветствовали войска коалиции, теперь исступленно ликовали при виде молодого полководца и его солдат...

Мелас был в растерянности, он с трудом мог поверить, что армия Бонапарта не просто пришла в Италию — она была в тылу австрийцев! Несмотря на то что к

этому времени, после героической обороны, Генуя вынуждена была капитулировать на условиях свободного выхода французских войск, ситуация для австрийской армии стала катастрофической. Мелас собрал силы и пошел на прорыв. 14 июня 1800 г. у деревни Маренго (буквально в нескольких километрах от того места, где ровно год назад Суворов сражался с Макдональдом) произошла решающая битва.

Интересно, что так же, как Суворов под Треббией, Бонапарт допустил просчет. Слишком уверенный в своих силах, думая лишь о том, как не дать врагу уйти, и, не предполагая, что последний может предпринять решительную атаку, французский полководец распылил свои силы на театре военных действий. В результате в начале битвы при Маренго австрийцы имели решающее превосходство: 30 тыс. человек против 20 тыс. Бонапарта. Как следствие, поначалу Мелас не только отбросил французов, но более того, был уверен, что уже одержал победу. Однако примерно в 15.30 на поле боя показались части Дезэ, любимого друга Бонапарта, который всего лишь несколько дней тому назад вернулся из Египта и теперь горел нетерпением сразиться с врагом. Несмотря на то что он с 7 тыс. солдат был послан в противоположном от поля сражения направлении, едва услышав гром канонады, он остановил войска и, получив краткую записку от главнокомандующего, устремился в бой.

«Я прибыл, мы все в полном порядке и готовы умереть, если надо!» — воскликнул верный Дезэ, обращаясь к своему командующему и другу. Войска Дезэ с ходу ринулись в бой, и битва из неудачной превратилась в блистательную победу. Австрийцы обратились в бегство, полностью разгромленные и деморализованные. Увы, молодой герой, красавец Дезэ пал на поле сражения с сердцем, пробитым австрийским свинцом. Бонапарта впервые увидели со слезами на глазах. Ведь это был не просто отличный генерал — Дезэ был горячо любимым другом. «Я скоро буду в Париже, — написал Бонапарт письмо своим коллегам, второму и третьему консулу. — Ничего не могу сказать Вам более. Я испытываю самую острую боль от потери человека, которого я любил и ценил более кого-либо»[9].

Дезэ пал на поле битвы, но победа была полной. Генерал Мелас на следующий день подписал конвенцию, согласно которой австрийцы очищали без боя большую часть Северной Италии. Едва начавшись, война уже закончилась. 2 июля 1800 г., меньше чем через два месяца после своего отъезда, Первый консул поднялся в свой рабочий кабинет по ступеням дворца Тюильри. Таким образом, пока армии Моро и Края еще только собирались воевать, боевые действия уже завершились. Было подписано перемирие, которое, как предполагал Первый консул, должно было увенчаться переговорами и заключением всеобщего мира.

Современники были потрясены невиданными успехами молодого героя. Немецкий военный теоретик того времени фон Бюлов написал, что эти события представляют собой «череду чудес, которые являют собой результат действия неведомых, я бы сказал сверхъестественных, сил».

При дворе императора Павла известия о победе Бонапарта вызвали реакцию, которую трудно было бы вообразить еще за полгода до этого: «Новость о победе при Маренго произвела в Петербурге удивительный эффект, — доносил источник министерства иностранных дел Франции, — Павел I не мог сдержать своей радости, не прекращая повторять: «Ну что, видите, какую трепку задали австрийцам с тех пор, как из Италии ушли русские». Бонапарт стал отныне его героем, и, следовательно, как вы можете догадаться, героем для всего двора — какая необычная перемена!»[10]

Подобные настроения открывали дорогу к возможному сближению России и Франции. Нужно сказать, что первые шаги, осторожный дипломатический зондаж в этом направлении был предпринят еще в самые первые месяцы Консульства. В

Сражение при Маренго.
Гравюра по рисунку Карла Берне из книги «Военные походы Наполеона Великого»,
подаренной Наполеоном Александру I при заключении Тильзитского мира.

январе 1800 г., встречаясь с Сандосом-Ролленом, посланцем Пруссии в Париже, Талейран заметил: «Нет ли способа договориться с Россией, объяснив ей, что она не получает никаких выгод, разжигая войну против Франции? Ослабляя Францию, она усиливает свою соперницу Австрию. Быть может, прусский король возьмет на себя миссию узнать мнение России на этот счет и станет посредником в нашем сближении с этой державой? Чем больше я размышляю над этим, тем более вижу выгоду для этого монарха сыграть роль в подобных переговорах»[11].

С этого времени завязались первые осторожные русско-французские контакты в Берлине, а затем и в Копенгагене. Но эти переговоры шли через посредников и продвигались черепашьим шагом. Маренго, еще больше укрепившее власть Первого консула, поднявшее его политический престиж в Европе, открыло новые перспективы. Теперь Бонапарт решил, что он может сделать первый шаг навстречу недавнему противнику Франции.

18 июля 1800 г. министр иностранных дел Франции Талейран по поручению Первого консула направил вице-канцлеру Российской империи графу Никите Петровичу Панину письмо следующего содержания: «Граф, Первый консул Французской республики знал все обстоятельства похода, который предшествовал его возвращению в Европу. Он знает, что англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск; и так как он почитает мужество, так как он больше всего стремится выразить свое уважение к храбрым войскам, он поспешил распорядиться, чтобы комиссарам, которым поручен был Англией и Австрией обмен пленных, предложено было включить в этот обмен и русских, находившихся во Франции...

Но это предложение, столь естественное и повторенное несколько раз, осталось без успеха. Сами англичане, которые не могут не сознаться, что они обязаны русским и своими первыми успехами в Батавии, и плодами, которые они пожали безраздельно, и своим безопасным отступлением (потому что без русских ни одному англичанину не удалось бы сесть на корабль), англичане, говорю я, имеющие в эту минуту у себя двадцать тысяч пленных французов, не согласились на обмен русских.

Пораженный этою несправедливостью и не желая далее удерживать таких храбрых воинов, которых покидают коварные союзники, сперва выдав их, Первый консул приказал, чтобы все русские, находящиеся в плену во Франции, числом около 6 тысяч, возвратились в Россию без обмена и со всеми военными почестями. Ради этого случая они будут обмундированы заново, получат новое оружие и свои знамена»[12].

За этим письмом последовало следующее, также подписанное Талейраном, где подчеркивалась решимость французов защищать остров Мальту от англичан, желающих прибрать его к рукам. Наконец, Бонапарт послал в подарок императору Павлу I меч, дарованный папой Львом X одному из магистров Мальтийского ордена.

Рыцарский жест и каждая строка в письмах Первого консула были «тонко рассчитаны, — справедливо отмечает известный советский историк А. Манфред, — и неназойливое напоминание о том, что Бонапарт не участвовал в минувшей войне, и стрела, как бы ненароком направленная в Англию и Австрию, и дань уважения, принесенная русским храбрым войскам»[13]. Наконец, и сам адресат был выбран умело — хорошо знали, что Панин был горячим англофилом и сторонником коалиции. Разумеется, что, несмотря на формального адресата, письма в конечном итоге оказались на столе императора. Зная характер Павла I, нетрудно догадаться, какое впечатление произвели на него эти смелые, простые и благородные слова и поступки.

В августе 1800 г. источник из Петербурга сообщал: «Великодушное отношение французского правительства к русским военнопленным произвело самое благоприятное впечатление в Петербурге и вообще в России...

Русский художник написал картину, изображающую момент, когда Бонапарт устремился на мост у Лоди, чтобы во главе гренадер взять штурмом вражеские батареи*. Императрица купила картину за 600 рублей.

Официальные рапорты французского правительства, опубликованные в газете «Moniteur», теперь по приказу императора печатаются в Придворной газете, так что мы не хуже информированы о наступлении французской армии, чем в Париже.

Как кажется, французское правительство позволило вернуться во Францию многим эмигрантам. Павел I, которому сообщили об этом великодушии Первого консула, пораздумав немного, сказал: «Я, разумеется, не хочу, чтобы Первый консул изменил свое мнение по этому вопросу, однако боюсь, что у него с этими людьми выйдет, что и у меня. Они отплатят ему самой черной неблагодарностью**. Я очень желаю, чтобы ему не пришлось раскаиваться. Эмигранты опасны везде, где бы они ни находились, а во Франции в особенности».

Известно, что французское правительство ведет переговоры с нашим двором в Берлине. Господин Крюденер*** часто видится с генералом Бернонвилем...

Англия выделила значительные суммы, чтобы склонить наш двор остаться в коалиции. Но горе тому, кто осмелится предложить это...»[14]

Разумеется, положительная, можно сказать восторженная, реакция Павла была бы невозможна, если бы речь шла исключительно об изысканных жестах со стороны Бонапарта. Результат был столь значительным, потому что демонстрации внимания легли на прочную базу сознания близости интересов России и Франции. Неудача «крестового похода» заставила русского императора сменить стержень своей внешней политики: от идеологических соображений перейти на более твердую почву геополитики. С другой стороны, необходимость любой ценой остановить революционную войну настоятельно требовала от правящих кругов Франции найти союзника. Только с помощью прочного союза можно было раз и навсегда примирить новую Францию с Европой.

И Бонапарт, и Павел в начале 1800 г. получили от своих ближайших помощников ряд недвусмысленных соображений на этот счет. Даже министр иностранных дел Талейран, который видел в перспективе для Франции возможность и необходимость сближения с Австрией, написал в знаменитой брошюре «Состояние Франции в конце VIII года»*"*: «Франция, возможно, единственное государство, у которого нет оснований опасаться России. У Франции нет никакой

Как известно, Бонапарт устремился на штурм Аркольского моста, под Лоди он лишь отдал приказ к атаке, которую непосредственно возглавил Бертье. Ошибся либо художник, либо автор записки.

По окончании боевых действий в начале 1800 г. корпус Конде получил приказ следовать в Россию. Однако многие «кондейцы» не пожелали возвращаться к месту расквартирования, а сам герцог Энгиенский написал отцу: «Что касается меня, то, если мне велят возвратиться в Россию, я буду в отчаянии. Умереть для гражданской и военной жизни, умереть для всей остальной Европы — вот участь возвратившихся в Россию накануне всеобщего мира». Узнав об этих настроениях, оскорбленный в своих чувствах царь повелел исключить корпус с русской службы. Эмигрантов взяло на содержание английское правительство.

Барон Крюденер — русский посол в Берлине.

" Конец VIII года Республики — начало 1800 г.

Брошюра была написана Талейраном, но непосредственная обработка текста принадлежит д'Отриву.

-

заинтересованности желать ослабления этой страны, никакой причины, чтобы не давать развития ее благосостоянию. Конечно, хотелось бы, чтобы Россия ограничила чрезмерный рост своего влияния и не повторяла более опыт активного участия в войне, которая со всех точек зрения не могла быть ей полезна. Но даже это пожелание совпадает с интересами могущества и процветания Российской империи... Улучшить отношения между Францией и Россией, сделать так, чтобы исчезли даже причины, даже случаи споров, очень просто, и Франция не должна быть ни придирчивой, ни требовательной, все, что она желает, равным образом будет полезно как России, так и ей... Русская империя может получить великолепный союз... она более не будет взирать на Францию с враждебностью и получит возможность поддерживать равновесие на севере Европы, в то время как Франция будет поддерживать это равновесие на юге. Согласие этих государств обеспечит стабильность всего мира»[15]. Из пространной аргументации Талейран сделал вывод о приоритетах французской внешней политики. Они должны были быть следующими: «Война до победы и блокада Великобритании до тех пор, пока последняя будет безраздельно господствовать на морях. Война с Австрией, чтобы заключить с ней мир, а потом и союз. Договор с Россией, которая должна стать главным и естественным союзником Франции»[16].

С другой стороны, подобную же записку (всего лишь через несколько месяцев после того как Талейран составил свою) подал императору Павлу I министр иностранных дел России граф Ростопчин. Эта записка была внимательно изучена императором и конфирмована им 2(14) октября 1800 г. Прежде всего Ростопчин считал, что Бонапарт желает мира с Россией и другими континентальными державами уже хотя бы потому, что вынужден вести борьбу с Англией: «Нынешний повелитель сей державы *{Франции)* слишком самолюбив, счастлив в своих предприятиях и неограничен в славе, дабы не желать мира. Им он утвердит себя в начальстве, приобретет признательность утомленного Французского народа и всей Европы и употребит покой внутренний на приготовления военные против Англии, которая своею завистью, пронырством и богатством была, есть и пребудет не соперница, но злодей Франции...»[17] Русский министр иностранных дел уверен, что Бонапарт ищет сближения с Россией: «Истина сего доказывается всем его поведением: ...сколько покушений со стороны его было... дабы вступить в переговоры и ...переменить неприязненное положение России с Францией на дружелюбное, для чего Бонапарт отменно против прочих содержал Российских военнопленных и предлагал Мальту возвратить Вашему Императорскому Величеству, яко великому магистру ордена...»[18] Наконец, Ростопчин крайне негативно оценивал цели британской политики: «Англия, среди повсеместных своих морских успехов, возбудя зависть всех кабинетов своею алчностью и дерзким поведением на морях, коих она исключительно хочет присвоить себе владычество, не могла сохранить ни одной изо всех политических связей своих... Она в таком теперь положении есть или скоро будет, что кроме Турецких и Португальских портов, ни в какие другие в Европе входить не может, и по сим важным причинам она посягнет на мир... Но в каком бы она положении ни была, всегдашняя цель Английского министерства, так как душевное желание всякого Англичанина, будет падение Франции... Так она... вооружила попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции (Замечание императора Павла: «И нас грешных!») и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели...»[19]

Выводом Ростопчина является необходимость сближения с Францией и тесное взаимодействие с ней на международной арене. Русский министр считал, что одной из выгод подобного сближения может явиться перспектива раздела

турецких владений. Османскую империю Ростопчин рассматривал как «безнадежного больного».

Император Павел I согласился с выводами своего министра и написал: «Опробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению оного. Дай Бог, чтоб по сему было»[20].

Первым практическим шагом на пути этого сближения была посылка в Париж уполномоченного, формальной целью которого было обсуждение вопросов, связанных с возвращением русских пленных на родит'. На самом деле посланец царя генерал Спренгпортен должен был подготовить почву для политического сближения России и Франции. Среди документов, которые Спренгпортен повез с собой в Париж, самым важным была нота Ростопчина от 26 сентября (8 октября) 1800 г. Интересно, что эта нота противоречит по своему духу записке, которую подал сам же Ростопчин императору. В ноте в резкой и безапелляционной форме ставится пять условий, только при выполнении которых Россия готова была искать общий язык с Францией. Вот эти пять условий:

1. Возвращение острова Мальта со всеми его владениями ордену.
2. Возвращение Сардинскому королю всех его владений.
3. Неприкосновенность земель Неаполитанского королевства.
4. Неприкосновенность владений курфюрста Баварского.
5. Неприкосновенность владений герцога Вюртембергского[21].

Можно было не сомневаться, что пункт второй станет камнем преткновения в дальнейших переговорах. После победы при Маренго французы снова заняли Пьемонт. Нужно отметить, что во время годового австрийского владычества на территории этой страны король так и не смог вернуться в свои владения, жестоко эксплуатировались ресурсы Пьемонта, был установлен режим террора, население королевства разочаровалось и в союзниках, и в своем собственном монархе. Трудно было представить, что французы не используют это обстоятельство для того, чтобы так или иначе включить Пьемонт в орбиту своего влияния. Что же касается возвращения короля, то этот пункт, после того как коалиция сама грубо его нарушила, выглядел, по крайней мере, очень странно. Но зачем же ставилось это заведомо невыполнимое условие? Можно предположить, что его включили в определенной степени по инерции и, судя по дальнейшим действиям, император Павел I не абсолютизировал эти требования, для него главным стала идея сближения с Францией.

Что касается Первого консула, то он был просто в восторге от наметившегося процесса. Узнав о посылке генерала Спренгпортена во Францию, он сделал распоряжение о том, чтобы его встретили повсюду с максимальным почетом. В первом крупном городе Французской республики, через который пролегал путь русского генерала, его ожидал торжественный прием. Этим городом был Брюссель (не следует забывать, что бывшие Австрийские Нидерланды в ходе войн революции попали в руки французов). Спренгпортена встречал гарнизон, выстроившийся в парадной форме, в честь него грохотали пушки, а дивизионный генерал Кларк со своим адъютантом прискакал галопом из Парижа для того, чтобы засвидетельствовать почтение русскому посланнику. Спренгпортен был просто изумлен неожиданными, чуть ли не царскими почестями.

Разумеется, генерал Кларк должен был написать подробный рапорт министерству иностранных дел о встрече с русским генералом. Этот рапорт чрезвычайно благожелателен по отношению к посланнику императора. Со своей стороны, Спренгпортен, согласно донесению Кларка, также был настроен оптимистически и верил, что дружба и даже союз между Францией и Россией стоят на повестке дня. «Франция — великая держава, — сказал русский генерал в беседе с Клар-

ком, — и Россия тоже великая держава. Обе они так расположены, что решительно не могут вредить друг другу. Их преимущество состоит в том, что они разделены третьей державой, которая бессильна без поддержки той или другой из них; и как Франции, так и России нет никакой выгоды нападать друг на друга или допускать, чтобы эта третья держава обижала ту или другую, или предприняла что-нибудь противное системе двух других. Ее держат в существующих пределах, и это положение представляет некоторые выгоды для спокойствия Европы»[22]. Интересные сведения сообщает о встрече со Спренгпортеном адъютант Кларка капитан Жиро: «Это наш консул, — сказал посланник о Павле I французскому офицеру, стараясь, видимо для большей наглядности, говорить в модных республиканских терминах, — монарх, характер которого отличается верностью и честностью... Самая строгая справедливость, самое благородное великодушие отличают поведение Павла I. Однако он не свободен от предубеждений, происходящих порой от клеветников. Если у вас есть враг, который умело вам вредит, вы можете в мгновение потерять ваше звание и вашу должность...»[23]

В разговоре с адъютантом Кларка русский генерал еще раз подтвердил свою уверенность в перспективах русско-французского сближения: «Павел I вступил в коалицию, не имея никаких мыслей о территориальных приобретениях за счет Франции. Увидев, что лондонский и венский кабинеты вместо того, чтобы способствовать общей цели, стараются лишь всеми силами захватить новые территории, увидев также, что правительство во Франции изменилось и на смену анархии пришло консульство, он принял решение отвести свои войска. Я надеюсь, что отныне французы и русские будут хорошими друзьями. Это твердое намерение Его Величества Императора»[24].

Нетрудно догадаться, что с такими настроениями Спренгпортен был встречен в Париже с распростертыми объятиями. В своем докладе императору генерал в восторге писал: «Начиная с Брюсселя, мы ничего не платим; ни мне, ни моей свите не дают заплатить ни обола... Здесь везде, где мы ни появимся, публика встречает нас даже с рукоплесканиями... Расположение и минута самые благоприятные, притязания самые умеренные, и дело достойно вас и ваших благородных чувств»[25]. Посланец царя приехал в столицу Франции 20 декабря 1800 г. и буквально тотчас же был принят министром иностранных дел и в тот же день самим Бонапартом. Собственно говоря, официальная цель визита — выдача русских пленных — была, можно сказать, забыта. И не потому, что возникли какие-то осложнения, а наоборот, потому, что французское правительство настолько шло навстречу в этом вопросе, что само подумало обо всем и было готово сделать все, лишь бы русские остались довольны. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге хранятся документы, посвященные официальной части миссии Спренгпортена. Это редкий пример соглашения между двумя договаривающимися сторонами, где одна из них (французская) берет на себя все обязательства, а другая лишь великодушно на них соглашается[26].

Основной темой бесед стали переговоры о сближении двух стран. В разговоре с Талейраном русский генерал заявил, что под руководством царя в скором времени будет создана Лига северных стран (см. ниже), целью которой будет борьба против владычества Англии на морях. Что касается Бонапарта, он выразил желание, чтобы во Францию быстрее прибыл посол, который был бы уполномочен подписать полноценный договор. Пока же, несмотря на резкость ноты Ростопчина, Первый консул согласился принципиально с ее положениями. «Ваш монарх и я, мы призваны изменить облик мира!» — воскликнул он, обращаясь к генералу.

На следующий день после встречи со Спренгпортеном Бонапарт написал Павлу восторженное письмо:

Париж, 30 фримера IX года (9 (21) декабря 1800 г. J

Вчера я встретил с огромным удовольствием генерала Спренгпортена. Я поручил ему передать Вашему Императорскому Величеству, что как по политическим соображениям, так и из уважения к Вам я желаю, чтобы две великие нации соединились как можно скорее в прочном союзе.

Напрасно в течение двенадцати месяцев я пытался дать мир и спокойствие Европе, но я не смог это сделать. Еще идет война без всякой необходимости и, как мне кажется, только из-за подстрекательства английского правительства.

Через двадцать четыре часа после того, как Ваше Императорское Величество наделит какое-либо лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особыми и неограниченными полномочиями, — на суше и на море воцарится спокойствие. Потому что когда Англия, Германский император и другие державы убедятся, что воля и сила наших двух великих наций направлены к одной цели, оружие выпадет у них из рук, и современное поколение будет благословлять Ваше Императорское Величество за то, что Вы освободили его от ужасов войны и раздоров...

Это твердое, откровенное и честное поведение может не понравиться некоторым кабинетам, но оно вызовет одобрение всех народов и потомства.

Я прошу Ваше Императорское Величество верить чувству особого уважения, которое я к Вам питаю; чувства, выраженные в этом письме, служат тому самым высшим доказательством, какое я могу Вам представить. Бонапарт[21]*.*

Еще это послание не дошло до Петербурга, как Павел I, словно чувствуя за тысячи километров настроение Бонапарта, даже не дожидаясь вестей из Парижа, написал письмо, которое поражает своей ясностью, благородством и идеями, которые опередили свой век. Это послание столь интересно, что его нельзя не привести полностью:

Петербург, 18(30) декабря 1800 г.

Господин Первый Консул.

Долг тех, которым Бог вручил власть над народами, думать и заботиться об их благе. Поэтому я хотел бы предложить Вам обсудить способы, с помощью которых мы могли бы прекратить те несчастья, которые уже в течение одиннадцати лет разоряют всю Европу. Я не говорю и не хочу дискутировать ни о правах человека, ни о принципах, которыми руководствуются правительства различных стран. Постараемся вернуть миру спокойствие, в котором он так нуждается и которое, как кажется, является основным законом, диктуемым нам Всевышним. Я готов слушать Вас и беседовать с Вами. Я тем более считаю себя вправе предложить это, так как я был далек от борьбы и если я участвовал в ней, то только как верный союзник тех, кто, увы, не выполнил своих обязательств. Вы знаете уже и узнаете еще, что я предлагаю, и что я желаю. Но это еще не все. Я предлагаю Вам восстановить вместе со мной всеобщий мир, который, если мы того пожелаем, никто не сможет нарушить. Я думаю, что достаточно сказано, чтобы Вы могли оценить мой образ мысли и мои чувства.

Да хранит Вас Господь. Павел[28]*.*

Интересно, что Бонапарт также еще не получив ответ Павла, твердо объявил на заседании Государственного совета 2 января 1801 г.: «У Франции может быть

только один союзник — это Россия». Складывается ощущение, что обе стороны охватило какое-то радостное возбуждение, словно этого давно ждали и вот оно, наконец, случилось. Два могущественных народа, несмотря на различия в государственном устройстве и идеологии их стран, подали друг другу руки для того, чтобы установить в мире стабильность и спокойствие.

В это время Павел принимает одно решение за другим, целью которых является установление дружбы и контакта с Францией. По его приказу Людовик XVIII и его маленький двор должны были покинуть Россию. Со службы были уволены многие французские эмигранты. В своем кабинете царь распорядился поставить бюст Бонапарта и публично пил за его здоровье.

В тот момент, когда отношения между Францией и Россией, словно по мановению волшебной палочки, из вражды превращались в самую тесную дружбу, со стороны Англии Павел получил удар — настоящую пощечину. В сентябре 1800 г. после долгой и упорной обороны французский гарнизон на острове Мальта капитулировал. Как уже можно было догадаться из происходившего ранее, англичане не вспомнили о принципах легитимизма, о защите прав и свобод человека, о которых они так пеклись, когда это могло дать повод вести войну, прибыльную для лондонских банкиров. Над островом был поднят британский флаг, и Мальта почти на два века станет одной из главнейших баз английского флота на Средиземноморье. Это была последняя точка, которую можно было поставить в крестовом походе, когда-то начатом Павлом. Вспомним, что основным побудительным мотивом, во имя которого погибли тысячи русских солдат, было восстановление справедливости, и прежде всего защита принципов рыцарства и чести, воплощение которых царь видел в Мальтийском ордене. Теперь эти принципы были грубо растоптаны.

Одновременно поведение англичан на море перешло все рамки международных приличий. Английские военные корабли останавливали суда всех нейтральных держав, в частности и те, которые плавали под русским флагом, и производили их досмотр. Если что-то показалось английскому капитану похожим на «военную контрабанду», т.е. предметом, который принципиально мог служить французам и их союзникам для военных целей, корабль и груз конфисковывались. Как можно догадаться, трактовка понятия «военный груз» могла быть очень широкой. Так что капитан судна, везущего груз железа, пеньки или водки из России в Америку, мог не сомневаться, что встреча с англичанами для него равняется встрече с пиратами — ведь водка могла быть предназначена для французских солдат, а значит, должна была быть конфискована вместе с судном. Однако пока англичане применяли свою своеобразную концепцию прав и свобод человека только по отношению к торговым кораблям, в Европе это терпели. Но датчане приняли решение сопровождать свои торговые суда военными кораблями и настаивали на том, что заявление начальника конвоя о том, что судовые грузы не содержат ничего из военной контрабанды, должно быть достаточным, чтобы освободить караван от досмотра. 25 июля 1800 г. на входе в Ла-Манш датский фрегат «Фрейя», который сопровождал караван из 6 торговых судов, остановила целая английская эскадра. Ее командир потребовал досмотреть и торговые суда, и фрегат. Датский капитан ответил гордым отказом, и его корабль принял неравный бой с врагом. В результате фрегат был захвачен и в качестве трофея доставлен в Англию. А в сентябре на рейде в Барселоне английский линейный корабль напал на шведский фрегат.

Эпизод с Мальтой и пиратские действия английского флота на море послужили детонатором для возникновения общности интересов по защите свободы торговли со стороны северных стран. По инициативе Павла был образован союз государств

бассейна Балтийского моря, целью которого было возобновить вооруженный нейтралитет 1780 г. Россия и Швеция подписали в Санкт-Петербурге договор 16 декабря 1800 г. В скором времени к ним присоединились Дания и Пруссия. Этот союз получил впоследствии название Лиги северных стран (или Вторая лига нейтральных государств). Главными положениями статей союзного договора было требование о том, что нейтральные суда могут беспрепятственно плавать на всех морях, что мирный груз, шедший под нейтральным флагом, не подлежит захвату (причем все морские припасы считаются мирным грузом), а порт признается находящимся в состоянии блокады только в том случае, если он действительно окружен боевыми кораблями. Наконец, самое главное положение декларации о вооруженном нейтралитете состояло в том, что коммерческие суда нейтральных стран, следующие под конвоем военных, не подлежат ни в коем случае досмотру со стороны боевых кораблей воюющих держав.

Поскольку Великобритания нарушила условия договора по поводу острова Мальта и категорически отказалась признавать права нейтральных держав, Павел I распорядился наложить эмбарго на все английские суда, находившиеся в русских портах. Так, в течение нескольких месяцев перевернулась вся европейская политика. Коалиция, которую англичане сколачивали против Франции, распалась и вместо объединения держав в борьбе против Республики возникла антианглийская коалиция!

В это же время, в конце ноября 1800 г., австрийцы разорвали перемирие, заключенное летом в Италии, и на Рейне снова перешли в наступление. На этот раз мощный контрудар нанесла Рейнская армия. 3 декабря 1800 г. войска под командованием Моро разгромили австрийцев в битве под Гогенлинденом, одновременно в Северной Италии французы также остановили австрийский натиск и сами двинулись вперед. Австрийская монархия оказалась на краю гибели. 25 декабря в местечке Штейер австрийский главнокомандующий вынужден был подписать перемирие, и немедленно начались переговоры о мире. В тот момент, когда брат Первого консула Жозеф Бонапарт и граф Кобенцель, австрийский уполномоченный, отчаянно дискутировали в Люневиле условия мирного соглашения, в Париж пришло письмо, написанное Павлом 18 (30) декабря 1800 г. (см. выше). В восторге Наполеон отправил послание своему брату: «Вчера прибыл из России курьер, проделавший путь за пятнадцать дней; он мне привез исключительно дружественное письмо императора *(Павла),* написанное им собственноручно: Россия имеет крайне враждебные намерения против Англии. Вам легко понять, что не в наших интересах спешить, так как мир с *(австрийским)* императором — ничто в сравнении с действиями, которые сокрушат Англию и сохранят нам Египет»[29].

Жозефу и не пришлось спешить. Австрийцы уже знали о том, что между Первым консулом и царем завязывается настоящая дружба. Кобенцель написал своему правительству в эти дни: «Это сближение с северными дворами, в особенности же с Россией, стало их коньком; они выставляют его на каждом шагу»[30]. Теперь австрийские уполномоченные поняли, что у них нет никаких оснований затягивать переговоры. 12 февраля 1801 г. в Париже загремели пушки, возвестившие о подписании мира между Францией и Австрийской монархией*. В этот день парижане веселились на карнавале. Новость о подписании мира вызвала взрыв радости в праздничной толпе. Свидетель этих событий пишет: «Тогда народ в каком-то безумном восторге хлынул внезапно... в сад Тюильри с исступленными криками: «Да здравствует Первый консул!» и принялся танцевать

* Люневильский мирный договор был подписан 9 февраля 1801 г.

под окнами дворца»[31]. Праздники по поводу заключения мира продолжались целый месяц: салюты и народные гуляния, официальные церемонии и приемы следовали один за другим. «Какой великолепный мир! Какое начало века! И какая мудрость, соединенная с умеренным применением могущества и силы!» — так выразила газета «Журналь де Деба» мнения французов по поводу происходящих событий.

Никогда, наверное, глава французского правительства не находился в такой радостной эйфории, которую разделял его народ. Кажется, все самые несбыточные мечты были реализованы всего лишь за год и два месяца его правления! Внутри страны воцарились спокойствие и порядок, война на континенте была выиграна, а на море французские, голландские, испанские, русские, шведские, датские и немецкие моряки готовили свои корабли к решительному бою с англичанами. Самые головокружительные проекты казалось теперь возможным реализовать. Бонапарт, покинув Египет, никогда не забывал о французских солдатах, оставшихся за морями. Теперь он был уверен, что благодаря дружбе с Россией он сможет спасти затерянную где-то далеко в африканских песках армию, а сам Египет сохранить для Франции. 15 января 1801 г. Бонапарт написал своему брату Люсьену: «Сейчас великое дело — это спасти Египет»[32]. Для этого в содружестве с Испанией должна была быть подготовлена мощная армия и флот.

Едва был подписан мирный договор с Австрией, как спустя всего лишь несколько дней французскую границу пересек целый караван карет и экипажей, которые везли в Париж долгожданного российского посла и его многочисленную свиту. Этим послом был граф Степан Алексеевич Колычев, 54-летний вельможа, хорошо известный при дворе Екатерины и Павла. Трудно себе вообразить те приготовления, которые были сделаны для встречи высокого гостя. Первый консул буквально засыпал письмами префектов департаментов, через которые должен был проезжать русский посол. На границу выехал начальник штаба консульской гвардии, один из ближайших соратников Бонапарта генерал Кафарелли, чтобы организовать торжества в честь посланника. Особому почтовому комиссару было поручено позаботиться о путях следования кортежа, в городах подметали улицы и облачались в парадные мундиры гарнизоны. Вот как сообщал о встрече в Страсбурге префект департамента Нижнего Рейна в письме от 10 вантоза IX года (1 марта 1801 г.): «Посол России прибыл сюда в час пополудни и был принят самым достойнейшим образом военными и гражданскими властями... Господин граф Колычев, как кажется, был под впечатлением встречи, которая была ему оказана — стечение народа, который с радостью устремился к пути следования его кортежа, великолепная форма армейских частей и отрядов национальной гвардии, идеальный порядок повсюду, сведения о богатстве и благосостоянии Нижнего Рейна, который я ему сообщил... согласие между гражданскими и военными властями, представленными вместе послу — все это вызвало у него изумление, которое, естественно, испытывает человек, увидевший величественное здание там, где он ожидал увидеть лишь руины и развал»[33].

К моменту приезда Колычева Бонапарт получил от царя еще два послания. Хотя даже мира еще не было подписано между Россией и Францией, Павел I писал так, как если бы обращался к союзнику. В письме от 15(21) января 1801 г. император говорил: «Господин Первый Консул, я пользуюсь случаем, чтобы написать Вам письмо. Меня принуждает к этому поведение англичан не только по отношению к России, но и к другим северным государствам. Не мне указывать Вам, что Вам следует делать, но я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии. В тот

момент, когда она оказалась изолированной, это может произвести надлежащий эффект и заставить ее раскаяться в своем деспотизме и высокомерии...»[34]

Лучшего Первый Консул не мог бы и вообразить. Русский царь сам думает о том, как нанести удар англичанам. Бонапарта не надо было уговаривать, и он со своей стороны написал царю 27 февраля 1801 г.: «...самоуверенность и наглость англичан поистине беспримерны. Я подготовлю, как Ваше Величество, судя по всему, желает, 300—400 канонерских шлюпов в портах Фландрии, где я соберу армию. Я дал приказ, чтобы в Бретани была также сконцентрирована армия, которая может быть посажена на корабли Брестской эскадры... Я послал на подкрепление Тулонской эскадры 10 кораблей из Бреста, они успешно туда прибыли. Испания собирает эскадру в Кадисе, чтобы, если обстоятельства потребуют, эти эскадры могли соединиться с черноморской эскадрой Вашего Величества. Но для этого, мне кажется, необходимо иметь один порт на Сицилии, другой на Тарентском берегу. Однако для эскадр не будет безопасности в этих портах до тех пор, пока они не будут заняты русскими и французскими войсками. Поэтому я хотел бы, чтобы главный порт Сицилии был занят русским гарнизоном, а один из портов на берегу Тарентского залива — французским»[35].

В последнем письме главное внимание уделялось Египту, недаром речь идет о портах на Средиземном море. Бонапарт пытался соблазнить и русского царя перспективой французского господства в Египте. В его голове уже вставали величественные планы: «Суэцкий канал, который соединит Индийский океан и Средиземное море, уже существует в проекте. Эта задача несложная, ее можно решить в короткое время и это, без сомнения, принесет неисчислимые выгоды русской торговле. Если Ваше Величество все еще разделяет мнение, которое Вы часто высказывали, что часть северной торговли могла бы переместиться к югу, то Вы можете связать свое имя с великим предприятием, которое окажет огромное влияние на будущие судьбы континента»[36].

Павел I действительно к этому времени был пленен проектами Бонапарта. Возможно, он уже видел русский флаг, развевающийся над портами Константинополя и Средиземноморья, а русских и французов — хозяевами на морях. В его голове рождается еще одна идея — распространить влияние Российской империи далеко на юг и совместно с французами выбить англичан из Индии. Конкретный план похода появился, очевидно, в первые месяцы 1801 г. В далекую экспедицию предполагалось направить 70-тысячную армию, половину которой (35 тыс.) выделяла Россия, другую половину — Франция. Французские войска под командованием уже известного нам выдающегося полководца генерала Андре Массена должны были спуститься на транспортных судах по Дунаю, затем пересечь Черное море и через Таганрог, Царицын дойти до Астрахани. Русская армия должна была быть собрана в Астрахани ранее и, следуя в авангарде, добраться до Астрабада (современный Горган), где русские должны были дожидаться подхода союзников.

Согласно плану «комиссары обоих правительств будут посланы ко всем ханам и «малым деспотам» тех стран, через которые армия должна будет проходить, для объявления им, «что армии двух могущественных в мире наций должны пройти через их владения, дабы достигнуть Индии; что единственная цель этой экспедиции состоит в изгнании из Индостана англичан, поработивших эти прекрасные страны, некогда столь знаменитые, могущественные и богатые... ужасное положение угнетения, несчастий и рабства, под которым ныне стенают народы этих стран, внушило живейшее участие Франции и России; что вследствие этого эти два правительства решили соединить свои силы для освобождения Индии от тиранского ига англичан»[37].

Подобно Египетской экспедиции Бонапарта, поход в Индию должен был быть не только военным, но и научным. План предполагал следующее: «Избранное общество ученых и всякого рода артистов должно принять участие в этой славной экспедиции. Правительство поручит им карты и планы, какие только есть о странах, через которые должна проходить союзная армия, а также наиболее уважаемые записки и сочинения, посвященные описанию тех краев»[38]. Подобно тому, как это было в Египетском походе, армию должен был сопровождать «отряд воздухоплавателей», в задачу которых входило изготовление воздушных шаров с целью произвести впечатление на «невежественные» народы. Наконец, с войсками предполагалось отправить даже «фейерверочных мастеров», а в Аст-рабаде устроить блистательные празднества и парады «для внушения жителям тех стран самого высокого понятия о России и Франции».

В качестве авангарда этого похода Павел решил двинуть в Индию донских казаков. 12 (24) января 1801 г. он направил атаману Войска Донского Орлову 1-му рескрипт с предписанием немедленно собрать казачьи полки и двинуть их к Оренбургу, а оттуда прямым путем в Индию, «дабы поразить неприятеля в самое сердце»[39]. Орлов собрал 22,5 тыс. казаков с 12 пушками и 12 единорогами и выступил 27 февраля (11 марта) на Оренбург.

Индийская экспедиция вызывала и вызывает много споров у историков. Насколько реальным было это предприятие? Бонапарт считал его вполне осуществимым. Действительно, в Индии у англичан было мало войск, и их господство держалось исключительно на силе. Нет сомнений в том, что появление крупной союзной армии могло стать концом английского владычества на Индостане. Выдающийся советский исследователь, прекрасный специалист по истории России начала XIX века Окунь считал эту операцию выполнимой: «Нельзя не признать, что по выбору операционного направления план этот был разработан как нельзя лучше. Этот путь являлся кратчайшим и наиболее удобным. Именно по этому пути в древности прошли фаланги Александра Македонского, а в 40-х годах XVIII века пронеслась конница Надир-шаха. Учитывая небольшое количество английских войск в Индии, союз с Персией, к заключению которого были приняты меры, и, наконец, помощь и сочувствие индусов, на которые рассчитывали, следует также признать, что и численность экспедиционного корпуса была вполне достаточной»[40].

Согласно расчетам Бонапарта, русские и французские войска должны были дойти от Астрахани до берегов Инда за два месяца. Что же касается трудностей похода, вполне их осознавая, он, тем не менее, заключал: «Армии, русские и французские, жаждут славы; они храбры, терпеливы, неутомимы в храбрости и благоразумие и настойчивость начальников победят все, какие бы ни было препятствия»[41].

Так, в первые месяцы 1801 г. де-факто сложился первый в истории Европы русско-французский союз. Он не был еще оформлен ни одним официально принятым в дипломатической практике документом. Но нет никаких сомнений, что с обеих сторон существовала твердая воля к сближению. Главным вопросом является следующее: насколько этот союз был выгоден обеим странам? Что касается Франции, нет никаких сомнений, что союз с Россией давал ей неисчислимые выгоды: возможность победить Англию в морском соперничестве, добиться прочного мира со всеми державами континента, при этом занять в Европе доминирующую позицию, распространить свое влияние на весь бассейн Средиземноморья, удержать Египет или, по крайней мере, получить шанс сохранить его.

Что же касается России, выгоды ее были не столь очевидны. Действительно, Россия ввязывалась в морскую войну с Англией, в то время как Англия была главным торговым партнером Российской империи. У России также не было оснований бояться своих соседей, Пруссия была тогда слишком слаба, чтобы тягаться с Российской империей. Что касается Австрии, начиная с 1726 г. Россия постоянно находилась с этой

страной в союзнических отношениях, которые диктовались общностью интересов: борьба с Турцией, борьба за господство в Польше, а с 1795 г. — необходимость заботиться об удержании польских территорий, полученных в результате раздела Речи Посполитой. Выдающийся советский историк А. Манфред, вероятно, все-таки несколько модернизирует ситуацию, когда, совершенно справедливо утверждая, что «вражда между Францией и Россией противоречила национальным интересам обеих стран», он добавляет: «Следующим логическим звеном в этой цепи рассуждений закономерно должно было быть признание желательности, пользы, необходимости союза между двумя державами»[42].

Действительно, в конце XIX — начале XX века в условиях опасности со стороны агрессивно настроенной вооруженной до зубов Германской империи русско-французский союз станет действительно необходим. Увы, каждый союз подразумевает «дружбу против кого-либо». В начале XX века у русских и французов был совершенно определенно один и тот же враг. В первые годы XIX века такого общего «естественного» врага не было. Надо признать, что противоречия Павла с Австрией относились в значительной мере к сфере эмоций, а не к холодному политическому расчету. Что же касается Англии, нет сомнения, что вопрос был более серьезным. У России не было оснований поддерживать наглое поведение британцев на морях и было весьма логичным несколько сбить спесь с «коварного Альбиона». Однако потери людские и материальные, которые Россия понесла бы в такой борьбе, делали ее весьма проблематичной. Совершенно ясно отдавая себе отчет в том, что выгоды русско-французского союза уравновешивались для России в значительной степени неудобствами, нельзя не признать, что война с Францией была для нее еще более абсурдной и ненужной.

Заслуга Павла состоит в том, что он, признав ошибочность «крестового похода», нашел силы признаться в этом и протянуть руку дружбы стране, которая разительно отличалась по своему устройству от Российской империи. Прирожденный консерватор, ярый приверженец теории абсолютной монархии Павел тем не менее сумел сделать то, о чем вряд ли могла подумать Екатерина, и то, что не смог впоследствие сделать Александр.

Как дальше развивался бы русско-французский союз? Это наверняка зависело бы от тысячи обстоятельств. Вполне можно предполагать, что Россия и Франция, сокрушив морское могущество Британии, стали бы не только доминирующими державами в Европе, но и во всем мире. А в продолжительном контакте со страной, где был принят Гражданский кодекс, не исключено, что и в России произошли бы кардинальные социально-политические изменения. Увы, это все только гипотезы. Жизнь распорядилась совершенно по-иному...

В конце 1800 г. в среде высшего российского дворянства созрел заговор против императора. Во главе этого заговора стоял известный государственный деятель генерал-губернатор Петербурга граф Петр Алексеевич Пален, а его ближайшим помощником был граф Никита Петрович Панин, вице-президент коллегии иностранных дел (говоря современным языком — заместитель министра иностранных дел). Активными участниками заговора были Платон Зубов, последний фаворит Екатерины II, и его брат Николай. Причина появления заговора вполне ясна — недовольство и раздражение высшего дворянства действиями императора, неуверенность знати в завтрашнем дне. И действительно, отмечая благородство и честность Павла, наличие у него самых благих намерений, нельзя не признать, что работать

с таким «руководителем» было крайне трудно. Да, Павел не был безумцем, но его раздражительность, вспыльчивость, скоропалительные решения очень пугали знать. Благодаря своим необдуманным действиям к концу 1800 г. он отдалил от себя даже тех, кто потенциально мог бы быть его сторонником. Люди преданные и исполнительные попадали в опалу часто из-за пустяков.

Полковник конногвардейцев Саблуков, автор прекраснейших по своей точности и честности записок о времени Павла I, так охарактеризовал императора: «...это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды, повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество». Но мемуарист тотчас же добавляет, что все эти высокие качества сводились на нет из-за «несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения»[43]. Нестабильность положения любого человека на государственной службе в то время прекрасно характеризуют несколько строк Саблукова, который вспоминал: «...у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху несколько сот рублей ассигнациями, дабы не остаться без денег в случае внезапной ссылки»[44]. Конечно, при такой ситуации было бы сложно ожидать, что рано или поздно не возникло нечто большее, чем простое недовольство.

Тем не менее для того, чтобы заговор выкристаллизовался, необходим был толчок. Подобным толчком послужили действия Павла по отношению к Англии. Высшая русская знать продавала в Англию свое зерно, и поэтому война с Англией затрагивала ее прямые материальные интересы. Наконец, посол Великобритании Уитворт и его любовница Ольга Жеребцова стали людьми, которые сообщили заговору энергию и, наконец, снабдили заговорщиков деньгами. Об участии английского посла в заговоре говорили уже и старые историки. Так, известный русский дореволюционный историк Валишевский считал, что Англия, вероятно, субсидировала заговорщиков[45].

Однако именно современные исследования окончательно поставили точку в этом вопросе. Совсем недавно английский историк Элизабет Спэрроу выпустила в свет большой научный труд «Secret Service: British agents in France 1792—1815», посвященный деятельности английской разведки в конце XVIII—XIX веке. Работа написана на основе изучения огромного количества неизвестных ранее архивных документов, и она не оставляет сомнения в причастности британских спецслужб к организации заговора против Павла I[46]. Английские агенты и английские деньги помогли заговору набрать силу. Вокруг этого стержня сконцентрировались влиятельные русские англофилы, и прежде всего клан Воронцовых. Еще до разрыва с Англией Уитворт в депеше своему правительству с удовлетворением писал: «Семен Романович Воронцов и Панин — англичане», т.е. сторонники проанглийской ориентации русской политики. После разрыва с Англией именно Воронцов и Уитворт заговорили о безумии Павла. В это время Воронцов, который под предлогом болезни остался в Англии после своего смещения с официального поста, писал Новосильцеву: «Мы на судне... капитан *(которого)* сошел с ума, избивая экипаж... Я думаю, что судно погибнет; но вы говорите, что есть надежда на спасение, так как первый помощник капитана — молодой человек, рассудительный и мягкий, который пользуется доверием у экипажа»[47]. Этим молодым человеком, «рассудительным и мягким», как может легко догадаться читатель, был Великий князь Александр Павлович, которому предстояло сыграть роковую роль в судьбе своего отца, и не только его. Но об этом у нас еще будет время побеседовать. А

пока отметим, что англофильские круги тесно переплелись здесь с теми, кто с падением Екатерины потерял свой престиж и власть.

Речь идет о клане Зубовых. Как известно, Платон Зубов в 1791 г. стал последним любовником Екатерины И. В двадцать с небольшим лет* никому неизвестный офицерик стал генерал-фельцехмейстером, новороссийским и крымским генерал-губернатором, сенатором, наконец, князем Священной Римской империи. «Величайшие вельможи России считали для себя обязательным присутствовать при утреннем туалете Зубова и исполнять его капризы. Будущий фельдмаршал Кутузов, случалось, наливал фавориту кофе и подавал в постель»[48]. В ту эпоху Зубовы настолько обнаглели, что Платон позволил себе даже в развязной форме пытаться соблазнить великую княгиню Елизавету, молодую жену Александра. Можно себе представить, что получили Зубовы с приходом Павла к власти. Вся их наглая спесь пропала, как и не бывало. Открыто, конечно, они не могли выступать против императора, но лютую злобу затаили. Самое интересное, что клан Зубовых сплелся в едином клубке с кланом англофилов, ибо упомянутая Ольга Жеребцова, любовница Чарльза Уитворта, была не кем иной, как урожденной графиней Зубовой, родной сестрой Платона и Николая! Именно она послужила связной между английским послом и участниками заговора.

Смутные, туманные предчувствия надвигающейся грозы терзали Павла. Саблуков рассказывает, что за несколько дней до выступления заговорщиков во время конной прогулки Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к обер-шталмейстеру Муханову, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?»[49] Без сомнения, какая-то неопределенная информация о заговоре дошла до Павла, но никаких деталей он не знал. Император оказался поистине в изоляции. И хотя в первые дни марта слухи о заговоре поползли по Петербургу, Павел оставался в неведении. Граф де Санглен рассказывает, что вечером 11(23) марта, когда он проезжал по Невскому проспекту, извозчик повернулся к нему и сказал:

—Правда ли, сударь, что император нынешней ночью умрет? Какой грех!

—Что ты, с ума сошел? — воскликнул в ответ Санглен.

—Помилуйте, сударь, у нас на Бирже только и твердят: конец[50].

Увы, извозчик оказался лучше информирован, чем император, который, несмотря на странную нервозную атмосферу в его резиденции в Михайловском замке, вечером 11 марта так и не предпринял никаких шагов для своего спасения. Около полуночи две группы заговорщиков, одна, ведомая графом Паленом, другая — Беннигсеном, проникли в замок. В карауле стоял 3-й батальон Семеновского полка, большая часть офицеров которого состояли в заговоре. Кроме того, высокое звание Палена и его большие полномочия позволили заговорщикам -беспрепятственно войти во дворец. В то время пока граф Пален и сопровождающие его офицеры отвлекали внимание основных караулов, «ударная» группа, ведомая Беннигсеном (10—12 человек), зарубив камердинера Аргамакова, ворвалась в спальню императора.

То, что дальше последовало, описано во многих источниках и разобрано в сотнях исследований по эпохе Павла I, впрочем, всех подробностей, наверное, установить невозможно. Показания участников событий сбивчивы. Кроме того, все описания были сделаны таким образом, чтобы изобразить действия собственной персоны в самом выгодном свете. А это значило в зависимости от конъюн-

* Зубову было 24 года в тот момент, когда он стал любовником императрицы и 29 — в момент ее смерти.

ктуры момента представить себя либо активным участником действия, либо безучастным свидетелем происшествия. К тому же практически все «герои» переворота были пьяны и вряд ли, даже спустя несколько минут, могли связно объяснить, что же произошло в действительности.

Так или иначе, Павлу пытались подсунуть на подпись какую-то бумагу, по всей видимости, акт об отречении, что, естественно, император категорически отказался сделать. Тогда после «оживленной дискуссии» Николай Зубов ударил Павла в левый висок каким-то тяжелым предметом (показания свидетелей на этот счет расходятся: кто-то говорит о массивной золотой табакерке, кто-то о мраморном предмете, кто-то о пистолете). Император, обливаясь кровью, упал, тогда заговорщики повалили его на пол и задушили, судя по всему, офицерским шарфом офицера гвардии Скарятина. С этого момента, озверевшие от вида крови пьяные заговорщики набросились на мертвое тело, надругались над убитым императором...

«Крики: «Павел более не существует!» — рассказывает в своих мемуарах граф Чарторыйский, — распространяются среди других заговорщиков, пришедших позже, которые, не стесняясь, громко высказывают свою радость, позабыв о всяком чувстве приличия и человеческого достоинства. Они толпами ходят по коридорам и залам дворца, громко рассказывают друг другу о своих, если так можно выразиться, подвигах, и многие проникают в винные погреба, продолжая оргию, начатую в доме Зубовых»[51].

Утром 12(24) марта дворянский Санкт-Петербург ликовал. Улицы наполнились повесами, одетыми во все запрещенные регламентами Павла новомодные наряды, «круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы, а какой-то подвыпивший гусарский офицер гарцевал на коне на тротуаре с криком: «Теперь все можно!» Что же касается солдатской массы, она восприняла известие о гибели императора с угрюмым молчанием. «Строгости и ярость императора Павла били обычно по чиновникам, по генералам и по старшим офицерам. Чем более высок был чин, тем больше была опасность подвергнуться наказанию, и редко строгости касались солдат. Наоборот, в качестве награды за парад или смотр они получали щедрые раздачи хлеба, мяса, водки и денег... Солдатам нравилось видеть, как император, их знаток и ценитель, обрушивал наказания и строгости на офицеров»[52].

Собранный рано утром на плацу лейб-гвардии Конный полк отказался присягать Александру, не убедившись в смерти Павла. Пришлось привести группу солдат во дворец, и корнет Филантьев заявил хозяйничавшему там Беннигсену, что солдатам необходимо показать покойника. «Но это невозможно! Он весь обезображен, поломан и сейчас занимаются тем, что его подкрашивают и приводят в благопристойный вид», — ответил генерал по-французски. Но так как корнет настаивал, Беннигсен раздраженно сказал: «Черт с ним. Раз уж они так к нему привязаны, пускай на него посмотрят». Когда солдаты вернулись к полку, полковник спросил правофлангового Григория Иванова:

—Что же, братец, видел ты Государя? Действительно он умер?

—Так точно, Ваше Высокоблагородие, *крепко умер!*

—Присягнешь-ли ты теперь Александру?

—Точно так... хотя лучше покойного ему не быть... А впрочем, все одно: кто ни поп — тот батька»[53].

Так закончилось это необычное противоречивое и в то же время удивительное царствование. Но нас интересуют прежде всего не подробности заговора, а его политические последствия. Для того чтобы их понять, нужно, в частности, четко представить себе ту роль, которую сыграл сын Павла великий князь Александр в трагических событиях ночи на 12 марта 1801 г. Разумеется, верноподданни-

ческие историки XIX века, хоть вскользь упоминавшие об убийстве Павла, будут изображать Александра невинным агнцем, который, проснувшись, с удивлением узнал, что его отец отошел в мир иной. Конечно, эта версия не выдерживает ни малейшей критики, и большинство последующих исследователей будут писать о том, что Александр что-то знал о заговоре, но даже и вообразить себе не мог, что его организаторы осмелятся совершить такое злодеяние. Он де наивно воображал, что его папа спокойно подпишет отречение от престола и заживет тихо и мирно в своем дворце, а он, Александр, назначенный регентом, будет управлять государством, дабы спасти Россию от деспотизма безумца.

Даже из общих соображений можно предположить, что подобная концепция как-то не очень вяжется со многими фактами. Ведь если бы Александр твердо и ясно выразил свою волю и пояснил заговорщикам, что в случае гибели отца он строго спросит с них, неужели кто-то осмелился бы поднять руку на императора! Нет сомнений, что в подобной ситуации Александр не только мог, но и просто был обязан устроить суд над заговорщиками и жестоко покарать убийц. Но ничего подобного и отдаленно не было сделано. Быть может, лучше всего в косвенной, но тем не менее вполне понятной форме выразил отношение Александра к заговору его главное действующее лицо граф Пален, когда, узнав о произошедшем, Александр зарыдал или стал изображать судорожные рыдания, граф Пален строгим тоном прервал его излияния: «Перестаньте ребячиться. Ступайте царствовать». В этом резком ответе Палена и в рыданиях Александра целый спектакль. Проливая слезы, Александр изображал публично, что он был совершенно непричастен к злодеянию, а негодяи, и в частности стоявший перед ним граф Пален, во всем виноваты. Строгий ответ генерал-губернатора Петербурга был обращен не столько к Александру, сколько к другим свидетелям этой сцены и был призван намекнуть новому императору, что он вовсе не столь чист, как пытался изобразить, проливая слезы.

Самый знаменитый современный исследователь биографии Павла I Н.Я. Эйдель-ман на основе обработки всех источников этого времени сделал заключение о том, что Александр не только знал о существовании заговора, но и ясно представлял, чем он завершится. Нужно сказать, что Пален и не особо скрывал свои намерения. В обращении к заговорщикам, которые спрашивали у него, что нужно делать с императором, он недвусмысленно заметил: «Напоминаю, господа, чтобы съесть яичницу, нужно сначала разбить яйца». Невозможно предположить, чтобы такой искушенный в интригах и жестокости политической борьбы человек, как Александр, мог наивно воображать, что его твердый и вспыльчивый отец подпишет бумажку, которую протянут ему пьяные офицеры, вломившиеся в его спальню. И еще меньше представить себе, каким образом и на каких основаниях будет в дальнейшем изолирован от политической жизни его отец. Декабрист Никита Муравьев, у которого не было особых оснований льстить ни одному, ни другому царю, жестко и однозначно написал по этому поводу: «В 1801 г. *заговор под руководством Александра* лишает Павла престола и жизни без пользы для России»[54].

Таким образом, есть все основания, хотя и с некоторыми оговорками, ясно и четко сказать, что император Александр I вступил на престол в результате вполне сознательно совершенного убийства своего отца. Участие в этом ужасном преступлении не только станет жестоким проклятием, словно тяготеющим над личной жизнью царя, но и окажет влияние на политические события, и прежде всего на отношения с Первым консулом, а потом и императором Франции.

Известие о гибели Павла I пришло в Париж 12 апреля 1801 г. Прусский посол написал в этот день: «Новость о смерти императора Павла была словно удар грома

для Бонапарта. Получив это известие от господина Талейрана, он издал крик отчаяния и тотчас же стал говорить, что эта смерть не была естественной и что удар пришел со стороны Англии»[55]. Первый консул, на которого совсем недавно совершили покушение, оплачиваемые английскими спецслужбами роялисты (3 нивоза IX года, 24 декабря 1800 г.), сказал также с горечью: «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но они попали в меня в Санкт-Петербурге».

Одновременно англичане нанесли удар и в другой точке Европы. На Балтику двинулась огромная английская эскадра из 18 линейных кораблей и 35 фрегатов, бригов и корветов под командованием адмирала сэра Гайд-Паркера. Авангардом эскадры командовал Нельсон. В задачу эскадры входил разгром датского флота и бомбардировка Копенгагена, чтобы добиться выхода Дании из Лиги северных стран. Затем эскадра должна была уничтожить русский флот, стоящий в Ревеле (Таллине), прежде чем ломка льда позволит ему соединиться с главной эскадрой в Кронштадте. После этого предполагалось сделать то же самое и со шведским флотом.

Вопреки инструкциям Нельсон стремился атаковать прежде всего русских. «Я смотрю на Северную лигу, как на дерево, в котором Павел составляет ствол, — заявлял Нельсон, — а шведы и датчане — ветви. Если мне удастся добраться до ствола и срубить его, то ветви отпадут сами собою; но я могу испортить ветви и все-таки не быть в состоянии срубить дерево, и при этом мои силы... будут уже ослаблены в момент, когда понадобится наибольшее напряжение их... Получить возможность вырезать русский флот — вот моя цель»[56].

Однако старший по должности Гайд-Паркер принял решение строго выполнять инструкцию. 2 апреля 1801 г. британский флот атаковал датские корабли на рейде Копенгагена, потопил и расстрелял их из пушек, а затем открыл ураганный огонь по городу. В столице были разрушены сотни домов и погибла масса людей. Датчане вынуждены были вступить в переговоры, сдать свои морские арсеналы британскому флоту и выйти из Лиги северных стран. Нельсон рвался дальше, чтобы реализовать свою главную идею — сжечь русский флот. «Моей заветной целью, — сказал он, — было достижение Ревеля прежде, чем таяние льда сделает Кронштадт свободным, чтобы успеть уничтожить...(т<м) двенадцать линейных кораблей»[57].

Однако громить линейные корабли в Ревеле Нельсону не потребовалось. Лига северных стран прекратила свое существование вместе с гибелью императора. «Павел I умер в ночь с 24 на 25 марта*, — писала в апреле официальная французская газета «Монитер», — английская эскадра прошла Зунд" 31 марта. История расскажет нам, какая связь может существовать между двумя этими событиями»[58].

Теперь история может ответить на этот вопрос уверенно — связь между этими двумя событиями была самой прямой. Если в Копенгагене был нанесен удар по «ветвям» Северной лиги, то в Петербурге был срублен сам «ствол». Конечно, необходимо еще раз повторить, что было бы смешно приписывать случившееся в Петербурге деятельности исключительно английских спецслужб, нельзя не отметить, однако, что заговорщики действовали в согласии и при поддержке тех, кому сближение России и Франции было как кость в горле. Ночью на 12(23—24) марта в Михайловском замке был убит не только император Павел, но и русско-французский союз.

* Дата дана ошибочно в связи с неправильным переводом даты с одного стиля на другой. ** Зунд — пролив, который отделяет Данию от Швеции. Английская эскадра, пройдя Зунд, вышла к Копенгагену.

[1] Thiebault B.-P.-C.-H. Memoires du general baron Thiebault. Paris, 1893-1895, t. 3, p. 56-57.
[2] Journal de P.-L. Roederer in Napoleon Bonaparte, 1'ceuvre et l'Histoire. IV. Napoleon vu et juge par ses collaborateurs. Paris, 1971, p. 129.
[3] Archives Nationales. AF, 1696, d.l.
[4] Ibid.
[5] **Ibid.**
[6] Czartoryski A.-J. Memoires du prince Czartoryski et correspondance avec 1'Empereur Alexandre P^{r}. Paris, 1887, p. 301-302, 365.
[7] Correspondance de Napoleon... t. 6, p. 36.
[8] Ibid, p. 37.
[9] Ibid, p. 359.
[10] Archives Nationales. AF, 1696.
[11] Цит. по: Poniatowski M. Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986, p. 506.
[12] Сборник Российского исторического общества, т. 70, с. 1, 2.
[13] Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1986, с. 310.
[14] Archives Nationales. AF, 1696.
[15] Poniatowski M. Op. cit., p. 127-128.
[16] Ibid, p. 131.
[17] Записка графа Ростопчина Ф.В. // Русский Архив, 1878, т. 1, с. 104.
[18] Там же, с. 105
[19] Там же, с. 106.
[20] Там же, с. 110.
[21] Сборник РИО, т. 70, с. 11.
[22] Там же, с. 15—16.
[23] Ministere des affaires etrangeres, R 140.
[24] **Ibid.**
[25] Сборник РИО, т. 70, с. XXV-XXVI.
[26] Рукописный отдел РНБ.
[27] Сборник РИО, т. 70, с. 24-25
[28] Там же, с. 27—28.
[29] Correspondance de Napoleon... t. 6, p. 585.
[30] Сборник РИО, т. 70, с. XXXII.
[31] Souvenirs d'un historien de Napoleon. Memorial de J. de Norvins. Paris, 1896, t. 2, p. 278.
[32] Lecestre L. Lettres inedites de Napoleon I. Paris, 1897, n° 32. ......
[33] Сборник РИО, т. 70, с. 669-670.
[34] Там же, с. 32—33.
[35] Там же, с. 38-39.
[36] Там же, с. 40.
[37] Проект сухопутной экспедиции в Индию, СПб., б.д., с. 21—22.
[38] Там же, с. 27.
[39] Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901, с. 419.
[40] Окунь СБ. История СССР. 1796-1825. Л., 1948, с. 86-87.
[41] Проект сухопутной экспедиции в Индию, с. 34—35.
[42] Манфред А.З. Указ. соч., с. 299.
[43] Саблуков Н.А. Записки Н.А. Саблукова о временах императора Павла I и о кон чине этого государя, СПб., 1907, с. 31.
[44] Там же, с. 32.
[45] Валишевский К. Сын Великой Екатерины. СПб., 1914, с. 554.
[46] Sparrow E. Secret Services: British agents in France 1792—1815. Suffolk, 1999.

Secret
Service, Assassination of Paul I, p. 223—240.

[47] Цит. по: Эйдельман Н.Я. Грань веков, с. 199.

[48] Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002, с. 903.

[49] Записки Н.А. Саблукова, с. 58.

[50] Цит. по: Эйдельман Н.Я. Указ. соч., с. 275.

[51] Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 350.

[52] Ibid. p. 251.

[53] Записки Н.А. Саблукова, с. 68. ,

[54] Полярная звезда, кн. V. с. 73.

[55] Цит. по: Talleyrand et le Consulat, p. 529.

[56] Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. М., СПб., 2002., т. 2, с.73.

[57] Там же, с. 84.

[58] Цит. по: Lentz T. Le Grand Consulat. Paris, 1999, p. 291.

ГЛАВА 4
«ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКИХ ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО»

Да что со мной? Я шороха пугаюсь!
Чьи это пальцы рвут мои глаза?
Нет, с рук моих весь океан Нептуна
Не смоет кровь. Скорей они, коснувшись
Зеленой бездны моря, в красный цвет
Ее окрасят.

Шекспир. Макбет

Молодой 24-летний царь, пришедший к власти в результате кровавого переворота, являл полную противоположность своему отцу: Павел I был некрасив — юный император, по всеобщему мнению, был красавцем; у Павла была угловатая, неловкая походка — движения его сына были грациозными и изысканными; Павел был несдержан, кричал на людей по поводу и без повода — Александр со всеми говорил любезно и всем улыбался. Однако различия на этом не кончались. Павел был человеком прямым, честным, благородным. Он говорил то, что думал, делал, что говорил. Александр I говорил одно, думал другое, а делал третье. Все, кто приближался к нему, единодушно отмечают лукавство, неискренность, фальшь и лицемерие этого человека. Причина подобного характера достаточно очевидна — с детства будущему царю приходилось лавировать, изворачиваться, «выживать» в непростой обстановке. При дворе его бабки Екатерины ненавидели отца, и Александр вынужден был соглашаться и улыбаться. При маленьком Гатчинском дворе не переносили все, что делала Екатерина, и Александр также был вынужден соглашаться. Барон М.А. Корф вспоминал по этому поводу: «То в Царском Селе и Петербурге — в шитом кафтане, в шелковых чулках и в башмаках с бантами, нередкий свидетель распашных бесед Екатерины с Зубовым, сидевшим возле нее в халате, то в Гатчине и Павловске — в солдатском мундире, в ботфортах, в жестких перчатках, с ружьем, со строгой военной выправкой... юноша рано и скоро выучился являться с равным приличием и ловкостью в обеих масках»[1]. Очень рано он познал ложь, обман и грязную закулисную изнанку политической жизни.

Екатерина, желая воспитать того, в ком она видела своего наследника, в модных идеях просветителей, пригласила ко двору швейцарца Лагарпа, известного последователя Вольтера и Руссо. Наставник учил великого князя не только французскому языку, но и политическим идеям: свобода, равенство, народовластие, республика. Что касается религиозных концепций, то они лучше всего выражались фразой Лагарпа, которую он продиктовал своему ученику, давая ему определение Христа: «Некий еврей, именем которого названа одна христианская секта». Наставления Лагарпа принесли свои плоды. Великий князь называл нелепым наследование престола и высказывался за выборность верховной власти. Своему другу Кочубею в 1796 г. он заявил о своем твердом намерении отказаться от короны.

Либерально-атеистические поучения Лагарпа, бабушкин двор, где развязно хозяйничал молодой фаворит, Гатчина, где трещали барабаны и давали наставления в морали и нравственности — все это смешалось в голове у Александра. Наконец, непростая для великого князя обстановка в период царствования его отца также не могла не наложить отпечаток на характер молодого человека. Как

известно, Павел предчувствовал недоброе и особенно в последний год своего правления крайне подозрительно относился к сыну. Александру пришлось и здесь ловчить, стремясь доказать свою лояльность по отношению к императору.

В результате к моменту своего прихода к власти у молодого царя не было никаких последовательных убеждений, никакой ясной политической программы. Нужно отметить также, что Александр терпеть не мог долгую упорную работу. За свою жизнь он так и не прочитал ни одной серьезной книги до конца. Зато он не по годам был умудрен опытом интриг. Пожалуй, никто лучше не охарактеризовал Александра, как шведский посол Лагербьелк: «В политике Александр тонок как острие булавки, остер как лезвие бритвы и лжив как пена морская»[2].

Первым желанием молодого царя было, как это часто случается при воцарении нового монарха, разом изменить всю страну. В этом желании Александру помогали его так называемые молодые друзья. Едва только он пришел к власти, как собрал вокруг себя своих любимцев. Это были Павел Строганов, Виктор Кочубей, Николай Новосильцев и Адам Чарторыйский. Все эти люди, несмотря на свою молодость, были старше Александра*. Все они отличались поверхностно-либеральными убеждениями, все восхищались английской конституцией, были неопытны в политике и знали о России в основном из книг. Например, Павел Строганов провел свою молодость во Франции, а его воспитателем был настоящий якобинец Ромм. При всем при этом «он являл собой забавную смесь энциклопедиста с русским боярином, у него был французский ум и французские словечки, зато нравы и привычки русские, огромное состояние и много долгов, обширный дом с элегантной меблировкой, прекрасная картинная галерея, каталог которой он сам составил, и бессчетное количество лакеев, рабов, с которыми хозяин хорошо обращался»[3].

Друзья сплотились вокруг Александра в так называемый Негласный комитет, который они сами в шутку прозвали «Комитет общественного спасения». Впрочем, несмотря на такое «страшное» название и то, что придворная аристократия окрестила комитет «якобинской шайкой», его деятельность ограничилась прекраснодушными беседами о судьбах России и будущем мира. Совещания проходили в обстановке почти что секретности. После ужина во дворце, когда все гости расходились, четверо избранных проходили по длинному коридору в небольшую комнату, которая сообщалась непосредственно с покоями Александра и куда он проходил своим путем. Так «комитет» собирался 36 раз с июня 1801 г. по ноябрь 1803 г. Александр и его «молодые друзья» решили, как выразился Кочубей, изменить «уродливое здание империи». Однако чем больше они обсуждали внутреннее положение страны, тем яснее становилось, что основной источник отсталости страны — это крепостное право и нельзя изменить что-нибудь серьезно, не затронув этого щекотливого предмета. Было очевидно, что коснуться проблемы крепостничества означало вступить в смертный бой со всем русским дворянством, жившем за счет эксплуатации крепостного труда, перейти из сферы мечтаний в область жесточайшей борьбы. А что значило даже просто вызвать недовольство части аристократии, молодой царь уже хорошо понял на примере своего отца. В результате, несмотря на то что первые годы правления Александра I будут ознаменованы рядом реформ, все они будут относиться не к устройству здания империи, а лишь к его фасаду. В 1802 г. вместо Петровских коллегий будут созданы министерства, которые просуществуют до самого падения Российской империи. В стране были основаны новые университеты, а в 1803 г. вышел Университетский устав, который обеспечил выборность руководства уни-

* В 1801 г. Строганову было 29 лет, Кочубею — 33, Новосильцеву — 40, Чарторый-скому — 31.

верситетов и гарантировал им значительную автономию. Наконец, в 1803 г. был издан знаменитый указ «О вольных хлебопашцах», по которому помещикам разрешалось освобождать крестьян с землей за выкуп. Впрочем, указом помещики не очень спешили воспользоваться. За четверть века правления Александра лишь 47 тыс. «душ» мужского пола (из 10 млн.!) получат свободу.

Выдающийся русский историк Ключевский весьма метко определил эти действия царя как «конституционные похоти», напоминающие «игру старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками». Но, однако, и этими скромными реформами крепостническая аристократия была обеспокоена. В 1803 г. царь вызвал из ссылки печально знаменитого генерала Аракчеева, а Негласный комитет понемногу прекратил свои заседания.

Зато во внешней политике Александр смог развернуться, не особенно рискуя вызвать негодование знати. Уже в 1801 г. многие из заседаний Негласного комитета были посвящены внешнеполитическим вопросам. И чем дальше, тем больше внешняя политика будет вытеснять из ума царя проблемы внутренние.

Интересно, что во Франции с оптимизмом смотрели на перспективы развития дружбы с Россией, даже и с новым императором. «В настоящий момент все взгляды прикованы к русскому двору, каждый пытается понять намерения царя Александра I, который объявил миру, что он будет следовать путем Екатерины II, — можно прочитать в докладе, написанном для министерства иностранных дел в июле 1801 г. — Быть может, русская политика будет менее враждебна к англичанам, но тем не менее она более не будет проанглийской... Горя желанием пойти по стопам великих монархов его нации, он *(Александр)* будет помнить, что Петр Великий рассматривал союз с Францией как полезный и необходимый для счастья его страны и увеличения ее могущества. Он будет помнить, что Екатерина II... в 1780 г. стала душой идеи вооружённого нейтралитета... Царь поймет также, что Франция особенно заинтересована в развитии русского флота, а Англия — единственная страна, которая желает его погибели...»[4]

Первый консул прислал в Петербург своего молодого адъютанта генерала Дюрока, который должен был поздравить царя с восшествием на престол и передать ему наилучшие пожелания от главы французского правительства, а заодно, разумеется, разузнать, что за человек Александр. Молодой царь обошелся с Дю-роком так же, как он будет обходиться и с другими посланниками Бонапарта — он очаровал его. По-дружески взяв под руку красивого 29-летнего генерала, стройный, красивый 24-летний император увлек своего собеседника на прогулку по укромным аллеям Летнего сада и разговаривал с ним так, как если бы он беседовал с лучшим другом. Подчеркивая свои передовые взгляды, царь упорно называл Дюрока «гражданин», смущая тем самым посланника, которому было не очень удобно объяснять, что в его стране подобное обращение уже выходит из употребления. Александр заявил Дюроку, что желает скорейшего заключения мира с Республикой и что необычайно уважает ее первого магистрата: «Я всегда желал видеть Францию и Россию соединенными. Эти две нации, великие и могущественные, дали друг другу доказательства уважения, и они должны найти способ прекратить! раздоры на континенте... Я очень желаю вступить в непосредственный контакт с Первым консулом, великодушный характер которого мне хорошо знаком... Поверьте, я говорю вам от всего сердца»[5].

И Дюрок поверил. Из Петербурга он писал восторженные письма Бонапарту и министру иностранных дел Талейрану. Адъютант Первого консула утверждал: «Я абсолютно убежден, господин министр, в добрых намерениях Санкт-Петербургского кабинета по отношению к Франции. Будучи уверенным в той пользе, которую Франция получит от согласия с Россией, я искренне желаю увидеть

это согласие, и я сделал все, что от меня зависит, чтобы с помощью моего поведения дать хорошее мнение о нашей нации и постараться изменить неблагоприятное мнение, которое сложилось здесь о ней»[6]. Что же касается Александра I, у Дю-рока не хватало слов, чтобы выразить свое восхищение этим добрым, всегда улыбающимся и любезным монархом: «В императоре приятная и красивая внешность соединяется с мягкостью и вежливостью. Он, кажется, обладает хорошими правилами и образованием. У него есть вкус к военному... Его любит народ за простое обхождение и за ту большую свободу, которая так противоположна стеснительной жизни в прошлое царствование... Император отлично принял меня и при каждой новой встрече он обязательно проявлял по отношению ко мне любезные знаки внимания. Кажется также, что в этой стране были рады моему приезду...»[7]

Посол Бонапарта был отважным генералом, верным и исполнительным адъютантом, но, увы, человеком совершенно не искушенным в интригах и в тонкостях дипломатической игры. Обольщенный тонкой лестью молодого царя, он совершенно не понял того принципиального изменения, которое произошло в русской политике со смертью императора Павла.

Это изменение нашло свое выражение в действиях, совершенных Александром уже в первые часы своего правления. Как вспоминал управляющий военной коллегией генерал Ливен, царь вызвал его утром 12 (24) марта и, обняв за шею, воскликнул в слезах: «Мой отец! Мой бедный отец!» — а потом, вдруг внезапно сменив тон, спросил: «Где казаки?» Ливен все сразу понял и тотчас же направил приказ о возвращении казачьей армии, направленной на Индию, домой... Так ли произошел этот эпизод или иначе, сказать сложно, но что доподлинно известно, что распоряжение о возвращении казачьих частей генерала Орлова 1-го датировано 12(24) марта 1801 г. Разумеется, марш казаков на Индию не являлся первой жизненной необходимостью для России и отменить это предприятие, было, пожалуй, логичным. Однако удивляет, что молодой царь, который согласно мемуарам многих современников так сильно переживал случившееся, страдал и рыдал, тем не менее сразу же вспомнил о стратегических проблемах внешней политики. Более того, на следующий день 13(25) марта граф Пален отправил послание Семену Воронцову в Лондон, в нем говорится: «Господин граф! В связи с кончиной его величества императора Павла I, последовавшей в ночь на 12-е от внезапного апоплексического удара, на трон вступил любимец и надежда нации — августейший Александр. *По его повелению* я имею честь сообщить вашему превосходительству, что петербургский кабинет, вернувшись отныне к своим принципам, некогда снискавшим ему всеобщее доверие Европы, готов сблизиться с сент-джемским кабинетом*, чтобы восстановить между Россией и Великобританией единодушие и доброе согласие, которые всегда характеризовали отношения этих двух империй. Его императорское величество соизволил доверить приятное и важное поручение этого спасительного сближения вашему превосходительству»[8].

Письмо Воронцову, так же как и приказ казакам, удивляет не столько содержанием, сколько датировкой. В предыдущей главе уже отмечалось, что для России плюсы от войны с Англией были весьма сомнительными. И, в общем, установление мирных отношений с Великобританией было, наверное, более выгодным. Однако здесь нужно сделать серьезную оговорку: стремительное, безоглядное сближение с Англией также не отвечало ни национальным интересам, ни тем более достоинству Российской империи. Если бы по приходе к власти Александр сделал некоторую паузу, осмотрелся, обдумал происходящее, а потом в ненавязчивой форме предложил *взаимовыгодный* мир англичанам, подобные действия можно было бы рассматривать как несомненно направленные

* Сент-Джемский кабинет — английское правительство.

на благо России. Но о мгновенном развороте политики на 180 градусов, произошедшем буквально в день убийства и спустя сутки после него, можно сказать только одно — кто платит, тот и заказывает музыку.

Бонапарт, несмотря на то что он был удален от русской столицы на тысячи километров, мгновенно понял суть происходящего. Как уже отмечалось, он был буквально сражен известием о гибели Павла и на следующий день после его получения принял решение, которое о многом говорит. 13 апреля 1801 г. по указу Первого консула Пьемонт отныне рассматривался как военный округ республики. Это еще не юридическая аннексия, но фактическое присоединение к Франции. Несмотря на то что французские войска заняли Пьемонт после разгрома армии Меласа при Маренго, несмотря на то что население этой провинции не желало возвращения австрийского владычества, а короля, поправ все принципы легитимизма, австрийцы сами не пустили на родину, Бонапарт все-таки оставлял статус Пьемонта под вопросом в связи с недвусмысленными требованиями Павла. Ради союза с ним, ради совместной войны против англичан Первый консул был готов рассматривать вопрос о возможном возвращении сардинского короля в свою столицу. Бонапарт мгновенно понял, что убийство Павла не обошлось без добрых советов из Лондона.

Отныне союз с Россией в той форме, в которой он мог существовать при правлении погибшего императора, очевидно, стал невозможен. Поэтому Первый консул считал, что теперь стратегические интересы в Италии важнее. Тем не менее он вовсе не отказывался от идеи не только сближения, но и союза с Россией. Он сам, наверное, понимал, что война с англичанами была для русских, скорее, следствием понятий Павла I о чести, чем политической необходимостью. Теперь Россия будет более бдительно относиться к своим материальным выгодам, значит, и Франция может подумать о своих. Но при всем при этом глобальные геополитические интересы обеих держав во многом совпадают и они неизбежно должны привести если не к совместным операциям в Индии, то, по крайней мере, к установлению в Европе стабильности и прочного мира.

Впрочем, деятельность русского посла в Париже Колычева не способствовала сближению двух стран. Встреченный салютами и парадами, самодовольный вельможа прибыл в Париж 5 марта 1801 г., еще при жизни Павла I, но его первое донесение от 9 марта будет суждено читать уже Александру I. Можно сказать, таким образом, что фактическая деятельность посла развивалась уже при новом царствовании. Назначение Колычева не может не удивить. Все действия и слова Павла, а они у него, как известно, совпадали, говорят о его искреннем желании создать русско-французский союз. Поэтому выбор императора заставляет пожать плечами. С первых шагов посланника в Париже он вел себя вызывающе, никоим образом не стремился, как подобает дипломату, сгладить острые углы, а наоборот, с каким-то патологическим наслаждением смаковал и подавал в рапортах под всеми соусами малейшие разногласия. Уже 9 марта, в тот же день, когда Колычев направил свое первое послание царю, он написал и своему непосредственному начальнику Ростопчину. Содержание этого документа заставляет раскрыть рот от удивления. Вот что пишет посол: «Я очень сомневаюсь, чтобы мы дождались чего-либо хорошего от Франции. Повторяю, она пытается нас поссорить со всеми, поставить нас в затруднение с намерением, быть может, вызвать волнение в Польше. Я умоляю вас, ради Бога, господин граф, убрать меня отсюда как можно скорее. Я все вижу в черном цвете, и от этого заболел. К тому же, по правде говоря, я чувствую, что моя миссия выше моих сил, и я сомневаюсь в успехе... Я никогда не свыкнусь с людьми, которые правят здесь, и никогда не буду им доверять»[9].

Когда Колычев узнал о смерти Павла, он несказанно обрадовался, потому что покойный император не мог бы одобрить многие из его действий. Отныне донесения посла представляют собой собрание враждебных консульскому правлению непроверенных слухов и болтовни, какой-то сгусток злости и старческого маразма. В своих донесениях, написанных в апреле 1801 г., он «уличал» Бонапарта в якобинизме. Первый консул оказывался и плохим политиком и предметом всеобщего негодования во Франции. А в письме Панину от 12 (24) мая он изображал Бонапарта как политическое ничтожество, живущее в постоянном страхе, под влиянием министра полиции Фуше: «Хотя это якобинец и злодей, но он имеет влияние, так как Бонапарт боится быть убитым или отравленным»[10]. Наконец, во время своих встреч с Бонапартом и его министром иностранных дел Талейраном Колычев вел себя так, как будто разговаривал если не с холопами, то, по крайней мере, с мелкими купчишками.

Ясно, что с подобным «дипломатом» переговоры шли туго. И, в конечном итоге, Бонапарт взорвался: «Невозможно быть более наглым и тупым, чем господин Колычев!»[11] — написал он своему министру 2 июня 1801 г. Вероятно, и сам Александр понял, что хотя бы ради приличия нужно заменить посла. В начале июля 1801 г. царь отправил в Париж нового уполномоченного. Этим дипломатом стал граф Аркадий Иванович Морков. Практически ровесник Колычева*, граф Морков был таким же напыщенным, самоуверенным сановником, как и его предшественник. Но что особенно удивляет, что его прошлое никак не могло дать повода представить, что он послужит орудием восстановления взаимопонимания между Францией и Россией. В эпоху Екатерины он был ярым сторонником участия России в коалиции. Наконец, Аркадий Иванович, мягко говоря, не блистал приятной внешностью: «Его лицо, отмеченное оспой, постоянно выражало иронию и презрение, его выпученные глаза и рот, кончики которого были всегда опущены, делали его похожим на тигра»[12], — вспоминал Чарторыйский, а голландский посол граф Гогендорп написал: «Более некрасивого человека я не встречал в моей жизни».

Но самое главное, не столько характер и внешность русского посла, а те инструкции, которые он получил. Эти инструкции представляют собой не только интереснейший исторический документ, но отмечают важнейший рубеж — в середине лета 1801 г. Александр самым серьезным образом взялся за внешнюю политику. Согласно запискам из архива графа Строганова, именно тогда на ' заседаниях Негласного комитета впервые всесторонне обсуждались внешнеполитические проблемы. Результаты этих обсуждений и размышлений легли на бумагу в виде инструкций графу Моркову от 27 июня (9 июля) 1801 г. Приводить этот документ целиком не представляется здесь никакой возможности, так как он занял бы в печатном виде примерно 20 страниц! Да и стиль документа резко контрастирует с подобными предписаниями Бонапарта или Павла. Там все коротко и ясно. Здесь все туманно и расплывчато, спрятано за пространными и трудно понимаемыми формулировками. Только после очень тщательного прочтения этой бумаги за абракадаброй корректных и ничего не значащих дипломатических фраз можно найти несколько слов, приподымающих завесу над истинными намерениями царя.

В инструкции раз сто повторяются слова «гармония», «согласие», а особенно часто «умеренность». Говорится о том, что нужно установить в Европе прочный мир, наладить хорошие отношения с Францией. Однако нет-нет и в размеренном, ровно текущем тексте вдруг прорываются плохо вяжущиеся с поверхностным содержанием, фразы: «...всякое нарушение обязательств, заключенных с империей,

* Колычев родился в 1746 г., Морков — в 1747 г.

вверенной мне провидением, положит конец системе умеренности, которую я себе предначертал». Казалось бы, слова вполне логичные. Само собой разумеется, что договоры между странами не могут безнаказанно нарушаться. Однако сказанное относится исключительно к Франции и именно ей адресована угроза. Александр пишет: «Если Первый консул французской республики будет продолжать поддерживать и укреплять свою власть путем ссор и смут, которые сотрясают Европу... если он даст увлечь себя потоку революции... война может продолжиться... в этом случае мой уполномоченный во Франции должен будет лишь наблюдать за действиями правительства и развлекать его внимание, пока *обстоятельства, более удобные, не позволят мне прибегнуть к более действенным мерам* (!)». Если перевести это все с тарабарского языка на русский, это означает, что молодой царь уже не просто угрожает войной, но говорит о ней как о деле для себя принципиально решенном, он хочет лишь дождаться «обстоятельств, более удобных». Наконец, вопрос о том, кто является другом и союзником России, по мнению Александра, также находит в этой инструкции недвусмысленное решение: «Из набросанной мной картины вытекает следующее: интерес общего блага и интересы моей империи заставляют меня желать прочного союза с венским, лондонским и берлинским двором». Подобное заявление фактически не оставляет камня на камне от всяких рассуждений о мире, общем благе и умеренности. В тот момент, когда писалась инструкция, между Францией и Англией продолжалась война, и желать прочного союза с англичанами означало желать войны с Францией. В тексте инструкции -неоднократно даются недвусмысленные характеристики французской республики: «злобный гений революции», «республиканский гнет» и др. В общем и целом складывается впечатление, что документ весь наполнен злобой, хотя по форме он относительно сдержан. Нет, это уже больше не Павел, который кричит и ругается на тех, с кем хочет драться, и откровенно, с чистым сердцем протягивает руку тем, с кем хочет дружить. За ровными, гладкими, дипломатическими фразами видится молодое лицо с холодной улыбкой и затаенной ненавистью во взоре.

Практически в эти же дни сходная инструкция была отправлена послу в Берлине Крюденеру. В ней можно найти абсолютно те же самые обороты, что и в наставлениях Моркову. Например, повторяется фраза «пока обстоятельства, более удобные, не позволят мне прибегнуть к более действенным мерам», «злобный гений революции» и т.д. Упоминая ситуацию в Египте, Александр называет пребывание там французов «гнетом врага». Обратим внимание, не «французским завоеванием», не «республиканским угнетением» или каким-нибудь еще эпитетом, а именно гнетом *врага.* Наконец, говоря о возможных действиях республиканского правительства, царь твердо заявляет: «Это означает вынудить меня *применить другие меры,* чтобы наложить узду на стремления, несовместимые со спокойствием Европы». Как известно, в межгосударственных отношениях кроме переговоров существует только один вид «других мер» — это сталь и свинец.

Нужно отметить, что инструкции, составленные для послов, являются персональным произведением Александра. Все выдает его руку: и стиль, и чувства, точнее, одно чувство — враждебность к наполеоновской Франции. Откуда эта странная, непонятная ненависть? Во всяком случае, она никак не могла появиться ни как следствие жизненно важных интересов России, ни как результат враждебных действий со стороны французской республики. В это время ничто не говорило и говорить не могло о каких бы то ни было проектах Бонапарта, направленных против России. Инструкции французским уполномоченным, рекомендации различным официальным лицам — везде в один голос повторялось одно и то же: Россия — это потенциальный союзник, с ней надо дружить: «Отныне ничто не нарушит отношений между двумя великими народами, у которых

столько причин любить друг друга и нет поводов ко взаимному опасению...»[13] — заявил Бонапарт, выступая 22 ноября 1801 г. с годовым отчетом «О состоянии Республики» перед законодательными учреждениями.

В наших руках все документы, которые когда-то были страшно секретными, и нигде ничего не найти, что бы выдавало какие-либо коварные замыслы нанести вред Российской империи. Да, Французская республика в ходе революционных войн получила значительные приобретения, но она и много потеряла в 1799 г. В 1801 г. Франция сохранила свою власть над левым берегом Рейна. Голландия оставалась вассальной республикой (так называемой Батавской). После изгнания австрийцев со значительной части севера Италии была воссоздана Цизальпийская республика, а Пьемонт присоединен (пока еще не окончательно) к Франции. Однако сложно было вообразить, каким образом эти владения за тысячи километров от границ России могли угрожать ее безопасности. Действительно, после победы в первой Итальянской кампании в 1796—1797 гг. Бонапарт, заняв Венецию и Ионические острова, вышел к Балканам, чем не мог не обеспокоить императора Павла. Но теперь ситуация полностью изменилась. Венецианские земли на Балканах заняли австрийцы, встав на пути дальнейшего расширения французского влияния. Ионические острова вообще были заняты русскими. Мальта оказалась в руках англичан. Французская армия в Египте была на грани капитуляции. В подобной ситуации Павел, например, не видел никаких принципиальных противопоказаний не только для того, чтобы установить мир и согласие, но даже заключить союз с Францией. Не следует забывать также, что в ходе революционных войн получила приращение не только Франция: англичане захватили французские колонии, расширили свое влияние в Индии, австрийцы, не переживая по поводу принципов «умеренности», столь дорогих царю, господствовали отныне на землях Венецианской республики. Наконец, еще всего лишь за шесть лет до этого была уничтожена Польша, в результате чего Россия, Австрия и Пруссия получили громадные территориальные приобретения. Сверх того, в этом же 1801 г. к России «добровольно присоединилась» Грузия. Но ведь и Пьемонт присоединился к Франции «добровольно».

Таким образом, геополитические соображения или вопросы чести и престижа страны никак не могли диктовать Александру враждебность по отношению к Бонапарту и его державе. С другой стороны, республиканские институты, которые еще оставались во Франции, тоже не могли, по идее, вызвать раздражение царя, ведь он постоянно афишировал свои либеральные взгляды. «Александр-меньше всех походил на борца с революционной заразой, — справедливо отмечает выдающийся русский историк Н.И. Ульянов. — Он еще до вступления на престол поражал иностранцев негодующими речами против «деспотизма» и преклонением перед идеями свободы, закона и справедливости. Конечно, цена его либерализму известна, и вряд ли приходится возражать тем историкам, которые считали его маской, но такая маска годится для чего угодно, только не для борьбы с революцией. Гораздо вернее, что у него не было никаких принципов и убеждений»[14]. Так что выражение «злобный гений революции» в инструкциях послам звучит как-то не очень убедительно, и чувствуется, что оно относится совсем не к революционным идеям.

Интересно отметить, что Александр не был и англофилом. Например, поступки графа Семена Воронцова ясны, последовательны и исходили из простого принципа — все, что хорошо Англии, должно быть хорошо остальным. Царь, хотя и окруженный многими англофилами, не проявлял лично каких-либо особых восторгов по отношению к туманному Альбиону. Но, как ни странно, он будет вести себя на международной арене так, как будто его главной мечтой было служить интересам Англии.

5 (17) июня 1801 г. между Россией и Англией была заключена конвенция, восстановившая мирные отношения и прежние договоры. Вероятно, в целях поддержания «гармонии» Россия полностью капитулировала в этой конвенции перед всеми английскими требованиями. Было восстановлено право «бумажной блокады». Это означало, что признавался блокированным не только порт, на самом деле окруженный боевыми кораблями, но и порт, который английское командование просто пожелает объявить блокированным. Было также уничтожено право неприкосновенности торговых судов нейтральных государств, сопровождавшихся военным конвоем. В интересах Англии в ущерб России была сформулирована статья 7 конвенции. Отныне признавалось нейтральным только судно, капитан которого и более половины команды были уроженцами страны, под чьим флагом оно ходило. Все дело в том, что на Средиземноморье экипажи русских торговых судов очень часто состояли почти полностью из греков. Отныне их безнаказанно могли захватывать англичане.

В Англии этот договор был встречен с восторгом, зато в России с недоумением. «На скорую руку, худо или хорошо, устроили сделку, в которой чувствовалась поспешность и желание *столковаться во что бы то ни стало»*[15], — написал об этой конвенции Чарторыйский. Еще более резко о ней высказался известный русский дипломат Павел Дивов: «...каждое *(ее)* наречение навеки погружало в ничтожество все труды бессмертные Екатерины II»[16]. Подобное соглашение поистине означало политику «двойных стандартов». То, что не могли ни за что простить Франции, легко прощали англичанам и австрийцам.

Почему же Александр так резко развернул российскую внешнюю политику? Не будучи англофилом, он готов был исполнять повеления из Лондона, не будучи закоренелым консерватором, сражаться против либеральных принципов. Понимая, что Франция не только не угрожает России, но и ищет с ней союза, действовать так, как будто завтра неизбежно должна была начаться война с французами. Единственным объяснением подобного поведения может служить только одно — личная неприязнь к Наполеону Бонапарту.

Конечно, рапорты Колычева, а затем и Моркова не могли пройти бесследно. Здесь было все, чтобы изобразить главу Франции и его державу в самых зловещих тонах. Но, быть может, другие, не имеющие столь прямого отношения к политическим проблемам, события сыграли не меньшую, а быть может, и большую роль в формировании отношения молодого царя к Бонапарту.

Князь Чарторыйский рассказывает в своих мемуарах следующий эпизод. В самые первые месяцы правления Александра супруга маркграфа Баденского, мать императрицы Елизаветы (или проще говоря, теща царя) приехала в Санкт-Петербург, чтобы увидеться со своей дочерью. Супруга маркграфа решила наставлять своего молодого зятя, как надо управлять государством, на великих примерах. И в качестве основного примера, как ни странно, выбрала Первого консула французской республики. В частности, она отметила, что церемониал во дворце недостаточно строг, а двору не хватает блеска и величия. «Она проводила параллель между ним *(Александром)* и Первым консулом, который в отличие от него лучше знает людей и чтобы его уважали, подчинялись и восхищались окружает себя блеском и не пренебрегает ничем, что могло бы увеличить престиж его правления, без которого никакая власть не может существовать. Маркграфиня, желая пробудить честолюбие своего зятя, советовала ему использовать уроки, которые дает миру такой великий гений. Она хотела, чтобы Александр брал пример с Наполеона, не поссорившись с ним, стал его конкурентом, чтобы, как Первый консул, он постоянно давал доказательства величия, силы, воли и решимости. Русские, говорила она, нуждаются в этом не меньше французов»[17].

Быть может, именно эти речи незадачливой графини вызвали в сердце Александра жгучую зависть и раздражение по отношению к Бонапарту. А может быть, этот, в отдельности взятый эпизод и не особенно сильно повлиял на отношения молодого царя к Первому консулу. Зато абсолютно очевидно, что в ту пору в санкт-петербургском обществе только и говорили, что о Бонапарте. Кто-то его поносил, кто-то говорил нейтрально, а многие восхищались. Вот что, например, можно было прочитать в книге «История Первого консула Бонапарте со времен его рождения, до заключения Люневильского мира», вышедшей в это время в Санкт-Петербурге:

«Но деятельный Гений сей, не токмо посреди войск блистает в полном своем сиянии; но и во время мира рождаются в нем новые силы, и он предпринимает и производит в действие те великие намерения, которые должны соделать счастливыми народы, пресечь все гражданские бедствия, приводящие их в отчаяние...

В недре покоя видим мы его размышляющего о сих великих и важных предприятиях, которые должны освободить один народ от угнетения другого, и восстановить то равновесие властей, без которых общество не что иное есть, как пустое слово...

К пылкой и непоколебимой храбрости присовокупляет он спокойное хладнокровие; к природным великим дарованиям и обширному разуму ту изобретательную хитрость, которую часто употреблял Ганнибал против Римлян; к мудрой медленности в размышлении всю скорость в исполнении; к стремительности юных лет опытность и зрелость старости; с познаниями воина соединяет он познание утонченного политика и добродетель мудростию путеводимую; к чувствам человеколюбивого сердца и воздержанию любовь к славе и отважность победителя. Тщательное воспитание, глубокое познание инженерной науки, обширный театр, который доставила ему Италия для военных его подвигов, все способствовало к развитию чрезвычайных дарований сего удивления достойного мужа, и к показанию Франции, что и она также имеет своего Вашингтона»[18].

Не исключено, что подобные речи и сочинения не беспокоили меланхоличного императора Австрии Франца II или ограниченного, полностью находящегося под властью своей жены прусского короля Вильгельма III, но самовлюбленного, завистливого и злопамятного царя они, в конечном итоге, судя по всему, не на шутку разозлили. С первых месяцев его царствования в его речах, бумагах и действиях с очевидностью проступает раздражение, переросшее затем в злобу, в конечном итоге ставшую непримиримой ненавистью к тому, кто был слишком популярен и знаменит.

Может удивить, что в этой ситуации мирный договор с Францией был все-таки подписан. И этому не помешали ни жесткие инструкции Александра, ни огромный нос Моркова. Дело в том, что в это же время начались предварительные переговоры между англичанами и французами. От войны устали не только французы, но и простые англичане. Страна была на грани банкротства, государственный долг поднялся до гигантской суммы в 12 млрд. фунтов стерлингов, цены на предметы первой необходимости взлетели, то там, то сям вспыхивали голодные бунты. Английским правящим кругам любой ценой необходимо было заключить если не настоящий мир, то получить хотя бы временную передышку для того, чтобы возобновить борьбу с новой силой. Разумеется, далекие стратегические планы английского правительства были неизвестны русскому послу, и он, несмотря на свою враждебность по отношению к Бонапарту и его стране, оказался сговорчивее Колычева. Мирный договор между Россией и Францией был заключен 26 сентября (8 октября) 1801 г. в Париже. Согласно его статьям, а также пунктам тайной конвенции, которая была подписана два

дня спустя, Россия признавала территориальные приобретения Франции, а французская сторона высказала принципиальное согласие предоставить сардинскому королю компенсацию за его потерянные владения в Пьемонте. Обе стороны договорились о том, что будут действовать совместно в вопросе территориального возмещения немецким князьям, потерявшим свои владения на левом берегу Рейна.

Несмотря на то что в это время англичане сами вели мирные переговоры с Францией, Александр поспешил оправдаться перед своими англофильски настроенными помощниками и их заморскими покровителями. В письме С. Воронцову от 7(19) ноября 1801 г. царь пишет: «Я предлагаю вам решить самому, сообщить ли английскому министерству приложенные к настоящему письму акты, заключенные в Париже, полностью или частично *(имеются в виду статьи тайной конвенции!).* Я хочу показать тем самым свою откровенность, надеясь, что эти секретные условия не будут разглашены другим. Я также считаю необходимым, по этому случаю, сообщить вам следующее: я совершенно не желаю вступать с французским правительством в какие-либо совместные действия и выражение «последующее согласие», употребленное Талейраном в его переговорах с графом Морковым, может быть разве что употреблено, если дело дойдет до этого, к вопросу о германских делах *(имеется в виду вопрос о компенсации германских князей))»*[ы].

Как видно из этого письма и из инструкций послам, Александр с самого начала своего царствования определил для себя приоритеты. Известный современный историк, специалист по русско-французским отношениям В. Г. Сироткин высказывает мнение, что резкий поворот конфронтации с Францией начался на рубеже 1803—1804 гг. и был обусловлен активностью французской дипломатии на Балканах[20]. Да, действительно, начиная с этого времени отношения между Россией и Францией становятся весьма натянутыми. Однако в позиции царя ничего принципиально нового ни 1803 г., ни в 1804 г. не появится. Его ненависть к Бонапарту станет более очевидной и получит больше возможности для своих внешних проявлений. В конечном итоге, несмотря на все обсуждения и совещания с министрами, направление внешней политики определял только царь. Уже хотя бы потому, что в среде русских политиков не было единого мнения по поводу того, как действовать на внешнеполитической арене.

Целый ряд влиятельных политиков считал, что Россия должна соблюдать «свободу рук». Сторонником тактики нейтралитета был участник Негласного комитета В.П. Кочубей. Он полагал, что Россия не нуждается ни в одной из европейских держав. Если она будет держаться независимо, они будут сами заискивать перед ней. Таким образом, она сможет воздержаться от участия в ненужных ей военных авантюрах. «Россия, — говорил он, — достаточно велика и могущественна по своим размерам, населению и положению; ей нечего бояться с той или другой стороны, лишь бы она оставляла других в покое. Она слишком вмешивалась без всякого повода в дела, которые прямо ее не касались. Ни одно событие не могло произойти в Европе без того, чтобы Россия не обнаружила притязаний принять в нем участие и не начинала вести дорогостоящие и бесполезные войны... Что приносили многочисленному населению России дела Европы и ее войны, вызывавшиеся этими делами? Русские не извлекали из них для себя никакой пользы, а только гибли на полях сражений и с отчаянием в душе поставляли все новых рекрутов, платили все новые налоги»[21]. «Мир и улучшение нашего состояния — вот те слова, которые нужно написать золотыми буквами на дверях кабинетов наших государственных деятелей»[22].

Другой влиятельной группой русских политиков были сторонники про-английской ориентации. К ним относились не только Воронцовы, но также Панин,

Строганов и Чарторыйский. Они настаивали на том, что единственно возможным альянсом для России является союз с Англией, и осаждали императора докладами и записками о пользе подобного союза. В своем англофильстве эти люди доходили даже до того, что утверждали, что русский народ изначально не способен к мореплаванию. «У нас никогда не будет торгового флота... — заявлял Воронцов. — Неспособность наших моряков и капитанов торгового флота такова, что мало кто пожелает нанимать и страховать наши суда по причине больших расходов, чем это требуется для судов других держав»[23]. А граф Панин писал следующее: «Борьба, которую Великобритания ведет практически одна сегодня против Франции, имеет цель поставить пределы могуществу, опасному для спокойствия Европы. Ее *(Англии)* интерес является, таким образом, и интересом нашего двора»[24].

Наконец, существовала и другая группа русских государственных деятелей, считавших выгодными для России сближение и союз с Францией. К ним относились: А.Б. Куракин, Ф.В. Ростопчин, Н.П. и СП. Румянцевы.

В общем же надо отметить, что, несмотря на наличие разных точек зрения на внешнюю политику России, большинство влиятельных лиц империи поддерживало линию независимого курса. «Господствующая партия есть партия национально-русская, — отмечал баварский поверенный в делах Ольри в 1802 г., — то есть образовавшаяся из людей, которые большею частью думают, что Россия может довольствоваться сама собою и что она должна поддерживать с европейскими великими державами лишь общие отношения, и прежде всего те, которые необходимы для вывоза ее земледельческих продуктов, что она не должна принимать никакого участия в обсуждении волнующих нас вопросов»[25].

Таким образом, у Александра I была полная свобода в выборе внешнеполитических приоритетов. В любой ситуации, конечно при условии отсутствия внезапных резких поворотов, которыми было ознаменовано предыдущее царствование, молодой император мог найти для себя точку опоры. Причем, разумеется, самым логичным, самым выгодным для России и самым простым с точки зрения исполнения был курс независимый, направленный не на внешнеполитические авантюры, а на укрепление благосостояния страны. Тем более что в конце 1801 г. — начале 1802 г. в Европе все шло к установлению мира и нормальных отношений между странами.

Летом 1801 г. в Египте отгремели последние выстрелы. 20-тысячная английская армия при поддержке 40-тысячного турецкого войска окружила французов в Александрии и в Каире. 27 июня 1801 г. войска под командованием генерала Бельяра вынуждены были сдать Каир, а 2 сентября генерал Мену после героической обороны капитулировал в Александрии. Впрочем, капитуляция, подписанная французами (так называемое Эль-Аришское соглашение), была исключительно почетной. Армия не сдавалась, а лишь покидала Египет на английских кораблях, сохраняя оружие и знамена. Это было, конечно, очень почетно для горсти французских солдат, сражавшихся до последнего, но ровным счетом ничего не меняло в политическом смысле: Египет, как и Мальта, был утрачен. Эта параллель не случайна: так же, как и на Мальте, англичане не очень спешили передавать отнятое ими у французов первоначальным владельцам. В Египте остались английские войска, а британские политики стали пытаться разыграть карту сепаратизма беев-мамелюков, стремясь с их помощью оторвать Египет от Османской империи и превратить его в свою колонию.

Отныне англичане, если не получили всего, что хотели, то, по крайней мере, могли найти компромисс с Бонапартом. С другой стороны, ситуация внутри страны стала поистине взрывоопасной. Сторонник войны до победного конца Уильям Питт вынужден был уйти в отставку, его преемник на посту премьер-

министра Аддингтон вступил в переговоры с французами. 1 октября 1801 г. в Лондоне были подписаны предварительные условия мирного соглашения между Францией и Англией. Переговоры продолжились во Франции в городе Амьен, и 27 марта 1802 г. представитель Англии лорд Корнуоллис и Жозеф Бонапарт подписали мирный договор. К договору присоединились также представители Испании и Голландии. Амьенский договор распространялся также и на Турцию, которая присоединилась к нему особым актом от 13 мая 1802 г.

Согласно статьям мирного договора, Англия обязалась вернуть Франции и ее союзникам — Испании и Голландии все отнятые у них колонии, за исключением острова Тринидад и Цейлона. Юридически подтверждалась эвакуация французами Египта, с другой стороны, англичане также обязались уйти оттуда. Наконец, Англия давала обещание эвакуировать войска с острова Мальта и вернуть его рыцарям Мальтийского ордена. В договоре никак не упоминались территориальные изменения, произошедшие в это время в континентальной Европе (приобретения Франции на левом берегу Рейна и в Италии, создание Итальянской республики). Это оставляло недоговоренность, которую каждый мог в будущем трактовать по-своему. Но в этот момент никто об этом не думал.

«В этот торжественный момент представители *{стран, участвовавших в переговорах),* подписавшие мирный трактат, обнялись друг с другом... Большинство зрителей были растроганы до слез. Они были так счастливы, что их радость выразилась в бурных криках ликования»[26], — сообщала газета «Журналь де Пари» о моменте подписания мира. Никогда еще, наверное, республика не видела такого радостного подъема, как в эти дни. «Восторженный возглас пронесся по всей Франции, на который словно эхо откликнулась Европа. Мы можем в этот раз полностью доверять рапортам полиции, когда она отмечает «выражения бурной радости», которые 5 жерминаля (26 марта) проявлялись «на площадях, перекрестках и в театрах», а особенно «в рабочих предместьях»[27].

Радостные чувства по поводу заключения мира охватили и англичан. Уже подписание предварительных условий было встречено здесь выражениями восторга, и приезд в Лондон посланца Первого консула превратился в триумфальное шествие. Жители Лондона распрягли лошадей из кареты генерала Лористона и на руках ввезли ее в Уайтхолл при ликующих криках толпы: «Да здравствует Бонапарт!» Вечером весь город был спонтанно иллюминирован. Традиционный английский вензель G.R. (Georgius Rex — король Георг), выложенный светящимися огоньками, в этот вечер перемежался с необычным для англичан R.F. (Repub-lique Frangaise — французская республика).

Люди устают от всего, и от ненависти тоже. Казалось, что в эти дни англичане полюбили народ, с которым сражались целые столетия. От мира все ожидали процветания и благополучия. В английских газетах можно было найти самые благожелательные статьи по отношению к Франции и Первому консулу, а лоточники бойко торговали веселым незатейливым лубком, изображающим толстого добряка, раскрывшего объятия для встречи тех, кого он так долго ждал. На картинке была подпись: «Джон Буль радостно встречает своих старых друзей: Белый хлеб, Свежее масло, Крепкое пиво и Ямайский ром».

Талейран написал с гордостью в своих мемуарах: «Можно сказать без малейшего преувеличения, что в момент подписания Амьенского мира Франция получила такой престиж, могущество, славу и влияние, что самый честолюбивый ум не мог бы пожелать большего для своего отечества... Меньше чем в два с половиной года... Франция, выйдя из того ничтожества, до которого довела ее Директория, стала первой державой в Европе»[28].

Действительно, 1802 г. стал годом великих свершений Первого консула. 18 апреля в праздник Пасхи под сводами собора Нотр-Дам был торжественно обнародо-

ван Конкордат, соглашение с Папой римским, который возвращал во Францию католическую религию, сохраняя при этом свободу совести для всех граждан республики. 26 апреля была объявлена амнистия всем эмигрантам, не запятнавшим себя преступлениями против отечества, и 150 тыс. человек, которые вынужденно покинули родину в годы революции, получили возможность вернуться домой. Всего лишь тысяча эмигрантов, те, кто командовали контрреволюционными войсками, и те, кто сохраняли свои посты при дворах бежавших принцев, исключались из амнистии. Можно сказать, что актом от 26 апреля 1802 г. во Франции была завершена гражданская война. Один из вернувшихся эмигрантов, перешедший на службу к Наполеону, писал следующее: «Я проехал 60 департаментов (регионы, на которые делилась Франция) и поставил себе за цель строжайше проверить всю информацию, все то, чему я так долго не верил. Я получал информацию у префектов, у местных властей, я использовал все возможные контр-проверки, и я вынес из моих поисков лишь одно — что никогда за всю историю Франция не была столь процветающей, лучше управляемой и более счастливой». Обращаясь к Государственному совету в мае 1802 г., Бонапарт сказал: «Теперь у нас есть правительство, есть власть, но что представляет из себя остальная часть нации? Разбросанные и не связанные между собой песчинки... Чтобы связать их между собой, необходимо заложить в основу государства фундамент из нескольких мощных гранитных глыб»[29]. Одной из этих «гранитных глыб» стал орден Почетного легиона, созданный декретом от 29 флореаля X года (19 мая 1802 г.). Этот орден явился поистине удивительным учреждением. Он достойно вознаградил тех, кто отличился на службе отечеству, а его учреждения оказались настолько жизнеспособными, что сохранились почти что в неизменной форме вплоть до наших дней. Наконец, в это время была почти завершена работа над Гражданским кодексом. Деятельность по составлению кодекса, окончательно утвержденного законом от 30 вантоза XII года (21 марта 1804 г.), началась летом
1801 г. и была закончена к марту 1803 г. Кодекс Наполеона, как он стал называть ся позднее, закреплял все основные преобразования, произошедшие в обществе в эпоху Великой французской революции. «...Кодекс Наполеона, — писал К. Маркс, — берет свое начало не от Ветхого завета, а от идей Вольтера, Руссо, Кондорсе, Мирабо, Монтескье и от французской революции»[30].

Наконец, в 1801—1803 гг. была проведена кардинальная административная реформа, создавшая современный государственный аппарат. В эти же годы была создана эффективная судебная система. А знаменитый закон от 11 флореаля X года (1 мая 1802 г.) учреждал систему высшего и среднего образования, не потерявшую своего значения вплоть до наших дней.

Никогда еще Франция не видела такого бурного экономического роста, как в эти годы. Все источники отмечают, что именно в 1802 г. начался подъем промышленности, который продолжился и в годы Империи. Если накануне прихода к власти Бонапарта валовой продукт Франции был на 40% меньше такового в 1789 г., к началу эпохи Империи он превзойдет дореволюционный уровень почти на 50%. Были предприняты огромные строительные работы как в самой Франции, так и на вновь присоединенных территориях. Строились новые дороги, каналы, порты. В этом году была начата прокладка дороги через Симплонский перевал в Альпах, была открыта новая дорога от Майнца до Страсбурга, сооружались дороги от Ниццы к Генуе, от Бордо к Байонне и т.д. Особенно интенсивно развивался Париж. Первый консул объявил, что он желает сделать столицу «самым прекрасным городом, который когда-либо существовал». Рапорт полиции от 26 мая
1802 г. сообщал, что «строительные работы ведутся с такой активностью, что едва хватает рабочих»[31]. А «Газетт де Франс» писала в эти же дни: «Если судить по

«Наполеон Великий».
Гравюра по рисунку Карла Берне из книги "Военные походы Наполеона Великого", подаренной Наполеоном Александру I при заключении Тильзитского мира.

многочисленности и активности общественного и частного строительства, которое ведется в столице, можно подумать, что строится новый город»[32].

Неудивительно, что свершения Бонапарта вызвали во Франции не просто энтузиазм, а восторженное чувство подъема. Страна, вышедшая из потрясений революции, словно расправила крылья, была полна энергии и веры в будущее. Помнится, как один пожилой француз, знаток Наполеоновской эпохи, блистательно резюмировал состояние духа людей того времени: «В эпоху Консульства все французы словно стали молодыми». Герцог де Брольи написал в своих воспоминаниях: «Эти четыре года *{Консульства),* подобно десяти годам правления Генриха IV, являют собой самую лучшую, самую благородную часть истории Франции»[33].

Ясно, что политический авторитет Бонапарта в этой ситуации стал столь велик, что, несмотря на республиканские институты, он получил практически неограниченные властные полномочия. Был проведен плебисцит по поводу передачи ему власти пожизненно. Его результатами было 3 568 885 «за» и 8 374 «против». Сенатским декретом от 14 термидора X года (2 августа 1802 г.) на основе плебисцита Наполеон Бонапарт был провозглашен пожизненным консулом. А через два дня, 4 августа 1802 г. «органическим сенатус-консультом» (сенатским разъяснением конституции) была принята новая конституция, вошедшая в историю под названием конституции X года. Она фактически учреждала власть, близкую по своей сути к монархической. Бонапарт отныне был не только пожизненным консулом, но и имел право представить сенату своего преемника.

Так, буквально за несколько лет, изменилась вся Франция. А события, произошедшие в 1802 г., и прежде всего мир, пришедший на землю Европы, не только не ослабили, а наоборот, укрепили власть Первого консула. Бонапарт выдвинулся за счет войны, но именно мир привел его к подножию трона. Резюмируя то, что он сделал в этот исторически удивительно короткий промежуток времени, лучше всего можно сказать словами самого Наполеона, написанными на острове Святой Елены: «Я засыпал бездну анархии и положил конец хаосу. Я очистил от грязи Революцию... Я дал возможность развиться всем соревнованиям. Я вознаградил все заслуги и раздвинул пределы славы...»[34]

Разумеется, внешнеполитические проблемы не были забыты Первым консулом. Он все так же стремился к установлению дружественных связей с - Россией. Ради этого он не пренебрегал никакими средствами и старался, чтобы ничто не могло нарушить добрых, как ему казалось, отношений с этой страной. В инструкции Талейрану Бонапарт распорядился даже проконтролировать, чтобы в печати не упоминалось название Польши как государства, чтобы, не дай Бог, каким-то образом не обидеть Россию. Осенью 1801 г. Первый консул направил в Петербург нового временного посланника, который пробыл в русской столице до августа 1802 г. Этим человеком стал молодой блистательный офицер Арман де Коленкур. В выборе посланника прослеживается очевидное желание произвести положительное впечатление на императорский двор и петербургское общество. Арман де Коленкур происходил из древней дворянской семьи, его предок уже в 1205 г. был одним из знаменитых героев Четвертого крестового похода. Дед и отец Армана были генералами королевской армии. С этой точки зрения никто не мог бы упрекнуть французского посланника, что он безродная выскочка, недостойный сидеть за столом с боярами. Коленкур к тому же был молод: ему исполнилось 29 лет, когда он прибыл в Петербург, и, следовательно, он был почти ровесником царя. Наконец, посланник был высок, красив, прекрасно умел танцевать и был очень любезен, а это в дипломатической деятельности далеко не последние качества. Сверх того, Арман де Коленкур был отважным воином. В последнюю кампанию (1800 г.) он сражался в рядах

Рейнской армии и во главе 2-го карабинерского полка, элитной кавалерийской части, покрыл себя славой. Впрочем, у Коленкура был один «недостаток» — для посла он был слишком честен и наивен. Последнее качество тоже немаловажный фактор, показывающий отношение Бонапарта к России. В Петербург он направил не хитрого, прожженного дипломатического агента, умелого официального шпиона, а благородного, красивого душой и телом человека, который должен был расположить к себе царя и петербургский свет.

Инструкции, данные посланнику, резко контрастируют с наставлениями, которыми царь снабдил Моркова. Они очень короткие и сводятся фактически к одной фразе: «...вы постараетесь выразить ему *{Александру)* от имени Первого консула твердое намерение французского правительства культивировать добрую гармонию и дружественные связи, которые счастливо установлены между двумя государствами»[35].

Александр встретил французского посланца со своей любезной улыбкой и заявил ему, что он очень хочет установления дружественных связей между государствами и «ничего не желает большего, чем сделать их вечными и более крепкими, что он очень привязан к Первому консулу и всегда с большим удовольствием видит тех людей, которых он посылает»[36]. Царь направил также в адрес Бонапарта письмо, наполненное любезными фразами.

Увы, действия царя совершенно не соответствовали его словам. В начале 1802 г. граф Морков был официально аккредитован как полномочный посол России во Французской республике. Из того, что уже ранее упоминалось, можно легко понять, что весь внешний и внутренний облик русского посла был словно специально подобран, чтобы вернее испортить отношения между странами. Вообще создается такое впечатление, что подобного человека можно было послать разве что с провокационными целями. С первого дня своего пребывания в Париже Аркадий Иванович сделал все для того, чтобы отрицательный настрой царя по отношению к Бонапарту перерос в настоящую ненависть. Совершенно непонятно, как посол, попавший в страну, в которой происходили гигантские позитивные сдвиги, не увидел и не услышал ничего другого кроме как брюзжания старух, вернувшихся из эмиграции. В его донесениях все описано только в черном цвете. «Положение *{Бонапарта)* непрочное. Его власть еще менее надежна после двух лет узурпации, чем в первый день... революция тяготеет всей своей тяжестью и его положение становится с каждым днем все более тяжелым... короли, которые страшатся, как бы стабильность власти узурпатора не стала опасным примером для всех народов, являются первой причиной прочности его власти, так как они обращаются с Бонапартом со слишком большим уважением... удивительная легкость, с которой он потерял свою популярность, которую дало ему подписание предварительных условий с Англией, ясно показывает тому, кто знает революцию, что есть план погубить его... считают, что конец амьенского конгресса будет тем пределом, после которого партия философов и республиканцев не даст ему более пощады... Кроме лживости и высокомерия, ставших с некоторого времени его *{французского кабинета)* колеей, он подвержен вечной переменчивости в мыслях, которые внушаются часто капризом и произволом, составляющими характер главного правителя»[37] и т.д.

«Нужно признать, что выбор графа Моркова никак не способствовал тому, чтобы скрепить согласие между двумя правительствами... — вспоминал князь Чарторыйский. — Он *{Морков)* избрал для себя язык и напыщенность старого версальского двора, добавив к ним много высокомерия. В его поведении не было ни вежливости, ни приветливости. Он прекрасно говорил по-французски, но его речь была почти всегда резкой, жесткой и неприятной, в ней не было ни

грамма чувства. И этого дипломата... Россия послала Бонапарту, чтобы оставаться в дружественных отношениях с ним»[38].

Морков не довольствовался постоянной бранью в адрес Бонапарта в своих рапортах. Он старательно посещал всех тех, кто мог быть оппозиционно настроен к существующей власти во Франции, и чуть что — бежал с жалобами к английскому послу. В разговорах с дипломатами, аккредитованными в Париже, он не прекращал чернить Первого консула, и в начале 1802 г. перешел все рамки дипломатических приличий. В это время в Европе пронесся слух, что Морков чуть ли не участвовал в заговоре против Бонапарта. В январе 1802 г. парижская полиция задержала некоего Шарля Фулью, который был изобличен в том, что писал провокационные антиправительственные памфлеты. На допросе 10 января Фулью сознался в том, что эти памфлеты он писал по заказу русского посла. Вот фрагмент протокола допроса парижской полиции:

«— Кому вы отдавали их *(памфлеты)!*

—Господину графу Моркову.

—В этих листах нет ничего кроме клеветы на первые правительственные лица и гнусных истолкований всех действий французского правительства: что могло заставить вас составлять их для иностранного посланника?

—Я составлял их, как требовал господин Морков...

—Объяснял ли он вам, какой смысл хотел видеть в издании?

—Да, тот смысл, в котором написан листок...

—Какое жалованье платил он вам?

—Он дал мне всего лишь 600 ливров. Но, по правде говоря, обещал через известный срок хорошее вознаграждение...

—Как вам показалось, считает ли он далеким время принудительного принятия нового порядка вещей *(антиправительственный переворот),* и на что он рассчитывал?

—Время не определялось. Но он надеялся и рассчитывал на возможное несчастье с Первым консулом, или на противоречия между верховными учреждениями и государственным советом, или на решительный разлад между генералами и Первым консулом, или на недовольство уволенных в отставку офицеров, или на истощение казны... что, по его мнению, весьма недалеко»[39].

Как ни странно, не желая портить отношения с Россией, Бонапарт сделал вид, что не заметил «неординарного» поведения русского посла. Более того, Морков получил от имени Первого консула дорогой подарок в благодарность за работу по заключению мирного договора! Посол докладывал в Петербург, что Талейран передал ему украшение в виде оливковой ветви, усыпанной алмазами. Ювелиры заявили, что готовы заплатить за него 199 800 ливров*.

Впрочем, совсем оставить без последствий выходку Моркова было невозможно. И в своем письме от 16 февраля 1802 г. Бонапарт в мягкой форме позволил себе коснуться поведения Аркадия Ивановича. В самом конце письма, где в очередной раз Первый консул подчеркивал выгоды русско-французской дружбы, он поместил короткое замечание: «Я прошу Ваше Величество не очень доверять разным тайным и поспешно составленным бюллетеням, которые могут послать Вам второстепенные агенты и которые могут послужить источником дурных слухов в Европе о положении во Франции»[40].

Очень сложно сопоставить покупательную способность тогдашних денег с современными. Франк, или как его по старинке часто называли ливр, содержал в себе 5 граммов серебра. 80 франков стоила корова, 10 франков — баран, на 100 франков можно было отлично одеться, а за 200 000 — купить роскошный замок с землями вокруг. Так что подарок, преподнесенный Аркадию Ивановичу, был поистине царским.

Как всегда, ответ Александра словно был заключен на различных уровнях — он говорил одно, писал другое, думал третье, а делал четвертое. В разговоре с Коленкуром царь воскликнул: «Я слышал, что некоторые делают глупости. Черт возьми! Если я получу об этом точные сведения, я примерно накажу виновного и не потерплю, чтобы делали гнусности от моего имени»[41]. Эта фраза была предназначена для благородного и честного офицера, без сомнения, чтобы показать ему, насколько Александр также прям и честен, как он. Что же касается главы правительства, ответ царя, направленный на его имя, был несколько иным. Он взял своего посла под защиту: «...я не придаю никакого значения тому, что могут делать ничтожные памфлетисты, которые никак не связаны с правительством, потому я и не придал значения обвинениям, которые были возведены на графа Моркова. Этот официальный представитель слишком хорошо знает мое стремление развивать и укреплять полнейшее согласие с Францией и поэтому невозможно, чтобы он решился потворствовать чему-либо противному интересам и планам его правительства»[42]. Наконец, для внутреннего, так сказать, употребления Александр лишь очень мягко упрекнул своего посла за общение с памфлетистом. Зато буквально за несколько дней до этого выразил ему свое полное доверие и поддержку: «Донесения ваши оправдывают в полной мере доверенность, которую имею я к деятельности и искусству вашему в делах. Ободряя все подвиги ваши (!!), нужным почитаю войти здесь в некоторые изъяснения для дальнейшего вашего руководства...»[43] Не прекращал царь высказывать доверие Моркову и впоследствии.

Конечно, позиция Александра не могла полностью ускользнуть от проницательности Бонапарта. Отправляя в Петербург своего нового представителя, на этот раз полномочного посла, генерала Эдувиля, Первый консул написал в инструкции: «Необходимо предвидеть, что в Петербурге существует влиятельная группировка, которая думает лишь о том, как укрепить связь России с Австрией и Англией в ущерб связям с Францией и Пруссией. Быть может, господин Морков является двигателем этих сил, что объясняет непристойность его поведения в Париже». Впрочем, Бонапарт, очевидно, не придавал этому пока большого значения: «Но существует столько общих интересов, которые должны связывать Францию и Россию, что вам будет легко победить противное течение и с каждым днем способствовать все большему единению наших стран». Наконец, Первый консул оптимистично заявлял: «Вы должны ожидать в России наилучшего приема»[44].

Эдувиль прибыл в Петербург 8 апреля 1802 г. и совершил торжественный въезд в столицу «с целой колонией сотрудников». Этот генерал не обладал родословной графа де Коленкура, тем не менее «производил выгодное впечатление отменной вежливостью, блестящей представительностью француза и наполеоновского генерала, с придатком величавой выдержки благоразумия, которая намекала на близость монархического переворота во Франции»[45]. Современники отмечали подчеркнутую сдержанность этого генерала: «Выбрав посла, поведение которого было благодушным, каким-то округлым, можно даже сказать скучным, французское правительство, возможно, желало успокоить умы тех, чьей дружбы оно желало»[46]. Что же касается самого Эдувиля, то он, уже словно по заведенному сценарию, в первом же своем послании от 19 апреля так написал об Александре: «Этот монарх является одним их красивейших людей своей империи, а на его лице написана доброта и доброжелательность»[47].

Внешне отношения между Францией и Россией в это время соответствовали облику генерала Эдувиля. Казалось, что ничего существенного не происходит. «Насколько я помню, — писал Чарторыйский, — это был обмен ничего не значащими посланиями, поток пустых фраз, которые можно было свести к одному общему пожеланию — будем оставаться спокойными, будем избегать всяких

затруднений и конфликтов»[48]. На самом деле спокойствие было только внешним, и если с виду отношения между Францией и Россией были достаточно ровными, в душе Александра происходили процессы, которым суждено будет нарушить это размеренное течение событий.

В июне 1802 г. Александр I встретился в городе Мемель с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III и его супругой — королевой Луизой. От отца у Александра осталось, пожалуй, одно только качество — это любовь к прусской военной выправке, прусскому стилю мундиров и военным экзерцициям. В течение недели королевская чета ничего не жалела, чтобы царь мог вдоволь насладится подобными зрелищами — парады, смотры следовали один за другим и сменялись непрекращающимися торжественными приемами и балами. Подобная встреча не должна удивлять: дело в том, что в это время в Европе активно обсуждался вопрос компенсации немецким князьям за потерянные ими владения на левом берегу Рейна. Главными арбитрами этих долгих и непростых переговоров были Россия и Франция. Так как Пруссия также потеряла ряд своих земель, она желала компенсаций и, забегая вперед, нужно сказать, что она получит их с лихвой.

Вполне понятно, что королевская чета пыталась задобрить того, от кого зависело будущее Пруссии. В ход были пущены все козыри и самый главный — красота прусской королевы. Действительно, белокурая Луиза была неотразима. Ей было 26 лет, она была изысканна, грациозна и с первого взгляда влюбилась в Александра. «Я никогда не видела Альп, — писала она своему брату, — зато я видела множество людей, и мне посчастливилось встретить одного человека в полном смысле этого слова»[49]. Александр обожал подобную игру. Хотя у него не было намерений оказаться на ложе прекрасной королевы, но ему нравилась эта кокетливая игра в любовь. Он тоже изобразил влюбленность и смотрел на Луизу грустными, томными глазами. «Бедняжка, он совершенно покорен и околдован королевой», — вздохнула, очевидно, записывая в своем дневнике, графиня Фосс. Впрочем, одному из своих «молодых друзей» император поведал, что он закрывал на ночь свою спальню на два оборота ключа, на всякий случай, чтобы восторженная красавица не прервала случайно своей пылкой страстью платоническую идиллию.

Несмотря на несколько комичный характер всей этой интриги, мемельская встреча сыграла огромную роль в дальнейших политических событиях. Если до нее Россия ориентировалась прежде всего на Австрию и Англию, то с июня 1802 г. царь станет ярым сторонником еще и прусского союза. С другой стороны, если Пруссия поддерживала в первые годы консульства Бонапарта профранцуз-скую ориентацию в своей политике, то после встречи в Мемеле прусская королевская чета все больше начала смотреть в сторону России.

Интересно, что любовь к Пруссии была поистине персональным чувством Александра. Правящие круги России привыкли ориентироваться, скорее, на Австрию, а в головах русских сановников были еще живы воспоминания о старых спорах с державой Фридриха П. Великий князь Константин Павлович, который всегда славился своей резкостью и прямыми высказываниями, воскликнул, обращаясь к Эдувилю: «Ненавижу пруссаков. Я охотно подрался бы с ними — в этом я настоящий русский»[50].

Тем не менее в вопросе о компенсации германским князьям Россия заняла весьма благожелательную позицию по отношению к Пруссии. Обсуждение этого вопроса официально началось в августе 1802 г. на сейме властителей немецких государств в Регенсбурге. Однако куда больше эти вопросы решались в приемной Талейрана и в кабинете царя в Зимнем дворце. Дело было безнадежно запутанным, ибо речь шла о перекраивании карт сотен «государств». Вкратце

его суть такова: властители немецких земель, которые потеряли свои владения на левом берегу Рейна, должны были получить компенсацию за эту потерю на территории Германии. Но где взять землю и подданных для нищих и жадных царьков? Вопрос был решен очень просто — за все должна была заплатить церковь. На территории Германии было огромное количество земель, принадлежавших церкви: архиепископства, епископства, аббатства, при этом они были независимыми государствами. Некоторые из этих «государств» представляли собой монастырь и одну деревню, другие были обширными феодальными владениями. Вот этими землями, а также «вольными городами» и должны были быть компенсированы немецкие князья.

Можно себе представить, какие интриги и «политические» бури разгорелись вокруг этого вопроса. Ведь речь шла о богатых владениях и миллионах в звонкой монете! Для министра иностранных дел Талейрана это был поистине звездный час — ведь князья не только мешали ему работать своими глупыми просьбами, но и самые сметливые из них подтверждали эти просьбы вескими аргументами. Злые языки утверждали, что некоторые умудрялись умело «забыть» на столе блистательного, но алчного министра увесистые табакерки, наполненные золотом.

Благородный Александр, конечно, не интересовался вульгарными взятками. Зато он с каким-то неистовым усердием занялся урегулированием этого вопроса и погрузился в «лабиринт бестолковых мелочей германской конституции». Кажется, что германские дела занимали царя больше, чем что-либо другое в этот период времени. Здесь, в отличие от непробиваемых трудностей внутренней политики России, Александр чувствовал себя на коне, блистательно ориентируясь среди огромной толпы двоюродных братьев, дядей, племянников и шуринов.

Действительно, не стоит забывать, что связи по крови царя с русским народом были весьма относительными, зато с Германией были несомненными. Дед Александра I, Петр III, как известно, был урожденный герцог Гольштейн-Готторпский, его бабка — урожденная княжна Ангальт-Цербстская, мать — урожденная принцесса Вюртемберг-Штутгартская, в общем, царь был по крови русским только на 1/16. Это, конечно, не очень важно, можно родиться немцем, но быть русским патриотом. Однако матримониальные связи накладывали все же неизгладимый отпечаток на повадки Александра. Сам он, как известно, был женат на Луизе-Марии-Августе, принцессе Баден-Баденской (в замужестве приняла русское имя Елизавета Алексеевна). У Александра было трое братьев и шестеро сестер. Следующий по старшинству за Александром брат Константин был женат на принцессе Саксен-Заафельд-Кобургской, Николай женился на принцессе Прусской, дочери Фридриха-Вильгельма III, Михаил женился на Елене, принцессе Вюртембергской. Сестры (за исключением Ольги, умершей в возрасте 3 лет): Александра вышла замуж за Иосифа, эрцгерцога Австрийского, Елена — за Фридриха-Людвига Мекленбург-Шверинского, Мария — за Карла-Фридриха Саксен-Веймарского, Екатерина — первым браком за Георга-Петера Гольштейн-Готторп-Ольденбургского, а вторым — за Фридриха-Вильгельма Вюртембергского и, наконец, Анна выйдет замуж за Вильгельма II Нидерландского... Вот такая простая русская семья!

Конечно же, нельзя было обидеть родственников, особенно, как поймет любой читатель, не стоило обижать тещу, да и дядьям надо было оказать почтение. Следовательно, Баден и Вюртемберг оказались в особенном почете. Не была забыта и возлюбленная, и потому Россия настойчиво принялась защищать обделенную, несчастную, маленькую Пруссию... В этом дележе были нарушены основные принципы русской политики: сохранять в Германии достаточное количество противовесов крупным германским государствам. Нужно сказать, что и французские политики также обычно следовали этому принципу.

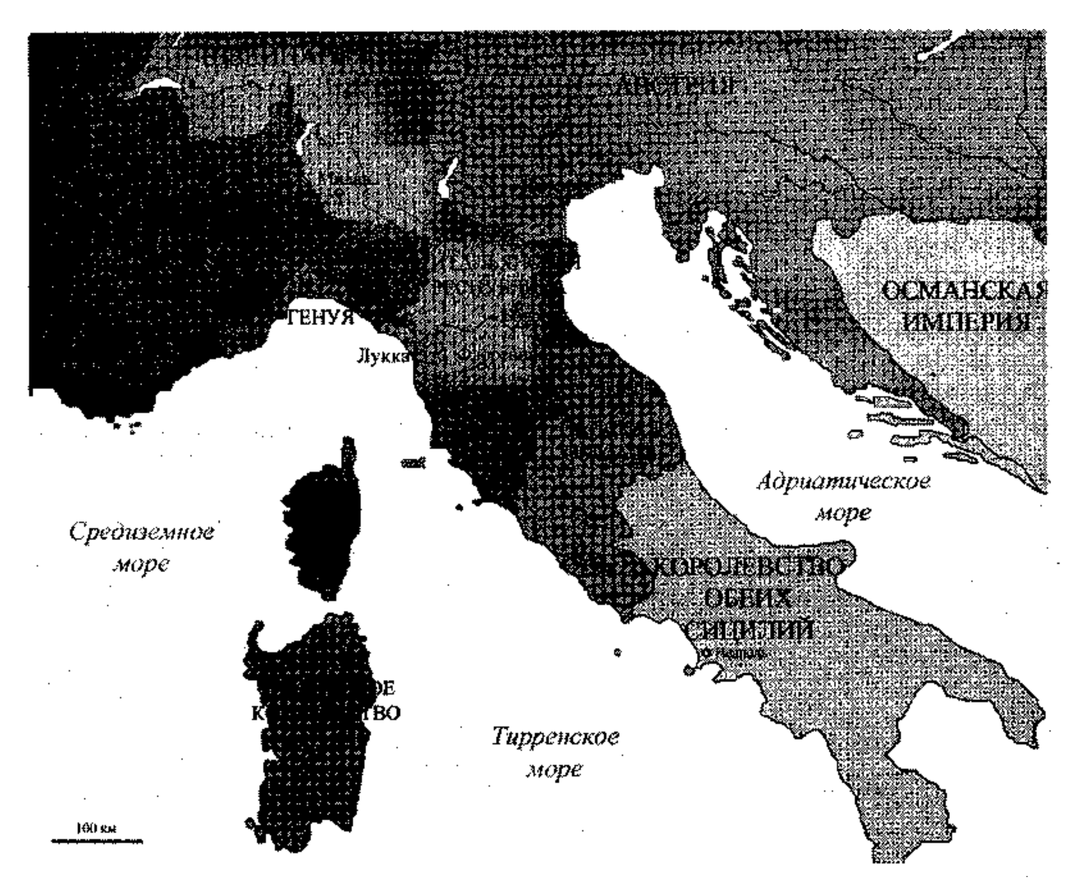
После длительного торга, который длился почти два года (до открытия сейма в Регенсбурге и во время его работы), удалось в итоге прийти к соглашению. Правда, оказалось, что некоторых мелких князей некуда было девать, но они не состояли в родственной связи с Александром. Да и к Талейрану, видимо, не смогли найти верный подход. И поэтому их судьба особенно никого не беспокоила, и уж меньше всего немецкий народ.

На заседании имперской депутации, собравшейся 25 февраля 1803 г., был принят план компенсации, предложенный «посредниками»: Россией и Францией. Постановление было одобрено сеймом 24 марта и утверждено императором Францем 27 апреля 1803 г. Этот важный документ вошел в историю под названием «Имперский рецесс (протокол)» или кратко, на доступном всем языке: Reichsdepu-tationhauptschluss. В соответствии с ним карта Германии стала значительно проще. Упразднялось 112 относительно значимых государств: 3 электорства, 20 епис-копств, 44 аббатства, 45 вольных городов. Одновременно исчезли все «вольные» деревни. Около 3 млн. человек сменили одного князя на другого. (Только 6 имперских городов сохранили свою самостоятельность: Аугсбург, Нюрнберг, Франкфурт, Гамбург, Бремен и Любек.) За счет этих земель были увеличены размеры более значимых государств. Больше всего получила Пруссия. Она потеряла на левом берегу Рейна 127 тыс. подданных, а взамен получила более полумиллиона! Причем это были уже не изолированные, далекие территории, а земли, прямо прилегающие к Пруссии. Но, пожалуй, больше всего досталось Бадену. Герцогство приобрело 240 тыс. подданных, а лишилось только 30 тыс., причем среди вновь приобретенных территорий был Гейдельберг с его всемирно известным университетом, и крупные города, такие, как Мангейм и Биберах. Ясно, что не остался в стороне и Вюртемберг, который получил тысячи новых подданных. Нетрудно догадаться, почему эти государства оказались в столь привилегированном положении. Что касается Баварии, ситуация здесь была другая. Эта страна была старым союзником Франции и также получила щедрые вознаграждения за свои потери, уступив 700 тыс. подданных, она получила 900 тыс. новых.

«Имперский рецесс» был, увы, не просто гигантским торгом. В Германии на место распыленных феодальных владений пришли значительно окрепшие государства. Особенно бросалось в глаза усиление Пруссии. Подобные изменения открывали дорогу к процессу, который ни Россия, ни Франция уже не будут контролировать. Желая любой ценой сохранить для Франции левый берег Рейна и одновременно сделать приятное родственникам царя, Бонапарт, сам, конечно, того не подозревая, бросил семена, давшие всходы значительно позднее. Также, конечно, и Александр догадаться не мог, что «Имперский рецесс» положит начало объединению Германии и сделает действительно жизненно необходимым русско-французский союз. Но это будет уже другая история...

Если, перекраивая карту Германии, Бонапарт действовал в тесном содружестве с Александром, то в Италии он распоряжался вполне самостоятельно. В начале 1802 г. по его инициативе в Лионе собрались депутаты от Цизальпийской республики. На торжественной ассамблее 26 января Бонапарт обратился к ним с речью на итальянском языке.

«Цизальпийская республика, признанная по Кампо-Формийскому миру, пережила с тех пор много потрясений... Захваченная вражескими армиями, она, кажется, должна была исчезнуть с лица земли, но французский народ силой оружия снова прогнал ваших врагов с вашей территории... Представители шести разных народов *(шести бывших мелких государств, которые были объединены в одну республику),* вы объединитесь под сенью одной конституции... У вас были только местные законы, теперь у вас будут законы, общие для всех.

Итальянские государства. 1802 г.

У вашего народа были только местные традиции, нужно теперь, чтобы у вас появились национальные традиции...»[51]

После речи Бонапарта, которая была встречена бурными рукоплесканиями, на трибуну поднялся один из депутатов, который должен был зачитать текст конституции. Начиная свое выступление, он медленно произнес слова: «Конституция республики...» и сделал паузу. Зал не дал произнести ему слово «Цизальпинской», в едином порыве депутаты закричали: «Итальянской!» Все посмотрели на Бонапарта, он секунду подумал и кивнул головой. Так состоялось рождение Итальянской республики. Ее первым президентом единогласно был избран Наполеон Бонапарт, а вице-президентом — известный либеральный политический деятель и патриот Франческо Мельци.

События, произошедшие в Лионе, получили название «Лионская консульта». Разумеется, новая республика была вассальным от Франции государством. У нее не было самостоятельной политики, и ее ресурсы отныне служили планам Первого консула. Тем не менее нельзя не отметить, что гордое имя «Итальянская» только одним фактом своего существования открыло новую эпоху в истории. Именно республика, созданная по воле Бонапарта, послужила основой для будущего объединения страны. В ней зародились истоки движения Ри-сорджименто, и ее офицеры и солдаты станут после гибели наполеоновского государства борцами за свободу Италии. Знаменитый поэт Розетти написал:

«В этом необыкновенном человеке, который был нашим победителем, Италия увидела своего сына. Его великая душа, воссиявшая в мире, родилась от искры итальянского солнца»[52].

Впрочем, «великая душа» не ограничилась созданием Итальянской республики на Апеннинском полуострове. 11 сентября 1802 г. было принято решение об аннексии Пьемонта. Де-факто это мало что меняло в положении провинции. Уже с весны 1801 г. Пьемонт управлялся из Парижа, пьемонтские войска были влиты в ряды французской армии, а молодежь подлежала отныне призыву на службу в войска наравне с французами. Однако изменение юридического статуса означало конец даже последних смутных сомнений по поводу возможности возвращения сардинского короля в свои владения. В самом Пьемонте его присоединение к Франции было воспринято почти что без эмоций. Зато при европейских дворах, и прежде всего в Санкт-Петербурге, этот акт Бонапарта вызвал бурю негодования.

Прочно укрепившись в Италии, Бонапарт не позабыл и о Швейцарии. Здесь не утихала ожесточенная политическая борьба. С одной стороны, так называемые федералисты, сторонники независимости друг от друга отдельных регионов (кантонов) и олигархии, с другой стороны «унитаристы», сторонники единства страны (отныне называемой «Гельветическая республика») и либерального правления. Федералистов поддерживала Англия и Австрия, «унитаристов» — Франция. После разгрома Второй коалиции французы снова заняли Швейцарию и, естественно, поддержали своих сторонников. Когда в июле 1802 г. французская армия покинула страну, там снова разгорелась гражданская война. Тогда по приказу Бонапарта в октябре 1802 г. войска под командованием Нея опять вступили в Швейцарию. Порядок был быстро наведен, и Бонапарт решил собрать в Париже представителей от обеих враждующих группировок. 19 февраля 1803 г. в Париже был подписан так называемый Акт о посредничестве. Фактически, это была конституция страны, которая сохраняет свое значение и поныне. Конституция была умелым компромиссом между враждующими партиями. «Учредить единое представительное правление для всей Швейцарии, — заявил Первый консул, — это означает урезать свободу мелких кантонов, которые всегда управлялись демократически... С другой стороны, учредить демократию в богатых кантонах, например, в Берне, означает желать невозможного и подвергаться риску вызвать в стране смуту. Поэтому необходимы различные виды правления для этой столь разнообразной страны»[53].

Швейцария получила название Гельветической конфедерации. Формально она сохраняла полную независимость от Франции, однако Бонапарт в недвусмысленной форме заявил депутатам, что не потерпит присутствия на территории их страны вражеских войск: «Что касается англичан, им нечего делать в Швейцарии. Я не потерплю, чтобы она стала новым островом Гернеси *{маленький остров у берегов Франции, принадлежащий англичанам)* на наших границах»[54]. Гельветическая конфедерация заключила с Францией союз на 50 лет и, кроме того, возобновляя традицию эпохи старого порядка, обязалась выставить для службы Франции воинский контингент из четырех пехотных полков с артиллерией (всего 16 тыс. человек). Этот контингент оплачивался за счет французского военного министерства и проходил службу на особых условиях. Швейцарцы скрупулезно выполнят условия договора и, оставаясь независимыми в своих внутренних делах, будут неукоснительно поддерживать союз с Францией, а швейцарские солдаты верно и преданно сражаться на всех полях битв, вплоть до самого падения империи Наполеона.

Оценивая произошедшее в 1802 г. в Европе, справедливо задать вопрос: насколько действия Бонапарта мотивировались политической необходимостью? Существует точка зрения, что именно действия французов в Швейцарии, а

также присоединение Пьемонта послужили главным толчком к формированию новой коалиции против Франции. Талейран позже утверждал, что он предостерегал Бонапарта от аннексии Пьемонта, и только неумеренная страсть к завоеваниям толкнула Первого консула на этот шаг. Ничего подобного нельзя найти в документах той эпохи. Талейран, как и многие политические деятели республики, был вполне солидарен с Бонапартом в этом вопросе. Выдающиеся историки начала XX века Аломбер и Колен в своей монументальной публикации, посвященной войне 1805 г., отметили: «Чтобы за хитросплетениями дипломатических интриг понять сущность внешней политики того времени, нельзя терять из виду важнейший фактор... непримиримую враждебность, которую испытывала монархическая и феодальная Европа по отношению к революционной Франции... Эмигранты повсюду при европейских дворах составляли нечто подобное тайного объединения, направленного против своего бывшего отечества... Правительства, наиболее благожелательные *(по отношению к Франции),* были словно окутаны атмосферой ненависти, от влияния которой сложно было избавиться... Его характер *(Наполеона)* подталкивал его, без сомнения, к аннексиям... Но нужно учитывать, что он не должен был рассчитывать ни на какую помощь, ни на какую искреннюю объективность, и наиболее мудрым, быть может, было обеспечить себя на всякий случай как можно большими ресурсами»[55].

Бонапарт мыслил часто по-военному, и ему казалось, что оборонительный рубеж дорого стоит лишь тогда, когда обеспечена возможность перейти с него в наступление: если объяснять просто, то в защитной стене должны быть ворота, перед воротами мост, перед мостом предмостные укрепления. Когда-то знаменитый маршал XVII века Тюренн давал такой совет: «Вы хотите оборонять левый берег Рейна? Ну что ж, тогда перейдите на правый».

В документах того времени нельзя найти никаких планов Первого консула покорить Европу, а уж тем более напасть на Россию. Наоборот, все подчеркивает, что именно мир дал Бонапарту самые главные политические козыри. Тем не менее не следует забывать, что молодому герою исполнилось всего лишь 33 года. В Европе опасались его честолюбия, огромной энергии и ни на минуту не утихающей, бурной деятельности. «Как жаль, что этот человек не имеет хоть чуточку лени!», — однажды метко заметил Талейран. И все же предположения о дальнейших грандиозных захватнических планах Бонапарта относятся лишь к области гипотез. Главной целью Первого консула было создание мощного оборонительного пояса вокруг Франции за счет присоединения территорий, которые попали в сферу французского влияния в ходе революционных войн; заключение надежного союза с могущественным государством (прежде всего речь шла о России), наконец, колониальная экспансия. В отношении последней необходимо вспомнить, что на этот путь уже давно встала Англия. И это никак не беспокоило ни Россию, ни Австрию.

Нужно сказать, что общественное мнение России, за исключением, конечно, салонов, где господствовали эмигранты, не слишком переживало из-за усиления Франции. Вот что писал, например, знаменитый журнал того времени «Вестник Европы» под редакцией Карамзина по поводу создания Итальянской республики: «Мысль созвать Консульту в Лионе была уже, как пишут, следствием его намерения, конечно согласного со благом Итальянской Республики: ибо в самом деле она не могла найти между своими гражданами такого человека, которого имя и характер имели бы право на всеобщее уважение, необходимое для сего великого сана. Если же надлежало искать Президента во Франции, то избрание Бонапарте всего сообразнее с честью и с благодарностью Итальянской Республики; всякое другое оскорбило бы народную гордость ее. Счастье Консула во всех делах служит ей сверх того благоприятным предзнаменованием»[56].

Если общественное мнение России вполне индифферентно восприняло события в Италии и Швейцарии, в речах и действиях Александра I произошло окончательное формирование резко негативного отношения к Первому консулу. Этому способствовали и события личной жизни, о которых упоминалось, и мнимые и реальные опасения, наконец, не последнюю роль сыграла и встреча в Мемеле с прусской королевской четой. Выбор царя окончательно был сделан. Своему воспитателю и другу Лагарпу Александр в августе 1802 г. заявил: «Как и вы, любезный друг, я полностью изменил свое мнение о Первом консуле. С того момента как было провозглашено пожизненное консульство, маска упала. Теперь дело пойдет все хуже и хуже... он решил подражать европейским дворам, растоптав конституцию своей страны. Теперь это один из самых отъявленных тиранов, которых когда-либо знала история»[57]. Конечно, провозглашение пожизненного консульства и территориальное расширение Франции могут вызывать споры и разноречивые мнения, однако подобная фраза в устах владельца миллионов крепостных рабов звучала поистине иезуитски! Но противоречия не смущали Александра. Вообще вся его политика, начиная с этого периода, будет пронизана только одной идеей — личная ненависть по отношению к Бонапарту. Все остальное — путаная, противоречивая болтовня то о защите свободы, то о необходимости спасать троны и алтари, то трогательная забота о независимости малых государств, то планы по их аннексии, так как «они не служат... никоим образом для общего благополучия (И)»[58].

Внешнеполитическая ориентация царя нашла свое материальное воплощение в сентябре 1802 г., когда впервые в России были созданы министерства. На пост министра иностранных дел был назначен граф Александр Романович Воронцов (брат посла в Лондоне Семена Воронцова), его ближайшим помощником стал князь Чарторыйский. Одновременно Александр Воронцов стал канцлером Российской империи. Нет необходимости пояснять, что А.Р. Воронцов был ярым сторонником проанглийской ориентации русской политики. Подобных же взглядов придерживался и Чарторыйский. Отныне внешняя политика России сосредоточилась в руках тех, кто яро ненавидел Францию и еще больше разжигал враждебное отношение Александра по отношению к Первому консулу.

В начале ноября царь написал пространное послание своему послу в Лондоне Семену Воронцову, а на следующий день министр иностранных дел граф Воронцов также написал своему брату. Эти письма от 6 (18) ноября и 7 (19) ноября можно рассматривать как программу русской политики на ближайшее время. Они были ответом на предложение антифранцузского союза, с которым в октябре 1802 г. английское правительство через своего посла в Петербурге Уоррена обратилось к России. Нужно сказать, что министр иностранных дел, несмотря на свою проанглийскую ориентацию, отнесся к предложению союза достаточно сдержанно: «Признаюсь Вам, что к такому предложению я никак приготовлен не был; да и вообще оно кажется весьма рановременно»[59]. Однако это был вовсе не принципиальный отказ, а лишь указание на то, что Россия пока не готова к войне. В том же письме министр писал, что «интересы России и Англии столько имеют между собой общего, что и без постановления на бумаге они друг друга союзниками считать себя могут»[60].

Что же касается Александра, то его послание было куда более сильным в выражениях. Царь отмечал с радостью, что «британское министерство заметило, наконец, насколько Амьенский договор... удалил континент от Великобритании. Усилия, которые сент-джемский кабинет предпримет, чтобы вновь сблизиться с ним, будут мне тем более приятны, что я считаю это совершенно необходимым для поддержания равновесия и общего спокойствия в Европе». Александр опять

трогательно заботился о свободе у других: «Участь, угрожающая Швейцарии, может лишь обострить внимание великих держав, а захватнические намерения, проявляемые в отношении ее, не могут не обеспокоить остальные страны Европы. По моему убеждению, каждая свободная страна имеет право избрать себе такой образ правления, который бы соответствовал ее положению, ее территории и обычаям ее жителей»[61]. Александр восхищался господством английского флота на морях и фактически рекомендовал британцам начать войну на море, как всегда, разумеется, употребляя свои любимые расплывчатые формулировки о гармонии и умеренности: «Она *(Англия)* имеет в своем распоряжении также другое средство, эффективность которого не может подвергаться сомнению. Я имею в виду ее военно-морские силы. Хотя они и не могут достигнуть самой Швейцарии, однако их развертывание и несколько вовремя проведенных демонстраций непременно побудят французское правительство к умеренности. Англия дала Франции столько доказательств своего превосходства над ней в этой области, что эффективность подобной меры не может вызывать сомнений»[62]. И завершал декларацией своего принципиального желания вступить впоследствии в союз с Англией: «Откровенность данного объяснения послужит, как я надеюсь, для короля Англии гарантией того, как сильно я хочу прийти к соглашению с его величеством по данному вопросу, как и по всем другим вопросам, которые могли бы в дальнейшем возникнуть и привести к нарушению равновесия в Европе. Мне не нужно, говорить Вам, что все эти предложения и разъяснения, даваемые в ответ на предложения и разъяснения, которые были сделаны здесь английским послом, должны быть сообщены с принятой осмотрительностью и под величайшим секретом»[63].

Для Александра, любителя туманных, неясных выражений, было сказано уже более чем достаточно. Отныне царь взял курс на войну с Францией.

1 Цит. по: Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1994, с. 51.

2 Цит. по: Mouravieff B. Lalliance Russo-turque an milien des guerres Napoleoniennes. Bruxelles, 1954, p. 93.

3 Czartoryski A.-J. Memoires du prince Czartoryski et correspondance avec PEmpereur Alexandre P[r]. Paris, 1887, t. 1, p. 298.

4 Archives Nationales. AF IV, 1696, d. 1. Observations fugitives a I'occasion de la mort de Paul l[el].

5 Сборник РИО, т. 70, с. 178.

6 Archives Nationales. AF IV, 1696, D.l

7 Сборник РИО, т. 70, с. 180-181.

8 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского мини стерства иностранных дел. М., 1960, т. 1, с. 11—12.

9 Сборник РИО, т. 70, с. 43-44.

10 Там же, с. 154.

11 Там же, с. 171.

12 Czartoryski A.-J. Op cit., p. 357.

13 Correspondance de Napoleon..., t. 7, p. 336.

14 Ульянов Н.И. Александр I — император, актер, человек. // Родина. 1992, № 6—7, с. 144.

15 Чарторыйский А. Мемуары князя Чарторыйского и его переписка с императором
Александром I. М., 1912, т. 1, с. 249.

16 Дивов П.Г. Повествование... // Русская старина, 1899, кн. 11, октябрь, с. 80.

17 Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 276.

18 История Первого консула Бонапарте со времен его рождения, до заключения Люневильского мира. СПб., 1802, с. III, IV, VII, VIII.

[19] Сборник РИО, т. 70, с. 705.
[20] Сироткин В.Г. Наполеон и Александр I. М., 2002, с. 57—59.
[21] Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 292-293.
[22] Архив кн. Воронцова. М., 1870-1897, т. 18, с. 241.
[23] Внешняя политика России... т. 1, с. 66
[24] Там же.
[25] Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствова ния (1802—1806) императора Александра 1//Исторический вестник, 1917, № 1, январь, с. 125.
[26] Journal de Paris, 10 germinal an X, 30 mars 1802.
[27] Madelin L. Le Consulat. P., 1939, p. 160.
[28] Talleyrand. Memoires. Paris, 1953-1955, t. I, p. 286.
[29] Adresse de Napoleon au Conseil d'Etat le 4 mai 1802.
[30] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 1, с. 112.
[31] Цит. по: M. Guerrini, Napoleon et Paris. Paris, 1967, p. 105.
[32] Ibid.
[33] Broglie A.-C.-L. Souvenirs (1785-1870) du feu due de Broglie. Paris, 1886, t. 1.
[34] Correspondance... t. 32, p. 329—330.
[35] Сборник РИО, т. 70, с. 706.
[36] Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoleon. Paris, 1891, p. 20.
[37] Сборник РИО, т. 70, с. 312, 315, 316, 317, 280.
[38] Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 357-358.
[39] Сборник РИО, т 70, с. 325-327.
[40] Там же, с. 341.
[41] Там же, с. 362.
[42] Там лес, с. 371.
[43] Там же, с. 345.
[44] Там же, с. 359-360.
[45] Там же, с. LXXXII.
[46] Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 338.
[47] Сборник РИО, т. 70, с. 724.
[48] Czartoryski A.-J. Op. cit., p. 339.
[49] Цит. по: Sorel A. L'Europe et la Revolution franchise. Paris, 1903, p. 235.
[50] Сборник РИО, т. 70, с. 577.
[51] Correspondance... t. 7, p. 371—372.
[52] Цит. по: Fugier A. Napoleon et PItalie. Paris, 1947, p. 335.
[53] Цит. по: Talleyrand et le Consulat, p. 696.
[54] Ibid.
[55] Alombert P.-C, Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002, t. 1, p. 46.
[56] «Вестник Европы», 1802, ч. 2, № 5, март 1802, с. 85.
[57] Tatistcheff S. Op. cit., p. 43.
[58] Внешняя политика России... 1961, т. 2, с. 142.
[59] Там же, т. 1, с. 331.
[60] Там же.
[61] Там же, с. 327-328.
[62] Там же.
[63] Там же.

ГЛАВА 5
МАЛЬТА ИЛИ ВОЙНА!

С мечом в руках — о мире говорить!
Мне даже слово это ненавистно.
Как ад, как все Монтекки, как он сам!

Шекспир. Ромео и Джульетта.

Вечером 31 декабря 1802 г. весь Париж был залит огнями. Никогда еще столица Франции так весело не праздновала новый год, как в этот раз. Вообще-то по официальному календарю новый год нужно было бы встречать 1 вандемьера XII года (24 сентября 1803 г.). Но с возвращением религиозных праздников республиканский календарь постепенно превращался лишь в способ датировать официальные документы. Страна искренне радовалась спокойствию и процветанию, пришедшему после более чем десятилетия войн и потрясений. «Кондитерские и продуктовые лавки, магазины предметов роскоши словно нарядились во все новое. Перед их витринами столпились зеваки... А во всех домах только и думали что о подарках, которые нужно подарить или которые получили, о детях, которых нужно угостить, о семейном ужине, который нужно приготовить. В ночь с 31 на 1 все улицы были заполнены шумной и веселой толпой; вечер первого января был посвящен, прежде всего, праздникам с домашними...» — записал в своем дневнике известный немецкий музыкант Иоганн Фридрих Рейхардт, посетивший Париж зимой 1802/03 г. Он же добавляет: «Можете не сомневаться, что все кондитеры ухватились за портрет Бонапарта. Они сделали его из всего чего только можно, всех мыслимых размеров и украсили его самыми затейливыми рамками. Сходство большей частью было удачным»[1].

Вместе с парижанами веселились и многочисленные иностранные туристы. Конечно, транспорт той эпохи несколько отличался от современного, и путешествовать за границу могли себе позволить только богатые люди, однако современники отмечают небывалое для того времени количество иностранцев во Франции, и прежде всего англичан. Уже упомянутый нами немецкий путешественник написал: «Невозможно сделать шаг по улице, не встретив семьи английских буржуа... Чаще всего толстых, краснолицых, комично одетых, смешно переваливающихся с ноги на ногу, как гуси, или застывших, открыв рот, перед достопримечательностями города. Флегма и самоуверенность этих людей, уверенных в своей «почтенности», представляют из себя забавный контраст с живостью французов. Лондонцы, которые никогда еще не покидали свой город и даже свою улицу, поистине непривычное зрелище здесь. Легкость и дешевизна дороги из Лондона в Париж вызвали эту миграцию. За пять гиней, считая все расходы, любой из этих славных лавочников может совершить комфортабельное путешествие... Некоторые эксцентричные туристы совершают блицвояжи: они приезжают 15 числа любого месяца, чтобы увидеть парад с личным участием Первого консула или побывать на большом консульском приеме, и уезжают вечером в независимости от того, состоялся парад или прием»[2].

Для многих визитеров посещение Франции было сюрпризом. «Они воображали найти разоренную страну, покрытую кабаками, где роскошные отели и танцевальные сборища соседствуют с игорными домами, где прогуливаются толпы полуголых женщин и разодетых «инкруаяблей»*, короче, банду разбойников,

Incroyables — доел, невообразимые, прозвище модников в эпоху Директории.

прожигающих на оргиях богатства, захваченные у старой Европы. А вместо этого они видели хорошо обработанную землю, многочисленный скот, чистые дома, строящиеся фабрики и повсюду порядок, работа, честный достаток, возвращение обеспеченной жизни... Они воображали встретить Первого консула как удачливого рубаку, выскочку... а вместо этого видели великого государственного деятеля»[3], — блистательно резюмировал впечатления английских туристов от Франции выдающийся классик исторической науки Сорель.

Среди посетивших Францию англичан был и знаменитый лидер партии вигов Джеймс Фокс. Он был принят на ужин Бонапартом и как многие, кто встретил лично Первого консула, остался под впечатлением от этого свидания. Фокс с уверенностью заявил после этой встречи, что у него нет сомнений по поводу искренности Бонапарта и его желания сохранить мир.

Увы, несмотря на энтузиазм, который вызвало в Англии подписание Амь-енского договора, и на дружеские визиты, мир между странами был непрочным. С первых месяцев его подписания английские купцы отметили значительное уменьшение прибыли от морской торговли. В 1801 г. Англия вывезла на экспорт 1 958 000 тонн различных товаров. В 1802 г. эта цифра упала до 1 895 000 тонн, а в 1803 г. до 1 789 000. Надежды на доходы от нового обширного французского рынка не оправдались. В начале 1803 г. во Франции был введен жесткий налоговый тариф, который особенно ударил по продукции текстильной промышленности, являвшейся, как известно, одной из главных составляющих английской индустрии*. Бонапарт, желая жить в мире с Англией, заботился прежде всего о развитии французской промышленности и совершенно не желал широко открывать двери дешевым английским товарам. Более того, Франция активно завоевывала новые рынки для себя. Французские товары отныне все больше продавались в Испании и даже в Португалии, которая всегда рассматривалась как чуть ли не вассальная Англии страна, появилась продукция французских фабрик, и прежде всего французское сукно. С другой стороны, мир позволил французам беспрепятственно ввозить товары из колоний. В Париже сахар, какао и кофе подешевели чуть ли не вдвое. Бонапарт нисколько не скрывал своих колониальных амбиций. Французы снова заняли Мартинику и Гваделупу, а на Сан-Доминго, где негры восстали против плантаторов, была послана мощная военная экспедиция под руководством генерала Леклерка. Двадцатитрехтысячная армия на борту огромной эскадры двинулась к острову, которым овладели восставшие под руководством Туссен-Лувертюра.

Бурное развитие французской промышленности, нежелание Бонапарта допускать на французский рынок английскую продукцию, наконец, французская колониальная экспансия и огромное усиление Франции на континенте — все это не могло не обеспокоить английскую буржуазию. В течение более чем столетия Англия была фактически одной мощной капиталистической державой в мире. Английские купцы и промышленники привыкли к тому, что у них не было опасных соперников. Везде английские дешевые и высококачественные товары легко подавляли конкуренцию слабо развитых мануфактур феодально-монархических стран. Так было, в частности, и в России, которая фактически превратилась в сырьевой придаток для английской индустрии. И вот в Европе появилось большое государство, где глобальные социальные изменения привели к появлению рыночной экономики. Более того, Франция стала не только страной с многомиллионным населением, мощной армией, освобожденным от пут феодализма сельским хозяйством, бурно развивающейся промышленностью,

* В 1802 г. Англия вывезла на экспорт товаров на сумму 26 993 000 фунтов, из них продукции текстильной промышленности на сумму 15 281 000 фунтов, т.е. 56, 7%.

но и одновременно она стала страной поистине самой передовой науки. Те, кто хоть когда-нибудь занимался высшей математикой, конечно, знают имена Лаг-ранжа, Монжа, Карно и Лапласа; фамилии Гей-Люссака, Ампера, Вольта, Френеля не могут не знать физики; Бертолле, Фуркруа и Шапталь оставили глубокий след в истории химии; Ламарк, Жоффруа Сент-Илер и Кювье поистине золотыми буквами записаны в истории биологии — и все это ученые наполеоновской Франции. Быть может, никогда ни одна страна в мире не видела такого гигантского скачка в развитии науки, какой пережила Франция в эту эпоху. И это тоже никак не следует скидывать со счетов. Отныне она располагала таким огромным потенциалом для победы в мирном соревновании с Англией, какой и присниться не мог Франции Старого порядка.

Обычно принято писать, что английское правительство было очень сильно обеспокоено аннексией Пьемонта и посредничеством Бонапарта в швейцарских делах. Это, конечно, так, но и не совсем так. На самом деле главной причиной раздражения английских правящих кругов был страх потерять безраздельное экономическое лидерство, потерять свои барыши. Франция, выйдя из горнила революции, стала столь процветающей и богатой, что это больше пугало английских банкиров, чем пушки наполеоновской армии. Британские олигархи больше боялись мира, чем войны. Крокодиловы слезы по поводу независимости Швейцарии или Италии не более соответствовали действительности, чем демагогия о защите демократии со стороны известного всем государства в наше время. Мир приведет Англию к полному разорению — провозглашали сторонники Питта и Кэннинга.

Ясно, что мир в таких условиях не мог быть прочным, и достаточно было одной искры для того, чтобы вызвать взрыв. А таких искр, сыпавшихся со всех сторон на пороховую бочку англо-французских отношений, было предостаточно. В то время как Бонапарт послал в Лондон в качестве посла генерала Анд-реосси, человека покладистого и положительно относящегося к Англии, выбор английского правительства был прямо противоположным.

Первый министр Аддингтон, желая сделать жест в сторону непримиримых тори и подчеркнуть, что, несмотря на заключение мира, он бдителен по отношению к Франции, назначил в качестве посла в Париже небезызвестного нам лорда Уитворта. Уже сам этот выбор заставил Бонапарта изумиться — ведь новый посланник был причастен к организации убийства Павла I! Уитворт был известен в Англии как ярый противник подписания Амьенского договора, а его отвращение по отношению к Франции было, по выражению современников, настоящей «патологией». Вдобавок английский посланник был женат на герцогине Дорсет — женщине, имевшей гигантский персональный доход, спесивой аристократке, которая даже в Лондоне слыла кичливой и высокомерной. «У него была жена, герцогиня Дорсет, уродливая, старая и такая вредная, что она обратила в бегство весь город, — вспоминала в своих мемуарах мадам д'Абрантес. — Посудите сами, как она выполняла функцию жены посла, которая должна воплощать в себе согласие, мир и благодушие. Нет, воспоминания о ней меня никогда не покинут. Что особенно непростительно, это ее глупая наглость и вульгарное поведение в сочетании с претензиями на аристократизм»[4]. Эта замечательная чета составила отличную компанию Аркадию Ивановичу Моркову, поражая всех бестактностью и враждебностью к стране, где они оказались. Рапорты Уитворта также были под стать рапортам Моркова. Так, английский посол писал, что во Франции «поведение Первого консула решительно порицают девять из десяти человек»[5], что он вынашивает проекты захватить Египет и т.д.

Одновременно в прессе развернулась активная антифранцузская кампания. Так, «Morning Post» от 1 февраля 1803 г. описывала события, произошедшие

во Франции, как «насильственную узурпацию собственности богатых людей бандитами и висельниками», а самого Первого консула как «существо, которое невозможно классифицировать — полуевропеец, полуафриканец — нечто вроде средиземноморского мулата (!)»[6]. Уильям Виндхэм, выступая в палате общин, заявил, что французы отменили брак и превратили свою страну во всемирный бордель — теперь используя мир, они сделают это и в Англии. Лорд Грен-виль описывал Бонапарта как тигра, готового поглотить человечество, и его правительство как банду разбойников. А Мальсбери писал о Бонапарте, что он — «якобинский вождь, добившийся своей цели и осуществляющий абсолютную власть, которой он добился в качестве якобинца».

Особенно усердствовала эмигрантская пресса. Некто Пельтье выпускал в Лондоне газету, в которой осыпал Бонапарта всеми возможными оскорблениями: «жалкий прихвостень Барраса, палач Александрии, изверг Каира, авантюрист, шарлатан, вожак разбойников, узурпатор, убийца, тиран», а в одном из номеров редактор призывал к физическому устранению главы французского правительства. Пельтье в своей газете перешел все рамки приличий, и даже английские власти вынуждены были отреагировать на его публикации. Зато газету «Тайме» бульварным листком никак нельзя было назвать. Она была близка к правительственным кругам. В начале 1803 г. в ней были опубликованы длинные цитаты из «Истории британской экспедиции в Египте» сэра Роберта Вильсона, где Бонапарт описывался как существо, упивающееся кровью. Согласно газете, он распорядился дать смертельную дозу опиума 580 солдатам, лежавшим в госпитале в Яффе.

В ответ 30 января 1803 г. в официозной французской газете «Le Moniteur» был опубликован отчет полковника Себастиани, вернувшегося из дипломатической миссии на Ближний Восток. Свой рапорт Себастиани представил Первому консулу за несколько дней до этого. Бравый офицер, в будущем знаменитый кавалерийский генерал, известный своей бесшабашной отвагой, в вольном стиле описал политическую ситуацию на Ближнем Востоке и особенно в Египте. Там, по его мнению, все только и ждут появления французов. И делая вывод, Себастиани по-кавалерийски лихо отрубил: «6000 французов сегодня достаточно, чтобы овладеть Египтом». Распорядившись опубликовать этот весьма недипломатично составленный документ, Первый консул хотел припугнуть англичан. Он надеялся, что британское правительство задумается над опасностью разрыва Амьенского мира и воспримет рапорт Себастиани как предупреждение. Но Бонапарт плохо знал Англию. Публикация в «Монитере» вызвала не только резкую реакцию английского правительства, но и взрыв негодования среди широких слоев английского населения. Теперь конфронтация стала как никогда более заметной.

Именно в эти дни накалятся споры вокруг Мальты, сыгравшие огромную роль в европейской политике. Поэтому мальтийский вопрос, вокруг которого разгорелись споры между Англией, Францией и Россией, заслуживает подробного изложения.

Несмотря на условия Амьенского договора, англичане не спешили эвакуировать Мальту, и чем более ядовитыми были рапорты Уитворта, чем более поднималась антифранцузская кампания в прессе, тем меньше английские министры торопились оставить остров, ставший камнем преткновения. Интересно, что еще в сентябре 1801 г. накануне подписания мирного соглашения англичане предложили России принять на себя протекторат над Мальтой и ввести на остров русские войска. В это время дело шло к миру, и британское правительство могло предполагать, что французы будут настаивать на эвакуации Мальты. Потому, выбирая из двух зол, они предпочитали ввести на остров

русские войска, чем оставить знаменитую крепость ордену Иоаннитов и тем самым подвергаться риску рано или поздно снова увидеть там французов. Этот вопрос обсуждался на заседании Государственного совета 30 сентября (12 октября) 1801 г. Интересно, что Россия отклонила это предложение по настоянию Кочубея, который, как уже упоминалось, отстаивал независимую внешнюю политику России. В этот момент еще продолжалась война между Францией и Англией, и Кочубей считал, что, если русское правительство примет на себя обязательства в отношении Мальты, оно тем самым может вовлечь Россию в ненужный ей военный конфликт.

В начале ноября 1801 г. англичане снова обратились с предложением ввести русские войска на остров, а России стать гарантом будущего англо-французского соглашения о Мальте. На этот раз русское правительство, опасаясь, что оно будет отстранено от мирных переговоров, которые шли в Амьене, принципиально согласилось принять на себя гарантию. Однако, к большому удивлению русских, в десятой статье Амьенского договора, где говорилось об эвакуации острова в течение трех месяцев после ратификации договора, русскую гарантию отодвинули на более чем скромное место. В договоре указывалось, что после вывода английских войск с острова на него будет временно введен неаполитанский гарнизон в количестве двух тысяч человек (до того момента, пока рыцари ордена Иоаннитов не смогут обеспечить крепости надежную защиту), а гарантом данного соглашения будут выступать Франция, Англия, Австрия, Испания, Россия и Пруссия. Подобная выходка со стороны англичан, сначала искавших русской гарантии, а потом от нее открестившихся, вызвала раздражение среди русских политиков. На заседаниях Совета в июле 1802 г. сторонники нейтралитета России так же, как и те, кто придерживался профранцузской ориентации, выступили против принятия Россией гарантии в подобных условиях. Оскорбительным показалось упоминание России на предпоследнем месте после Испании и Австрии. К тому же, считал Н.П. Румянцев, Мальта не нужна России, а ее гарантия может лишь послужить вовлечением ее в войну.

Изменение ориентации в политике России в конце 1802 г. вызвало желание дать все-таки гарантию Амьенского договора для того, чтобы ни под каким видом не допустить на остров французов. В ноябре 1802 г. русское правительство согласилось дать Англии и Франции гарантию неприкосновенности Мальты, но при условии, что будет аннулирована десятая статья Амьенского договора, и будут признаны требования России о возвращении Мальты ордену и ее нейтралитете. Англичане формально заявили, что соглашаются с русскими предложениями, но на самом деле отвергли ряд статей русского проекта. В общем можно сказать, что вопрос о статусе острова и отношении России к нему оставался в это время весьма неопределенным. Единственным подписанным юридически принятым Англией и Францией документом был Амьенский договор.

И вот в начале 1803 г. мальтийский вопрос приобрел особую остроту. В то время как французы выполнили все свои обязательства, означенные в договоре (в частности, весной 1802 г. были выведены французские войска из портов Неаполитанского королевства Тарент, Бриндизи и Отранто), англичане продолжали оставаться на острове. Первый консул со своей стороны все более настойчиво требовал исполнения Амьенского соглашения. Маленький остров снова, как несколько лет тому назад, приобрел огромную, несоразмерную своей площади значимость. Во-первых, Бонапарт считал его необычайно важным в стратегическом отношении, по его мнению, присутствие англичан на Мальте устанавливало их господство в восточном Средиземноморье. Во-вторых, остров снова приобрел и огромное моральное значение. Согласиться с его оккупацией английскими гар-

низонами означало признать фактически недействительным Амьенский договор, капитулировать перед грубым нажимом со стороны Великобритании. Первый консул был молод, честолюбив, горд за могущество своей страны и считал, что подобная капитуляция не только обесчестит его и Францию, но и покажет всей Европе его слабость и тем самым послужит предлогом для агрессивных действий феодально-монархических стран. И в конечном итоге, приведет к войне, но в менее выгодных для него условиях. Поэтому он решился любой ценой добиться выполнения английским правительством статьи десятой Амьенского договора. Так снова вокруг Мальты сошлись столь мощные линии напряжения, что могло показаться, что в Европе нет более важного пункта, чем крепость на скале, затерянной в просторах Средиземного моря.

До начала февраля 1803 г. англичане уклонялись от прямого ответа на вопрос об эвакуации Мальты. Но в первые дни февраля ситуация резко изменилась. Публикация рапорта Себастиани, вызвавшая в Англии взрыв антифранцузских чувств, почти точно совпала с получением британским министерством иностранных дел вестей из России. С одной стороны, это было письмо министра иностранных дел А.Р. Воронцова своему брату, послу СР. Воронцову, с другой стороны, рескрипт Александра, также направленный послу в Англии. Нельзя сказать, что из содержания писем, полученных Семеном Романовичем, можно было сделать вывод о безапелляционной поддержке англичан со стороны России. Тем не менее их тон и направленность были явно проанглийскими, и горячий англофил граф Семен Воронцов в своих беседах с английским министром иностранных дел Хоуксбери еще более подчеркнул благожелательность России в отношении всех действий Англии. Британский министр сделал вывод, что русские одобряют действия английского правительства в отношении Мальты, а в случае войны поддержат Англию.

Нет сомнения, что произошедшее в эти дни стало главным детонатором последующего взрыва. Англия отныне заняла очень жесткую позицию, решив увязать возможность эвакуации Мальты с изменением ситуации в Европе. Отныне Англия была готова очистить остров только при условии многочисленных уступок со стороны Франции. Это в корне меняло ситуацию и ставило Европу на грань войны. Подобный разворот в английской политике мог произойти только вследствие далеко не нейтральной позиции, которую заняла Россия. Необходимо отметить, что в данном случае немалую роль сыграло не только мнение и желание самого Александра, но и инициатива русского посла в Англии. Крупный специалист по истории русско-английских отношений этого периода А.М. Станиславская на основе анализа большого количества документов справедливо отметила: «Очень двусмысленную роль и на этот раз сыграл СР. Воронцов, столь рьяно уговаривавший английское правительство не отдавать Мальту, что даже его англофильствующий брат, канцлер Александр Романович, остался недоволен»'.

Часто историки дипломатии за потоком нот, предложений, контрпредложений, следовавших в начале 1803 г., забывают этот главный и основной момент — война была фактически делом решенным в эти дни. Английское правительство, ощущая за собой помощь России, явно встало на путь провокаций. Но Бонапарт был не французским правительством накануне Второй мировой войны и даже не королем Людовиком XVI. Вытирать о себя ноги английским министрам он не только не мог позволить, но даже мысли об этом не допускал.

Сразу после получения русских предложений Хоуксбери направил английскому послу в Париже послание, в котором писал о том, что Англия согласна будет очистить Мальту только в случае серьезной компенсации со стороны Франции. Эту информацию Уитворт довел до Талейрана 16 февраля 1803 г. Французский министр не дал окончательного ответа, и 21 февраля посол был

принят самим Бонапартом. В этом разговоре, как можно прочитать из рапорта самого Уитворта, Первый консул пытался быть сдержанным. В ненавязчивой форме он дал понять, что Франция располагает огромными силами, но не желает войны. Вот как передал в своей депеше слова Бонапарта английский посол: «Десант после переправы через Ла-Манш является единственным способом наступления, которым он располагает... Но как можно подумать, что, достигнув вершин власти и став из простого солдата главой самой могущественной страны континента, он будет рисковать своей жизнью и репутацией в предприятии столь рискованном. Он может сделать это только в случае самой крайней необходимости... Франция и Англия, если бы они договорились, могли бы управлять миром, но, сражаясь, они перевернут его вверх дном... Если Англия желала бы сохранить мир, достаточно было бы выполнить пункты Амьенского договора, если же она хочет войны, достаточно это сказать и отказаться выполнять договор...» Посол в заключение добавлял: «Его цель, как кажется, была в том, чтобы убедить меня, что от Мальты зависит мир или война»[8].

Однако ни слова примирения, ни угрозы не подействовали на англичан. Они оставались непреклонными. «Не важно, как положить кочергу, — восклицал Нельсон, — но если Бонапарт скажет, что ее нужно положить так, мы тотчас должны требовать, чтобы ее положили прямо противоположным образом». 8 марта 1803 г. король Георг III в своем послании Палате общин заявил, что требует принятия мер, которые обеспечили бы безопасность государства, которому угрожают французские военные приготовления. На этот раз разговор Первого консула с Уитвортом, состоявшийся в присутствии других иностранных послов на приеме в воскресенье 13 марта, проходил совершенно в других тонах. Бонапарт подошел решительным шагом к английскому посланнику и воскликнул:

— Значит, вы решились воевать?!

А потом громко произнес, обращаясь уже ко всем:

— Англичане хотят войны, но если они первые вынут меч, я последний вложу его в ножны. Они не уважают договоры, теперь их нужно закрыть черным крепом!

Затем Бонапарт снова заговорил с Уитвортом и, сдерживая себя, начал с любезности, спросив у посла, где его жена. Уитворт ответил, что она осталась дома с больным ребенком. Тогда Первый консул заметил:

— Вы провели здесь довольно плохое время года. Хотелось бы, чтобы вы увидели и хорошее...

Через миг он вернулся к основной теме и с жаром выпалил:

— Вы, может быть, убьете Францию, но вы ее не запугаете... Нужно уважать договоры. Горе тем, кто не уважает договоры — они будут ответственны перед всей Европой!

Наконец, Бонапарт быстрыми шагами покинул зал и почти что прокричал: «Мальта или война!»[9].

В течение второй половины марта — начале апреля дипломаты еще обменивались нотами, консультировались со своими министрами. В конечном итоге 26 апреля 1803 г. Уитворт в ультимативной форме предъявил последние предложения английского правительства. Они были следующими:

1. Англия сохранит за собой Мальту на 10 лет, а затем остров будет передан не ордену, а его жителям.
2. Неаполитанское королевство уступит остров Лампедуза* Англии.
3. Французские войска эвакуируют Голландию.
4. Англия признает аннексию Пьемонта Францией.
5. Англия не будет требовать вывода французских войск из Швейцарии.

" Лампедуза — небольшой остров в Средиземном море неподалеку от Мальты. Принадлежал Неаполитанскому королевству.

В принципе эти условия были в основном приемлемы для Бонапарта, и он мог пойти навстречу. Однако форма, в которой они предъявлены, была специально построена таким образом, чтобы принять их стало невозможным. Ответ нужно было дать в течение семи дней, причем английское правительство не допускало никаких контрпредложений. Первый консул был уже готов согласиться с этими требованиями, но чтобы хоть как-то спасти свое лицо, он предложил, чтобы англичане остались на острове не десять лет, а три—четыре года. Тогда 7 мая английское министерство иностранных дел упрекнуло своего посла за то, что он слишком мягок, и потребовало полной капитуляции перед своими требованиями. Причем исключило даже разговоры о передаче русским Мальты.

Вечером 12 мая 1803 г. посол Англии Уитворт покинул Париж. Через четыре дня, 16 мая Великобритания официально объявила Франции войну. А еще через день в полдень 18-го числа адмирал Нельсон поднял свой флаг на линейном корабле «Виктори». В этот же день английские военные корабли напали неподалеку от мыса Уэссан на французские торговые суда. Прогремели первые выстрелы пушек великой войны, которой суждено было длиться двенадцать лет.

Впрочем, какими бы мореходными и боевыми качествами ни отличались английские корабли, ясно было, что на них невозможно вступить в Париж и что англичане сделают все возможное для того, чтобы натолкнуть на Францию главные державы континента. С другой стороны, было очевидно, что для успешной борьбы на море Бонапарту потребуются далеко не только силы одного французского флота и ему придется волей-неволей пытаться расширить сферу своего влияния, получить новые военно-морские базы, новых моряков, новые ресурсы. Это, в свою очередь, с неизбежностью вызовет ответную реакцию, которая повлечет новые жесткие шаги Франции, которые приведут к еще большей конфронтации. Таким образом, раскаты залпов корабельных орудий, раздавшиеся в мае 1803 г., знаменовали собой начало не только войны на море, но и всеобщей континентальной войны. Поддержав амбиции английского правительства, Александр I и Семен Воронцов выпустили джинна из бутылки. Теперь остановить эскалацию войны было крайне сложно.

Интересно, как действия русского правительства в эти дни оценивал баварский посланник Ольри. Вот что он написал в письме от 19 апреля (1 мая) 1803 г.: «...Она *(Россия)* одна могла бы твердым и энергическим вмешательством устранить угрозу и изменить положение, чтобы сохранить общественное спокойствие. Но вместо того, чтобы идти по этой дороге, на которую ей, по-видимому, указывают и забота о ее собственной славе, и ее главные интересы, вместо того, чтобы смелой рукой взять руль среди настоящего кризиса, она своим вмешательством и непредусмотрительным образом действий, кажется, хочет дать нам ключ к своей слабости... А это забвение своих собственных интересов! Все знают то впечатление, которое произвела в Европе удивительная деятельность Павла I, и убеждение в силе его империи, которое он после себя оставил. Не было ничего проще, как пожать плоды этого посредством умной и ловкой политики»[10].

Правящие круги Англии вступили в войну с энтузиазмом. На заседании палаты лордов 23 мая 1803 г. можно было слышать только крики войны. «Нужно наказать Францию!» — воскликнул герцог Кларенс, лорд Спенсер декларировал: «Без войны нельзя обойтись!», а лорд Гренвиль, вторя ему, изрек: «Война — это сейчас необходимость».

Начало войны было отмечено также триумфальным возвращением в большую политику Уильяма Питта, непримиримого врага революционной и наполеоновской Франции. Гордо поднявшись на трибуну палаты общин 24 мая и уверенный в своей правоте, Питт произнес: «Бонапарт захватил всю власть во

Франции, разрушая мир жидким пламенем якобинских принципов». Он требовал войны до победного конца, и его поддержало большинство депутатов. Впрочем, были и те, кто не разделял воинственной эйфории. Голосом, поднявшимся в защиту мира, был голос лидера оппозиции Фокса: «Неужели любой успех Франции во внешней или внутренней политике; ее торговля, ее промышленность должны быть причиной войны и оскорблением для нас!» Интересно, что Фоксу аплодировали, так как он был прекрасным оратором. Однако 367 депутатов высказались за войну и только 67 против.

Фокс не был единственным сторонником сохранения мира. В Лондоне ходили по рукам памфлеты, где резко порицалась политика правительства. Один из наиболее известных назывался «Зачем мы собираемся воевать?» («Why do we go to war?»). Другой — просто «Замечания». В последнем говорилось следующее: «До революции мы рассматривали их *{французов)* как жалких рабов короля-деспота... Когда же мощным усилием они сбросили оковы и установили ограниченную монархию, общая вражда к ним еще больше увеличилась... За монархией последовала республика, к которой мы относились с еще большей враждебностью. И затем пришел период анархии, бойни и крови, невиданной в памяти человечества... Сменялось одно правительство за другим, но ни одно из них не заслужило нашего положительного отношения. Наконец Бонапарт добился решающего превосходства и погасил последние искры оппозиции. Можно сказать, что французы вернулись к тому подчинению, в котором они находились когда-то. Но мы сохраняем нашу враждебность... Быть может, предоставим их своей судьбе и вместо того, чтобы стенать по поводу их несчастий... успокоимся на мысли, что 10 миллионов человек не сделают счастливыми 40 миллионов против их воли... Всего лишь несколько лет тому назад Австрия, Россия и Пруссия объединились, чтобы расчленить королевство *{Польшу),* счастливое под властью любимого государя... Какова была реакция и где был благородный дух нашей страны, когда совершалась эта сделка? Несколько пустых деклараций, и Польша была предоставлена своей судьбе... Почему же вдруг у нас появились такие необычайные эмоции по поводу судьбы Швейцарии?»[11]

Увы, эти доводы не доходили до английских политиков и не могли дойти, потому что это были доводы здравого смысла против крупных денежных интересов, а последние, как известно, куда более весомы.

Как отмечалось, «боевые действия» были начаты англичанами с того, что на морях были атакованы французские торговые суда, продолжавшие свои рейсы. В результате пиратских действий британского военно-морского флота было захвачено 1200 французских и голландских торговых судов и конфисковано товаров на огромную сумму — 200 млн. франков.

В ответ Бонапарт 22 мая распорядился конфисковать во всех портах английские корабли, запретил покупать и продавать английские товары и приказал арестовать всех англичан, находившихся на территории Французской и Итальянской республик. Генерал Мортье с 13-тысячным корпусом получил приказ занять Ганновер, наследственное владение английских королей на севере Германии. Несмотря на малочисленность французской армии, ее моральное превосходство было так велико, что, вступив на территорию Ганновера 26 мая 1803 г., Мортье через несколько дней вынудил капитулировать ганноверскую армию фельдмаршала Вальмодена. 16 тысяч солдат и офицеров сложили оружие и были распущены по домам. Одновременно, отряды под командованием Сен-Сира вступили на территорию Неаполитанского королевства и в июле заняли порты на юге Апеннинского полуострова.

Несмотря на эти решительные действия, необходимо отметить, что Франция была не готова к войне. Численность пехоты и кавалерии вследствие сокращения

штатов значительно уменьшилась. Что же касается артиллерии, то здесь ситуация была совсем неординарной. По инициативе адъютанта Бонапарта генерала Мармона была начата глобальная реформа материальной части полевой артиллерии. Для ее осуществления необходимо было перелить все существующие артиллерийские стволы. «Они были уже привезены в литейные мастерские и их начали распиливать, чтобы бросить бронзу в печи, — вспоминает адъютант Наполеона Савари. — В общем, ни одна из составляющих армии не находилась в готовности»[12]. Савари дальше добавляет: «Я спрашиваю себя, неужели подобное состояние *{армии и флота)* могло вызвать беспокойство наших соседей? Или напротив, быть может, именно это положение дел вызвало надежду наших врагов, и они снова взяли в руки оружие, которое когда-то сложили лишь с сожалением»[13].

То, что Франция не была готова и не готовилась к войне, было широко известно. И, хотя начало боевых действий не вызвало бурного воодушевления, общественное мнение страны было целиком и полностью на стороне Первого консула. Никто не сомневался, что за разрыв мира ответственно английское правительство. Депутат Законодательного корпуса Фонтан обратился к Бонапарту от лица высших учреждений страны: Сената, Законодательного корпуса и Трибуната. «Англия не может более утверждать, что она защищает принципы справедливости и общество, потрясенное в своих основах... отныне нам предстоит защищать права народа и принципы гуманизма, отражая самую несправедливую агрессию со стороны нации, которая ведет переговоры, лишь чтобы обмануть, и заключает мир, чтобы начать войну... Гражданин Первый консул, в такой момент, подобно Вам, французский народ не может иметь иные мысли, кроме великих, иные чувства, кроме героических. Он победил, чтобы жить в мире, он желал его, как Вы, но, как и Вы, он не боится войны»[14].

Даже если в напыщенном слоге этой речи чувствуется казенный энтузиазм, нужно отметить, что в ответ на призыв Бонапарта по стране прокатилась волна искреннего патриотического подъема. Департамент Луаре был первым, который заявил о том, что он жертвует сумму в 300 тыс. франков на постройку 30-пушеч-ного фрегата. Париж не мог остаться в стороне, и его муниципалитет ответил тем, что столица жертвовала средства на постройку 120-пушечного линейного корабля. Ну а далее, в соответствии с иерархией муниципалитет Бордо объявил о готовности дать деньги на 80-пушечный линейный корабль, Марсель — на 74-пушечный, департамент Жиронда собрал 1 600 тыс. франков на морское строительство, департамент Кот д'Ор — деньги на 100 орудий крупного калибра. Итальянская республика выделила 4 млн. лир на сооружение двух фрегатов и двенадцати канонерок...

Ясно было, впрочем, что, несмотря на все эти благородные жесты, французский флот был недостаточно силен, чтобы победить англичан исключительно в морской войне. Чтобы представить себе, насколько силы отличались, достаточно взглянуть на следующую таблицу:

	Франция			Англия		
	лин. кор.	фрегаты	прочие	лин. кор.	фрегаты	прочие
В строю к началу войны	23	25	107	39	132	170

Примерно за 3 месяца французы могли зачительно усилить свой флот за счет приведения в боевую готовность законсервированных судов. В результате в строй могло быть поставлено до 58 линейных кораблей. Однако англичане за

этот же период могли усилить свой флот 130 линейными кораблями, доведя их общую численность до 169!

Даже с учетом того, что французы могли увеличить свои военно-морские силы за счет помощи голландского флота, перимущество британцев на море было неоспоримым. Необходимо было примерно десять мирных лет и огромное финансовое напряжение для того, чтобы довести численность и качество французского флота до уровня английского. Но этих десяти мирных лет у Бонапарта не было. Единственным средством для достижения победы был удар сухопутными силами прямо в сердце Англии. Для этого необходимо было перебросить через пролив мощную армию. Идея десанта на Британские острова буквально носилась в воздухе. «Любой моряк, который знает берега пролива, скажет, что для успеха нужно лишь упорство и выдержка в ожидании благоприятного момента, чтобы нанести решительный удар. Лишь немногие мили отделяют нас от Англии, и какой бы бдительной ни была служба ее крейсеров — они не смогут при определенных обстоятельствах остановить множество легких и быстроходных судов»[15], — писал военно-морской министр Декре.

Итак, необходимо было построить огромную флотилию, которая могла бы вместить многотысячную армию, и, используя туман или штиль, осуществила ее переброску на берега «коварного Альбиона». Один из известных моряков того времени, адмирал Л а Кросс считал, что штиль — это то обстоятельство, которое позволит совершить десант почти наверняка. Ясно, что в штиль самые лучшие и самые быстроходные парусные корабли британского флота окажутся беспомощными, в то время как флотилия на веслах всего лишь за несколько часов сможет достичь английского берега. В штиль малые гребные суда смогут развить максимальную скорость, в штиль удобнее всего производить погрузку и выгрузку людей и материальной части, в штиль удобней маневрировать и легко передавать приказы. Опыт показал, что малые суда без труда способны развивать на веслах скорость до трех узлов (5,5 км/ч). Учитывая, что ширина пролива в самом узком месте составляет всего 30 км, флотилия могла достичь английского берега всего за шесть часов, а с учетом того, что ее выступление будет произведено широким фронтом, нужно было располагать примерно двенадцатью часами. Подобные штили и куда более продолжительные не редкость на берегах Ла-Манша. Таким образом, идея десанта не являлась химерой, а была вполне практически осуществима.

В конце июня 1803 г. Бонапарт отправился на север Франции, чтобы произвести рекогносцировку берегов пролива. 29 июня вечером он приехал в Булонь, а на следующий день утром вместе с генералом Сультом и своим адъютантом Лористоном поднялся на стены замка, откуда он осмотрел город и порт. Вдали, в синей дымке, перед ним вставали берега Англии. Первый консул внимательно изучил все окрестности города, портовые сооружения, форты, а на следующий день он прибыл в Кале, 2 июля он уже был в Дюнкерке. В ходе осмотра берегов Ла-Манша были найдены удобные бухты для размещения малых судов, а также места для разбивки военного лагеря. В начале июля, продолжая свое турне, Первый консул, двигаясь дальше по берегу моря, осмотрел Ньюпорт, Остенде, Брюгге, Гент и 18-го числа прибыл в Антверпен, где он снова главное внимание посвятил морскому делу. Результатом этого подробного осмотра береговой линии портов был подробный план, изложенный в письме от 21 июля 1803 г. из Антверпена. План предусматривал сконцентрировать 150 тыс. человек в окрестностях Булони и перебросить их в Англию, используя 1300 легких гребных судов и 900 малых транспортных судов.

Как известно, у Бонапарта слова не расходились с делами, и тотчас по всей Франции закипела работа на верфях и в мастерских. Десантные суда строи-

лись во всех портах северо-запада и в городах по берегам рек. Пульс интенсивной деятельности чувствовался даже в самом Париже, где десантные суда строили на причалах неподалеку от площади Конкорд и на набережной Рапе. Воспитанники знаменитой парижской Политехнической школы проходили здесь практику, а затем отправлялись в регионы, чтобы строить все новые и новые суда для десантной флотилии. Одновременно полки укомплектовывались новобранцами, и колонны войск потянулись со всех сторон к берегу моря...

Хотя первые выстрелы уже прогремели и повсюду шла подготовка к решительному столкновению, шанс спасти мир еще оставался. В июне 1803 г. Бонапарт обратился к российскому императору со смелым предложением: пусть Александр станет судьей во франко-английском споре. Первый консул заявил, что доверяет объективности царя и желает, чтобы его арбитраж был «как можно более неограниченный». Речь, таким образом, шла не о переговорах, а о том, чтоб Александр выступил третейским судьей и сам постановил, кто и на что имеет право. Англии и Франции оставалось лишь принять этот суд или от него отказаться и продолжить войну.

Однако русский арбитраж решительно отвергла Англия. Граф Семен Воронцов провел по этому поводу беседу с министром иностранных дел Хоуксбери, а затем за него сформулировал мотивы отказа англичан в связи с тем, как написал Воронцов, что «он *{Хоуксбери)* не обладает даром выражаться определенно и ясно», а «пишет еще более туманно (!!)». Поэтому русский посол взял на себя миссию объяснить за друга английские резоны своими словами. Можно не сомневаться, что идеи, изложенные в письме С. Воронцова, являются не только мыслями английского правительства, но и его собственными. Воронцов и Хоуксбери считали, что Мальта сама по себе не представляет такой важности, чтобы только ради нее могла начаться война. Они прекрасно понимали, что Мальта только удобный повод. Вот как говорил по этому поводу Воронцов: «...ни Мальта, ни какой-либо другой отдельный вопрос не могли бы обеспечить этот необходимый всем народам Европы покой; что урегулирование должно быть общим, чтобы не оставалось никаких спорных вопросов, которые могли бы лишь породить новые распри и тем самым нарушить спокойствие в мире... ввиду обид и величайших оскорблений, которые Бонапарт постоянно наносит королю и английскому народу». Иначе говоря, цель войны не отстоять английскую военно-морскую базу, а уничтожить Францию Бонапарта. По этому поводу С. Воронцов недвусмысленно выразился, мешая собственные слова с выражениями Хоуксбери: «Будет ли, следовательно, безопасность Европы обеспечена тем, что на Мальте разместятся русские или английские гарнизоны? Надо спасать саму Европу от гнетущего ее ярма, которое раздавит ее, если в ней не будет установлен порядок. И именно с этой целью, — продолжал лорд Хоуксбери, — король возлагал и возлагает все свои надежды на императора России». Таким образом, спасать «Европу от гнетущего ее ярма» должны были русская пехота и английские эскадры. Воронцов иезуитски добавлял: «...благоденствие Южной Италии, Средиземноморья и Леванта настоятельно требует присутствия английской эскадры в этом море»[16].

Отказ англичан от русского арбитража был неожиданностью для Петербурга. Ведь Александр и его министр иностранных дел считали, что англичане являются самыми лучшими друзьями. Не смутившись, однако, этим, царь вместо арбитража предложил посредничество в переговорах между Францией и Англией. Причем, прежде чем начать переговоры, французы должны были вывести свои войска из Ганновера и Южной Италии.

На этот раз взорвался Бонапарт. «Арбитраж мог привести к миру, — написал он своему министру иностранных дел, — потому что речь шла об обращении к справедливому человеку, решение которого можно было принять, не

подвергаясь бесчестию. Переговоры же в теперешних обстоятельствах не приведут ни к чему»[17].

Разочаровавшись в объективности царя и раздраженный враждебностью Моркова, Бонапарт сверх того узнал о том, что один из роялистских агентов, некто Кристин, сопровождал Моркова в Париж. Именно он служил связующим звеном между русским послом и памфлетистом Фуйу. По приказу Бонапарта Кристин был арестован и допрошен по обвинению в участии в заговоре против Первого консула. Морков потребовал его освобождения. Во время дипломатического приема в Тюильри, Бонапарт подошел к Моркову и отчитал его. Когда же тот попытался возразить, Первый консул воскликнул: «Мы еще не настолько под башмаком России, чтобы терпеть с ее стороны подобные выходки. И не сомневайтесь, что я арестую всех, кто будет действовать против интересов Франции!»

Деятельность Аркадия Ивановича окончательно вывела Первого консула из себя. В своих рапортах, которые не оставались тайной от Бонапарта, русский посол не только постоянно изображал все происходящее во Франции в самом черном цвете, но и по любому случаю становился на сторону ее врагов, кем бы они ни являлись — англичане, австрийцы, эмигранты... «До тех пор, пока мир не был нарушен, в Париже терпели господина Моркова, хотя он действовал так, как будто был англичанином. Тогда это было безопасно. Но теперь, когда идет война, конца которой не видно, присутствие (в *качестве посла)* человека, столь отрицательно настроенного по отношению к Франции, является уже не -• просто предметом, вызывающим раздражение Первого консула»[18], — писал Талейран в депеше французскому послу в Петербурге, излагая мотивы, по которым Бонапарт просил отзыва графа Моркова.

Просьба Первого консула вызвала буквально взрыв раздражения со стороны Александра. Впрочем, молодому царю надо отдать должное — диктуя ответ Бонапарту, он сумел, стиснув зубы от гнева, остаться в рамках дипломатических выражений: «Гражданин Первый консул, с горечью и удивлением я узнал, что граф Морков не смог заслужить Вашего доверия... Несмотря на плохое состояние здоровья графа Моркова, я всегда настаивал, чтобы он продолжал оставаться на своем посту, будучи уверен, что он способен поддерживать добрую гармонию, которая существует между двумя государствами. Содержание Вашего письма, гражданин Первый консул, вынуждает меня сегодня не противиться более многочисленным просьбам с его стороны покинуть этот пост. Я также думаю, что для него самого пребывание в Париже не будет отныне никоим образом притягательно...»[19]

Зато, обращаясь к Моркову, царь не видел необходимости сдерживать свои эмоции. По его поручению А. Воронцов написал: «Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что Первый консул написал Его Императорскому Величеству письмо, в котором он потребовал Вашего отзыва, и господин Талейран сопроводил его депешей по этому же поводу... Содержание последнего письма достойно его автора и представляет собой ужасающую и глупую ложь... Я сообщаю Вам, господин граф, насколько Его Императорское Величество был шокирован этими обвинениями и насколько он уверен в их лживости...» Со своей стороны, в конфиденциальном послании Воронцов также полностью поддержал Моркова: «То, как с Вами обращались во Франции, не может удивить, ибо от Первого консула нечего ждать другого, кроме как насилия и бесстыдства. Все его поступки, скорее, похожи на поступки гренадера, который выбился в люди, чем на поведение главы великой нации»[20]. Наконец, сам император направил 16 (28) октября 1803 г. рескрипт своему посланнику: «Мне особенно важно, чтобы Вы сами были глубоко убеждены в том, что клевета, с помощью которой Вас хотели очернить, не только не произвела желаемого действия, но смогла лишь дать дополнительные основания к тем, которые у меня имелись, чтобы уважать

Вас и воздать Вам должное... Пока же, чтобы засвидетельствовать, что я благосклонно отношусь к Вам и доволен Вами, причем сделав это самым явным образом, так, чтобы это не прошло незамеченным французским правительством и доказало бы ему, что на мое отношение к Вам нисколько не повлияли его чувства к Вам, принимая в то же время во внимание Ваши прошлые заслуги, а также те, которые Вы оказали уже при мне, я Вам посылаю при сем знаки ордена св. Андрея Первозванного, которые Вы немедленно возложите на себя»[21].

Аркадий Иванович, конечно же, не замедлил возложить на себя знаки самого высшего в Российской империи ордена. 8 декабря 1803 г., прежде чем покинуть Париж, он явился на прием к Бонапарту «еще более гордый и с еще более самодовольным видом, чем обычно». На груди графа Моркова сияла алмазами Андреевская звезда, а на плече красовалась голубая муаровая лента. «Мотивы частного порядка вынудили меня испросить у императора милости сменить меня на теперешнем посту, — напыщенным слогом произнес русский посол. — Его Императорское Величество соблаговолил снизойти к моим почтительнейшим просьбам, и я имею честь представить Вам, генерал, документы о моем отзыве».

Нужно сказать, что петербургское общество было куда менее снисходительно к незадачливому послу, чем император и его канцлер. Дело в том, что Аркадий Иванович, несмотря на свои заносчивые манеры, не стал отказываться от очередного вознаграждения, которое ему было вручено по приказанию Бонапарта. Эти деньги граф Морков употребил «в дело». «Он купил в Париже по дешевой цене много бронзы, предметов часового мастерства и других вещей, очень редких, которые нужно было в России оплатить пошлиной; но он провез все это в Петербург в виде посольской поклажи, не подлежащей оплате, — писал голландский посол в России. — Впоследствии он был настолько бессовестен, что выставил эти вещи на продажу в магазин, хотя и под чужим именем; но все так хорошо знали истину, что я часто слышал, как в обществе говорили: «Видели вы бронзу Моркова? Пойдемте посмотреть бронзу Моркова». Императора это раздражило. Моркову пришлось уехать от стыда в свое имение, а его унизительная спекуляция так уронила его в общем мнении, что он уже более не появлялся на политическом горизонте»[22].

Интересно, что на место Моркова не был назначен новый посол. В Париже остался лишь временный поверенный в делах Петр Яковлевич У бри. Это было не просто жестом. За ним стояли важнейшие политические демарши, которые были предприняты Александром I летом—осенью 1803 г.

Уже в июне царь обратился с предложением к прусскому королю создать военный союз, направленный против Франции: «Я не могу видеть безразлично, как весь север Германии разорен, разгромлен, перевернут вверх дном... Я могу предположить, что французское правительство сделает все возможное, чтобы успокоить Ваше Величество и помешать согласию, которое я хочу установить между нами... Если же Ваше Величество не посчитает необходимым присоединиться к предложению, которое я делаю, он может быть уверен, что это никак не изменит мою личную дружбу, которую я испытываю по отношению к нему, но я должен сказать тогда искренне, что я буду заботиться о своих делах и приму необходимые меры для моей безопасности, а если надо, то все, что потребуется для того, чтобы спасти Европу от полной дезорганизации»[23].

Получив уклончивый ответ, Александр 24 сентября (5 октября) 1803 г. написал прусскому королю уже угрожающее письмо: «Разумеется, не мне советовать Вашему Величеству, какое ему принять решение. Однако я не хочу скрывать от него, что, с одной стороны, я вижу славу, честь и настоящий интерес его короны, с другой... катастрофу всеобщую и Вашу личную... С челове-

ком, который не знает ни умеренности, ни справедливости *{Бонапартом),* нельзя добиться ничего, уступая ему. Есть много обстоятельств в жизни, личной и политической, когда спокойствие можно добыть только острием меча»[24].

Однако Фридрих-Вильгельм совершенно не рвался в бой. Он считал, что для его государства нет в настоящий момент непосредственной опасности, зато, если он влезет в драку, опасность точно настигнет его. Семен Воронцов, обижаясь на то, что пруссаки не горят желанием ложиться костьми на защиту Лондона, с презрением написал о прусском короле: «Этот недостойный наследник Фридриха... Этот король, осторожность которого заставляет бояться всякой войны... будет делать все, что потребует Корсиканец, который знает, насколько его боятся»[25].

6 (18) октября 1803 г. по поручению императора канцлер и министр иностранных дел А. Р. Воронцов написал секретнейшее послание поверенному в делах в Вене И.О. Анштетту. После долгого и, как всегда, туманного вступления на многих страницах он перешел к делу: «Его Императорское Величество, постаравшись не упустить из виду самое неотложное, пытаясь спасти Северную Германию от угнетающих ее бедствий, желает ныне с полной доверенностью объясниться по этим вопросам с германским императором... Вам поручается начать обсуждение с австрийским министерством настоящего положения дел в Европе. Мы весьма желаем знать, разделяет ли оно наше беспокойство и какие средства оно считает наиболее верным, как для того, чтобы остановить стремительный поток французской мощи, готовый выйти из берегов, так и для того, чтобы обеспечить общее благо и спокойствие Европы в будущем.

Не думает ли венский двор, что он сам может вскоре оказаться в неприятном и опасном положении?.. Мы очень желаем знать мнение австрийского министерства обо всех этих важных предметах и быть осведомленными о мерах предосторожности, которые оно предполагает принять, чтобы иметь возможность договориться по этому предмету и действовать совместно в интересах общего блага и всеобщей безопасности»[26].

Все это было уже не просто рассуждениями об «агрессивности» Бонапарта и необходимости восстановить «гармонию», а предложением начать совместную войну. К удивлению Александра и Воронцова, австрийцы не высказали бурного восторга по поводу русских предложений. В своем рапорте от 4 (16) ноября 1803 г. поверенный в делах в Вене докладывал А. Воронцову о своей встрече с графом Кобенцелем, министром иностранных дел Австрии. Напрасно русский дипломат стращал австрийца угрозой разгрома Англии: «Однако, если французы рискнут высадить десант, — сказал Анштетт, — если они достигнут успеха, какое потрясение, какие пагубные последствия повлекло бы за собой это предприятие!» — «Действительно, они были бы ужасны. Но если десант должен быть предпринят в этом сезоне, ни мы, ни вы уже не в состоянии помешать этому из-за нашей отдаленности. К тому же серьезные совместные операции требуют подготовки, а для этого нужно время». Более того, Кобенцель весьма прохладно высказался о британской политике. Говоря о субсидиях, которые англичане обещали за военный союз, он выразился следующим образом: «Субсидии, которые Англия предложила нам, когда она хотела недавно *втянуть* нас в наступательный союз против Франции, слишком незначительны»[27].

Осторожная политика Австрии никак не повлияла на русскую позицию. 12 (24) ноября 1803 г. министр иностранных дел канцлер А.Р. Воронцов представил царю докладную записку, где он снова настаивал на необходимости немедленных военных действий. Одним из главных мотивов, которые Воронцов выдвигал, объясняя необходимость войны, была угроза захвата французами турецких владений в Европе и расчленение Оттоманской империи. Он даже

точно указывал, что «французы намереваются учинить высадку единовременно в четырех местах». «Политически корректный» в стиле своего времени канцлер не преминул указать и на идеологический вред перспективы появления отрядов Бонапарта на Балканах: «Если по отдаленности края сего французы признают удобным для себя учредить в оном демократическую республику, будут они тогда из смежных с нами провинций рассевать между жителями южных областей наших плевелы развратного их учения, последствия коего бедственнее самой неудачной войны; а потому все то, что может нас от оного предохранить, упущено быть не долженствует. Когда же допустим мы французов водвориться в соседстве нашем, то никакой надзор не будет достаточен обуздать сопутствующий им разврат умов, который с толиким ухищрением обыкли они обращать себе на пользу»[28].

Мотив угрозы на Балканах постоянно выдвигался русскими историками как рациональное оправдание военных приготовлений против Франции. На самом деле трудно вообразить, что Бонапарт в тот час, когда судьбы Европы решались на берегах Ла-Манша, мог серьезно думать о вторжении в Турцию. Нужно сказать, что, наоборот, франко-турецкие отношения в эту эпоху после трехлетнего перерыва стали самыми тесными и дружественными. С необычайной помпой был принят в Константинополе посол Франции генерал Брюн. Великий визирь, встречая почетного гостя 15 февраля 1803 г., выслал навстречу персоналу посольства сто двадцать прекрасных коней, чтобы французы могли достойно въехать в столицу Османской империи. Их сопровождал пышный почетный эскорт, и как сам посол, так и его сотрудники были буквально засыпаны дорогими подарками. Через несколько дней генерала Брюна с еще большей помпой принял сам султан в своем роскошном дворце. В честь французского посланника был устроен торжественный парад султанской гвардии...

Это были, конечно, жесты, но они вполне соответствовали общему настрою франко-турецких отношений. Лучше всего их характеризуют инструкции, полученные послом перед его отправлением в Константинополь. Министр иностранных дел Талейран предписывал ему следующее: «В том состоянии, в котором находится эта империя *(Османская),* для нас важно обеспечить ей поддержку Франции, которая могла бы послужить ей гарантией для ее сохранения. Эта безопасность — достаточная компенсация за те торговые выгоды, которые договор *(франко-турецкий)* закрепил за Францией». Правда, ниже министр писал: «Однако я должен добавить для вашего сведения, что желание Франции поддержать Оттоманскую порту предполагает, что она сама сделает усилия, чтобы поддержать себя, и что она не будет увлечена в катастрофу какими-либо неотвратимыми обстоятельствами...» Иначе говоря, туркам надо помогать, но если их империя зашатается и рухнет, необходимо не пропустить своей добычи при разделе ее владений. Однако французское правительство предполагало, что такой момент наступит не скоро. «Впрочем, это предположение *(о разрушении Турецкой империи)* относится к далеким от нас временам, — писал министр, — и без сомнения не будет скоро реализовано»[29]. Таким образом, хотя во Франции и подумывали о разделе Османской империи, однако относили подобную возможность к отдаленному будущему, а в описываемое время старались, скорее, поддерживать Турцию и особенно развивать с ней торговлю. Так что «высадка в четырех местах» существовала разве что в фантазиях канцлера Воронцова.

Зато в Константинополе все с большей подозрительностью смотрели на северного соседа. Действительно, разумные политики судят по делам, а не по словам. Несмотря на союзные отношения с Турцией и бесконечные заявления о том, насколько важно спасать Оттоманскую империю от недругов, Россия продолжала развивать свое давление на юг. Она поддерживала антитурецкие выступления

в Молдавии и Валахии, фактически превратив Дунайские княжества в территорию под своим протекторатом. Россия помогала борьбе сербов за национальную независимость, старалась утвердить свое влияние в Черногории, ее агенты действовали на территории Греции. Наконец, русские войска, не останавливаясь, продолжали наступление между Черным морем и Каспийским, занимая владения князьков, находившихся в вассальной зависимости от Турции и от Персии. В 1802 г. Грузия вступила в русское подданство, в 1803 г. началось присоединение Азербайджана к России, в 1804 г. была взята крепость Гянджа, в 1805 г. заняты Карабахское и Ширванское ханство, в том же году будет занят Баку. Даже если многие из этих действий мотивировались искренним и благородным желанием помочь единоверцам, туркам от этого было не легче. Все это было куда более весомо, чем мнимые угрозы со стороны «страшного» Бонапарта.

Действительно, французские агенты действовали на Балканах. Однако главной целью этих демаршей было сбить с толку англичан насчет истинных намерений Первого консула. Одновременно французские агенты проникали и в Ирландию, где, обещая скорую высадку французских войск, призывали к национально-освободительному восстанию. Однако никаких следов серьезных намерений двинуть эскадры и армию в Грецию или Ирландию нельзя найти в опубликованных документах той эпохи, не приходилось автору этих строк видеть подобные бумаги и в архивах, и сомнительно, чтобы они существовали, кроме как в виде оставленных без рассмотрения прожектов. Зато существуют тысячи опубликованных и неопубликованных документов о гигантской работе по организации Булонского лагеря и десантной флотилии.

Отсутствие результатов первого зондажа австрийской позиции ничуть не обескуражило Александра и его канцлера. 20 декабря 1803 г. (1 января 1804 г.) А.Р. Воронцов написал пространнейшее послание послу Австрии в Санкт-Петербурге графу Стадиону. В этом послании старый канцлер снова живописует картину чудовищной угрозы, которая нависла над Европой и которую глупые австрийцы никак не могут себе уяснить. Не смущаясь противоречием со своим предыдущим демаршем, он уже описывает не ужас вторжения французов на Британские острова, а кошмар, который начнется из-за неизбежной неудачи десанта. «Не подлежит сомнению, что общественное мнение во Франции, которое до сих пор Бонапарту удавалось в целом заставить относиться к нему благосклонно, во многом изменится для него к худшему. Десант в Англию, в подготовке которого он зашел слишком далеко, чтобы не попытаться произвести его, и осуществление которого, как он теперь видит, связано с большими трудностями, не обещает ему никаких вероятных шансов с успехом выйти из критического положения, в котором он находится. Какими средствами может поднять Бонапарт упавший гражданский дух страдающей и обманутой нации? Как успокоит возбуждение ропщущей армии и алчных и недовольных генералов? Из всего, что было сейчас сказано, вытекает, что Первый консул не может долго оставаться в своем теперешнем положении и что ему остается одно из двух: или скорее заключать мир, или продолжать осуществление своих захватнических планов. Первое решение было бы, несомненно, наиболее желательным, но сколько препятствий для того, чтобы оно могло осуществиться! Англичане теперь согласятся на мир лишь на тяжелых для Франции условиях; эта держава не может больше домогаться status quo ante bellum, и Бонапарт, заключая мир, рискует потерять свою славу, разрушить очарование, которое создавали ему до сих пор его удачи, и подготовить свое падение в связи с потерей им уважения внутри страны. Его характер и его положение заставляют, следовательно, предполагать, что он предпочтет пойти на самый большой риск, чтобы отсрочить катастрофу, которая, по его мнению, возможно, будет ускорена, если он начнет идти на уступки»[30].

В этом пассаже видна не только полная необъективность, но и следы великолепных докладов Аркадия Ивановича Моркова, особенно когда автор говорит о «страдающей обманутой нации... ропщущей армии и алчных и недовольных генералах». Интересно, что канцлер и, естественно, император, обращаясь к австрийцам, проявляют прагматизм, от недостатка которого страдал наивный Павел. Зная, что в Вене небезразличны к красотам Италии, царь и его канцлер, не смущаясь противоречиями с благими намерениями будущей коалиции, походя бросают фразу о том, что в России с пониманием относятся к интересам австрийского двора: «Естественно, что Австрийский дом, будучи тогда вынужденным понести значительные расходы, пожелал бы также со своей стороны извлечь некоторую выгоду из создавшихся обстоятельств и постарался бы обеспечить себе на будущее лучшие границы в Италии (И)...»[31]

Часто, описывая процесс складывания антифранцузского союза в эти годы, историки говорят о событиях, связанных с арестом герцога Энгиенского, и обмене жесткими нотами, которые произошли в апреле 1804 г. (см. ниже). Якобы эти события и резкий ответ Бонапарта на протест русского царя привели к разрыву между Россией и Францией. На самом деле из представленных документов совершенно очевидно, что Александр твердо настроился на войну с Бонапартом уже в конце 1803 г.

Это полностью подтверждают интересные документы из Российского государственного исторического архива. Здесь хранится подробнейший дневник австрийского военного атташе полковника Штутерхайма, который он вел с января 1804 г. по апрель 1805 г. В отличие от многих старческих мемуаров, где автор часто путает одну войну с другой, а высказывания, произнесенные в 1812 г., относят к 1805 г., здесь мы видим поистине стенографический отчет о беседах, которые Штутерхайм вел с первыми лицами империи, и прежде всего с самим Александром. Судя по характеру дневника, все записи сделаны вечером того же дня, когда велась беседа, и все выражения переданы настолько дословно, насколько это вообще возможно. Изучение этих бумаг не оставляет ни малейшего сомнения в том, когда Александр принял решение о войне с Францией. Все беседы полковника с царем в январе—марте 1804 г. вертятся исключительно вокруг того, когда же, наконец, Австрия даст положительный ответ на настоятельные предложения царя о военном союзе.

На балу у императрицы 16 февраля Штутерхайм долго беседовал с Александром. «Ничто не возвышает душу так, как война, — внезапно сказал царь и затем после некоторого размышления, добавил: — Я знаю, что, быть может, сейчас уже не время сражаться с идеями, ставшими всеобщими, чтобы их победить. Но нужно, по крайней мере, остановить амбиции правительства, которое в конечном итоге уничтожит всех остальных, если из-за трусливого соглашательства или из слабости мы не поставим не его пути барьер». А потом император, буквально не переставая, твердил одно и то же: «Это поистине химера — надеяться на то, что мы сможем избежать общей судьбы, если мы не остановим амбиции Бонапарта. Нужно быть в такой же слепой апатии, как Пруссия, чтобы надеяться на это». Долгий разговор полковника с Александром вызвал интерес у присутствующих, и французский посланник невзначай оказался недалеко от Штутерхайма. Царь осторожно заметил: «Надеюсь, что он нас не услышал». В этот момент императрица приблизилась и произнесла: «Супруг мой, о чем вы так долго разговариваете?» — «Я говорю с господином о военных вопросах, он хорошо в этом понимает, и это поистине удовольствие — беседовать с ним на эту тему». Императрица недовольно повернулась, бросив: «Это слишком серьезно для бала»[32].

На параде 26 февраля, где снова встретились император и австрийский полковник, Александр заявил: «Чтобы улучшить мою армию, ей нужна война, я

надеюсь, что для блага обучения моих войск это будет война в союзе с вами»[33]. 12 марта Штутерхайм записал в своем дневнике: «Уже восемь дней как император постоянно повторяет мне во время наших встреч на парадах, что ему не терпится узнать о нашем решении. Сегодня был большой бал-маскарад при дворе. Он *(Александр)* показался мне несколько рассерженным... более озабоченный, чем обычно, он произнес: «У вас теряют ценное время»[34]. 21 марта австрийский атташе опять беседовал с царем, который опять нетерпеливо спрашивал о решении австрийского правительства. Штутерхайм как мог выкручивался, отвечая, что дело, очевидно, объясняется задержкой с набором рекрутов. «Его Императорское Величество показался мне не удовлетворенным этим ответом, и я чувствую, как в его разговоре начинают проступать нотки недоверия»[35], — записал в своем дневнике полковник.

Как можно догадаться из дневника, в Петербурге не было недостатка в парадах. Сделав маленькое отступление, отметим, что в это время в городе проживало 250 тыс. человек, из которых 50 тыс. были солдатами и офицерами гвардии и армейских частей. Так что нельзя было выйти на улицу, не увидев марширующий на смотр батальон, взвод, идущий заступить в караул, или эскадрон, направляющийся для занятий в манеж, не услышать треск барабана или свист флейты. Ну а император Александр, как уже отмечалось, в любви к «фрунту» уступал разве что своему отцу. Поэтому не случайно царь и военный атташе встречались на парадах и смотрах. 1 апреля в очередной раз Штутерхайм увидел императора во время парада, который начал беседу с того, что пожаловался на плохую погоду, мешающую получать удовольствие от экзерци-ций. А потом вдруг, словно самое сокровенное вырвалось у него из души, ни с того ни с сего воскликнул: «Ради Бога, сделайте же что-нибудь, чтобы ваш ответ быстрее прибыл!» «Я попытался его успокоить, — записал в дневнике Штутерхайм, — сказав ему, что я точно знаю, что курьер из Вены уже выехал, но, вероятно, эта ужасная распутица задержала его в дороге». Царь, поняв, очевидно, что сказал очень эмоционально, произнес уже спокойнее: «Но он мог постараться выехать до распутицы. Я жду его с безумным нетерпением!»[36] Тема ответа из Вены стала поистине навязчивой идеей Александра. Буквально через несколько дней на очередном параде он опять заговорил со Штутерхаймом и недовольно произнес: «Вы теряете много времени»[37].

Таким образом, Александр не просто с конца 1803 г. думал об организации коалиции против Франции, не только делал в этом направлении конкретные шаги, но уже тогда был буквально одержим войной с Наполеоном. Он навязывал ее всем: прусскому королю, австрийскому императору, он требовал ее, несмотря на то что англичане не особенно просили русских бросаться на защиту Лондона. Он жаждал ее любой ценой, не обращая внимания на то, нужна она интересам России или нет, желает ли ее или нет большинство элиты российского общества. Он не советовался уже практически ни с кем, кроме нескольких страдавших навязчивой идеей англофилов, и прежде всего канцлера А.Р. Воронцова. О последнем баварский посланник Ольри очень метко заметил: «Я никогда не видел человека столь странного, как старый канцлер, которому император вверил руководство внешними делами. Набитый всякими предрассудками, спесью, предубеждениями, гордый своею мнимою опытностью, он стал, так сказать, неприступен»[38]. Кстати, именно потому, что война совершенно не соответствовала ни желанию большинства русской элиты, ни национальным интересам страны, а решение о ней принималось, мягко выражаясь, в узком кругу, о ее подготовке никак не мог догадываться Бонапарт. И более того, его дипломатические представители в России чуть не до самого момента разрыва будут упорно твердить о миролюбивых намерениях Александра.

В Париже в это время действительно было не до России. Война с Англией становилась все более нешуточной, и каждый день приносила все новые сюрпризы. 28 января 1804 г. приговоренный к смерти шуан*, некто Керель, в момент, когда его вели на казнь, вдруг заявил, что он может дать важные показания. Его выслушали, и вот что оказалось: уже несколько месяцев как на английские деньги во Францию был переброшен из Лондона целый отряд головорезов под руководством знаменитого вождя вандейцев Жоржа Кадудаля. В задачу заговорщиков входило убийство Первого консула и осуществление государственного переворота с целью реставрации монархии Бурбонов. Вся парижская полиция была поднята на ноги. 8 февраля был арестован один из заговорщиков, некто Пико. Допрошенный с пристрастием, он заговорил и сообщил, что заодно с Кадудалем действует отставной генерал Пишегрю. Когда-то он был известным вождем революционной армии, но потом за контакты с роялистами был осужден на каторгу, оттуда он сбежал и переправился в Лондон, где на всякий случай английское правительство взяло его на свое содержание. Теперь, как сообщил другой арестованный заговорщик Буве де Лозье, он появился в Париже, чтобы вступить в союз с генералом Моро и обеспечить содействие последнего в государственном перевороте.

Дело стало настолько серьезным, что Бонапарт принял решение арестовать генерала Моро. Это было не простым ходом. Моро пользовался в армии огромной популярностью, все знали его военные таланты и считали человеком, преданным республиканским идеалам. Сам же генерал, уязвленный тем, что на месте главы правительства оказался другой, а не он, стал центром, вокруг которого группировались все фрондеры. Тем не менее 15 февраля он был арестован и заключен в тюрьму Тампль.

Арест Моро стал первым событием в истории консульства, которое вызвало взрыв недовольства. «Общественное мнение потрясено, как если бы произошло землетрясение», — записал в эти дни неаполитанский посол маркиз де Гал-ло. Никто не верил, что республиканец Моро может быть пособником шуанов. Нужно было срочно что-то делать. Полиция перекрыла барьеры на въезде в Париж и стала прочесывать всю столицу. За головы заговорщиков было назначено большое вознаграждение. И вот, наконец, 28 февраля жандармы схватили Пишегрю, которого выдал хозяин квартиры, где скрывался опальный генерал. Кольцо вокруг Кадудаля сжималось, и наконец 9 марта 1804 г. знаменитый лидер роялистского движения был схвачен полицией.

Жорж Кадудаль, сын простого бретонского крестьянина, благодаря своей бешеной энергии, талантам и абсолютной преданности монархическому подполью стал непререкаемым вождем для графов и маркизов. Жорж обладал сверх того огромной физической силой. В момент ареста он убил одного из полицейских, а другого ранил. Но, что интересно, то, что простые парижане помогли полиции задержать Кадудаля. Его арест снова перевернул общественное мнение, на этот раз в благожелательном для Бонапарта направлении. Теперь всем стало понятно, что заговор действительно существовал и что Моро не столь чист и невинен, как казалось.

Кадудаль не стал запираться, а просто и ясно рассказал, зачем он был в Париже. Его целью было убийство Первого консула и возведение на престол графа Прованского, того, кого роялисты признавали за короля Людовика XVIII. В показаниях Жоржа так же, как и в показаниях его сообщников, говорилось о том, что в момент устранения Первого консула в Париж должен был прибыть «французский принц», «но он там еще не находится». Что это был за принц, никто из заговорщиков не знал или не хотел говорить. Оставалось теряться в

Шуаны — название участников вооруженного сопротивления республиканским властям в Вандее и Бретани.

догадках. Наиболее известные из родственников короля находились далеко от Франции: граф д'Артуа и герцог де Бурбон в Лондоне, герцог Ангулемский в Миттаве, герцог Лилльский в Варшаве. Однако в нескольких показаниях промелькнуло имя герцога Энгиенского*. Он был самым молодым из всех значимых фигур роялистского движения, но и одним из самых популярных. В ходе боевых действий с республиканской армией он зарекомендовал себя как талантливый военачальник и отважный солдат. Во время описываемых событий герцог Энгиенский жил в городе Эттенхейм на территории маркграфства Баден, всего лишь в четырех километрах от французской границы. «Он не замедлит вступить во Францию, что, согласно его сторонникам, будет нетрудно. Некоторые считают, что он уже там (во *Франции)»*[39]*,* — показал на допросе один из заговорщиков.

Префекту департамента Нижний Рейн, который граничил с территорией Бадена, было поручено немедленно разобраться с этим делом. Тот, послал на разведку переодетого унтер-офицера жандармерии Ламота, который хорошо говорил по-немецки. 8 марта 1804 г. его рапорт оказался уже на столе у Первого консула. Согласно этому рапорту вокруг герцога Энгиенского собирались важнейшие фигуры роялистского движения. Здесь был и знаменитый генерал Дюмурье, и не менее известный английский агент Спенсер Смит, приезжал даже генерал Моро (!). В рапорте говорилось также, что герцог часто куда-то исчезает и отсутствует дома по несколько дней, а эмигранты, которые прибывают к нему в Эттенхейм, замышляют «что-то»...

Рапорт Ламота на самом деле был трагическим недоразумением. Желая придать важность своим действиям, унтер-офицер чуть-чуть сгустил краски, но самое главное, как «знаток» немецкого, он немножечко подправил фамилии, которые назвал ему болтливый трактирщик. Зная, что немцы произносят звонкие согласные как глухие, да и вообще коверкают все на свете, сообразительный жандарм превратил имя никому неизвестного эмигранта Тюмери в Дюмурье, Мору а в Моро, а Шмидта в Смита!

Получив этот рапорт, Бонапарт был потрясен. Для него все стало ясно. Именно герцог Энгиенский являлся тем принцем, который должен был повести за собой заговорщиков. «Я что, собака, которую может убить на улице каждый встречный-поперечный? — воскликнул Бонапарт. — А мои убийцы, что, священные коровы, к которым нельзя прикоснуться? На меня нападают. Я должен ответить на войну войной!»

10 марта был собран чрезвычайный совет, на котором присутствовали все три консула (сам Бонапарт, Кабасерес и Лебрен), высший судья Ренье, министр иностранных дел Талейран и военный губернатор Парижа Мюрат. Общим мнением было — необходимо немедленно арестовать герцога Энгиенского.

На рассвете 15 марта отряд французской конной жандармерии и драгун, войдя на территорию Бадена, окружил дом, где жил герцог. Его вооруженные слуги были наготове, но опытный солдат, он понял, что бой бесполезен, и сдался без сопротивления. Около пяти часов вечера 20 марта его привезли в Венсеннский замок под Парижем, а в девять часов вечера был собран военный трибунал под председательством генерала Юлена...

Позже, когда во Францию на штыках союзников вернутся Бурбоны, многие участники этого дела будут перекидывать ответственность за произошедшее один

* Герцог Энгиенский — Людовик-Антуан-Анри герцог Энгиенский (1772—1804), сын Людовика-Анри-Жозефа герцога Бурбонского, внук принца Людовика-Жозефа де Бурбон Конде (1736—1818), одного из ближайших родственников французского короля Людовика XVI. Принц Конде был командующим эмигрантским корпусом (см. гл. l). По старой монархической традиции, до смерти старшего представителя этого дома его младшие отпрыски носили титул герцога Энгиенского.

на другого. Так, полковники Базанкур и Баруа, заседавшие в трибунале, утверждали, что хотя и считали принца виновным, но хотели дать отсрочку в исполнении приговора. А адъютант Наполеона Савари, посланный, чтобы руководить процессом, вообще был ни при чем. «...Я вначале просто хотел встать, так, чтобы лучше видеть происходящее, но так как я весь продрог из-за того, что провел ночь среди войск, на морозе, я хотел согреться у камина, перед которым стояло кресло генерала Юлена... и я оказался только на несколько мгновений (!) позади него во время слушания дела»[40]. Члены же военного трибунала говорили, что, когда они собирались написать Первому консулу письмо, Савари выхватил у них из рук бумагу и не терпящим возражений голосом отрезал: «Господа, вы сделали свое дело. С остальным я разберусь сам». Государственный советник Реаль, которому было поручено вечером 20 марта допросить герцога, не прочитал вовремя приказ и заснул спокойным сном, только наутро узнав, что ему надо ехать в Венсенн... Вобщем, все спали, никто ничего не знал, а те, кто случайно оказались в этот вечер в Венсенне, были ни при чем...

На самом деле ответственность лежала на всех. Нужно сказать, что герцог Энгиенский был человеком, без сомнения, отважным и на процессе, на котором и так все было решено заранее, повел себя так, что вряд ли мог вызвать особое сострадание со стороны участника штурма Бастилии Юлена и офицеров республиканской армии. Он твердым голосом заявил, «что он недавно просил командный пост в английских войсках и до тех пор, пока будет продолжаться правление узурпатора, он будет использовать все случаи, чтобы встать под знамена держав, которые ведут с ним войну. Это его долг, который предписывает ему его положение и кровь, которая течет в его жилах»[41]. Трибунал единогласно постановил: смертная казнь.

В три часа утра, когда еще было совсем темно, герцога Энгиенского вывели в широкий, выложенный камнем замковый ров. Поняв, что наступил его последний час, молодой принц попросил духовника, чтобы исповедаться. «К черту поповщину!» — раздался возглас явно не слишком набожного офицера. Командир взвода подал знак, раздался залп, и герцога Энгиенского не стало.

«Я приказал арестовать и судить герцога Энгиенского, потому что это было необходимо для безопасности, интересов и чести французского народа. В тот момент граф д'Артуа содержал, по его же признанию, 60 убийц в Париже. Если бы я оказался в подобных обстоятельствах снова, я поступил бы так же»[42], — написал Наполеон на острове Святой Елены буквально накануне своей смерти.

Некоторые рьяные бонапартисты, желая оправдать своего кумира, позднее будут перекладывать ответственность на нерадивых помощников вроде Ламота или Реаля и вероломных советников, прежде всего Талейрана. Сам изгнанный император даже перед лицом смерти не побоялся взять на себя ответственность за совершенное. Что же касается Талейрана, который действительно был одним из самых рьяных сторонников казни принца, он, с присущим ему цинизмом, глубокомысленно изрек: «Это хуже, чем преступление. Это ошибка»*.

На самом деле тогда никто так не считал. Англичане и роялисты наполнили Париж кинжалами наемных убийц. На Первого консула вели самую настоящую охоту. Нужно было ответить так, чтобы больше ни у кого не возникало желания браться за ножи. Один из самых знаменитых историков этого периода, Фредерик Массон, написал по этому поводу: «Он должен был ударить так сильно, чтобы в Лондоне и Эдинбурге поняли, наконец, что это не игра. Он должен был ударить открыто, так, чтобы герцоги и граф д'Артуа, видя, как течет королевская кровь, задумались на мгновение. Он должен был ударить

* Эта фраза приписывается также Фуше и Буле де ла Мерту.

быстро, ибо, если бы он взял представителя королевского дома в заложники, вся монархическая Европа поднялась бы, чтобы его защитить...»[43]

Франция восприняла это известие молча. Если и поднялись голоса, то лишь для того, чтобы поддержать решение Первого консула. Один из депутатов Законодательного корпуса, некто Кюре, с восторгом воскликнул: «Он действует как Конвент!» Сам же Бонапарт, словно слыша этот голос, вечером 21 марта фразами, будто заимствованными у ораторов Революции, объяснил своему окружению мотивы казни. «Эти люди хотели посеять во Франции хаос, они хотели убить Революцию в моем лице, я должен был ее защищать и отомстить за нее... Я человек государства, я — это французская Революция!»

Эту фразу и хотела услышать Франция от Первого консула. Уже довольно долго среди первых лиц государства шел разговор о том, что нельзя допустить, чтобы благополучие страны покоилось лишь на жизни одного человека. Неужели, если Бонапарт будет убит другой, более удачливой группой заговорщиков, рухнет все здание, выстроенное в годы консульства? Многие видели решение данного вопроса в установлении наследственной власти по образцу монархии. Однако страна вовсе не хотела возвращаться назад. Франция хотела быть уверена, что если она вручит корону Первому консулу, все, что сделано Великой французской революцией, останется незыблемым: гражданское равенство, отмена феодальных привилегий, свобода совести, незыблемость передачи земель эмигрантов новым собственникам, и прежде всего бывшим зависимым крестьянам, свобода производства и торговли. Казнью герцога Энгиенского Первый консул показал, что между ним и Бурбонами нет ничего общего. Поворота назад не может быть. Бонапарт отныне стал таким же «цареубийцей», как и члены Конвента, осудившие Людовика XVI на смерть.

По решению Сената 18 мая 1804 г. Первый консул Наполеон Бонапарт был провозглашен императором французов под именем Наполеон I. Началась новая эпоха, но не только во внутриполитической истории Франции, но и в истории ее отношений с Европой.

1 Reichardt J.-F. Un hiver a Paris sous le Consulat (1802-1803). Paris, 2003, p. 255-256.

2 Ibid. p. 349-350.

3 Sorel A. L'Europe et la Revolution frangaise. Paris, 1903, p. 241—242.

4 d'Abrantes, la duchesse. Histoire des salons de Paris. Tableaux et portraits du Grand Monde. Paris, 1837-1838, t. VI, p. 181.

5 Cronin V. Napoleon. Paris, 1979, p. 252.

6 Цит. по: Histoire des relations internationales. t. 4; A. Fugier. La Revolution frangaise et l'empire napoleonien, p. 178.

7 Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья.М., 1962, с. 242.

8 Цит. по: Poniatowski M. Talleyrand et le Consulat. Paris, 1986, p. 741.

9 Депеша от Уитворта к Хоуксбери от 14 марта 1803 г. Цит. по: Poniatowski M. Op. cit., p. 745-746.

Депеша Моркова от 4 (16) марта 1803 г. Сборник Российского исторического общества, т. 77, с. 63—68.

10 Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802—1806) императора Александра I. // Исторический вестник, 1917, № 1, январь,с. 127.

11 Observations. London, 1803, p. 5—7.

12 Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Memoires du due de Rovigo pour servir a l'empereur Napoleon. Paris, 1828, t. 1, p. 465.

13 Ibid.
14 Цит. по : Thiers A. Histoire du Consulat et de Pempire. Paris, 1874, t. 4, p. 347—348.
15 Desbriere E. Projets et tentatives de debarquement aux lies britanniques. Paris, 1900, t. 3, p. 304.
16 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел, т. 1, с. 475—482.
17 Correspondance de Napoleon Ier, t. 7, p. 486.
18 Цит. по : Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoleon. Paris, 1891, p. 54.
19 Ibid., p. 66-67.
20 Ibid., p. 64-65.
21 Внешняя политика России... т. 1, с. 532—533.
22 Гогендорп Д. Из записок графа Гогендорпа. // Русский архив, 1888. Кн. 3, с. 113-114.
23 Correspondance inedite du roi Frederic-Guilaume III et la Reine Louise avec l'empereur Alexandre I. Leipzig - Paris, 1900, p. 30-31.
24 Ibid., p. 44-45.
25 Архив князя Воронцова. М., 1870—1897. Кн. 10. Бумаги князя Семена Воронцова. Ч. 3. с. 58, 186.
26 Внешняя политика России... т. 1, с. 522—527.
27 Там же, с. 545-550.
28 Там же, с. 551-552.
29 Цит. по: Driault E. La politique exterieure du premier Consul 1800—1803. Paris, 1910, p. 360.
30 Внешняя политика России... т. 1, с. 600.
31 Там же, с. 602.
32 Российский государственный исторический архив. Ф. 549. Оп. 1, № 387. Tagebuch des Kaiserlichen Obersten Karl Freiherr von Stuterheim, p. 23—29.
33 Ibid., p. 32.
34 Ibid., p. 41.
35 Ibid., p. 49.
36 Ibid., p. 60.
37 Ibid., p. 65.
38 Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802—1806) императора Александра I. // Исторический вестник, 1917, № 1, январь, с. 128.
39 Цит. по: Lentz. Le Grand Consulat, p. 540.
40 Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit., t. 2, p. 60.
41 Pasquier E.-D. Histoire de mon temps. Memoires du chancelier Pasquir. Paris, 1893—1894, p. 185.
42 Correspondance... t. 32, p.
43 Masson F. Le Sacre et le Couronnement de Napoleon. Paris, 1978, p. 61.

ГЛАВА 6

КОАЛИЦИЯ

В его природе царственной есть нечто, Чего бояться должно. Он отважен И мудр. Его неукротимый дух Ведом рассудком осторожным к цели. Кто из людей мне страшен? Только он. Мой гений подавляет он, как гений Антония был Цезарем подавлен.

Шекспир. Ромео и Джульетта.

Залп ружей во рву Венсеннского замка отозвался гулким эхом при монархических дворах Европы. Но вот что удивительно: чем ближе тот или иной двор был к Франции, тем более слабыми были отзвуки события, произошедшего в ночь на 21 марта. Баденский электор, которого наиболее, казалось бы, затрагивала история с герцогом Энгиенским, в осторожной форме выказал свое недовольство по поводу нарушения границ его владений, однако в его послании было больше чувств солидарности и поддержки Бонапарту. Что /КС КЭ.С3.6Т ся герцога Вюртембергского, он просто-напросто поздравил Бонапарта со счастливым избавлением от опасного заговора. Из Баварии выслали несколько эмигрантов. В Берлине и Вене возмущались, но умеренно, по крайней мере, никаких официальных заявлений на этот счет сделано не было. Зато в Петербурге выстрелы, сделанные за тысячи километров, произвели настоящий взрыв.

«Его Императорское Величество, возмущенный столь явным нарушением всяких обязательств, которые могут быть предписаны справедливостью и международным правом, не может сохранять долее отношения с правительством, которое не признает ни узды, ни каких бы то ни было обязанностей и которое запятнано таким ужасным убийством, что на него можно смотреть лишь как на вертеп разбойников», — заявил князь Чарторыйский*, открывая Государственный совет, собравшийся в Зимнем дворце в семь часов вечера 5 (17) апреля 1804 г. Эти слова были прочитаны молодым князем, но на самом деле они принадлежали императору Александру. На рассмотрение Совета был поставлен вопрос о немедленном разрыве и войне с Францией. Большая часть членов совета высказалась за разрыв отношений с Францией, как признает сам Чарторыйский, боясь не угодить царю. Однако были отважные голоса. Наиболее решительно высказался граф Николай Петрович Румянцев". Он вообще не понимал, почему Россия должна была броситься в кровавую войну из-за гибели иностранного принца: «...решения Его Величества должны подчиняться только государствен-

* Чарторыйский (Чарторийский, Чарторыский, Czartoryski), Адам Адамович (1770— 1861), князь, член Негласного комитета, в 1802—1806 гг. товарищ (заместитель) министра иностранных дел, с января 1804 г. по июнь 1806 г. в связи с тем, что А. Р. Воронцов отошел по болезни от государственных дел, Чарторыйский фактически управлял министерством иностранных дел.

** Николай Петрович Румянцев — граф, известный государственный деятель, с 1801 г. член Государственного совета, в 1802—1814 гг. министр коммерции, с сентября 1807 г. управляющий министерством иностранных дел, с февраля 1808 г. министр иностранных дел, с 1809 г. государственный канцлер, с 1810 г. председатель Государственного совета, в 1814 г. ушел в отставку.

ным интересам и... соображения сентиментального порядка никак не могут быть допущены в качестве мотива для действий... Произошедшее трагическое событие никак прямо не касается России, а честь империи никак не задета...»[1].

Слова Румянцева несколько охладили пыл Александра. Было принято решение направить протест французскому правительству, однако ограничиться хотя и резкими, но дипломатическими выражениями, исключив из текста безумную фразу насчет вертепа разбойников. Одновременно при дворе объявлялся траур.

Интересно заметить, что, если бы герцог Энгиенский умер по какой-нибудь другой причине, навряд ли кто-нибудь его вообще вспомнил в Петербурге. Подобных принцев, состоявших в далеком родстве с тем или иным королевским домом, в Европе были сотни, и никогда по поводу их смерти не объявлялся официальный траур.

Конечно, Александру был глубоко безразличен герцог Энгиенский, но его гибель дала тот долгожданный повод, который он искал. Муссируя до бесконечности этот факт, можно было изменить настроение в высших слоях русского общества, которое, как уже не раз отмечалось, прохладно относилось к идее войны с Францией. Действительно, императрица-мать, эмигранты, англофилы на все лады только и повторяли что имя герцога Энгиенского. Французского посла, который пока еще оставался в Петербурге, стали чураться. Его жена то ли по незнанию, то ли по недоразумению, явилась на большое «собрание» в доме князей Белосельских в праздничном платье. «Русские дамы были в трауре, — рассказывает Гогендорп, — а некоторые из подражания моде, даже в глубоком». От жены посла сторонились, ей наговорили резких слов, и она в слезах вынуждена была убежать из дворца.

Впрочем, светские разговоры были делом второстепенным. Казнь герцога Энгиенского дала неожиданную возможность Александру выступить перед всей Европой поборником права, возглавить новый крестовый поход против «богомерзкого» революционного режима. Во все концы Европы полетели письма с призывом немедленно объединиться в борьбе с Наполеоном и создать военный союз против Франции. Подобные предложения были направлены в Вену, Берлин, Неаполь, Копенгаген, Стокгольм и даже Константинополь. Во всех посланиях Александр выражал гнев по поводу действий Бонапарта и взывал к защите попранной справедливости. Наверное, особенно должен был возмутиться нарушением «прав человека» турецкий султан. Можно себе представить, как ломал голову Селим III, когда ему зачитали следующие строки: «Неслыханное происшествие произошло на территории Германской империи, на земле Баденского электора. Герцог Энгиенский был захвачен вооруженным французским отрядом и затем был отведен на казнь. Без сомнения, это событие наполнило Порту чувством изумления и горя, подобного тому, которое испытали все вокруг»[2]. Так как в Турции обычно сажали на кол или рубили головы противникам султана, а незадолго до этого в Египте по приказу Селима были вырезаны вожди сепаратистского движения мамелюков, он действительно, наверное, был наполнен «чувством изумления» по поводу послания русского царя.

Александр I направил также ноту протеста в адрес сейма Германской империи в Регенсбурге. «Его Императорское Величество... убежден в том, что Имперский сейм так же, как и глава империи, отдавая должное его заботам, столь же бескорыстным, сколь и безусловно необходимым, незамедлительно присоединятся к нему и, не колеблясь, заявят французскому правительству свой справедливый протест с тем, чтобы побудить его согласиться на все меры и демарши, которые оно должно будет предпринять для удовлетворения оскорбленного достоинства Германской империи и для обеспечения ее будущей безопасности»[3].

Когда этот документ был зачитан на заседании сейма, Баденский электор предложил не тратить время на посторонние дела и заняться рассмотрением текущих вопросов. Что и было сделано.

Нетрудно предположить, что царь был задет этой черной немецкой неблагодарностью, но все же мнение германских князей не играло определяющей политической роли. Куда более важной была позиция Австрии. Во-первых, из всех держав, к которым обратился Александр, она была самой мощной, во-вторых, здесь при дворе были сильны антифранцузские настроения и были живы идеи реванша за поражение в предыдущих войнах, наконец, русская армия просто физически не могла вступить в боевое соприкосновение с французами, не пройдя по территории Габсбургской монархии. Как уже отмечалось, настоятельные требования вступить с Россией в союз и даже конкретные предложения по поводу плана военных действий Венский двор получил уже в конце 1803 г., задолго до казни герцога. С тех пор царь нетерпеливо ожидал ответа.

Долгожданное письмо, собственноручно написанное императором Австрии Францем II, пришло в Петербург 22 апреля (4 мая) 1804 г. как раз в тот момент, когда высший свет только и делал, что обсуждал историю герцога Энгиенского. В своем пространном послании Франц II, как могло показаться на первый взгляд, полностью соглашался с Александром. Он говорил о том, что разделяет мнение царя по вопросам европейской политики, что готов выставить 200-тысячную армию для борьбы с французами и даже любезно обещал в случае успеха захватывать не слишком много земель в Италии. Однако в его письме было небольшое «но», которое полностью перечеркивало все идеи Александра. Дело в том, что австрийский император был готов на *оборонительный* союз. В его письме была фраза: «Я оставляю за собой возможность согласовать с Вашим Императорским Величеством в соответствии с требованием обстоятельств те случаи, когда потребуется использование наших общих сил ввиду неясности по поводу намерений, возможных воюющих сторон в общем и французского правительства в частности, а также степени опасности, которая может возникнуть в случае их реализации»[4].

Иначе говоря, австрийцы не видели в настоящий момент ни действительной опасности, ни необходимости воевать с Наполеоном. Они были, конечно, очень рады тому, что в случае угрозы со стороны Франции они получат поддержку России, но только в этом случае. Никакого бурного желания устремиться в схватку у них не было. Страна была истощена предыдущими войнами, государственный дефицит достиг огромной суммы — 27 млн. флоринов. Самый выдающийся австрийский государственный деятель и полководец того времени эрцгерцог Карл, младший брат императора, говорил о том, что его страна отстала от Европы на целый век, что пассивность властей «такая, что можно изумиться», а развал администрации «полный».

«Финансовое состояние Австрии — ужасающее, — писал эрцгерцог Карл. — Невозможно даже в мирное время сбалансировать расходы и доходы. Понадобится, по крайней мере, 20 миллионов флоринов, чтобы перевести армию на военное положение, 33 миллиона в год, чтобы ее содержать и 150 миллионов в год, чтобы вести войну. Война приведет к немедленному банкротству... У нас будут, конечно, английские субсидии, но не следует преувеличивать их значимость... Они представляют лишь малую часть расходов (37 миллионов флоринов). Англичане еще и вычтут из этого долги, которые были сделаны ранее Австрией. И начислят проценты перед окончательным расчетом... Поэтому нужно любой ценой избежать войны, к тому же ее невозможно начать без союзников. Но кто же будут эти союзники? Можно надеяться только на русских... Контингент, который они обещают, недостаточен, чтобы Австрия могла бороться на-

равне с противником. И можем ли мы быть уверены, что завтра под каким-нибудь предлогом, например, разлад между командующими, они откажут нам в помощи? Наконец, даже если они с самым большим усердием будут поддерживать Австрию, все равно она примет на себя первый удар французов. Быть может, они даже вступят в нашу столицу до прибытия русских на Дунай»[5].

Правда, эрцгерцог Карл считал, что рано или поздно войны с Францией не избежать. «Однако ее нужно отдалить настолько, насколько это будет возможно, — писал эрцгерцог, — и каждый год мира даст новых солдат и новые флорины австрийскому правительству»[6].

Этого-то как раз и не мог стерпеть Александр. Он хотел войны сейчас, немедленно, а австрийская осторожность выводила его из терпения. Выражавший мнение царя фактический министр иностранных дел Чарторыйский немедленно по получении ответа из Вены встретил посла Австрии графа Стадиона и буквально отчитал перепуганного посланника за письмо его императора. «Проект, выраженный в письме, это всего лишь видимость союза... от такого союза не будет никакого толка, ибо случай, при котором он вступит в силу, никак не обозначен»[7], — заявил Чарторыйский. Посол оправдывался как мог, пытаясь доказать самую горячую дружбу и привязанность Австрии Петербургскому двору. Тогда Чарторыйский вдруг ошарашил его невиданной просьбой — он предложил послу вместе с ним откорректировать письмо императора Франца, исправив те статьи, которые не соответствовали взглядам на союз Чарторый-ского и Александра I. Можно себе представить, как вытаращил глаза австрийский посол, который хотя и был ярым сторонником сближения с Россией, но и в мыслях не мог вообразить, как он будет править написанное рукой его повелителя послание!

Не горел желанием вступать в войну с французами и прусский король. Он также ответил на предложение Александра уклончивым ответом. Что 2КС КЭ.СН ется Мадрида, здесь вообще смотрели в другую сторону. Фаворит королевы дон Годой, фактически заправлявший делами королевства, ответил на известие о гибели герцога Энгиенского ироничной фразой: «Когда есть дурная кровь, от нее надо отделаться».

Но самый жесткий ответ, самые страшные слова для Александра раздались из Парижа. В ответ на ноту, представленную 12 мая поверенному в делах Петром Убри, Бонапарт взорвался. Своему министру иностранных дел он написал: «Объясните им хорошенько, что я не хочу войны, но я никого не боюсь. И если рождение империи должно стать таким же славным, как колыбель революции, его отметит новая победа над врагами Франции»[8]. По поручению Первого консула Талейран написал, обращаясь к русскому правительству: «Жалоба, которую она *(Россия)* предъявляет сегодня, заставляет спросить, если бы когда Англия замышляла убийство Павла I, удалось бы узнать, что заговорщики находятся в одном лье от границы, неужели не поспешили бы их арестовать?»[9]

Это была настоящая пощечина царю. Хотя и в форме намека, Александру дали понять, что довольно странно выглядит в роли блюстителя европейской нравственности человек, который замешан в убийстве своего отца. «Эта кровная обида запала в сердце Александра и поселила в нем неизгладимую ненависть к Наполеону, руководствующую всеми его помыслами и делами впоследствии, — писал в своих мемуарах Греч. — Принужденный заключить с ним мир в Тильзите, Александр принес в жертву своему долгу и России угрызавшее его чувство, но ни на минуту не терял его и, когда пришло время, отомстил дерзновенному совершенною его гибелью. Вообще Александр был злопамятен и никогда в душе своей не прощал обид, хотя часто из видов благоразумия и политики скрывал и подавлял в себе это чувство»[10].

С этого момента смыслом жизни, мотивом всех действий Александра I будет только одно — свержение Наполеона. Этой личной ненависти будут подчинены все действия царя, ради этого, несмотря ни на какие геополитические интересы, несмотря ни на какую холодность и нежелание вступать в союз европейских монархов, несмотря на надменную, пренебрегающую всеми российскими интересами политику Англии, он будет упорно, буквально пинками, заталкивать всю Европу в коалицию против своего врага. Талантливый русский историк, работавший в эмиграции, Борис Муравьев написал: «Разумеется, меньше всего заинтересован в этих действиях Александра был русский народ, которого герцог Энгиенский, расстрелянный в Венсеннском рву, заботил не больше, чем какой-нибудь мандарин, посаженный на кол по приказу Богдыхана»[11].

Начиная с конца апреля 1804 г. русский царь буквально забрасывает своими посланиями о необходимости немедленного создания коалиции австрийский и прусский двор. Обширную дипломатическую переписку этого периода поистине можно назвать диалогом двух глухих. Александр с редким упорством повторяет в своих письмах одни и те же доводы. В ответ он в очередной раз получает письма, где с ним во всем соглашаются, кроме одного, самого главного — царю нужен союз для немедленного начала наступательной войны, австрийцы и пруссаки никак на подобную войну идти не хотели. 25 апреля (7 мая) 1804 г. Александр пишет в очередной раз послу России в Вене А. К. Разумовскому и в который раз повторяет свои доводы, которые посол должен донести до непонятливых австрийцев: «Несмотря на то, что в силу местоположения моих владений мне нечего особенно опасаться французов (!), я все же счел, что не могу оставаться безразличным к опасностям, угрожающим другим государствам Европы; ...я поспешил предложить свое сотрудничество и помощь венскому двору, как наиболее заинтересованному в поддержании равновесия в Европе». Царь вновь и вновь повторяет: «...я не могу согласиться с мнением, что союз подобного рода *{оборонительный)* мог бы гарантировать Европу от бедствий, готовых обрушиться на нее, для предотвращения которых нужны средства, более сильные, нежели то, каким является в политике простой оборонительный договор...» Как всегда, Александра не смущают противоречия самому себе. Он пишет: «...я очень далек от того, чтобы желать войны», и тут же добавляет: «... каким бы образом ни началась война на континенте, она должна рассматриваться как оборонительная, поскольку французское правительство уже давно начало прямую агрессию против всех европейских государств». Это письмо царя, такое же пространное, как и все остальные, можно читать только между строк. Здесь постоянно лицемерно повторяется мотив «миролюбия» и тут же одно за другим следуют требования немедленно начать войну, чтобы спасать «страждущую Европу»[12].

Определенно, Александр страдал графоманией, потому что 25 апреля (7 мая) 1804 г. он пишет еще одно письмо на многих страницах, на этот раз лично обращенное к императору Францу II, где он практически слово в слово повторяет то, что он изложил своему послу. Наконец, в этот же день огромное письмо русскому послу в Вене пишет и Чарторыйский, где он опять почти буквально перепевает на все лады те же самые доводы. Впрочем, его послание немного короче и немного откровеннее, чем письмо царя. Оно завершается плохо скрытой угрозой в адрес австрийцев: «Если, однако, вопреки всем соображениям собственной выгоды эти державы не захотят действенным образом воспротивиться пагубным предприятиям, прежде всего касающимся именно их, и способствовать спасению Европы от бездны, разверзнувшейся, чтобы поглотить ее, император, с болью глядя на то, как они стремятся к своей собственной гибели, и зная, что им не в чем упрекнуть его, без труда наметит меры, диктуемые безопасностью и пользой его собственных владений, совершено отделив их от интересов своих соседей...»[13]

Но, как ни странно, незадачливые австрийцы никак не могли увидеть «разверзнувшуюся бездну» и не собирались «воспротивиться пагубным предприятиям». Император Франц заявил Разумовскому: «Французы мне ничего не сделали, и я ими очень доволен»[14]. А что касается прусского короля, он сказал русскому послу, что желает «сохранить мир и спокойствие на континенте, сохранить процветающую Францию, а не унижать ее (!)», кроме того, «наиболее существенные интересы его монархии и его возможности призывают его ограничиться в своих заботах в этом отношении с Севером; что же касается Юга, тс он может и должен предоставить заботу о нем державам, более него заинтересованным в этом, например Австрии»[15]. Наконец, еще ранее в послании, обращенном к графу Гаугвицу, прусский король недвусмысленно декларировал: «...только непосредственные действия Франции против территории Пруссии заставят меня взять в руки оружие»[16]. Таким образом, если первая и вторая коалиция против республиканской Франции сложились почти что спонтанно под влиянием форс-мажорных обстоятельств, третья коалиция не могла бь: появиться на свет без упорной и целенаправленной деятельности Александра.

В этой исступленной подготовке войны против Франции царю помогало всего лишь несколько человек: уже много раз упоминавшийся Семен Воронцов, а с начала 1804 г. товарищ (заместитель) министра иностранных дел Адам Чарто-рыйский. Молодой польский магнат очень откровенно пишет о событиях тоге времени в своих мемуарах. Он открыто признает, что согласился занять этот пост только для того, чтобы защищать польские интересы, а точнее то, что он рассматривал как таковые. Согласно его мнению, не было ничего опаснее для дела восстановления Польши, чем русско-французский союз. В этом, без сомнения, есть рациональное зерно, ведь когда наметилось русско-французское сближение, Бонапарт запретил всякую активную политическую деятельность польских эмигрантов в Париже, а героев польских легионов, оставшихся в рядах французской армии, послал подавлять восстание негров на Сан-Доминго, подальше с глаз.

Чарторыйский считал, что война с Францией вызовет противостояние и с Пруссией. «...Тогда было бы провозглашено Польское королевство под скипетром Александра», — откровенно писал Чарторыйский. Молодой магнат, конечно, не говорит об этом в своих мемуарах, но, он, похоже, видел не только «скипетр Александра», но и корону нового королевства на своей голове. Таким образом, все его усилия были направлены на то, чтобы любой ценой разжечь в Европе континентальную войну. Все, что сказано здесь, — не домыслы, а черным по белому написано в мемуарах самого князя.

В результате получилось великолепное трио: царь, желавший войны из личной ненависти, его министр, также желавший войны, чтобы создать Польское королевство, и посол в Англии, который, в свою очередь, желал войны во имя защиты дорогой его сердцу Британии.

В течение долгого времени советские историки, как черт от ладана, бежали от рассмотрения истинных причин создания третьей коалиции. Потому что ясно, если начать поднимать документы, теория превентивной войны, защищающая интересы России, рассыпается как карточный домик. Ни о каких интересах страны ни царь, ни его подручные и не думали. В лучшем случае, можно сказать, что они хлопотали о корысти тех представителей российского правящего класса, которые наживались за счет продажи зерна со своих поместий в Англию. Это ни в коем случае не оправдывает экспансионистскую политику Наполеона, которая стала еще более заметна после провозглашения империи во Франции. Однако чтобы хоть как-то задеть регионы, где Россия имела свои интересы. Наполеон был бы вынужден разгромить Австрию. Так как Габсбургская монархия не собиралась ни в коем случае в одиночку атаковать Францию, никакого

повода у Наполеона для того, чтобы вести войну с ней, не было. А если бы он вдруг, ни с того ни с сего, напал на нее, у России был бы прекрасный случай показать свою силу. В этой ситуации Австрия целиком и полностью была бы на стороне русских и сражалась бы не «для галочки», потому что ее за уши втягивают в союз, а во всю свою силу. Нет сомнений, что и пруссаки не могли бы в подобной ситуации остаться в стороне. Тогда действительно война была бы не только мотивирована, но и необходима. Это было бы очевидно для каждого простого австрийского, прусского и русского солдата. Подобная война была бы поистине священной и справедливой... но Наполеон не собирался нападать на Австрию, по крайней мере, в обозримом будущем.

Как государственный человек, который мыслил интересами своей страны, он никак не мог понять политику Александра. Он не видел выгоды для России в предстоящей войне, и поэтому ему казалось, что царь окружен дурными советниками, что министров подкупает английское золото. Подобную же точку зрения разделяли и многие его сотрудники. Самое интересное, что даже те, кто находился в Петербурге, не могли проникнуть в суть происходящего. После того как Россия и Франция обменялись жесткими нотами, французский посол Эдувиль покинул Петербург. Его место занял временный поверенный в делах Реневаль, которого, в свою очередь, сменил консул Лессепс. 12 октября 1804 г., когда создание коалиции шло уже полным ходом, Лессепс написал из Петербурга: «Я считаю, что господин граф фон Гольц, посол Пруссии в России, работает самым серьезным образом над сближением русского и французского -дворов. Он часто встречается с князем Чарторыйским и регулярно посылает курьеров в Берлин... Все сходятся на мысли, что эти переговоры предназначены, чтобы восстановить доброе взаимопонимание между двумя самыми могущественными государствами Европы. Надежду на счастливый результат дают намерения императора (!!), который, несмотря на инсинуации проанглийской партии, сопротивляется ее влиянию и отбрасывает все предложения, которые могли бы привести к возникновению континентальной войны (!!)»[17]. Это донесение не просто свидетельство изумительной близорукости французского дипломата, а лишь констатация факта: позицию Александра было невозможно понять с точки зрения рациональной.

В то время когда Лессепс все еще надеялся «восстановить доброе взаимопонимание между двумя самыми могущественными государствами Европы», по приказу Александра I с дипломатической миссией в Лондон отправился Н.Н. Новосильцев. Николай Николаевич Новосильцев занимал пост товарища (заместителя) министра юстиции и, казалось бы, к дипломатической деятельности не имел прямого отношения, но он относился к числу «молодых друзей»* царя. Миссия же, которая была ему поручена, требовала прежде всего полного доверия со стороны Александра, ибо в задачу Новосильцева входили переговоры по непосредственному заключению военного союза между Россией и Англией. Инструкции, данные ему 11 (23) сентября 1804 г., поражают своим объемом — около 30 000 знаков, иначе говоря, примерно пятнадцать страниц этой книги! Удивляют они также запутанностью, туманностью и категорическим желанием не называть вещи своими именами. Все листы обширного опуса пропитаны лишь одним — ненавистью к Франции Наполеона, прикрытой иезуитскими, лицемерными фразами. Несмотря на то, что этот документ не раз разбирался историками, он стоит того, чтобы на нем остановиться, так как здесь раскрываются все принципы политики Александра I и его помощника Чарторыйского, перу которого, кстати, по большей части и принадлежат инструкции.

* «Молодым другом» он был, конечно, лишь относительно — в 1804 г. Новосильцеву исполнилось 43 года.

Документ начинается с длинной преамбулы, где на все лады уже в тысячный раз повторяются переживания по повод}' страданий Европы и Франции, и делается первый вывод: «Прежде чем освободить Францию, нужно сначала освободить от ее ига угнетаемые ею страны». Потом, разумеется, царь планировал заняться «освобождением» самих французов. «Мы объявим ей *(французской нации),* что выступаем не против нее, но исключительно против ее правительства, угнетающего как саму Францию, так и остальную Европу. Мы укажем, что сначала имели в виду лишь освободить от ига этого тирана угнетаемые им страны; теперь, обращаясь к французскому народу... предлагаем всем партиям... с доверием отнестись к намерениям союзных держав, желающих лишь одного — освободить Францию от деспотического гнета, под которым она стонет». Чтобы лучше объяснить собеседникам Новосильцева, отчего же «стонет» Франция, империи Наполеона даются самые чудовищные характеристики: «отвратительное правительство, которое использует в своих целях то деспотизм, то анархию». Касаясь будущего устройства побежденной страны, Александр глубокомысленно заявлял: «Внутренний социальный порядок будет основан на мудрой свободе». Рецепт «мудрой свободы», конечно же, лучше всего знали в Европе властитель 20 млн. русских крепостных крестьян и английские банкиры. «Россия и Англия распространят вокруг себя дух мудрости и справедливости», — уверенно писал Александр. Впрочем, дух мудрости и справедливости понимался достаточно своеобразно. Например, говорилось: «Очевидно также, что существование слишком маленьких государств находится не в согласии с поставленной целью, потому что, не имея никакой силы... они не служат... никоим образом для общего благополучия».

После пространных рассуждений о мудрости и справедливости русский царь переходил к более приземленным задачам, которые были более доступны пониманию английских министров. По его мнению, было необходимо, «чтобы две державы-покровительницы сохранили некоторую степень господства в делах Европы, потому что они единственные, кто по своему положению неизменно заинтересованы в том, чтобы там царили порядок и справедливость». Интересно, что «переживая» за судьбу Турции и постоянно стращая султана захватническими видами французского правительства, царь мельком замечает: «Обе державы должны будут договориться между собой, каким образом лучше устроить судьбу ее различных частей»[18]. Что царь понимал под этим, очень хорошо и ясно изложено в письме Чарторыйского Воронцову от 18 (30) августа 1804 г.: «Возможно, станет необходимой оккупация некоторых частей Оттоманской империи со стороны наших дворов, что будет единственным средством обуздать властолюбие Бонапарта (П)»[19].

Даже хорошо зная лицемерие Александра, его наставления своему посланнику не могут не вызвать удивления. Готовя нападение и наступательный союз, он все время заявляет о том, что желает мира. Не решаясь и пальцем пошевелить для того, чтобы хоть как-то исправить кричащие язвы российского крепостничества, он желал осчастливить 30-миллионный народ, принеся ему на штыках власть, которую французы свергли и против восстановления которой отчаянно сражались уже в течение десяти лет. Возмущаясь произвольными аннексиями Бонапарта, он сам желал перекроить карту Европы, стирая с лица земли маленькие государства, которые «никоим образом не служат для общего благополучия». Выдвигая в качестве одного из мотивов войны французскую угрозу Османской империи, он без зазрения совести планировал аннексию всех ее европейских владений. Наконец, завершал Александр свой иллюзорный политический прожект утопической идеей установления всеобщего мира и гармонии в Европе.

Прагматичные английские политики с ходу отмели все химеры Александра. Они вынесли из прекраснодушных рассуждений только один ясный и простой факт — Россия желает войны с Наполеоном. Это их более чем устраивало. Все остальное Уильям Питт, вновь ставший в мае 1804 г. первым министром, пропустил мимо ушей. Он не был утопистом, его мало заботила концепция всеобщего блага и необходимости «распространять вокруг себя дух мудрости и справедливости», зато он четко и ясно видел интересы правящего класса своей страны. Как блистательный психолог, он нюхом почувствовал, что русский царь не просто ищет взаимовыгодного союза, а жаждет по непонятным для Питта причинам войны с Наполеоном. Поэтому английский премьер-министр повел себя с Новосильцевым с твердостью, которую можно было бы в других обстоятельствах оценить как спесивую самоуверенность, граничащую с тупостью.

Вместо того чтобы с благодарностью броситься в объятия русского союза, он в буквальном смысле продиктовал России условия договора. Питт высокомерно отбросил все попытки русской стороны затронуть вопрос статуса Мальты. Остров в Средиземном море отныне являлся базой британского флота — и точка. Так же уверенно и без малейших сантиментов английский министр разрешил проблему морской конвенции — Англия будет действовать на морях так, как ей выгодно. В русском проекте было много прекраснодушных фраз о свободе Италии. Питт перечеркнул их раз и навсегда. Он тоже считал, что Францию нужно убрать с северо-итальянских земель и укрепить Пьемонт. Однако ни о какой свободе для итальянского народа речи не могло идти. Англичане, желая усилить Австрию, потребовали передачи ей в будущем практически всей Ломбардии. Наконец, английского премьер-министра было сложно одурачить туманными фразами о «необходимой оккупации некоторых частей Оттоманской империи». За всей галиматьей пустых фраз он прекрасно видел желание России утвердиться на Ближнем Востоке, чего англичане боялись еще больше, чем хозяйничанья там Франции. «Помогать какой-нибудь стране — означает самый удобный способ завладеть ею», — с язвительной иронией заметил Питт. Таким образом, отбросив все русские предложения, английское правительство просто-напросто наплевало как на самого царя, так и на все его искренние или притворные утопические схемы.

Уже упомянутый Борис Муравьев совершенно справедливо отметил: «В страхе, как бы не сорвался его проект, Александр оставил в руках англичан мыс Доброй Надежды и что просто невообразимо — Мальту. В этот момент он мог бы потребовать как компенсацию за огромные жертвы, на которые он вел свою страну, по крайней мере, немедленное возвращение острова Мальты ордену под суверенитетом и протекторатом России. Ничего подобного не было сделано. Сам дающий, он действовал так, как жалкий проситель»[20]. Даже один из самых рьяных сторонников союза с Англией, Чарторыйский, изумленный наглыми требованиями британских министров, вынужден был написать, что Англия «хочет направлять континент в своих собственных целях и не заботиться ни об общем положении вещей, ни о мнении других держав»[21]. Но ничто не могло остановить поистине одержимую, не знающую никаких доводов разума жажду Александра воевать с Францией. Царь молча снес все оскорбительные, презирающие интересы России требования Уильяма Питта.

Результатом миссии Новосильцева и последовавших за ней переговоров было подписание 30 марта (И апреля) 1805 г. в Петербурге англо-русского союза. Согласно его статьям предусматривалось создание «общего союза» против Франции. Россия брала на себя обязательство выставить 115 тыс. солдат для боевых действий против Наполеона. Интересно, что даже еще не получив согласия австрийцев, было прописано, что они выставят для ведения войны 250 тыс.

человек. Можно сказать, что все обязательства, как военные, так и послевоенные, брала на себя Россия. Англичане же обещали лишь участвовать в войне своими морскими и сухопутными силами, а также выплатить субсидии участникам коалиции. Но дело в том, что английский флот и так без всяких договоров вел войну на море, сухопутных сил англичане практически не выставили, а субсидии России были выплачены не полностью и с опозданием.

В то время когда Александр и его министр иностранных дел усиленно сколачивали коалицию против Франции, взгляды Наполеона были обращены исключительно в сторону моря. В январе 1804 г. он снова посещает Булонь, чтобы инспектировать поистине титанические работы по подготовке гребной флотилии. В конце июля император опять прибыл в Булонский лагерь. В ходе этих инспекций Наполеон проводил многочисленные консультации с адмиралами и специалистами в морском деле. Перед императором со всей очевидностью встала труднейшая техническая задача. Булонская гавань, так же, как и гавани Амбле-теза и Монтрея, таковы, что во время отлива суда, стоящие там, оказываются на мели. Поэтому выйти в море можно только во время прилива. Флотилия стала столь многочисленна, что оказалось, что за время одного прилива ее физически невозможно в полном составе вывести в море. В результате план, согласно которому армия должна была форсировать Ла-Манш, используя штиль, оказался весьма сомнительным. Необходимо было овладеть проливом не на 8— 12 часов, а минимум на двое суток. Но надеяться на полный штиль в течение двух суток было крайне сложно.

Адмирал Гантом написал по этому поводу следующее: «...я считаю экспедицию флотилии если и не невозможной, то, по крайней мере, рискованной...» Но он вовсе не советовал отказаться от идеи десанта. Гантом добавлял далее, что для успеха предприятия необходимо «внезапно атаковать вражеские суда перед Булонью (их здесь не более нескольких линейных кораблей и нескольких фрегатов), выбить их из пролива и сделать его свободным не на восемь часов, а на сорок восемь»[22].

В результате Наполеон принимает решение: для того, чтобы десант стал реальным, необходимо содействие эскадр линейного флота. Они должны, прорвав английскую блокаду, войти в Ла-Манш, сковать боем английский флот и дать возможность тем самым переправиться легким судам. Увы, грандиозный маневр императора оказалось технически невозможно реализовать летом 1804 г., и силой обстоятельств операция была перенесена на следующий 1805 г. А пока для того, чтобы поддержать моральный дух войск, Наполеон объезжал полки, проводил смотры, раздавал награды.

Грандиозное военное торжество состоялось 16 августа 1804 г. Император устроил раздачу крестов Почетного легиона лучшим воинам своей армии. На склонах естественного амфитеатра, образованного холмами, идущими к морю, выстроились 70 тыс. солдат под общим командованием маршала Сульта. По сторонам императорского трона расположились сводные оркестры. С одной стороны две тысячи музыкантов, с другой — две тысячи барабанщиков! В десять часов утра в окружении огромной свиты прискакал Наполеон, его появление было встречено залпами артиллерийского салюта и громовым восклицанием «Да здравствует император!», вырвавшимся из десятков тысяч солдатских глоток. Поднявшись к трону, император брал выложенные на щит знаменитого рыцаря Баярда кресты и награждал достойнейших. Празднество закончилось грандиозным парадом.

21 августа 1804 г. Наполеон покинул Булонь и отправился в большую инспекционную поездку по северу и северо-востоку Франции. Нужно сказать, что речь идет о Франции 1804 г. и потому среди городов, в которых торжественно встречали императора, были Аахен, Гент, Кельн, Кобленц, Майнц, Трир и Люксембург.

Император вернулся в Париж 12 октября. Здесь полным ходом шла подготовка к самой знаменитой из всех церемоний, произошедших в ту эпоху. 2 декабря 1804 г. в соборе Нотр-Дам де Пари Папа римский Пий VII благословил императорскую корону и передал ее в руки Наполеона, который от лица французской нации возложил ее себе на голову. Герольд возвестил собравшимся: «Наиславнейший и августейший император Наполеон, император французов повенчан на царствование и коронован!»

Принятие Наполеоном императорского титула и церемония коронации, на которой присутствовал Папа римский, вызвали некоторое беспокойство в Европе — не было ли здесь претензий на нечто большее, чем власть во Франции? Тем не менее реакция европейских дворов была в общем сдержанной. Франц II признал новый титул Наполеона, а в качестве компенсации объявил себя наследственным императором Австрийской монархии*.

Однако установление монархической формы правления во Франции неизбежно должно было повлечь соответствующие перемены и в Итальянской республике, президентом которой был Бонапарт. Действительно, итальянские власти поспешили внести изменения и в свою конституцию. 17 марта 1805 г. в тронном зале Тюильри император принял депутатов бывшей Итальянской республики, которые официально предложили ему принять корону нового королевства. Наполеон принял это предложение и тотчас же был провозглашен королем Италии. На самом деле перед этим решение вопроса итальянской короны заняло долгие месяцы, и акт 17 марта был лишь завершением длительных переговоров. Обсуждались и уточнялись детали новой конституции и самый главный вопрос: кто должен стать королем? Первоначально Наполеон планировал передать корону своему старшему брату Жозефу, но тот отказался, так как по конституции Французской империи он был главным наследником императора в отсутствие у последнего детей мужского пола. В результате корону Италии принял сам Наполеон...

Вечером 31 марта он выехал из Парижа и, остановившись ненадолго в загородном дворце Фонтенбло, направился в Италию. В отличие от обычных стремительных перемещений Наполеона поездка проходила неторопливо, ибо во всех городах, через которые проезжал император, его ожидал торжественный прием. В конце апреля он совершил путешествие по Пьемонту, а 5 мая 1805 г. на поле сражения при Маренго провел смотр 30-тысячной армии, там же состоялась грандиозная «реконструкция» знаменитой битвы. Наконец, 8 мая в 16 часов Наполеон торжественно въехал в Милан.

Столица Итальянского королевства встретила его ликованием. «Огромные толпы народа теснились на широкой улице, — рассказывает очевидец. — Она была засыпана цветами. Императорская гвардия и итальянская гвардия стояли вдоль улицы шпалерами. Многочисленная кавалькада почетной гвардии, набранная среди самых знаменитых семей собственников, интеллигенции и купечества, открывала путь императору и сопровождала его вместе с конной гвардией... Появление императора вызывало взрывы ликования, которые трудно описать. С особой силой радость народа проявилась, когда он подъехал к собору, где кардинал Капрара, архиепископ Милана, встретил его вместе со всем духовенством... Император остановился, чтобы принять благословение... а толпа сотрясала воздух криками «Viva el Re!»**. Все время пока двигался кор-

* До этого императоры Габсбургского дома официально именовались император Священной Римской империи германской нации. Несмотря на то что уже в течение трех с половиной столетий все императоры Священной Римской империи были выходцами из дома Габсбургов, формально императора избирали на сейме германских князей.

" Да здравствует король! (итал.)

теж, раздавался грохот артиллерийского салюта, а колокола, которых в Милане великое множество, гудели не умолкая. Итальянские дамы сыпали потоки цветов с высоты своих балконов... На улицах раздавались звуки полковой музыки и фанфары кавалерии»[23].

Наполеон повсюду демонстрировал, что он пришел в Милан не столько как император французов, а прежде всего как король Италии. Охрану его дворца несли совместно итальянские и французские гвардейцы, а на всех церемониях его сопровождал прежде всего штат итальянских придворных. Наконец, 26 мая в Миланском соборе состоялась коронация, которая если не затмила, то, по крайней мере, сравнялась с блеском церемонии в Нотр-Дам. Для торжественного ритуала из церкви Сан-Джованни в Монце была доставлена под эскортом гвардейцев священная реликвия — корона Лангобардских королей. Возлагая на свою голову древнюю железную корону, Наполеон громко произнес по-итальянски, так что звуки его слов гулко отдались под сводами собора, сакраментальную фразу первых королей Италии: «Господь мне ее дал, и горе тому, кто ее коснется!»

Однако поездка на Апеннинский полуостров не ограничилась величественными празднествами в Милане. 3 июня 1805 г. Император и Король, как теперь официально назывался Наполеон, принял депутацию Лигурийской республики, которая попросила принять республику в состав Французской империи.

Здесь следует сказать несколько слов по поводу этой небольшой республики. В ходе кампаний в Италии французы среди прочих государств полуострова вступили и на земли, принадлежавшие городу-государству Генуе. Под влиянием событий во Франции и Италии генуэзцы свергли власть олигархического правительства и образовали государство, которое учредило конституцию на манер французской. Это государство получило название Лигурийской республики по наименованию древних племен, когда-то живших на этой земле. После присоединения Пьемонта к Франции, а особенно после начала франко-английской войны положение Лигурийской республики стало очень сложным. Ведь она представляла из себя всего лишь узкую полоску земли вдоль побережья Средиземного моря — знаменитую Генуэзскую ривьеру. Сейчас это роскошные итальянские курорты, но тогда это была бедная земля, единственным богатством которой была морская торговля через генуэзский порт. Торговать же стало практически невозможно — англичане захватывали все генуэзские торговые суда, так как рассматривали республику как союзника Франции. Выступить на стороне англичан против Франции и Итальянского королевства было бы совершенно немыслимо — Лигурийская республика не располагала возможностью обороняться с суши. В результате, не без подсказки со стороны Саличетти, представителя Франции в Генуе, сенат Лигурийской республики принял решение о том, что в подобном положении лучше уж просто-напросто войти в состав Империи. Теряя при этом независимость, генуэзцы приобретали хотя бы некоторые выгоды, которые дает вхождение в состав могущественного государства.

Нет нужды пояснять, что Наполеон с «пониманием» отнесся к просьбе генуэзцев. Лигурийская республика была включена в состав Империи, и 30 июня 1805 г. Император и Король торжественно вступил в ставший отныне частью его государства знаменитый итальянский город. Подобно Милану, Генуя встретила Наполеона бурным ликованием. Конечно, постарались власти, но с другой стороны, в этой встрече присутствовала и искренняя радость. Как-никак генуэзцы покончили с двойственностью своего положения и надеялись на лучшее будущее.

В честь императора был дан праздник, который своим феерическим блеском затмил все виданное до этого. В бухте Генуи был сооружен самый настоящий плавучий храм, посвященный Нептуну. «Его огромный купол поддерживали шестнадцать ионических колонн, а промежутки между ними были украшены

статуями морских божеств. Надписи на фронтоне возвещали, что император будет царствовать на морях так же, как он царствует на суше... Вокруг были сооружены плавучие острова, покрытые садами, где пальмы и кипарисы соседствовали с апельсиновыми деревьями, а в промежутках между ними били чистейшие фонтаны. Деревья были украшены флажками всех цветов и колокольчиками, которые звенели от движения волн. Вокруг сновали тысячи шлюпок и гондол. Из этого храма император мог наблюдать морские состязания... Когда спустилась ночь, между колоннами зажглись хрустальные люстры и в воде тысячами цветов отражался их блеск. В воздухе летали светящиеся воздушные змеи, гондолы, наполненные огнями, сновали по бухте, а с плавучих островов раздавались прекрасные звуки музыки. По берегам стены, дома, дворцы, украшенные всеобщей иллюминацией, превратили великолепную Геную в сияющий амфитеатр. «Зрелище, с которым ничто не может сравниться ни в волшебстве, ни в величественности». В десять часов вечера император под звуки торжественных гимнов направился во дворец Дураццо, последнего дожа Генуи, где он присутствовал на торжественном пиршестве вместе с императрицей и принцессой Элизой»[24].

Кстати, о принцессе Элизе. Это младшая сестра Наполеона, которую император не забыл своими милостями. Во время своего вояжа в Италию он внес еще одно изменение в итальянские границы. Небольшой город-государство Лукка, где бурлили политические страсти, также обратился с совершенно «добровольной» просьбой о том, чтобы Наполеон взял его под свою опеку. Что, разумеется, и было сделано. Лукка вместе с крошечным княжеством Пьомбино были переданы под власть Элизы, а ее муж Феликс Баккиочи стал князем Лукки и Пьомбино.

Звон колоколов миланской коронации отозвался сигналом тревоги в монархической Европе. Провозглашение Наполеона королем Италии, присоединение Генуи и Лукки прежде всего не на шутку обеспокоили австрийских политиков, чувствительных ко всему, что касалось итальянских дел. Большую тревогу вызвал уже сам новый титул Наполеона. Даже далеко не воинственно настроенные пруссаки восприняли это известие с раздражением. Посланник Франции в Берлине Антуан Лафоре написал по этому поводу Талейрану: «Вызывает сожаление, что Его Императорское Величество вместо титула точно определенного взял титул неопределенный — король Италии. В Европе привыкли называть так весь Апеннинский полуостров. Ревность, недоверие и многочисленные интриги могут возникнуть из-за этого порочного названия»[25].

Действительно, формулировка «король Италии» допускала весьма широкое толкование, подобными словами декларировалась потенциальная возможность объединения всего полуострова под скипетром Наполеона. Интересно, что в торжественном акте провозглашения императора французов королем Италии от 17 марта 1805 г. указывалось, что итальянская и французская короны будут раздельными и потомки императора не смогут сидеть одновременно на обоих тронах. Более того, указывалось, что при определенных условиях разделение корон произойдет уже при жизни Наполеона, и он передаст трон Италии одному из своих преемников.

Однако интересны те условия, при которых должно было произойти вручение власти преемнику. В статье третьей говорилось следующее: «Когда иностранные войска уйдут из Неаполитанского королевства, с Ионических островов и с острова Мальта, император Наполеон передаст наследственную корону Италии одному из своих сыновей...» Таким образом, Ионические острова, где находился в этот момент русский гарнизон, официально объявлялись зоной жизненных интересов Итальянского королевства. Здесь стоит вспомнить, что эти острова до 1797 г. были частью венецианских владений. Таким образом, это можно было воспри-

нять за намек на необходимость возвращения всех венецианских владений итальянцам, а значит, и необходимость отторгнуть их от Габсбургской монархии.

Все эти декларации и действия Наполеона стали той последней каплей, которая склонила чашу весов в Вене в сторону участия в коалиции. С того момента как Россия и Англия приступили к созданию военного союза, австрийский император испытывал усиленный дипломатический нажим со стороны Лондона и Петербурга. Англичане сулили большие деньги, Александр настойчиво требовал, просил и угрожал. Однако до того момента, пока Наполеон занимался лишь десантом в Англию, Франц II, как уже указывалось, всеми способами сопротивлялся этому давлению. Действия императора французов в Италии стали переломным моментом в политике Австрии.

Судьба распорядилась так, что весть о присоединении Генуи к Французской империи пришла в Вену в тот момент, когда нажим со стороны царя осуществлялся с особым напором. Подписав договор с Англией, он уже не мог отступать и в самой категоричной форме требовал от австрийского императора вступить в коалицию. «Неужели Австрия хочет спокойно, не приготовясь к войне, не приняв мер безопасности, ожидать появления Бонапарта в средоточии ее Монархии, и подписать унизительный для нее мир? Неужели страх, вселяемый в нее честолюбцем, сильнее надежды на Мое содействие? — писал Александр, не скрывая своих эмоций, русскому послу в австрийской столице. — Объявите Венскому Двору, что вместо обещанных Мною 115 000, даю ему 180 000 войск. Честь Моего Государства не позволяет Мне смотреть равнодушно на молчание соседей Моих, коим способствуют они порабощению земель, сопредельных Франции. Кажется, начиная войну, выгоды которой обращаются в пользу, не Мою, а союзников Моих, Я приобретаю права на их доверенность. Не усматривая однако тому доказательств, Я решился добровольно и без просьбы посторонней увеличить число вспомогательных войск Моих»[26].

Таким образом, желая любой ценой вовлечь Австрию в войну, Александр бросил на чашу весов последний аргумент — увеличение численности русских войск, предназначенных для наступления. Одновременно он послал в Вену своего адъютанта генерала Винцингероде с поручением любой ценой заставить Франца II примкнуть к русско-английскому союзу.

Известия из Италии совпали по времени с новыми предложениями Александра и дали в руки Винцингероде великолепный козырь, которым он не замедлили воспользоваться. Австрийцы наконец согласились выступить против Наполеона, и 16 июля 1805 г. в Вене был принят план совместных военных действий в предстоящей кампании. Окончательно союзный трактат был подписан 28 июля (9 августа) 1805 г. австрийским послом в Петербурге графом Стадионом. Еще ранее 14 января 1805 г. был подписан русско-шведский договор о военном союзе, а 10 сентября 1805 г. договор между Россией и Королевством Обеих Сицилии (Неаполем). Наконец, 3 октября 1805 г. был заключен англо-шведский союзный договор. Он был подписан позже всех других, так как шведы затребовали субсидии, значительно превосходящие те, которые привыкли давать англичане, и только после долгого торга был достигнут компромисс. Третья коалиция против Франции была создана.

Таким образом, корона Лангобардских королей дорого обошлась Наполеону. Напрашивается вопрос: зачем Наполеон, зная о колебаниях Австрии, пошел на рискованные шаги? Неужели помпезная церемония в Милане и узкая полоска Генуэзской ривьеры стоили громадной континентальной войны? Или действительно, как часто утверждают историки, император французов рвался к мировому господству и для этого прежде всего стремился овладеть Италией и через нее всем Средиземноморским бассейном? Ответить на этот вопрос очень сложно и,

более того, со стопроцентной уверенностью невозможно. Нападение со стороны коалиции, которое произойдет осенью 1805 г., не оставит Наполеону выбора. Ему нужно будет разгромить силы союзников на континенте и сделать так, чтобы они впредь не осмелились покушаться на его империю — то есть снова ее расширить и усилить, тем самым спровоцировать новые войны... Совершенно невозможно утверждать, как бы он повел себя при отсутствии подобного нападения.

Трудно сказать, что было у Наполеона в голове в мае 1805 г., когда его встречала ликующая Италия. Однако известно следующее: уже в конце 1804 г. — начале 1805 г. несмотря на прекраснодушные рапорты его дипломатов в России, он стал получать и другие донесения, где говорилось о военных приготовлениях Александра и его переговорах с англичанами и австрийцами. Правда, в начале февраля, получив крайне доброжелательное письмо от австрийского императора, Наполеон на какое-то время успокоился. 1 февраля он написал военному министру Итальянского королевства генералу Пино: «...обстоятельства изменились. У меня больше нет никакого беспокойства. Мои отношения с Его Величеством Императором Германии приняли самый дружественный характер. Я желаю, таким образом, чтобы вместо 800 лошадей для артиллерии, Вы закупили только 200 и вместо миллиона сухарей Вы ограничились заготовкой 100 тысяч... Что же касается Порто-Леньяго, достаточно будет небольшого количества пушек, способных отразить нечаянный налет»[27]. В тот же день император написал вице-президенту Итальянской республики Франческо Мель-ци: «...предприятия, которые Вы предложили для выделения средств военному департаменту, могут лечь бременем на Итальянский народ. Поэтому я решил ничего этого не делать. Письмо, которое я получил от Германского императора, полностью меня успокоило. Я написал военному министру в Милан, чтобы отменить все чрезвычайные меры, которые я ему ранее предписал»[28].

Однако уже в начале февраля 1805 г. посол Франции в Баварии Луи-Гийом Отто послал несколько рапортов, в которых он передавал информацию, полученную от агентуры и из бесед с осведомленными лицами. Сведения французского дипломата говорили о неясных пока передвижениях австрийских войск. Так, в письме от 14 февраля 1805 г. он передавал следующее: «Двадцать пять полков пехоты *{австрийской)* и четыре кавалерийских находятся на границе... Обычно на этой линии находятся только шестнадцать пехотных полков и два кавалерийских»[29]. С начала мая 1805 г. подобные рапорты стали прибывать со всех сторон. Все говорило о том, что Австрия готовится к войне, и Наполеон изменил свое мнение об обстановке. Можно предположить, что весной 1805 г. император почти не сомневался, что против него вскоре будет создана коалиция. И потому он решил не церемониться в Италии, а следовать жесткой логике войны: если не ты их, то они тебя. Поэтому он присоединял все, что можно присоединить, и, стремясь усилиться всеми возможными способами, делал ставку на национальные чувства итальянцев.

Насколько Наполеон мог рассчитывать на чувства итальянцев, видно из огромной разницы в отношении итальянского народа к австрийской оккупации и к французскому присутствию на севере полуострова. Конечно, и те и другие были в Италии иностранцами, и те и другие требовали денег и рекрутов, но все-таки разница была огромной. «Австрийцы вызывали всегда недоверие в тех краях, которые они занимали. Кажется, что они словно предчувствовали, что они здесь временные гости и скоро их попросят уйти. Потому они истощали край так, словно они были отступающим войском, опустошающим область, которую оно покидает. Они увозили в свою столицу серебро, захваченное у покоренного народа, и наполняли его страну своими ассигнациями. Никаких строительных работ, никаких полезных улучшений, а их характер был абсолютно противоположен итальянскому»[30].

Совсем другой подход у Наполеона. Для начала заметим, что он совершенно свободно говорил по-итальянски, а это очень важно в контакте с народом. Наконец, он просто-напросто любил Италию. Не следует забывать, что его предки — это генуэзская дворянская семья, переехавшая на Корсику. В Италии он любил подчеркивать свои корни, не случайно в первую Итальянскую кампанию многие итальянцы восприняли его как предтечу освобождения всей Италии и создания единого Итальянского государства. Наконец, Наполеон создал эффективную администрацию, установил новые разумные законы, соответствовавшие духу времени, стремился всеми силами осуществить возможные улучшения и усовершенствования. «Во время его пребывания в Милане он не на миг не прекращал заниматься всем тем, что могло украсить этот город, делая это с таким же рвением, как он делал это в Париже. Все, что касалось интересов Италии и итальянцев, было его любимым занятием. Он сожалел, что никакое из предыдущих правительств этой страны не смогло закончить постройку Миланского собора... Он приказал начать работы тотчас же и выделил на это большие деньги, запретив останавливать строительство под каким бы то ни было предлогом»[31].

Таким образом, апеллируя к национальным чувствам итальянского народа, делая лестные жесты в его сторону, он стремился заручиться поддержкой Италии в предстоящей войне. Наконец, все говорит о том, что шумными празднествами и политическими шагами, недвусмысленно показывающими его интерес к Средиземному морю, Наполеон хотел отвлечь внимание англичан от готовящейся десантной операции, которая в это время уже вступила в решающую фазу.

Сказанное выше не более чем предположение, но объяснять мотивы поведения в большинстве случаев можно только гипотетически, что же касается фактов, они ясны и неоспоримы — Россия и Англия заталкивали всеми силами австрийцев в коалицию, те сопротивлялись. После же коронации в Милане, присоединения Генуи и Лукки они решились выступить против Франции, и третья коалиция была создана.

Eh, bien, mon prince, Genes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Bonaparte. Non, je vous previens, que si vous ne me dites pas que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocites de cet Antichrist (ma parole, j'y crois) — je ne vous connais plus, vous n'etes plus mon ami, vous n'etes plus мой верный раб, comme vous dites* — с этой фразы, произнесенной Анной Павловной Шерер, «фрейлиной и приближенной императрицы Марии Федоровны», начинается великий роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Как можно легко понять, этой забавной смесью «французского и нижегородского» Анна Павловна охарактеризовала политические изменения, произошедшие по воле Наполеона в Италии.

Без сомнения, роман — это не историческое произведение и тем более не источник. Однако нужно заметить, что во всем знаменитом произведении Толстого нет лучших, с точки зрения исторической, строк, чем те, которые посвящены описанию русского общества в самый канун войны 1805 г. Великий романист провел огромную работу с источниками и очень точно охарактеризовал суждения, которые высказывались в различных слоях русского дворянства перед войной третьей коалиции. С одной стороны — часть петербургской знати, приближенной ко двору, которая, подобно Анне Павловне, высказывает казенный восторг по поводу действий Александра, энтузиазм молодых офицеров (Ни-

Ну, князь, Генуя и Лукка — поместья фамилии Бонапарте. Нет, я вам вперед говорю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы еще позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист), — я вас больше не знаю, вы уж не друг мой, вы уж не мой верный раб, как вы говорите.

колай Ростов), жаждущих славы и подвигов, с другой — прохладное отношение значительных слоев дворянства и даже самый едкий скепсис. «Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена», — заявляет на балу у Ростовых двоюродный брат графини «старый холостяк Шиншин». Наконец, Пьер Безу-хов выражает мнение самой образованной части русской дворянской молодежи. В беседе со своим другом Андреем Болконским он говорит: «Теперь война против Наполеона. Ежели б это была война за свободу, я бы понял, я бы первый поступил в военную службу; но помогать Англии и Австрии против величайшего человека в мире... это нехорошо».

Действительно, в русском обществе не было единого мнения по поводу предстоящей борьбы. Александра поддерживали англофилы и часть правительственных кругов. Воинственную позицию заняли ответственные дипломатические представители страны за границей: СР. Воронцов в Лондоне, А.К. Разумовский в Вене, Д.П. Татищев в Неаполе, А.Я. Италийский в Константинополе. Однако даже среди высшего общества были и ярые противники вступления России в войну. К ним относились министр коммерции граф Н.П. Румянцев, министр просвещения граф П.В. Завадовсикй, министр юстиции князь П.В. Лопухин, министр финансов А.И. Васильев, член Непременного совета князь А.Б. Куракин, обер-гофмейстер граф Толстой, граф Ф.В. Ростопчин и многие другие. Каждый из них выдвигал свои резоны, согласно которым он считал, что России незачем ввязываться в европейскую драку. Так, А.И. Васильев говорил о плохом состоянии русских финансов, П.В. Завадовский отмечал, что война будет сопряжена с огромными расходами, а Ростопчин вообще категорически заявлял: «...Россия опять сделается орудием грабительской английской политики, подвергая себя войне бесполезной»[32].

С другой стороны, значительная часть дворянства поддерживала царя, не спрашивая, почему и зачем он начинает войну. В своем дневнике молодой чиновник Степан Петрович Жихарев записал: «Государь, вероятно, знает и без того, что мнение Москвы состоит единственно в том, чтоб не иметь никакого мнения, а делать только угодное государю, в полной к нему доверенности»[33]. Молодые офицеры, как им и положено, храбрились. Вообще следует отметить, что в ту эпоху армия смотрела на войну совершенно иначе, чем в XX или XXI веке. Относительно небольшие, по меркам современности, технические средства уничтожения той эпохи, эффектные мундиры, торжественная красота генеральных сражений с их развевающимися знаменами и военной музыкой и, наконец, возможность отличиться в бою, получить высокий социальный престиж приводили к тому, что для профессионалов война была, скорее, событием желанным, а не пугающим. Особенно это чувствовалось в тех армиях, которые привыкли побеждать. Русская армия, овеянная победами Суворова, не сомневалась в успехе. «Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»[34], — вспоминал гвардейский офицер И.С. Жаркевич.

При этом какого-то серьезного антифранцузского чувства никто из этих отважных молодых людей не испытывал, впрочем, как и подавляющее большинство дворянства. Уже упомянутый Жихарев написал 3 (15) декабря 1805 г. в своем дневнике: «А между тем, пока мы деремся с заграничными французами, здешние французы ломают разные комедии и потешают Москву как ни в чем не бывало. Никогда французский театр не видал у себя столько посетителей, сколько съехалось в сегодняшний бенефис мадам Сериньп и мсье Роз. Правда, что театр невелик, но зато был набит битком; давали трехактную комедию «Les Conjectures ou le Faiseur des Nouvelles»»[35].

Наконец, наиболее образованные слои дворянства, подобно Пьеру Безухо-ву, смотрели на войну с непониманием. Уже упоминавшийся выдающийся русский историк и публицист Н.М. Карамзин написал тогда слова, которые Толстой, немного переработав, и вложил в уста своего героя: «Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т.е. служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды... Что будет далее — известно богу, но людям известны соделанные нами политические ошибки, но люди говорят: для чего граф Морков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навлекли отдаленные тучи на Россию?»[36]

Все приведенные выше цитаты (за исключением разве что Жаркевича) являются редкими свидетельствами непосредственно той эпохи, которые с трудом можно различить среди наслоений поздних мемуаров, где авторы не делают уже различия между тем, что говорили в 1805, 1807 или в 1812 г. Приведенные свидетельства полностью подтверждаются донесениями французских агентов из Петербурга и Москвы, датируемыми летом 1805 г.

Вот что можно прочитать в одном из этих рапортов: «Все те, кто занимаются политикой или считают себя политиками, ищут мотивы, которые могли заставить императора Александра начать войну против Франции. Те, кто не принадлежат правительству, не могут найти ни одного и честно признаются, что усилия англичан, направленные на создание новой коалиции, заставят, очевидно, сделать новую глупость Санкт-Петербургский кабинет. Спрашивают себя, как можно было так быстро забыть Голландию и Италию *{имеется в виду поведение англичан по отношению к русским войскам во время голландской экспедиции и австрийцев во время Итальянского похода 1799 г.)?..* Говорят, что Петербургскому кабинету столь же мало подходит заниматься делами Италии, как в Париже спрашивать о том, что делается на границах Персии и Грузии... Жители Москвы сожалеют о выступлении в поход московского гарнизона. Они не разделяют ослепления офицеров, считающих, что они идут прямо во Францию»[37].

Другое донесение говорит следующее: «В Москве открыто порицают войну, потому что не видят никакой причины для нее... В августе 1805 г. сюда приехали фельдмаршал Салтыков, гн. Трощинский и министр финансов Васильев — все члены Совета. Эти господа уехали из Петербурга под предлогом состояния здоровья или семейных дел, но говорят, что это из-за того, что они открыто выразились по поводу ненужности войны. С того момента как стало ясно, что война начнется, в Москве не скрывают недовольства: кто-то из патриотизма, а кто-то потому, что это помешает ему совершить путешествие в Париж... Париж для них первый город мира. Те, кто оттуда вернулись, дали желание другим совершить в свою очередь подобную поездку»[38].

В общем, можно с уверенностью сказать, что подобно тому, как это было в 1801 и в 1802 г., ничто не заставляло царя очертя голову броситься в водоворот кровопролитной войны — ни геополитические интересы, ни общественное мнение страны. Более того, ясно, что хотя результирующий вектор общественного мнения дворянских кругов этого периода определить сложно, но он все же, скорее, склонялся в сторону сохранения мира и проведения Россией независимой не только от Франции, но и от Англии внешней политики. Поэтому война 1805 г. была развязана исключительно по причине желания и комплексов, обуревавших одного человека — императора России Александра I.

В тот момент, когда тучи военной грозы уже собрались над континентом, Наполеон, еще не знавший, сколь далеко зашло создание третьей коалиции, заканчивал последние приготовления к проведению своей гигантской десантной операции. 3 августа 1805 г. он снова прибыл в Булонский лагерь, где была полностью собрана армия, нетерпеливо ожидавшая заветного часа.

К этому моменту все силы гребной флотилии и сухопутной армии были доведены до желаемой императором численности и находились в полной боевой готовности. К августу 1805 г. общее количество войск, собранных на побережье Ла-Манша, было доведено до 161 215 человек. Для их транспортировки было собрано 2 193 боевых и транспортных судна. Войска были распределены по десантным судам следующим образом:

	1 339 десантных (парус-но-гребных)	130 638 человек	2 219 лошадей
	954 транспортных (простых) судна	30 577 человек	6 480 лошадей
ВСЕГО	2 193 судна	161 215 человек	9 059 лошадей

Из этого количества примерно 130 тыс. человек находились непосредственно в Булонском лагере, протянувшемся на 50 км по фронту Монтрей — Этапль— Булонь— Амблетез—Кале. В глубину лагерь был эшелонирован на расстояние до 40 км. Остальные находились в Бретани (около 10 тыс. человек под командованием маршала Ожеро) и в Голландии (20 тыс. человек под командованием генерала Мармона). Войска Булонского лагеря должны были форсировать Ла-Манш на десантных гребных судах, а войска из Бретани и Голландии — совершить переход морем на транспортных судах и больших боевых кораблях.

Гигантские работы были проведены на всем фронте лагеря. Для того чтобы английская эскадра, постоянно крейсировавшая перед Булонью, не могла нанести ущерба гребным судам, для них были сооружены специальные бухты. Вдоль по побережью были выстроены мощные форты, ощетинившиеся тяжелыми пушками. Французские инженеры придумали даже так называемые подводные батареи. Эти батареи сооружались так далеко вынесенными в море, что прилив покрывал их полностью водой, но когда вода уходила, артиллеристы возвращались на свои места и открывали огонь по врагу, если он приближался к берегу. Были устроены батареи тяжелых 24-фунтовых и 36-фунтовых орудий, ориентированных под углом, близким к 45°. При таком возвышении они стреляли на расстояние 4,5 километра, что по тем временам было рекордом дальнобойности. На берегу были установлены тяжелые мортиры для навесной стрельбы примерно на такую же дистанцию. В общей сложности около 500 орудий защищали лагерь с моря. Побережье Ла-Манша в районе Булони справедливо окрестили «Стальной берег».

Десантные гребные суда, которые со всех портов побережья стягивались к Булони, уже не раз вступали в бой с неприятелем и, как это ни странно, показали себя с хорошей стороны. Они были вооружены тяжелыми пушками, установленными в носовой части, и при соответствующей сноровке могли оказать серьезное сопротивление крупным кораблям. Один из офицеров, находившихся в лагере, записал в своем дневнике: «Несмотря на малость своего размера, наши скорлупки не всегда отступают перед врагом. Когда они собираются в большом числе и когда море достаточно спокойно, можно видеть, как они строят боевой порядок, разворачиваются носом, вооруженным тяжелой пушкой, к неприятелю и ведут огонь тем более опасный, что их ядра летят почти вдоль поверхности воды и ударяют английские корабли в самый корпус. В то время как противостоящие им артиллеристы, стреляя сверху вниз по корабликам, едва видным на большом расстоянии, лишь впустую тратят свои боеприпасы»[39].

Трудно описать тот моральный подъем, который наполнял армию, собравшуюся в Булонском лагере. Всем казалось, что победа над коварным Альбионом совсем близка. Посадка на суда и высадка с них были десятки раз повторены. Полки, рвавшиеся в бой, ждали только сигнала.

Чтобы понять произошедшее дальше, необходимо перевести стрелки часов назад и вернуться в 1804 г., в тот момент, когда император принял решение о необходимости содействия крупных боевых кораблей для осуществления десанта. Проведение операции Наполеон поручил выдающемуся адмиралу Латуш-Тревилю. Этот опытный моряк, несмотря на свои 59 лет, был бодрым и решительным человеком. Он один из немногих в высшем морском руководстве твердо верил в успех высадки в Англии. В начале 1804 г., тогда еще Первый консул, Бонапарт поручил ему командование Тулонской (Средиземноморской) эскадрой, и 14 января того же года Латуш-Тревиль поднял свой адмиральский флаг на линейном корабле «Буцентавр», стоявшем на Тулонском рейде. Решительный адмирал вдохнул веру в победу в экипажи боевых кораблей. В июле 1804 г. он получил сведения о том, что у острова Поркероль Нельсон с отрядом линейных кораблей попытался атаковать крейсировавшие в море французские фрегаты. Латуш-Тревиль тотчас же вышел из Тулона с восьмью линейными кораблями и пошел прямо навстречу знаменитому английскому флотоводцу. У Нельсона было только пять линейных кораблей, и он, несмотря на все свое искусство и репутацию, не осмелился принять бой и вынужден был спасаться от преследования французов. Этот маленький успех, как и умелые действия по подготовке команд, вернули французским морякам веру в свои силы, они прониклись мыслью, что могут и должны победить под командованием решительного флотоводца.

Решающая операция, которую задумал Наполеон и его отважный адмирал, приближалась. Но словно дьявол вставал на пути французов, когда речь шла© море. В августе 1804 г. Латуш-Тревиль внезапно заболел и умер. В его лице флот лишился моральной опоры, не только храбреца, не только прекрасного начальника, но и человека, верящего в победу.

На его место был назначен адмирал Пьер-Шарль де Вильнев. Он был довольно молод для подобного поста. В 1804 г. ему только исполнился 41 год. Тем не менее у него было немало боевого опыта, и он слыл хорошим моряком. Сверх того, его личная храбрость не вызывала сомнений. Однако у Вильнева был недостаток, который, как оказалось, перечеркнул все эти положительные качества — это была нерешительность и боязнь ответственности. Кроме того, он совершенно не мог поставить себя выше трудностей обстановки. Как хороший специалист, он видел все изъяны, все недостатки вверенной ему эскадры. Но он видел их ' «слишком» хорошо. В любой армии, на любом флоте всегда чего-то недостает: где-то недодали провианта, у кого-то не хватает башмаков, где-то вышла из строя пушка, где-то поломалась мачта. И тем не менее, несмотря на все, когда нет другого выбора, надо идти вперед. Так поступали Цезарь, Суворов, Наполеон, Нельсон. Когда же у человека не хватает решимости, его взгляд останавливается исключительно на этих неизбежных недостатках, и он не может заставить себя смотреть дальше, а тем более понять, что на войне иногда требуется принести себя самого и свой отряд в жертву во имя достижения победы.

У Вильнева подобной силы духа не было и отдаленно. Но он был другом детства морского министра Декре, и тот устроил ему выгодное назначение.

Едва Вильнев прибыл к Тулонской эскадре, как в Париж понеслись письма с жалобами, сетования на обстоятельства, на плохое качество матросов, офицеров, кораблей. А момент был таков, что никак не допускал нытья и нерешительности. Осенью 1804 г. произошел эпизод, который приблизил возможность осуществления грандиозного военно-морского плана, задуманного императором. 5 октября английская эскадра напала на четыре испанских фрегата, перевозивших груз серебра из Мексики. На борту испанских боевых кораблей было 12 млн. пиастров. Испанский адмирал Бустаменте отверг самоуверенное требование англичан сдаться и принял бой. Однако силы были неравны, и его корабли

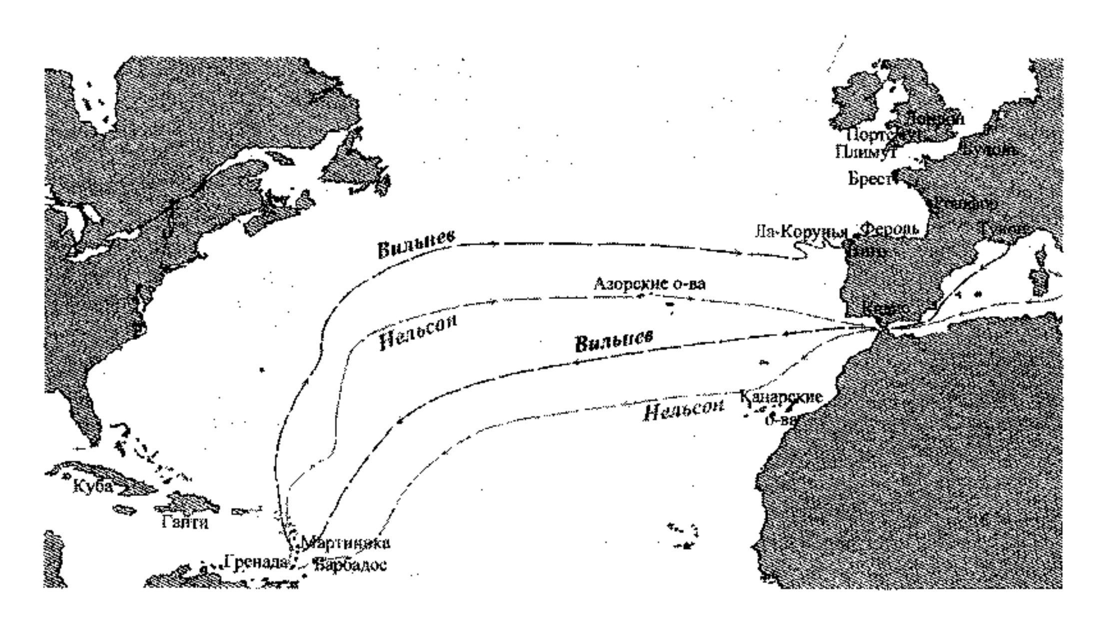
были захвачены британской эскадрой. Этот акт морского разбоя немедленно отозвался в Мадриде взрывом возмущения. Все хитроумные дипломатические шаги, предпринимаемые с тем, чтобы втянуть Испанию в коалицию, оказались совершенно напрасными. В декабре испанцы объявили войну Англии. Так в распоряжении Наполеона оказалось 29 линейных кораблей испанского флота. Эти корабли были не самыми лучшими в Европе, но вместе с голландцами у французов отныне были силы, с которыми они могли надеяться, при благоприятных обстоятельствах, противостоять британской армаде.

Подобные обстоятельства Наполеон решил создать с помощью грандиозного, невиданного маневра на водах Атлантического океана. Для того чтобы его понять, нужно принять во внимание следующее: англичане плотно блокировали французские эскадры, стоявшие по берегам Ла-Манша, однако Тулонскую эскадру, а тем более испанцев они могли держать под контролем лишь достаточно символически. Дело в том, что осуществлять тесную блокаду крупного флота было очень сложно. Для этого необходимо было держать постоянно перед блокируемым портом огромные военно-морские силы. Если экстренность обстановки и близость Англии требовали и делали возможными такую блокаду Булони и Бреста, крупного порта вблизи Британских островов, то держать постоянно в море эскадры перед другими портами было технически почти что невозможным. Кораблям необходимо было заправляться водой и провиантом, долгое пребывание в море вызывало необходимость постоянного ремонта. Поэтому перед Тулоном у англичан было всего лишь несколько небольших кораблей, которые наблюдали за французами и никак не могли помешать им выйти в море. В их задачу входило только немедленно сообщить главным силам о выходе французской эскадры. Сам же Нельсон нашел для своего флота удобную бухту на севере Сардинии. Там, в порту Кальяри, он постоянно находился в готовности выступить по первому сигналу разведывательных фрегатов.

Кроме того, английский флотоводец совершено не представлял, какая боевая задача предназначалась французской эскадре, стоявшей в Тулоне. Многочисленные отвлекающие политические и военные маневры посеяли полную неопределенность в уме британских адмиралов. Тем более, что, желая привлечь внимание англичан к бассейну Карибского моря, где у них находились важные колонии, Наполеон послал туда в январе 1805 г. две французские эскадры. Одна, под командованием адмирала Миссиеси, вышла 16 января из Рошфора и, успешно проскочив сквозь английскую блокаду, достигла Антильских островов. Тулонская эскадра, которой также предписывалось идти к берегам Америки, вернулась в порт, потерпев значительные повреждения от сильнейшей бури, разразившейся на Средиземном море. Хотя этот маневр не удался, но у английского командования отныне в головах была абсолютная путаница. Куда собираются двинуться французы — в Египет? А быть может, в Грецию или на Антильские острова? А быть может, в Ирландию или даже в Индию? Сам Нельсон склонялся к мысли, что все приготовления в Булони не что иное, как грандиозный блеф. А главной целью Наполеона является новая экспедиция в Египет.

Исходя из всех этих обстоятельств, в начале марта 1805 г. Наполеон разработал следующий план. Тулонская эскадра адмирала Вильнева должна была выйти в море, подойти к Гибралтарскому проливу, там, отбросив мелкие английские эскадры, соединиться с испанцами и двинуться через весь Атлантический океан на Антильские острова в Карибском море. Адмиралу Миссиеси был послан приказ дожидаться подхода своих на Мартинике*. Адмирал Гантом с Брестской эскадрой

* Остров Мартиника — одна из самых важных французских колоний на Антильских островах.

Маневры английского и французского флотов в 1805 г.

должен был попытаться прорвать блокаду и также добраться до Карибского моря. Там он должен был принять командование соединенными эскадрами.

Подобный маневр не мог не внести путаницы в расчеты английских адмиралов. Ведь на Антильских островах находились богатейшие английские колонии, и, конечно же, британские флотоводцы поспешили бы туда на помощь. А возможно даже, в полной неизвестности вынуждены были бы послать эскадры искать французов по пути в Индию. Количество английских кораблей у побережья Англии в таком случае сократилось бы до минимума. Тогда франко-испанская армада должна была двинуться в Ла-Манш, опрокинуть все на своем пути и, появившись перед Булонью, открыть дорогу для вторжения. Этот план был изложен в письме императора от 2 марта 1805 г. адмиралам Гантому и Вильневу. Заметим, что, догадываясь о слабых сторонах характера Вильнева, Наполеон поручил руководство операцией адмиралу Гантому. Однако последнему не удалось обмануть бдительность неприятеля. Британская эскадра под начальством Корнуолиса надежно сторожила выход из Бреста. В этой ситуации ничего не оставалось, как надеяться на Вильнева. Посланными дополнительными инструкциями Наполеон возлагал на него задачу, соединив те силы, которые, возможно, на Мартинике, двинуться к Атлантическому побережью Франции, освободить от блокады французские корабли и затем во главе мощной эскадры войти в Ла-Манш. Отныне судьба Франции оказалась в руках человека, не созданного для решительных действий.

29 марта 1805 г. французская эскадра из И линейных кораблей и 6 фрегатов покинула рейд Тулона и двинулась вперед. Через день ее обнаружили английские фрегаты, которые немедленно направились к Сардинии, чтобы донести об этом Нельсону. Тот был наготове и ни секунды не колебался. Тотчас на кораблях была пробита боевая тревога, и английский флот вышел в море. Нельсон не сомневался — французы идут в Египет, и потому на всех парусах его эскадра устремилась к земле фараонов.

В этот момент Вильнев спокойно продолжал свой путь к Гибралтару. 9 апреля он был уже в виду знаменитого мыса, где дежурила английская эскадра

адмирала Орда из пяти линейных кораблей. Англичане не посмели вступить в бой с французскими кораблями, и французы вошли в порт, где встретились с испанской эскадрой. Увы, из 16 линейных кораблей, стоявших в гавани, только 6 были готовы к выходу в море. Однако ими командовал отважный адмирал Гравина. Этот человек, несмотря на свои 58 лет, был предприимчивым и мужественным моряком. Внебрачный сын короля Испании*, он славился рыцарственным характером и тем, что был целиком предан идее французского союза. «Я последую за вами везде и для любого предприятия», — заявил он, не колеблясь, адмиралу Вильневу. 3 апреля он поднял свой флаг на линейном корабле «Аргонавт», и соединенная эскадра снова двинулась в путь.

Только спустя много дней Нельсон узнал о том, что французы двинулись совершенно в другом, чем он ожидал, направлении. «Если эта новость соответствует действительности, я трепещу от мысли, сколько несчастий нам может принести враг»[40], — написал он из Неаполя. Когда известия подтвердились, английский адмирал устремился к Гибралтару, куда он прибыл 30 апреля. Но ветер дул точно с запада и не позволял англичанам пройти пролив. «Кажется, мое счастье меня покинуло, — написал знаменитый адмирал. — Ветер не хочет дуть ни с кормы, ни с борта, он дует нам все время прямо в нос! Все время прямо в нос!»[41] Больше недели провел Нельсон у Гибралтара и смог войти в пролив только 7 мая.

В это время франко-испанская эскадра уже подходила к Антильским островам. 13 мая на Мартинике Вильнев собрал все свои силы. У него оказалось под командой 18 линейных кораблей и 7 фрегатов. Правда, эскадры Миссиеси на островах уже не было. Приказ оставаться на Мартинике не дошел до него, и он направился в обратный путь. Напрасно Вильнев искал его в Карибском море, Миссиеси был уже снова в Рошфоре. Однако ситуация все равно была очень благоприятна для французов. На Мартинике эскадру нагнали еще два французских линейных корабля адмирала Магона. Теперь под командованием Виль-нева было уже 20 линейных кораблей, в то время как Нельсон несся через Атлантику во главе эскадры всего лишь из 10 кораблей, а остальные английские командиры были в полной растерянности.

Британская эскадра достигла острова Барбадос (примерно 180 километров от острова Мартиника) 4 июня. Однако там французов не было. Тогда Нельсон устремился в ту сторону, где, по его мнению, должны были находиться французские корабли. 6 июня британский флот подлетел к острову Тобаго, и по приказу адмирала на эскадре забили боевую тревогу. Однако напрасно с пушками, готовыми к битве, английские линейные корабли на всех парусах шли к острову — французов здесь не было. 4 июня Вильнев, отчаявшись найти Миссиеси, вышел с острова Мартиника и взял курс на восток.

Однако случай пришел на помощь англичанам. В то время как франко-испанская эскадра шла к берегам Европы, 19 июня ее заметили с небольшого быстроходного брига «Любознательный», который Нельсон отправил с сообщением в Англию. Капитан брига Бетсворт проявил сообразительность и инициативу. Он не стал возвращаться к своему начальнику, чтобы доложить об обстановке, а, понимая смертельную опасность, нависшую над Англией, на всех парусах устремился в Плимут. 9 июля он был уже в кабинете первого лорда адмиралтейства Бэрхэма и сообщил ему тревожную новость. Главнокомандующий английского флота тотчас же распорядился снять блокаду Рошфора и Ферроля", иначе гово-

* Герцог Карлос де Гравина (1756—1806) слыл внебрачным сыном короля Карла III, отца правящего тогда в Испании короля Карла IV, которому он, таким образом, приходился братом.
Ферроль — крупный порт на северо-западной оконечности Испании.

ря, всех важных портов, где находились французские и испанские корабли, кроме самого важнейшего — Бреста. Пятнадцать британских линейных кораблей под командованием адмирала Кальдера устремились навстречу эскадре Вильнева.

Они встретились 22 июля 1805 г. в нескольких десятках миль от мыса Финистер на северо-западной оконечности испанского побережья. При виде английской эскадры на мачте флагманского корабля Вильнева взвился сигнал: приготовиться к бою. Французские моряки с энтузиазмом встретили приказ своего командующего, и в 17.25 прогремели первые выстрелы. Закипело отчаянное морское сражение. Англичане за многие годы морской войны впервые вынуждены были больше держаться обороны, а французы бились насмерть. Когда британский флагманский корабль «Виндзор-Кэсл» попытался прорвать фронт, отважный капитан Перонн на корабле «Бесстрашный» закрыл брешь в линии и ценой своей жизни преградил дорогу врагу. Под мощным и точным огнем опытных английских артиллеристов старые испанские корабли несли большие потери. В какой-то момент линейный корабль «Фирме» оказался на грани гибели. Тогда французский капитан Космао на корабле «Плутон» совершил редкий по бесстрашию поступок. Выдающийся английский историк флота Уильям Джеймс рассказывает: «Увидев критическую ситуацию «Фирме», следующий за ним линейный корабль «Плутон» отважно покинул строй и смог на время прикрыть испанский корабль от разрушительного действия огня противника»[42]. Через некоторое время ситуация повторилась, на этот раз с линейным кораблем «Эспанья». И опять французские моряки мужественно пришли на помощь. На этот раз из строя вышли сразу три корабля: «Монблан», «Атлас» и все тот же «Плутон», которые геройски заслонили собой испанского товарища по оружию. Благодаря самопожертвованию французов корабль «Эспанья» был спасен. Упорный бой длился до девяти часов вечера, когда к густейшему туману, пороховому дыму от залпов сотен орудий добавилась ночная мгла, разделившая сражающихся. Впервые за долгие годы англичане не выдержали французского натиска, и Кальдер дал приказ отступать!

Да, франко-испанская эскадра была более многочисленной: 20 кораблей против 15 английских. Да, англичане более опытные в морском деле, имея на борту отлично обученных артиллеристов, нанесли французам большие потери в личном составе. Наконец, пользуясь тем, что в густом тумане без поддержки французов остались два старых слабых испанских корабля*, англичане сумели захватить их. Но все это не имело никакого значения перед самим фактом отступления английского флота. Любой мальчишка знает, что тот, кто убежал из драки — проиграл. Английский флот не имел права отступать, так как он прикрывал путь к Бресту и берегам Англии. Это была не арьергардная стычка, где малочисленный отряд, заранее зная, что он уйдет от неприятеля, ведет бой исключительно с целью задержать на некоторое время наступление врага. Это была битва за Англию...

На французских кораблях моряки ликовали. Победа была за ними, и впереди их ждала великая слава. Но Вильнев, испугавшись неизвестности и ответственности, после символического преследования приказал повернуть назад!!!

Когда огромная колонна французских боевых кораблей проходила мимо кораблей арьергарда, контр-адмирал Магон, отважный моряк, который вследствие неумолимых законов военной иерархии оказался под начальством Вильнева, понял, что означало подобное решение. Он в бешенстве прокричал в сторону флагмана все самые страшные проклятия, а потом уже совершенно не в себе швырнул в адмиральский линкор свою подзорную трубу и свой парик.

Вильнев направился в бухту Виго на испанском побережье, а оттуда ушел сначала в бухту Ферроле, а затем в порт Л а Корунья, откуда он опять направил

* Линейные корабли «Сан-Рафаэль», построенный за 34 года до этого, и «Фирме», 51 год.

жалостливые письма о том, что у него много поломок, плохая материальная часть, плохие экипажи и т.д.

Несмотря на абсурдное решение адмирала, результаты сражения 22 июля лучше всего доказывали правоту Наполеона, а не Вильнева. В современных исторических исследованиях, посвященных этой теме, стало почти что хорошим тоном, цитируя многочисленные письма нерешительного адмирала, доказывать, что десант был изначально обречен на провал и что победить английский флот с французскими и испанскими моряками было невозможно. Однако лучший критерий истины — это не мнение одного, и к тому же очень заинтересованного человека. Направляя слезливые послания императору, Вильнев сознательно или бессознательно страховал себя на случай неудачи. Если бы эти жалобы были полностью справедливы, французы не смогли бы выдержать бой с англичанами, и не просто выдержать, а прогнать врага. Сражение с Кальдером доказало, что, имея некоторое численное превосходство, французский флот вполне может состязаться с английским.

Наконец, нужно сделать следующее важнейшее замечание: Наполеон не требовал от своих адмиралов выиграть войну на море. Он ставил перед ними только одну задачу — войти в пролив Ла-Манш и завязать бой с английским флотом, дежурившим у берегов Британских островов. Император *не требовал даже победить в этом бою, он хотел только одного, чтобы эскадра французских линейных кораблей вызвала огонь на себя* и пусть даже ценой своего поражения проложила путь десантной флотилии. Это необходимо понимать, оценивая шансы морской операции. Причем, как показали дальнейшие события, если бы Вильнев обладал достаточной решимостью, он мог в начале августа оказаться в Ла-Манше с 55 линейными кораблями против 35—40 английских. Соотношение еще более выгодное, чем в битве 22 июля. Франция вправе была надеяться, что в такой ситуации победа была совершенно реальна...

Пока Вильнев ремонтировался и жаловался, Нельсон вернулся в Англию. Однако теперь настало время совершать ошибки английским адмиралам. Нельсон остался на берегу, а эскадры, на какое-то время соединившиеся, снова разделились. Адмирал Корнуолис, сохранив под своим командованием 17 линейных кораблей, продолжал блокировать Брест, а Кальдер с 18 кораблями встал на возможном пути Вильнева.

В это время, в первых числах августа 1805 г., под командованием французского флотоводца в бухте Ла Коруньи собралось 29 французских и испанских линейных кораблей. Так как блокада Рошфора была снята, бывшая эскадра Миссиеси (теперь под командованием адмирала Лалемана) в составе 5 линейных кораблей снова вышла в море на поиски главных сил. В порту Бреста были готовы к бою линейные корабли (21) адмирала Гантома. Лучшего случая невозможно было и предположить.

В это время в Булони вся армия с жадностью всматривалась в горизонт, надеясь увидеть долгожданные паруса французских эскадр. Напряжение достигло высшего предела. В Бресте, в ожидании появления Вильнева, не только корабли были готовы к выходу в Море, но и 10-тысячный корпус Ожеро был посажен на боевые и транспортные суда и жил ожиданием. В Голландии весь корпус Мармона был также на кораблях. Сам генерал Мармон находился на флагманском корабле «Хэрстэллер», на котором развевался флаг адмирала Винтера, «ожидая каждый день новость о появлении в Ла-Манше французской эскадры и приказа выйти в море. Все было сделано, чтобы облегчить движение кораблей через узкий проход. Другой проход был проделан специально, чтобы служить для транспортных судов»[43].

Офицер из корпуса Нея рассказывает, что в один из этих августовских дней они находились в Монтрейе на балу. Внезапно раздался сигнал тревоги, забили барабаны. Уверенные в том, что это сигнал к началу операции, офицеры не только без сожаления, но почти что с воплем восторга бросили прекрасных дам, с которыми они только что танцевали, и устремились бегом к своим полкам. «Погрузка людей и материальной части армии была выполнена за полтора часа, — вспоминает генерал Бигарре. — Это было зрелище одновременно удивительное и восхитительное — многочисленные колонны пехоты и кавалерии, которые со всех сторон шли к Булонскому порту и садились на корабли флотилии под звуки музыки и с криком «Да здравствует Император!», причем все это происходило в идеальном порядке. Интересно было видеть 200 коней, которых, поднимая на специальных ремнях, грузили на транспортные суда, в то время как на другие загружали пушки, зарядные ящики и все, что нужно для артиллерии. Булонский порт кишел как муравейник. Между моряками и солдатами не было ни малейших столкновений. Каждый думал только об отправлении, и все жаждали, чтобы император приказал поднять паруса»[44]. «Все корпуса с удивительной слаженностью выполнили операцию по посадке на корабли... По сигналу — четыре пушечных выстрела и по приказу генералов колонны двинулись к причалам. Один громовой возглас раздавался отовсюду: «Да здравствует Император и Король!». В это время барабаны били повсюду сигнал сбора, все считали, что долгожданный день наконец наступил»[45]. Каково же было разочарование офицеров и солдат, когда они узнали, что это была всего лишь учебная тревога.

13 августа Наполеон написал Вильневу: «Англичане не так многочисленны, как Вы думаете. Их повсюду держат в беспокойстве. Если Вы придете сюда на три дня, хотя бы на 24 часа, Ваша миссия выполнена... Никогда еще во имя более высокой цели эскадра не шла навстречу опасностям. Никогда еще воины на суше и на море не проливали свою кровь во имя цели более высокой и более благородной. Во имя того, чтобы совершить высадку на побережье державы, которая уже в течение шести веков оскорбляет Францию, мы все готовы без сожаления отдать наши жизни. Таковы чувства, которые должны наполнять Вас и всех наших солдат»[46]. А еще через несколько дней император уже буквально в бурном порыве восклицает в письме к адмиралу: «Отправляйтесь же и, не теряя ни мгновения, с моими соединенными эскадрами входите в Ла-Манш. Англия наша! Мы все готовы, мы все стоим по местам. Покажитесь только — и все закончено»[47].

Когда император писал эти строки, Вильнев уже вышел из Коруньи. Его могучая эскадра шла прямо на Брест. Но 13 августа вдали показались какие-то паруса. Через некоторое время передовые фрегаты остановили датское торговое судно. Капитан оказался разговорчив и подтвердил: да, впереди огромные силы английского флота, то ли 25 линейных кораблей, то ли больше. Вильнев впал вдруг в растерянность. Он ужаснулся ответственности, которую ему нужно было взять на себя. И после долгого размышления отдал приказ... повернуть назад!!!

Паруса, которые видели на горизонте, были всего лишь одним английским линейным кораблем и двумя фрегатами, а флот, о котором говорил датский моряк, был эскадрой Л алемана!..

Вильнев понимал, наверное, что его решение означало катастрофу всех двухлетних гигантских приготовлений. «Упреки, которые раздавались со всех сторон, угрызения совести привели его в самое ужасающее отчаяние»[48]. Совершенно убитый грузом ответственности, адмирал направил свой флот в порт Кадис на юге Испании, где он окажется абсолютно бесполезным для десантной операции.

Еще 22 августа Наполеон все с таким же с нетерпением жаждал увидеть паруса французских эскадр. В этот день он написал последнее, самое страстное послание, обращенное к Вильневу. Однако почти тотчас император получил новости с восточных границ. В письме от военного комиссара Шателена из Страсбурга говорилось о том, что австрийцы закупают большое количество продовольствия для армии на территории Германии. А агент из Зальцбурга писал следующее: «Это уже не предположение — это война, которой не хватает только объявления. Старые военные говорят, что никогда не видели еще в стране *(Австрии)* таких быстрых, таких обширных и организованных приготовлений, какие проводятся сейчас»[49]. И наконец, с русской границы пришло следующее письмо: «Войска двигаются на запад. Офицерам приказано приобрести походные экипажи настолько быстро, насколько они могут это сделать»[50].

Сомнений больше не оставалось. Отныне на десанте на Британские острова была поставлена жирная точка, и 23 августа император отдал первые приказы по подготовке операций на суше. Страница истории морских операций, двухлетних титанических усилий, борьбы и надежд была перевернута. Начиналась великая континентальная война...

' Внешняя политика России... т. 1, с. 686—691.

2 Там же, т. 2, с. 23.

3 Там же, с. 7—8.

4 Российский государственный исторический архив. Ф. 549. Оп. 1, № 383. Сообщения австрийского посла при русском дворе графа Стадиона своему правительству (май-июнь 1804 г.), с. 9.

5 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902—1908, t. 3, p. 105-107.

6 Ibid.

7 Российский государственный исторический архив. Ф. 549. On. 1, № 383. Сообщения австрийского посла при русском дворе графа Стадиона своему правительству (май-июнь 1804 г.), с. 21.

8 Correspondance de Napoleon I[er]. Paris, 1858-1870, t. 9, № 7745.

9 Ibid.

10 Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.— Л., 1930, с. 334.

ll Mouravieff B. L'alliance Russo-turque an milieu des guerres napoleoniennes. Bruxelles,1954, p. 91.

12 Внешняя политика России... т. 2, с. 33—38.

13 Там же, с. 45—47. >

14 Цит. по: Мартене Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876, т. 1, с. 404.

15 Внешняя политика России... т. 2, с. 100—102.

16 Цит. по: Sorel A. L'Europe et la Revolution francaise. Paris, 1903, p. 317.

17 Archives de Ministere des affairres etrangeres. Correspondance politique, Russie, 144.

18 Внешняя политика России... т. 2, с. 138—154.

19 Там же, с. 121.

20 Mouravieff B. Op. cit., p. 98.

21 Цит. по: Станиславская А.М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. С. 368.

22 Desbriere E. Projets et tentatives de debarquement aux ties britanniques. Paris, 1900, t. 3, p. 634.

23 Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaries du general Thiard, chambellan de Napoleon I[я]. Paris, 1900, p. 63-64.

.- [2i] Driault E. Austerlitz. La Fin du Saint-Empire (1804-1806). Paris, 1912, p. 183-184.
[25] Цит. по: Driault E. Op. cit, p. 173-174.
[26] Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844, с. 10.
[27] Correspondance... t. 10, p. 135—136.
[28] Ibid., p. 136.
[29] Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., p. 45.
[30] Thiard M. -T. Op. cit., p. 61.
[31] Savary A.-J.-M.-R. Memoires du due de Rovigo pour servir a l'histoire de 1'empereur Napoleon. Paris, 1828, p. 123.
[32] Девятнадцатый век, кн. II, с. 87.
[33] Жихарев СП. Записки современника. М., 2004, с. 198.
[34] Жаркевич И.С. Записки И.С. Жаркевича // Русская старина, 1874. Т. 9. Фев раль, с. 218.
[35] Жихарев И.С. Указ. соч., с. 137-138.
[36] Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России, с. 52, 54, 58.
[37] Archives Nationales. AF IV 1696. D. 2. d. 2.
[38] Ibid., d. 3.
[39] Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armee, 1800-1830. Paris, 1895, p. 40.
[40] Nelson. The dispatches and letters of vice admiral Lord viscount Nelson. London, 1848, t. 6, p. 406.
[41] Ibid., p. 410.
[42] James W. The Naval history of Great Britain. London, 1837, t. IV, p. 6.
[43] Marmont A.-F.-L., due de Raguse. Memoires de 1792 a 1841 imprimes sur le manuscript original de l'auteur avec plans. Paris, 1856—1857, t. 2, p. 163.
[44] Bigarre A. Memoires du general Bigarre, aide de camp du roi Joseph. Paris, 1893, p. 163-164.
[45] Roguet F. Memoires militaries du lieutenant-general comte Roguet, colonel en second des grenadiers a pied de la Vieille Garde. Paris, 1862—1865, t. 3, p. 91.
[46] Correspondance... t. 11, p. 87.
[47] Ibid., p.113.
[48] Segur. Un Aide de Camp de Napoleon. Memoires general comte de Segur. Paris, 1894, p. 154.
[49] Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., p. 130.
[50] Ibid., p. 135.

ГЛАВА 7
«СЕМЬ ПОТОКОВ»

Монтекукули говорил, что для войны нужны деньги, деньги и еще раз деньги. Французские генералы требовали отваги, еще отваги и снова отваги.

Замечания о французской армии последнего времени.
Санкт-Петербург, 1808 г.

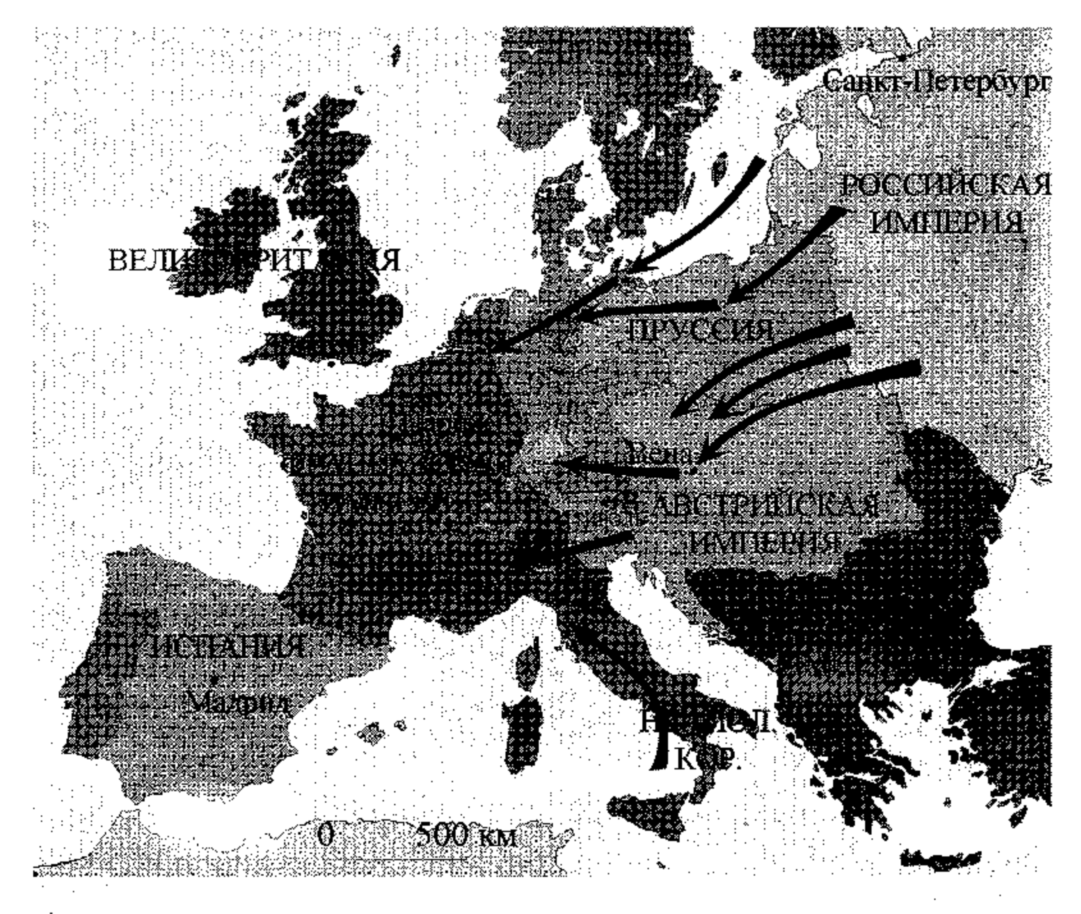
В то время когда император и его солдаты, всматриваясь в горизонт, надеялись увидеть паруса французских эскадр, по дорогам Европы уже шагали на запад десятки тысяч солдат. На совещании в Вене, где принимали участие высшее командование австрийской армии и посланник русского царя генерал-адъютант Винцингероде, был принят план войны с Францией. Для борьбы с Наполеоном предполагалось выставить гигантские силы. Как уже упоминалось, конвенция между Австрией и Россией определяла силы этих держав, предназначенные для похода: 250 тыс. австрийцев и 180 тыс. русских. Одновременно план предполагал участие в войне на стороне коалиции 100 тыс. пруссаков, 16 тыс. шведов, 16 тыс. датчан, 35 тыс. войск различных немецких контингентов, 20 тыс. неаполитанцев и 5 тыс. англичан. Всего 622 тыс. человек. Впрочем, эти силы существовали в значительной степени гипотетически, так как ни пруссаки, ни мелкие германские государства, ни датчане к коалиции еще не присоединились. Поэтому в июльском плане речь шла о войсках, которые реально существовали на этот момент.

50-тысячная русская армия, командование которой позже будет вручено генералу Кутузову, должна была собраться на юго-западной границе России у городка Радзивиллов и двинуться в Австрию для соединения с войсками этой державы.

Примерно 90 тыс. русских солдат должны были быть собраны у прусской границы. Эти войска должны были потребовать свободного прохода через прусские земли и тем самым вынудить прусского короля вступить в коалицию. Впоследствии, после вступления на прусскую территорию, 50 тыс. из них должны были быть посланы в Богемию на помощь австрийцам, а 40 тыс. — идти на северо-запад Германии. Сюда же должны были прибыть морем и высадиться в районе Штральзунда 16 тыс. русских солдат. Они должны были объединиться с таким же количеством шведов и 40-тысячным корпусом, прошедшим через Пруссию. Русское и австрийское командование надеялось, что к ним присоединятся 60 тыс. пруссаков.

В южной Германии должны были действовать 120 тыс. австрийцев, а в северной Италии — 100-тысячная австрийская армия. Наконец, на юге Италии в районе Неаполя должны были высадиться 25 тыс. русских и 5 тыс. английских солдат и, объединившись с неаполитанцами, действовать против южного фланга французской группировки в Италии.
Таким образом, предполагалось действие по четырем основным направлениям:

1. Северная Германия. Здесь должно было собраться 72 тыс. русских и шведов (ас гипотетическими пруссаками — 132 тыс.).
2. Южная Германия. 220 тыс. русских и австрийцев.
3. Северная Италия. 100 тыс. австрийцев.
4. Южная Италия. 45 тыс. русских, англичан и неаполитанцев.

Планы коалиции. 1805 г.

Общая численность союзной армии, таким образом, должна была составлять 437 тыс. человек. А с пруссаками — 497 тыс. Сверх того предполагалось, что в течение короткого времени австрийцы усилят свою армию дополнительными 100 тыс. солдат, как своих собственных войск, так и контингента-ми немецких князей. Таков был план, намеченный в Вене 16 июля 1805 г. и утвержденный затем царем в Петербурге.

Бряцание оружием донеслось до Наполеона, полностью поглощенного подготовкой к морскому десанту. Он не мог вести войну на два фронта и поэтому, стремясь прояснить обстановку, приказал 12 августа 1805 г. своему министру иностранных дел немедленно объясниться с австрийским послом в Париже Филиппом Кобенцелем (братом вице-канцлера). «Вы должны сказать господину Кобенцелю, что они *{австрийцы)* зашли уже слишком далеко. Я ожидаю ответа. Если его не будет, я введу мои войска в Швейцарию, я сниму свой лагерь на берегу океана. Я не могу больше верить словам. Я не желаю видеть их армию в Тироле. Нужно, чтобы австрийские войска вернулись в свои гарнизоны, иначе я начну войну»[1]. А на следующий день император написал Камбасересу: «Дело обстоит так, что эта держава *{Австрия)* вооружается. Я хочу, чтобы она разоружилась. Если она этого не сделает, я отравлюсь с 200 тысячами человек, чтоб нанести ей визит, о котором она долго будет помнить»[2].

В этот же день император потребовал, чтобы Талейран представил Филиппу Кобенцелю все документы, которые имелись в распоряжении французского правительства, где сообщалось о вооружениях Австрии, и заявил ему следующее: «Теперь, сударь, Вы прочитали большое количество писем, я не знаю, какое они произвели впечатление на Вас, но, как Вы думаете, какое впечатление они производят на Его Величество Императора французов, когда он прочитал их в Булони, занятый подготовкой своих морских операций... Итак, император Германии уже совершил деяния в пользу англичан! Что ж. Вы получите войну через месяц; да, через месяц, говорю я Вам с горечью!.. Император не столь безумен, чтобы дать русским время прийти к Вам на помощь... Если Вы представите эти истины во всей их силе Вашему повелителю и если действительно на него только влияют, невозможно, чтобы он не увидел, что его ведут против воли к войне. Тогда все должно успокоиться. Но если напротив, Ваш властелин желает войны, что же!.. Скажите ему, что он не будет праздновать рождество в Вене...»[3]

Читая это послание императора, легко убедиться в том, насколько серьезной была подготовка высадки в Англию. Существует мнение, согласно которому Булонский лагерь был не чем иным, как грандиозным блефом. Якобы Наполеон с самого начала понимал невозможность десантной операции и собрал лагерь лишь для того, чтобы подготовить войну на континенте, не вызывая подозрений у европейских держав. Знаменитый австрийский дипломат Меттерних утверждал, что в 1810 г. император французов в разговоре с ним якобы заявил, что Булонский лагерь был создан лишь для того, чтобы обмануть бдительность австрийцев, и что он не был настолько сумасшедшим, чтобы попытаться произвести высадку в Англии. Эту версию позже подхватили многие историки, так как, с одной стороны, она подчеркивала коварство Наполеона, а с другой — доказывала скептический и «аналитический» ум этих исследователей, которых нельзя купить «дешевыми» демонстрациями.

Достаточно бросить взгляд на публикации документов, посвященных поистине титанической деятельности императора по организации морской операции, чтобы понять, что для демонстрации это стоило слишком дорого. Два года усиленной работы, тысячи писем и приказов, постройка более двух тысяч десантных и транспортных судов, сооружение мощных фортов, огромные работы по устройству гаваней — вот что такое Булонский лагерь. Морские операции линейных флотов также доказывают всю серьезность намерений Наполеона. Действительно, немыслимо вообразить, что ради простого отвлекающего маневра император готов был бы принести в жертву флот из 40—50 линейных кораблей, на борту которых было почти четыре тысячи пушек и десятки тысяч моряков.

Интересно рассмотреть также дислокацию французских войск в это время. Она во всех подробностях известна из документа, который называется «Силы империи на 16 термидора XIII года *(3 августа 1805 г.)*»[4]. Из этой интереснейшей бумаги следует, что в августе 1805 г., в то время когда более чем 160 тыс. человек стояли в лагерях на побережье и, сверх того, 30 тыс. человек охраняли западную береговую линию, на восточных границах Франции находились только относительно слабые соединения. На всем пространстве восточной границы от Меца до Безансона (на фронте около 250 км) было всего лишь около 22 тыс. солдат и офицеров, учитывая даже жандармерию и инвалидные команды. При этом общая численность сухопутных вооруженных сил Франции составляла по спискам 446 745 человек. Таким образом, в том месте, откуда должно было впоследствии начинаться наступление, сосредоточилось лишь менее 5% наличной численности армии. Это было бы абсолютно немыслимо, если бы император действительно заранее собирался атаковать Австрию.

Наконец, письма к Кобенцелю еще раз подтверждают, что намерение совершить десант было абсолютно серьезным. Если бы Наполеон готовился к континентальной войне, ему было бы абсолютно невыгодно показывать австрийцам свою осведомленность в их приготовлениях. Наоборот, самым удобным для него было бы как можно долее делать вид, что он ничего не замечает и тем самым успокоить неприятеля. Дать ему возможность совершить как можно больше самоуверенных, непродуманных действий. Но Наполеон не только не играет в наивность, но доходит до того, что раскрывает свой план на случай континентальной войны: «Император не столь безумен, чтобы дать русским время прийти к Вам на помощь...»

Все это можно оценить только однозначно — Наполеон всеми способами пытался удержать австрийцев от выступления против него. Все его мысли были направлены к одному — разгрому Англии. Сами австрийцы это хорошо понимали. Вице-канцлер Кобенцель в послании графу Стадиону от 10 августа 1804 г. писал: «Все заставляет думать, что уверения Бонапарта искренни в данный момент, и есть только одно обстоятельство, при котором он серьезно задумается о континентальной войне, это случай, когда он будет вынужден опасаться возможного нападения двух императорских дворов *(Австрии и России)...»*[5]

Маршал Мармон, который в 1805 г. был генералом, командующим корпусом, расквартированным на территории Голландии, не сомневался также в намерениях своего командующего. Он написал в мемуарах: «Часто спорят, действительно ли Бонапарт намеревался совершить экспедицию в Англию? Я отвечу наверняка и с уверенностью — да, экспедиция была самым страстным желанием его жизни и самой главной надеждой в течение данного отрезка времени»[6].

Однако бездарные действия Вильнева поставили крест на возможности совершить десантную операцию до нападения на Францию войск коалиции. Император вынужден был поменять всю свою стратегию...

В августе 1805 г. в Булони находился выдающийся французский математик Гаспар Монж. «Господин Монж... каждое утро приходил на прием к императору и обычно задерживался в его рабочем кабинете, а часто оставался и на обед. Дружба связала их еще во время Египетской экспедиции. Наполеон часто разговаривал с Монжем. Ясность ума и наивная простота этого доброго человека нравились императору так же, как и его обширные математические знания»[7]. 13 августа Монж, как всегда, пришел утром с визитом к своему высокому покровителю. Но Наполеон, выскочив из кабинета, изумил ученого невообразимым вопросом: «Вы знаете, где Вильнев?!» Естественно, Монж и отдаленно не мог себе вообразить, где находятся французские эскадры. «Он в ФерролеИ!» — прокричал, отвечая на свой собственный вопрос, император и в бешенстве захлопнул дверь перед носом у изумленного математика.

Спустя некоторое время Наполеон вызвал к себе генерал- интенданта Дарю и, огорошив его таким же риторическим вопросом, вдруг приказал своему помощнику сесть за стол и писать: «Склонившись над большой картой Германии и вдруг став абсолютно спокойным и уверенным, — писал позже Дарю, — он продиктовал мне весь план австрийской кампании с тем богатством идей, которые были характерны для него, когда он был в состоянии вдохновения. Он развернул перед моими глазами обширные проекты, появившиеся у него в одно мгновение. Марш «семи потоков», как назвал он движение корпусов, вышедших из Ганновера, из лагерей под Цейстом, Остенде, Кале, Амблетезом, Булонью и Монтрейем, чтобы соединиться на Дунае. После того как он диктовал пять или шесть часов, с порывом, который с трудом позволял мне следовать за его мыслью, он вдруг остановился и спросил меня: «Вы хорошо поняли?»[8] План кампании 1805 г., которому будет суждено осуществиться день в день,

минута в минуту, где были продуманы все бои, все детали маршей, вплоть до времени вступления в Вену, был готов...

Впрочем, весь этот эпизод с Дарю и Монжем приведен здесь не более чем для того, чтобы показать, как возникают легенды. Дарю написал рассказ об этом событии в 1836 г., т.е. спустя более 30 лет после императорской диктовки. Нет сомнения, что эмоциональная сцена с вопросом «Где Вильнев?» навечно отпечаталась в уме генерал-интенданта. Не вызывает особого сомнения и факт диктовки императором каких-то распоряжений, однако что и зачем приказывал Наполеон, почти 70-летний ветеран уже плохо помнил. К этому времени он прочитал книги о знаменитой войне, и в его голове воспоминания разных лет и прочитанное в книгах слилось в одну фантастическую картину.

Никаких распоряжений о марше войск, а тем более конкретного плана войны нельзя встретить ни в одном из известных документов, написанных до 23 августа 1805 г. Первым, пока еще весьма общим распоряжением, был приказ генералу Дежану, министру военной администрации, заготовить 500 тыс. сухарей в Страсбурге и 200 тыс. в Майнце. 24 августа Наполеон дает приказы о переброске на Рейн резервной кавалерии, а на следующий день определяет направление марша основной массы войск. Наконец, в приказе от 26 августа 1805 г. впервые упоминается термин Великая Армия и определяется состав войск, которые должны выступить для войны с Австрией.

Некоторые детали замысла Наполеона можно наблюдать уже в приказах, отданных 25 августа. С целью рекогносцировки театра будущих военных действий в этот день он отправляет маршала Мюрата и генерала Бертрана с разведывательной миссией в Баварию. Высокопоставленные особы должны были под вымышленными именами проехать по важным коммуникационным путям, осмотреть дороги, реки и их берега, мосты, наличие бродов, замки, укрепления, города. Подробно излагался маршрут каждого из знатных путешественников.

Из маршрута миссии Мюрата и Бертрана никак не скажешь, что император проявляет к Ульму, где произойдет решающе столкновение, особое внимание. Напротив, его больше интересует Восточная Бавария, границы с Австрией, а в наставлениях Мюрату указано, что он должен внимательно исследовать районы, приграничные с Богемией, а Ульм и Вюрцбург названы «естественным депо (!) армии», т.е. считалось, что эти города вообще не будут заняты австрийцами.

В общем и целом, все распоряжения императора в конце августа 1805 г. очень далеки от мифа, распространенного в популярной литературе. Для того чтобы составить точный план кампании, Наполеону нужно было бы знать, хотя бы где будет находиться австрийская армия в ближайшее время, но ничего подобного ему не было известно. Единственной более-менее точной информацией, которой он располагал, были сведения о том, что концентрация австрийских войск замечена в Богемии и в Тироле, а русские находятся еще где-то на границе с Пруссией. Исходя из этого и строится его чрезвычайно простой и ясный план. Войска должны как можно скорее двинуться на восток и выйти на берега Дуная в Баварии.

Почему именно в Баварии? Во-первых, потому что предварительные переговоры показали, что баварский электор готов, скорее, поддержать Наполеона, чем коалицию. Но если ему не оказать своевременной помощи, нельзя быть уверенным до конца в союзе с ним. Во-вторых, потому что из Баварии пролегает самый удобный путь на Вену по южному правому берегу Дуная. Это прямая и хорошая дорога, шедшая по широкой долине. Наступать на Вену по левому берегу Дуная было гораздо сложнее. Здесь была пересеченная местность и плохие дороги. Следует помнить, что дорожная сеть в начале XIX века была развита далеко не так, как в современную нам эпоху. Дорог было не

только меньше, но и качество их было весьма различным. Наряду с широкими мощеными шоссе, по которым легко могли идти повозки и пушки в три-четыре ряда, существовало великое множество грунтовых дорог, где любое движение обозов и артиллерии представляло неимоверные трудности. Именно такие дороги проходили по левому берегу Дуная.

Поэтому *план Наполеона есть не что иное, как намерение направить все собранные, готовые к войне войска по кратчайшему маршруту в Баварию. а затем на Вену.* Он не знал еще, где будут находиться австрийцы, но не сомневался, что найдет их на пути к столице Габсбургской империи. Учитывая, что русские были еще далеко, Наполеон имел все шансы разгромить австрийскую армию до подхода русских войск. Вспомним фразу из письма Кобенце-лю: «Император не столь безумен, чтобы дать русским время прийти к Вам на помощь...». Вот, собственно, и весь план — простой, ясный и абсолютно реальный. Все позднейшие россказни о том, как Наполеон готовился хитроумным образом окружить австрийцев, засылал в австрийский штаб суперагентов с целью заманить неприятеля в причудливую ловушку, не что иное, как полное непонимание духа и стиля наполеоновских войн, попытка рассказать великую эпическую поэму на языке, доступном мелкому обывателю.

Этот план, как очень часто было у Наполеона, постоянно изменялся и уточнялся под влиянием приходившей информации, сохраняя при всем при этом общую линию, свою простоту и последовательность. Видоизменения не были похожи на безалаберные метания из стороны в сторону, а происходили так плавно и естественно, что сторонним наблюдателям и даже первым действующим лицам казалось, что все было так и задумано с самого начала.

Первое изменение и уточнение произошло буквально в тот момент, когда войска только еще выступали из лагеря. 28 августа Наполеон несколько изменил маршруты движения корпусов. Вместо того чтобы главные силы, шедшие из Булонского лагеря, форсировали Рейн в районе Страсбурга, они должны были перейти эту водную преграду в районе от Шпейера до Мангейма, т.е. в 100—200 километрах севернее. Дело в том, что 26—27 августа Наполеон получил дополнительную информацию о сборах австрийцев и понял, что они значительно лучше готовы к началу войны, чем он предполагал. Так как император всегда считал своего противника разумным и решительным, он отныне несколько опасался за корпуса, шедшие из Ганновера и Голландии. Согласно первоначальному распоряжению, объединение всей массы войск шло просто по самому короткому и удобному пути и должно было осуществиться на Дунае. Теперь Наполеон не исключает, что австрийцы могут оказаться в Баварии раньше него. Для того чтобы исключить даже малейший шанс для неприятеля контратаковать войска на марше, он решает теперь сдвинуть маршруты корпусов из Булонского лагеря так, чтобы уже на Рейне «подать руку» идущим слева корпусам из Ганновера и Голландии.

Поэтому в этот же день, 28 августа, император посылает очередного надежного человека провести рекогносцировку уже немного другого района. Этим человеком стал верный командир элитной жандармерии генерал Савари. Ему поручено было изучить дороги от Мангейма через Хейльброн и Халл на Дона-уверт, а также осмотреть Штутгарт. Как покажут дальнейшие события, это и будет тот путь, по которому действительно двинется армия.

Вечером 27 августа Наполеон посылает приказ о выступлении всем командующим корпусами, и в шесть утра 28 августа застывшим в строю с оружием и походной амуницией батальонам был зачитан приказ императора о выступлении в поход. Солдаты встретили эти слова с ликованием. Армия устала уже от двухлетнего ожидания. Она была великолепно подготовлена и рвалась в бой.

Не удалось форсировать Ла-Манш — не беда. Есть другой противник, впереди ждет другая слава.

Приказом на день от 29 августа армия, выступившая в поход, официально получила название Великая Армия. С этого момента Великая Армия станет для большинства людей синонимом слова армия Наполеона. Однако это не совсем так. Великая Армия — это название войск, действующих на главном театре военных действий под личным командованием самого императора, да и то не всегда. Крупные соединения, оперировавшие на других театрах военных действий, получали название по территории, где они действовали. В 1805 г. это была так называемая Итальянская армия под командованием маршала Массена.

Приказом на день от 30 августа было объявлено о структуре и организации Великой Армии. Будет разумно, прежде чем вслед за ее полками отправиться в знаменитый поход, сказать хотя бы несколько слов о ее составе (подробное расписание см. в приложении).

1-м корпусом Великой Армии стала бывшая Ганноверская армия (название, как только что указывалось, давалось по месту действия или расположения армии) маршала Бернадотта из двух пехотных дивизий и одной кавалерийской — 14 668 человек* при 34 орудиях.

2-й корпус — бывшее отдельное крыло Армии Берегов Океана, располагавшееся в Голландии. Командующий генерал Мармон (три пехотные дивизии и одна кавалерийская — 20 037 человек, 26 орудий).

3-й корпус — бывшее правое крыло Армии Берегов Океана, лагерь в Амбле-тезе. Командующий маршал Даву (три пехотные дивизии и одна кавалерийская — 25 161 человек, 48 орудий).

4-й корпус — бывший центр Армии Берегов Океана, лагерь в Булони. Командующий маршал Сульт (четыре пехотных дивизии и одна кавалерийская — 28 793 человека, 36 орудий).

5-й корпус — бывший авангард Армии Берегов Океана, лагерь в Вимере. Командующий маршал Ланн (две пехотные дивизии и одна кавалерийская — 25 689 человек, 34 орудия)".

6-й корпус — бывшее левое крыло Армии Берегов Океана, лагерь в Этапле и Монтрейе. Командующий маршал Ней (три пехотные дивизии и одна кавалерийская бригада — 21 250 человек, 30 орудий).

7-й корпус — бывшее отдельное крыло Армии Берегов Океана, дислоцировавшееся в Бретани. Командующий маршал Ожеро (две пехотные дивизии и один полк кавалерии — 12 447 человек, 24 орудия).

Легкая кавалерия и большая часть артиллерии, как видно из расписания, были приданы этим корпусам. Тяжелая кавалерия дивизии д'Опуля и Нансу-ти, а также все драгуны (4 дивизии: Клейна, Вальтера, Бомона и Бурсье) были объединены под общим командованием маршала Мюрата. Он же был назначен официальным заместителем императора (lieutenant de l'Empereur) на театре военных действий. Общая численность резервной кавалерии — 20 950 человек, 28 орудий. Сюда же входила дивизия спешенных драгун под командованием Бараге д'Илье — 5 505 человек.

Дело в том, что форсировать Ла-Манш с полным штатным количеством лошадей в полках было бы просто немыслимо. Поэтому значительная часть

* Численность корпусов дается на конец сентября 1805 г., в то время когда французские войска форсировали Рейн и вступили на территорию Германии.

Формально численность корпуса Ланна составляла 25 689 человек и 34 орудия. Однако 3-я дивизия этого корпуса под командованием генерала Сюше (9 154 человека и 12 орудий) была временно придана 4-му корпусу.

драгун должна была сесть на транспортные суда без лошадей и добыть их уже непосредственно на территории Англии. Разумеется, что в течение нескольких дней было физически невозможно снабдить их лошадьми. Поэтому эти драгуны отправлялись в поход в пешем строю в надежде позже получить коней.

Часть артиллерии была сведена в отдельный резервный парк — 3 349 человек, 56 орудий. И наконец, главным резервом армии являлась элита из элит — императорская гвардия — 6 265 отборных пехотинцев, кавалеристов и артиллеристов, 24 орудия.

Таким образом, общая численность Великой Армии к моменту начала боевых действий составляла 178 609 человек (139 189 пехоты, 25 327 кавалерии и 14 093 артиллерии) и 340 орудий. Со штабами и жандармерией в округленных цифрах можно оценить численнсть армии в 180 тыс. человек. С другой стороны, необходимо учитывать, что корпус Ожеро остался далеко позади основной массы войск и не мог принять участия в первых боевых операциях. Армия должна была также неизбежно понести маршевые потери при движении от Рейна до Дуная. Поэтому реально участие в первых боях кампании могли принять примерно 165 тыс. солдат и офицеров при 316 орудиях.

Большинство источников сходится на том, что за долгое время пребывания в лагерях армия получила прекрасную боевую подготовку. Маршал Мармон так рассказывал о занятиях с войсками своего корпуса: «...два дня в неделю занимались батальонной школой и три дня в неделю маневрами целыми дивизиями. В воскресенье весь армейский корпус, составленный из трех дивизий, маневрировал вместе, а каждые две недели были большие маневры с огневой подготовкой; специальный полигон был задействован для обучения артиллерии... так что каждый день был заполнен, и даже во время отдыха солдаты приходили посмотреть, как упражняются другие. Войска быстро достигли степени обученности, которую трудно себе вообразить. Я никогда не видел французские части достигшими в боевой подготовке столь высокой степени совершенства. Полки, получившие такую отличную подготовку, сохранили ее надолго; и даже после длительных войн в них оставались следы пребывания в этих лагерях...»[9]

«Никогда Франция не имела еще таких прекрасных войск, так хорошо подготовленных к войне, — написал адъютант маршала Сульта де Сен-Шаман. — Никогда они не были наполнены таким прекрасным боевым духом, и, видя их, можно было легко предсказать исход войны»[10].

Действительно, если обратиться к составу армии, хорошо видно, насколько она была закаленной и боеспособной. Несмотря на то что начиная с 1798 г. армия пополнялась за счет призывников, в ее рядах было много опытных бойцов. Из 115 582 человек рядового и унтер-офицерского состава главных сил (о которых есть данные) 50 338 человек (43,5%) уже участвовали, по крайней мере, в одном военном походе. А почти четверть состава имела не менее десяти лет службы. Это значило, что эти солдаты были зачислены на службу в 1795 г. или ранее и за их плечами было участие в нескольких кампаниях республиканской армии, а многие воевали с самого начала революционных войн. Наконец, в каждом полку было, по крайней мере, 30 унтер-офицеров, начавших службу еще в королевской армии[11].

Наличие подобного количества старослужащих солдат и унтер-офицеров объясняется политикой Наполеона, стремившегося поощрить сверхсрочников. Наконец, несмотря на то что срок службы определялся законом в пять лет, в случае войны она становилась бессрочной — до окончания боевых действий. Как известно, в мае 1803 г. началась война, и те, кто не был демобилизован в 1802 г. — начале 1803 г., остался служить, в принципе, до самого конца войны.

Согласно закону, в армию брали тех, кто достиг 20-летнего возраста (необходимо заметить, что, так как потребности войск были невелики в первые годы Империи, на службу брали по жеребьевке — реально в ряды армии зачислялось в эти годы только 40% от общего числа призывников данного года). Исследования, проведенные автором данной книги на основе изучения послужных списков около 10 000 солдат наполеоновской армии 1805—1812 гг., показывают, что закон строго выполнялся. Средний возраст призывника равнялся 20,5 года, а средний возраст солдата в эти годы был примерно 23 года. Нет сомнения, что в армии 1805 г., где только чуть более половины солдат были недавними призывниками, средний возраст был несколько выше — примерно 25 лет.

Большинство офицеров прошли свой путь к эполетам, начав его с рядового. Специальная Военная школа была создана только в начале 1803 г. и потому среди пяти тысяч офицеров Великой Армии 1805 г. только около сотни были ее выпускниками. Поэтому по современным понятиям возраст младших офицеров французской армии был на редкость зрелым. Средний возраст сублейтенантов был в это время 32 года, а лейтенантов — 37 лет! При этом полковники и генералы были необычайно молоды. Средний возраст полковников был 39 лет, а генералов всего лишь 41 год[12].

Это удивительное по современным понятиям сочетание легко объясняется — почти все офицеры и генералы наполеоновской армии вышли из горнила революционных войн. Бывшие генералы королевской армии либо эмигрировали, либо были казнены революционным трибуналом, либо просто тихо оставили службу. То же самое произошло и со старшими офицерами. Поэтому в ходе революционных войн произошло гигантское обновление командных кадров. Солдаты, у которых было образование, храбрость и желание служить, быстро продвигались по ступеням военной иерархии. Особенно стремительно продвинулся тот, кто до революции был уже младшим офицером или унтер-офицером. Именно эти люди к 1805 г. стали генералами. С другой стороны, младшие офицеры — это также бывшие солдаты революционной армии, но те, у кого было меньше способностей или кому просто не повезло. Их возраст почти что не отличался от возраста их командиров.

Наконец, самое высшее командование было просто на редкость молодо. Императору только что исполнилось 36 лет, маршалу Бернадотту, командующему 1-м корпусом, было 42 года, генералу Мармону, командующему 2-м корпусом, 31 год, маршалу Даву (3-й корпус) 35 лет, маршалу Сульту (4-й корпус) 36 лет, маршалу Ланну (5-й корпус) 36 лет, маршалу Нею (6-й корпус) также 36 лет. «Старыми» по масштабу этой армии были только начальник ее генерального штаба маршал Бертье, которому был 51 год, и маршал Ожеро, командующий 7-м корпусом, которому в октябре 1805 г. исполнилось 48 лет.

Таким образом, Великая Армия обладала изумительными возрастными характеристиками. В ней было много прошедших войну солдат, ее унтер-офицеры и младшие офицеры были все опытнейшими бойцами, имевшими за плечами десять лет победоносных войн, а ее высшее командование, также прошедшее войны, походы и лишения, было столь молодо, что сохранило порыв, дерзость и энергию юности. К этому нужно добавить полную уверенность в успехе, которую дало им участие в многочисленных успешных войнах.

Наконец, блистательные победы Наполеона Бонапарта в его военных походах и гигантские успехи его внутриполитических преобразований заставили армию поверить абсолютно и непререкаемо в своего императора. Она была готова за ним в огонь и в воду. Талантливый психолог, Наполеон сумел создать такую систему поощрений и наказаний, которая стимулировала желание каждого отличиться на своем посту, показать другим, что он достоин быть в рядах этих добле-

стных бесстрашных войск. «Я заменил страх и кнут честью и соревнованием». -сказал Наполеон. Действительно, умело разжигая благородное соревнование поддерживая культ чести в рядах армии, он достиг действительно удивительных результатов. Один из его знаменитых офицеров легкой кавалерии де Брак, наставляя своих подчиненных, написал о том, как он понимает слово «честь «...это не значит презирать жизнь, предпочитая сохранение чести сохраненп: жизни. Это просто означает воздавать чести то, чего она заслуживает»[13].

Высокое чувство чести требовало от солдат и офицеров беззаветно выполнять свой долг в бою, не отставать от товарищей, когда они идут под пули. Если солдаты часто ворчали, когда им приходилось совершать тяжелые марши, то едва только раздавались первые звуки выстрелов, превозмогая усталость, они рвались к тому месту, где кипел бой. «Почему эти люди, которые вчера так ворчали, ругались, проклинали все на свете, исполняя простейшее распоряжение, следствием которого было в самом худшем случае одно-два лье марша сверх необходимого, почему сегодня эти же люди беспрекословно идут туда, где нужно ставить жизнь на карту? — писал офицер наполеоновской армии. — Потому что ворчать, когда идешь в бой — это уже недалеко от трусости, а значит, и от бесчестья»[14].

Жажда славы, высокое чувство чести, желание подняться по ступеням военной иерархии и, наконец, просто упоение борьбой ради борьбы пронизывали всю армию Наполеона от солдата до маршала. «Офицеры и солдаты были несравненны в искусстве войны, — писал в свох великолепных по точности ме муарах хирург дивизии Сюше д'Эральд. — Фанатизм славы был доведен д<: самого высшего предела. Все жаждали боя... На марше не было видно ни одног: роскошного экипажа, ни одной кареты не ехало за этой великолепной армией Только сталь и огонь. Здесь все были бойцами. Полковники ели из котла деревянной или костяной ложкой суп, который сварили им гренадеры первого взвода. Командиры батальонов, полковой адъютант, страший хирург и его помощник:: ели и спали на биваке рядом с полковником, в шалаше, сделанном полковым;. саперами... Полковник, командир батальона или полковой адъютант могли сказать: «Когда я был гренадером...» Но дисциплина от этого не страдала, она была очень строгой и справедливой... Все офицеры носили когда-то ранец *(т.е. был:, солдатами)* и потому уважали тех, кто его носил... Наконец, все солдаты к офицеры этой прекрасной армии рвались в огонь... Одна только угроза того, чтс солдата могли отправить в тыл, во Францию, заставляла его трепетать»[15].

Почти точно так же запомнил армию, уходившую на войну из Булонскогс лагеря, капитан Жерве, тогда унтер-офицер 13-го легкого полка: «Мы отправились на Рейн. Наша армия была великолепна. У самых молодых солдат за плечами было два-три года службы, они были великолепно обучены, дисциплинированны Молодые и старые — они жаждали сразиться с врагом и шли с доверием, подчиняясь приказам их высшего начальника. Все были уверены в победе»[16].

В общем, в руках Наполеона оказалось поистине могучее оружие. Генерал Фуа, один из самых талантливых военачальников наполеоновских войск и человек, разносторонне образованный, так описал Великую Армию 1805 г.: «...никогда во Франции не было столь мощной армии. Хотя храбрецы, восемьсот тысяч которых в первые годы войны за свободу поднялись по призыву «Отечество в опасности!» были наделены большими добродетелями, но воины 1805 года имели больше опыта и подготовки. Каждый в своем звании знал свое дело лучше, чем в 1794 году. Императорская армия была лучше организована, лучше снабжена деньгами, одеждой, оружием и боеприпасами, чем армия республики...»[17]

Эта мощная армия, выполняя предначертание императора, семью потоками двигалась на Рейн и на Майн. Движение огромной массы войск было организо-

вано образцово. В каждом корпусе были приняты свои правила для совершения марша. Так, в корпусе Даву пехота шла по сторонам дороги, оставляя посередине проезд для артиллерии и обозов. Каждый час войска делали остановку на пять минут, во время этих остановок обоз продолжал двигаться. В корпусе Нея войска шли в колоннах по отделениям* (par section), оставляя по краям дороги только небольшое пространство для проезда отдельных всадников. В среднем одна дивизия занимала примерно 4—5 км в глубину. Расстояние между дивизиями должно было быть примерно один километр.

Генерал Матье Дюма, заместитель начальника генерального штаба, предписывал: «Господа бригадные генералы должны следить за тем, чтобы барабанщики каждого батальона были разделены на три части. Одни должны идти в голове батальона, другие в центре, а третьи в хвосте. Эти группы барабанщиков должны по очереди бить походный марш — сначала начинают играть те, кто стоят в голове, потом те, кто в центре, потом в хвосте. Во время всех остановок должна играть полковая музыка»[18]. Маршал Ней считал, очевидно, что музыка еще более нужна на походе, чем думали в генеральном штабе. Поэтому в наставлениях своему корпусу он предписывал: «Барабанщики и флейтисты будут находиться во время марша в голове своих батальонов, часть из них под руководством тамбурмажора или капрала-барабанщика будет исполнять днем различные марши, но только в том случае, если войска не находятся поблизости от противника, музыканты будут идти во главе полков и время от времени исполнять воинственные мелодии. Кавалеристы будут трубить в фанфары...»[19] В любом случае полагалось перед входом в населенные пункты остановить колонну, собрать отставших, привести в порядок строй и проходить по городу «в колоннах повзводно... и в величайшем порядке».

Нигде дивизии не перекрещивались на марше, продовольствие было заготовлено везде в достаточном количестве. Все рапорты говорят о том, что войска соблюдали образцовую дисциплину. Вот что докладывал 3 сентября (16 фрюкти-дора XIII года) командир 4-й дивизии корпуса Сульта генерал Сюше: «...4-я дивизия выступила из лагеря на рассвете и шла в величайшем порядке и быстро. Она вовремя пришла в Сент-Омер, где пехота была полностью размещена на ночлег по домам, кавалерия расположилась на постой поблизости... Фураж поставлен хорошего качества, так же как и продовольствие для личного состава дивизии. Нет ни одного отсутствующего, солдаты идут весело и бодро, офицеры хорошо выполняют свои обязанности...»[20] Командир 3-й дивизии корпуса Даву генерал Гюден доносил начальнику генерального штаба 5 сентября 1805 г.: «...дивизия прибыла вчера в Лилль, где она сегодня сделала дневку. Войска шли в самом идеальном порядке, и ни одна жалоба не поступила на их поведение с момента выступления из лагеря в Амблетезе. Солдат преисполнен самого боевого духа и, несмотря на дождь, который идет почти каждый день, он весел и доволен... Раздачи продовольствия были выполнены пунктуально»[21]. Командир 2-й дивизии корпуса Сульта генерал Вандамм докладывал своему начальнику: «...ни одна жалоба не поступала *(на дивизию),* величайший порядок постоянно царит в колонне. Офицеры... выполняют свой долг с большим рвением и им легко вести солдат, которые наполнены такими же чувствами и боевым духом»[22].

Впрочем, почти все рапорты отмечают не слишком любезный прием муниципалитетов на севере Франции. Особенно в этом отношении отличился Лилль, где отказались разместить 1-ю дивизию корпуса Даву, а командир 3-й дивизии

Колонна по отделениям означает колонну, составленную из отделений, идущих на расстоянии друг от друга, указанном командиром. Во фронте отделения было обычно 10— 12 человек, в глубину — три шеренги. Подробнее см. приложение «Тактика» в конце книги.

Гюден докладывал следующее: «В городах мы встретили отказ разместить людей по квартирам, и приходится рассредоточивать дивизию по окрестным деревням, что изнуряет солдат»[23]. Однако с приближением к восточным районам страны, где ощущалась опасность неприятельского вторжения, муниципалитеты стали куда более гостеприимнее. В общем и целом, при движении по территории Франции удалось избежать ночевок на биваках под открытым небом.

Необходимо отметить интересную особенность, которая хорошо обрисовывает своеобразный дух и понятие о дисциплине наполеоновской армии. Во время маршей, которые проходили иногда неподалеку от мест, где призывались солдаты данной части, наблюдалось явление повального «дезертирства». Солдаты убегали для того, чтобы навестить своих родственников, но в подавляющем большинстве вернулись в строй до перехода их полков через Рейн. Вот что докладывал по этому поводу генерал Дюпон, командир 1-й дивизии корпуса Нея: «32-й линейный полк, который рекрутируется в департаменте Эн (Aisne)... насчитывает много людей, отсутствующих в строю. Было невозможно помешать солдатам покинуть строй вследствие разбросанности мест постоя, но меня уверили, что эти люди, покинувшие строй с оружием и амуницией, сказали своим товарищам, что догонят полк в Ла Фере»[24]. В некоторых полках из полутора тысяч человек осталось в строю не более 100—150 под знаменами, остальные разбежались по домам! Но что интересно, по прибытию на Рейн почти все они вернулись в строй. Маршал Сульт, например, докладывал, что не хватало только 30—40 человек, но и то отставшие солдаты догоняли свои полки на марше уже на германской территории. Армия шла на врага, и оставить своих товарищей перед лицом грядущей опасности считалось бесчестьем.

Нужно сказать, что многие высокопоставленные офицеры поступили так же, как и их солдаты, покинув на несколько дней свои части, чтобы навестить дом. Все маршалы с разрешения и даже по приказу императора заехали на несколько дней в Париж. То же самое сделал и сам Наполеон. Он вернулся в столицу из Булонского лагеря 3 сентября и оставался там двадцать дней. Конечно, целью императора было не посещение своей жены и родственников, а необходимость решить многочисленные организационные и политические проблемы перед началом боевых действий. Находясь в центральной позиции, он мог быстро получать рапорты от всех колонн, двигавшихся в сторону Рейна, и своевременно давать необходимые указания.

12 сентября в своем загородном дворце Сен-Клу Наполеон получил две срочные депеши по оптическому телеграфу*. Одна из них была дана Мюратом. находившемся в Страсбурге, другая — префектом департамента Нижний Рейн. Депеши были очень лаконичны, они сообщали, что австрийская армия форсировала пограничную реку Инн и вступила в Баварию.

С этого момента семафоры оптического телеграфа, не зная усталости, сообщали с границы все новые и новые тревожные вести. В скором времени пришли и более подробные письменные рапорты. В частности, стало известно, что австрийские войска вступили в Баварию, но баварский электор, отказавшись присоединиться к коалиции, покинул свою столицу — Мюнхен, а вместе с ним ушли в северо-западном направлении баварские войска. Пришел рапорт и от Дюрока, посланного с дипломатической миссией в Берлин. Донесение верного

* В эпоху Великой французской революции инженером Шаппом был изобретен оптический телеграф, представляющий из себя мачты с движущимися перекладинами на конце. Мачты располагались одна от другой на таком расстоянии, что было возможно видеть в подзорную трубу сигналы, подаваемые с соседней мачты. Сигналы очень напоминали морскую семафорную азбуку.

адъютанта было весьма неутешительным. Несмотря на все выгодные предложения Наполеона, пруссаки отказывались заключить с ним военный союз, более того, Дюрок предостерегал от прохода французских войск через прусские земли. Генерал был хорошо осведомлен о движении корпусов Великой Армии. Он прекрасно знал, что на предполагаемом пути 1-го корпуса маршала Бернадотта лежал небольшой прусский анклав Анспах. Дюрок предупреждал, что нарушение прусского нейтралитета может вызвать серьезные последствия.

19 сентября Мюрат по оптическому телеграфу оперативно докладывал, что за два дня до этого австрийские войска, вступив в Мюнхен, вышли на рубеж реки Лех. На следующий день император получил донесение от посланника в Вюртемберге Дидло, который сообщал, что колонны австрийцев под командованием генерала Кленау перешли Лех 15 сентября и продолжили свое движение на запад. Стало ясно, что противник стремится захватить Баварию и, возможно, даже продвинуться далее.

План Наполеона окончательно вырисовывается под влиянием этой новой информации, а пока, прежде чем покинуть столицу, он решил выступить с торжественным обращением в Сенате для того, чтобы сообщить свое видение будущей войны французскому народу. Приветствуемый орудийными салютами и ликующей толпой, 23 сентября 1805 г. император во главе пышного кортежа торжественно приехал в Сенат.

Словам императора предшествовала речь министра иностранных дел Та-лейрана, который изложил официальный взгляд французского правительства на начавшуюся войну. «Дело, которое Франция защищала *(в войне против Англии),* было делом Европы. И потому было естественно думать, что ни интриги Англии, ни золото, которое она предлагала всем, кто служит ее честолюбию, ни ее лживые обещания не могут привлечь на ее сторону ни одну из континентальных держав... Англия увидела, что ей угрожает опасность, и решила отвести ее с помощью преступления. Убийцы были выброшены на французские берега... Император видел эти гнусные заговоры, он презирал их и, несмотря на все, предложил заключить мир на тех же условиях, что он был ранее заключен (в *начале 1805 г. Наполеон вновь обратился с предложением мира к английскому королю).* Это великодушие не успокоило, а как кажется, еще более разожгло ярость сент-джемского кабинета. Его ответ показал, что он будет готов заключить мир только тогда, когда зальет континент кровью и покроет его трупами... Известно, что часть сумм, выделенных английским министерством, чтобы служить его целям на континенте, дошла до назначения и держава, которая продала свой союз, не может более пощадить кровь своего народа, за которую она уже получила деньги... Отныне сила оружия — это единственный способ решить спор с честью»[25].

Император взял слово после министра иностранных дел: «Сенаторы! В обстоятельствах, в которых находится Европа, я чувствую необходимость быть среди Вас и выразить свои чувства.

Я покидаю мою столицу, чтобы стать во главе моей армии, оказать быструю помощь моим союзникам и защитить права моего народа.

Желание вечных врагов континента свершилось: война запылала в Германии, Австрия и Россия присоединились к Англии, и наше поколение вновь вовлечено в водоворот войны. Еще несколько дней назад я надеялся, что мир не будет нарушен. Я оставался безучастен к угрозам и оскорблениям. Но австрийская армия перешла Инн, Мюнхен захвачен, Баварский электор вынужден был бежать из своей столицы. Все мои надежды улетучились...

Сенаторы, когда, повинуясь Вашему пожеланию и гласу всего французского народа, я принял императорскую корону, я поклялся перед Вами и перед

всеми гражданами сохранять ее чистой и незапятнанной. Мой народ во всех обстоятельствах давал мне заверения своего доверия и своей любви. Он пришел под знамена своего императора и своей армии, которые через несколько дней перейдут границу, чтобы сразиться с врагом...

Французы, Ваш император выполнит свой долг, солдаты выполнят свой, а Вы, я не сомневаюсь, исполните Ваш»[26].

В четыре часа утра 24 сентября 1805 г. Наполеон сел в свою походную карету и отправился вдогонку за войсками. 26 сентября в 17 часов он был уже в Страсбурге, где непосредственно принял командование армией.

В этот момент на огромном пространстве от Петербурга до Мюнхена и от Венеции до Штральзунда двигались колонны союзных войск. Общие силы союзников, реально приведенные в движение, были в этот момент следующими: в Южной Германии наступала австрийская армия под формальным командованием эрцгерцога Фердинанда. Эта армия насчитывала в своих рядах около 80 тыс. человек, из которых 60 тыс. шли в первом эшелоне. Император назначил командующим эрцгерцога, которому шел 25-й год, и у которого не было ни малейшего военного опыта, только для того, чтобы в случае соединения с русскими сохранить командование.

Реальное же руководство армией осуществлял генерал Карл барон Макк фон Либерих. В момент описываемых событий ему исполнилось 53 года. Макк происходил из семьи мещан и вступил в армию в 1770 г. простым солдатом. За 23 года он прошел путь до генерал-майора, а затем в 1797 г. получил звание фельдмаршала-лейтенанта*. Возможно, Макк был храбрым солдатом и, быть может, неплохим командиром младшего звена, но как генерал, а тем более как полководец он оказался совершенно неспособным. В 1798 г. он получил командование над Неаполитанской армией и был практически тотчас вдребезги разбит французским генералом Шампионне, а сам попал в плен. Несмотря на этот далеко не самый блистательный эпизод военной карьеры, в Вене почему-то считали Мак-ка необычайно мудрым полководцем. Быть может, потому, что Макк очень путано и длинно умел рассуждать на военные темы в модном тогда схоластическом стиле, распространяясь о коммуникационных линиях, операционных направлениях, стратегическом базисе и т.п.

И все же не философские рассуждения обеспечили Макку высокий пост. Дело в том, что, поддерживая популярного эрцгерцога Карла, против войны выступили многие известные австрийские генералы. Так, генерал-квартирмейстер Дука написал в своем рапорте, что при всех усилиях Австрия сможет выставить для будущей войны на 60 тыс. солдат меньше, чем это было в предыдущей кампании. За это Дука поплатился своим постом и был отправлен в провинцию Темешвар, одну из самых отдаленных, которая была в Австрийской монархии. Зато Макк браво отрапортовал, что за восемь дней он берется поставить под ружье армию той численности, которую предписывал договор с Россией. Вице-канцлер Кобенцель, который отныне взял курс на войну, был в восторге, и Макк сделал головокружительную карьеру.

«Макк заслужил хорошую репутацию в нижних чинах, эта репутация пережила даже его поражения в жалкой кампании в Неаполе и катастрофу под Капуей. Английское влияние и партия войны вывели его из безвестности и вручили ему бразды правления. Амбиции ослепили его, воображение его подвело, а неверный расчет увлек нас к погибели»[27], — справедливо написал известный австрийский генерал граф Нейперг.

В австрийской армии вместо привычного для большинства европейских армий звания генерал-лейтенанта существовало звание фельдмаршал-лейтенанта (FML).

Своими самоуверенными шапкозакидательскими декларациями Макк заслужил себе такой престиж, что он практически превратился в главного руководителя австрийских вооруженных сил. По его требованию в середине августа 1805 г. эрцгерцог Карл был снят с поста военного министра и заменен фельдмаршалом Коллоредо. А сам Макк был назначен на пост фактического командующего австрийской армией в Германии.

Расчеты Макка были более чем оптимистичными. Он считал, что Наполеон сможет появиться на Рейне не более чем с 70 тыс. солдат, так как из 160-тысячной армии, рассуждал Макк, французский император оставит 30—40 тыс. человек в Булонском лагере, 20 тыс. в Париже, а 20 тыс. в госпиталях. Макк также рассчитывал, что баварцы перейдут на сторону союзников и австрийцы получат в Германии еще 12—18 тыс. солдат. Таким образом, по его расчетам, у союзников будет в Южной Германии почти 100 тыс. человек, к которым, по всей видимости, присоединятся и другие немецкие контингента: баденские, гессенские, вюр-тембергские. Поэтому войска под его командованием в начале сентября, не колеблясь, двинулись вперед.

Одновременно в Тироле (южнее Баварии) начали выдвижение войска эрцгерцога Иоанна, около 30 тыс. человек. Для наступления в Италии выделялись огромные силы. Около 100 тыс. человек под командованием эрцгерцога Карла в основной группировке и в южном Тироле 20 тыс. человек под командованием генерала Гиллера.

В это время русские войска еще только начинали свое движение на помощь австрийцам. 25 августа армия Кутузова в количестве 46 405 человек выступила из местечка Радзивиллов (в 80 км к северо-востоку от Лемберга (Львова)). И 22 сентября подошла к городу Тешен, который находится в 600 км по воздушной линии от Центральной Баварии, где развернутся первые драматические события войны 1805 г.

Одновременно на северо-западных границах Российской империи также собирались войска. В районе Брест-Литовска — Волынская армия Буксгевдена (48 тыс. человек), неподалеку — Литовская армия Эссена 1-го (56 тыс. человек), а от Гродно до Таурогена — Северная армия Беннигсена (48 тыс. человек). Корпус Толстого (20 тыс. человек) готовился отправиться из Кронштадта в Северную Германию по морю, а 20-тысячный корпус Тормасова должен был прикрывать развертывание русских сил со стороны Турции. Наконец, примерно 12-тысячный русский отряд готовился к отправке из Корфу в Неаполь.

Таким образом, Россия привела в движение около 230 тыс. солдат и офицеров, австрийцы также почти 230 тыс. Вместе со шведами, англичанами и неаполитанцами силы коалиции, реально выступившие против Наполеона, составили более полумиллиона человек. В то время как французский император мог противопоставить им 180 тыс. в Германии, около 50 тыс. в Северной Италии под командованием маршала Массена и 15 тыс. в Южной Италии под командованием генерала Сен-Сира. Таким образом, в общей сложности у французов было для ведения полевой войны около 245 тыс. человек, если же считать присоединившиеся впоследствии к французам немецкие континген-ты, примерно 270 тыс. человек.

Получается, что у Наполеона было почти что в два раза меньше войск, чем у союзников. Однако, как видно из сказанного, армия коалиции была разбросана на гигантском пространстве Европы. В то время как ее авангарды были уже в Баварии, остальные войска были далеко позади.

20 сентября 1805 г. император Франц прибыл в Мюнхен, а на следующий день приехал в Ландсберг (город в 50 км к западу от Мюнхена). Здесь император встретился с генералом Макком и здесь же состоялся военный совет. Мак-

ку удалось убедить императора продолжить движение войск вперед вплоть дс крепости Ульм и рубежа реки Иллер (приток Дуная, впадающий в него в нескольких километрах выше Ульма). Франц также подтвердил все полномочия «генерал-квартирмейстера» Макка и обязал молодого эрцгерцога подчиняться «советам» старшего товарища. Позднее, 12 октября император подтвердит полномочия Макка письменно. Так что с этого момента он стал не только фактическим, но и формальным главнокомандующим армией.

Несмотря на то что военный опыт молодого эрцгерцога Фердинанда был. мягко говоря, невелик, он многое понял и вынес от встречи в Ландсберге тяжелое впечатление. 23 сентября Фердинанд написал: «В ходе беседы, которая продолжалась более двух часов, я убедился, насколько этот человек *(Макк)* ошибался с военной точки зрения, насколько он мало знал дух своей армии и армии неприятеля. Я убедился, что он не имел ни малейшего понятия, как нужно поддерживать порядок в войсках, считая мелочным и недостойным его особы заниматься подобными вопросами. Короче говоря, я увидел человека, который без всяких оснований был глубоко убежден в превосходстве своих военных талантов и который считал, что он сам по себе стоит стотысячного войска»[28].

То, что произошло дальше, плохо поддается пониманию. Макк с каким-то остервенелым упрямством стал гнать свою армию вперед. «Генералы и большая часть штабных офицеров загоняли почтовых, чтобы присоединиться к своим колоннам, — рассказывает австрийский офицер, — и, в конечном итоге, доскакали до Ульма, чтобы запереться там. Артиллерия тащилась день и ночь, угробив своих жалких лошадей на больших дорогах, а понтоны с трудом продвигали вперед скелеты на копытах Вимауер и К^{0}*»[29]. При этом пехоту, чтобы ускорить движение, посадили на повозки, которые, также увязая в грязи, стремились в город с роковым для австрийцев названием — Ульм.

В результате этих странных усилий в самых последних числах сентября австрийская армия достигла крепости Ульм и реки Иллер. 3 октября 1805 г. она занимала позиции от берегов Боденского озера до Ульма и от Ульма вдоль по Дунаю вплоть до Инголыптадта. В общей сложности едва 80 тыс. человек были разбросаны на фронте протяженностью примерно 160 км, а в глубину растянуты на 40—50 км (расписание австрийских войск см. в приложении).

По прибытии в Страсбург Наполеон получил сведения о перемещениях австрийцев. Конечно, он не знал всех деталей, но для него стало ясно — армия Макка необъяснимо далеко выдвинулась на запад. Теперь его план окончательно созрел. Отныне в задачу Великой Армии входит не просто сокрушение австрийцев, но их полный разгром. Вечером император написал своему министру иностранных дел из Страсбурга: «Неприятель находится у входа в Шварцвальд. Дай Бог, чтобы он там остался. Я боюсь только того, что мы их сильно испугаем».

По распоряжению Наполеона начальник штаба Великой Армии написал маршалу Даву: «Неприятель находится сейчас недалеко от Ульма, где расположен его правый фланг, а левый фланг упирается в Боденское озеро, его передовые войска находятся у входа в Шварцвальд... Его Величество желает перейти Дунай между Донаувертом и Инголынтадтом раньше, чем туда сумеет подойти неприятель, который будет эвакуировать Швабию и Баварию. Задачей является атаковать его во фланг, когда он будет отходить, и как можно быстрее отвоевать Баварию».

Как очень хорошо видно из этого письма, Наполеон прекрасно предсказал действия австрийцев. На основании туманных противоречивых сведений он почти точно определил их место нахождения, ошибаясь лишь немного — он счи-

* Частная компания, поставлявшая лошадей для обозов австрийской армии.

тал, что все силы Макка находятся между Ульмом и Боденским озером, в то время как здесь находился только левый фланг австрийцев. Впрочем, это было совершенно непринципиально.

Император поставил задачу — обойти вражескую армию с севера. Он не сомневался, что австрийцы не будут подобно пням стоять на месте и, едва получив сведения о движении Великой Армии, начнут отступать. Однако благодаря скорости и четкости движения французских войск, Наполеон был уверен, что отходящего врага можно будет атаковать с фланга, а возможно, даже отрезать от пути на Вену и, прижав к Тирольским горам, разгромить. Обратим внимание, что в планы Наполеона не входила задача окружения и пленения армии Макка в Ульме. Императору и в голову не могло прийти, что незадачливый австрийский генерал будет цепляться за этот город. Для Наполеона Ульм — это всего лишь точка на карте, старая ветхая крепость, не имеющая большой самостоятельной ценности.

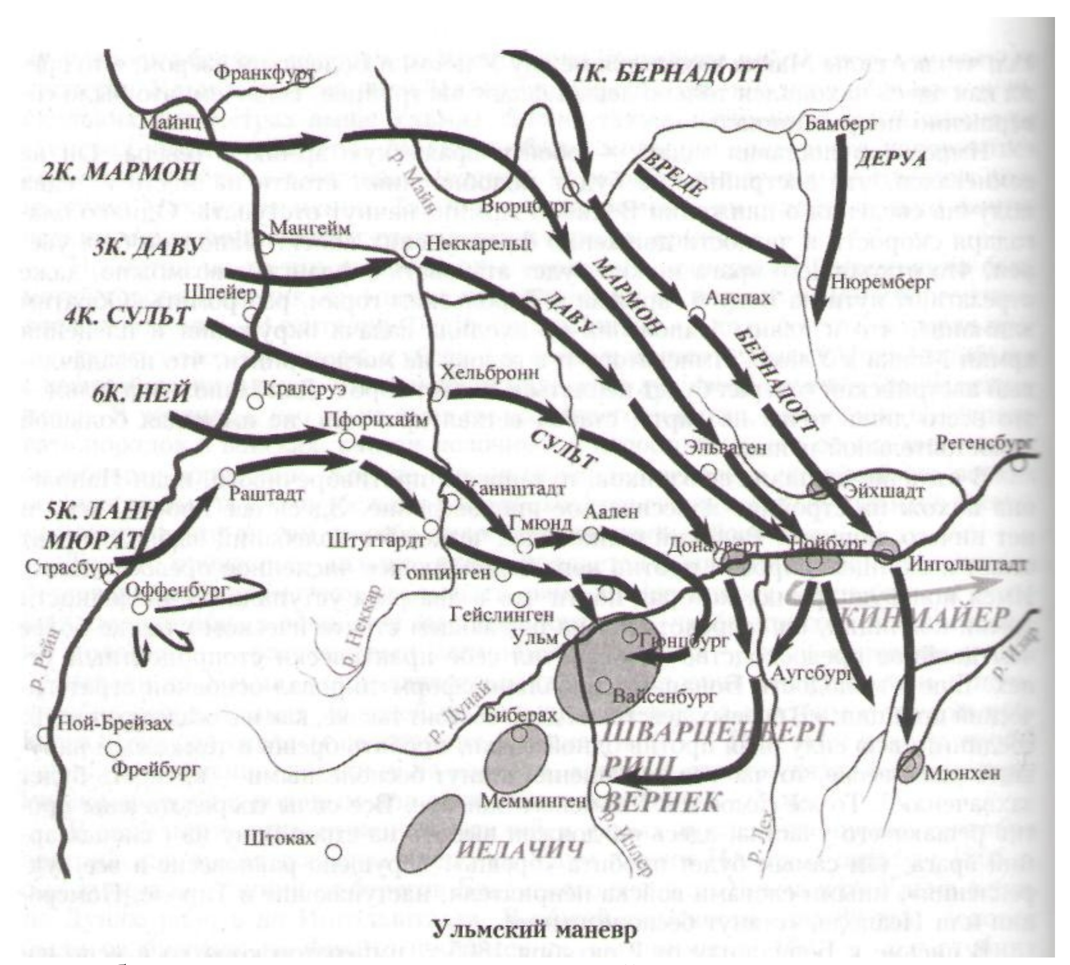
В отличие от плана союзников, путаного и противоречивого, план Наполеона похож на стройное классическое произведение. Здесь все просто, ясно и нет ничего лишнего. Великий полководец четко, без колебаний выбрал объект атаки и сконцентрировал против него подавляющее численное превосходство. Имея полевую армию, которая почти что в два раза уступала по численности армии коалиции, он сосредоточил на решающем стратегическом участке более чем двойное превосходство и обеспечил себе практически стопроцентный успех. Еще в молодости Бонапарт гениально сформулировал основной стратегический принцип: «В боевых действиях дело обстоит так же, как и в осаде крепостей: соединить всю силу огня против одной точки, пробить брешь и тем самым нарушить равновесие, тотчас все укрепления станут бесполезными — крепость будет захвачена»[30]. То же самое и в Ульмском маневре. Все силы сосредоточены против решающего участка, здесь он должен выбить из строя одну из главных армий врага, тем самым будет пробита «брешь», нарушено равновесие и все «укрепления», иными словами войска неприятеля, наступающие в Тироле, Померании или Неаполе, «станут бесполезными».

В письме к Бернадотту от 2 октября 1805 г. император коротко и ясно излагает свой замысел: «Не обращайте внимания на то, что может сделать неприятель в Ганновере или в других местах... Когда мы разделаемся со 100 000 австрийцев, которые сейчас перед нами, у нас будет возможность заняться и другими делами...»[31]

Выполнение решающей части операции началось 25 сентября 1805 г. В 3 часа утра по мосту из Страсбурга в Кель загрохотали копыта сотен коней. Это были 9-й и 10-й гусарские полки бригады Трейара, за ними двинулись стройные ряды гренадерской дивизии Удино. Уже на следующий день, прибыв в Страсбург, император, стоя под проливным дождем, наблюдал за переправой своих войск через Рейн.

Почти одновременно на 160-км фронте Рейн форсировали и другие соединения Великой Армии. Маршал Даву во главе 3-го корпуса переправился через Рейн у Мангейма 26 сентября, маршал Сульт во главе 4-го корпуса в тот же день перешел реку у Шпейера, а Ней с 6-м корпусом переправился 27 сентября у Максау. Еще ранее (22 сентября) генерал Мармон со 2-м корпусом пересек Рейн у Майнца. Маршалу Бернадотту не надо было переходить Рейн, так как он шел из Ганновера. 26 сентября его войска подходили к Вюрцбургу. Общая протяженность фронта, на котором были развернуты французские корпуса, составляла примерно 200 км.

Для того чтобы еще больше ввести Макка в заблуждение, Наполеон поставил задачу небольшой части резервной кавалерии двинуться напрямую из Страсбурга на Ульм. Это движение конных масс по дорогам Шварцвальда должно

Ульмский маневр

было еще более приковать внимание австрийцев к западному направлению. Под прикрытием конной завесы главные силы армии должны были совершить гигантский обходной маневр.

С этого момента больше не могло быть речи о таком же спокойном марше, как при движении по территории Франции. Полки шли сомкнутыми рядами. между дивизиями была оставлена только небольшая дистанция.

30 сентября на марше по территории Германии солдатам зачитали воззвание императора: «Солдаты! Война с Третьей коалицией началась. Австрийская армия перешла Инн, растоптала договоры, напала на нашего союзника и вторглась в его столицу...

Солдаты, ваш Император среди вас. Вы — авангард великого народа, и. если надо, он поднимется по моему призыву, чтобы разгромить новую лигу, сотканную из ненависти и золота Англии.

Солдаты, нам предстоят форсированные марши, усталость и лишения. Но какие бы препятствия ни встали на пути, мы преодолеем их и не остановимся до тех пор, пока не водрузим наших орлов на земле врага»[32].

В первые же дни вступления на территорию Германии Наполеону нужно было срочно решить ряд политических вопросов. Эти вопросы были непростые, но, имея такой аргумент, как 165-тысячная армия, можно было надеяться на быстрый успех переговоров. Прибытие корпуса Бернадотта в Вюрцбург, куда

убежал из своей столицы баварский электор, устранило все сомнения Максимилиана Иосифа. 28 сентября в Вюрцбурге был подписан союзный договор между Францией и Баварией, согласно которому баварцы должны были выставить 20-тысячный контингент для войны с Австрией. Первого октября, покинув Страсбург в 3 часа дня, Наполеон был принят вечером баденским электором в своей резиденции. И в тот же день Карл Фридрих Баденский подписал союзный договор с Наполеоном, согласно которому Баден должен был выставить трехтысячный контингент.

Немного сложнее дело обстояло с Вюртембергом. Вюртембергский электор отказался пропустить французские войска через город Людвигсбург, где находилась его резиденция, и закрыл перед французами ворота Штутгарта — своей столицы. Наполеон послал для переговоров своего адъютанта генерала Мутона. «Ваша миссия будет непростой, — сказал император, давая инструкции Мутону. — Электор Вас встретит гневными криками, что редко встречается — он сочетает в себе вспыльчивость и непреклонность. Так что он наделает много шума». «Не больше, наверное, чем пушка, а я к этому привык»[33], — невозмутимо ответил храбрый Мутон.

Все случилось так, как предсказывал император. Карл Фридрих излил на посланца Наполеона весь свой гнев. Но Мутон, ничуть не смутившись, ответил, что «он приехал не для того, чтобы слушать оскорбления и не для того, чтобы на них отвечать, а для того, чтобы вести переговоры, а непродуманные слова для него безразличны и бесполезны, потому что в любом случае он не сообщит их императору, и что лучше послушать предложение, тем более что маршал Ней с 30-тысячным корпусом находится у ворот его столицы». Спокойствие адъютанта Наполеона обезоружило вюртембергского электора, и тогда от угроз он перешел к условиям. Его главным желанием было увеличить свои владения и получить королевский титул. «Ну что ж, я ничего лучшего не желаю. Пусть он будет королем, если ему так хочется»[34], — ответил Наполеон, узнав о требованиях Карла Фридриха. Поздно вечером 2 октября император прибыл в Людвигсбург, и 5 октября был подписан «Вечный союз» между Францией и Вюртембергом. Согласно условиям этого соглашения вюртембергский электор должен был выставить 7 тысяч солдат для войны с Австрией.

Единственной неприятностью был отказ ландграфа Гессен-Дармштадтского выставить четырехтысячный контингент для содействия Великой Армии. Гессенские власти дали разрешение на проход французских войск в течение 35 дней, однако союз не заключили.

Впрочем, это уже мало что меняло: всего лишь за несколько дней было подписано три важных договора, которые давали Наполеону дополнительный 30-тысячный воинский контингент. Конечно, не следует переоценивать значимость этих войск. По качеству они значительно уступали французским, да и задействованы могли быть только спустя некоторое время. Так что при расчете сил, которыми обладал французский император во время Ульмского маневра, немецких союзников можно не учитывать. Тем не менее союзные договоры с Баварией, Баденом и Вюртембергом имели важное стратегическое и геополитическое значение. С одной стороны, они обеспечивали тылы Великой Армии, ее коммуникационную линию, с другой — окончательно вовлекали в орбиту французского влияния юго-западную Германию.

Отныне марш французских войск по территории западных германских земель не встречал никаких препятствий. Великая Армия, словно стрелка гигантских башенных часов, делала захождение всем фронтом левым крылом вперед. Каждый день из штаба разлетались во все стороны десятки приказов и сообщений всем корпусам, находившимся на марше. Император заботился о том, чтобы его маршалы не только получали четкие и ясные распоряжения, но и были информирова-

ны о том, что происходит поблизости от них. Корпуса должны были, подобно солдатам в строю, ощущать слева и справа локоть своих боевых товарищей.

В распоряжениях императора, данных в эти дни, обращает на себя внимание удивительное сочетание решительности и смелости с редкой предусмотрительностью. Например, в приказе от 2 октября Бернадотту говорилось следующее: «Если неприятель перейдет Дунай, чтобы двинуться на Вас, Вы его атакуете, поддерживая связь с командующим корпусом Даву, и в этом случае вся армия поддержит Вас своим движением»[35]. А на следующий день император писал Даву: «Возможно, что неприятель произведет какие-либо маневры. Он может двинуть- | ся на один из наших корпусов... Если неприятель перешел Дунай и занял Норд-линген, займите оборонительную позицию и вступите в контакт с маршалом Сультом... С помощью этого Ваши корпуса будут действовать совместно, а Ваша тяжелая кавалерия Вам пригодится на прекрасной равнине у Нордлингена»[36].

Таким образом, несмотря на значительное численное, моральное и техническое превосходство своих войск, Наполеон не исключает возможности контратаки неприятеля. Практически всегда он смотрит на вражеского полководца так. как если бы он был человеком, близким ему по стилю командования. Поэтому с учетом широкого фронта, на котором двигались французские войска, император вполне допускал, что противник может перейти во внезапное контрнаступление на одном из участков. Разумеется, подобная вероятность была невелика, и вокруг этой опасности не создавалось ненужной паники. Тем не менее активные действия австрийцев полагались возможными и к ним были готовы.

В этот день, 2 октября 1805 г., Великая Армия была развернута от Штутгарта до Вюрцбурга на фронте, протяженностью приблизительно 120 км. При этом корпуса сконцентрировались в три большие группировки: на левом фланге Бернадотт и Мармон, в центре Даву и Сульт, на правом фланге Ланн, Ней. резервная кавалерия и гвардия.

В этот момент войска левофланговой группировки находились уже в нескольких километрах от прусского анклава Анспах, простиравшегося на 85 км с запада на восток и на 65 км с севера на юг. Прусская территория находилась прямо на пути 1-го и 2-го корпусов Великой Армии. Конечно, было возможно обойти прусские земли справа или слева, но при этом произошла бы значительная за-.' держка на марше. Дороги, особенно с запада от Анспаха, были буквально забиты войсками и обозами. Кроме того, обход пришлось бы совершать по проселкам. В результате корпуса Мармона и Бернадотта могли отстать от главных сил на несколько дней марша. Наполеон, конечно, помнил информацию, сообщенную ему Дюроком. Но «дипломатические» успехи поселили надежду, что с Пруссией можно будет решить вопрос так же, как с Баденом и Вюртембергом. Император видел, что Пруссия колеблется, но он считал, что под давлением обстоятельств пруссаки примут сторону Франции. Поэтому, не смущаясь, он отдал приказ войскам Бернадотта и Мармона идти напрямик и пересечь прусскую территорию, соблюдая строгий порядок и дисциплину.

3 октября войска Бернадотта были на границе Анспаха. В голове колонны 1-го корпуса шла дивизия Друэ. «Подойдя к границе княжества Анспах, — рассказывает Друэ, — я увидел два эскадрона прусских гусар, которые хотели не дать пройти моей дивизии, сообщив мне постановление прусского короля. Я пытался объяснить их командиру, что генерал Дюрок был послан в Берлин императором, чтобы устранить все проблемы. Прусский офицер не желал ничего слушать, повторяя о своих инструкциях. Напрасно я говорил ему, что я получил приказ следовать этой дорогой и что я не могу изменить направление — офицер продолжал настаивать на своем. Нужно было что-то

делать. И я сказал твердым тоном: «У вас два эскадрона, а у меня десять тысяч солдат, так что ваше сопротивление будет бесполезным». Прусский офицер заявил, что он протестует... Я ответил ему, что он может делать все, что пожелает, и приказал дивизии двинуться вперед»[37].

Прусские гусары не посмели вступить в бой с многочисленной колонной и пропустили ее, следуя по пятам за французами. Тем не менее ситуация оставалась напряженной в течение всего марша французов по территории Анспаха. «Мое движение по прусской территории вызвало тысячи осложнений, — докладывал Бернадотт начальнику генерального штаба. — Сегодня на подходе к городу Анспах ко мне прибыл генерал-комендант этой провинции со всем своим штабом... Он объявил мне, что получил от короля... самый строгий приказ не давать прохода никаким иностранным войскам. Только после долгого разговора и многочисленных выражений дружбы с моей стороны генерал согласился разрешить нам продолжить наше движение... Я делаю все, что зависит от меня, чтобы сделать проход наших войск как можно менее накладным для провинции. Я располагаю войска на бивак на полях, где собран урожай, я плачу золотом за все, что нам поставляют, наконец, я не пренебрегаю ничем — деньгами, лестью и дружественными заверениями, чтобы как можно менее настроить против нас подданных Его Величества прусского короля. Кажется, я в этом неплохо преуспел, и я не получил ни одной жалобы на войска»[38].

Чтобы как можно меньше сердить пруссаков, Бернадотт постарался сделать так, чтобы его корпус быстро пересек нейтральную территорию, а саму «столицу» анклава — город Анспах — он приказал обойти стороной. Несмотря на все предосторожности, этот, казалось бы, малозначимый инцидент сыграл гигантскую роль в европейской политике. Последствия его оказались совершенно не такими, как представлял себе французский император. За несколько сэкономленных дней марша была заплачена чудовищно дорогая цена (см. главу 9).

Вечером 6 октября Великая Армия вышла к берегам Дуная позади правого фланга основных сил австрийцев. Предначертания императора были точно выполнены. Фронт 165-тысячной армии сократился до 90 км. Ее главные силы были в 20 км от реки, а авангарды уже поили лошадей в Дунае. Грандиозный стратегический охват удался.

«Маленький капрал, кажется, избрал новый способ ведения войны, — шутили солдаты, — он воюет нашими ногами, а не штыками».

В этот день на Нордлингеской равнине драгуны Клейна скрестили свои клинки с передовыми постами австрийских гусар и отбросили их к Дунаю.

Пришло время и для штыков...

1 Correspondance de Napoleon I[er], t. 11, p. 78.

2 Ibid., p. 79.

3 Ibid., p. 81-82.

4 Alombert P.-C, Colin J., Op. cit., t. 1, partie 2, p. 3-38.

5 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 1.

6 Marmont A.-F.-L., due de Raguse. Memoires de 1792 a 1841 imprimes sur le manuscript original de Гauteur avec plans. Paris, 1856—1857, t. 2, p. 129.

7 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 1, p. 327.

8 Ibid., p. 328.

9 Marmont A.-F.-L., due de Raguse. Op. cit., t. 2, p. 140-141.

10 Saint-Chamans A.-A.-R. Memoires du general comte de Saint-Chamans, ancien aide de camp du marechal Soult (1802-1823). Paris, 1896, p. 18.

11 Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 1, p. 170-172.
12 Ibid., p. 177, 196.
13 Brack F. de. Avant-postes de cavalerie legere. Paris, s.d., p. 188. 14 Souvenirs d'un sous-lieutenant *{Maignal B.H.)* // Histoire d'un regiment. La 32e demi-brigade (1775-1890), p. 189-190.
15 D'Heralde J.-B. Memoires d'un chirurgien de la Grand Armee. Paris, 2002, p. 97—98.
16 Gervais. A la conquete de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de l'Empire. Paris, 2002, p. 146.
17 Foy M.-S. Histoire de la guerre de la Peninsule. Bruxelles, 1827, t. 1, p. 91-92.
18 Цит. по : Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 1, p. 351.
19 Ney M. Memoires du marechal Ney, due d'Elchingen, prince de la Moskowa. Bruxelles,1833, t. 2, p. 386.
20 S. H. D. Grande Armee, 1805. 2. C 1.
21 Ibid.
22 Ibid.
23 Ibid.
24 Ibid.
25 Archives Nationales. AF IV 74—75.
26 Ibid.
27 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 118-119.
28 Ibid., p. 136-137.
29 Relation de la prise d'Ulm, par M. D..., capitaine d'etat-major au service d'Autriche. Journal des sciences militaires des armees de terre et de mer, 1827, t. 8.
30 Цит. по: Napoleon Bonaparte, l'ceuvre et l'histoire. Sous la direction de Jean Massin. Paris, 1969, t. 4, p. 148.
31 Correspondance... t. 11, p. 275.
32 Correspondance... t. 11, p. 263—264.
33 Segur. Un Aide de Camp de Napoleon. Memoires du general comte de Segur. Paris, 1894, p. 165.
34 Ibid., p. 166.
35 Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 2, p. 51.
36 Correspondance... t. 11, p. 281.
37 Drouet d'Erlon J.-B. Vie militaire ecrite par lui-meme. Paris, 1844, p. 24.
38 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 2, p. 824.

ГЛАВА 8
УЛЬМ

На войне самое плохое решение, какое можно принять, — это не принимать никакого решения.

Де Брак. Аванпосты легкой кавалерии.

Несмотря на ненастную погоду, Великая Армия почти на всем фронте своего развертывания вышла 7 октября к Дунаю. 4-й корпус Сульта и драгуны генерала Вальтера, как и было предписано диспозицией, вступили в Донауверт. Здесь был большой мост через реку. Накануне отступающие австрийские пехотинцы полка Коллоредо сожгли его, и поэтому французам необходимо было как можно быстрее восстановить переправу. Император лично прибыл на место событий...

Около часа дня пошел холодный дождь. Проклиная все на свете, генералы и офицеры свиты императора кутались в мокрые плащи. Наполеон, не обращая внимания на непогоду, молча наблюдал за работой саперов, лишь изредка отсылая адъютантов с приказами.

За несколько часов до этого один батальон 24-го легкого полка с двумя эскадронами конных егерей нашел в двух лье* выше по течению у Мюнстера небольшой мост и, перейдя по нему Дунай, подошел к остаткам донаувертской переправы с южного берега. За этим отрядом последовали драгуны 2-й дивизии генерала Вальтера, прибывшие сюда же к десяти часам утра. Австрийцев напротив Донауверта уже не было: узнав о приближении крупных сил французской армии, они поспешно ретировались.

Не дожидаясь завершения работ по восстановлению большого моста, Мюрат переправился через Дунай на лодке и отправил по дорогам на Аугсбург и Райн кавалерийские разъезды. К вечеру пехота и артиллерия двинулись по отремонтированному мосту. А ночью с правого берега в штаб, где, не покладая рук, работал Бертье, поступили первые сведения от аванпостов, столкнувшихся с вражеской кавалерией.

Ситуация выглядела следующим образом: Великая Армия мощным клином врезалась в расположение правого фланга австрийской армии. Отряд Кинмай-ера, защищавший Донаувертский мост, не принял боя и ушел в восточном направлении. Оставался вопрос: что будет делать основная часть неприятельских войск, расположенная западнее французского клина? Наполеон был почти уверен, как уже отмечалось, что австрийский генерал сконцентрирует войска и двинется на прорыв в восточном направлении.

В шесть утра 8 октября по поручению императора Бертье написал маршалу Нею: «Вероятно, переход через Лех и занятие Аугсбурга, которое произойдет сегодня, отрезвит неприятеля... Невозможно, чтобы противник, узнав о переходе Дуная и Леха, а также о страхе и беспокойстве, которые охватили его войска на Лехе, не решил отступать»[1].

Наполеон почти исключал отступление австрийцев по левому берегу Дуная в северо-восточном направлении. «Его Величество не думает, что неприятель бу-

* Лье — старая французская мера расстояний, приблизительно 4 км.

дет столь безумен, чтобы перейти на левый берег Дуная»[2], — всего лишь через несколько часов заявил начальник штаба в очередном письме маршалу Нею.

Интересно, что австрийский главнокомандующий, получивший 7 октября сведения о переходе французами Дуная, не осознал опасность, нависшую над его армией. При этом, как ни странно, Макк понял, что французы обходят его с тыла. В этот день австрийский генерал написал: «Кажется, сейчас ясно, что неприятель возобновляет свой маневр Маренго, то есть он пытается отрезать нас от наследственных владений...».

Все дело в том, что Макк, ясно представляя себе задачу противника и направление его движения, не отдавал себе отчета в соотношении сил. Австрийскому главнокомандующему казалось, что он имеет дело с почти что равной армией, численностью около 70 тыс. человек. Не понимал он и особенностей своего противника, не замечал морального превосходства французов.

В результате Макк задумал повторить маневр, который в 1800 г. сделал австрийский генерал Край против войск Моро — держа крепость Ульм, стоящую «верхом» на Дунае, угрожать французам на левом или на правом берегу в зависимости от обстановки. Макк считал, что если армия Наполеона вся переправится на правый берег, австрийским войскам «достаточно будет маневрировать по левому берегу, спускаясь вниз по реке, чтобы если не разбить врага, то сделать его судьбу ужасающей».

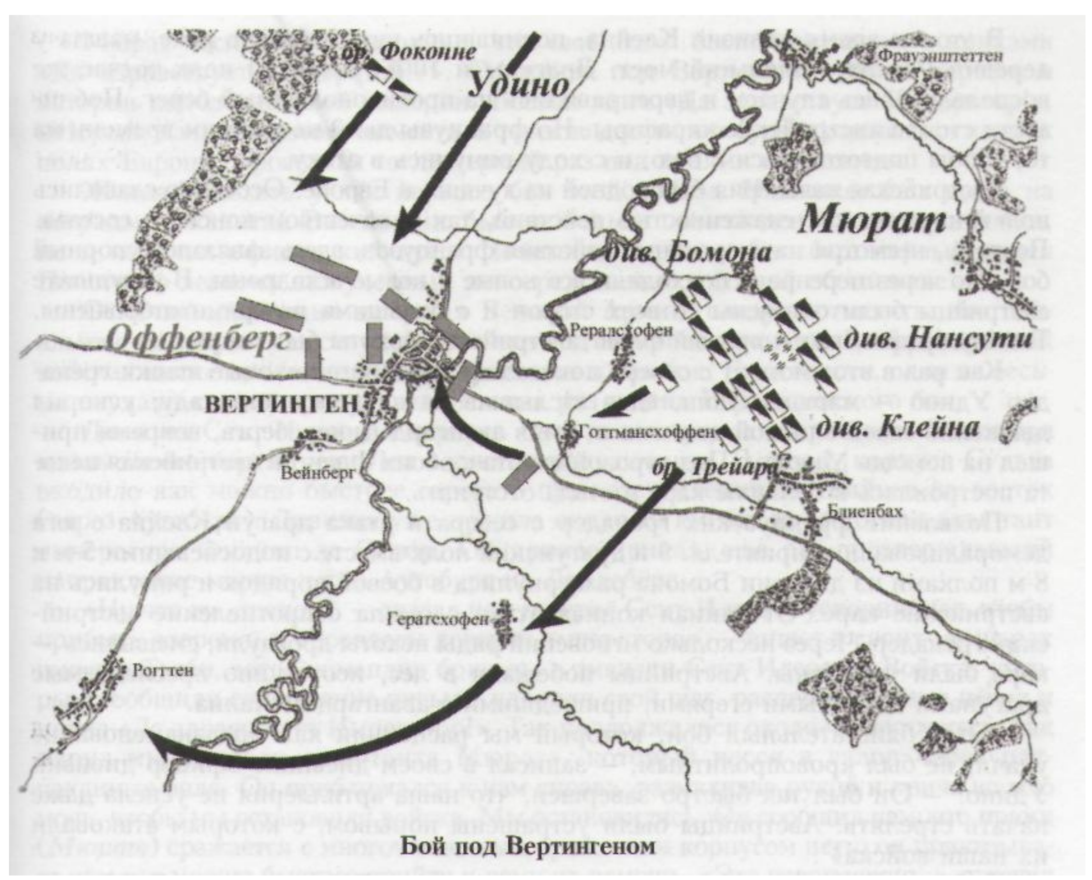
Все, что произойдет дальше, великолепно подтверждает тезис, согласно которому на войне нет абсолютных рецептов. То, что хорошо в одном случае, в другом приводит к катастрофе. Алгоритм действий Макка действительно был бы оправдан против 70-тысячной армии с невысоким моральным духом и под командованием осторожного генерала. Однако против двукратно превосходящих сил Великой Армии под командованием самого Наполеона план австрийского полководца вел к катастрофе.

Но даже в осуществлении своей сомнительной схемы действий Макк был непоследователен. Вместо концентрации войск вокруг Ульма он начал с распыления сил, выделив несколько полков, чтобы «раздавить», как он выразился, авангарды французов, переправившиеся на южный берег Дуная. Для выполнения этой амбициозной задачи в сторону Донауверта был послан генерал Ауф-фенберг с отрядом в 4800 человек.

Пока маленькая дивизия Ауффенберга, не торопясь, шла в западном направлении, французские войска с утра 8 октября уже наводнили правый берег Дуная. Мюрат перевел на южный берег реки почти все свои дивизии. Корпус Сульта форсировал водную преграду на глазах императора в Донауверте, корпус Ланна переправлялся через Дунай у Мюнстера, Даву — у Нойбурга, за корпусом Даву продвигались Мармон и Бернадотт.

Выполняя приказ императора, Сульт двинулся на Аугсбург. Перед ним шла драгунская дивизия Вальтера. Мюрат с 1-й драгунской дивизией Клейна, 3-й Бомона, кирасирами Нансути и гусарами из дивизии Трейяра устремился на Цузмархаузен.

Генерал Ауффенберг в это время, не спеша, достиг городка Вертинген, лежащего на пути в Донауверт. Австрийские разъезды, как ни странно, не обнаружили приближающиеся с северо-востока конные массы Мюрата, зато генералу донесли, что с севера замечена неприятельская пехота. Это были гренадеры Удино, шедшие в голове корпуса Ланна. Ауффенберг выслал против них небольшой авангард под командой генерала Динерсберга и, расположив свои войска на случай атаки, как говорят, преспокойно собирался обедать, тем более что время было вполне обеденное — около двух часов дня.

Бой под Вертингеном

Как раз в этот момент с востока к городу подошла конница Мюрата. Не теряя ни мгновения, легендарный командир резервной кавалерии отдал приказ атаковать. Пока драгунские дивизии разворачивались в боевые порядки на равнине перед Вертингеном, 60 драгун из дивизии Клейна, ведомые отважным адъютантом Мюрата Экзельмансом, подскакали к деревушке Готтмансхофен, спешились в мгновение ока и атаковали передовые посты австрийцев. В считанные минуты неприятель был выбит из деревни.

Основная масса австрийцев была отделена от Мюрата речкой Цузам, текущей с севера на юг, поэтому, чтобы атаковать их, необходимо было овладеть городком Вертинген и находившимся в нем мостом. Эта задача была поручена дивизии Бомона.

9-й драгунский полк под командованием полковника Мопети галопом ворвался в предместье, взял мост и оказался в самом городке, рубя направо и налево растерявшихся от внезапной атаки австрийцев. Однако после первого шока австрийская пехота пришла в себя, и скоро из всех окон и дверей загрохотали ружейные выстрелы. Драгуны смешались под свинцовым ливнем.

Тогда решительный командир, не потеряв самообладания, отдал приказ спешить половину полка. Драгуны соскочили с коней и накинулись на врага, но уже не с саблями, а пустив в дело штыки и приклады. Через несколько минут дорога для всадников была проложена.

Пока спешенные кавалеристы успешно громили пехоту на улицах Вертин-гена, вторая половина полка в конном строю обскакала город слева, с ходу развернулась и тотчас атаковала отступающих австрийцев...

В это же время дивизия Клейна, поднявшись чуть выше по реке, нашла у деревни Рогттен маленький мост. Драгуны и 10-й гусарский полк тотчас же воспользовались случаем и переправились на противоположный берег. Поблизости стояли австрийские кирасиры. Но французы даже не дали им времени на то, чтобы подготовиться к бою, и с ходу ринулись в атаку.

Австрийская кавалерия была одной из лучших в Европе. Особенно славились полки кирасир как слаженностью действий, так и качеством конского состава. Поэтому, несмотря на энергичные действия французов, здесь завязался упорный бой. Но через переправу подходили все новые и новые эскадроны. В результате австрийцы были охвачены со всех сторон и с большими потерями отброшены. Таким образом, тыл и правый фланг австрийской пехоты был открыт.

Как раз в этот момент с севера показались на дороге меховые шапки гренадер Удино — маршал Ланн, едва заслышав начавшуюся канонаду, ускорил движение своей элитной дивизии и, смяв авангард Динерсберга, вовремя пришел на помощь Мюрату. Под угрозой охвата с обоих флангов австрийская пехота построилась в большие каре и стала отступать.

Появление французских гренадер с севера и атака драгун Клейна с юга деморализовали неприятеля. 9-й драгунский полк вместе с подоспевшими 5-м и 8-м полками из дивизии Бомона развернулись в боевой порядок и ринулись на австрийские каре. Отчаянная конная атака сломила сопротивление австрийских гренадер. Через несколько мгновений ряды пехоты дрогнули, смешались — каре были прорваны. Австрийцы побежали в лес, неотступно преследуемые драгунами и конными егерями, пришедшими с авангардом Ланна.

«Этот блистательный бой, который мы расценили как предзнаменование удачи, не был кровопролитным, — записал в своем дневнике офицер дивизии Удино. — Он был так быстро завершен, что наша артиллерия не успела даже начать стрелять. Австрийцы были устрашены порывом, с которым атаковали их наши войска»[3].

Отряд Ауффенберга был полностью разгромлен. Согласно австрийским данным*, части Ауффенберга потеряли 101 человека убитыми, 233 ранеными, 1 469 пленными (всего 1 803 человека), а также 3 знамени и 6 орудий. Сам генерал Ауффенберг попал в плен. Вполне доверяя австрийским документам, нужно, однако, заметить, что потери пленными были несколько большими. Кроме того, видимо, не было учтено и некоторое количество разбежавшихся и дезертировавших после боя, потому что на следующий день в отряде оставалось не более 1 600 человек (из 4 800). Вероятно, цифра, которую приводит в своем рапорте Мюрат — 2 200 пленных — не слишком далека от истины. Потери победителя были относительно невелики: около 140 убитых и раненых и... 2 пленных.

Скоротечность боя и значительная разница в потерях говорят о том, что бравурный рапорт командующего французской кавалерией императору, написанный вечером на месте боя, был близок к истине: «Ваша кавалерия, Сир, покрыла себя славой; трудно описать энтузиазм, с которым она атаковала, а также энтузиазм храбрых гренадер *{Удино)*. Все атаки были совершены с криками «Да здравствует Император!». Полковники Арриги и Мопети были ранены, ведя в атаку свои полки, первый на неприятельских кирасир, второй — на пехоту... Мой адъютант г-н Экзельманс, который будет иметь честь вручить Вам это письмо, вел себя в бою самым достойнейшим образом. Он был всегда на острие атаки... под ним было убито две лошади»[4].

* Не вызывает сомнения, что потери какой-либо стороны можно прежде всего оценивать по данным этой стороны, лишь изредка корректируя их по неприятельским источникам.

Мюрат неспроста подчеркнул, что «все атаки были совершены с криками «Да здравствует Император!»». Сражение под Вертингеном было первым в истории наполеоновской империи. Боевой клич «Да здравствует Император!», который, начиная с этого момента, в течение десяти лет будет раздаваться на всех полях Европы, прозвучал тогда первый раз под пулями неприятеля.

Желая отметить успех первого боя этой войны, Наполеон был щедр на награды, и капитан Экзельманс был не только произведен в следующий чин, но и получил офицерский крест Почетного легиона. Это был первый орден Почетного легиона, полученный непосредственно в боевой обстановке*.

Отмечая слаженные действия Великой Армии, следует отметить, что идеальные маневры существуют разве что под пером теоретиков. Во французских войсках также не обходилось без просчетов и ошибок. В частности, один из весьма неудачных маневров произошел как раз в день Вертингенского боя.

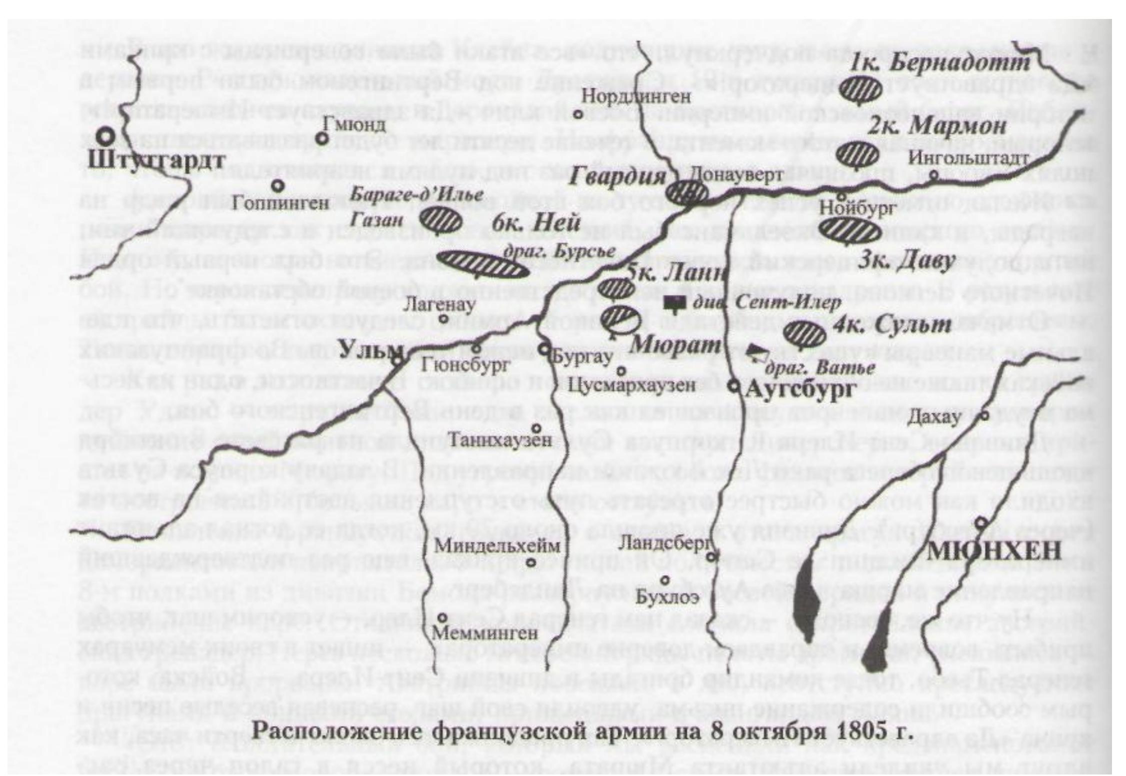
Дивизия Сент-Илера из корпуса Сульта выступила на рассвете 8 октября вдоль левого берега реки Лех в южном направлении. В задачу корпуса Сульта входило как можно быстрее отрезать путь отступления австрийцев на восток (через Аугсбург). Дивизия уже прошла около 20 км, когда ее догнал адъютант императора Филипп де Сегюр. Он принес приказ, еще раз подтверждавший направление марша через Аугсбург на Ландсберг.

«Ну что же, господа, — сказал нам генерал Сент-Илер, — ускорим шаг, чтобы прибыть вовремя, и оправдаем доверие императора», — пишет в своих мемуарах генерал Тьебо, тогда командир бригады в дивизии Сент-Илера. — Войска, которым сообщили содержание письма, удвоили свой шаг, распевая веселые песни и крича «Да здравствует Император!». Так продолжалось около четверти часа, как вдруг мы увидели адъютанта Мюрата, который несся в галоп через распаханные поля. Он приближался к нам справа, размахивая рукой и крича во всю мочь, чтобы мы остановили войска. Мы остановились. Он сообщил нам, что принц *{Мюрат)* сражается с многочисленным вражеским корпусом и что он приказывает нам как можно быстрее прийти к нему на помощь. «Это невозможно, — ответил Сент-Илер. — Видите, вот приказы императора...» — «А что Вы будете делать, если принца разгромят, если Макк прорвется?» Эти доводы, уже сами по себе сильные, были подкреплены гулом канонады, который раздался со стороны...».

Свидетель и один из главных участников этой сцены Сегюр написал: «Генерал Сент-Илер, мужественный и благородный человек, тотчас решился. «Вы слышите, — сказал мне он, — пушки зовут нас. И каков бы ни был приказ, нужно откликнуться на их зов». И в тот же момент он отдал приказ колоннам повернуть направо на Вертинген. Но как бывает в подобных случаях, едва его войска сделали сотню шагов в этом направлении, как ответственность за невыполнение приказа стала его одолевать. Он спросил меня, что я думаю. Честно говоря, я сам не знал, что сказать, и на всякий случай, считая, что так я лучше выполню свое поручение, я начал настаивать на важности приказа императора. Сомнения еще больше обуревали генерала».

Язвительный Тьебо, любивший в своих мемуарах уколоть бывших начальников, с иронией говорит: «...Сент-Илер... собрал нас снова и объяснил, что мы нарушаем письменный приказ императора и что из-за этого, возможно, будет сорван какой-нибудь блистательный маневр... «Так что, господа, надо двигаться на Ландсберг... Головы колонн налево!» Так после трех четвертей часа, потерянных напрасно... мы снова пошли по распаханному полю в том направлении,

Почти что все предыдущие награжденные получили орден за боевые подвиги, но совершенные в войнах эпохи революции. Сам же орден, как известно, был учрежден в 1802 г., а первая раздача крестов Почетного легиона состоялась в 1804 г.

Расположение французской армии на 8 октября 1805 г.

в котором мы когда-то шли по хорошей дороге... В этот момент пушки Мюрата вдруг снова загремели, на этот раз, как казалось, совсем близко. Мы слышали даже треск ружейных выстрелов... Отовсюду поднялся недовольный ропот, а несчастный Сент-Илер сам терзался сомнениями... «Мой генерал, — сказал Мо-ран, — держу пари, что враг, который был у Ландсберга, присоединился к войскам, с которыми сражается принц»».

«Бог мой, — сказал он *{Сент-Илер),* — какая ситуация. Пушки приближаются, а мы уходим в сторону! Император, наверное, ничего не знал, когда Вы уезжали из Донауверта», — на этот раз рассказывает Сегюр. — Я вынужден был согласиться. «Ведь это его шурин, а я покидаю его, когда он меня зовет, — продолжил СентИлер. — Его, может быть, сейчас разобьют! Нет-нет, это невозможно!» И совершенно растерявшийся генерал опять скомандовал: «Головы колонн направо!».

Как можно легко догадаться из описания сражения при Вертингене, все кончилось гораздо раньше, чем туда пришел Сент-Илер. Появление его дивизии через несколько часов после боя было встречено без особого энтузиазма Мюратом и его кавалеристами. Принц холодно побеседовал с командующим 1-й дивизии 4-го корпуса, а несчастные пехотинцы должны были впотьмах искать место для бивака в эту холодную сырую ночь.

Пока войска Мюрата, Удино и Сент-Илера искали себе пропитание и устраивались на ночлег вокруг Вертингена, в штаб императора в Донауверте один за другим врывались забрызганные грязью с головы до ног адъютанты. Все они сообщали об успешном продвижении корпусов в заданных направлениях, об успехах в авангардных стычках.

Конечно же, адъютанты Мюрата не преминули в ярких красках изложить обстоятельства победы под Вертингеном. Из их донесений явствовало также, что австрийцы ничего не предпринимают на левом (северном) берегу против корпуса

Нея, замедлившего свой марш на подходе к Ульму. С другой стороны, очевидны были усиленные передвижения неприятеля на правом (южном) берегу.

Для императора все более очевидной становилась справедливость его предположения о том, что Макк будет прорываться напрямую через Аугсбург, оставив Ульм. Следовательно, необходимо было собрать как можно быстрее все силы вокруг Аугсбурга и перекрыть австрийцам дорогу на восток.

Эту задачу должны были выполнить 4-й корпус Сульта, 5-й корпус Ланна, гвардия и резервная кавалерия Мюрата. На помощь этим массам войск должен был направиться и 2-й корпус Мармона. Даву и Бернадотту Наполеон отвел роль заслона против возможного появления русской армии с востока.

С другой стороны, раз уж все австрийцы оказались на южном берегу Дуная, неразумно было оставлять без дела на северном берегу более чем 20-тысячный корпус Нея. Тем более что вместе с Неем шла дивизия спешившихся драгун Барагэ д'Илье и дивизия Газана. Император решает направить эту группировку во «фланг и тыл» неприятелю. Речь шла, конечно, не о реальном фланге и тыле, а о тех позициях, где, по мысли Наполеона, должен был находиться фланг и тыл австрийской армии в ее гипотетическом движении на Аугсбург.

Для того чтобы Ней смог нанести этот удар, ему нужно было овладеть переправами через Дунай неподалеку от Ульма. В полночь Бертье составляет распоряжение Нею: «...одним словом, господин маршал, вы должны наблюдать за корпусом, находящимся в Ульме... Если он будет двигаться на Аугсбург, вы должны следовать за ним, держась на его левом фланге...»[5]

Наиболее удачными местами с точки зрения нанесения флангового удара и форсирования Дуная 6-м корпусом император и маршал Ней считали переправы у Гюнцбурга. Здесь находилось 4 моста, впрочем, о существовании одного из них не было известно во французском штабе...

В то время, когда корпуса Великой Армии концентрировались для боя с решительным и целеустремленным неприятелем, Макк никак не мог остановиться на каком-либо окончательном решении. В день боя при Вертингене — 8 октября — он собирался было двинуться на Аугсбург, но, узнав о поражении Ауффенберга и о появлении крупных сил французов на правом берегу, отказался от этого проекта и вернулся к идее движения по левому берегу.

Рассказывая об этих движениях, историки обычно называют их «отступлением на Аугсбург», «отступлением по левому берегу» и т.д. Курьезность ситуации заключается в том, что в уме Макка эти возможные движения были не отступлением, а стратегическими маневрами, контрударами с целью если не полного разгрома французской армии, то, по крайней мере, достижения австрийцами ощутимого успеха.

К утру 9 октября генерал Макк снова принял решение маневрировать по левому берегу Дуная. С этой целью он приказал сосредоточить свои рассеянные на большом пространстве корпуса к Гюнцбургу, восстановить ранее разрушенные мосты, а сам со своим штабом расположился в вышеназванном городе.

В своем оправдательном сочинении, составленном год спустя, Макк напишет следующее: «Ситуация, в которой находилась армия, оказалась весьма сложной... Однако я не рассматривал ее как отчаянную. В момент, когда я узнал, что неприятель занял оба берега Леха и мост у Райна, ...когда он вынудил Кинмайера отступать и когда он мог достичь Аугсбурга раньше нас; наконец, когда его проектом было отрезать нас от русских, я решил атаковать неприятеля, обходящего нас сзади, в тыл, обрушиться на его коммуникации, сломить тем самым его превосходство и удалить его от русских...»[6]

Маршал Ней, разумеется, не знал, что в нескольких километрах от его штаб-квартиры на другом берегу Дуная находится генерал Макк со своим шта-

бом и что лежащие перед ним мосты должны служить переправой для наступающих главных сил австрийцев. Поэтому он направил на Гюнцбург только одну 3-ю дивизию Малера, приказав 1 -й дивизии Дюпона и 2-й Луазона двигаться в сторону Ульма на Альбек и Лангенау, а приданные его корпусу дивизию Газа-на и пеших драгун Барагэ д'Илье оставил на своих местах.

Выполняя приказ маршала, дивизия Малера выступила утром 9 октября со своих биваков у городка Гундельфингена и двинулась по направлению к Гюнц-бургу. На подходе к городу Малер разделил свои войска на три колонны. Первая под командованием полковника штаба (adjudant-commandant) Лефоля, состоявшая из десяти элитных рот нескольких полков, должна была атаковать мост, находившийся выше по течению, чем основная переправа. Вторая колонна под командованием бригадного генерала Марконье, состоявшая из 6 батальонов (22-й и 27-й легкие и 50-й линейные полки), предназначалась к атаке центрального моста непосредственно у Гюнцбурга, при этой колонне находился командующий дивизией. Наконец, третья колонна бригадного генерала Лабассе (59-й линейный полк) должна была атаковать переправу ниже по течению.

Погода в этот день была снова скверная, время от времени накрапывал дождь, ветер гнал по хмурому небу серые тучи. Местность, по которой колонны приближались к реке, вполне гармонировала с погодой. На подходах к Гюнцбургу по левому берегу, французская пехота вынуждена была идти по узким дорогам, ведущим через низину, болота, кустарники, и переправляться через несметное количество ручейков и речушек. В результате войска второй и третьей колонн приблизились к назначенным пунктам только во второй половине дня, а колонна Лефоля вообще сбилась с дороги и, проплутав несколько часов среди болот, повернула назад.

Колонна Марконье атаковала на склоне дня. Ее появление оказалось для австрийцев полной неожиданностью. Части, стоящие на левом, северном берегу Дуная были захвачены врасплох. Беспорядочно отстреливаясь, тирольские стрелки бросились бежать на небольшой островок, отделенный от левого берега лишь узким рукавом реки, который можно было перейти вброд. Французская легкая пехота на плечах врага ворвалась на островок, переколов часть тирольцев и взяв в плен остальных вместе с генерал-майором д'Аспром, в функцию которого входило обеспечение боевого охранения на северном берегу.

Французы попытались с ходу броситься в атаку на полуразрушенный мост, и действительно, часть стрелков сделала несколько десятков шагов по неповрежденным балкам, однако тотчас с правого берега загрохотали орудия и затрещала ружейная пальба. Несколько смельчаков смело с моста картечью, остальные поспешили укрыться за деревьями на островке. Генерал Марконье, который шел в авангарде вместе со своими солдатами, хотел повторить атаку, но плотный картечный и ружейный огонь с австрийского берега заставил его отказаться от этого предприятия. Более того, видя бесполезность пребывания французских пехотинцев на островке, дивизионный генерал дал приказ отойти на исходные позиции...

В этот момент, когда главная атака закончилась безуспешно, а генерал Малер, вероятно, подумывал об отходе и неприятной обязанности писать весьма безрадостный рапорт маршалу, адъютант принес известие, что на левом крыле 59-й линейный полк не только взял мост, но и уже сражается на противоположном берегу.

Дело в том, что третья колонна, как и первая, сбилась с дороги и, проблуждав по грязным тропинкам среди кустов и болот, вышла к Дунаю совсем не там, где полагалось. С удивлением офицеры, шедшие в авангарде, увидели, что в этой незнакомой местности существует неизвестная им переправа. По виду моста он был недавно разрушен, но в настоящий момент со странным

упорством восстанавливался австрийскими саперами, которые, возможно, за день до того его ломали.

Австрийцы не заметили приближения неприятельской пехоты, шедшей по лесистой долине. Командиры французской колонны укрыли свои войска от взглядов неприятеля и незаметно приготовили их к атаке. Когда саперы частично восстановили мост, французская пехота ринулась вперед. Изумленные австрийцы побежали.

В мгновение ока гренадеры 59-го линейного полка, ведомые отважным полковником Лакюэ, бывшим адъютантом императора, ворвались на мост и через минуту были на противоположном берегу. Неприятель так опешил от этой атаки, что нескоро перешел в контрнаступление. За это время новые роты 59-го переправились по мокрому полуразрушенному настилу моста.

Наконец австрийцы пришли в себя и обрушились на горсть французов. Те, не успев даже построиться, почти что толпой отчаянно отбивались ружейным огнем и штыками. Подкрепления медленно шли с «французского» берега, и поэтому приходилось сражаться изо всех сил. Когда стало смеркаться, к полю боя подъехал эрцгерцог Фердинанд. Он с ходу бросил в атаку на закрепившихся в рощице перед мостом французских пехотинцев отряд гусар Бланкенштейна, а затем направил вслед за ними 4 батальона гренадер под командованием генерала Майера.

Однако храбрые французские пехотинцы не отходили ни на шаг, тем более что с наступлением темноты к ним начали подходить подкрепления. «...Мы нашли полк в сильном беспорядке, — вспоминает Фезенсак, тогда сублейтенант 59-го, — он отразил атаки кавалерии, находился под сильным огнем пехоты. Этот день делает ему честь... Я нашел офицеров в сильном беспокойстве, они старались воодушевить солдат и привести их хоть немного в порядок. Все роты перемешались, потому что... пришлось переходить мост по одному, а оказавшись на берегу, встречать атаки врага, не имея времени привести подразделения в порядок... К счастью, спустилась ночь, и австрийцы не видели нашей малочисленности... Огонь прекратился, и к нам наконец подошел 50-й линейный полк. Жаль, что он не пришел раньше. Мы провели всю ночь под ружьем, не зажигая огня»[7].

В наступившей темноте бой затих. Потери обеих сторон говорили о том, что борьба была упорной. Австрийцы потеряли около 800 человек убитыми и ранеными, оставив в руках французов около тысячи пленных (часть — утром во время отступления). Дивизия Малера также понесла серьезные потери, вероятно, около 200—300 человек. Среди убитых был и отважный полковник Лакюэ, сраженный пулей в момент атаки. Фезенсак так рассказал о его последних минутах: «...я узнал, что наш полковник получил тяжелую рану и умер в момент, когда его несли по мосту на другую сторону реки. Последними его словами был приказ офицеру, который сопровождал его, оставить его умирать и вернуться в бой»[8]. Полковника Лакюэ похоронили с воинскими почестями на следующий день на месте боя...

Невообразимое произошло. Одна дивизия, а точнее, один полк отобрал переправу под носом у главных сил австрийской армии, главнокомандующий которой находился в самом Гюнцбурге.

Можно задать вполне резонный вопрос: что же делал генерал Макк в этот момент? Неужели он отсутствовал в рядах своих войск, испугавшись вражеских пуль? Нет, никоим образом, австрийский генерал не был трусом и буквально через день хорошо это доказал в отчаянном бою. Зато Макк был удивительным педантом, и его действия под Гюнцбургом можно характеризовать как шедевр чиновничьего формализма.

В своей записке, составленной месяц спустя после этих событий, он пишет: «...я занимался тогда составлением приказа для ночного форсирования Дуная,

со всеми полагающимися подробностями; этот приказ был написан на восьми страницах, в которых нельзя было бы найти ни одной лишней строчки. Понятно, что он поглотил все мое внимание и мои мысли... (!)»[9]

Все это происходило в то время, когда неприятель отбивал переправы, как раз необходимые для «ночного форсирования»! Удивительно то, что австрийский главнокомандующий позже оценил захват французами мостов у Гюнцбур-га как событие, «действительно ужасное, решительно роковое» (!), и, несмотря на это, он не оторвался от аккуратных строчек приказа...

10 и 11 октября можно поистине назвать днями всеобщей путаницы. Вступившие повсюду в боевой контакт армии стали куда менее ясно различать контуры расположения и действий неприятеля. Растерявшийся после боя у Гюнцбурга. Макк отвел значительную часть своих войск к Ульму. Наполеон также на некоторое время потерял точное видение противника. Дело в том, что император, как уже говорилось, судил о противоборствующей стороне на основании строгой логики, вполне применимой к действиям умелого и храброго полководца. Поэтому он предполагал, что поставленные в опасное положение обходом превосходящих сил австрийцы будут выходить из него только тремя возможными способами:
1. прорываться назад, на восток, напрямую через Аугсбург;
2. уходить из-под удара на юг или юго-восток, в Тироль;
3. прорываться на северо-восток по левому берегу Дуная.

Первый путь казался Наполеону самым предпочтительным. Избрав его, Макк имел некоторую надежду, конечно, при условии немедленных, слаженных и решительных действий, соединиться в перспективе с русской армией. Он сохранял при этом коммуникации, связывавшие его со столицей, и мог впоследствии заслонить ее от наступления французов. Поэтому французский император готовился прежде всего к противодействию подобному движению австрийской армии.

Второй, куда боле безопасный для армии Макка, был крайне невыгоден в стратегической перспективе. Он уводил австрийскую армию в горы, в сторону от театра военных действий. При этом Макк терял связь с русскими и не мог более прикрыть Вену.

Наконец, третий путь Наполеон считал слишком дерзким, и потому не особенно опасался, что австрийцы выберут его для своего отступления.

10 и 11 октября никаких новостей о движении австрийцев на прорыв не поступило. Равным образом спокойствие Нея на левом берегу и тем более достаточно легкое овладение мостами под Гюнцбургом подтверждало, что неприятель безразличен как к левому берегу Дуная, так и к переправам, за которые он должен был бы стоять до последнего в случае принятия им третьего варианта. Отсюда с очевидностью вытекало, что противник принял второй, самый осторожный вариант, и что он уходит в Тироль. Он выскользнул из-под удара...

Приказы, отданные императором 10—11 октября, можно резюмировать следующим образом. Великая Армия делится на три группы корпусов. Первая, из корпуса Бернадотта и баварцев, должна преследовать Кинмайера и освободить столицу Баварии — Мюнхен. Вторая, из корпусов Ланна, Нея и части резервной кавалерии под общим командованием Мюрата, должна «держать шпагу в спину» отступающего, как казалось Наполеону, в сторону Тироля Макка. Третья, самая большая, из корпусов Сульта, Даву, Мармона, двух дивизий пешей кавалерии и гвардии, должна занимать центральное положение до дальнейшего выяснения обстановки.

Что касается Ульма, то император считал, что австрийцы, уходя на юг, оставили там лишь гарнизон. Это вполне явствует из приказа Нею, отданного 10 октября: «Теперь осталось овладеть Ульмом... Его Величество оставляет за

Вами право действовать, как Вы сочтете нужным для достижения этой цели... Непосредственно после взятия Ульма... Вы направитесь на Мемминген или в любое другое место, куда будет отступать неприятель, следуя за ним по пятам. Так как император отправляется в Мюнхен, куда наши войска прибывают этим вечером, он поручает командование всем правым крылом, состоящим из корпуса Ланна, Вашего и кавалерийского резерва, принцу Мюрату...»[10].

Этот документ неопровержимо доказывает, что никакой мысли об окружении австрийской армии в Ульме у императора не было даже 10 октября 1805 г., тогда, когда его дивизии уже повсюду столкнулись с австрийскими частями. Тем более речи быть не может о каком-то волшебном предвидении хода кампании во время диктовки Дарю в Булонском лагере.

Известный русский военный историк и теоретик Леер очень верно заметил, говоря о Макке: «...если на войне трудно разгадать противника толкового, то еще труднее относительно бестолкового...»[11]. Наполеону и в голову не могло прийти, что австрийцы топчутся в Ульме, не предпринимая экстренных мер в катастрофической ситуации.

Но Макк, который именно в эти дни получил от императора Франца подтверждение своих фактических полномочий главнокомандующего, именно это и делал. 10 октября его войска сконцентрировались в Ульме, а в ночь на 12-е он решил их вновь перегруппировать и начать новый маневр, на этот раз опять по левому берегу...

Так, 11 октября 1805 г. произошло событие, которого ни Наполеон, ни Макк не могли предвидеть. Выполняя распоряжение императора, Ней в ночь на 11 октября послал приказ своей первой дивизии (генерала Дюпона) двинуться прямо на Ульм по северному берегу и взять город штурмом, если это потребуется. Маршал, не сомневаясь в верности концепции императора, написал Дюпону: «Враг поражен ужасом, которому мало примеров, он отступает на Биберах, чтобы спастись в Верхнем Тироле... Поэтому вероятно, что эрцгерцог Фердинанд оставил только слабый гарнизон в Ульме с приказом держаться до последнего. Без сомнения, наша решительность и угроза штурма вынудят коменданта сдаться, не вступая в бой»[12].

Ней настолько не сомневался в том, что австрийцев на левом берегу не осталось, что отдал распоряжение 2-й и 3-й дивизиям своего корпуса перейти на правый берег у Гюнцбурга и идти на Ульм с юга. Сюда же маршал направил драгунскую дивизию Бурсье, которая находилась в его оперативном подчинении, и свою собственную легкую кавалерию. Единственным отрядом, которым Ней решил подкрепить Дюпона, была дивизия спешенных драгун Барагэ д'Илье.

В три часа утра в полной темноте из штаба корпуса в Гюнцбурге выехал адъютант Нея капитан Риппер. Он должен был сначала добраться до местечка Стоцинген, где находился штаб Барагэ д'Илье, а затем направиться в Альбек, где располагался Дюпон. Обратим внимание, что, так как генерал Дюпон находился совсем близко от крепости (деревня Альбек расположена в 11 км от Ульма), адъютант должен был сначала передать приказ драгунам, которые располагались примерно в 16 км позади дивизии Дюпона. Хотя Ней почти не сомневался в отсутствии крупных сил австрийцев в Ульме, но, как опытный командир, он предпочел подстраховаться и двинуть как можно раньше драгун Барагэ д'Илье, чтобы те в случае чего помогли дивизии Дюпона.

Можно себе представить задачу, которая стояла перед адъютантом, которого в глухую ночь послали по раскисшим от грязи дорогам через леса и болота передать срочный приказ! Ему, правда, дали местного провожатого, но тот, не особенно желая попасть, чего доброго, под пули, улизнул при первой возможности, скрывшись в непроницаемой тьме. Как не вспомнить здесь слова одного из адъютантов

маршала Нея: «...Сколько сложностей, сколько трудностей приходилось испытывать нам, исполняя наши обязанности. Было мало того, что день и ночь в любую погоду, несмотря на усталость, лишения и страдания, мы отправлялись в путь с пакетами, самое главное то, что нас мучило сознание, что мы можем не исполнить задание... Нас не спрашивали, есть ли у нас лошадь, которая в состоянии передвигаться, в то время как нам нужно скакать галопом, знаем ли мы край, где нам нужно будет проехать, есть ли у нас карта (а у нас ее никогда не было). Приказ должен был быть исполнен, и никто не задумывался о средствах»[13].

Случилось то, что должно было случиться: капитан Риппер совершенно заблудился, проплутал всю ночь и только утром смог хотя бы примерно сорентировать-ся. Оказалось так, что он находится недалеко от Альбека. В результате капитан подумал, что будет проще передать приказ сначала Дюпону, а потом только отвести его Барагэ д'Илье. Сказано — сделано. Примерно в восемь утра Риппер вручил генералу Дюпону приказ, а затем поскакал в Стоцинген. Ясно, что лошадь капитана совсем выбилась из сил, и он оказался на месте лишь где-то около половины одиннадцатого, преодолев 16 км за два с половиной часа. Таким образам. Барагэ д'Илье прочитал приказ о выступлении лишь около 11 часов утра.

В результате Дюпон выступил с бивака в 11 часов утра, а дивизия Барагэ д'Илье, которая была рассеяна на огромном пространстве, собралась только к трем часам дня и, не торопясь, направилась в сторону Альбека.

Эти, казалось незначительные, подробности приведены здесь потому, чтс они сыграли важную роль в дальнейших событиях и послужили предметом тщательного разбирательства, проведенного через несколько месяцев после окончания войны.

Пройдя примерно 6 км в сторону Ульма, Дюпон вдруг с удивлением увидел австрийские полки, идущие ему прямо навстречу. У Дюпона было только 6 200 человек и 14 пушек*. Силы австрийцев французский генерал определил примерно в 10—12 тыс. человек. На самом деле это были только передовые части. За ними появлялись все новые и новые полки. Всего австрийцы соберут на поле у деревни Хаслах, где столкнутся противоборствующие войска, почти что 23 тыс. человек.

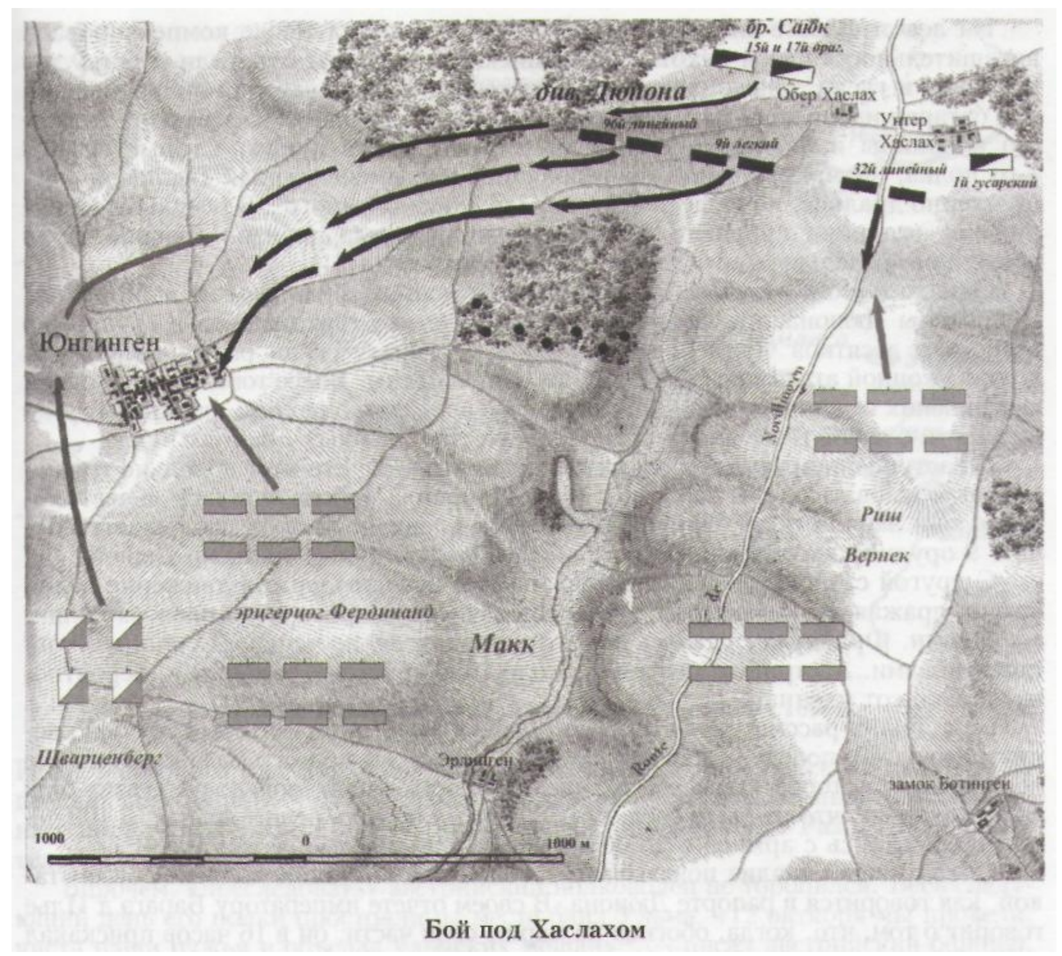
Дюпон правильно оценил обстановку: австрийская армия не уходит в Тироль, она прорывается на северо-восток. Отступить — значит открыть для нее дорогу на Нордлинген. Генерал решает дать бой, и не просто бой, а самому атаковать неприятеля! Он надеялся, что за ним следом где-то поблизости идет Барагэ д'Илье, а может, и другие отряды корпуса Нея, и что он сможет своей дерзостью ошеломить врага...

Командир французской дивизии развернул в линии три пехотных полка между небольшими рощицами перед деревнями Обер и Унтер Хаслах, поставив в резерве драгун, а левое крыло прикрыл гусарами. Едва головные части австрийцев прошли деревню Юнгинген и попытались развернуться против правого крыла французов, как Дюпон бросил на них в атаку 96-й линейный полк, удар которого был поддержал наступлением 9-го легкого.

Неприятель смешался и обратился в бегство... «Батальоны Людвига, Райне-ра и Кауница повели себя жалким образом и были взяты в плен горстью стрелков»[14], — с горечью будет вспоминать об этом эпизоде австрийский офицер.

Дюпон избрал единственно возможную тактику: не дать неприятелю изготовиться к общему наступлению, бить его войска по частям стремительными

* По состоянию на начало кампании: 9-й легкий — 1 763 человека, 32-й линейный — 1 662 человека, 96-й линейный — 1 721 человек, 15-й и 17-й драгунские — 673 человека, 1-й гусарский — 375 человек, 250 артиллеристов и солдат обоза — итого 6 444 человека, с учетом маршевых потерь — около 6 200 человек.

Бой под Хаслахом

контратаками. В течение двух-трех часов это удавалось. Но к австрийцам подходили все новые и новые батальоны и эскадроны, отброшенные полки собирались вокруг своих знамен, артиллерия начинала наносить серьезный урон французской пехоте. Пушки Дюпона частично были сбиты с лафетов, лошади во многих упряжках убиты.

Однако французы дрались как сумасшедшие. На правом фланге 9-й легкий полк вновь и вновь бросался в контратаку, на левом 32-й линейный полк бился насмерть с наседающей пехотой и кавалерией. Однако австрийцы развернули, наконец, в боевые порядки большую часть своих сил, и сдерживать их стало физически невозможно. А от дивизии Барагэ д'Илье, на которую так надеялся Дюпон, не было никаких вестей.

Австрийская пехота, ведомая Лаудоном, кавалерия во главе с генералами Шварценбергом и Кленау бросились в атаку. Сам Макк вел в бой кирасир своего имени, кирасир эрцгерцога Альберта и знаменитых шеволежеров Латура. Восемнадцать эскадронов австрийцев обрушились на правое крыло Дюпона. Шесть эскадронов французских драгун отважно бросились в контратаку, на какое-то мгновение им удалось остановить австрийцев, но силы были слишком неравны.

Поток людей и коней захлестнул ряды французов. Полковник 17-го драгунского полка Сен-Дизье, окруженный дюжиной врагов, не сдался и пал, зарубленный палашами. Его солдаты, поражаемые со всех сторон, хлынули назад, к лесу...

На левом фланге знаменитая австрийская конница также компенсировала нерешительность своей пехоты. Австрийские эскадроны охватили горстку пехотинцев и гусар, дравшихся здесь. Лейтенант Керморван, командир маленькой батареи из двух орудий, стоял до последнего, защищая картечью пехоту, ;: его канониры пали, изрубленные на лафетах своих пушек. Старые гусарь: 1-го полка, знаменитого еще до революции под именем «полк Бершени», исступленно дрались, но и здесь врагов было слишком много... В результате австрийские всадники прорвали фланги и вышли в тыл дивизии Дюпона, рубя обозников, отдельных артиллеристов и пехотинцев.

Однако в этой, казалось, безвыходной ситуации, французы не пали духом. Пехотинцы Дюпона, кто построившись в каре, кто сгрудившись в группы по несколько десятков человек, проложили себе дорогу среди разбушевавшегося урагана конной атаки и вышли с честью с поля битвы. Более того, отразив огнем австрийских всадников, не подпуская к себе вражескую пехоту, французы сумели увести с собой даже значительное количество пленных*, взятых в бою.

С наступлением темноты сражение прекратилось. Его итог довольно труднс охарактеризовать одним словом. С одной стороны, победа осталась за австрийцами: они заняли поле боя, взяли 800—900 пленных, 2 орла драгунских полков, 9 орудий, значительную часть обоза и даже личные экипажи Дюпона.

С другой стороны, малый по численности отряд задержал движение целой армии, сражаясь, по самым скромным подсчетам, с троекратно превосходящими силами. Французам удалось нанести неприятелю не меньший урон, чем они понесли сами. Австрийцы потеряли около 1000 убитых и раненых и, вероятно, несколько сот пленных.

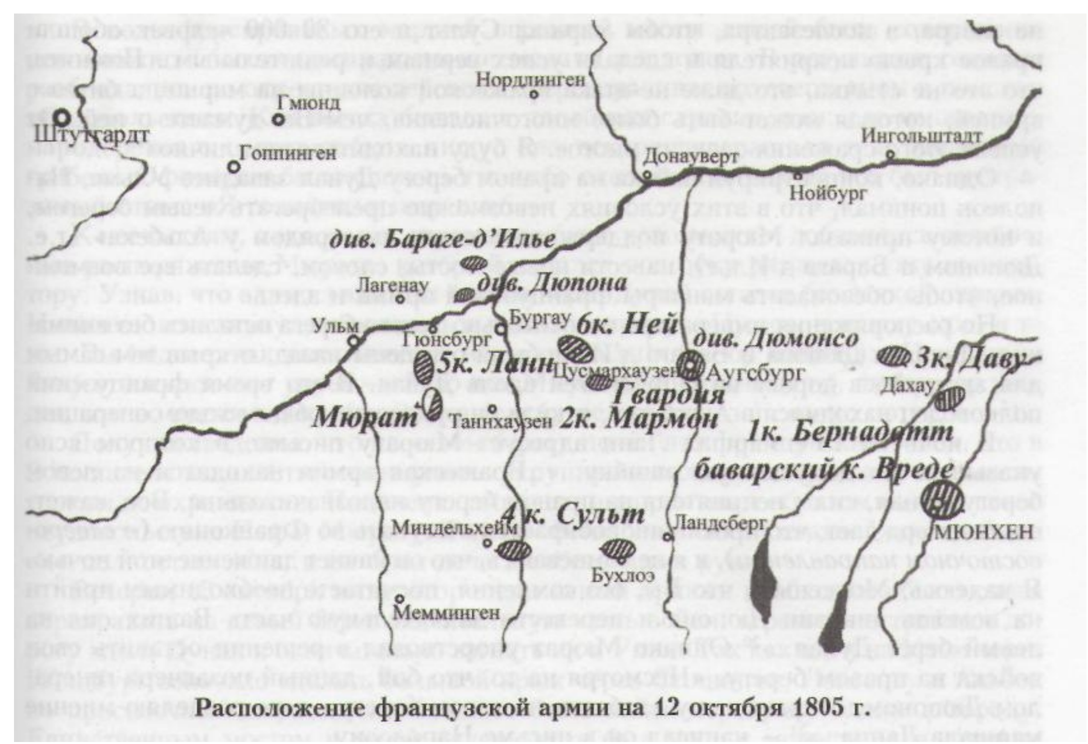
Сам Дюпон рассматривал или, по крайней мере, хотел, чтобы этот бой рассматривали как победу. В рапорте Нею он писал: «Я не могу Вам выразить все восхищение, которое вызывает во мне храбрость наших войск: результат битвы показывает, что не было боев, столь дерзких и столь решительных: 5 100 человек сражались с армией в 25 000 человек и полностью ее разбили»[15].

Объективный анализ показывает, однако, что ситуация была не совсем такой, как говорится в рапорте Дюпона. В своем отчете императору Барагэ д'Илье говорит о том, что, когда, обогнав на марше свои части, он в 16 часов прискакал в Альбек, его глазам предстала картина, мало похожая на победное ликование. Он «нашел дорогу, покрытую повозками, багажами, испуганных солдат и женщин *{маркитанток),* а прямо на улицах Альбека ему вместе с адъютантом пришлось выхватить саблю, так как они были атакованы вражескими легкоконными»[16]. Конечно, Барагэ д'Илье тоже не следует безоговорочно доверять. Его войска вследствие нерасторопности их генерала так и не прибыли на помощь Дюпону. Поэтому Барагэ д'Илье пришлось долго оправдываться в ходе начатого разбирательства этого дела. Разумеется, что ему выгодно было несколько сгустить краски, доказывая, что прибытие его дивизии не могло спасти дивизию Дюпона в постигшей ее катастрофе.

Со всеми оговорками, рассматривая итоги этого дня, его нужно квалифицировать все-таки как успех австрийской армии, хотя он и принес славу Дюпону. Нет сомнения, что после боя под Хаслахом моральный дух, совсем было упавший в австрийских войсках, был в определенной степени восстановлен.

«Сего числа получил я известие о победе, одержанной императорско-коро-левскими союзными войсками при городе Ульме сего месяца 11 числа нового стиля над французскою обсервационного армиею под командою фельдмаршала

* Почти во всех французских рапортах говорится о четырех тысячах пленных австрийцев. Даже если в ходе боя действительно удалось захватить такое количество пленных, нет сомнения, что сохранить удалось лишь малую часть из них.

Расположение французской армии на 12 октября 1805 г.

Нея, — сообщил Кутузов через несколько дней русским войскам, шедшим на помощь австрийцам. — В сем сражении два французских конных и два пехотных полка австрийскою кавалериею наголову порублены... Разбитый неприятель преследуется...»[17]

Впрочем, «преследовать» австрийский полководец не торопился. Весь следующий день его полки простояли на месте близ Ульма. «12 октября мы провели, чистя наши ружья и объедая ульмских мещан»[18], — писал австрийский офицер. Многие из генералов указывали на крайнюю усталость войск, и главнокомандующий назначил выступление только на следующий день, 13 октября.

В приказе по армии было объявлено, что цель марша — преследование разбитого неприятеля! Выдвижение должно было осуществляться несколькими колоннами. На северо-восток по дороге на Хайденхайм был отправлен корпус Вернека (25 батальонов, 28 эскадронов, 3 роты тирольцев — всего 10 000 человек). Почти параллельно ему по берегу Дуная шел корпус Риша (32 батальона и 11,5 эскадрона): по правому берегу в восточном направлении (на Вайсен-хорн) был отряжен корпус Шварценберга, для того чтобы произвести здесь разведку боем, вернуться в Ульм ночью на 14-е и далее проследовать за остальными войсками. Наконец, на юг двигался отряд Иелачича (8 батальонов, 4 эскадрона, 3 роты стрелков).

В то время как войска Макка готовились «преследовать» французов, Наполеон начал, наконец, различать сквозь туман, окутывавший действия неприятеля, подлинные контуры дислокации австрийцев. Уже 12 октября, еще не получив сведений о бое под Хаслахом, император начал предполагать, что австрийская армия стоит под Ульмом. Но ему представлялось, что она располагается на правом берегу Дуная.

В своем письме Мюрату от 12 октября император писал: «Если неприятель будет оставаться на своих позициях и будет готовиться к битве, я желаю дать ее

не завтра, а послезавтра, чтобы маршал Сульт и его 30 000 человек обош." правое крыло неприятеля и сделали успех верным и решительным... Помните что это не стычка, это даже не атака вражеской колонны на марше, а битва : армией, которая может быть более многочисленна, чем Вы думаете о ней. Ог успеха этого сражения зависит многое. Я буду находиться там лично»[19].

Однако, концентрируя войска на правом берегу Дуная западнее Ульма, Наполеон понимал, что в этих условиях невозможно пренебрегать левым берегом, и потому приказал Мюрату поддерживать связь с «отрядом у Альбека» (т.е. Дюпоном и Барагэ д'Илье), навести новые мосты, словом, сделать все возможное, чтобы обезопасить маневры французской армии и здесь.

Но распоряжения императора относительно левого берега остались без внимания. Дивизии Дюпона и Барагэ д'Илье были отведены назад, открыв тем самым для австрийцев дорогу на Нордлинген вдоль Дуная. В это время французскш! полководец находился в Аугсбурге, откуда он руководил общим ходом операции.

В ночь на 13-е маршал Ланн адресует Мюрату письмо, в котором яснс указывает на допущенную ошибку: «...Вражеская армия находится на левом берегу Дуная, силы неприятеля на правом берегу малозначительны. Все, кажется, подтверждает, что противник собирается отступать во Франконию *(в северо-восточном направлении),* и я не сомневаюсь, что он начнет движение этой ночью. Я надеюсь, Монсеньер, что Вы, без сомнения, посчитаете необходимым прийти на помощь дивизии Дюпона и перевести значительную часть Ваших сил на левый берег Дуная...»[20] Однако Мюрат упорствовал в решении оставить свои войска на правом берегу. «Несмотря на то, что бой, данный позавчера генералом Дюпоном, открыл нашу слабость на левом берегу, ...я не разделяю мнение маршала Ланна...»[21] — написал он в письме Наполеону.

Зато с мнением Ланна полностью согласился император, прискакавший 13 октября утром из Аугсбурга в Гюнцбург. Он был поражен расхлябанностью, воцарившейся в его отсутствие. «...От Гюнцбурга до Пфаффенгофена армия предстала перед ним в страшном беспорядке. Разбитые грязные дороги были усеяны завязшими эльзасскими телегами... и павшими лошадьми... Справа и слева наши солдаты ходили по полям в поисках пропитания, другие охотились в этих полных дичи равнинах. По их беспрерывным выстрелам и свисту пуль можно было подумать, что находишься на аванпостах, а нужно сказать, что опасность здесь была не меньшая»[22], — рассказывал Филипп де Сегюр.

Нужно отметить, что немалую роль в тяжелом состоянии армии сыграла погода. Начиная с самого момента перехода Дуная, сильно похолодало и начались почти непрерывные дожди. Временами дождь сопровождался мокрым снегом. Войска и обозы вязли в непролазной грязи на проселочных дорогах. Фезенсак, тогда лейтенант 59-го линейного полка, вспоминал: «Эта короткая кампания была для меня как бы обзором всего того, что я должен был претерпеть впоследствии: ужасная усталость, нехватка продовольствия, жестокая непогода, беспорядки, чинимые мародерами — ничего не было в недостатке, и за один месяц я испытал все, что потом я испытывал последовательно в течение моей карьеры. Бригады и полки были так рассеяны на биваках, что приказ собраться в условленном месте приходил поздно, так как его передавали через несколько командных звеньев. В результате полк шел день и ночь, и что меня больше всего удивило, это то, что я первый раз видел, как люди спали на ходу, до этого я не мог в это поверить»[23]. Сержант Рави из 32-го линейного полка полностью подтверждает эти слова: «Полк шел днем и ночью, но что меня больше всего утомляло, это марш в темноте. Самая сильная потребность человека — это сон. Я видел, как люди спали, продолжая идти — то, что я считал невозможным. Неверный шаг приводил к тому, что спящие падали в канаву как колода карт»[24].

В ходе форсированых маршей огромной массы людей было совершенно невозможно обеспечить правильные выдачи рационов. В результате солдаты разбредались по окрестным деревням, переворачивая их вверх дном в поисках продовольствия. Как всегда бывает в подобных случаях, там, где начиналось мародерство с целью добыть пищу, оно вскоре перерастало и в банальный грабеж. Офицерам было сложно что-либо сделать, так как на все был неотразимый ответ: «Я голоден, я ищу хлеб».

К несчастьям, с которыми справиться было невозможно, добавились ошибочные распоряжения Мюрата, который попался под руку разгневанному императору. Узнав, что один из важных мостов через Дунай остался без всякой охраны, Наполеон воскликнул, обращаясь к своему шурину: «Ну вот, повсюду одно и то же. Вы видите, как выполняются наши приказы!» Сегюр написал: «Не знаю, к кому относился этот упрек —к Нею или Мюрату, но что очевидно, император увидел, что во время его пребывания в Аугсбурге вся энергия словно потухла...»[25]

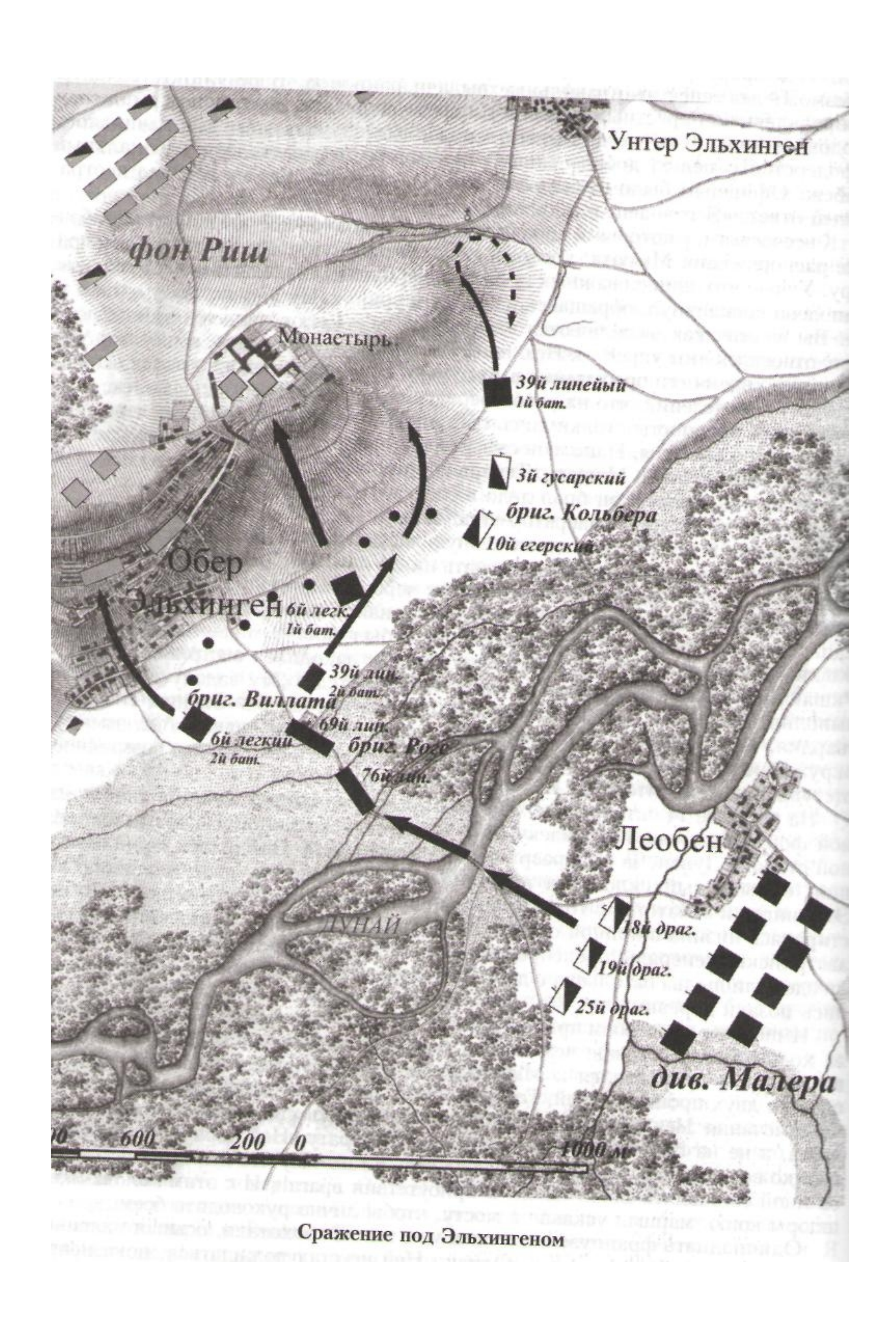
Получив сведения, что на левом берегу почти нет французских войск, что в Эльхингене аванпосты столкнулись с крупными силами австрийцев, что мосты толком не охраняются, Наполеон самым нелицеприятным образом выказал свое неудовольствие Нею и Мюрату. Теперь обстановка на «шахматной доске» была ему полностью ясна, и он брал дело в собственные руки.

Вечером 13 октября император отдал ясный приказ: необходимо было снова переправить на левый берег значительную часть войск, отрезать австрийцам дорогу вдоль Дуная и окончательно загнать их в Ульм. Так как идти на Ульм через Гюнцбург означало сделать большой крюк через Стоцинген, Лангенау и Альбек по проселочным дорогам, необходимо было найти переправу ближе к городу. Единственным мостом в подходящем месте был мост у монастыря и деревни Эльхинген. Но позади этой переправы как раз находился австрийский корпус Риша. Значит, мост надо было отбить у неприятеля. Эту задачу должен был выполнить маршал Ней с дивизиями Луазона и Малера. За ним следовали гвардия, корпус Ланна и резервная кавалерия. Мармон должен был замкнуть окружение Ульма на правом берегу, Сульт — отрезать последнюю возможность отступления неприятеля на Биберах.

На рассвете 14 октября под холодным осенним дождем Ней в полной парадной форме был уже неподалеку от Эльхингенского моста. На противоположной стороне Дуная, за полуразрушенной переправой находилась мощная позиция: обрывистый склон, на вершине которого раскинулась деревня Обер Эльхинген и аббатство с толстыми каменными стенами. От реки до плато простиралась низина шириной около километра. К счастью для дивизии Луазона, австрийские генералы пренебрегли охраной разрушенного моста. Они оставили здесь лишь два батальона с двумя орудиями. Остальные силы Риша находились позади деревни.

Император со штабом прибыл к месту будущей переправы, чтобы проследить за ходом атаки. Прежде чем начать бой, Ней подскакал к блестящей группе всадников и приблизился к Мюрату, в котором он видел главного виновника ошибки двух прошлых дней. Говорят, будто бы знаменитый командир конницы на замечания Нея ответил, что привык составлять свои планы в присутствии врага, а не на бумаге. Теперь, подъехав к Мюрату, Ней дернул его за руку и громко воскликнул так, чтобы слышал весь штаб: «Ну что же, принц! Поедемте со мной составлять Ваши планы в присутствии врага!» И с этими словами, дав шпоры коню, маршал ускакал к мосту, чтобы лично руководить боем...

Одиннадцать французских пушек уже вовсю грохотали, осыпая маленькую австрийскую батарею ядрами. Однако Ней не стал дожидаться, пока неприятельские орудия замолчат. Встав рядом с мостом, он приказал начинать.

Сражение под Эльхингеном

Капитан Куазель, адъютант Луазона, вместе с сапером 6-го легкого полка бросились на балки переправы, чтобы прибить первую доску. В этот момент картечь оторвала ногу саперу, но элитные роты уже устремились к мосту. В то время как одни собирали разбросанные повсюду доски и наскоро прибивали их к балкам, другие, перепрыгивая с перекладины на перекладину, в мгновение ока очутились на другом берегу и рассыпались в цепь, чтобы своим огнем прикрыть товарищей, работавших на мосту.

В этот момент встревоженные австрийцы выводили на склон холма войска, разворачивали артиллерию. Канонада загремела по всему фронту.

Едва первые доски скрепили шаткую переправу, как вперед ринулись французские гусары и конные егеря, которые, рискуя сломать себе шею на едва держащемся помосте, повисшем над бурлящим внизу холодным Дунаем, проскакали по мосту. За ними пошли батальон 39-го линейного полка и два батальона 6-го легкого полка. В сомкнутых колоннах, с рассыпавшимися впереди стрелками французская пехота под градом ядер двинулась в атаку на плато. Маршал Ней и генерал Луазон шли в первых рядах.

Видя с холма наступление французов, Риш приказал генералам Мессери и Лаудону немедленно возвращаться в Эльхинген. Свою пехоту Риш расположил по склону холма, разместив два батальона в лесу, справа от Эльхингена, и еще два батальона он поставил в деревне. Семь эскадронов кавалерии прикрыли левое крыло.

Под градом ядер и пуль французы бесстрашно поднимались по склону холма. Первый батальон 6-го легкого полка с ходу овладел аббатством Эльхинген, ворвавшись через небольшой, плохо защищенный проход. Австрийский батальон полка Спорка, окруженный во дворе и кельях аббатства, сложил оружие. Вторая колонна 6-го легкого полка штурмом взяла деревню Обер Эльхинген, выбивая австрийцев из каждого дома. Наконец, 1-й батальон 39-го линейного полка попытался обойти аббатство справа, но встреченный огнем трех батальонов неприятеля, атакованный кавалерией, он с потерями откатился назад.

В этот момент мост перешла вторая бригада (генерала Роге) из дивизии Луазона — 69-й и 76-й линейные полки в густых полковых колоннах. Наконец, на помощь подоспели и три драгунских полка (18, 19 и 25-й) из дивизии Бур-сье. Маршал Ней бросил эти силы против левого крыла неприятеля между Унтер Эльхингеном и аббатством.

«Марашал Ней прибыл в тот же момент, что и я, — рассказывает участник боя генерал Роге. — Я первый раз видел этого воина перед лицом врага и в опасной ситуации. С великолепным порывом он сочетал спокойную методичность, словно он был на маневрах в Булонском лагере, а его решения были полны отваги»[26].

Для того чтобы разбить неприятеля между аббатством и деревней Унтер Эльхинген, Ней приказал произвести опасный маневр, который могли исполнить только войска, готовые на все. Он приказал построить в глубокую колонну повзводно батальон 69-го линейного полка, пройти влево прямо перед фронтом австрийцев, затем повернуть на 90° направо и стремительной атакой в лоб прорвать их боевые порядки поблизости от аббатства, а затем еще раз принять вправо и «скатать» ударом во фланг линию неприятеля.

«Этот блистательный и отважный маневр был исполнен так же методично, организованно и четко, как можно было бы потребовать только на парадном плацу, — пишет Роге. — Он увенчался полным успехом, который заслуживало благородное вдохновение маршала, преданность и беззаветная отвага 69-го линейного под командованием полковника Лажонкьера. Мой конь был убит, мой адъютант г-н Мелль получил пулю в голову, из четырех моих гусар-ординарцев под тремя были убиты кони, а четвертый погиб от пушечного ядра. Но на-

ша дерзость произвела такое впечатление на австрийцев, что они пришли в беспорядок и бросили свои пушки»[27].

А генерал Луазон в своем рапорте написал: «Эта атака решила участь боя и никто лучше Вас, господин маршал, не может отдать должное командира:: колонн, так как Вы все время находились под сильнейшим огнем»[28].

Теснимые французской пехотой, преследуемые драгунами австрийские полки покатились назад. Их отступление прикрыли своими контратаками пять эскадронов кирасир генерала Германа. Кони австрийских латников шли по колено Е грязи, но мужественные австрийцы обрушились на французских драгун, смяли первые эскадроны и прорвались даже до штыков пехоты. Уверенные залпь: в упор остановили кирасир. В тот же миг со всех сторон их атаковали новые эскадроны французских драгун. Австрийцы дрогнули и поскакали назад. Не драгуны, окружив вражеских кавалеристов, устроили им настоящую бойню. Генерал Герман был взят в плен, а его эскадроны изрублены и рассеяны.

В это время к французам подходили новые подкрепления. Со стороны Аль-бека к полю боя приближалась дивизия Дюпона, а полки Малера переправлялись по мосту.

Император, буквально пробиваясь среди шедших повсюду батальонов пехоты, эскадронов кавалерии, перевернутых зарядных ящиков и разбитых упряжек, добрался до моста, чтобы личным присутствием ободрить войска. Проходившие полки приветствовали его громовым возгласом «Да здравствует император!», заглушавшим гул артиллерии на плато. Этот клич победы подхватили даже раненые, лежащие в крови и грязи неподалеку от моста.

«Среди них лежал артиллерист, которому ядро оторвало бедро. Наполеон заметил его, приблизился и, сняв со своей груди звезду Почетного легиона, вложил ему в руку, сказав: «Возьми ее, она тебе принадлежит. Ты заслужил ее так же, как и обеспеченную старость в Доме инвалидов. Ты сможешь еще жить счастливо». «Нет, нет, — ответил храбрый солдат. — Кровопускание слишком сильно, но наплевать! Да здравствует Император!».

На другой стороне моста лежал на спине старый гренадер, который воевал еще в Египте. Дождь лил ему на лицо. В возбуждении боя он все еще кричал своим товарищам: «Вперед!». Император, проезжая мимо, узнал его, снял с себя свой плащ и, бросив ему, сказал: «Попытайся мне принести его обратно и в обмен ты получишь награду и пенсион, который ты заслужил»[29].

Видя поражение своей кавалерии и приближение густых колонн дивизии Малера, Риш приказал отступать. Австрийская пехота, построившись в несколько каре, медленным шагом стала уходить в сторону Ульма. Пехота и конница Нея перешли в общее наступление. На австрийские каре, оставшиеся без поддержки кавалерии, ринулись французские драгуны и конные егеря. На левом крыле австрийцев полк Эрбаха отразил несколько атак, но, расстреливаемый в упор, атакованный в штыки, рассеялся и был почти полностью порублен и взят в плен конными егерями полковника Кольбера. Полк Ауэрсперга также был остановлен огнем, а его каре прорвано атакой французских драгун Бурсье.

Преследование отступающего неприятеля Ней прекратил только с наступлением темноты. Его войска, сражавшиеся без перерыва почти 10 часов, остановились в 5 км от Ульма, завершив славный бой взятием Кессельбронннского оврага, последнего сильного рубежа на пути к крепости.

В этой битве Ней, введя в бой в общей сложности около 9 тыс. человек, нанес решительное поражение примерно равному по численности противнику (у Риша было от 9—10 тыс. человек при 14 орудиях). Австрийцы потеряли более 4 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, а главное, были совершенно деморализованы и лишились путей отступления. Французские потери оказались

несравнимо меньше: у Луазона 106 убитых, 623 раненых. Позже за тот блистательный бой маршал Ней получил громкий титул «герцог Эльхингенский».

В часы, когда окончательно решалась судьба австрийской армии, ее полководец все так же оставался в Ульме. В то время как 13 октября утром колонны Вернека и Риша двинулись вперед из Ульма для маневра по левому берегу Дуная, Макк принял несколько визитеров, сообщения которых во многом предопределили его поведение.

В 10 утра шпион Шульмейстер принес Макку важные сведения. Вопреки сложившемуся в популярной литературе мнению Шульмейстер тогда работал на австрийцев, и только спустя некоторое время перешел на службу к французам. Впоследствии он стал известнейшим тайным агентом Наполеона. Шульмейстер сообщил, что часть французских войск двигается на Мемминген, а другая часть собирается атаковать Эльхинген, чтобы отрезать австрийцам путь отхода.

Как видно, сведения, переданные шпионом, были совершенно точны, однако Макк не придал им большого значения. Напротив, на сообщение приехавшего из Штутгарта оберландскомиссара Штейна Макк обратил особое внимание. Тот рассказал, что англичане высадились в Булони, а во Франции произошло восстание против Империи. Этот рассказ вместе с объективной информацией Шульмейстера вызвал у Макка, прямо скажем, неожиданную реакцию.

Вот что австрийский полководец позже поведал в своей оправдательной записке: «Если бы неприятель желал захватить Ульм, он менее всего мог это сделать с правого берега, так как крепость целиком находится на левом. Если бы он хотел обложить крепость, он должен был быть на левом берегу, по крайней мере, столь же сильным, как и на правом. Он делает противоположное, и его марш на Иллер в нескольких колоннах и бездействие с других сторон дают, скорее, впечатление отступления... Погруженный в размышления о странных передвижениях неприятеля и его проектах, я принял барона Штейна, оберландскомиссара, который рассказал мне, якобы он слышал от одного вюртембергского чиновника, заслуживающего доверия, что несколько дней тому назад за один день через Штутгарт проехали девять официальных курьеров к императору французов и что тайно было сообщено, будто англичане высадились в Булони и захватили этот порт и где-то началось восстание. Если бы движения неприятеля противоречили этим новостям, я рассматривал бы их как малозначительный слух, но они настолько соответствовали им, что я поверил в их истинность... С самого начала непонятный обратный марш врага показался мне странным. Если он имеет виды на Ульм и на нашу армию, почему он за несколько дней до этого поручил атаковать город одному своему корпусу? На такие жертвы идут, чтобы избежать большей опасности или полной гибели...»[30]

В результате 14 октября утром, когда колонны Нея, круша все на своем пути, ворвались в Эльхинген, в Ульме Макком был отдан генеральный приказ, где говорилось, что французы отступают за Рейн, что необходимо преследовать эти колонны и беспрестанно атаковать отступающих, что Кинмайер обязан «держать шпагу в спину» Бернадотту, что Вернек должен форсированными маршами гнаться за врагом и заставить его, если возможно, сложить оружие! Звучит фантастично, но это так! Макк, а вероятно, и некоторые генералы не понимали, что почти находятся в кольце окружения. Марш Вернека и Риша — это не попытка отступать, а странное преследование наступающей армии...

Исповедь Макка была опубликована вскоре после событий, поэтому непонятно, откуда вообще взялась версия, гуляющая по страницам сотен исторических и литературных произведений о шпионе Шульмейстере, остановившем «прорыв» Макка, о каких-то специально отпечатанных французской агентурой ложных газетах с рассказом о восстании в Париже и т.п. Шульмейстер сооб-

щил Макку верные сведения (он, очевидно, неплохо служил ему до того, пок; 14 или 15 октября не перешел на службу к Савари).

Вообще роль агентурной разведки в ходе военных операций была в те времена крайне мала. В отсутствие современных средств связи, с помощью которых «резидент» в неприятельском штабе мог бы оперативно передавать информацию своему командованию, деятельность шпионов была малоэффективной Кроме того, этика того времени делала маловероятной вербовку штабного оф: цера противника. Шпионами работали в основном разнообразные маргинала а сведения, которые они получали, были чаще всего либо слухами, либо разговорами подвыпивших офицеров в придорожной таверне, либо просто результатами визуального наблюдения перемещающихся вдали колонн неприятельских войск. Доставлялись же эти сведения крайне медленно, чаще всего пешком, так как приходилось использовать обходные тропы. В результате, хотя, разумеется, информацией, полученной от шпионов, не пренебрегали, относились к ней с осторожностью и рассматривали ее большей частью как второстепенную*.

Вечером 14 октября, когда пушки Эльхингенского боя прозвучали погребальным звоном австрийской армии, пожалуй, только Макк не расстался ее своими иллюзиями. Для всех остальных генералов стало ясно, что французы окружают армию со всех сторон.

Эрцгерцог Фердинанд, не спрашивая главнокомандующего, решил прорываться из кольца французских корпусов. Он взял с собой 11 эскадронов кавалерии (около 600 человек), лучших генералов — Коловрата, Шварценберга. Штипица, Гиулая — и в 10 часов вечера, когда было уже темно, собрал небольшой отряд у подножия Михельсберга, холма, возвышающегося поблизости от крепости. Узнав об этом, Макк послал записку эрцгерцогу. «Я еще раз Вас заверяю, — писал находящийся в ослеплении генерал, — что отвечаю головой за Вашу безопасность, если Вы останетесь в Ульме!»

Одновременно именем императора Макк потребовал возвращения в крепость генералов Штипица, Гиулая и офицеров штаба. Генералы вынуждены были подчиниться, но юный эрцгерцог смело двинулся с горсткой всадников в ночную тьму. Он надеялся нагнать колонну Вернека, «преследующую» французов, и прорваться вместе с ним на соединение с Кинмайером, но случилось иначе.

Пока основные силы французов были заняты незадачливым Макком, Наполеон бросил на преследование вырвавшихся из окружения австрийцев кавалерию, ведомую Мюратом", и дивизию Дюпона.

Измотанные, деморализованные неприятельские полки преследовались упорно и неотступно. 16 октября в плен попали 2000—2500 австрийцев, Вернек бросил часть обозов и артиллерии, был смертельно ранен генерал О'Доннел. На рассвете 17-го Мюрат снова настиг австрийцев, заставив генерала Зинцен-дорфа и 1200 его солдат сложить оружие. Через несколько часов французская кавалерия у Трохтельфингена догнала остатки пехоты Вернека вместе с самим генералом. Капитуляция была подписана в 11 часов утра. В плен попали генералы Вернек, Байе, Гогенфельд и Вебер, 91 офицер и 1553 рядовых...

* Разумеется, речь идет о военной тактической и оперативной разведке. На внешнеполитическом уровне значение разведки и отношение к ней были иными. Посольства за границей, как всегда и везде, выполняли важную роль сбора информации о стране пребывания, что осуществлялось официальным и неофициальным путем. Сведения, полученные по дипломатическим каналам, разумеется, были основой для важных внешнеполитических решений.

** Драгунские дивизии Клейна и Бомона, легкокавалерийская бригада Фоконе, гвардейские конные егеря.

Окрестности Ульма. План начала XIX в., исполненный под руководством известного французского штабного генерала барона Пеле

Но неутомимый Мюрат не прекратил преследования. Загоняя лошадей, он мчался за эрцгерцогом. Пехота, багажи, артиллерия — все захватили французские кавалеристы. Недалеко от Нюрнберга были настигнуты последние остатки австрийской пехоты и артиллерийский парк — 41 орудие и 500 повозок и зарядных ящиков. Эрцгерцогу с жалкими остатками кавалерии удалось спастись: 22 октября они добрались до крепости Эгер на границе с Богемией...

В ночь на 15 октября Наполеон отдал последние распоряжения к атаке неприятельской армии под Ульмом. Корпусам Нея и Ланна поручалось овладеть высотами Михельсберг и Гайсберг, возвышающимися над крепостью, и загнать австрийцев в их укрепления. За ними должна была продвигаться императорская гвардия и части резервной кавалерии. Корпусу Мармона предписывалось осуществить блокирование укреплений правого берега. Корпусу Сульта, к этому моменту овладевшему Меммингеном (крепость капитулировала 14 октября, в плен сдались около 3500 австрийцев), император приказал двигаться на Бибербах и Лаупхайм и перекрыть последние пути отхода австрийцев на юг.

В то время когда крепость была почти окружена и французы готовились к решающей атаке, австрийский главнокомандующий все еще думал об отступлении Наполеона. «15 утром Макк все так же в убеждении, что враг находится в страшном затруднении и отступает. Он приказал нескольким офицерам штаба подняться на башню собора и следить за движением, — рассказывал австрийский офицер. — Он *(Макк)* приказал отпечатать прокламации, которые объявляли о наших успехах и о бегстве неприятеля, он послал депеши генералам Вернеку и Кинмайеру с

приказом неотступно преследовать врага и постараться захватить его артиллерик и багажи. Наверное, депеши так и остались на его рабочем столе, так как нам потребовались бы Алеппские голуби, чтобы эти письма дошли до адресатов.

В 10 часов оптический телеграф сообщил, что в подзорные трубы видны лишь малые партии неприятеля на правом берегу, что враг свертывает посты на левом до Хаслаха; в соответствии с этим поступил приказ располагать армию на квартирах жителей, которым прокламация любезно предлагала разделить свой стол и постели с освободителями»[31].

Эти бессмысленные распоряжения отдавались в тот момент, когда французские колонны уже строились к атаке. Наполеон, уставший от бессонных ночей, дурной погоды и медленного развертывания войск, увязающих по колено в грязи, остановился у одной из ферм в Хаслахе, чтобы хоть немного отдохнуть. Офицеры штаба в нетерпящей возражений форме попросили нескольких солдат, укрывшихся здесь от дождя, освободить помещение для императора. Беспрекословно, хотя и без особого восторга, фузилеры очистили ферму, лишь один юный барабанщик, как рассказывают офицеры штаба Сегюр и Тиар, примостившийся у камина, категорически отказался уходить, он ответил, «что здесь места хватит на всех, что ему холодно, что он ранен, короче, что он здесь и здесь останется». В этот момент в комнату вошел император. Узнав предмет дискуссии, он рассмеялся и сказал: «...Пусть его оставят сидеть, раз уж он так держится за свое место»[32]. С этими словами Наполеон уселся напротив барабанщика и сразу заснул. Император и юноша-барабанщик недолго спали в окружении почтительно стоящих генералов.

В комнату буквально ворвался маршал Ланн и разбудил императора, громко воскликнув: «Сир! Что Вы тут делаете? Вы спите, а Ней один дерется со всей австрийской армией!..». «А почему он начал бой? — спросил, проснувшись, Наполеон. — Я же сказал ему подождать, но он всегда таков, атакует неприятеля, как только его увидит...» «Да, — согласился Ланн, — но атака одной из его бригад отбита, со мной мои гренадеры, нужно идти вперед, нельзя терять ни минуты»[33]. Маршал увлек за собой императора, и они под дождем галопом поскакали к месту, откуда доносилась канонада. Здесь, где грохотали пушки и свистели пули. император и Ланн встретились с маршалом Неем. Последний ответил в категорической форме, что он не нуждается в войсках Ланна и не желает делить его славу. Его дивизии действительно без особого труда справились с неприятелем. Около трех часов дня Малер решительным штурмом овладел высотами Ми-хельсберг, а чуть позже Луазон выбил неприятеля с высот Гайсберг.

«Макку донесли о катастрофе, — рассказывал австрийский офицер, — Он утверждал, что это невозможно и ничего не значит. Тем не менее отдал приказ закрыть и забаррикадировать ворота. В два часа дня все войска, которые не находились на укреплениях, столпились на улицах или переполнили до отказа дома. С той и с другой стороны раздавались выстрелы пушек. Макк в шляпе, надетой поверх ночного колпака... поддерживаемый под руку слугой, ковылял вдоль городских укреплений, убеждая всех, кто хотел его слушать, что это только ложная атака и неприятель отступает... Крыши, которые от пальбы рушились над нашими головами, были слишком веским доказательством обратного...»[34]

Примерно в пять часов вечера на плечах бегущих австрийцев 50-й линейный полк из дивизии Малера попытался ворваться в город через ворота Фрау-энтор *{Дамские ворота).* Когда часть храбрых французских пехотинцев была уже под сводами ворот, австрийцы открыли огонь картечью в упор. Несколько десятков французов полегли на месте, остальных окружили и взяли в плен.

Та же участь постигла и 17-й легкий полк, который, двигаясь в голове дивизии Сюше, к вечеру прибыл на поле боя и попытался тут же атаковать

вход в крепость. Ворота захлопнулись за горсткой смельчаков, ворвавшихся вместе со своим полковником Веделем в крепостной равелин*. Тех, кто не сдался, скосила картечь. Полк потерял 33 убитых, 128 раненых и 169 пленных.

Наполеон приказал остановить эти неподготовленные разрозненные атаки и подтянуть все войска для окружения крепости. К вечеру Ульм был полностью блокирован. На левом берегу стояли части Нея, Ланна и гвардии, на правом — корпус Мармона.

В наступившей ночи Ней послал двух парламентеров, потребовавших у Макка капитуляции. Австрийский главнокомандующий принял посланцев маршала в окружении всех своих генералов. Он заявил, что и речи не может быть о капитуляции. Макк объявил также подчиненным, что назовет изменником того, кто будет говорить о сдаче. Он составил документ, где излагал причины, по которым крепость не должна быть сдана: «Если мы останемся хозяевами Ульма... неприятель вынужден будет отойти за Рейн, и наше счастье навсегда обеспечено. Он не сможет держать нас блокированными более 8 дней, потому что русские подойдут сюда и его участь будет предрешена»[35].

В ответ генералы написали послание, где говорилось, что свободный выход из Ульма с оружием и знаменами куда более предпочтителен, чем бесплодное сидение в обреченной крепости. Не спросив Макка (хотя возможно, напротив, с его тайного согласия), Риш, Лаудон и Гиулай направили князя Лихтенштейна в штаб Нея с требованием предоставить гарнизону свободный выход и отступление за реку Лех. Ней тотчас обратился к Бертье, но последний сообщил, что император желает сдачи не только крепости, но и ее гарнизона.

Ночью пришел ответ австрийцев: «Гарнизон Ульма, с сожалением констатируя, что маршал не принял достойных условий, на которые гарнизон, рассчитывая на справедливость, надеялся, решил ожидать случайностей войны»[36]. Бумага была подписана генерал-лейтенантами Ришем, Гиулаем, Лаудоном.

Новый день 16 октября 1805 г. стал еще более безрадостным для австрийцев. Все высоты вокруг крепости были заняты французскими войсками, а жерла их орудий наведены на укрепления.

Ульм, лежащий почти целиком на левом берегу Дуная, был когда-то весьма сильной крепостью, поскольку высокие холмы, опоясывающие город на расстоянии примерно километра, в Средние века не имели решающего тактического значения. Однако с появлением артиллерии ситуация изменилась. Крепость стала уязвимой. В Наполеоновскую эпоху, когда вся атака и оборона фортификационных сооружений строилась на применении артиллерии, а дальнобойность тяжелых орудий достигала 2—3 км и более, ульмские укрепления уже не являлись защитой против серьезной артиллерийской атаки. Оборона могла быть успешной лишь в том случае, если бы имелось достаточно сил для защиты не только городских стен, но и- укреплений на Михельсберге и Гайсберге. Но эти фортификационные сооружения были взяты французами накануне. Теперь артиллеристы Наполеона при желании могли сравнять с землей город и без особого труда пробить бреши в крепостных стенах.

Кроме того, численное соотношение и моральный дух войск были абсолютно несоразмерны. В крепости было заперто около 25 тыс. потерявших отвагу солдат, у французов только под Ульмом было не менее 70 тыс. воинов, уверенных в победе и беззаветно преданных своему полководцу.

Равелин — укрепление, вынесенное вперед по отношению к основной крепостной стене. Обычно имеет треугольную форму. Равелины служили часто для прикрытия крепостных ворот основной стены. Разумеется, в таком случае равелин также имел свои ворота.

Наполеон прекрасно понимал это и в случае отказа австрийцев от капитуляции решил штурмовать город. Впрочем, прежде чем пойти на такой шаг, император стремился сделать все, чтобы добиться нейтрализации неприятельской армии без страшного кровопролития.

Утром 16 октября артиллерия Нея открыла огонь по крепости. Эта стрельба носила в основном предупредительный характер — в городе были лишь небольшие разрушения и погибли двое солдат гарнизона. Вскоре после этого прибыл парламентер от французов с приглашением князю Лихтенштейну прибыть к Наполеону для переговоров. Беседа Наполеона с князем, несколько писем, которыми французское командование обменялось с австрийским в этот день, ничего не дали. Макк отказывался капитулировать, утверждая, что на помощь Ульму идут многочисленные армии, а крепость прекрасно готова к обороне. Тем не менее вечером, видя нависшую опасность, Макк пошел на компромисс и предложил свой, очень странный, вариант капитуляции, обратившись со следующим посланием к Нею:

«Господин маршал... я повторяю, что крепость не будет сдана никогда и никому, кроме как лично Его Величеству. Желать, чтобы гарнизон сдался в качестве военнопленных — это значит желать его обесчестить. Мы совершенно определение ждем помощи. Однако, желая заслужить высокое уважение Его Величества и Вашей светлости, я предлагаю сделать иначе. Буду счастлив принять Его Величество в городе, чтобы выразить ему все мое глубокое почтение и восхищение... Чтс же касается австрийской армии, она сложит оружие на два дня, то есть до послезавтра, когда снова возьмет оружие и сможет выйти из города»[37].

Ночью Наполеон отправил ответ, подписанный маршалом Бертье. Под проливным дождем, остановившим все боевые действия, граф де Сегюр, адъютант императора, повез это письмо Макку. Нарочный из штаба с трудом нашел необходимого для такой миссии «трубача артиллерии, наполовину утонувшего в грязи под зарядным ящиком, куда тот забрался от дождя», и направился к городским укреплениям. Сегюра встретил австрийский офицер, завязал ему глаза и проводил к Макку.

«Мы вошли на постоялый двор, где располагался главнокомандующий, — рассказывал Сегюр. — Было, очевидно, около трех часов ночи. Меня принял старый генерал высокого роста, он показался мне весьма бледным. По его лицу было видно, что у него богатое воображение. На нем отпечатались душевные муки, которые генерал пытался скрыть...»[38]

К сожалению, из последующего увлекательного рассказа Сегюра о беседе с Макком можно оставить только эти несколько строк, так как остальные не подтверждаются документами следствия о капитуляции Ульма, начавшегося в Вене несколько месяцев спустя, в ходе которого были вскрыты все мельчайшие подробности этого события. И если образ трубача артиллерии, наполовину утонувшего в грязи, наверняка до конца жизни отпечатался в голове известного мемуариста, то его театрально-драматическая беседа с Макком, скорее всего, плод воображения и чтения позднейших исторических произведений.

Адъютант императора, по всей видимости, всего лишь передал письмо Наполеона, датированное 17 октября, с предложением Макку отсрочить капитуляцию на пять дней. Австрийский главнокомандующий согласился утром сдаться, но требовал большего срока. Ему были посланы новые предложения, на которые он ответил коротким письмом:

«Свободный выход гарнизона без плена. Иначе — срок восемь дней или смерть. Вот мой последний ответ. Ульм, 17 октября 1805 г. Макк».

Наполеон принципиально согласился на это предложение, и капитуляция была подписана в тот же день. По ее условиям 18 октября австрийские войска должны были передать крепостные ворота французам и «вещь неизвестная дото-

ле, — рассказывал австрийский офицер, — принять в городе одну из их бригад. В 9 часов утра Новые ворота были переданы французам, и мы с болью в душе видели, как под звуки музыки их бригада с маршалом Неем во главе вошла на центральную площадь, где не замедлила получить направления на расквартирование... Нужно было быть в Ульме, чтобы представить все наше унижение... Наши солдаты смешались с французскими и, зная о своей участи, с презрением смотрели на офицеров... Французские генералы с их многочисленной свитой скакали в галоп по улицам, обрызгивая нас грязью с ног до головы...»[39]

19 октября в 2 часа дня Макка пригласили в Обер Эльхинген, где находился штаб императора. Австрийский главнокомандующий встретился с Наполеоном, который любезно принял своего гостя и изложил ему действительную ситуацию на театре военных действий, показав на карте расположение всех корпусов. Он рассказал, что русская армия еще стоит за Инном, Бернадотт вступил в Мюн хен, генерал Вернек капитулировал в Трохтельфингене, а Мюрат неотступно преследует эрцгерцога.

«...Эти удары судьбы потрясли несчастного главнокомандующего, силы оставили его, мы видели, как он побледнел и был готов упасть без сознания. Чтобы удержаться, ему было необходимо опереться о стену...»[40] — рассказывал Сегюр. Макк согласился на все. На следующий день австрийская армия должна была сложить оружие.

20 октября на равнине перед крепостью Ульм состоялась одна из самых величественных и драматических церемоний военной истории. По склонам холмов, окружавших крепость, в полной парадной форме встали полки корпусов Нея, Мармона и императорской гвардии. Погода изменилась. Из-за свинцовых туч вышло яркое солнце, заигравшее тысячами огоньков на стали штыков, начищенных касках и жерлах орудий. Впереди своих победоносных легионов на небольшом возвышении стоял император, окруженный пышным штабом, блиставшим золотом эполет и шитья генеральских мундиров, галунами шляп, увенчанных целым лесом колышущихся плюмажей.

Ровно в два часа дня забили барабаны, заиграла военная музыка. По этому сигналу ворота Фрауэнтор распахнулись, и оттуда появилась длинная колонна австрийских войск, впереди которой ехали восемнадцать генералов... Австрийские полки, выйдя из города, двигались вдоль всего амфитеатра французских войск и складывали оружие неподалеку от возвышения, где стоял император. Артиллеристы передавали свои орудия и упряжки французским артиллеристам, кавалеристы отдавали своих коней французской кавалерии. Затем австрийские солдаты уже без оружия и почти без строя возвращались в Ульм через Новые ворота... Церемония длилась три часа!..

«Подобное зрелище невозможно описать, — рассказывал Мармон, — и чувства, охватившие меня тогда, я помню до сих пор. В каком счастливом опьянении находились наши солдаты! Какая награда за месяц их лишений! Какой пыл, какое доверие вызвали у войск эти сцены. Для такой армии не было ничего невозможного. Любая битва ей была по плечу»[41].

Ликование французских солдат смешалось в этой удивительной картине с отчаянием неприятельской армии. «...Австрийцы выходили с барабанным боем, с яростью в сердце и отчаянием в душе, — рассказывает австрийский офицер. — Они проходили вдоль строя французских войск, в то время как вражеская музыка угощала нас мелодией «Vogel Fanger»*. О катастрофа под Полтавой, о капитуляция под Пирной — вы ничто по сравнению с этим ужасающим выходом из Ульма! Позор подавляет нас. Грязь, которой нас испачкали, невозможно стереть...»[42]

* Vogel Fanger (нем.) — пойманная птица.

Во время церемонии император пригласил к себе австрийских генералов Утешая их, он сказал, что «на войне бывают разные случайности и часто победители бывают побежденными; что эта война, в которую вовлек их государь. несправедлива, лишена мотива, и, откровенно говоря, он не знает, почему сражается, и что от него хотят...»

Наполеон отпустил Макка и всех австрийских генералов и офицеров под честное слово не воевать против Франции до того момента, пока не будет произведен их обмен на соответствующих пленных французских офицеров. Так как подобная практика не существует в современную эпоху, стоит, очевидно, дать некоторые объяснения. Речь идет об обмене символическом. Если в плен попадал французский офицер, то его отпускали; при этом одному из условно пленных австрийских офицеров того же звания выдавалась бумага, согласно которой он освобождался от своего честного слова и мог снова принять участие в боевых действиях. Подразумевалось также, что честное слово действует только в ходе данной войны. После заключения мира происходило общее возвращение пленных и, если впоследствии начиналась новая война, все снова могли принять в ней участие*.

В Ульме капитулировало 25 365 австрийских солдат и офицеров, пере;: императором было сложено сорок знамен, захвачено 63 пушки, 2 гаубицы, 42 зарядных ящика. Общее же число пленных, взятых во время Ульмской операции (учитывая бои под Вертингеном, Гюнцбургом, Эльхингеном и т.д.), составило 37 тыс. человек. Наконец, если учесть убитых, тяжело раненных и разбежавшихся, можно предположить, что общие безвозвратные потери австрийцев составили почти 50 тыс. человек.

Таким образом, Наполеону удалось без генерального сражения наголову і разгромить, практически уничтожить австрийскую армию в Германии.

Император почти не преувеличивал, когда в своем воззвании от 21 октября 1805 г. сказал:

«Солдаты Великой Армии! В две недели вы выиграли кампанию... Эта армия, которая с самоуверенностью пришла на наши границы, уничтожена... Из 100 тысяч человек, составлявших ее, 60 тысяч пленено... 200 орудий, 90 знамен, все ее генералы захвачены нами. Из всей вражеской армии не ускользнуло и 15 тысяч человек.

Солдаты, я объявлял вам, что будет большая битва, но благодаря неудачным маневрам врага я смог добиться успеха без всякого риска. И что беспримерно в истории народов — эта победа не стоила нам и 1 300 выбывших из строя.

Солдаты, этот успех — плод вашего безграничного доверия императору, вашего терпения, вашего умения переносить усталость и всевозможные лишения, вашего редкого бесстрашия...

Моей заботой всегда будет добиваться победы, проливая как можно меньше крови, ибо мои солдаты — это мои дети.Наполеон»[43].

Быть может, сейчас все это может показаться забавной условностью. Но в начале XIX века понятия об офицерской чести были столь высоки, что в подавляющем большинстве случаев слово неукоснительно держалось. Достаточно привести один пример. Молодой офицер французского флота Жюрьен де ла Гравьер попал в плен к англичанам в 1803 г. Его не заключили в тюрьму, а он жил на территории Англии под честное слово не совершать побега. Через год его обменяли — не символически, а вполне реально на соответствующего пленного английского офицера. Однако бумаги, подтверждающие, что честное слово с него снято, пришли только в 1809 г. Поэтому, несмотря на отчаянные просьбы молодого офицера вернуться в строй до получения этих бумаг, военно-морской министр категорически запретил ему служить на боевых кораблях до получения от неприятеля документа о снятии честного слова.

1 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne, t. 3, p. 17.
2 Ibid.
3 Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armee, 1800-1830. Paris, 1895, p. 46.
4 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit, t. 3, p. 316-317.
5 Ibid., p. 31.
6 Ibid., p. 159.
7 Fezensac R.-E.-P.-J. de Montesquiou, due de. Souvenirs militaires de 1804 a 1814. Paris, 1863, p. 56-57.
8 Ibid.
9 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 171.
10 Ibid., p. 40.
11 Леер. Война 1805 г. Аустерлицкая операция. СПб., 1888.
12 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 42.
13 Fezensac R.-E.-P.-J. de Montesquiou, due de. Op. cit., p. 139, 118.
14 Relation de la prise d'Ulm, par M. D..., capitaine d'etat-major au service d'Autriche. Journal des sciences militaires des armees de terre et de mer, 1827, t. 8.
15 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 54.
16 Ibid., p. 528.
17 Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1951, т. II, с. 92-93.
18 Relation de la prise d'Ulm...
19 Correspondance de Napoleon I[er], t. 11, p. 315-316.
20 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 70.
21 Ibid.
22 Segur. Un Aide de Camp de Napoleon. Memoires general comte de Segur. Paris, 1894, p. 187.
23 Fezensac R.-E.-P.-J. de Montesquiou, due de. Op. cit., p. 64.
24 Ravy D. Journal d'un engage volontaire pendant les campagnes de 1805, 1806 et 1807. // Histoire d'un regiment. La 32[e] demi-brigade (1775-1890), p. 134.
25 Segur. Op. cit., p. 186.
26 Roguet F. Memoires militaires du lieutenant-general comte Roguet, colonel en second des grenadiers a pied de la Vieille Garde, t. 3, p. 125.
27 Ibid., p. 126-127.
28 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 79-80.
29 Segur. Op. cit., p. 190-191.
30 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 189-191.
31 Relation de la prise d'Ulm...
32 Segur. Op. cit., p. 194; Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoleon I[er]. Paris, 1900, p. 159-160.
33 Segur. Op. cit., p. 194-195.
34 Relation de la prise d'Ulm...
35 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 3, p. 217.
36 Ibid., p. 218.
37 Ibid., p. 222.
38 Segur. Op. cit., p. 202.
39 Relation de la prise d'Ulm...
40 Segur. Op. cit., p. 211.
41 Marmont A.-F.-L., due de Raguse. Memoires de 1792 a 1841 imprimes sur le manuscript original de l'auteur avec plans. Paris, 1856—1857, t. 2, p. 193.
42 Relation de la prise d'Ulm...
43 Correspondance... t. 11, p. 342—343.

ГЛАВА 9

ДОРОГА НА ВЕНУ

Величайшие античные и современные полководцы никогда не считали врагов, но лишь спрашивали, где они находятся, чтобы пойти прямо на них и вступить с ними в бой.

Фолар.

В то время когда пушки грохотали под стенами Ульма, на границе России с Пруссией никто не стрелял. Однако события, которые здесь происходили, были столь важны, что можно задать вопрос: где больше решалась участь Европы: в Баварии или на берегах польской речушки Пилицы. Интересно, что в большинстве исторических трудов, в отличие от знаменитой Ульмской операции, события, которые здесь произошли, практически совершенно обойдены вниманием. И тем не менее их значение трудно переоценить.

Как уже отмечалось, в конце лета 1805 г. русские войска пришли в движение. Подольская армия Кутузова первой перешла границу Австрии и двинулась в западном направлении. Главнокомандующий нагнал ее 21 сентября на марше неподалеку от местечка Кальвария.

Гвардия начала готовиться к выступлению из Петербурга уже в конце июля. 10 (22) августа на Измайловском плацу император провел смотр гвардейским полкам, и прямо со смотра гвардия двинулась в поход. А 9 (21) сентября вслед за гвардейскими полками Петербург покинул Александр I. Его сопровождали обер-гофмаршал граф Толстой, генерал-адъютанты граф Ливен и князь Волконский, управлявший министерством иностранных дел князь Чарторыйский и тайные советники граф Строганов и Новосильцев. Через несколько дней в местечке Усвят царь нагнал гвардию и мог констатировать, что распоряжения о марше гвардейских полков строго соблюдались. Шефам полков было предписано «не позволять людям рассыпаться по дороге, но идти в шеренгах и рядах, в самом большом порядке, стараясь держать сколько можно одну ногу, сохранять должное расстояние между взводов, полувзводов или отделений, во всегдашней готовности зайти во фронт; офицерам быть непременно при своих местах, а если получат позволение от начальника ехать верхом, то и в таком случае из взводов не выезжать»[1].

Разумеется, маршировка в ногу не способствовала удобству и скорости марша, но выглядела красиво, и император остался доволен. Проехав через Минск и Брест, 17 (29) сентября Александр I прибыл в имение своего «друга» князя Чарторыйского в местечке Пулавы в непосредственной близости от прусской границы. Следует заметить, что государственные границы того времени весьма отличались от современных. Как уже отмечалось, Польша была разделена между Россией, Австрией и Пруссией. И хотя большая часть старых польских земель досталась пруссакам, австрийцы тоже получили немалую долю территории, на которой находится в настоящее время Польское государство. Австро-прусская граница проходила по небольшой речке Пилице, западному притоку Вислы, а затем поворачивала на север и, пройдя всего лишь в 20 км от Варшавы, поворачивала по Бугу, восточному притоку Вислы. Границы трех государств — России, Австрии и Пруссии — сходились в нескольких километрах к северу от Бреста на берегу реки Буг. Имение Чарторыйского Пулавы находилось на

территории Австрийской Польши в 100 км к западу от русской границы и всего лишь в 60 км к юго-востоку от границы Австрии и Пруссии.

Визит Александра в Пулавы носил не только сентиментальный характер посещения дружеского семейного очага. Почти точно на полпути между Пула-вами и границей, в местечке Козенице находился штаб армии Буксгевдена, а сама армия в полной боевой готовности стояла в нескольких километрах от прусской границы. Позади этой армии почти что в двух шагах от Пулав находились войска генерала Эссена. Части Буксгевдена и Эссена были объединены под командованием генерала Михельсона. Несколько севернее, неподалеку от Гродно была сосредоточена армия Беннигсена, также готовая вступить на территорию Пруссии. Общая численность русских войск, сосредоточенных в старой Польше и на ее границах, была куда более впечатляющей, чем численность армии Кутузова. Около 150 тыс. русских солдат стояли здесь в полной готовности, а имение Пулавы оказалось прямо в центре главной массы войск.

Однако вести, полученные от русского посла в Берлине Алопеуса, были самыми неутешительными. Буквально в тот день, когда Александр выезжал из Петербурга, Фридрих Вильгельм III написал царю, что он категорически отказывается пропустить русскую армию через территорию Пруссии и будет сопротивляться любой попытке нарушить нейтралитет его страны. 10 (22) сентября Алопеус сообщал Беннигсену и Михельсону: «...все усилия мои остались тщетны, и я никак не мог успеть отвратить его прусское величество от системы нейтралитета, им твердо принятой. Его величество дни три тому назад приказал всей армии прусской быть в готовности к походу, по-видимому, дабы дать более силы сему его решительному намерению. Сие средство приведет в движение двести тысяч человек»[2].

Ситуация приняла совершенно неожиданный поворот. Александр, уверенный в том, что он не только очаровал прекрасную прусскую королеву и так же, как ее сердцем, владеет волей прусских министров, был в полной растерянности. Русский царь не сомневался, что пруссаки поупираются для приличия, а затем, если уж не вступят сразу в коалицию, то, по крайней мере, не будут препятствовать проходу русских войск. Ну а когда русские полки будут лихо маршировать по Берлину навстречу неприятелю, его очаровательная улыбка и томные глаза Луизы сделают остальное — король сдастся, и вслед за русскими полками на войну с Наполеоном отправятся бравые прусские гренадеры.

Теперь его игра приобрела опасный оборот. Вместо того чтобы с восторгом последовать за «благодетелем Европы» на войну с Наполеоном, зловредные пруссаки повернули почему-то свои пушки не на запад, а на восток. Все попытки договориться оказались бесплодными, а прусский король, сославшись на болезнь, отказался от личной встречи с Александром. На западной стороне Пи-лицы лицом к войскам Буксгевдена стояли войска также в полной боевой готовности. И в Пруссии все почему-то заговорили о войне не с Францией, а с Россией. Принцесса Луиза Прусская, княгиня Радзивилл, вспоминала: «В 1805 г. я поехала... в Варшаву и на пути... я встретила много войск, которые шли через Одер *(на границу).* В Варшаве нас очень обеспокоили разговоры о войне с Россией, хотя мы еще не очень в это верили, но по нашему возвращению в Берлин я убедилась, что все ее ожидают»[3].

Отныне, писал Чарторыйский русскому послу в Вене «...мы не можем более вступить в Пруссию, делая вид, будто мы не знаем, что она намерена воспротивиться вступлению наших войск... В случае войны с Пруссией нам придется воевать уже не с государством, застигнутым врасплох и в силу неожиданности вынужденного быть более сговорчивым, а с державой, предупрежденной заранее, решившей защищаться и имевшей время для подготовки»[4].

Напрасно министр иностранных дел Пруссии барон Гарденберг, взывая к разуму русского правительства, заявлял: «Государственность, честь и независимость *(Пруссии),* вероятно, соединятся с Наполеоном. Бога ради, не заставляйте нас умножить силы наполеоновской армии на 200 тысяч человек»[5]. Чарторыйский и Александр были готовы отдать приказ о вторжении.

Политика царя и его министра иностранных дел поставила Россию на грань войны, которую никто не ожидал — войны с государством, находившимся в самых лучших отношениях с Российской империей, и единственным грехом которого было то, что оно не хотело немедленно воевать с Наполеоном. Как ни странно, князь Чарторыйский даже не скрывал ни тогда, ни позже своих намерений. В своих мемуарах он написал: «Я должен признать, что видел, насколько маловероятно втянуть Пруссию в союз. Но это меня вовсе не печалило. Конечно, я не пренебрегал никакими доводами, чтобы заставить ее присоединиться к нам. но я с удовольствием предвидел, что в случае отказа мы пройдем по ней с оружием в руках»[6]. Князь надеялся, что результатом войны должно было стать восстановление Польского королевства. Политика Чарторыйского в эти дни была такова, что знаменитый историк Александровской эпохи великий князь Николай Михайлович, говоря о поведении князя, написал, что оно было «цинично и даже преступно для руководителя русских интересов»[7]. Но дело в том, что это была линия не только Чарторыйского, но и политика царя Александра.

Сложно даже предсказать те неисчислимые последствия, которые имела бы эта война. Сам Чарторыйский признавал: «...нужно ожидать войны по всей форме, которую Пруссия будет вести со всей возможной энергией, и немедленного и безусловного союза ее с Францией»[8]. И тем не менее 28 сентября (10 октября) министр говорил: «...если король ответит отказом на все, что было бы полезным для общего блага и могло бы оградить честь императора, его величество, несмотря на свое крайнее желание избежать этого и на стремление во всем считаться с выгодой и безопасностью своего союзника, полон решимости начать войну против Пруссии, и наша армия перейдет Пилицу...»[9] Подобное безрассудное предприятие поддерживало только одно государство — Англия. Лорд Гоуэр. который прибыл в этот момент в ставку царя, заявил, что в случае начала русско-прусской войны деньги, выделенные Англией для субсидий Пруссии, пойдут на оплату этой войны.

Нужно сказать, что в случае начала войны с Пруссией последствия конфликта для России были бы таковы, что даже неудачи, произошедшие в ходе войны 1805 г. с Наполеоном, показались бы детскими шалостями. Пруссия располагала почти 200-тысячной армией, готовой к войне. Она была полна решимости отразить немотивированное и несправедливое нападение. В этом случае Наполеон не просто выиграл бы войну с третьей коалицией, а фактически подчинил своему влиянию Европу, причем она приняла бы это влияние по своей врле. У Пруссии, как понимал сам Чарторыйский, не оставалось в таком случае никакого другого пути, кроме как союз с Францией, где Пруссии, разумеется, отведена была роль младшего брата. Австрия, разгромленная под Уль-мом и брошенная на произвол судьбы тем, кто увлек ее в борьбу, не смогла бы не только сопротивляться, но должна была бы в конечном итоге принять правила игры Наполеона. Так могло произойти объединение континентальных держав, подобное тому, которое создал Наполеон в 1810—1811 гг. Однако это объединение было бы создано не силой оружия, а почти что добровольно, под давлением необходимости сопротивляться двум опасным непредсказуемым государствам: Англии и России. Всякая маска поборника справедливости в борьбе против гнета «узурпатора» окончательно была бы сорвана с Александра, а Россия оказалась бы в политической изоляции.

И тем не менее навязчивая идея Александра была столь сильна, что он готов был в эти дни приказать русской армии форсировать Пилицу и начать войну с Пруссией! На счастье царя, в этот момент рядом с ним оказался австрийский посол граф Стадион, который буквально умолял Александра отказаться от безумного шага, представив ему письма, в которых венский двор «настаивал на том, чтобы любой ценой избежать войны с Пруссией».

Фортуна действительно улыбалась царю в эти дни. По настоянию своего окружения Александр, прежде чем начать войну, послал все-таки в Берлин своего адъютанта Петра Долгорукого с целью попытать последний шанс склонить пруссаков на сторону коалиции. Однако миссия Долгорукого уже была близка к полному провалу, как в прусскую столицу пришло известие, совершенно перевернувшее ситуацию. В Берлине с изумлением узнали о нарушении французскими войсками нейтралитета прусских земель в Анспахе. Эта новость поразила Пруссию поистине как удар грома. «Общее чувство охватило народ и армию, — вспоминал прусский офицер. — Повсюду чувствовали боль от оскорбления, которое было нам нанесено, и голос нации был един — все требовали войны»[10]. На этот раз речь шла о войне с Францией. Немедленно было дано разрешение на проход русских войск, а прусские части получил приказ сниматься с восточных границ и двигаться на запад. Таким образом, несколько сэкономленных дней марша для войск Бернадотта и Мармона в корне перевернули всю расстановку политических сил в Европе. Самоуверенное нарушение нейтралитета Пруссии лишило Наполеона редкого шанса достичь полного триумфа минимальными усилиями.

Через несколько дней Александр был уже в Берлине. А затем продолжил переговоры с прусской королевской четой в загородном дворце в Потсдаме, где молодой царь опять очаровывал своим томным взглядом безнадежно влюбленную Луизу. Правда, здесь возникли некоторые осложнения. Вслед за известием о нарушении нейтралитета прусской территории пришли новости о разгроме австрийцев под Ульмом.

Сокрушительный разгром армии Макка вернул Фридриху Вильгельму его нерешительность. «Трудности, с которыми мы постоянно сталкивались, — писал Чарторыйский, — ...сильно возросли в связи с уверенностью в полном поражении австрийцев, а упорное нежелание короля... отказаться от системы нейтралитета... еще более укрепилось»[11].

В этой ситуации Фридрих Вильгельм по совету известного государственного деятеля графа Гаугвица принял половинчатое решение: Пруссия подписывала не союзный договор с Россией, а лишь соглашение о вооруженном посредничестве. Согласно декларации, принятой 3 ноября 1805 г., Пруссия обязывалась представить Наполеону требования, на которых потенциальные союзники готовы были согласиться с ним на мир. Правда, эти требования были составлены так, что, как признавал Чарторыйский в письме Семену Воронцову, «невозможно, чтобы Бонапарт согласился на них»[12]. Казалось бы, что это равносильно объявлению войны Франции, однако Гаугвиц вставил в соглашение маленькую строчку, которая во многом делала его неопределенным. «Переговоры же (с *Наполеоном)* будут ведены таким образом, чтобы они были окончены в продолжение четырех недель, считая со дня отправления уполномоченного»[13].

Таким образом, ловкий министр давал Пруссии отсрочку, по крайней мере, на месяц. За это время война в Австрии должна была вступить в решающую фазу и, в случае чего, прусское правительство всегда могло найти повод отказаться от участия в конфликте. Кроме того, понимая, что Александру уже просто некуда деться, пруссаки потребовали за свое содействие невообразимую цену — либо передачу Пруссии Ганновера, либо Голландии. Можно себе предста-

вить, как выкручивался Чарторыйский в своем послании Воронцову, когда объяснял ему, что русский посол должен будет потребовать у Англии не только субсидии для пруссаков, но и «маленький подарок» в виде Ганновера!

Политические задачи коалиции, ее цели окончательно запутались. Желая заставить державы Европы воевать с Наполеоном, потому что он подчинил своему влиянию часть Италии, Голландию и ряд германских земель, Александр вынужден был сам посулить им захват именно этих же земель: Ломбардии для австрийцев, Голландии и Северной Германии для пруссаков. Да еще ему надо было суметь сделать так, чтобы один из союзников отдал другому те территории, из-за которых и разгорелся весь сыр-бор!

Запутанность политического решения не помешала тем не менее Александру в очередной раз разыграть перед прекрасной королевой театральную сцену. Во время последнего ужина с королевской четой в Потсдаме Александр выразил глубокое сожаление, что покидает Пруссию, не отдав дань уважения праху Фридриха Великого. Русский царь, Фридрих Вильгельм III и закутанная в черный плащ Луиза спустились с подсвечниками в руках в мрачное подземелье, где стоял гроб Фридриха Вильгельма I и Фридриха И. Заставив короля и королеву принести клятву дружбы, Александр решил, что лучше всего завершить эту церемонию поцелуем гроба короля, семь лет воевавшего с Россией. Лубочные картинки с изображением «клятвы у гроба Фридриха» обошли всю Европу и Россию, где вызвали, прямо скажем, некоторое недоумение...

Впрочем, все эти переговоры и клятвы были не более чем дележом шкуры неубитого медведя. А пока дело больше решали пушки и «большие батальоны», о которых Наполеон как-то сказал, что «они всегда правы». И так как 150-тысячное войско застряло в Пруссии, «большие батальоны» на театре военных действий были явно не на стороне русских.

Маленькая армия Кутузова продолжала свой марш в глубь австрийских земель. Сначала войска двигались не торопясь. Но 22 сентября в Тешене австрийское командование обратилось с настоятельной просьбой любой ценой ускорить марш. Дело в том, что в это время у австрийцев появились сведения о стремительном движении Великой Армии с берегов Ла-Манша в Баварию. Конечно, никто из австрийских стратегов и отдаленно не мог себе представить, какая сила надвигалась с запада, но предчувствие опасности явно витало в воздухе. По настоятельному требованию союзников Кутузов вынужден был предпринять изнурительные форсированные марши. Половину переходов пехотинцы совершали в пешем строю, а половину — ехали на подводах, куда были сложены ранцы и шинели. Часть конницы спешили, и она шла и ехала на подводах вместе с пехотой, а лошадей, у которых были сбиты спины, вели в поводу. Артиллерии выделили дополнительных лошадей. В результате скорость марша возросла до 45—60 км в сутки.

Погода была в эти дни очень плохая не только в Баварии, но и на всей территории Германии. В скором времени армия стала представлять собой печальное зрелище. Но австрийские власти требовали: быстрее, быстрее, быстрее... «Решительно невозможно продолжать поход только что предложенным способом, — заявил Кутузов австрийскому уполномоченному генерал-майору Штрауху в письме от 1 октября 1805 г. — ...русские императорские войска не должны более совершать форсированные переходы... Ваше Превосходительство, сами увидите невозможность этого, если Вы любезно обратите внимание на большое количество больных; число их за эти два дня удвоилось, и даже здоровые так обессилели, что почти не могут больше передвигаться. Сюда добавляется еще то, что у большинства при теперешней сырости порвана обувь;

они были вынуждены идти босиком, и ноги их так пострадали от острых камней шоссейной дороги, что они не могут нести службу. Интересам обоих императорских дворов было бы совершенно противно, чтобы армия продвигалась в таком состоянии и не приходила на место назначения даже в половинном составе, потому что даже те, которые до сих пор благополучно перенесли все тяготы, пришли бы, конечно, такими утомленными и обессиленными, что они оказались бы непригодными для полевой службы»[14].

Проблем накопилось так много, что, когда 4 октября армия дошла до Брюнна, Кутузов вынужден был на время ее оставить и отправиться в Вену, где 6 октября его встретил русский посол граф Разумовский. На следующий день вместе с послом Кутузов отправился к императору Францу, принявшему его в загородном охотничьем замке Хетцендорф. Австрийцы, наученные опытом общения со своенравным Суворовым, с опаской ожидали встречи с русским главнокомандующим. Однако они были приятно удивлены. Дипломатичный Кутузов никого не эпатировал странными выходками: не бил зеркал в своей резиденции, не появлялся голым на балконе перед толпой, не требовал в качестве ложа пук соломы — словом, был учтивым светским человеком, приятным собеседником. Император, со своей стороны, любезно встретил русского главнокомандующего. Он пригласил его на обед и благодарил Кутузова за скорость марша. Франц также изъявил полную готовность во всем помогать русской армии, а офицерам даже пожаловал 60 тыс. серебряных гульденов в качестве «столовых денег».

8 октября Кутузов встретился с вице-канцлером Кобенцелем, с которым они дружили еще в бытность Кобенцеля послом в Петербурге. У них было много общих воспоминаний и общих знакомых и даже общих грешков. Кобенцеля в свое время отозвали из Петербурга за несколько неумеренную любовь к театру, а также за слишком навязчивые ухаживания за красавицей женой князя Долгорукова. Михаил Илларионович также был большой любитель женского пола, и у него были с вице-канцлером интересные темы для разговоров не только по политическим вопросам...

Встретился Кутузов и с членами Гофкригсрата (Высшего военного совета). Русский главнокомандующий дипломатично не стал спорить с австрийскими генералами, тем более что план войны изменить было уже невозможно, а своей деликатностью и обходительностью добился всего, что ему было нужно. Австрийцы обещали, что хорошо обеспечат его армию продовольствием и боеприпасами и точными топографическими картами, которых очень не хватало штабу армии.

Что касается положения на театре военных действий, то австрийцы полностью обнадежили русского главнокомандующего. Кутузову сообщили о донесении Макка, в котором он писал Францу следующее: «Никогда никакая армия не находилась в столь выгодном положении, как наша, для того, чтобы одержать победу над неприятелем. Сожалею только об одном, что нет здесь императора, и Ваше Величество не сможет быть свидетелем торжества своих войск»[15].

Получив подобные заверения о прекрасном состоянии дел, Михаил Илларионович 9 октября отправился в Браунау, австрийский город, находящийся в 250 км к востоку от Вены. В ту эпоху это была важная пограничная крепость. Накануне его приезда в Браунау вступили передовые колонны русской армии. Так как об этом пункте постоянно говорили как о некой важной цели марша, в войсках царило радостное оживление. «...Прибыли мы в город Браунау, — записал в своем дневнике русский офицер Федор Глинка. — Колонна наша под начальством генерала Милорадовича вступила в город с восклицаниями: ура! Во всех полках играла музыка и пели веселые песни. Город Браунау, стоящий на берегу Инна, пограничный между Австрией и Баварией, имеет прекрасные укрепления, но ни одного человека в гарнизоне; имеет много медных пушек в арсеналах; но очень

мало исправных на валах и ни одного запасного магазейна. Удивительно, для чего Цесарцы* не хотели привести славной крепости сей в оборонительное состояние. Правда, что между его и французскою армиею стоит около ста тысяч австрийцев при Ульме под начальством принца Фердинанда и генерала Макка»[16].

Несмотря на бодрый дух войск, русский главнокомандующий не мог быть не обеспокоен. Во-первых, вследствие 22-дневных форсированных маршей колонны растянулись на многие десятки километров. Далеко позади остались пушки к обозы. Непосредственно под командой Кутузова собралось к 14 октября не более 30 тыс. человек. 6-я колонна Подольской армии (около 9 тыс. человек) еше перед вступлением на австрийскую территорию была отделена от войск Кутузова и направлена на юг, так как появились сведения о возможном конфликте с турками. Однако затем по настоянию австрийцев для заслона против турок был;? направлены другие войска, а 6-ю колонну вернули в состав Подольской армии. За счет этих маршей и контрмаршей 6-я колонна оказалась далеко позади, и теперь ее отделяли от главных сил несколько сотен километров.

Наконец, сразу по прибытии Кутузова в Браунау в штаб русского главнокомандующего явился русский посланник в Баварии барон Бюлер. Он сообщил, что французы заняли Мюнхен. Австрийские офицеры и чиновники ничего не могли сообщить на этот счет. Но на третий день своего пребывания в Браунау Кутузов получил письмо от эрцгерцога Фердинанда, датируемое 8 октября. «Наша армия получила важную выгоду овладеть Иллером, Ульмом и Меммин-геном... Неприятель не хочет атаковать нас с фронта, но обходит нашу позицию, стараясь помешать мне соединиться с вами, что ему уже удалось, так как он прошел с частью своих войск через Анспах. В самом деле, наше соединение с вами становится временно невозможным или, по крайней мере, опасным, потому что неприятель овладел Донаувертом... У меня под ружьем 70 000 человек. Если неприятель перейдет через Лех, я атакую и разобью его. Находясь в Ульме, я не могу терять выгоды действовать на обоих берегах Дуная... Таким образом, смело ожидаем мы времени, когда ваша армия будет в состоянии выступить, и вместе с вами найдем мы возможность приготовить неприятелю участь, какую он заслуживает... Моя армия одушевлена мужеством. С полною уверенностью надеемся мы на такое же расположение духа в ваших войсках. Для соединения с вами нам не будет ничего трудного, ничего невозможного»[17].

Действительно, на следующий день, 17 октября, Кутузов получил известие об одержанной австрийцами победе. Речь шла о бое под Хаслахом с дивизией Дюпона, но австрийский рапорт был составлен так неопределенно, что можно было подумать, что речь идет о разгроме целого корпуса Нея. Кутузов отдал приказ по армии, извещающий о победе союзников, и назначил даже благодарственный молебен на утро следующего дня. Однако радость длилась недолго.

Едва были возданы похвалы всевышнему за дарованный успех, как высланные в Баварию разведчики и передовые разъезды принесли тревожные известия. 19 октября Кутузов написал царю: «По доходящим до меня сегодня с разных сторон сведениям полагать должно с вероподобием, что армия под командой эрцгерцога Фердинанда сильно разбита неприятелем и потеряла Ульм и Меммингем, где притом взято в плен французскими войсками двадцать четыре батальона австрийских... Иные сказывают, что его королевское высочество ретируется вниз по левому берегу Дуная, а иные, что пошел к Тиролю... Сообщения с армиею эрцгерцога Фердинанда совершенно отрезаны, я, однако, употребил все средства, не жалея ни мало и денег, дабы получить что-либо положительного о его высочестве; несколько людей, разнообразно переодетых, посланы уже для разведывания»[18].

* Цесарцы — австрийцы.

Буквально сразу после составления этого рапорта Кутузов получил неожиданное подкрепление. Генерал Кинмайер, который не стал пытаться спасать главные силы армии Макка, присоединился к русской армии. Корпус Кинмай-ера насчитывал 24 батальона и 60 эскадронов — всего 18 тыс. человек. Вслед за ним в Браунау прибыл еще один австрийский отряд, четыре батальона пехоты и ГессеТомбургский гусарский полк под командованием генерала Ностица (около 3 тыс. человек). Эти войска Кутузов расположил на правом и левом флангах своей армии: отряд Ностица — в 40 км к северу у Пассау, а корпус Кинмайера — в 50 км к югу у Зальцбурга. Командование этими войсками было поручено генералу Мерфельду. Вместе с австрийцами армия Кутузова отныне насчитывала около 56—57 тыс. человек*.

Австрийские генералы, собравшиеся в Браунау, пытались уговорить Кутузова выступать на Мюнхен, выбить оттуда французов и хотя бы вступить в связь с армией Макка. Однако Кутузов продолжал стоять на месте.

Абсурдность плана союзников открылась во всей своей наготе. Вместо того чтобы сконцентрировать свои войска и огромной массой двинуться в наступление, было сделано все для того, чтобы распылить силы. Союзники, точнее император Александр, видели сразу слишком много политических целей: вовлечь Баварию в состав коалиции, заставить Пруссию присоединиться к союзу, надавить на Данию... В результате, имея в общей сложности значительное численное преимущество, они оказались везде слабы. Но это еще не все. Сначала, чтобы оккупировать Баварию, форсированными маршами вперед была брошена армия Макка. Потом вдруг поняли, что она оказалась опасно отделена от остальных войск, и с таким же бешеным упорством стали гнать вперед армию Кутузова, в результате чего она оставила тысячи больных и выбившихся из сил солдат на дорогах, растеряла свои обозы и пушки. При этом 150 тыс. русских солдат стояли на прусских границах. Обладая абсолютной стратегической инициативой — ведь именно союзники приняли решение о начале войны, — они могли сначала сконцентрировать свою армию, а потом с почти что 300-тысячным войском двинуться вперед по долине Дуная. В этом случае Наполеону пришлось бы решать куда более сложную задачу. Теперь же изможденная поспешными маршами армия Кутузова осталась один на один с победоносными войсками Наполеона, и от русского главнокомандующего требовали двинуться в наступление!

Михаил Илларионович с самого начала был в числе противников политики Александра. Он был одним из видных деятелей «русской партии», выступавшей за независимую политику России. Он считал, что эта война совершенно не нужна, но, разумеется, не стал отказываться от выгодного назначения на пост командующего армией. Как русский генерал и главнокомандующий, он, несмотря на свои политические взгляды, готов был сделать все возможное для победы русского оружия. Но он совершенно не желал делать невозможное для спасения гибнущей австрийской армии, оказываясь крайним в бредовой стратегической ситуации, в которую его поставили Александр I и австрийский Гоф-кригсрат. Будучи по своему характеру человеком обходительным и дипломатичным, тщательно взвешивающим все свои слова и поступки, он не стал уст-

* В начале своего марша Подольская армия насчитывала в своих рядах 53 397 человек. Шестая колонна (9 548 человек) была временно отделена от армии и в результате отстала от главных сил. Более 6 000 человек заболели вследствие тяжелых переходов и были оставлены по пути. Таким образом, общая численность Подольской армии в это время примерно 37 тыс. человек. Однако некоторые батареи и отряды еще не присоединились. Округленно реальную численность войск Кутузова, сосредоточенных в Браунау, можно оценивать как 35—36 тыс. человек.

раивать скандалов австрийцам, а тем более открыто перечить царю. Он просто сделал все для того, чтобы тянуть время. Кутузов отправил послание в Вену, в котором запрашивал разрешение от императора Франца. Он прекрасно знал, что будет поступать все равно по-своему. Но письмо давало ему несколько дней отсрочки, а заодно демонстрировало уважение к начальству.

Послание императору было отправлено 22 октября, а на следующий день ситуация стала предельно ясной. В штаб Кутузова в разбитой карете приехал австрийский генерал с перевязанной головой. Л.Н. Толстой так прекрасно описал в своем романе сцену встречи Макка с Кутузовым, что ее просто сложно представить иначе. «Дверь кабинета отворилась, и на пороге ее показался Кутузов. Генерал с повязанною головой, как будто убегая от опасности, нагнувшись, большими, быстрыми шагами худых ног подошел к Кутузову.

— Vous voyez le malheureux Mack*, — проговорил он сорвавшимся голосом.

Лицо Кутузова, стоявшего в дверях кабинета, несколько мгновений оставалось совершенно неподвижно. Потом, как волна, побежала по его лицу морщина, лоб разгладился: он почтительно наклонил голову, закрыл глаза, молча пропустил мимо себя Макка и сам за собой затворил дверь»[19].

Неизвестно, как в действительности произошла эта встреча, но ясно, что известия от Макка были самым настоящим шоком для русского главнокомандующего. Действительность превзошла все самые мрачные ожидания. Теперь у Кутузова не было ни малейших сомнений в необходимости немедленного отступления. Однако, как всегда дипломатичный, он пригласил Макка и Мерфельда отобедать вместе и обратился к ним за советом, что делать дальше. Ответ на свои вопросы Кутузов, разумеется, знал заранее. Но внешние приличия были опять-таки соблюдены.

Сразу после этого Кутузов написал письмо императору Францу: «Генерал Макк, прибывший в Браунау, осведомил меня о всем, что касается армии его королевского высочества эрцгерцога Фердинанда, а также сообщил мне сведения о французах. Одновременно он сказал, что весьма спешил с приездом сюда, чтобы отговорить меня продвигаться вперед, ввиду того, что Бонапарт сосредотачивает все свои силы в Мюнхене, чтоб обратить их на меня, и что я рискую быть окруженным со всех сторон несколькими корпусами противника, значительно превосходящего меня численностью. Мы, генерал Макк, генерал Мер-фельд и я, сочли необходимым, чтоб я отступил с армией к Ламбаху, где буду ждать приказаний вашего императорского и королевского величества, постепенно отходя, смотря по обстоятельствам, до Эннса и Линца, на случай, если враг будет мне сильно угрожать»[20].

Если в письме австрийскому императору Кутузов говорил только о военных проблемах, то в послании русскому послу в Вене графу Разумовскому и почти такой же депеше князю Чарторыйскому главнокомандующий сообщил и очень важные политические новости. Дело в том, что сразу после капитуляции в Ульме генерал Макк был приглашен в штаб-квартиру Наполеона в аббатстве Эльхинген и имел с французским императором долгую беседу. «Отправляйтесь в Вену, — сказал он Макку. — Я разрешаю вам сказать от моего имени императору Францу, что я желаю только мира, и что мне очень жаль, что этот мир был нарушен. Я готов договориться с ним и предложить ему самые выгодные условия. Я готов вести переговоры и с Россией, раз вы этого желаете. Пусть мне сообщат предложения этих двух держав. Я готов принести жертвы, даже большие жертвы. Я объявляю это вам и прошу вас, сообщите вашему государю, что достаточно было бы, чтобы он послал ко мне графа Кобенцеля или кого-нибудь другого вместе с русским уполномоченным, чтобы начать переговоры»[21].

* Вы видите несчастного Макка (фр.).

Обстоятельства этой беседы Макк не скрывал от Кутузова и проницательный полководец сразу понял, что из этого всего может выйти. Он не мог не замечать, что австрийцы шли на эту войну без всякого подъема, и не сомневался, что после страшной катастрофы, которую претерпела их армия под Уль-мом, они не могут не начать думать о переговорах. Кутузов также великолепно отдавал себе отчет в том, что его декларация австрийскому императору о возможной защите пути на Вену является не больше чем блефом. Армия Буксгев-дена была еще далеко-далеко (на пути из Троппау), армия Беннигсена находилась у Варшавы, армия эрцгерцога Иоанна была отрезана в Тироле, а многочисленная армия эрцгерцога Карла в Италии оказалась совершенно бесполезной там, где действительно решалась участь войны. Кутузов мог рассчитывать только на свои силы, но у него, по самым оптимистичным оценкам, было в три раза меньше войск, чем у Наполеона. Значит, путь на Вену для французов открыт, и если этого еще не понимал австрийский император, то в скором времени он должен был осознать опасность со всей очевидностью. В такой ситуации дальнейшее существование прочного союза оказывалось более чем под вопросом. Было ясно, что австрийцы могут начать сепаратные переговоры, и война становилась для русских совершенно абсурдной.

Конечно, сказать это все в лоб дипломатичный Кутузов не мог и не хотел. Однако дать информацию к размышлению тем, кто принимает политические решения, он был просто обязан. Нужно сказать, что Михаил Илларионович сделал это с присущей ему тонкостью и деликатностью. В послании, адресованном 24 октября графу Разумовскому, он написал:

«В тот же день, когда Макк попал в руки французов, Бонапарт велел привести его к себе. С двух часов пополудни до тех пор, пока не зажгли свечи, он, по его словам, находился в кабинете главы французского правительства, который в течение этого времени несколько раз говорил ему о том, что он желает прекращения военных действий. Г-н Макк ему отвечал, что император, его государь, также не отказался бы от примирения на прочных основах, что он никогда не противился, но что, несмотря на неудачи армии его высочества эрцгерцога Фердинанда, он не сможет принять никакого предложения без согласия его ближайшего союзника, русского императора. Бонапарт ответил, что он готов вести переговоры также и с нашим августейшим государем, чувства которого ему прекрасно известны, и он произнес буквально следующие слова: «Александр — хороший человек. Добрый и прямодушный, но мне не нравится его министерство, которое предано Англии и целиком управляется ею». Затем он добавил, по-прежнему обращаясь к Макку: «Вы можете сказать императору, Вашему государю, что я решил пойти на жертвы, и даже на большие жертвы, чтобы восстановить мир в Европе; к тому же я уверен в Пруссии...» Макк согласился некоторым образом взять на себя поручение Бонапарта передать его императорскому и королевскому в-ву предложения о мире, но больше он ничего не сказал мне об этом, и, видя его сдержанность, я не стал слишком его расспрашивать...

Этот разговор навел меня на мысль о том, что, с одной стороны, глава французского правительства, возможно, сделал довольно выгодные предложения австрийскому кабинету с целью оторвать его от коалиции... и что, с другой стороны, венский двор будет, вероятно, более сговорчив в момент, когда после постигшей его неудачи он видит, что враг готов проникнуть в самое сердце его владений. Я счел своим долгом сообщить Вам об этом, г-н посол, чтобы Вы могли вовремя принять меры, благодаря которым Вы будете знать, о чем может пойти речь в австрийском кабинете в связи с предложениями, которые поручено передать г-ну Макку»[22].

Почти слово в слово русский главнокомандующий повторил то же самое в обращении к Чарторыйскому.

Письма Кутузова можно поистине привести в качестве примера дипломатического искусства. Внешне ни единым словом он не высказал порицания политике Александра I и его министра. Русский генерал «просто» сообщал министру иностранных дел и послу важную информацию. Более того, соблюдая все правила этикета и субординации, он не стал писать об этом царю. Хотя до этого он сообщал Александру о всех даже малозначительных делах Подольской армии. Так, буквально за три дня до этого Кутузов информировал царя даже о том, что в Нарвском мушкетерском полку «полковник Черемисенов не старался о починке обоза и не подковал в свое время полковых лошадей»[23]. Весьма странно выглядит на фоне сообщений о несвоевременной ковке обозных лошадей отсутствие письма царю с важнейшей политической новостью.

Кутузов прекрасно понимал, что сообщать подобные вещи напрямую Александру — значит только еще больше раздражать его. Осторожный полководец предпочел говорить с теми, кто влияет на решения царя. Он указывал на то. что рассчитывать на нерушимый союз с австрийцами в подобной ситуации более чем проблематично. А заодно намекал на то, что Наполеон никоим образом не желает войны с Россией и испытывает по отношению к русскому императору самые теплые чувства.

Эти соображения Кутузова не вызовут никакой реакции со стороны министра иностранных дел, но для злопамятного Александра послужат, вероятно, еще одной причиной ненависти к выдающемуся полководцу.

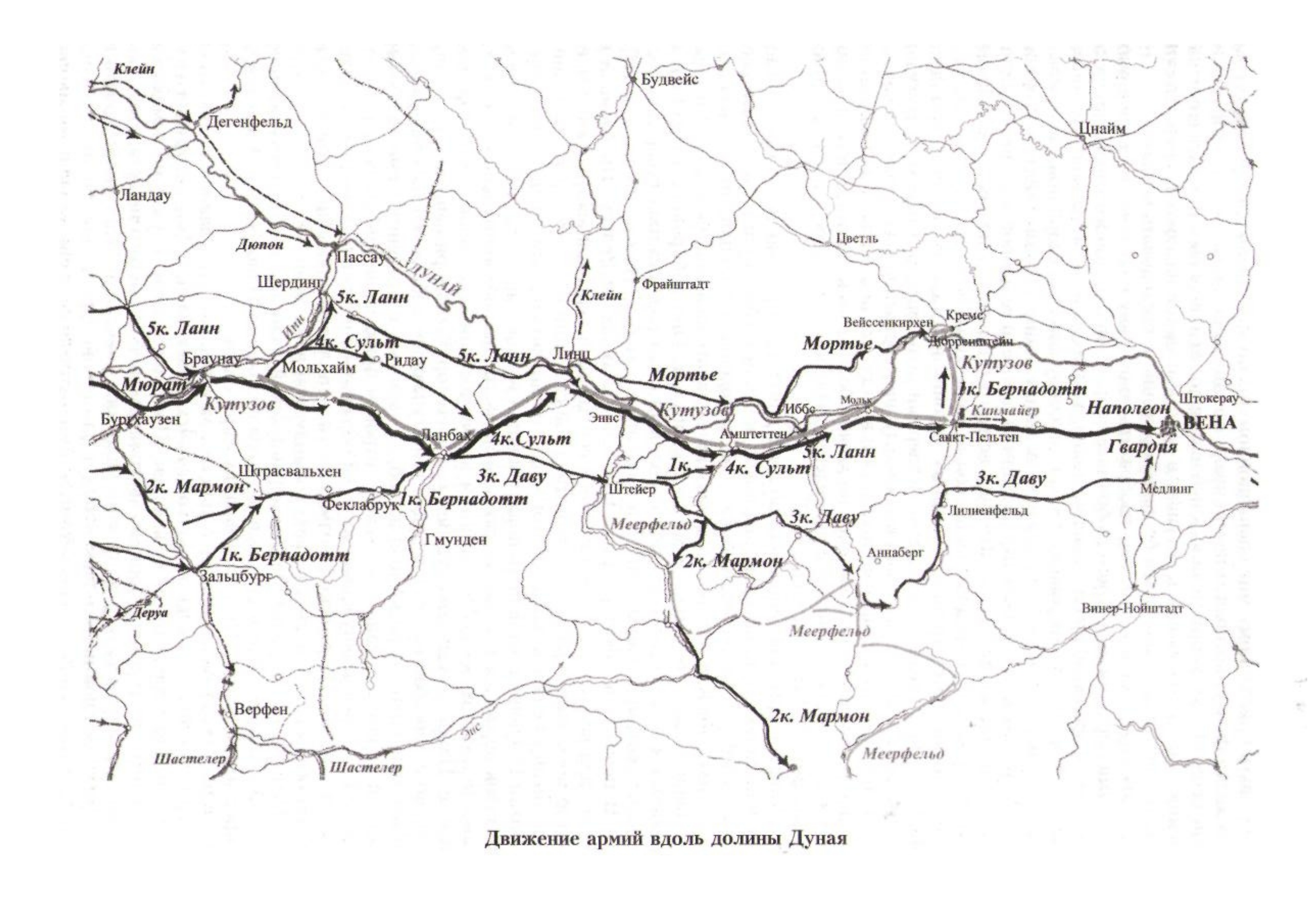
24 октября, когда Кутузов писал донесения министру и послу, им были отданы приказы о начале отступления русских войск вдоль по долине Дуная в сторону Вены — официально речь шла об отходе на Линц (в 100 км к востоку от Браунау). Полки должны были выйти из Браунау в шесть утра 25 октября, а тяжелые обозы в совершенной ночи в четыре утра. Всем тем частям, которые еще не присоединились к армии, было отдано распоряжение оставаться на своих местах, дожидаясь подхода главных сил.

Федор Глинка описал этот день в своем дневнике: «Какое волнение! Весь город в тревоге, жители в слезах и в отчаянии... генерал Макк, отпущенный на честное слово, прибыл в Браунау и объявил главнокомандующему, что вся австрийская армия, стоявшая при Ульме, разбита и забрана в плен; остатки сей несчастной армии, потеряв знамена и честь, некоторые даже без ружей и без амуниции, бегут через Браунау и рассеиваются в Австрии. Солдаты наши в недоумении; им велят отступать; но что делать?.. Россия и помощь далеко от нас; должно отступать; завтрашний день до рассвета оставим Браунау»[24].

Уже на марше Кутузов получил замечательный совет от императора Франца: «Избегать поражений, сохранять войска целыми, невредимыми, но удерживать неприятеля на каждом шагу, давая время явиться на театре войны эрцгерцогам Карлу и Иоанну, и шедшим из России корпусам»[25].

Императора Франца, конечно, понять можно — оказавшись почти что против воли в катастрофической ситуации, он, разумеется, меньше всего желал видеть, как по улицам его столицы маршируют наполеоновские полки. Но, с другой стороны, зная о слабости армии Кутузова, он понимал, что требовать от него дать генеральное сражение французам — это поистине самоубийственное решение. Поэтому он желал двух несовместимых между собой действий: с одной стороны, удерживать неприятеля «на каждом шагу», а с другой «избегать поражений, сохранять войска целыми».

Кутузов, как всегда вежливо, отвечал, что он очень ценит доверие императора и необычайно благодарен ему за ценные указания. «Я убежден в необходимости

Движение армий вдоль долины Дуная

следовать присланному мне операционному плану», — писал он. Однако тут же добавлял фразу, которая перечеркивала все дипломатичные любезности: «Если мне оспаривать у неприятеля каждый шаг, я должен буду выдерживать его нападения, а когда часть войск вступает в дело, случается надобность подкреплять их, от чего может завязаться большое сражение и последовать неудача»[26].

Поэтому, даже и не пытаясь изобразить подготовку к обороне, русская армия скорыми маршами шла строго в обратном направлении по той же дороге, по которой она форсированными маршами пришла в Браунау. Погода опять испортилась, и начались беспрерывные дожди, на смену которым скоро пришли мокрый снег и слякоть. Дороги были разбиты, пехота, конница и обозы завязали в грязи.

Разумеется, что моральный дух армии при всей ее доброй воле не мог оставаться на прежнем уровне. Вообще всегда отступающая армия имеет склонность ворчать, быть недовольной своими командирами, а уж тем более, когда к этому добавляются трудные погодные условия и усталость. Русская армия не являлась исключением, и уже на четвертый день тяжелого перехода Кутузов вынужден был констатировать не самое лучшее состояние вверенных ему войск. «...Большая часть нижних чинов, хотя и в силах были следовать за полком, но из лени и послабления ложились по дороге большими кучами единственно для грабежа и разорения ближайших селений. Наиболее оказалось таковых в Московском и Подольском полках...»[27].

Генерал Ермолов вспоминал об этих днях: «...в продовольствии был ужаснейший недостаток, который дал повод войскам к грабежу и распутствам; вселились беспорядки и обнаружилось неповиновение. От полков множество было отсталых людей, и мы бродягам научились давать название мародеров: это было первое заимствованное нами от французов. Они собирались толпами и в некотором виде устройства, ибо посланный один раз эскадрон гусар для воспрепятствования грабежа видел в них готовность без страха принять атаку»[28].

В таком виде союзная армия подошла к Ламбаху и Вельсу. Прибывший в Вельс для встречи с Кутузовым своей собственной персоной австрийский император мог констатировать, в какой тяжелой ситуации находятся дела коалиции. Теперь он уже не настаивал на том, чтобы остановить французов на пути к Вене. Франц II изъявил готовность пожертвовать столицей, но желал все-таки, чтобы Кутузов держался как можно дольше на выгодных оборонительных рубежах, прежде всего за рекой Энс, а потом в предмостном укреплении перед городом Креме. Наконец, уже покинув Вельс, император 30 октября направил Кутузову письмо с просьбой навести порядок в отступающем войске. «Я был вынужден, вследствие доходящих до меня жалоб, назначить к собравшимся вместе обозам конвой из шести эскадронов гусар, с строгим приказанием не допускать беспорядков, которые принуждают жителей обращаться в бегство, а местных начальников лишают физической возможности исполнять служебные обязанности и способствовать продовольствию командуемой вами армии»[29].

Недалеко от городка Ламбах французский авангард нагнал отступающую русскую армию. Здесь впервые в эпоху правления Наполеона и Александра скрестились штыки русских и французских солдат...

Едва Наполеон завершил Ульмский маневр, как его главной целью стал разгром армии Кутузова до подхода войск Буксгевдена. Император был уверен, что эта победа будет решающей. Пруссаки в этом случае не осмелятся выступить на стороне коалиции, австрийцам ничего другого не останется, как подписать мир, а если даже в этих условиях Александр будет упорствовать в продолжении войны, все шансы будут на стороне французов. Поэтому 22 октября, покинув аббатство Эльхинген, император нагнал свои войска на марше в Аугсбурге, а вечером 24 октября прибыл в Мюнхен, куда он вступил во главеV.

своей гвардии. Столица Баварии встретила его как освободителя. Молодой гвардеец написал в своем дневнике: «Мы вступили в город в парадной форме. Огромная толпа высыпала нам навстречу, кажется, что жители были рады видеть гвардию и своего защитника. Они встретили нас с самой большой радостью. Не было места, где они не выражали бы нам свою признательность. Они обнимали нас, так они были счастливы избавиться, наконец, от притеснений австрийцев. Они украсили свои дома эмблемами, выражающими радость видеть в городе того, кто возрождал их отечество, и своих спасителей»[30].

26 октября в Мюнхене император подписал очередной, одиннадцатый бюллетень Великой Армии... Идея сообщать широкой публике о ходе военных действий с помощью официальных сводок, так называемых бюллетеней, пришла Наполеону в голову в начале войны. С помощью этих сообщений о ходе военных операций он воздействовал на общественное мнение в благожелательном для правительства направлении. Это было новостью в истории вооруженных конфликтов и послужило началом того, что принято сейчас называть информационная война. Несмотря на то что по своему определению бюллетени не были объективными и, если было необходимо, «смело» обращались с реальностью, как это происходит сейчас в информационных выпусках телевидения, они все-таки отличались от беззастенчивой лжи, которую доносят до публики современные средства массовой информации, рассказывая о том или ином военном кон- , фликте. В частности, в бюллетенях сообщалось расположение французских корпусов и силы неприятеля, довольно подробно рассказывалось о ходе боевых операций. Так как начало войны 1805 г. развивалось самым успешным для французов образом, то и лгать не было особой необходимости. Девятый бюллетень от 21 октября 1805 г., который сообщал о победе под Ульмом, говорил о том, что в ходе операции было захвачено 60 тыс. человек. На самом деле было взято в плен 37 тыс., но, как уже отмечалось, общие потери австрийцев составляли 50 тыс. человек и, следовательно, были очень близки к числу, указанному в бюллетене. Говорилось также, что в Ульме взято 60 пушек, а на самом деле было взято даже больше — 63 артиллерийских орудия. Если бы сейчас воюющие стороны с такой же точностью сообщали о потерях своих и противника, можно было бы это назвать поистине редкостной объективностью.

В бюллетене из Мюнхена подчеркивалось дружелюбное отношение населения Баварии и спокойная уверенность императора в победе. «Город был иллюминирован с большим вкусом. Многие украсили свои дома эмблемами, которые выражали их дружественные чувства. Третьего брюмера *(25 октября)* поутру генералы армии Баварского электора, камергеры, придворные, министры, советники, дипломатический корпус... депутаты генеральных штатов Баварии и магистрат Мюнхена были представлены Его Величеству, который долго с ними беседовал об экономических проблемах страны... Вечером император посетил театр, где он был встречен самыми бурными и искренними проявлениями радости и благодарности. Сегодня император присутствовал на параде войск корпуса маршала Сульта, а затем отправился на охоту в Нимфенбург, загородный дворец электора. Все войска сейчас находятся в движении, наши корпуса форсировали реку Изер и двигаются к Инну, куда сегодня вечером прибудут части маршала Бернадотта, генерала Мармона и маршала Даву»[31].

Действительно, Великая Армия была на марше. Она разделилась на две большие группы. Одна из них, численностью 150 тыс. человек (гвардия, 1, 2, 3, 4, 5-й корпуса, 1, 2, 3-я драгунские дивизии, 1, 2-я дивизии тяжелой кавалерии и часть баварской армии), должна была двигаться навстречу русским. Другая, численностью около 50 тыс. человек (6-й и 7-й корпуса, 4-я драгунская дивизия, дивизия спешенных драгун, часть баварцев, вюртембергские и ба-

денские контингента), должна была обеспечивать коммуникации, а также прикрывать операции главных сил со стороны Тироля.

Город Аугсбург стал первым мощным войсковым депо. По приказу Наполеона инженерные войска привели в порядок заброшенные старые укрепления, восстановили движение воды с целью заполнения крепостного рва, соорудили деревянные палисады для прикрытия с тыла земляных укреплений. На валах поставили 40 полевых пушек, что было вполне достаточно, чтобы отразить внезапный налет какого-нибудь небольшого вражеского отряда. Крупные монастыри, которых в городе было великое множество, были распределены по одному на армейский корпус для устройства отдельных депо. Здесь под руководством офицеров корпуса, которому был выделен монастырь, устраивались госпитали для больных, сюда стекались отставшие солдаты. По мере накопления отставших и выздоравливающих они направлялись догонять действующую армию. Комендантом города был назначен бригадный генерал Рене.

Надежно обеспечив фланги и тылы своей армии, позаботившись о политическом обеспечении дальнейших военных действий, император мог смело двигаться вперед, будучи уверен за коммуникации.

Несмотря на дурную погоду, моральный дух Великой Армии был очень высок. Победа под Ульмом вызвала огромный подъем. Большинство солдат, участвовавших в Ульмской операции, не успели даже сделать и одного выстрела и поэтому горели желанием побыстрее встретиться с новыми неприятельскими отрядами. Отныне все они были уверены в своей непобедимости.

27 октября авангард Великой Армии подошел к реке Инн у города Мюль-дорф. Мост был, разумеется, разрушен, а на противоположном берегу стоял небольшой австрийский арьергард. Едва огонь французских батарей заставил австрийцев покинуть свой пост, как саперы принялись за работу. Все так спешили, что едва было устроено нечто похожее на узенькую переправу, вперед двинулась пехота, а затем маршал Даву, который находился здесь, приказал переходить и коннице. «Это было действительно удивительным зрелищем, почти чудом — видеть, как легкая кавалерия переходит по мосткам, по которым с опаской двигалась даже пехота», — рассказывает очевидец.

Французская армия устремилась к Браунау. 29 октября утром с левого берега к городу подошел маршал Ланн со своим авангардом, по правому — Мюрат и Даву. Город никто не защищал, и французские авангарды вступили в крепость, а 30-го сюда прибыл сам император. «Браунау нужно рассматривать как одно из самых замечательных и одно из самых полезных приобретений для армии, — сообщал четырнадцатый бюллетень. — Эта крепость окружена мощными укреплениями с бастионами, подъемными мостами, равелинами и рвами, наполненными водой. Здесь были найдены многочисленные артиллерийские склады, все в прекрасном состоянии. Но во что сложно поверить — это то, что в крепости находились большие запасы провианта. Здесь было найдено 40 тыс. рационов хлеба, готовых к раздаче, более 1000 мешков муки. Крепостная артиллерия насчитывала 45 пушек, каждая с двумя запасными лафетами, а также значительное количество мортир и гаубиц, снабженных 40 тыс. ядер. Русские оставили сотню тонн пороха, большое количество патронов, свинца, тысячу ружей и припасы, необходимые для того, чтобы выдержать большую осаду»[32]. По приказу Наполеона город Браунау был превращен в очередное армейское депо. Сюда было приказано переместить тяжелый артиллерийский парк из Аугсбурга.

31 октября в шесть часов утра французский авангард выступил из местечка Рид недалеко от Браунау и двинулся на преследование отступающих союзников. В голове французских колонн был 1-й конно-егерский полк и две бригады

драгун дивизии Бомона. Вместе с кавалерией шел отряд пехоты из корпуса Да-ву*. Очень скоро французские конные егеря наткнулись на отступающие войска. Это были четыре австрийских батальона. Французская конница тотчас же атаковала неприятеля и, заставив австрийцев поспешно отступать, захватила несколько сот пленных. Однако очень скоро впереди были обнаружены другие войска, развернутые для боя. Это был русский арьергард.

Примерно в 2 км к востоку от Ламбаха стояли готовые к бою два батальона 6-го егерского и два батальона 8-го егерского полков. Их поддерживали Павло-градские гусары и несколько пушек конной артиллерии. Французы тотчас же начали развертываться для атаки, выдвинув вперед конную артиллерию.

Рапорты обеих сторон говорят о том, что разгорелась якобы отчаянная схватка. Что касается генерала Ермолова, то он в своих мемуарах пишет: «Мы занимали выгодное местоположение, войска нашего арьергарда противостали с наилучшим духом, потеря была незначительна; отличился 8-й егерский полк, коего начальник полковник граф Головкин умер от полученной раны. Потеряно одно орудие конноартиллерийской роты полковника Игнатьева, под которым лопнула ось от излишней экономии в коломази. Начальство точной причины не узнало, а полковник Игнатьев в донесении своем рассудил за благо подбить его неприятельским выстрелом. Авангард французский был не в больших силах, не имевши продовольствия, разбросались по дороге и производили грабеж»[33].

Вероятно, описание Ермолова довольно близко к истине. Потери с обеих сторон были довольно скромные. Русские войска, согласно отчету Кутузова, потеряли 141 пехотинца убитыми и ранеными, в Павлоградском гусарском был один гусар убит, двое пропали без вести. У французов, согласно рапорту Бомона, было ранено пятеро драгун. О потерях пехоты рапорт ничего не сообщает, но согласно справочнику Мартиньена, в 17-м линейном, который принял активное участие в бою, было ранено два офицера. С учетом того, что данные Мартиньена обычно не полные и что соотношение числа потерь офицеров к числу потерь рядовых в пехоте обычно исчисляется в пропорции 1/20, 1/30, можно предположить, что французская пехота потеряла около 50—60 человек убитыми и ранеными, максимум сотню.

Из этих потерь видно, что «битва» была весьма скромной. Небольшой французский авангард не рисковал слишком серьезно атаковать твердо стоящие на позициях войска, а русские также не имели особого желания бросаться очертя голову на неприятеля. Поэтому обе стороны ограничились маневрированием и перестрелкой. Горячий бой разгорелся только вокруг деревни Иединг на подходе к основной русской позиции. Именно в бою за деревню и были в основном убиты и ранены пехотинцы с обеих сторон.

В наступающих сумерках русские отошли к Ламбаху, французские драгуны следовали за ними, держась на расстоянии.

В Ламбахе отступающие союзные войска разделились. Армия Кутузова двинулась в сторону Линца, форсировала реку Траун у города Эберсберг, уничтожив за собой мост, и затем снова двинулась в восточном направлении вдоль Дуная. Главная часть австрийских войск (отряд Кинмайера вместе с генералом Мерфельдом) пошла в восточном направлении к городу Штейер. Таким образом, союзники отступали к Вене двумя параллельными колоннами, одна от другой на расстоянии примерно 25 км. Это было сделано, во-первых, для того, чтобы уменьшить количество войск, идущих одной дорогой. Во-вторых, Кутузов заявил о своем решении на время задержать французскую армию на рубеже реки Энс. Хотя и не очень широкий, но глубокий и быстрый этот приток Дуная протекает почти строго с юга на север. Правый, восточный берег, Энса очень

* Два батальона 17-го линейного полка и два батальона 30-го линейного.

высокий, а во многих местах крутой. Поэтому Энс представляет собой выгодный рубеж обороны. Но для защиты линии Энса необходимо было оборонять не только переправу у одноименного города, но и мост в Штейере. Эту задачу и должен был выполнить корпус Мерфельда.

Кстати, южнее Штейера дороги были совершенно непроходимы для артиллерии. И поэтому достаточно было оборонять 25-километровый участок реки Энс (от Дуная до Штейера) для того, чтобы очень серьезно помешать французам двигаться на Вену.

Если небольшая армия Кутузова предпочитала двигаться двумя колоннами, то тем более войскам Наполеона совершенно не хватало места на одном шоссе, ведущем вдоль Дуная к Вене. Разумеется, можно было бы пустить корпуса один за другим, но дело в том, что даже один армейский корпус с кавалерией, артиллерией и обозом занимал в глубину до 20 км. Таким образом, если бы пять корпусов шли одной колонной, хвост оказался бы от головы на расстоянии 100 км! В случае необходимости вступить в сражение армии потребовалось бы несколько дней для сбора.

Поэтому Наполеон хотел двигаться несколькими колоннами, однако подходящих дорог в нужном направлении было немного, кроме большого венского шоссе более-менее пригодной оказалась только дорога через Штейер, по которой шли австрийцы. В результате вдоль Дуная по главному шоссе была направлена резервная кавалерия Мюрата, корпуса Ланна, Сульта и гвардия. Корпуса Даву и Мармона двигались по южной дороге на Штейер. Этот путь был менее удобен, чем дорога вдоль Дуная, и авангарды Мармона буквально напирали сзади на колонны Даву. Корпус Бернадотта сильно отстал от передовых соединений, баварцы прикрывали южный фланг армии.

Утром 3 ноября несколько храбрецов из драгунской дивизии Вальтера под огнем австрийцев переправились вплавь через ледяную реку Траун. Захватили несколько лодок и пригнали их на левый берег. Это дало возможность французам перебросить на другую сторону сотню солдат, а затем начать восстановление переправы.

К 14 часам мост был кое-как восстановлен, и Мюрат тотчас бросил вперед конных егерей Мильо и драгун Вальтера. Французские кавалеристы тотчас помчались по дороге и вскоре нагнали хвост русского арьергарда. Однако серьезного боя не произошло. Русские войска поспешно отходили к Энсу. По пути Мюрат захватил около 300 пленных, скорей всего, отставших от своих полков солдат. И к вечеру его передовые кавалеристы увидели крупные массы русских войск, расположенные за рекой Энс. Переправа армии Кутузова на другой берег завершалась. Чтобы захватить мост или хотя бы серьезно атаковать последние переправляющиеся части, у французского авангарда не было сил. К этому моменту к берегу Энса у французов подошли, очевидно, несколько сотен кавалеристов с одной пушкой. Тем не менее сто драгун спешились и со штыками наперевес бросились в город.

Сделать что-нибудь серьезное эта горстка солдат, конечно, не могла. Мост вскоре запылал, подожженный спешенным эскадроном Павлоградских гусар*. Французы выкатили свою единственную пушку и дали несколько выстрелов картечью. С восточного берега в ответ открыли огонь русские орудия. Федор Глинка, свидетель этих событий, несколько сгущая краски, пишет: «Вся земля потрясалась, окрестные горы трепетали, и встревоженное эхо во глубине долин

* В романе «Война и мир» Л.Н. Толстой дает весьма яркое описание переправы русских войск через Энс, где Николай Ростов получает свое первое боевое крещение. Хотя в зарисовке, данной Толстым, встречаются неизбежные исторические неточности, однако общая картина, как ни странно, ближе к истине, чем напыщенно-героический рассказ Глинки.

повторяло стон природы. Зажигательные вещества положены были на мост. Каким-то нечаянным случаем он загорелся прежде с нашей стороны. Французы бросились на противный конец и хотели гасить: но генерал Кутузов, приехавший также к реке, дает знак — и вдруг несколько отважных егерей, под картечными выстрелами бросаются через огонь, прогоняют французов и зажигают с их стороны мост: вот каковы русские.

Загоревшийся мост увеличил пожар. Все небо побагровело, и бурные воды реки Энса приняли вид пламенной тверди. Разряжавшиеся каркасы и гранаты стремили потоки огненных искр. Если прибавить к сему ужасный стук барабанов, сильную ружейную стрельбу двух тысяч кроатов*, залегших в шанцах и действовавших из двуствольных своих ружей, и крик сражающихся, то можно иметь некоторое понятие о ночной сшибке при Энее»[34].

Несмотря на многочисленность сил, развернутых Кутузовым за рекой Энс, битва не состоялась. Уже на следующий день армия Кутузова продолжила отступление. Михайловский-Данилевский в своей официальной истории 1805 г. утверждает, что русский полководец серьезно собирался оборонять рубеж Энса, но, узнав о занятии французами Штейера, дал приказ отходить. На самом деле корпус Даву выбил австрийцев из Штейера только 4 ноября в полдень, а мосты были восстановлены лишь к полудню следующего дня. Главные же силы русских начали отход уже 4-го утром. Скорее всего, Кутузов с самого начала решил не рисковать и не собирался защищать даже очень выгодный рубеж. Более того, все обстояло с точностью до наоборот — Мерфельд защищал переправу у Штейера лишь символически потому, что узнал об отступлении Кутузова.

В общем, бурный Энс почти не задержал марш Великой Армии. К раннему утру 5 ноября главный мост через реку был уже восстановлен. В пять утра по приказу Мюрата авангард начал переходить Энс и разворачиваться на равнине на противоположном берегу. В семь утра здесь выстроились плотными рядами войска, назначенные в авангард: бригада гусар Трейяра, конно-егерские бригады Мильо и Фоконне, драгунская дивизия Вальтера, гренадерская дивизия Удино, кирасирские дивизии Нансути и д'Опуля. Мюрат предчувствовал, что день будет жарким, и поэтому хотел провести смотр своим войскам. Вероятно, отважный кавалерист был доволен. Пехота и конница встретили появление как всегда пышно разодетого Мюрата во главе многочисленного штаба, ликующими криками «Да здравствует император!». Было видно, что солдаты, несмотря на усталость предыдущих маршей, рвутся в бой.

Им не пришлось долго ждать. В девять часов утра тотчас после окончания смотра авангард двинулся вперед и, не пройдя и часа, встретил неприятеля. У деревни Штремберг стояли австрийцы — три батальона хорватов и несколько эскадронов гусар Гессе-Гомбургского полка. Так как хорваты закрепились в садах, окружавших деревню, гусары предусмотрительно вызвали пехоту. 300 гренадер из бригады Дюпа скорым шагом догнали голову колонны, развернулись и тотчас атаковали. Австрийцы были выбиты из деревни, и французская кавалерия бросилась в атаку, порубив и взяв в плен несколько сотен хорватов.

Ободренные успехом, французы устремились дальше. Но тут им встретился новый отряд неприятеля, к которому присоединились отступившие от Штрем-берга части. На этот раз пришлось дождаться конной артиллерии. Едва заговорили пушки, как австрийцы продолжили отступление, а гусары бригады Трейяра бросились за ними в погоню. Вдоль дороги там и сям встречались небольшие пе-

* Кроаты — на самом деле хорваты. В рядах австрийской армии было несколько так называемых «пограничных полков», укомплектованных в основном населением хорватских провинций.

релески, где могли с удобством разместиться стрелки. Но французская конница под личным предводительством Мюрата буквально висела на плечах неприятеля, и продвижение авангарда было серией непрерывных столкновений с небольшими группами австрийцев. Не следует удивляться, что речь идет об австрийских войсках. С армией Кутузова продолжал следовать отряд генерала Ностица. состоявший из двух пограничных полков (7-го Бродера и 9-го Петервардейнера) и венгерских гусар. Именно с этими частями пришлось сражаться передовым полкам французов.

У деревни Эд, примерно в 20 км от места переправы, Мюрат снова натолкнулся на неприятеля... Что это были за войска — понять непросто. Рапорт Багратиона, который командовал в этот день арьергардом, составлен на удивление туманно и состоит, если не считать перечисления потерь, всего лишь из нескольких фраз. Совершенно не ясно, когда его войска и в каком месте впервые столкнулись с французами. Что же касается французских отчетов, в них часто путают австрийские войска с русскими. Действительно, австрийцы и русские двигались и сражались в этот день вместе, а понять, кто есть кто, со стороны было очень сложно. И те, и другие были в одинаково прокопченных бивачными огнями шинелях и в похожих киверах.

Скорее всего, все же у деревни Эд французы натолкнулись на четыре батальона из отряда Багратиона, поддержанных несколькими эскадронами Павло-градских гусар. Мюрат со своей стороны развернул для боя гусар и конных егерей. Удино подвел пехоту. Бой снова был скоротечным. Русские батальоны начали отступать, а сам Мюрат вместе с генералом Удино во главе офицеров штаба и нескольких сотен конных егерей ринулись в атаку. Через несколько мгновений пышно разодетая группа генералов и офицеров врубилась в ряды пехоты. Атака была столь стремительной, что арьергард был с ходу опрокинут, и несколько сотен пехотинцев попало в плен.

Но настоящий бой еще только начинался. Неотступно преследуя бегущих по лесной дороге, французская конница вырвалась на большую поляну. В бой вступила вторая часть отряда Багратиона...

Что действительно произошло дальше — выяснить не так-то просто. Сколько было батальонов, и каких полков на лесной опушке — неизвестно. Ясно только, что в общей сложности арьергард Багратиона, кроме относящегося к нему отряда Ностица, состоял из 9 пехотных батальонов и 10 эскадронов Павлоградского гусарского полка*. На поляне находилась, видимо, главная часть отряда Багратиона, которая прикрыла отступающих австрийцев, и батальоны, опрокинутые под Эдом. Французы сумели быстро развернуть войска и выкатили две пушки конной артиллерии, которые своим огнем заставили русских гусар и пехоту двинуться вперед. Последовала отчаянная схватка, и стремительной атакой французские гусары и конные егеря опрокинули русских. «Невзирая на храбрость, с каковою дрались Киевский и Малороссийский гренадерские и 6-й егерский полки, несмотря на все усилия князя Багратиона, — вспоминает генерал Ермолов, — не могли они устоять против стремления превосходного неприятеля и, потерпев большой урон, приведены были в замешательство. Артиллерия сбита была с своих мест, и войска в нестройных толпах теснились на дороге»[35].

Рапорт Багратиона, правда, говорит прямо противоположное: «...неприятель появился в сильных нескольких колоннах, преследовал меня и, наконец, атаковал

* Австрийские войска: пограничные полки Бродера и Петервардейнер — 4 батальона, Гессе-Гомбургский гусарский полк — в общей сложности около 2 500 человек. Русские войска: 6-й егерский полк — 3 батальона, Азовский мушкетерский полк — 3 батальона, Киевский гренадерский полк — 3 батальона, Павлоградский гусарский полк — 10 эскадронов. В общей сложности около 5 500 человек.

со всей своею силой, почему я, построясь в надлежащий боевой порядок, вступил в сражение, и несмотря на превосходство его сил, был он несколько раз разбит и прогнан, после чего генерал-майор Милорадович, бывший тут для подкрепления моего, довершая победу, вступил в дело, и я с авангардом отступил назад. Сражение продолжалось с полками вверенного мне авангарда около 4-х часов»[36]. Если учитывать, что рапорт Милорадовича, который действительно с успехом действовал в этот день, примерно в десять раз подробнее «отчета» Багратиона, можно предположить, что последнему не очень хотелось вдаваться в подробности. Багратион ограничился лишь ничего не значащей фразой о том, что неприятель был «несколько раз разбит и прогнан», при этом не указывается ни время, ни место, ни какой, хотя бы приблизительно, это был неприятель. Наконец, Багратион в отличие от Милорадовича даже не представил списка отличившихся.

Французские донесения, при всех их отдельных разночтениях, очень подробны. Они приводят время отдельных стычек, названия деревень, рядом с которыми в тот или иной момент разворачивался бой. Рапорт Милорадовича подтверждает их. Конечно, благородный воин не хотел подводить своего коллегу и о действиях отряда Багратиона почти что ничего не сказано, однако несколько слов выдают все-таки общую картину. Милорадович пишет: «...когда *неприятель атаковал и преследовал* арьергард под командою господина генерал-майора князя Багратиона состоящий, пошел я... к оному на подкрепление»[37].

Бегущие части Багратиона бросились назад — кто по дороге, а кто через лес. Мюрат с гусарами и конными егерями, генералы Вальтер, Удино, Трейяр и Мильо неотступно их преследовали. Все рапорты сходятся на том, что дорога довольно долго вела через лес и преследование длилось почти что три четверти часа. Капитан Л ежен, адъютант Бертье, был среди разгоряченных атакой французских кавалеристов. Он мало что запомнил из деталей боя, зато величественный образ зимнего леса остался у него надолго в памяти: «Было холодно. На земле и деревьях Амштеттенского леса лежал толстый слой снега... Мы нигде еще не видели природы в такой зимней красоте. В этот день она предстала перед нами в самом блестящем уборе. Сверкающий иней переливался сиянием на желтых дубовых листьях и покрывал темно-зеленые лапы елей. Это ледяное обрамление скрывало формы, которые становились еще более расплывчатыми от легкого тумана, и создавало удивительную картину. В лучах солнца переливались тысячи огромных сосулек... свешивавшихся с деревьев подобно сверкающим люстрам. Никогда бальный зал не отражал блеск такого прекрасного хрусталя... Я заметил, обращаясь к маршалу Мюрату, насколько прекрасно это зрелище, и мы восхищались этими северными чудесами, не останавливая нашей скачки под ледяными сводами...»[38]

Возможно, Лежен был единственным, кто обратил внимание на красоту сосулек, так как отчаянная драка не прекращалась ни на дороге, ни в лесу. Наконец лесная дорога кончилась, и клубок людей и лошадей вылетел из леса на открытое пространство.

Здесь-то и началось самое главное. Действительно, на окруженной со всех сторон лесами огромной поляне стояли в полном порядке войска Милорадовича*. Восемь батальонов пехоты были построены в две стройные линии. На левом фланге, в центре и позади линии пехоты были распределены десять эскадронов Мариупольского гусарского полка. Момент для контратаки был поистине идеальный. В пылу преследования французский авангард пришел

* Отряд Милорадовича — 8 батальонов пехоты (Малороссийский гренадерский полк, Апшеронский мушкетерский полк, Смоленский мушкетерский полк, 8-й егерский полк), 10 эскадронов Мариупольского гусарского полка.

почти в такой же беспорядок, как и отряд Багратиона. Милорадович пропустил по дороге нестройные толпы солдат арьергарда и, когда французы беспорядочными кучками показались на опушке леса, дал приказ атаковать.

Федор Глинка, находившийся в этот момент в рядах войск, развернутых на равнине, вспоминает, что «едва успели полки, составлявшие авангард *{отряд Багратиона),* пройти мимо нас, как... генерал Милорадович, помня наставления великого Суворова, что русский солдат должен доставать победу концом своего штыка, отдал приказание, чтобы гренадерский батальон его полка не заряжал ружей и встретил бы неприятеля прямо грудью и холодным ружьем»[39].

Гренадерский батальон Апшеронского полка, а вместе с ним батальоны первой линии, стоявшие в сомкнутом строю, пошли в решительную штыковую атаку. Впрочем, Милорадович, как опытный командир, полагаясь на мужество своих солдат, не забывал и об огневой поддержке. Впереди и по флангам русских батальонов были рассыпаны стрелки, которые открыли интенсивный ружейный огонь.

«Внезапность привела неприятеля в некоторую робость, — вспоминает Ермолов, — и ею воспользовался генерал-майор Милорадович удачно. Он приказал коннице ударить на колеблющегося неприятеля, и Мариупольского гусарского полка подполковник Игельстром, офицер блистательной храбрости, с двумя эскадронами стремительно врезался в пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и уже гусары ворвались на батарею...»[40]

В рядах французских войск возникло замешательство. Пехота, едва выйдя из леса, бросилась назад, а конница поскакала в глубь леса по дороге. Этот момент надолго отпечатался в памяти тех, кто выжил после боя. Л ежен рассказывает: «Неприятель рубил наши задние ряды, брал пленных и чуть не захватил в плен и нас. Конь под Мюратом был убит, мой, вырвавшись из этой свалки, поскакал галопом по откосу дороги, споткнулся и рухнул. Пока я пытался встать, он уже поднялся на ноги и ускакал вместе с другими конями, несущимися в галоп. Я сумел найти себе убежище у двух пушек, которых поставил на дороге молодой артиллерийский офицерик, наверное, только что закончивший военную школу. Драка была ужасная, и уже сабли свистели над нашими головами...»[41]

Это чудо, но записки «офицерика» тоже сохранились. Его звали Октав Левавассер. «...В четырех шагах от меня рубили гусар, которые навалились на мою пушку, — рассказывает он. — Мы с трудом зарядили ее ядром, а поверх забили еще и картечь. Звон сабель был уже прямо над нами. Канонир Колло протянул руку с зажженным фитилем. Мы закричали: «Берегись!» Наши гусары, кто как мог, бросились по сторонам, и перед пушкой появилась небольшая амбразура среди месива из людей и коней. Русский полковник в мундире, расшитом золотом, бросился к моему канониру, чтобы отрубить ему руку. Но в этот момент прогрохотал выстрел. Ствол снесло с лафета, а полковник упал прямо на пушку. Ужасающим выстрелом разметало все кругом. Более сорока лошадей и огромное количество людей — русских, австрийцев и французов — повалило на землю, и перед батареей оказалась целая баррикада из окровавленных тел»[42]. «...Ни одна картечь из этого двойного заряда не пропала даром, — вспоминал Л ежен. — От страшного грохота на нас посыпалась груда снега с деревьев и, словно по волшебству, эскадроны, которые нас атаковали, исчезли в дыму и в снежной пыли»[43].

В этот момент прямо через лес к французам подошла помощь: основные силы бригады Дюпа — 1-й в гренадерской дивизии Удино. Мюрат, используя выгодный момент, тотчас же бросил гренадер в контратаку. Их наступление поддержали гусары и конные егеря. На этот раз бой закипел на открытом пространстве, и с обеих сторон солдаты бились с отвагой. Французам удалось

потеснить русскую линию, но силы были явно неравны, и бригада Дюпа была отброшена к опушке леса.

Когда начало смеркаться, на поле боя появились 2-я и 3-я бригады дивизии Удино. Генерал Удино сразу повел свои батальоны вперед и снова сошелся в отчаянном бою с русскими полками. Рапорт начальника штаба Мюрата генерала Бельяра сообщает, что в этот момент «с обеих сторон был открыт смертоносный огонь почти что в упор. Пальба продолжалась около 20 минут»[44].

С русской стороны отличились артиллеристы Ермолова. «Я продолжал канонаду, — вспоминает он, — и между тем устроились к атаке гренадерские батали-оны Апшеронского и Смоленского полков, и сам Милорадович повел их в штыки. Ободренные присутствием начальника, гренадеры ударили с решительностию...»[45]

Что произошло дальше уже в полной темноте — сказать очень сложно... В рапорте Александру I Кутузов написал, что неприятель был прогнан «версты за 3». На основе этого рапорта составители большого биографического очерка «Фельдмаршал Кутузов» уверенно написали: «Милорадович три версты преследовал неприятеля»[46].

Нужно обладать поистине детской наивностью или абсолютной пристрастностью для того, чтобы буквально понимать все, что пишется для отчета начальству, причем далекому и не имеющему ни малейшей возможности, да и : желания проверить подлинность сообщения. В своем письме Милорадовичу Кутузов куда менее категоричен. Он пишет (по-французски, конечно): «Вам принадлежала слава завершить этот день решительно в нашу пользу. Многие *(plusieurs)* батальоны неприятеля были приведены в беспорядок и преследовались далеко»[47]. Как видно, речь идет о «многих» и возможно даже о некоторых батальонах (французское слово «plusieurs» в зависимости от контекста может означать как «многие», так и «некоторые»). Сам Милорадович в своем рапорте ограничивается общей фразой: «...неприятель с уроном обращен в бегство»[48].

Наконец, свидетельство Ермолова, как известно, принявшего активное участие в этом бою, еще менее категорично. Он пишет: «...к вечеру все *(французы)* отступили, и мы провели ночь на поле сражения»[49]. Здесь уже речь не идет о бегстве всех или части гренадер Удино, однако твердо утверждается, что русские остались на поле боя.

Нечего и говорить, что во французских рапортах говорится о том, что победа была полной, и поле боя осталось за французами. «Противник отступил в лес, перестрелка продолжалась до 9 часов вечера, и только ночь помешала нам продолжить наш победный путь»[50], — сообщается в журнале марша резервной кавалерии. Генерал Бельяр в своем отчете пишет почти то же самое: «Темнота помешала нам преследовать. Было уже около 10 часов. Дивизия Удино выставила свои посты прямо на поле сражения, на котором она и устроилась на бивак. Наши часовые находились на расстоянии пистолетного выстрела от неприятеля. Ночью вражеская армия отступила»[51]. Ну и, наконец, Мюрат, как всегда в самой залихватской манере, докладывал императору: «Отряд, которым я имел честь командовать, сражался со всей русской армией под командованием самого Кутузова. Никогда еще не сражались с обеих сторон с таким упорством, но, наконец, русские были вынуждены уступить доблести гренадер под командованием Удино, которые ночевали на поле сражения, в то время как враг бежал в полном беспорядке...»[52]

К счастью, наряду с бравурными рапортами заинтересованных лиц обеих сторон имеются и другие источники. К числу подобных свидетельств относится дневник Фантена дез Одоара, одного из офицеров гренадерской дивизии Удино. Эти записки были сделаны для себя, а не для широкой публики и уж тем более не для начальства. Они будут опубликованы лишь спустя почти сто лет

после смерти автора. Вот что Фантен дез Одоар написал сразу после произошедших событий: «Только уже глубокой ночью завершился бой... если бы отступление неприятеля не было скрыто темнотой, его потери были бы больше. Печальный бивак на поле сражения закончил для нас этот день. Земля была покрыта снегом, холодный ветер дул среди елей и, несмотря на огромные бивачные огни, которые легко было развести в лесу, ночь показалась мне очень длинной и очень холодной. Поистине тяжел солдатский труд»[53].

Как видно из этого документа, гренадеры Удино остались к концу боя на поле сражения. По-видимому, войска обеих сторон отошли назад с поляны, на которой они сражались. Это подтверждается тем, что во французских источниках упоминается о деревне Цайлерн, поблизости от которой и был разбит бивак. Эта деревня находится примерно в километре к северу от дороги прямо на опушке леса, т.е. на месте французского левого фланга. Французские аванпосты стояли ночью непосредственно на месте боя («на расстоянии пистолетного выстрела от неприятеля»). Соответственно, войска Милорадовича сохранили за собой лес, спиной к которому они стояли в начале боя, и естественно, что русские передовые посты также остались прямо на месте схватки. Это дало возможность обеим сторонам заявить с «полным основанием», что они сохранили поле боя, а неприятель «бежал».

Вообще авангардно-арьергардные бои труднее всего поддаются точной оценке. Дело в том, что скрыть победу или поражение в генеральном сражении невозможно. Тот, за кем осталось поле битвы, победил. Обычно также очевидно — за кем оно осталось. В генеральном сражении решалась участь войны, и поэтому войска вступали в бой с обеих сторон, надеясь разгромить неприятеля. Ушедший с поля битвы признавал, что вечером он был слабее, чем был утром, и более не мог противостоять противнику. Разумеется, каждый в описаниях большого сражения обращает внимание на отвагу своих войск, описывает наиболее выгодные эпизоды битвы. Однако ее общий характер трудно скрыть.

В арьергардном бою все совершенно иначе. Очевидно, что отступающий оставляет заслон лишь для того, чтобы временно задержать наступление более сильного неприятеля. Всем понятно, что арьергард рано или поздно должен уйти с поля боя. Успех здесь определяется тем, насколько эффективно действовал арьергард. Сколь долго он сумел сдерживать неприятеля, какие потери нанес ему. Поэтому здесь все зависит от деталей: от соотношения сил и потерь, от времени начала и завершения боя, от поведения войск в ходе столкновения. Все это очень тонкие моменты, которые легко поддаются фальсификации. Плюс-минус час, на несколько сотен человек больше или меньше потери без труда могут полностью видоизменить облик произошедшего.

Обычно обороняющийся изображает дело так, что он успешно в течение долгого времени сдерживал натиск врага, конечно же, более многочисленного, а потом гордо и спокойно покинул поле боя. Наступающий всегда изображает произошедшее как стремительную неудержимую атаку своих войск, которая сокрушила оборону противника. Конечно же, арьергард был вдребезги разбит, а его остатки едва ушли с поля боя...

Не представляет собой исключение и бой при Амштеттене. Обе стороны уверенно говорят о своей победе.

Каковы же истинные результаты боя? Для начала о силах сторон и потерях. Общее количество войск французского авангарда, принявших участие в бою, приблизительно 8 000 человек. Общая численность отрядов Ностица, Багратиона и Милорадовича приблизительно 13 000 человек.

Генерал Удино докладывал в своем рапорте, что его дивизия потеряла 65 убитых и 157 раненых. О потерях кавалерии почти ничего неизвестно. Справочник

Мартиньена указывает, что в полках, принявших участие в бою, пятеро офицеров было ранено. Это означает, что конница могла потерять около 100 человек убитыми и ранеными. В общем, с учетом некоторого количества неучтенных потерь (Удино, вероятно, вольно или невольно занизил свои потери), у французов, скорее всего, выбыло из строя около 400 человек.

Багратион довольно подробно сообщает о потерях своего отряда. Даже из его рапорта следует, что они были немалые. Согласно этому документу, убито и ранено было 472 солдата и офицера, без вести пропало (с высокой степенью вероятности попали в плен) 303 человека. У Милорадовича убито и ранено 205 человек, пропало без вести 57. В общей сложности 675 убитых и раненых, 360 пропавших без вести. Оба генерала, как кажется, точно сообщили количество убитых и раненых. Что касается 303 пленных из отряда Багратиона, эта цифра, по всей видимости, занижена. Французы, конечно же, преувеличивая это число, говорят о 1500—1800 австрийских и русских пленных.

Интересно, что потери отряда Милорадовича почти точно совпадают с потерями французов. Действительно, силы противников в этот момент были примерно равны, и бой шел с переменным успехом, так что и потери оказались равными. Что же касается Багратиона, то, скорее всего, застигнутые на марше по частям, его войска не оказали серьезного сопротивления. Французской коннице оставалось лишь рубить бегущих и подбирать пленных.

От места начала марша до места расположения на биваке авангард Мю'ра-та прошел около 30 км. Почти половину этого пути Мюрат двигался, ведя почти непрерывный бой. Даже если под конец дня Милорадович удачно вступил в дело и отбросил на несколько сот метров французов, это мало что изменило в общем результате. Мюрат проявил максимум инициативы и амштет-тенский бой был его успехом.

Тем не менее у боя под Амштеттеном есть и другая сторона. Император получил рапорт Мюрата только на следующий день и, вопреки ожиданиям маршала, в ответном письме он нашел не похвалу, а замечания. Дело в том, что авангард совершенно оторвался от главных сил. Только пехотная дивизия Сюше была в день амштеттенского сражения километрах в 15—20 позади полков Мюрата. Остальные войска отстали на целый переход и больше. Таким образом, в случае более серьезной контратаки русских войск полки Мюрата могли бы оказаться совершенно без поддержки. «Вы оставили меня вчера весь день без новостей, и только в девять часов утра сегодня я узнал о том, что произошло. Нужно мне писать два-три раза в день. Если бы я знал, что неприятель находится там, я принял бы необходимые меры. Пусть дивизия Сюше нагонит гренадер, и пусть эти две дивизии двигаются вместе... Нужно сомкнуть колонны на дороге, чтобы хвост мог поддержать голову»[54].

Это письмо Наполеона разочаровало эмоционального маршала, который был уверен, что его отвага и напористость в отчаянном бою будет отмечена. Император указывал на то, что надо двигаться с большей осторожностью. В результате Мюрат, который до этого просто летел вперед во главе своей конницы, стал идти медленнее, с несвойственной ему предусмотрительностью, зато засыпал своего царственного родственника подробными отчетами. Это уже буквально через несколько дней окажет значительное влияние на события войны.

Осторожность, которую Наполеон требовал от командира авангарда, объяснялась еще одним соображением. Император получил сообщение о том, что поблизости от Кутузова находится идущая к нему на соединение армия Буксгев-дена. Зная о том, что Франц II требовал от русских защищать Вену, французский полководец предполагал, что в случае объединения с подкреплениями Кутузов может решиться на генеральное сражение. Единственным местом, где та-

кая битва могла бы произойти, Наполеон видел городок Санкт-Пельтен в 50 к>-к востоку от Вены. Здесь долина Дуная расширяется. Просторные поля позво ляют маневрировать 100-тысячной армии. С другой стороны, в районе Санкг-Пельтена путь на Вену преграждает обширное плато, удобное для обороны :: для контрнаступления. Все данные сходились на том, что именно здесь произойдет соединение союзных армий и именно здесь состоится решающая битва

На самом деле мифическая армия Буксгевдена была всего лишь 6-й отставшей от главных сил колонной Подольской армии Кутузова. Разумеется, что даже прибытие этих войск не могло серьезно изменить ситуацию, и Кутузов нт собирался давать генеральное сражение на Санкт-Пельтенском плато.

Однако все распоряжения французского императора в эти дни исходили и; соображений подготовки к подобной битве. Наполеону необходимо было, чтобы это сражение стало не просто успешным. Ему требовался полный разгрох союзных войск, такой, чтобы разом покончить с силами коалиции и отбить у пруссаков всякое желание вступить в войну. Для этого император планировав атаковать союзников у Санкт-Пельтена со всех сторон. Маршал Даву из Штей-ера был направлен на город Гаминг. В его задачу входило продолжать преследовать отступающий корпус Мерфельда, а затем, обойдя позицию Санкт-Пельтен^ с юга, выйти в тыл Кутузова. Мюрат, Ланн и Сульт должны были двигаться прямо на Санкт-Пельтен. Бернадотт должен был стараться нагнать главные силы и обойти плато с севера. Наконец, для того чтобы не допустить переход Кутузова на левый, северный, берег Дуная, сюда были направлены дивизии из различных корпусов, объединенных под общим командованием маршала Мортье.

С помощью найденных в Линце судов 4 ноября была начата переправа войск через Дунай. В общей сложности здесь оказались три пехотные дивизии (Газана из 5-го корпуса, Дюпона из 6-го корпуса и Дюмонсо из 2-го корпуса). а также драгунская дивизия Клейна. Это было сделано не только с целью отрезать путь Кутузову на север, но также и для того, чтобы хоть как-то разгрузить главное шоссе, ведущее к Вене. Дорога вдоль левого берега была узкой, зажатой межу высокими скалами и Дунаем. Но тем не менее это была дорога, и по ней вполне мог двигаться небольшой корпус. Что же касается драгун Клейна, то их вообще отправили на рекогносцировку в северном направлении в сторону Богемии для того, чтобы выяснить обстановку в этом регионе.

Император надеялся также выгодно использовать Дунай в качестве транспортного пути. По его приказу нужно было собрать около 300 речных судов и организовать флотилию, которая, с одной стороны, могла бы надежно связать корпус на левом берегу с главными силами, а с другой стороны, принять на борт провиант и наиболее уставших солдат.

Распоряжение императора будет выполнено лишь частично. Удастся найти не более 30 подходящих суденышек, и потому войска на левом берегу окажутся изолированными.

Всё эти приказы Наполеон отдал из города Линца, где его главная квартира находилась с 4 по 9 ноября 1805 г. Однако уже в эти дни императору французов пришлось решать не только военные задачи, так как политика постоянно вторгалась в ход военных операций. За день до переезда главной квартиры в Линц на аванпосты французских войск прибыл австрийский офицер, который передал письмо от императора Франца, адресованное Наполеону. Это был ответ на предложения мира, высказанные в беседе с генералом Макком в аббатстве Эльхинген. Послание было составлено в туманных выражениях, а в его тоне звучала высокомерная ирония. Тем не менее, как бы ни пытался изобразить австрийский император спокойную уверенность, сам факт его послания был уже важным знаком. Наполеон, не обращая внимания на ироничные фразы, ответил

тотчас же: «...я готов забыть всю несправедливость уже третьей агрессии и попытаться снова заключить мир, быть может, он лучше выдержит интриги и усилия его разрушить со стороны Англии, чем два предыдущих... Моим единственным желанием является развитие торговли и флота, чему упорно противостоит Англия. Я выполняю свой последний долг по отношению к Вашему Величеству... Вы знаете, насколько ваши подданные недовольны этой войной. Пусть Ваше Величество, у которого есть столько добродетелей, позволяющих его подданным любить его, прекратит их несчастья и спасет сам себя от несчастья»[55].

Ответ не заставил себя ждать. 7 ноября в генеральную квартиру императора французов в Линц прибыл австрийский генерал Гиулай с очередным посланием от Франца И. Под влиянием событий последних дней, видя, что надежды спасти Вену нет, австрийский монарх изменил свой тон. Он предложил начать мирные переговоры, но, однако, их непременным условием поставил немедленное заключение перемирия. Он предлагал также, чтобы в переговорах принял участие русский царь.

Наполеон, конечно, не был простачком. Он прекрасно понимал, что перемирие играет на руку союзникам. Основной его целью является попытка под благовидным предлогом остановить на время боевые действия, не допустить французов в Вену, дать возможность соединиться всем армиям союзников, наконец, попытаться втянуть в коалицию Пруссию. Тем самым хитростью вырвать у него плоды всех военных побед.

Французский император ответил очень любезным посланием. Он соглашался на переговоры и очень хвалил молодого царя: «Я желаю мира и буду рассматривать как счастливое событие тот момент, когда Ваше Величество обратит внимание на интересы своей страны и на благо своего народа... Я никоим образом не сомневаюсь в личных качествах императора Александра, но я хорошо знаю всю силу того влияния, которое уже в течение трех лет на него оказывают. И его добрые и благородные желания дают совсем другой результат. Он хотел быть миротворцем и благодетелем Европы, но, благодаря своему окружению, стал главным двигателем раздора, происходящего на континенте. Я много переписывался с императором Александром, и моя связь с ним оставила в моем сердце память о его доброте и о его высоких достоинствах. Сейчас он молод, он приобретет потом больше опыта и, конечно же, сделает все то добро, которое он желает Европе и человечеству. Я надеюсь, что тогда он воздаст больше справедливости моим чувствам, моей откровенности и дружбе, которую я пытался засвидетельствовать ему во всех наших связях»[56]. Не жалея любезных фраз, Наполеон тем не менее на перемирие не соглашался.

Хотя переговоры и не нашли своего материаль юго воплощения, любезности сыпались со всех сторон. В штаб-квартиру императора прибыл баварский электор, который не смог встретить императора в Мюнхене и помчался в Линц, чтоб засвидетельствовать свое почтение, а кроме то о, завершить переговоры о бракосочетании его дочери, юной принцессы Августы Баварской и Евгения Богарне, приемного сына Наполеона. Узнав об этих переговорах, генерал Гиулай как бы невзначай заговорил о том, что и императору пора бы заключить приличный брак — развестись со старой бесплодной Жозефиной и жениться на молодой принцессе... например, австрийской.

Все эти переговоры, постоянные появления парламентеров на аванпостах, наконец, даже хотя и очень неопределенные, но все же разговоры о возможном браке Наполеона и дочери австрийского императора, конечно же, не остались секретом для офицеров как французских, так и австрийских. «Не проходило дня, чтоб к нам не приезжали парламентеры или переговорщики, без того, чтобы не было какого-нибудь частного перемирия... — рассказывает офицер из

императорской свиты. — Никогда еще не было похода, где дипломатия играла бы такую большую роль»[57].

В результате сложилась весьма странная ситуация. Передовые отряды, как французские, так и австрийские, толком не знали, что им нужно делать — то л>" воевать, то ли мириться. «На аванпосты прибыл парламентер, который заяви" от имени австрийцев, что у них есть приказ командования прекратить сражаться»[58], — доложил Мюрат императору 9 ноября.

С другой стороны, отношения между русскими и австрийцами весьма накалились. Действительно, если встать на позицию простого австрийского офицера, то роль русской армии должна была представляться ему весьма странной Сначала всем говорили, что война будет победоносной, так как несметные силы русских придут на помощь австрийской монархии. Вместо несчетного войска пришла маленькая армия, она быстро прошагала в сторону Баварии, а потом столь же быстро принялась шагать в обратном направлении. И, как оказалось даже и не думала защищать Вену. Как следствие между генералами возникли острые споры, а младшие офицеры смотрели на своих союзников чуть ли не как на врагов. Мюрат докладывал императору сведения, полученные от пленных. «Большой разлад царит между русскими и австрийцами. И те, и другие осуждают друг друга в трусости. Австрийские офицеры, которые обедали здесь сегодня *(в аббатстве Мелък),* попросили у монахов, чтобы те не давали едь: русским: «Это трусы. Они бросают нас, даже не вступив в бой». Русские отвечали, что они отступают потому, что они малочисленны»[59].

Это необычная военно-политическая ситуация поставила на пути русской главнокомандующего гигантские трудности. Его армия оказалась как бы в вакууме и надежду на спасение могла черпать только в собственной решительности и отваге. Но, с другой стороны, она и создала неопределенность, которая вконец сбила с толку и без того не слишком далекого политика, каким бы." лихой командир французской конницы Иоахим Мюрат. И Кутузов не преминул воспользоваться своими блестящими талантами психолога и стратега...

1 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г., с. 27.

2 Внешняя политика России... т. 2, с. 581.

3 Radziwill Louise de Prusse, princesse Antoine. Quarante-cinq annees de ma vie (1770—1815) par Louise de Prusse. Paris, 1911, p. 192.

4 Внешняя политика России... т. 2, с. 605—606.

5 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 63.

6 Czartoryski A.-J. Memoires du prince Czartoryski et correspondance avec I'Empereur Alexandre Pr. Paris, 1887, t. 1, p. 396.

7 Вел. Кн. Николай Михайлович. Император Александр I. СПб., 1912, т. 1, с. 42.

8 Внешняя политика России... т. 2, с. 606.

9 Там же.

10 Suckow K.-F.-E. Fragments de ma vie. D'lena a Moscou. Paris, 1901, p. 47.

1 Внешняя политика России... т. 2, с. 630.

12 Там же. ..., ,

13 Там же, с. 618.

14 Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1951, т. 2, с. 69.

15 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 39.

16 Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции. М., 1815, с. 58-59.

17 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 40—41.

18 Кутузов М.И. Указ. соч., т. 2, с. 97-98.
19 Толстой Л.Н. Война и мир. М., 1983, с. 146-147.
20 Кутузов М.И. Указ. соч., т. 2, с. 112.
21 Цит. по Alombert P.-C, Colin J. Op. cit, t. 4, p. 85.
22 Внешняя политика России... т. 2, с. 612.
23 Кутузов М.И. Указ. соч., т. 2, с. 108.
24 Глинка Ф. Указ. соч., с. 62—63.
25 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 84.
26 Кутузов М.И. Указ. соч., т. 2, с. 131.
27 Там же., с. 127.
28 Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991, с. 38.
29 Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго. // Русская старина, 1874, июнь, с. 492—493.
30 Barres J.-B. Souvenirs d'un officier de la Grande Armee. Paris, 1923, p. 46.
31 Correspondence de Napoleon Ier, t. 11, p. 358—359.
32 Ibid., p. 367.
33 Ермолов А.П. Указ. соч., с. 36.
34 Глинка Ф. Указ. соч., с. 73—74.
35 Ермолов А.П. Указ. соч., с. 39—40.
36 Документы штаба М.И. Кутузова 1805—1806. Сборник. Вильнюс, 1951, с. 122.
37 Там же, с. 123.
38 Lejeune L.-F. Memoires du general Lejeune, 1792—1813. Paris, 2001, p. 23—24.
39 Глинка Ф. Указ. соч., с. 75—76.
40 Ермолов А.П. Указ. соч., с. 40.
41 Lejeune L.-F. Op. cit., p. 24.
42 Levavasseur O. Souvenirs militaries d'Octave Levavasseur, officier d'artillerie, aide de camp du marechal Ney. Paris, 1914, p. 40.
43 Lejeune L.-F. Op. cit., p. 24.
44 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 4, p. 511.
45 Ермолов А.П. Указ. соч., с. 40.
46 Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995, с. 207.
47 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 93.
48 Документы штаба М.И. Кутузова... с. 125.
49 Ермолов А.П. Указ. соч., с. 40.
50 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 4, p. 515.
51 Ibid., p. 512.
52 Ibid., p. 507.
53 Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armee, 1800-1830. Paris, 1895, p. 56-57.
54 Correspondence ... t. 11, p. 381.
55 Ibid., p. 376-377.
56 Ibid., p. 396.
57 Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoleon К Paris, 1900, p. 192.
58 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 4, p. 128.
59 Ibid., p. 109.

ГЛАВА 10 ДВА СЮРПРИЗА

С самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде t расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эт:, расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятность счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями, по сравнению с другим:, видами человеческой деятельности, более остальных похожим на карточную игру.

Клаузевиц. О войне..

Пока Наполеон находился в Линце и вел дипломатические переговоры, ситуация на «шахматной доске» так запуталась, что одно за другим последовал:: события, поистине невероятные и удивительные, достойные авантюрного романа

Седьмого ноября авангарды Мюрата приближались к Санкт-Пельтенскому плато. Расстояние между этими войсками и главным штабом императора в Линце достигло почти 100 км. С учетом того, что погода оставалась из ряда вон плохой и дороги представляли собой грязное месиво, нормальная связь между главнокомандующим и его ближайшим подчиненным нарушилась. Требовалось белее двух суток для того, чтобы адъютанты могли совершить поездку туда и обратно, передать рапорт и получить инструкции. А ситуация менялась буквально каждый час. В результате отважный командир французской конницы оказался пре доставлен сам себе, и ему отныне нужно было самому принимать важнейшие стратегические решения. О том, что из этого получилось, будет рассказано в этой главе.

Уже в этот день (7 ноября) Мюрат и следовавший за ним по пятам Ланн стали догадываться, что союзники навряд ли примут сражение на Санкт-Пель-тенском плато. Ланн написал императору: «Русские генералы говорят, что они хотят дать бой под Санкт-Пельтеном. Я в это совершенно не верю. Они оставляют без выстрела самые лучшие позиции... Впрочем, завтра мы узнаем, действительно ли они хотят принять битву у Санкт-Пельтена»[1]. А Мюрат доносил в эт: же время: «Слуга графа Гиулая, которого мы на некоторое время задержал:: здесь, рассказал этим вечером, когда он отужинал с моими *(слугами или адъютантами?)* и хорошенько выпил, что германский император желает покинуть Вену. Он добавил, что не видел на дороге из Вены никаких войск, кроме тех. что бегут перед армией Вашего Величества, и что багажи русской армии направились по дороге к Кремсу и что они, очевидно, будут отступать в Богемию»[2]. Буквально через несколько часов Мюрат пишет: «Рапорт, который мне только что передали, полностью подтверждает, что русские двигаются на Креме»[3].

Впрочем, еще накануне, б ноября, Мюрат правильно предполагал, что армия Кутузова предпримет отступление в северном направлении с целью форсирования Дуная. «Неудивительно будет, — писал маршал о русских, — что они примут решение перебросить свои войска на берег Дуная у Кремса. *Тогда я не вижу ничего, что могло бы остановить хоть на минуту марш армии Вашего Величества на Вену»[4].*

Таким образом, совершенно точно предсказав действия Кутузова, Мюрат, тем не менее, как кажется, думал уже совсем о другой цели. Оказавшись у ворот столицы австрийской монархии, он уже представлял свое триумфальное вступление в Вену, город, в который еще ни разу не вступали французские войска. Последняя фраза из его рапорта явно свидетельствует об этом. Как ни странно, император, несмотря на то что он постоянно говорил о необходимости разгрома армии Кутузова до соединения ее с австрийцами, и вовсе не ставил перед собой в качестве главной задачи скорейшее занятие Вены, не обратил на фразу Мюрата никакого внимания. Инструкции, данные им командиру авангарда в эти дни, носили самый общий характер.

В ответ на донесения маршала Наполеон написал следующее: «Направьте Ваши передовые отряды к входу в Венский лес в том случае, если противник не будет оказывать слишком серьезного сопротивления. Держите войска всегда наготове и в сборе. Пусть Сульт следует прямо позади Вас... Возможно, что русские перешли Дунай и попытаются прикрывать Вену с левого берега. Попытайтесь захватить как можно больше пленных...»[5]

Из этого письма никак не следовало, что главная цель — это разгром русской армии. Наполеон даже как-то небрежно упоминает о возможности того, что «русские перешли Дунай». Единственное, что ясно было из инструкций императора — надо держать войска сосредоточенными и не бросаться в авантюры.

Получив подобные рекомендации, а накануне, кроме этого, упреки императора в неосторожности, пылкий маршал сменил свой стиль ведения войны. Желая показать свою исполнительность и понятливость, он написал императору: «Я не двинусь против них со значительными силами, кроме как по приказу Вашего Величества»[6].

Утром 8 ноября кавалерия под командованием Мюрата подошла к Санкт-Пельтенскому плато. Впереди были обнаружены крупные силы неприятеля. Это был русский арьергард под командованием генерал-майора Милорадовича, позади него основные силы армии Кутузова. Еще недавно столь решительный Мюрат, следуя советам императора, не стал рисковать. У него непосредственно под рукой было только три бригады легкой кавалерии и две бригады драгун*.

«У неприятеля было, по меньшей мере, 8 тысяч кавалеристов, — не слишком заботясь о точности цифр, доносил Мюрат. — Его гусары пытались много раз атаковать, но напрасно. Я имел случай наблюдать твердую стойкость горстки наших гусар, уверенная отвага которых и гордая неподвижность заставила остановиться четыре вражеских эскадрона, которые уже было бросились на них, издавая страшные крики»[7].

Нужно сказать, что Милорадович был гораздо более скромен как в оценке численности «полчищ» врага, так и размаха «битвы»: «...неприятель атаковал аванпосты, — показался с двумя колоннами пехоты и сильным отрядом кавалерии, имея впереди конных фланкеров**. Два эскадрона Мариупольских гусар, выслав своих фланкеров, перестреливались с оными»[8].

В общем, все ограничилось банальной перестрелкой из карабинов русских и французских гусар. Потери с русской стороны составили согласно официально-

* Французские кавалерийские бригады в кампанию 1805 г. были очень маленькими. К ноябрю в среднем бригада насчитывала в своих рядах 500 кавалеристов. Это объяснялось тем, что части имели неполный конский состав в Булонском лагере, сверх того наблюдались значительные потери в конском составе вследствие форсированных маршей.

** Фланкер — на русском военном языке начала XIX века стрелок в передовой цепи. Здесь речь идет о гусарах, которые, оставаясь в конном строю, вели огонь, используя имевшиеся у них короткие карабины.

му рапорту одного убитого и шесть раненых. О потерях французов неизвестно, но совершенно очевидно, что они были примерно такими же.

Интересно, что мемуары участников этих событий с обеих сторон говорят о том, что в этот день на передовые посты приезжали парламентеры и начинались переговоры. Генерал Ермолов утверждает, что это якобы был сначала французский генерал (какой — неизвестно), а потом вместо него остался какой-то французский капитан, пытавшийся обмануть бдительность Милорадовича. Лейтенант Левавассер, который был опять в авангарде со своими пушками, пишет, что к французам приехал парламентер — австрийский генерал (также неизвестно какой), который завязал переговоры с Себастиани.

Подобные визиты парламентеров происходили, как уже говорилось, на протяжении всей этой кампании. И почти всегда источники с той или иной стороны уверенно заявляют, что первыми приезжали парламентеры со стороны неприятеля, конечно же, с целью обмануть их — заставить остаться на месте напасть врасплох и т.д. В данном случае в подобных переговорах могли быть заинтересованы, как ни странно, и те и другие. Мюрат — для того, чтобы сконцентрировать силы, союзники — для того, чтобы затянуть время. Так что, возможно, что посланцы приезжали и от французов, и от союзников.

Если под Санкт-Пельтеном день 8 ноября прошел относительно «спокойно», то в 50 км к югу в это же время разворачивались драматические события

С того момента как австрийский корпус Мерфельдта отделился от оснон-ных сил союзной армии, за ним по пятам шел маршал Даву. И австрийцы. : французы, двигаясь южнее главной дороги, оказались в очень трудно проход:: мой гористой местности. Хотя горы здесь и невысокие, но много крутых склонен и обрывов, а дороги от чередующихся дождей и холода превратились в обледе нелые тропы. «Мы шли вслед за австрийцами по узким извилистым дорогам, *г.:* краям которых вставали обрывистые скалы, а в глубоких ущельях текли горнкт реки»[9], — вспоминал капитан 13-го легкого полка Жервэ. Тяжело пришлось : французам, и австрийцам. Напрасно генерал Мерфельдт пообещал 7 ноябре своим солдатам по 20 флоринов за каждую пушку, доставленную в город Ней-хаус, куда должны были прибыть австрийские войска. Несмотря на все усилия пехотинцев, тащивших орудия на руках, ночь застала колонну в горной долине.

Маршал Даву использовал свои методы воздействия. Он обратился к чувству чести французских солдат. Вечером 6 ноября маршал отдал следующий приказ: «Третий корпус предупреждается о том, что наш марш будет полон трудностей и лишений. Но его результатом будет то, что мы будем находиться в авангарде перед двумя другими армейскими корпусами. Наш марш облегчит победу и сбережет кровь храбрых и верных солдат нашего монарха. Если препятствия, которые встретятся нам на пути, задержат нас, мы окажемся в третьей линии»[10].

Слова маршала нашли отклик в сердцах французских солдат, и, превозмогая усталость и лишения, утром 8 ноября французские колонны нагнали неприятеля. Корпус Даву следовал по перпендикулярной к направлению движения австрийцев дороге, но его появление не стало неожиданностью для противника. Генерал Мерфельдт успел выставить против французов два заслона и стрелков, рассыпанных в горах. Первый был опрокинут стремительной штыковой атакой, а две австрийские пушки, стоявшие на дороге, захвачены. Второй из этих заслонов, также имевший орудие, стоял, кроме того, между двух высоких скал. Однако карабинеры и вольтижеры 13-го легкого, карабкаясь по непроходимым кручам, опрокинули стрелков врага и атаковали австрийскую пушку с высоты. Офицер артиллерии, до конца выполняя свой долг, погиб на лафете орудия, а австрийские стрелки вынуждены были отступить.

Продолжая продвигаться вперед, французы обнаружили на подходе к местечку Мариа Целль весь корпус Мерфельдта. Австрийцы занимали выгодную позицию на вершине горного плато. Это не помешало французским войскам почти тотчас же с ходу атаковать неприятеля. Первая атака была отбита, но порыв частей Даву был столь силен, что они тотчас перешли в новое наступление. Австрийские полки дрогнули и бросились бежать. В результате непродолжительного боя маршал Даву одержал полную победу: в плен было взято 4 тыс. австрийских солдат, захвачено 18 орудий и два знамени. Результатом боя при Мариа Целль был полный разгром отряда Мерфельдта. Отныне корпус Даву освободился для решения любых других стратегических задач.

Но вернемся к главной дороге на Вену. На рассвете 9 ноября Мюрат мог констатировать только один факт — неприятеля перед ним больше не было. Русские ушли на север в сторону Кремса, австрийцы на восток, в сторону Вены. Великая битва под Санкт-Пельтеном не состоялась.

Командующий французским авангардом то ли действительно растерялся и не знал, что делать дальше, то ли изображал святую наивность, на самом деле давно уже решив для себя, что его привлекают не разбитые обозы русской армии, а блистательная перспектива первым вступить в Вену.

«Сир, я посчитал, что я не должен двигаться вперед ни по дороге на Вену, ни по дороге на Креме, — докладывал маршал. — Следуя по первой, я подставил бы свой фланг русской армии, следуя по второй, я мог бы опасаться австрийцев»[11].

Подобные колебания, по меньшей мере, удивительны — за плечами Мюрата было пять кавалерийских и пять пехотных дивизий! Если бы он действительно собирался преследовать Кутузова, то опасаться нескольких тысяч человек Кин-майера, спешно уносивших ноги по дороге на Вену, было совершенно немыслимо. Зато если, как кажется, Мюрат думал о вступлении в Вену, подобная задержка вполне понятна. Ясно было, что русские навряд ли будут задерживаться на южном берегу Дуная, а поспешат как можно быстрее переправиться через реку. Подождав немного в Санкт-Пельтене, Мюрат получал полное алиби: он, конечно, хотел преследовать Кутузова, но опасность флангового удара задержала его; теперь русские на другом берегу реки и делать нечего — нужно идти на австрийскую столицу.

Некоторые биографы Мюрата, оправдывая поведение своего героя, говорят о том, что Наполеон не дал ему никаких ясных инструкций. Это правда. И без сомнения, сам император совершил серьезный просчет, не послав маршалу точного и ясного приказа преследовать армию Кутузова и оставшись в решительный момент далеко позади. Однако это никак не снимает ответственности с подчиненного, который совершил грубейшую ошибку. Он имел полную возможность, имея под рукой почти всю свою резервную кавалерию, две дивизии корпуса Ланна и три дивизии корпуса Сульта, прижать русские войска к Дунаю и поставить их на грань катастрофы.

Что же касается действий Кутузова, то их можно охарактеризовать как умелые и совершенно правильные в данной обстановке. Буквально накануне австрийский император дал ему указания отойти к Кремсу и «прикрыть во что бы то ни стало сооружаемое перед Кремсом мостовое укрепление»[12]. Подобное распоряжение было продиктовано вполне понятными эмоциями. Австрийский император, как утопающий за соломинку, хватался за любую, даже мифическую возможность спасти Вену. Но 35-тысячная армия Кутузова совершенно не могла держаться в небольшом земляном укреплении против всех войск Наполеона. Она была бы неминуемо раздавлена. Тем более что обещанное укрепление было не достроено и совершенно не готово к обороне. Наконец, Кутузов

был уже извещен о том, что по левому, северному, берегу двигаются французские войска, и малейшая задержка с переправой грозит русской армии неминуемой катастрофой. Поэтому он не только не пытался обороняться, но и ка:-можно ускорил марш своих войск, которых символически «преследовала» всего лишь одна конно-егерская бригада Фоконне.

В ночь на 10 ноября русские войска закончили переправу по мосту меж;: городком Маутерн (на южном берегу) и Кремсом (на северном берегу). В *Чс.* ночи мост был подожжен, и пламя, бушующее над Дунаем, ознаменовало с: бой неожиданное для французов изменение стратегической обстановки. Тепер; русская армия не только надежно отгородилась от французов рубежом полн •: водного Дуная, но и оказалась один на один с небольшим корпусом Морть-который преспокойно продолжал движение вдоль левого (северного) берега, не подозревая об опасности, нависшей над ним.

А в это время, 10 ноября, утром торжествующий Мюрат принимал депутацию от венского магистрата. В радостном возбуждении он написал императору в шесть часов вечера: «Итак, если, конечно, Ваше Величество не пришлет мнт иного приказа, завтра в полдень я буду под стенами Вены. Разумеется, если -и получу ключи от города, то только для того, чтобы послать Вам их»[13].

В этот момент Наполеон уже почти догнал армию. 10 ноября он прибыл 5 аббатство Мельк на берегу Дуная. Прекрасное здание аббатства, образец великолепной австрийской барочной архитектуры, находилось в 75 км по воздушной линии от ворот Вены и всего лишь в 20 км с небольшим от Маутерна *у.* Кремса. Получив оперативную информацию, император сразу все понял и. вовсе не придя в восторг от рапорта Мюрата, в ночь на 11 ноября написал ему одно из самых своих резких писем: «...я не могу одобрить Вашего способа идти вперед. Вы несетесь, как какой-то вертопрах, и не обдумываете приказы, которые я Вам даю. Русские вместо того, чтобы прикрывать Вену, перешли Дунай у Кремса. Это исключительное обстоятельство должно было бы заставить Вас сообразить, что Вы не можете действовать без новых инструкций... Вы затолкнули всю мою армию на дорогу на Вену, Вы, однако, получили приказ, который Вам передал маршал Бертье, преследовать русских «шпага в спину». Поистине странный способ преследования удаляться от неприятеля форсированными маршами... *Теперь русские смогут сделать все, что они захотят, с корпусом Мортъе...* Но Вы... думали только о маленькой славе вступить в Вену. Помните, что слава только там, где опасность. Нет ничего славного вступить в столицу, которую никто не защищает»[14].

Справедливости ради необходимо отметить, что приказ, где действительно говорилось о неотступном преследовании русской армии, был отправлен Мюра-ту в ночь на 10 ноября и пришел к нему с огромным опозданием лишь 11 ноября. Тем не менее император был прав — его маршал действительно нарушил все принципы военного искусства. Но особенно Наполеон был прав в оценке положения корпуса Мортье на левом берегу Дуная.

Интересно, что такого же мнения придерживался и Кутузов... Едва русские полки оказались на левом берегу Дуная, как Кутузов получил информацию о том, что совсем рядом от него находится корпус маршала Мортье. Эта информация была достаточно подробная, так как русские войска захватили рассыпавшихся по садам и домам французских солдат из состава Дунайской флотилии. Они практически точно сообщили, что корпус Мортье состоит из трех дивизий и что первая их них — дивизия Газана — находится совсем близко. Позади нее, примерно в 12 км, двигаясь по дороге вдоль Дуная, находится следующая дивизия — Дюпона. Наконец, еще дальше, чуть ли не в целом переходе позади, сле-

дует еще одна дивизия — «батавская» (голландская) дивизия Дюмонсо. Наконец, также на левом берегу Дуная находилась французская кавалерия — драгунская дивизия Клейна. Однако она была отделена от пехоты, направившись для рекогносцировки в северном направлении. Захваченные пленные сообщили не только местонахождение этих войск, но и их приблизительную численность. Дивизия Газана насчитывала 6 000 человек, дивизия Дюпона — 4 500, дивизия Дюмонсо — 3 500, у Клейна было 1 800 драгун.

Получив эту информацию, вечером 10 ноября Кутузов отдал приказ о переходе в контрнаступление с целью разгрома корпуса Мортье.

Для того чтобы понять, что произошло дальше, необходимо посмотреть на карту. Вдоль Дуная по левому берегу реки шла довольно узкая дорога. О ее ширине восточнее городка Дюренштейн известно, что только семь человек могли пройти по ней в ряд, то есть ширина дороги была примерно 4—4,5 метра. Дорога проходила по узкой долине, с севера были крутые скалы, с юга река. Ширина долины была различной: в некоторых местах скалы почти что полностью подходили к реке, в некоторых она расширялась и от отрогов гор до реки было 500—600 метров. В широких местах вся долина была покрыта виноградниками и огородами. И те, и другие были окружены каменными стенами высотой 3—4 фута. Городок Дюренштейн перегораживает долину в узком месте. С севера со стороны гор над ним нависли развалины старинного замка*.

Таким образом, развернуть большие силы в долине не было возможности. Чтобы с успехом реализовать подавляющее численное превосходство русской армии, она должна была наряду с фронтальной атакой предпринять обход частью войск через горы. Никаких принципиальных противопоказаний для этого не было. Дорога в горах существовала, причем она выходила точно в тыл позиции Газана. К тому же ни маршал Мортье, ни его подчиненные не думали и не догадывались о том, что русские могут перейти в контратаку.

Впрочем, маршал Мортье также получил сведения от своих передовых постов о неприятеле. Ему доложили, что в районе города Кремса и соприкасающегося с ним городка Штейна находятся русские войска. Однако сведения, которые получил Мортье, были неполными и неточными. Он считал, что под Кремсом находится небольшой русский арьергард, а основная масса русской армии отходит в северо-восточном направлении по дороге на Брюнн. Поэтому 11 ноября утром он также собирался продолжить свое движение вперед и, если надо, с боем занять Креме, чтобы выбить оттуда русский «арьергард».

Судьба дала Кутузову поистине уникальный шанс. Он не только благодаря своим удачным распоряжениям оказался один на один с корпусом Мортье, но и сверх того французские части были разбросаны по узкой долине на большом расстоянии друг от друга. Наконец, Мортье не подозревал о той опасности, которая над ним нависла. Таким образом, русские могли не просто разгромить изолированный корпус, но и получили редкую возможность окружить и полностью уничтожить или взять в плен целую дивизию, при которой находился сам маршал Мортье.

Все, что было сделано Кутузовым до этого, нельзя не назвать блистательно проведенным отступлением в самых сложных условиях, а с точки зрения стратегии все его действия абсолютно правильными. Однако теперь ему предстояло решить тактический вопрос. Диспозиция, которая была отдана войскам, не может не вызвать вопросов и, более того, она изумляет.

* В этом замке в начале XIII века был в заточении знаменитый король Ричард Львиное Сердце. Герцог Леопольд Австрийский приказал схватить его и заключить в замок, когда король с небольшой свитой возвращался домой после Третьего крестового похода.

Накануне к армии прибыл австрийский генерал Шмидт. Этот генерал был : особом фаворе у императора Франца, который написал Кутузову: «Я посыла:-: Вам генерала Шмидта, который пользуется моим полным доверием и который я надеюсь, когда Вы его узнаете, заслужит и Ваше»[15].

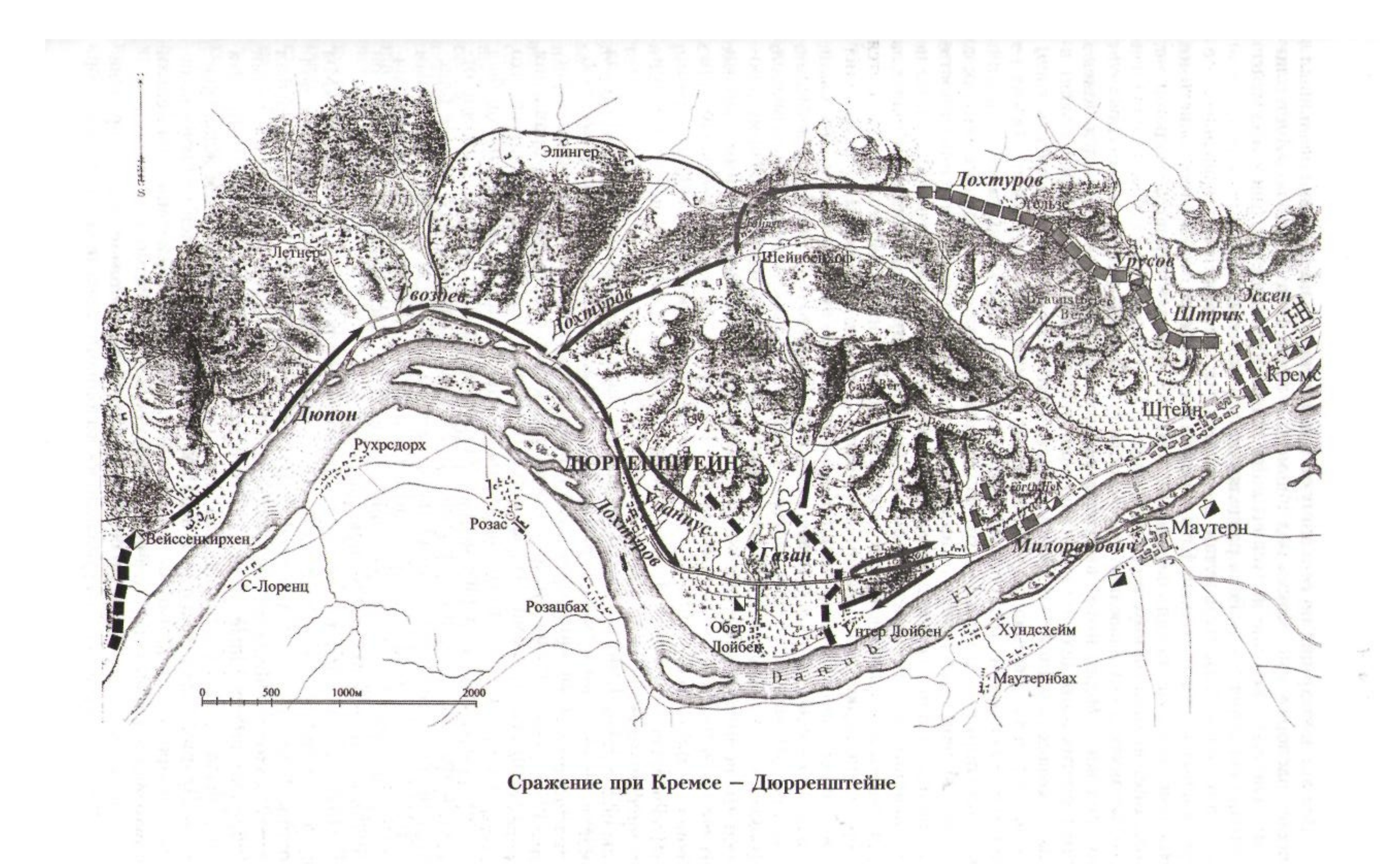
О генерале Шмидте в исторической литературе закрепилось суждение, чт: это был очень талантливый стратег. Судя по тому, что особым расположение[1] Франца пользовался также генерал Макк и не менее печально известный гене рал Вейройтер, высокая оценка австрийского императора навряд ли являлас: хорошей рекомендацией. Что же касается указаний, данных войскам накануне Кремского сражения, они, кажется, могут подтвердить не самое высокое суждение о способностях этого человека. Дело в том, что Шмидт был уроженце: города Кремса и прекрасно знал окружающую местность. Вероятно, в значительной степени поэтому Кутузов поручил именно ему разработку плана боя :: его практическую реализацию.

Согласно этой диспозиции русские войска должны были выступить ран: утром 11 ноября и атаковать дивизию Газана с разных направлений. Главна.? роль отводилась колонне под командованием генерала Дохтурова. Она должна была обойти французов с тыла и отрезать им путь к отступлению. За колонной Дохтурова должна была идти еще одна колонна. В диспозиции она называется «средняя колонна под командою генерал-лейтенанта барона Мальтица». Однако в действительности получилась одна большая колонна, которая на марше разделится на три части (см. приложение). В общей сложности в состав «обходящих» сил предполагалось направить 24 батальона и 10 эскадронов гусаг (реально — 21 батальон и 2 эскадрона). По диспозиции 9 батальонов с 5 эскадронами гусар и 5 эскадронами кирасир были выделены под командование:: генерала Багратиона в северном направлении, чтобы прикрыть фланг русски:: войск. 5 батальонов и 5 эскадронов гусар были оставлены в резерве в город: Штейн, позади него, а один из них даже позади Кремса. А для атаки французов с фронта были оставлены под командованием Милорадовича только 5 батальонов пехоты*! На самом деле ситуация была еще более удивительной, так как в диспозиции не упоминается о двух русских батальонах пехоты, двух драгунских полках, а также о трех казачьих". Наконец об австрийцах (4 батальона пехоты и 22 эскадрона кавалерии) вообще не сказано ни слова. Эт:: войска, русские и австрийские, были частью оставлены в лагере, частью выделены в сторону вслед за Багратионом, частью оказались в резерве Эссена

Таким образом, из 49 батальонов пехоты для атаки с фронта было выделе но только 5 батальонов!! Остальные были либо посланы по обходному пути Е горы, либо вообще отправлены куда-то в сторону. Но это еще не все. Милора-дович находился буквально в двух шагах от французов, и он выступил для атаки в семь утра, а войска, предназначенные для обхода, вышли согласно рапорту Уланиуса в 9 часу утра! Милорадовичу до боевого контакта было два шага, а сколько должны были идти обходящие колонны — одному Богу было известно. В результате, имея шестикратное превосходство в силах, русские атаковали дивизию Газана колонной, которая уступала французам по численности чуть ли не вдвое!

* Уже в ходе боя Милорадович получит под свою команду еще два эскадрона Мариупольского гусарского полка из состава резерва.

Два батальона пехоты — батальон Нарвского мушкетерского полка и батальон Новгородского мушкетерского полка.
Два драгунских полка — Черниговский и Санкт-Петербургский.
Три казачьих полка — Кирсанова, Грекова-18-го и Грекова-9-го.

Сражение при Кремсе – Дюрренштейне

Вся эта диспозиция по ее какому-то извращенному построению очень напоминает распоряжение Макка под Ульмом, а затем Вейройтера под Аустерлицем: «Die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert... die dritte Kolonne marschiert...» Войска разделялись на многочисленные колонны, которые шли по разным маршрутам и должны были соединиться в назначенное время в назначенных точках. При этом брались в расчет только пространственные соотношения, предполагалось к тому же, что все пройдет гладко и не возникнет никаких помех и осложнений.

Разумеется, труды великого Клаузевица появятся только после Наполеоновских войн. Через несколько лет после их завершения выдающийся немецкий теоретик с предельной ясностью сформулирует законы, которые правят *г* хаосе боевых действий. «Война — область недостоверного; три четверти тоге на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности... Война — область случайности; только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так ; ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий... Война — область физических усилий *и* страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы... делающие человека способным переносить испытания»[16].

Великие полководцы, такие, как Цезарь, Тюренн, Суворов, Наполеон, лей ствовали именно так и не читая Клаузевица. Эти принципы для них был:: врожденными подсознательными истинами. Подобно персонажу из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве» господину Журдену, который «говори.: прозой, сам того не зная», они действовали именно так, хотя и не сформулировали эти принципы теоретически. Действительно, на войне лучшими планами являются самые простые, а великим тактиком можно назвать не того, кто сочиняет хитроумные диспозиции, а того, кто, понимая специфику войны, принимает решения простые и ясные, умело оперируя моральными категориями, которые пронизывают всю ткань военных действий.

Диспозиция Шмидта полностью игнорировала моральные категории, быль чрезмерно сложной и совершенно не брала в расчет такие элементарные соображения, как возможные сбои в выступлении колонн, плохое качество дорог, трудность в отсутствии средств связи, подобных современным, управления разбросанными отрядами. Что касается Кутузова, можно не сомневаться, что не он составил этот странный, не учитывающий реалий, план. Однако он был главнокомандующим, за ним оставалось окончательное решение. Он мог отбросить этот план и принять другой. Но Михаил Илларионович, будучи блистательным политиком и великолепным стратегом, был, судя по всему, неважным тактиком. То ли полагаясь на таланты Шмидта, то ли из желания дипломатично отдать первенство в исполнении удачного боя австрийскому генералу, он принял к исполнению несуразную диспозицию...

Ночь на 11 ноября для русских и французских солдат была тяжелой. «Мы расположились в долине уже впотьмах, — рассказывает в своем дневнике полковник Таландье, тогда унтер-офицер 4-го легкого полка. — Снег покрывал землю, холод пронизывал нас насквозь. Мы использовали жерди, которыми подпирают виноградные лозы, для того чтобы развести бивачные огни. Эта ночь... была столь же длинной, как и тяжелой. Мы с нетерпением ждали рассвета. Неприятель располагался недалеко от нас. Он оставался на своих позициях, не производя против нас никаких наступательных действий. Мы видели только малое количество бивачных огней среди гор и холмов»[17].

Как уже отмечалось, около семи часов утра, с рассветом отряд Милорадови-ча двинулся вперед. Он наступал двумя колоннами: одна шла по склонам гор,

другая — по дороге вдоль Дуная. Очень скоро русские и французские передовые части столкнулись. Русские егеря и французская легкая пехота завязали перестрелку, а часть русской пехоты с ходу ворвалась в деревню Унтер-Лойбен. Французы были наготове, и вокруг деревни закипел отчаянный стрелковый бой.

О том, насколько участникам боя сложно объективно оценивать соотношение сил, говорит фраза из мемуаров Федора Глинки, который находился в рядах отряда Милорадовича: «Чем более продвигались мы вперед, тем явственнее открывались *великие силы* (!) неприятеля. Длинные гряды скал и гребни гор унизаны были его пехотой и спешившеюся конницей, лучи восходящего солнца играли на светлом оружии гордо на высотах стоящих строев»[18].

Этими «великими силами» была первая бригада дивизии Газана: 4-й легкий и 100-й линейный полки (см.приложение). Два батальона 4-го легкого завязали бой с русскими частями на склонах гор, а один двинулся прямо на деревню. 100-й полк шел за ними позади. В то время когда русские войска попытались выйти из деревни и развернуться, солдаты 4-го легкого ринулись на них в штыки. На этот раз в отличие от предыдущих арьергардных столкновений бой был отчаянным. Русские дрались с подъемом, потому что впервые в ходе этой войны перешли в наступление, французы — потому что их одушевляли одержанные успехи. 4-му легкому удалось выбить русских пехотинцев из Унтер-Лойбена. Таландье так объясняет успех французской контратаки: «Русских стесняли их длинные шинели и их медленные движения давали нам большое преимущество. В результате мы одержали успех благодаря их неуклюжести и нашей стремительной атаке»[19].

Трудно сказать, насколько длина русских шинелей влияла на успех боя, но так или иначе торжество 4-го легкого полка было недолгим. Милорадович бросил в контратаку апшеронцев, поддержанных егерями. «Гранодерского Апше-ронского баталиону капитан Морозов, пошед от деревни с двумя ротами вправо, а штабс-капитан Манько с двумя ротами влево, взяли деревню с редкой решительностью и тем более опасностью, что неприятель был в домах на крышах и дворах, который однакож весь тут истреблен холодным оружием и прикладами»[20]. На этот раз Таландье пишет: «Бой пришлось вести со столь многочисленным неприятелем, что нам потребовалось еще больше отваги, чтобы удержаться на месте нашего успеха»[21]. Эту изысканную фразу нужно понимать, видимо, следующим образом: мы сделали все, что можно, но нас все-таки из деревни выбили. В любом случае ни той, ни другой стороне не приходилось стыдиться за своих солдат. Бой между первой бригадой дивизии Газана и передовыми батальонами Милорадовича был отчаянный и потери с обеих сторон огромные.

Укрепившись в деревне, Милорадович попытался продолжить наступление. Однако все попытки выйти из деревни и развернуться окончились неудачей. В это время у французов появилась артиллерия. Это были две пушки, которые лейтенант Фавье выгрузил с судов флотилии. Поле сражения было не очень благоприятно для действия орудий — кругом виноградники и каменные стены. Но Фавье нашел все-таки удачное положение для своих пушек. Он подкатил их почти что на 50 метров к Унтер-Лойбену. Когда апшеронцы попыта- , лись выйти из деревни, их встретил плотный огонь картечи и залпы 4-го легкого. Русское наступление захлебнулось.

Вспоминая об этом эпизоде, Федор Глинка пишет: «Французы засыпали нас картечью из *множества своих батарей* (!)...»[22] Как уже понял, очевидно, читатель, речь идет о двух пушках лейтенанта Фавье, что еще раз показывает, насколько осторожно надо относиться к свидетельствам мемуаров, особенно когда речь идет о неприятеле.

Так или иначе, бой вокруг Унтер-Лойбена кипел упорный. Пальба с самого короткого расстояния сочеталась с отчаянными штыковыми схватками. «Этот бой... — рассказывает унтер-офицер 4-го легкого, — приобрел яростный характер, и с той и с другой стороны больше не брали пленных»[23]. Ермолов вспоминал: «Встречая на каждом шагу ужасные препятствия, войска наши, не раз опрокинутые, обращались с потерею, и артиллерия, не имея удобного места для устроения батарей, долго не могла им содействовать. Наконец удалось оттеснить неприятеля от одного пункта... тогда орудия введены были в действие, чем приобретено было равновесие в бою, но неприятель, имея верное отступление за ближайшими стенами, возобновлял упорное сопротивление, и мы не иначе, как большими пожертвованиями, достигали малейших выгод. Урон наш был очевиден, и в особенности в офицерах несоразмерный»[24].

Постепенно обе стороны ввели в дело почти все свои наличные силы. Примерно в 10 часов 30 минут Мортье решил любой ценой овладеть Унтер-Лойбе-ном. Очевидец так описывает его поведение в бою: «Во время всех этих жарких схваток маршал Мортье оставался спокойным под огнем. Его глаза и его мысли облетали все поле сражения. Приказы, которые он давал... генералам и полковникам, были скорыми и точными»[25]. В то время как приблизительно одна треть его сил* продолжала вести огневой бой на левом фланге, другая треть** была приготовлена к атаке на деревню. Остальные части располагались во второй линии***. Атака французских войск была стремительной. 1-й батальон 100-го полка под командованием майора Анрио обошел деревню с юга со стороны реки. Остальные бросились в атаку в лоб и охватывали ее с севера. После отчаянной бойни деревня осталась за французами. Маршалу Мортье также удалось овладеть большим плоским холмом, располагавшимся к северу от деревни.

«Усилия неприятеля умножались, — рассказывает об этом моменте Мило-радович в своем донесении Кутузову, — и я видел минуту общей расстройки, ибо часть линий уже подалась назад. Деревня была у неприятеля в руках, через что и в опасности левой фланг, на правом же фланге три горы неприятелем заняты»[26]. Ситуация была настолько тяжелой и потери в офицерах столь чувствительны, что Милорадович проделал крайне редкую на войне операцию. В связи с тем, что мариупольские гусары все равно не могли атаковать на . узком пространстве, покрытом виноградниками, пересеченном каменными стенами и канавами, часть офицеров спешилась и отправилась в пехотные батальоны, чтобы встать на место выбывших командиров.

Насколько трудной была местность для действий конницы, указывает свидетельство командира эскадрона 4-го драгунского полка Роза де Мандра. В отличие от русского командования, во французском штабе решили все-таки применить кавалерию по ее прямому назначению. «Едва мы только развернулись в боевой порядок, — рассказывает Роза де Мандр, — как мы получили приказ атаковать. В ходе атаки мы обогнули деревню Обер-Лойбен, чтобы напасть на вражескую пехоту с тыла. Но повсюду виноградники, канавы и стены вставали на нашем пути, создавая одно препятствие за другим. Нам невозможно было нанести никакого ущерба пехоте неприятеля»[27].

Бой шел уже более трех часов, а ушедшие неизвестно куда обходные колонны русских войск не появлялись. В результате Милорадович с 5 батальонами

* 2-й и 3-й батальоны 4-го легкого и 3-й батальон 100-го линейного полков.

1-й батальон 4-го легкого, 1-й батальон 100-го линейного полка, 2-й батальон 100-го полка и половина 2-го батальона 103-го полка.

1-й батальон 103-го полка, половина 2-го батальона 103-го полка, 3-й батальон 103-го полка и 4-й драгунский полк.

вел тяжелейший бой, в то время как 90% русских сил не были задействованы вовсе. На поле боя прибыл адъютант главнокомандующего граф Тизенгаузен — талантливый офицер, который послужил для Толстого прототипом знаменитого Андрея Болконского. Тизенгаузен был женат на дочери Кутузова и пользовался его полным доверием. Милорадович поручил ему «часть расстроенной линии», как он сам докладывает в своем рапорте. Русские войска контратаковали и снова отбили злосчастную деревню. Граф Тизенгаузен, «остановив идущих назад рассеянных людей, примкнув оных к батальону, опрокинул наступающего неприятеля и отбил обратно взятую им пушку»[28]. Однако, судя по всему, успех был недолгим, и деревню пришлось все-таки уступить.

Совершенно не ясно, что делал в это время генерал Штрик, которому в конечном итоге была поручена часть обходящей колонны, направленная по короткому пути во фланг французов. Его рапорт абсолютно туманен, не ясно, ни когда он выступил, ни куда он пришел, ни что толком он сделал. Но, судя по всему, часть Нарвского полка (один или два батальона — не ясно), а также часть 8-го егерского показались, наконец, на фланге французов в горах. Видя талант и мужество Тизенгаузена, Милорадович послал блистательного офицера на русский правый фланг в горы. «Граф Тизенгаузен, приведши все в порядок по местоположению больших гор, лесов и ущелин, собрав рассеянных и назад идущих людей, с присланным Нарвского мушкетерского полка подполковника Раковского баталионом и осьмого егерского полка отряженным тогда подполковника Иванова баталионом, сбил неприятеля с гор и занял прежнюю нашу позицию...»[29]

Выдающиеся французские военные историки Аломбер и Колен, собравшие гигантскую документацию по войне 1805 г., рассказывая о северном, «горном» фланге, говорят, что 2 700 солдат 4-го легкого, а также части 100-го и 103-го линейного полков сражались здесь с 2 600 солдат генерала Штрика. Судя по всему, самого генерала Штрика на месте не было, а из его войск пришло не более двух—трех батальонов. Это, правда, еще не значит, что русских солдат здесь было намного меньше, чем французов, так как в горах сражалась и часть отряда Милорадовича.

К трем часам после полудня, несмотря на все усилия Тизенгаузена и Милорадовича, русские войска начали отходить к Штейну. Только здесь на помощь истекавшим кровью русским батальонам пришла часть резерва. Во-первых, в дело вступили две пушки, поставленные непосредственно у ворот городка — они встретили французов картечным огнем, во-вторых, генерал Эссен широким жестом выделил из своих войск один батальон (!) Новгородского мушкетерского полка, который был направлен для действия на склонах гор. В результате, как легко можно предположить, атака корпуса Мортье приостановилась, а еще через некоторое время бой стал вообще затихать.

Обе стороны были истощены. Таландье написал в своем рассказе: «В тот момент, когда усталость и голод нас уже совсем измучили, мы увидели неприятеля, отступающего на Штейн. Тогда мы смогли наконец вздохнуть»[30]. Перестрелка постепенно слабела, и между тремя и четырьмя часами дня бой вообще прекратился. Генерал Газан отдал приказ полковникам выставить боевое охранение, а войскам располагаться на биваках. В это время года темнеет быстро, и поэтому солдаты должны были иметь хоть немного времени, чтобы запасти дров для бивачных костров.

Таким образом, удивительное сражение заканчивалось. Удивительное потому, что из всей русской армии в этом бою принимало участие от силы 10 батальонов и несколько эскадронов, т.е. ровно столько, сколько было войск в рядах дивизии Газана. Остальные части русской армии исчезли. Рассчитывая атаковать изолированную французскую дивизию со всех сторон превосходящими силами,

русские генералы оказались сами в сложном положении. Одна обходящая колонна пропала, а из другой до поля боя добралось лишь несколько батальонов. В этой ситуации понятно также, почему Кутузов не употребил свой резерв. Он сохранил его до выяснения обстановки. Обе стороны сражались с большим мужеством и упорством. В результате потери с обеих сторон были крайне тяжелыми.

С самого начала боя Мортье послал офицеров к дивизии Дюпона, чтобы они передали ему распоряжение ускорить марш и как можно быстрей прийти на поле сражения. Однако если Кутузов недоумевал по поводу исчезновения Дох-турова, Мортье не менее ломал голову над тем, где же находятся войска Дюпона. В четыре часа, когда бой уже окончательно затих, маршал не выдержал: он взял с собой два взвода драгун и в галоп помчался в сторону Дюренштейна навстречу Дюпону, чтобы самому лично разобраться в происходящем. Едва маршал проскакал Дюренштейн, впереди показались какие-то войска, раздались крики и выстрелы. Колонна Дохтурова появилась, наконец, на поле сражения.

Еще днем во время боя Мортье доложили о том, что эскадрон 4-го драгунского полка, направленный на разведку в горы, обнаружил там движение значительных сил русской армии. Маршал никак не отреагировал на это известие. Во-первых, у него все равно не было сил для того, чтобы прикрыть свой тыл, во-вторых, он мог надеяться, что эти сведения неточные и речь шла о тех батальонах, которые во время утреннего боя атаковали французов во фланг, т.е. это была так называемая колонна Штрика. Теперь стало ясно, что дело обстоит куда серьезней.

Колонна Дохтурова выступила для обходного марша с огромным опозданием. Она начала движение только в девятом часу, когда бой уже вовсю кипел в долине Дуная. Дохтурову по диспозиции нужно было пройти всего 9—10 км для того, чтобы оказаться на тылах французов. И возможно, поэтому его опозданию с выступлением в русской армии не придали особого значения. Действительно, если бы он двигался со скоростью хотя бы 3 км/ч, еще до полудня он атаковал бы французов с тыла, и полное уничтожение или пленение дивизии Газана было бы неминуемо. Однако марш по горным дорогам вызвал огромные непредвиденные затруднения. Дороги, если их, конечно, можно так назвать, представляли собой сплошное месиво из грязи и снега, а ширина их в некоторых местах была такова, что едва два человека могли пройти в ряд. Артиллерию и кавалерию пришлось вообще оставить, пехота продвигалась с черепашьей скоростью. В результате путь, который ожидалось пройти за короткое время, потребовал более семи часов марша! С учетом того, что в конечном итоге Дох-туров выбрал более короткий путь и прошел не более 7 км, средняя скорость колонны оказалась, таким образом, равной 1 км/ч.

«Знаток» местности генерал Шмидт явно что-то напутал. В результате большая часть русских войск, предназначенных для атаки дивизии Газана, оказалась совершенно бесполезной в ходе боя. Солдаты и офицеры слышали грохот пушек в непосредственной близости слева от себя и ничего не могли поделать, столпившись на узкой горной дороге, где образовался гигантский затор. В результате Дохтуров вынужден был оставить в горах и часть пехоты, а с остальными батальонами двинулся дальше. Видя, что если он будет буквально исполнять предписания диспозиции и идти на деревню Вайсенкирхен, он вообще не успеет до темноты, генерал срезал путь и пошел на деревню Вадштейн. К 16 часам передовые части вышли, наконец, в долину Дуная, повернули налево, оказавшись, таким образом, в тылу у дивизии Газана.

В надвигающейся темноте французский маршал увидел идущие прямо на него колонны. Драгуны эскорта подскакали к ним и, обнаружив, что это русские, повернули назад. Мортье также не оставалось ничего другого, как раз-

вернуться на 180° и помчаться к своим войскам. Из отряда Дохтурова в долину вышло всего лишь 9 батальонов. Остальные либо были оставлены намеренно, либо очень сильно отстали. Дохтуров направил два батальона Вятского мушкетерского полка в западном направлении вдоль по долине реки, а с остальными семью батальонами* пошел на Дюренштейн. Эти семь батальонов генерал разделил на две группы: три батальона (два батальона 6-го егерского и гренадерский батальон Ярославского полка) под командованием генерал-майора Уланиуса двинулись по склонам гор, а четыре батальона под непосредственным командованием Дохтурова пошли вдоль по долине.

Примерно в пять часов вечера Уланиус атаковал Дюренштейн и с ходу его занял. Согласно рапорту Уланиуса, его солдаты захватили три французские пушки. Французские документы ничего об этих орудиях не говорят. Но во всех русских источниках они упоминаются. Вполне возможно, что кроме двух пушек Фавье при дивизии Газана находились еще три орудия", которые вследствие неблагоприятного характера местности были оставлены на холме в Дюренштейне.

Серьезного боя в Дюренштейне быть не могло, так как здесь находилась от силы сотня-другая французских солдат. Однако звуки стрельбы, раздавшиеся в тылу, были сигналом того, что для дивизии Газана бой еще только начинался. Маршал Мортье поскакал галопом к своим батальонам и отдал немедленные распоряжения с целью отразить колонну Дохтурова. Маршал приказал баталь- , ону 100-го линейного полка и 4-му драгунскому атаковать русские части, выходившие из Дюренштейна и разворачивающиеся в боевые порядки на равнине.

Впрочем, как и следовало ожидать, атака 4-го драгунского захлебнулась: на пересеченной местности, поражаемые со всех сторон пулями русских егерей и штыками гренадер, драгуны повернули вспять. Не более удачной была и атака пехоты. Мортье необходимо было срочно что-то делать. Ясно было, что войска Милорадовича не останутся в стороне и скоро они атакуют с противоположной стороны. Дивизия Газана, уже понесшая серьезные потери, была все-таки взята русскими в клещи.

Мортье собрал своих офицеров и спросил, что они предлагают. «Майор Анрио из 100-го полка, который блистательно зарекомендовал себя во время . боя в Лойбене, — рассказывает Таландье, — предложил встать во главе гренадер своего полка и двинуться на противника по дороге, идущей между двух каменных изгородей. По дороге можно было идти только колонной не шире, чем семь человек по фронту. Он *(Анрио)* предложил опрокинуть в штыки первые ряды неприятеля... и открывать огонь по русской колонне только в упор, добавив, что каждое отделение, дав залп, должно будет перепрыгнуть через стены, чтобы дать возможность выстрелить в упор следующему. Это предложение, высказанное уверенным тоном, понравилось маршалу, и он приказал тотчас же его исполнить»[31].

Стрелки часов показывали уже шестой час, и над полем боя сгущалась темнота, в которой то там, то сям можно было увидеть вспышки выстрелов. Эта темнота давала шанс французам. Маршал Мортье, генерал Газан и офицеры штаба встали между 1-ми 2-м батальонами 100-го полка, выстроившегося колоннами на дороге. Остальные пристроились позади.

* Два батальона 6-го егерского полка, гренадерский батальон Ярославского мушкетерского полка, три батальона Московского мушкетерского полка, один батальон Вятского мушкетерского полка.

" Согласно боевому расписанию при дивизии Газана состояло 12 орудий. Какая-то часть из них находилась на судах флотилии. Возможно, что кроме пушек Фавье были выгружены и другие орудия, о которых не упоминается во французских источниках.

Майор Анрио обратился к гренадерам. «Товарищи, — сказал он, — нас окружило 30 000 русских, а нас всего лишь 4 000. Но французы не считают врагов. Мы прорвемся. Гренадеры 100-го полка, вам принадлежит честь идти первыми в атаку. Помните, что вы должны спасти французские знамена»[32]. В ответ на слова командира солдаты уверенно прокричали: «Господин майор, мы гренадеры!»

Прежде чем начать атаку, Анрио приказал пушкам лейтенанта Фавье расстрелять свои последние боеприпасы. Прогремело шесть выстрелов, и барабаны забили атаку. Колонна ринулась вперед по дороге...

В этот момент четыре батальона под личным командованием Дохтурова были развернуты в две линии на равнине в 500 метрах восточнее Дюренштей-на. Три батальона Уланиуса примыкали к их левому флангу. Уланиус докладывает, что он в этом «порядке и наступал, поражая неприятеля сильным ружейным огнем со всех сторон, к деревне Лоим*»[33].

Судя по всему, Мортье и Газану удалось собрать далеко не всех солдат. Многие, захваченные внезапным наступлением русских, приняли бой там, где они находились к этому моменту, ведя огонь из-за стен виноградников и садов. Именно поэтому русские генералы не могли видеть построение колонны 100-го линейного полка. Для них бой представлялся столкновением с рассеянным на широком фронте противником, которого они успешно теснили. Дохтуров сообщает в своем рапорте: «...неприятель весьма медленно ретировался... с наступлением вечерней темноты... он *{неприятель),* продолжая ружейную и пушечную из батарей своих сильную пальбу, не мог... первой линии, которая... наступая, действовала, сделать малейшего помешательства. Все три баталиона Московского мушкетерского полка, составлявшие первую линию, грудью шли вперед, исполняли во всей точности мои приказания...»[34].

Удар французской колонны пришелся почти что точно в центр линии русской пехоты. Как и предписывал Анрио, головное отделение в отчаянном порыве устремилось на русских, разрядив свои ружья прямо в упор. Завязалась бешеная штыковая схватка, где обе стороны сражались с беспримерной отвагой. Рассказы об этом жутком бое пестрят фантастическими подробностями. В частности, полковник Таландье сообщает, что страшная резня продолжалась три четверти часа и вся дорога была покрыта «трупами врагов». В истории Московского полка говорится, что схватка была столь кровопролитной, что «Дохтуров, чтобы прекратить эту бесполезную резню, приказал полковнику Сулиме очистить путь французам. Последние тогда отступили, провожаемые нашими выстрелами, оставив в руках гренадерского батальона Московского полка свое знамя, штандарт и массу пленных»[35].

Если бы бой на дороге действительно был продолжительным, французская колонна неминуемо была бы охвачена со всех сторон и, скорее всего, уничтожена. Ведь перед широким фронтом развернутых русских батальонов были лишь отдельные разрозненные кучки французских солдат. И в том случае, если бы стало ясно, что практически все французы находятся на узкой дороге, ничто не помешало бы русским батальонам, сделав захождение одним правым плечом, другим левым плечом вперед, зажать длинную колонну между стенами. По всей вероятности, схватка как раз была скоротечной. Нет сомнения в том, что узкая дорога являла собой страшное зрелище, но навряд ли участники исступленного боя могли ясно отдать себе отчет в том, сколько он длился. Сложно оценить длительность этой резни, быть может, около четверти часа. Этого времени вполне было достаточно, чтобы действительно устлать трупами

* Имеется в виду Обер-Лойбен.

русских и французских солдат дорогу, с другой стороны, командиры основной массы русской пехоты просто не успели осознать, что происходит в центре.

О том, что это было, скорее всего, именно так, говорит тот факт, что, когда французская колонна достигла Дюренштейна, в городе никого не было. «Мы нашли Дюренштейн в полной тишине, — рассказывает Таландье, — и наше отступление могло продолжиться в порядке»[36]. Это было бы совершенно немыслимо в том случае, если русские генералы видели, что здесь находятся почти все силы дивизии Газана. Дохтуров говорит в своем рапорте, что после того как он развернулся восточнее Дюренштейна, пальба продолжалась еще около трех часов. Речь, само собой, идет о бое с рассеянными остатками дивизии Газана. Русские генералы, скорее всего, просто не обратили внимания на прорыв, с их точки зрения они разгромили главные силы французской дивизии и добивали ее остатки по садам и виноградникам.

В то время когда эти драматические события происходили между Дюрен-штейном и Обер-Лойбеном, неподалеку от Вайсенкирхена появилась, наконец, дивизия Дюпона. Его полки, слыша канонаду далеко впереди, шли с надеждой успеть принять участие в бою. Однако около четырех часов дня канонада стала стихать, а вскоре и совсем смолкла. Дюпон, считая, что теперь спешить незачем, приказал дивизии остановиться и расположиться на бивак, не доходя до Вайсенкирхена. Когда колонна остановилась, передовые разъезды гусар 1-го полка сообщили, что впереди на дороге находятся русские войска. Это были два батальона Вятского полка под командованием подполковника Гвоздева, посланные в западном направлении по берегу Дуная. Дюпон приказал 9-му легкому полку атаковать неприятеля. В сгущающейся тьме завязался яростный огневой бой. 9-й легкий считался элитным полком. За геройские действия в битве при Маренго эта часть была особо отмечена Бонапартом. Отличился полк и в сражении при Хаслахе (см. выше). Однако на этот раз, несмотря на версию, распространенную в популярной французской исторической литературе, эта часть не покрыла себя славой. Два батальона 9-го легкого не смогли сбить с позиции два батальона Вятского полка. Потеряв 19 убитыми и 56 ранеными, 9-й легкий был отброшен. В своем рапорте Дюпон говорит о том, что он был вынужден двинуть 32-й линейный на помощь. Что же касается подполковника Гвоздева, то он сообщает в своем рапорте о том, что произошло: «Я же с баталионами имени моего и командирским... был окружен со всех сторон сильным неприятельским ружейным огнем, от которого таким же ружейным огнем, а большей частью штыками опрокинул...»[37]

32-й линейный также был знаменитой частью. Он отличился еще в ходе первой Итальянской кампании Бонапарта и был одним из его любимых полков. Подобно 9-му легкому, он покрыл себя славой под Хаслахом. Солдаты 32-го, судя по всему, не стали тратить много времени на перестрелку, а устремились в штыковую атаку. Закипел ожесточенный бой. На помощь русским пришел один батальон Брянского полка, который также принял участие в общей свалке. «Было совсем темно, — говорится в журнале дивизии Дюпона, — солдаты смешались и дрались врукопашную. Так продолжалось почти целый час. Каждый думал, что неприятель хочет сдаваться. Русские клали оружие на землю, чтобы показать французам, что они должны сделать. Французы думали, что они сдаются и пытались гнать их в тыл. Тогда русские снова хватали свои ружья и били в неприятеля. Офицеры обеих сторон пытались остановить эту свалку, которая превратилась в совершенно бессмысленную резню. Путаница, темнота, дикие крики — все это мешало навести порядок. Тогда генерал Дюпон, чтобы остановить бой, приказал полковнику 32-го линейного, чтобы офицеры вытаскивали солдат по одному из этого клубка и собрали их (!)»[38]

Сложно сказать, как выглядела эта странная попытка разнять бьющихся солдат, но нет сомнения, что в темноте действительно все совершенно перепуталось. Дюпон рассказывает: «Стойкость русских батальонов равнялась порыву наших полков. Свалка была кровопролитной, и много раз бойцы с обеих сторон смешивались в одну кучу. Ночь уже давно опустилась, а наш успех еще не был очевиден. Однако наши войска сумели продвинуться вперед... и наконец сломили отчаянное сопротивление. Противник был отброшен на всех пунктах, и дорога на Дюренштейн проложена»[39].

Интересно, что подполковник Гвоздев также докладывал, что неприятель «совершенно был разбит и рассеян, так что я имел свободу с прописанными батальонами следовать по следам колонны без малейшего препятствия»[40]. Отступили все-таки солдаты Вятского полка, так как доподлинно известно, что дивизия Дюпона проложила дорогу навстречу отступавшим войскам Мортье. Однако после того как французские колонны объединились, они отошли к Вайсенкир-хену, тем самым открыв дорогу русским. Подполковник Гвоздев смог также присоединиться к основным силам, что дало ему возможность написать оптимистический рапорт.

Генерал Ермолов в своих мемуарах язвительно пишет о действиях Дохтуро-ва: «...он так распорядил войска, что потерял почти весь батальон Вятского мушкетерского полка и одно знамя»[41]. В упрек Вятскому полку это вряд ли можно поставить. Солдаты подполковника Гвоздева сражались отважно, но три русских батальона не могли остановить дивизию Дюпона.

В глубокой тьме солдаты дивизии Дюпона встретили идущие им навстречу батальоны Газана. Кровопролитное сражение закончилось... Французские дивизии отступили в сторону Шпица, и в четыре утра по приказу Мортье остатки дивизии Газана стали переправляться на правый берег Дуная с помощью всех возможных лодок.

Результаты сражения под Дюренштейном — Кремсом трудно охарактеризовать одной фразой. С одной стороны, это был несомненный успех русской армии. Сумев оторваться от преследования, Кутузов нанес мощный контрудар. Несмотря на подавляющее превосходство французской армии на театре военных действий, получилось так, что к полю сражения русский полководец подвел силы, которые, в свою очередь, имели подавляющее превосходство над неприятелем. В этом, собственно, и состоит стратегический талант. Знаменитый французский полководец маршал Бюжо сказал как-то: «Редко в отступлении бывают львом». Кутузов сумел сделать это.

С другой стороны, с точки зрения тактической, русское командование организовало бой крайне неудачно. Численное превосходство не было использовано. В результате почти всегда на поле боя русские оказывались если не в меньшинстве, то обладали, по крайней мере, минимальным численным перевесом. Почти во всей французской военно-исторической литературе, где упоминается сражение под Дюренштейном, пишется, что Газан и Мортье героически сражались с 6 тыс. солдат против 35-тысячной армии. На войне, впрочем, как и в жизни, чудес не бывает. Если бы русским генералам действительно удалось бросить в атаку 35 тыс. солдат, то, как бы мужественно и умело ни сражались французы, навряд ли хоть сотня из них ушла бы с поля боя. На самом деле в первом «акте» боя, который провел Милорадович, у него со всеми полученными подкреплениями было едва 5—6 тыс. солдат. Во втором «акте» боя у Дохтурова было не более 3,5—4 тыс. человек. Наконец, подполковник Гвоздев, который пытался помешать движению дивизии Дюпона, имел под своим командованием менее 2 тыс. человек.

Что же касается маршала Мортье и генерала Газана, то они поистине зарекомендовали себя как блистательные командиры. Они сражались не только

отважно, но и проявили всю возможную инициативу, решительность и огромное личное мужество.

Потери, понесенные в ходе боя враждующими сторонами, подтверждают сказанное. Если верить рапорту полковника Лебрена, посланного из штаба для того, чтобы сообщить о состоянии войск Мортье, дивизия Газана потеряла 1 630 человек убитыми, ранеными и пленными[42]. Однако эти данные были наверняка неполные. Если сравнить численность дивизии накануне сражения и через несколько дней, в ней не хватало, по крайней мере, 2 300 солдат и офицеров. Эту цифру, вероятно, можно даже увеличить на одну—две сотни человек, так как боевое расписание было составлено во время пребывания дивизии в Вене, где она находилась на отдыхе, и ее могли нагнать отставшие. Некоторое количество раненых и пленных этой дивизии было освобождено также, когда французские войска вступили в Креме. Что касается дивизии Дюпона, ее потери точно указаны в рапорте генерала. Они составляют всего лишь 106 человек убитыми и ранеными. Причем 32-й линейный потерял только 2 убитыми и 27 ранеными. Можно сделать вывод, что либо ожесточение боя, о котором говорит журнал дивизии Дюпона, несколько преувеличено, либо потери указаны не полностью.

В общей сложности французские потери составляли, очевидно, около 2 500 — 3 000 человек убитыми, ранеными и пленными. Кроме того, в плен попал командир первой бригады дивизии Газана генерал Грендорж. Покинув ряды дивизии, он попытался с небольшой группой офицеров и солдат вырваться из окружения, переправившись на большой лодке через Дунай. Однако на лодке не было весел и ее прибило течением к столбам сожженного моста. Поручик Шкляревич из Апшеронского полка с несколькими солдатами подплыл на лодке к французам и захватил их в плен.

Позже генерал Грендорж будет предан военному суду за трусость. Он был единственным французским генералом, который подвергся суду по подобному обвинению за время всех войн Империи. Тем не менее поведение Грендоржа было, скорее всего, сиюминутной слабостью и объяснялось тем, что он был отрезан от своих в ходе беспорядочного ночного боя. Позже генерал Грендорж будет восстановлен в своей должности. В ходе своей карьеры он был ранен пять раз и геройски погибнет от смертельной раны в бое при Бусако 27 сентября 1810 года.

Кроме генерала Грендоржа русские захватили полковника 4-го драгунского Ватье, который вскоре будет обменен на захваченного в плен русского полковника. Французы потеряли также пять пушек и, что очень важно, русские захватили три знамени* (орла). Один из этих орлов принадлежал 4-му драгунскому полку, два других — 100-му или 103-му линейному — неизвестно.

Русские потери установить еще сложнее. Если сложить все данные рапортов, то получается 2 534 человека. Однако подполковник Гвоздев, указывая в своем рапорте количество убитых и пропавших без вести (267 человек), оставил про-

В 1805 г. каждый батальон французской пехоты и каждый эскадрон кавалерии имел свое знамя с навершием в виде бронзового орла. Поэтому во французских документах знамена и штандарты в то время назывались просто «орлами». Легкая пехота и легкая кавалерия не брала с собой орлов в поход. Таким образом, на поле боя под Дюренштейном в рядах дивизии Газана должно было быть 9 орлов: 3 орла в 100-м линейном, 3 орла в 103-м линейном и 3 орла в 4-м драгунском. Русские документы, говоря о трофеях, называют один из них «штандартом». Ясно, что речь идет о знамени своеобразной формы, принадлежавшем 4-му драгунскому полку. На самом деле это не штандарт, а так называемый «гидон» — знамя с полотнищем с двумя закругленными косицами. Подобные знаки не использовались в русской армии и поэтому, естественно, документы называют его по русской терминологии «штандартом».

бел вместо цифры раненых рядовых. С учетом количества убитых количество раненых должно было быть весьма значительным. Полковые документы На-рвского полка говорят о том, что он потерял 150 человек убитыми и ранеными. а также 155 без вести пропавшими. Неизвестно, учтены ли потери этого полка в рапортах других генералов. По всей видимости, нет. Вероятно, что общее количество русских потерь приближалось к 3,5 тыс. человек. Среди погибших был и генерал Шмидт, автор глубокомысленной идеи обходного маневра.

Таким образом, в тактическом отношении Мортье не только сумел вырваться из окружения, но и нанес противнику чувствительный урон.

Днем 11 ноября император, находясь на пути из Мелька в Санкт-Пельтен. слышал грохот канонады, раздававшийся со стороны Дюренштейна. Французский главнокомандующий находился в страшном беспокойстве. Он прекрасно понимал, что, возможно, в те минуты, когда он слышит далекий гул орудий, на другом берегу Дуная погибает целый корпус Великой Армии.

«Зловещие слухи начали распространяться вечером, — написал в своих мемуарах офицер штаба императора капитан Тиар. — Ночью* император позвал меня и сказал: «Отправляйтесь в Маутерн. Я не знаю, что происходит на другой стороне Дуная. Постарайтесь раздобыть самые точные сведения. Переправьтесь через реку, если это будет возможно, и возвращайтесь рассказать мне, что там происходит как можно быстрее»»[43].

Капитан Тиар тотчас же отправился в Маутерн и первый свой рапорт написал в 18 часов 30 минут на основании визуального наблюдения боя на противоположном берегу и беседы с офицерами, спасшимися от окружения на лодке. Через некоторое время капитану удалось переправиться через Дунай и посмотреть своими глазами на то, что реально произошло. Тиар лично доложил императору об увиденном, очевидно, в первой половине дня 12 ноября. Император был так обеспокоен, что в ожидании рапорта Тиара послал разузнать о корпусе Мортье своего адъютанта генерала Лемаруа. Если верить мемуарам Тиара, он передал императору объективную картину произошедшего, сообщив, кстати. что было потеряно 5 пушек и 3 орла.

Наполеон, очевидно, ожидал куда более худшего. По его приказу начальник штаба тотчас же написал маршалу Мортье: «...император совершенно удовлетворен храбростью Ваших войск и Вашими умелыми действиями, господин маршал»[44].

Не удовлетворившись рапортами Тиара и Лемаруа, Наполеон послал после них полковника штаба Лебрена с целью разузнать подробно, что действительно случилось в бою под Дюренштейном, и написать детальный отчет по поводу , этого события. Рапорт Лебрена хранится в архиве исторической службы французской армии. Он неправильно датирован 11 ноября 1805 года. На самом деле рапорт написан, очевидно, 13 ноября. Лебрен сообщил о потерях корпуса Мортье (см. выше), он также написал следующее: «...я задавал вопросы многим офицерам, всем по отдельности и все сообщили мне примерно одно и то же. Я говорил также с солдатами... этот бой не повлиял на их моральный дух. Они говорили, что русских было шесть на одного и, тем не менее, заявляли они, мы побили у них народу больше, чем они у нас»[45].

В пять часов вечера Наполеон написал Мюрату: «...я только что получил известия от маршала Мортье. Они не такие плохие, как я думал вначале... Маршал Мортье находится сегодня между Шпицем и Вайсенкирхеном. Русские, как кажется, не собираются уходить»[46].

* В своих мемуарах Тиар говорит о том, что его послали ночью, но на самом деле это было, очевидно, около пяти часов вечера, не позднее, так как его документально зарегистрированный рапорт датирован 11 ноября в 18 часов 30 минут.

В этот момент отважный командир французского авангарда находился уже под стенами Вены. Получив суровые упреки за свое безрассудное поведение, Мюрат всеми способами пытался загладить свою вину. Он не осмелился самостоятельно вступить в австрийскую столицу, чтобы не заслужить еще большего нагоняя, и написал своему царственному шурину: «Сир, я в отчаянии оттого, что приказы Вашего Величества не дошли до меня вовремя и я не смог вовремя занять позиции, которые Вы мне предписывали занять... Я решился двигаться на Вену, только получив рапорт о том, что русские перешли на левый берег Дуная и сожгли за собой мост. Мне было бы очень сложно настигнуть их...»[47].

Ситуация, впрочем, изменялась с такой скоростью, что Наполеон уже совсем не думал о выговоре Мюрату. Его теперь занимало другое: мосты через Дунай. Переправиться через широкую полноводную реку, противоположный берег которой занимал неприятель, было очень сложно, особенно в холодные ноябрьские дни. Достаточно вспомнить, что в 1809 г., когда Наполеон вновь занял Вену, он попытался переправиться через Дунай, левый берег которого занимали австрийцы. Плохо подготовленная попытка привела к кровавой неудаче под Эсслингом, и императору пришлось потратить полтора месяца для того, чтобы завершить подготовку нового форсирования Дуная, которое на этот раз было успешным. В 1805 г. он никак не мог позволить себе подобной роскоши. Со всех сторон на помощь Вене спешили союзные армии. Всякое затягивание времени было на руку его врагам.

Именно поэтому император ставит перед маршалом Мюратом почти что невыполнимую задачу. По его приказу из Санкт-Пельтена Бертье написал Мюрату: «Император поручает мне сказать Вам, что русские находятся еще в Кремсе... В настоящий момент важнейшая задача — это перейти Дунай, чтобы заставить русских покинуть Креме, и броситься на их тылы. Неприятель, возможно, попытается уничтожить мосты в Вене, но если есть возможность взять их нетронутыми, попытайтесь это сделать»[48]. Вечером 12 ноября в своем личном письме Наполеон указал маршалу: «Вы должны двинуться к мостам в Вене. Если, по счастью, Вы найдете их нетронутыми, не теряйте времени, переходите Дунай с частью Вашей кавалерии, гренадерами и дивизией Сюше. Пусть за Вами следуют дивизии Леграна и Вандамма. Русская армия может оказаться, таким образом, целиком отрезана»[49].

Задача была, прямо скажем, почти что немыслимая. Все австрийские войска, находившиеся в Вене (примерно 13 тыс. человек), перешли на левый берег Дуная. Их единственной задачей стала оборона переправы через реку. Большая дорога, идущая из Вены в северном направлении на город Брюнн, пересекает Дунай, проходя через несколько островов. Ближайший к Вене мост, длиной 100 м называется Таборским, а следующий крупный мост, непосредственно выходящий на левый берег, называется Шпицким мостом. Его длина 430 м. Оба моста были сооружены из деревянных балок. По приказу генерала Ауэрсперга, который командовал собранными в Вене австрийскими войсками, мосты были заминированы и покрыты горючими веществами. На левом берегу рядом со Шпицким мостом стояло 16 пушек, нацеленных на переправу. Все 13 тыс. австрийских солдат (17 батальонов и 30 эскадронов) располагались либо прямо рядом с мостом, либо охраняли береговую линию вверх и вниз по течению Дуная. 24 пушки стояли наготове в резерве. Офицеры получили приказ в случае появления французов немедленно взорвать мост. Таким образом, с точки зрения физической захватить Таборский и Шпицкий мосты открытой силой представлялось невозможным. В случае атаки австрийцы тотчас же взорвали бы свои мины, а пушки открыли бы убийственный огонь по всем тем, кто приблизился бы к мосту.

Однако, как известно, на войне, как говорил Наполеон, три четверти всего составляют моральные силы. А с точки зрения морально-политической ситуация представлялась не столь простой. Все население Вены было взбудоражено. Кто боялся вступления французских войск, кто опасался боя в городе, а кто говорил о том, что начались переговоры о мире. Разведчики доносили из Вены 11 ноября: «В городе царит всеобщее возмущение против австрийского императора и его правительства, потому что почти все были против этой войны. Говорят, что в ней виноваты священники и дворяне, потому что они всегда проповедовали против французов... В Вене плохо с продовольствием... в настоящее время кажется, что жители Вены с удовольствием воспримут вступление французских войск. Они *{жители)* в бешенстве против своего правительства, которое не смогло сохранить ни деньги, ни мир и которое вело себя так неумело»[50].

Все единодушно проклинали союзников и непопулярную войну. Раздражение было столь сильно, что жители столицы стали почти что желать вступления французских войск. Мюрат сообщал из-под стен Вены: «Настроения, которые царят в Вене, столь благожелательны по отношению к нам, что сложно вообразить. Даже знатные вельможи, которые вынуждены были уехать из столицы вместе с императорским двором, ругали правительство и его мероприятия. Негоцианты, зажиточные слои народа выражаются в том же смысле. По крайней мере, 6 тысяч человек пришли по большой дороге на наши аванпосты, чтобы посмотреть на французскую армию. Нас беспрестанно осаждают вопросами, в какое время мы будем вступать в Вену... Один богатый человек сказал вчера: «Раз уж Наполеон так хорошо умеет править, пусть управляет нами»»[51].

Уезжая из Вены, император Франц II оставил распоряжаться в городе своего обер-камергера графа Врбна, который решил подготовить жителей к вступлению французской армии. Политически осторожный обер-камергер обратился к жителям с интереснейшим воззванием: «Опыт показывает, что эти войска *{франц.)* соблюдают строгую дисциплину, и что они постараются насколько это возможно смягчить тяготы войны. Посему мы желаем, чтобы жители города оставались в спокойствии и вели себя достойно; я сообщаю всем, что его Величество наш государь не только посчитает ненужным неуместное рвение, но и напоминает, что это может создать опасность для жизни и собственности сограждан. А потому он обещает, что сурово покарает за все беспорядки...»[52]

К этому нужно добавить, что 12 ноября через город проехал граф Гиулай, снова направляясь на переговоры с французским императором. О том, что и как обсуждалось, мало кто знал. Зато все знали, что переговоры продолжаются. Мюрат также постоянно поддерживал контакт с муниципалитетом города, с которым он обсуждал детали вступления в Австрию французских войск. О переговорах хорошо знали и австрийские генералы, которые, как и многие другие, были совершенно сбиты с толку и уже не знали: то ли идет война, то ли дело близится к подписанию мира.

Нужно добавить, что генерал князь Ауэрсперг был больше придворным, чем воином. В течение многих лет он исполнял обязанности командира придворных гвардейцев и мало подходил для руководства войсками в боевой обстановке. Как и многие другие, он совершенно запутался в этой неопределенной военно-политической обстановке и, очевидно, должен был совсем потерять голову, когда получил 12 ноября от графа Врбна следующее послание: «Я не могу дать Вашей светлости никаких точных сведений по поводу того, желает ли принц Мюрат атаковать мосты, после того как он займет Вену. Он ничего мне не сказал по этому поводу и, разумеется, ничего не скажет. Тем не менее я считаю, что он попытается форсировать Дунай... Я прошу, однако, Вашу свет-

лость не сжигать сейчас мосты, потому что мир и спасение монархии зависят, быть может, от удобства связи между двумя императорами. Кроме того, дорога с левого берега необходима для снабжения Вены»[53].

Все это дало возможность французам попытаться обмануть бдительность неприятеля. Мюрат получил письмо от императора, предписывавшее ему «попытаться перейти Венский мост» 12 ноября в два часа пополудни. И он сделал все, чтобы успешно исполнить эту миссию.

Французские войска на утро 13 ноября были готовы к триумфальному вступлению в австрийскую столицу. По этому поводу все солдаты и офицеры почистились, побрились, надели парадные мундиры и в девять часов утра под бравурные звуки полковых оркестров церемониальным маршем вошли на улицы Вены. «Принц Мюрат вступил в город во главе дивизии гренадер *(Удино),* за которыми шли многочисленные полки пехоты и кавалерии, — записал в своем дневнике Фантен дез Одоар. — Все эти войска были облачены в самые нарядные мундиры. Наш марш через город был поистине триумфальным маршем. Жители... смотрели на нас из всех окон, национальная гвардия* в красивой форме приветствовала нас, построенная стройными рядами на площадях, наши орлы и их знамена взаимно склонялись в приветствии. По этому почти что дружескому приему можно было подумать, что с Веной у нас уже заключен мир. Нималей-ший беспорядок не омрачил эту великолепную картину... Вот радость, которая достойно вознаградила нас за все тяготы и опасности похода»[54].

Другой офицер, капитан штаба Тиар почти точно так же запомнил этот день: «...13 ноября, в тот момент, когда армия торжественным маршем шла по улицам, все лавочки были открыты, на рынках шла торговля, народ смотрел в окна и высыпал на улицы, как если бы генерал Макк с триумфом возвращался в город. Многочисленная городская гвардия, великолепно обмундированная и экипированная, поддерживала порядок с тактом и твердостью. Самым большим трудом для нее было сдерживать толпы народа, которые пришли посмотреть на наши войска. Венские полицейские... были на своих обычных постах и к ним с уважением относились как наши солдаты, так и жители. Казалось, что это был праздничный день...»[55]

В то время, пока французские войска церемониальным маршем вышагивали по улицам Вены, австрийские солдаты у мостов стояли в полной готовности. Как уже отмечалось, был приготовлен к уничтожению только Шпицкий мост. Под ним было заложено 20 бочек пороха, приготовлены фитили и горючие материалы. Пушки были наведены на мост таким образом, чтобы смести всех тех, кто вздумает на нем показаться. Чтобы предупредить заранее о появлении неприятеля, между Шпицким мостом и правым берегом был поставлен взвод гусар полка Шеклер под личным командованием полковника Герингера фон Эденберга. Таборский мост был закрыт со стороны города решеткой, за которой стоял передовой австрийский пост которым командовал лейтенант Эрбаи, он состоял из двух унтер-офицеров и 17 гусар. Передовой пост должен был предупредить о появлении французов и тотчас же скакать к своим. По сигналу гусар, пропустив их по главному мосту, австрийские саперы были готовы поднять на воздух всю переправу.

К большому удивлению лейтенанта Эрбаи вместо идущих в атаку французских гренадер он увидел, как перед решеткой остановилась роскошная карета, из которой вышли два богато разодетых господина, опоясанных бело-красной перевязью городского магистрата. Они сообщили лейтенанту, что скоро прибу-

На самом деле речь идет о городском, бюргерском ополчении, которое автор по аналогии с Францией называет национальной гвардией.

дет лично принц Мюрат и что он желает вести переговоры с генералом Ауэрс-пергом. Едва только настоящие или мнимые представители администрации сели в карету, и она скрылась с глаз, как у решетки остановился новый богатый экипаж. Оттуда вышел еще один чиновник, который заявил, что ему необходимо срочно переговорить с князем Ауэрспергом и что он должен поэтому перебраться на другую сторону Дуная. Лейтенант категорически отказался, и тогда неизвестный господин намекнул молодому человеку на ту ответственность, которую он на себя берет, и прошептал сквозь решетку, что граф Врбна просит князя Ауэрсперга явиться как можно быстрее. Хотя, казалось бы, эти посещения не увенчались успехом для тех, кто пытался вступить в переговоры, но свое дело они сделали. Без сомнения, высокопоставленные визитеры посеяли в голове молодого офицера сомнение в том, что еще недавно казалось ему совершенно очевидным — при появлении французов стрелять и давать знак к подрыву моста.

Едва лейтенант на всякий случай послал унтер-офицера предупредить свое начальство, как перед решеткой объявились новые посетители. На этот раз это были два французских генерала: адъютант императора Бертран и начальник артиллерии Мюрата Муассель. В непосредственной близости за ними следовал французский авангард: 9-й и 10-й гусарские полки, 10-й и 22-й драгунские и 3 пушки. Однако эти войска были не видны лейтенанту Эрбаи. Они были скрыты неподалеку за деревьями. Австрийский офицер увидел только несколько солдат, сопровождавших генералов.

Бертран спросил по-немецки, скоро ли приедет князь, и высказал пожелание, ожидая его, поговорить хотя бы с полковником. Лейтенант отправил нового посланника своему начальнику. Пока шел разговор, французские солдаты попытались сломать замок решетки. Тогда австрийские гусары выстрелили из карабинов и поскакали галопом назад, чтобы предупредить о нападении. Но в этот момент подъехал полковник Герингер. Тотчас же генерал Бертран объявил ему, что он адъютант императора и что генерал-лейтенант Гиулай заключил договор, согласно которому боевые действия приостанавливаются, и что скоро будет подписан мир. Подписание мира зависит, в частности, от того, чтобы мост не был ни в коем случае сожжен, за что генерал Гиулай и граф Врбна отвечают своими головами.

Полковник, выслушав все это, никак не соглашался пропускать французов [1] для переговоров. Тогда Бертран заявил, что Герингер лично будет отвечать за смертельную опасность, которой подвергнутся граф Гиулай и граф Врбна. В объяснениях, которые позже будет давать Герингер, он утверждал, что генерал Бертран дал ему свое честное слово, гарантировав, что переговоры действительно ведутся. Трудно сказать, насколько соответствует действительности факт клятвы генерала, но совершенно очевидно, что Бертран и Муассель говорили так убедительно, что полковник согласился пропустить их вместе с тремя офицерами, чтобы встретиться с князем Ауэрспергом.

Герингер собрался было поскакать вперед, чтобы предупредить Ауэрсперга, но Бертран и его офицеры обступили его со всех сторон и, заняв его разговорами, неторопливо переехали через все мосты. Генерала Ауэрсперга и его помощника генерала Кинмайера на месте не было, и тогда вся группа направилась в штаб Ауэрсперга в деревню Штаммерсдорф, находившуюся от моста на расстоянии примерно 4 км. Бертран и его сопровождающие встретили князя на полпути. Напрасно генерал Кинмайер, который заподозрил подвох, пытался убедить князя отдать приказ о взрыве мостов. Тот заявил, что должен «посмотреть сам, что происходит и получить пояснения от графа Врбна».

Нужно сказать, что, пока все это происходило, принц Мюрат и маршал Ланн в полной парадной форме неторопливо двигались к мостам во главе гренадер-

ской дивизии. Играла военная музыка, а французских маршалов сопровождали представители городского магистрата. Граф Врбна поскакал навстречу им, пытаясь объяснить, что двигаться к мостам крайне опасно. Но Мюрат и Ланн вместо того чтобы его послушать, завели оживленную беседу и увлекли за собой графа. В результате вся эта компания беспрепятственно прошла решетку Таборского моста и подошла вместе с гренадерами к входу на Шпицкий мост.

«Принц Мюрат и маршал Ланн спешились. Голова колонны также остановилась у входа на мост... — докладывал Бельяр в своем рапорте. — Я пошел вперед, заложив руки за спину и как бы прогуливаясь вместе с двумя офицерами штаба. За нами пошел маршал Ланн и два его офицера. Мы шли неторопливо, как будто на прогулке, и так дошли до противоположной стороны реки, оказавшись среди австрийских войск. Командовавший здесь офицер сначала не хотел нас принять, но наконец он решился и мы начали разговаривать... В это время авангардный взвод медленно продвигался вперед. За ним шли саперы и канониры, которые, спрятавшись позади него, скидывали в Дунай зажигательные вещества, лили воду на порох и перерезали фитили так, чтобы помешать поджечь ту часть моста, которую мы уже занимали.

Австрийский офицер плохо понимал по-французски и мало говорил. Он заметил движение на мосту и хотел объяснить, что войска двигаются, но это не должно быть так. Мы сказали, что они просто немножко передвигаются, чтобы размять ноги и согреться. Погода была холодная, колонна пехоты продолжала продвигаться вперед и прошла уже три четверти моста. Тогда австрийский офицер закричал: «Fauer! Fauer!»*. Солдаты похватали оружие, пушки снова навели на мост, и казалось, что все кончится плохо. Тогда маршал Ланн схватил офицера за воротник с одной стороны, я схватил его с другой стороны. Мы начали его трясти и кричать громче, чем он, так, чтобы солдаты его не слышали. Мы говорили ему, что он будет ответственным за кровь, которая прольется... В то время, когда все это происходило, генерал Бертран появился вместе с князем Ауэрспергом. Когда они приехали, все успокоились. Князь... спросил, где принц Мюрат. Маршал Ланн бросился к нему, офицер штаба устремился к колонне, чтобы дать приказ ускорить шаг...»[56]

Ланн, окончательно набравшись наглости, пожаловался князю Ауэрспергу, что его офицеры недостаточно дисциплинированы и принимают ответственные решения в отсутствие командующего. Беспорядочный разговор ни о чем продолжился, а в этот момент колонна гренадер вбежала на австрийский берег... Мост был захвачен.

Князь Ауэрсперг вместе с Ланном поскакал на другой конец моста к Мюрату. «Но вы же нас просто провели!» — закричал он, обращаясь к командиру резервной кавалерии. Тот рассыпался в комплиментах, пытаясь успокоить Ауэрсперга, но войска отводить категорически отказался. Мюрат также заявил, что при первом выстреле со стороны австрийцев их тотчас же атакуют и возьмут в плен. Если же они будут вести себя смирно, маршал широким жестом давал им возможность спокойно уйти восвояси «ввиду переговоров, которые велись в этот момент».

Французские полки сплошным потоком двинулись на правый берег. Австрийские солдаты и офицеры недоуменно смотрели на все это зрелище, вконец потеряв все ориентиры. «Я ничего не понимаю в этом. Лично я отправляюсь к императору!»[57] — в сердцах воскликнул один из австрийских полковников, смотря на проходящие неприятельские отряды. С этими словами он отдал приказ своему полку двигаться вперед и, прорезав французскую колонну, ушел подальше от моста.

* Fauer (нем.) — огонь.

«Князь Ауэрсперг показался мне замечательным человеком, — не без доли иронии написал в своем рапорте того же дня маршал Мюрат. — Он мне сказал, что он будет счастлив приветствовать Его Величество Императора Наполеона... Он оставил нас, проклиная министров, авторов этой войны. Генералы Кинмай-ер и Колоредо навестили меня. ...я обещал им не открывать огонь по их войскам, не предупредив их»[58].

Невообразимое событие произошло. Заминированный, тщательно обороняемый мост был захвачен хитростью, используя неразбериху, которая царила вследствие запутанности общей политической ситуации. Очень часто утверждается, что Мюрат и Ланн дали свое честное слово в том, что мир заключен. Как видно из рассказа, построенного только на первоисточниках, ни тот ни другой такого слова не давали. Если кто-то и обманул австрийцев, поступившись своей честью, то это был генерал Бертран. Однако о том, что он дал честное слово, написал в своих показаниях полковник Герингер. Заявление Герингера было сделано в ходе расследования, которое было проведено австрийским военным судом по поводу событий 13 ноября. Полковник был слишком заинтересованным человеком для того, чтобы безоговорочно верить его показаниям. Возможно, его, как и остальных, просто-напросто запутали, сбили с толку, не используя для этого прямой обман. Так или иначе, военный суд возложит всю ответственность на князя Ауэрсперга. Он был приговорен к расстрелу, но помилован императором.

Захват Таборского и Шпицкого мостов снова перевернул всю стратегическую обстановку. Отныне путь на левый берег Дуная для французской армии был свободен...

1 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 1902—1908, t. 4, p. 109.

2 Lettres et documents pour servir a l'histoire de Joachim Murat. Paris, 1908—1914. t. 4, (Alombert P.- C, Colin J., p. 109).

3 Ibid.

4 Ibid., p. (Alombert P.- C, Colin J., p. 107).

5 Correspondance de Napoleon I[er]. Paris, 1858-1870, t. 11, p. 387.

6 Lettres et documents..., t. 4, p. (Alombert P.-C, Colin J., p. 110).

7 Ibid. p. 133.

8 Документы штаба М.И. Кутузова 1805—1806..., с. 134.

9 Gervais E.-B. A la conquete de l'Europe. Souvenirs d'un soldat de la Revolution et de Г Empire. Paris, 1939, p. 151.

10 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 4, p. 100.

11 Lettres et documents... t. 4, p. 135.

12 Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова Смоленского. // Русская старина, 1874. июнь, с. 495.

13 Lettres et documents... t. 4, p. 137.

14 Correspondance... t. 11, p. 392-393.

15 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г., с. 100.

16 Клаузевиц. О войне. М., 1936, т. 1, с. 78-79.

17 Цит. по: Alombert P.-C. Campagne de Pan 14 (1805). Combat de Durrestein. Paris. 1897, p. 105.

18 Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции. М., 1815.

19 Цит. по: Alombert P.-C. Op. cit., p. 107.

20 Документы штаба М.И. Кутузова... с. 147.

21 Цит. по: Alombert P.-C. Op.' cit., p. 106.

22 Глинка Ф. Указ. соч.
23 Цит. по: Alombert P.-C. Op. cit., p. 108.
24 Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова 1798-1826. М., 1991, с. 44-45.
25 Цит. по: Alombert P.-C. Op. cit., p. 109.
26 Документы штаба М.И. Кутузова... с. 148.
27 Цит. по: Alombert P.-C. Op. cit., p. 125.
28 Документы штаба М.И. Кутузова... с. 156.
29 Ibid., с. 150.
30 Цит. по: Alombert P.-C. Op. cit., p. 111.
31 Ibid., p. 114-115.
32 Цит. по: Alombert P. C, Colin J. Op. cit., p. 158.
33 Документы штаба М.И. Кутузова... с. 142.
34 Ibid. с. 138.
35 Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского полка 1642—1890. Варшава, 1890.
36 Цит. по: Alombert P.-C. Op. cit., p. 117.
37 Документы штаба М.И. Кутузова... с. 145.
38 Цит. по: Alombert P.-C. Op. cit., p. 129.
39 Ibid., p. 132.
40 Документы штаба М.И. Кутузова... с. 146.
41 Ермолов А.П. Указ. соч., с. 46.
42 S.H.A.T. 2C7.
43 Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoleon Ier, p. 183.
44 Correspondance... t. 11, p. 394.
45 S.H.A.T. 2C7.
46 Correspondance... t. 11, p. 394-395.
47 Lettres et documents... t. 4, p. 139.
48 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. La campagne de 1805 en Allemagne. Paris, 2002, t. 5, p. 271.
49 Correspondance... t. 11, p. 395.
50 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 5, p. 263-264.
51 Ibid., p. 249.
52 Цит. по: D'apres M Dumas. Precis des evenements militaires... Paris, 1822, t. 14, p. 22-23.
53 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 5, p. 273.
54 Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards. Etapes d'un officier de la Grande Armee, 1800-1830. Paris, 1895, p. 61-62.
55 Thiard M.-T. Op. cit., p. 188.
56 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 5, p. 285-286.
57 Levavasseur O. Souvenirs militaires d'Octave Levavasseur..., p. 45.
58 Lettres et documents... t. 4, p. 147.

ГЛАВА 11
ТАЙНА ШЕНГРАБЕНА

На поле брани исполненный мужества воин пойдет вперед, невзирая на тучи стрел и пуль. Он не будет думать ни о чем, кроме верности и долга, и без колебаний отдаст свою жизнь. Когда подлинная доблесть проявлена, предназначение воина выполнено полностью и слова замирают на устах.

Бусидо.

Могут ли шесть тысяч человек сражаться против тридцати тысяч? В определенных условиях, конечно. Да, если шесть тысяч вооружены пулеметами, а тридцать тысяч палками. Да, если шесть тысяч человек занимают неприступные укрепления, а более многочисленная армия штурмует их в лоб без соответствующей подготовки. Да, если шесть тысяч напали внезапно, например среди ночи, на расположение неприятеля. Да, если существует гигантская разница в моральном состоянии войск, например, когда тридцать тысяч — это остатки бегущей армии, а шесть тысяч — это авангард победоносного войска...

Но вопрос другой: возможно ли противостоять в открытом поле пятикратно превосходящему противнику, если вооружение примерно одинаково, если тактическая подготовка практически одна и та же, если моральный дух обоих сторон одинаково высок и если отсутствует полная внезапность?

Как ни странно, некоторые французские и русские историки считают, что подобное возможно. Во французской литературе не раз встречается описание того, как маршал Мортье разгромил под Дюренштейном с 6 тыс. солдат 35 тыс. русских. Один современный французский историк утверждал даже, что русские потеряли в битве под Кремсом — Дюренштейном 12 тыс. человек!! Чтобы это было возможно, солдаты Мортье должны были перебить всех до одного русских солдат, участвовавших в этом сражении, так как реально Кутузов ввел в бой не более 11—12 тыс. человек.

Нужно сказать, что русская историография в этом отношении не только не уступает французской, но и превосходит ее. Различаются только события. Если во Франции стало легендой сражение под Дюренштейном, то в России — бой под Шенграбеном (Голлабрунном), о котором пойдет речь в этой главе. Это столкновение, где отряду Багратиона суждено будет противостоять авангарду Великой Армии, превратилось под пером многих русских историков из героического эпизода в некую фантасмагорическую битву, где горсть героев косит ужасающими ударами несметные полчища неприятеля.

В самой утрированной форме описание Шенграбена можно найти в «Письмах русского офицера...» Федора Глинки: «Пять тысяч Россиян, сражаясь с шестидесятью тысяч французов, отняли у них знамя, убили генерала и с немалым числом пленных офицеров и рядовых присоединились к прочим войскам, тогда когда их должно было почитать погибшими... Триста спартанцев побили двадцать тысяч персов в неприступном проходе Фермопильском, а пять тысяч Россиян отразили шестьдесят тысяч французов в чистом поле!»[1]

Немногим меньше оценивают разницу в силах авторы публикации документов о генерале Багратионе, зато в области стратегических оценок они превосхо-

дят Глинку: «Кутузов разгадал замысел Наполеона и разработал гениальный план противодействия... Заслонить русскую армию от двухсоттысячной армии Наполеона — вот задача, которую должен был решить выделенный Кутузовым под командой Багратиона шеститысячный отряд... Багратион в течение 18 часов отбивал атаки 30-тысячной наполеоновской армии»[2]. В общем же, в русской историографии закрепилось как некое незыблемое положение, что шеститысячный арьергард Багратиона остановил, правда ценой больших потерь, продвижение тридцатитысячной группировки под командованием Мюрата.

История Шенграбенского боя, ставшего поистине иконой, благодаря бессмертному роману Толстого «Война и мир», всегда занимала автора этих строк. Неужели подобное действительно возможно? Быть может, русские источники преуменьшают численность отряда Багратиона и преувеличивают численность французов?.. Как ни странно, нет.

Что же тогда в реальности произошло? Каким образом армии Кутузова удалось избежать окружения и разгрома, а Багратиону с горстью войск заслонить отступающие русские колонны? Какова тайна произошедшего под Шен-грабеном? Обо всем этом речь пойдет в этой главе...

Едва только мосты через Дунай были захвачены, как по ним двинулись одна за другой колонны французских войск. Наполеон был поистине в восторге от находчивости своих офицеров, которые вернули ему надежду на быструю победу и скорое окончание войны. Дивизия Сюше перешла реку вслед за гренадерами и вечером расположилась на биваке на левом берегу Дуная.

Нужно сказать, что после взятия мостов возникла путаница и неразбериха. Маршалы, которые захватили переправу, воспользовавшись не слишком рыцарским приемом, испытывали некоторое смущение и хотели показать австрийцам, что действительно существует общее перемирие. Поэтому когда на пути французов встретился большой австрийский отряд, его не только не атаковали, но и, более того, любезно пропустили сквозь ряды французских войск и дали ему уйти восвояси.

«Мы остановились, чтобы дать пройти сквозь наши ряды четырем-пяти тысячам отступавших австрийцев, — написал в своем дневнике Фантен дез Одоар. — Мирное шествие этого войска нас немного изумило. Мы подумали, что снова объявлено перемирие. Австрийские офицеры, с которыми мы обмолвились несколькими словами на ходу, думали то же самое. С той и другой стороны обменивались дружескими приветствиями и говорили о скором заключении мира»[3].

Вечером некоторые австрийские и французские полки стояли в непосредственной близости. Д'Эральд, хирург дивизии Сюше, видел, что в деревне недалеко от моста «войска расположились на бивак вперемежку с австрийцами так, словно они были друзьями»[4].

На следующий день 14 ноября французские дивизии устремились вперед. В северо-восточном направлении по дороге на Цнайм двинулись основные силы под командованием Мюрата и Ланна. В северном направлении по дороге на Никольс-бург поскакали кавалеристы Мильо. В это время через столицу Австрии проходили войска корпуса Сульта и Даву, которые догнали в этот день главную квартиру.

Жители Вены смогли в очередной раз посмотреть на парад французской армии. «14 ноября корпуса маршала Сульта и Даву прошли через город в полной парадной форме, — вспоминал генерал Бигарре, тогда командир 4-го линейного полка из дивизии Вандамма. — Жители стояли толпами по сторонам улиц, чтобы посмотреть на эту великолепную армию, репутация которой стала поистине грандиозной... Ни один житель не был обижен, и французские войска сохраняли безупречную дисциплину в своем триумфальном марше»[5]. Император расположился в загородном Шенбруннском дворце.

В Вене были найдены огромные запасы, оставленные австрийцами. Командование императорского Арсенала вежливо ожидало у входа появления французского офицера, который принял списки вооружения и запасов, находящихся в Арсенале. В руки французов попали 2 тыс. пушек, 100 тыс. ружей, многие сотни тонн пороха, сотни тысяч ядер и миллионы патронов. Отныне Вена превратилась в надежную базу для дальнейших операций.

22-й бюллетень Великой Армии сообщал следующее: «...недовольство народа *{политикой австрийского правительства)* трудно поддается описанию. В Вене и во всех провинциях Австрийской монархии говорят, что ими плохо управляли, что в интересах Англии страну вовлекли в разорительную, несправедливую войну... что финансы находятся в самом большом расстройстве, что государственная казна и состояния простых граждан разорены из-за обесценивающихся ассигнаций, которые потеряли 50% своей стоимости, что и так уже достаточно неприятностей, чтобы к ним еще добавлять несчастья войны»[6].

Этот официозный документ вполне подтверждается мемуарами, дневниками современников и документами. «Народ и особенно венские горожане с огромным неудовольствием видели, как начинается эта война... Преданность нации ее государю, еще недавно такая сильная, ослабилась»[7], — вспоминал камергер Наполеона капитан Тиар. А Мюрат в своем письме 14 ноября докладывал буквально следующее: «Мы встретили два австрийских батальона, командир которых проклинает русское правительство и свое правительство. Он желал бы сражаться вместе с нами»[8].

Венские власти с готовностью сделали все для того, чтобы обеспечить город и находящуюся в нем французскую армию продовольствием. «Вопрос продовольствия был одним из самых главных, — вспоминал Тиар. — По этому поводу у меня было много переговоров с графом Врбна, которому император Франц доверил бразды правления и который был настроен *{по отношению к французам)* самым лучшим образом. Он предложил тотчас же переправить из Венгрии стада быков в том случае, если будет обеспечена их безопасность и сопровождение. Я ответил ему, что я полностью на это согласен и что он может заранее принять все соответствующие меры. Он спросил меня, может ли император дать ему аудиенцию, я ответил, что берусь сопровождать его в Шенбрунн и тотчас же представить его, будучи уверенный, что император примет его с удовольствием»[9].

Подобное поведение австрийцев в русской литературе часто квалифицируют как «предательское». Действительно, все это было очень далеко от готовности сражаться не на жизнь, а на смерть с Наполеоном. Однако это подтверждает не коварство австрийского народа и армии, а только одно — полную несостоятельность внешней политики Александра I. Используя рычаги давления на Австрийский императорский двор, он втянул эту страну в непопулярную, ненужную ей войну. В войну, которую не хотели ни простые люди, ни солдаты, ни генералы, а поддерживала лишь узкая клика тех, кто жаждал реванша, и тех, кто находился в зависимости от английских подачек. Естественно, что при первых же неудачах солдаты и офицеры потеряли всякое желание драться, а в народе созрело возмущение и раздражение как против своего правительства, так и против русского императора и русской армии. Без этой политической составляющей совершенно невозможно понять события войны 1805 г. и те. которые непосредственно произойдут в эти ноябрьские дни.

Стремясь поддержать эти настроения, Наполеон распорядился 14 ноября перевести всех захваченных в плен русских раненых в Вену. С одной стороны, он сделал красивый жест, показывая, что заботится даже о раненых солдатах неприятеля, для которых были выделены лучшие госпитали, с другой стороны.

он желал, чтобы венские жители получили материальное свидетельство того, что дела у союзников идут из рук вон плохо, а французы одерживают победы почти что без потерь. Всех французских раненых было приказано расположить в аббатстве Мельк и ни в коем случае не пускать в Вену[10].

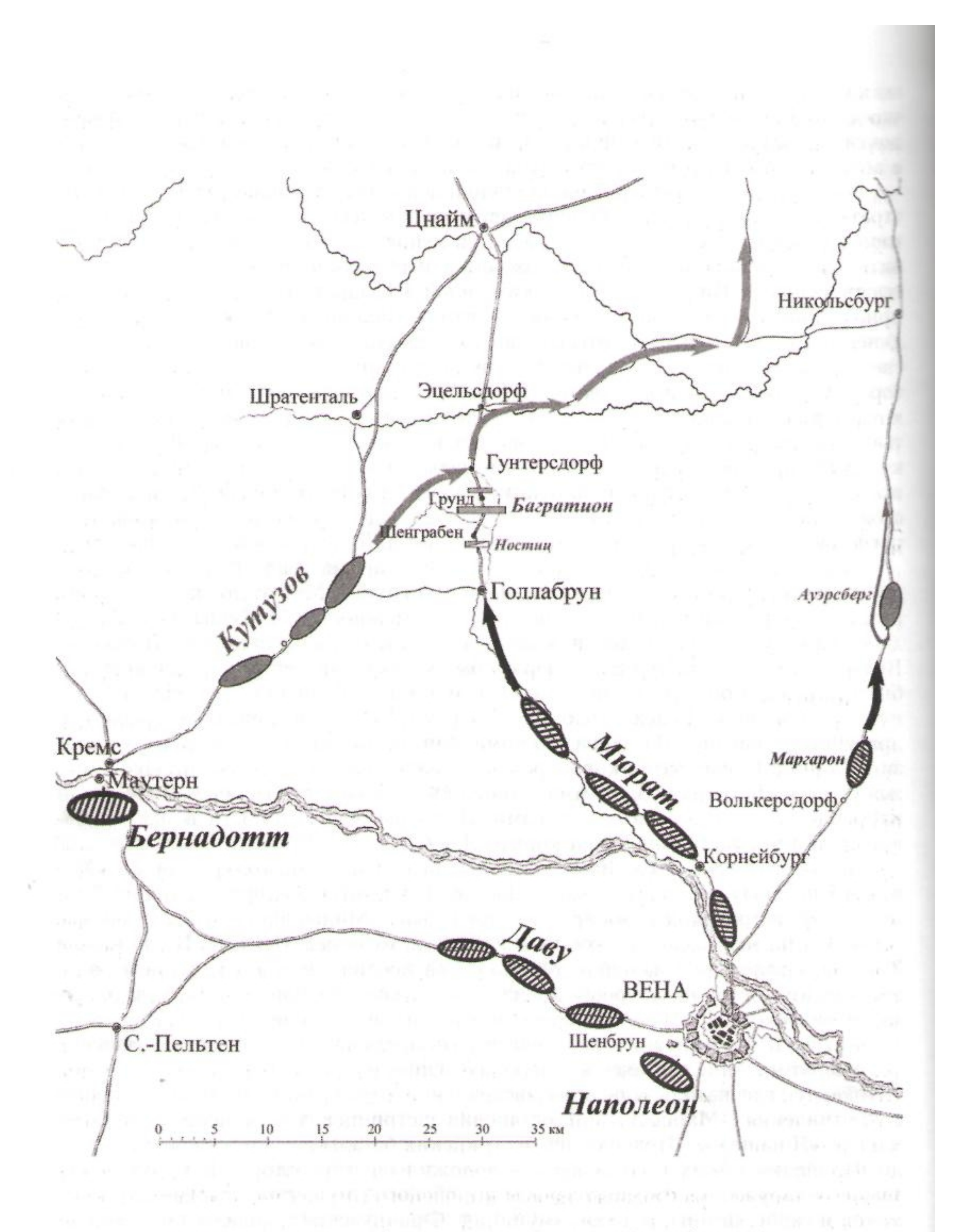
В этот же день Мюрат и Ланн получили подробные указания. Наполеон с его стратегическим провидением очень скептически отнесся к донесению Ланна, который сообщил следующее: «Согласно сведениям, которые мне удалось получить, русская колонна, которая находится перед нами, насчитывает тридцать тысяч человек... Вторая колонна также силой в тридцать тысяч человек должна присоединиться к первой, как меня уверяют, в Цнайме. Таким образом, их объединенный корпус будет насчитывать до шестидесяти тысяч человек»[11]. «Я не верю сведениям, которые Вы получили по поводу русских, — написал в ответ император. — Они обладают искусством казаться более многочисленными, чем они являются в действительности. Можете не сомневаться, что у них максимум тридцать тысяч человек. Если в Цнайм и прибыла колонна, это шеститысячный отряд, который они давно ждали»[12]. Обычно император в письмах своим подчиненным преуменьшал количество неприятельских войск, чтобы его маршалы чувствовали себя уверенней. Однако в этот раз его выводы, сделанные на основе догадок и расчетов, были объективнее, чем сведения, которые доставляли с аванпостов.

14 ноября Наполеон уже знал, что русская армия выступила из Кремса и двигается в северо-восточном направлении на Цнайм. Мюрат должен был перерезать путь русским. Для этого были все возможности. Из Вены на Цнайм и далее на Иглау в северо-западном направлении шла хорошая дорога. Дорога из Кремса была гораздо хуже. У Мюрата было много кавалерии, а русская армия была отягчена обозами. Император выделил для выполнения этой задачи мощную группировку. В авангарде шел Мюрат с гусарской бригадой Трейяра и драгунской дивизией Вальтера. За ними двигалась пехота 5-го корпуса — дивизии Удино и Сюше, затем кирасирские дивизии Нансути и д'Опуля. Две дивизии Сульта (Леграна и Вандамма), пройдя в парадном строю через Вену, были направлены вслед за этими войсками. В случае необходимости в том же направлении мог быть направлен корпус Даву.

По дороге на север, на Никольсбург мчались лишь конные егеря Мильо. «Мы взяли 7 пленных австрийских кавалеристов, 300 пехотинцев, пришедших из Линца... и 100 австрийских канониров... — докладывал Мильо днем. — Если бы у нас была пехота, мы могли бы захватить... 4 тыс. пехотинцев, генерала Кинмайера и 3 полка кавалерии»[13]. Вечером Мильо снова просил пехоты: «Так как я нахожусь рядом с горами, я прошу дивизионного генет ала Вандамма прислать мне батальон пехоты»[14]. Но в это время все пехотные соединения направились на Цнайм, и Мильо вынужден был действовать исключительно одной кавалерией.

Мюрат и Ланн, двигаясь в северо-восточном направлении, подошли днем к Штокерау, где натолкнулись на австрийский отряд, не оказавший никакого сопротивления*. Маршал Ланн, остановив австрийцев, тем не менее не взял их в плен: «Я нашел в Штокерау два австрийских батальона, которые я остановил до получения новых приказов»[15], — доложил он императору. В городе были также обнаружены огромные запасы армейского имущества: тысячи пар башмаков и сапог, штаны, рубахи, амуниция. Французские маршалы так спешили двигаться вперед, что о складах никто не позаботился, и вместо организованной раздачи имущества солдаты их просто растащили.

* Именно об этом отряде писал Мюрат: «Мы встретили два австрийских батальона, командир которых проклинает русское правительство и свое правительство».

Действия русской и французской армий 13–16 ноября 1805 г.

Одновременно с движением наперерез русской армии Наполеон приказал маршалу Бернадотту переправиться через Дунай у Маутерна и Кремса и двинуться по пятам за русскими. Потрепанную дивизию Газана император приказал направить на отдых в Вену. Туда же впоследствии должны были быть направлены дивизии Дюпона и Дюмонсо, входившие во временный корпус Мортье. Корпус Мармона продолжал продвигаться в юго-западном направлении. В его задачу входило наблюдение за армией эрцгерцога Карла, которая выступила из Италии, 6-й корпус Нея и 7-й корпус Ожеро действовали в Тироле.

После битвы под Кремсом русская армия впервые вздохнула свободно. Всем казалось, что трудности позади, тем более что 12 ноября к Кутузову присоединилась долгожданная 6-я колонна генерала Шепелева.

Согласно документу австрийского генерального штаба от 4 ноября 1805 г. численность армии Кутузова определялась на этот день в 37 700 человек[16]. Если вычесть из этой цифры потери при Амштеттене и Кремсе, а также больных и отставших по дороге, нужно отметить, что Наполеон совершенно верно оценивал численность главных сил русской армии в 30 тыс. человек. Что касается 6-й колонны, на 4 ноября она насчитывала в своих рядах 8 692 человека. Через десять дней она, вероятно, не на много превосходила по численности 8 тыс. человек. Таким образом, у Кутузова было приблизительно 38 тыс. солдат. Этого было вполне достаточно, чтобы оборонять переправу через Дунай при условии, что венские мосты прикрыты австрийцами. Однако в сложившейся ситуации положение Кутузова вновь стало катастрофическим. Если даже отбросить все художественные преувеличения, ему потенциально могли угрожать четыре французских армейских корпуса и почти вся резервная кавалерия Мюрата, т.е. примерно 100 тыс. человек!

Как сообщают источники, русский полководец хорошо поставил разведывательную службу и щедро платил шпионам за своевременную информацию. Поэтому уже вечером 13 ноября Кутузов был извещен своими агентами, что французы перешли через Дунай по венским мостам. В этой ситуации у него было два возможных решения. Первым было отступление на северо-запад в Богемию. В этом случае русский полководец почти наверняка увел бы свою армию от опасности. Однако при этом он лишался возможности соединиться с армией Буксгевдена и, более того, подставлял ее под удар.

Вторым решением было отступление на северо-восток, навстречу Буксгев-дену. Но в этом случае армия Кутузова сама подвергалась огромному риску. Она могла быть атакована во фланг на марше. Тем не менее Кутузов выбрал именно это смелое решение. Он немедленно отдал приказ подготовить войска к выступлению и отправить вперед обозы.

В ночь на 14 ноября русская армия выступила из Кремса. Не имея возможности забрать тяжелобольных и раненых, Кутузов оставил их в городе, написав письмо, что он препоручает госпитали великодушию французских войск. Согласно французским сведениям, в Кремсе было оставлено около 1 300 больных и раненых русских солдат.

Прибыв утром 14 ноября в Эберсбрунн, Кутузов получил официальное сообщение от императора Франца о переходе французов через Дунай. «Настают решительные минуты, — писал австрийский император Кутузову, — намерение неприятеля очевидно: помешать соединению русских армий, как того и можно было ожидать. Действия Наполеона сложны, и он разделил армию на несколько частей, из которых одна, переправясь через Дунай в Вене, идет на вас. Самое лучшее было бы разбить его корпуса поодиночке, подобно тому, как вашим искусством и храбростью войск удалось разбить дивизию Мортье. Однако в этом

случае нужно принимать во внимание силу идущего на вас неприятеля и возможность его отступать на идущие за ним подкрепления. Поэтому я предоставляв: действовать по вашему усмотрению и благоразумию, заранее зная, что вы вместе : генералом Вейротером предпримите меры, выгоднейшие для общего дела и славь: вашей армии, и воспользуетесь отличным расположением духа ваших войск»[17].

Пожелание императора Франца насчет разгрома поодиночке французски:: корпусов Кутузов мог воспринять разве что как неудачную шутку. Все ег: мысли были посвящены только одному — как выйти из-под удара французское армии. Уже почти в полночь русский полководец получил еще одно письмо от Франца II, где уже определенно сообщалось о движении наперерез пути отступления русской армии корпусов Ланна и Сульта. Обычно осторожный Кутузов уверенно принял решение в, казалось бы, катастрофической обстановке Он приказал отряду генерала Багратиона немедленно выступить по проселочным дорогам, дойти до местечка Голлабрунн и преградить там дорогу войскам Мюрата, Ланна и Сульта. Вечером 14 ноября, выступая в поход с главными силами, Кутузов написал Александру: «Я не скрываю от себя, что на сем марше могу потерять, может быть, до тысячи человек, но спасти должно целое, буде возможно будет»[18].

Тактичный Михаил Илларионович пощадил нервы молодого царя. Речь, конечно, шла не о потере тысячи человек. Если бы Багратион рисковал потерей тысячи солдат, Кутузов об этом просто бы не написал. Отправляя Багратиона, чтобы преградить дорогу французским дивизиям, Кутузов прекрасно понимал, что из отряда может просто-напросто не вернуться никто. Тем не менее иного решения, совместимого с честью армии, у русского полководца не было. Иначе можно было бы спастись, только пустившись в беспорядочное бегство, побросав все обозы и пушки. Но даже в этом случае полной гарантии того, что русская армия сумеет уйти от преследования, никто бы не мог дать.

Багратион выступил из Эберсбрунна днем 14 ноября. Он шел весь день и ночь. Пришлось двигаться в темноте по едва проходимым дорогам, погода к тому же в ночь на 15 выдалась просто ужасная. Шел дождь и дул сильнейший ветер. Тем не менее после тяжелейшего форсированного марша его отряд в девять часов утра 15 ноября подошел к Голлабрунну.

Так как у самого Голлабрунна Багратион не нашел выгодной позиции, он отошел на 4 км в северо-западном направлении и расположился на удобной для обороны возвышенности за деревней Шенграбен. В его отряде было 14 батальонов, 15 эскадронов русской кавалерии, 2 казачьих полка и артиллерий--5, екая рота. С учетом потерь, понесенных в предыдущих боях и в ходе форсированных маршей, можно ориентировочно оценить численность отряда в 7 тыс. человек. Кроме того, вместе с отрядом Багратиона следовал австрийский отряд под командованием генерала Ностица — Гессе-Гомбургский гусарский полк и два сильно потрепанных батальона пехоты (см. приложения).

Багратион поставил австрийских гусар и казачьи полки к северу от Голлабрунна в качестве передового охранения. А главные силы расположил позади деревни Шенграбен. Киевский, Подольский и Азовские полки были развернуты в одну линию на гребне холма, 6-й егерский занял Шенграбен, на правом фланге встал Черниговский драгунский полк, а на левом Павлоградский гусарский. Единственная 12-орудийная батарея расположилась в центре прямо позади деревни.

Русскому командующему не пришлось долго ждать. Едва полки заняли позицию, как на дороге появилась французская кавалерия. Утром 15 ноября Мюрат и Ланн были настроены весьма решительно. Накануне Наполеон, получив сообщение о занятии Штокерау и о том, как австрийские полки проходили мимо

французских войск, направил своим маршалам недовольные письма. «Я не понимаю, почему Вы пропустили 8000 солдат *{австрийских)* сквозь Ваши ряды и целый кирасирский полк, — писал император вечером 14 ноября маршалу Лан-ну. — Нужно было их всех взять в плен. Эта любезность совершенно неуместна... Разоружите Ваши австрийские батальоны в Штокерау и направьте пленных в Линц...»[19] А Мюрату Наполеон написал еще более строго: «Нужно лишить неприятеля возможности сопротивляться, чтоб добиться мира, в котором так нуждаются народы... Наши враги, одержи они победу, были бы безжалостными. Нам не надо быть такими. С другой стороны, у нас еще найдется время проявить великодушие, но прежде нам нужно разоружить неприятельские войска...»[20]

Император также написал: «Исходя из того, что сообщил мне маршал Ланн в два часа дня, а также из того, что сообщил мне маршал Мортье вчера, я могу предположить, что неприятель не сумеет прорваться. Я с нетерпением жду ваших новостей»[21].

Последнее письмо Мюрат получил в полночь 14 ноября и с утра направил свою кавалерию по дороге на Голлабрунн. Войска вошли в боевое соприкосновение около полудня. Совершенно неожиданно для Багратиона австрийские гусары вместо того, чтобы сражаться с передовыми частями французов, покинули позицию и преспокойно отправились в тыл мимо фронта русских войск. «Генерал-майор Ностиц, обманутый уверениями французского генерала, командовавшего в Шенграбене, — докладывал Кутузов царю, — что якобы заключен уже мир между австрийским двором и французским правительством, отказался вступить в дело противу неприятеля и тем подал ему средство напасть на генерал-майора князя Багратиона внезапным почти образом...»[22]

Мюрат докладывал своему командованию иную версию происшествия. «После того как неприятель был прогнан из деревни Голлабрунн, и у него было захвачено 100 повозок, запряженных 300 лошадьми*, я стал выдвигать свою кавалерию на равнину и разворачивать ее для атаки. В это время мне объявили, что появился австрийский парламентер, и что он объявил, что австрийцы желают покинуть русские ряды. Что они и сделали, когда я сообщил им о моем согласии»[23].

Кто бы ни выступил с инициативой переговоров, в данном случае не важно. Их результат бы был совершенно очевиден. Австрийцы покинули русские ряды, и Багратион остался один на один с войсками Мюрата.

Но дальше произошло самое интересное. В передовой цепи появился парламентер. Здесь показания источников французских и русских также прямо противоположны. Во всей русской исторической литературе уверенно говорится, что парламентер приехал со стороны французов. «Едва началась перестрелка в передовой цепи, — пишет Михаил овский-Данилевский, — Мюрат послал к князю Багратиону переговорщика с предложением перемирия на условии оставаться армиям на занимаемых ими местах, говоря, что по случаю заключения мира с Австриек) бесполезно проливать кровь. Расставляя сети Кутузову, надеясь обмануть его так же легко, как обманул он Князя Ауерсберга и Графа Нос-тица...»[24] Эта версия, которая стала само собой разумеющейся во всей русской литературе, опирается только на один документ — рапорт Кутузова Александру I от 7 (19) ноября 1805 г.

Что касается Мюрата, то он в своем рапорте, написанном непосредственно в момент шенграбенских событий, пишет следующее: «Тотчас после *{переговоров с австрийцами)* появился русский офицер, который предложил, что рус-

* О каких повозках идет речь, трудно сказать. Небольшой обоз Багратиона, который не успели увести из Голлабрунна в тыл русской позиции? Остатки австрийских обозов, отходящих от Штокерау?

екая армия уйдет *(из Австрии).* Я отослал его обратно и продолжал развертывать мои войска для боя, когда ко мне приехал генерал, командующий войсками на позициях противника, и обратился ко мне с тем же предложением»[25].

Кутузов и Мюрат были заинтересованными лицами и им по разным, не достаточно важным для них причинам было выгодно написать, что парламентер прибыл со стороны неприятеля. Офицеру гренадер Фантену дез Одоару удивительно точный и честный дневник которого не раз упоминался на страницах этой книги, было все равно, кто первый послал парламентера. Этот важный свидетель однозначно указывает в своих записках, что парламентер прибыл с русской стороны. Адъютант маршала Сульта лейтенант Петие также указывает: «Между передовыми войсками принца Мюрата и русскими произошла небольшая стычка. Тогда они *(русские)* послали парламентера...»[26]

Однако самым важным свидетельством является текст документа, который в конечном итоге был подписан с одной стороны начальником штаба Мюрата. генералом Бельяром, с другой стороны генерал-адъютантом Александра I бароном Винцингероде. Этот текст был опубликован в сборнике «М.И. Кутузов» на русском языке (в подлиннике он на французском). Сохранился ли подлинник -неизвестно, но его копия хранится в архиве исторической службы французской армии. Сравнивая текст архивного документа с опубликованным в сборнике переводом, можно отметить, что бумага, подписанная Бельяром и Винцингероде, переведена в целом правильно. Однако изменена только одна фраза, которая меняет не только всю суть документа, но и всю суть того, что произошло под Шенграбеном. В сборнике документ называется «Текст предварительногс перемирия между русскими и французскими войсками»[27], а в архивном варианте значится следующее: *«Капитуляция, предложенная русской армии»[28]]'.*

Мюрат в своем рапорте докладывал: «Мне объявили, что прибыл господин Винцингероде. Я принял его. Он предложил, что его войска капитулируют. Я посчитал необходимым принять его предложение, если Ваше Величество их утвердит. Вот его условия: я соглашаюсь, что не буду больше преследовать русскую армию при условии, что она тотчас же покинет по этапам земли Австрийской монархии. Войска останутся на тех же местах до того, как Ваше Величество примет эти условия. В противном случае за четыре часа мы должны будем предупредить неприятеля о разрыве соглашения»[29].

Таким образом, Мюрат согласился не на перемирие, а на капитуляцию русских войск!

Фраза о капитуляции сразу ставит все на свои места, и становится ясно, что произошло под Шенграбеном. Инициатива переговоров исходила на этот раз из русского лагеря. Багратиону было более чем выгодно задержать французские войска под любым предлогом. Он прекрасно видел соотношение сил и понимал, что не сможет даже при условии полного самопожертвования долго продержаться против неприятеля. И ему необходимо было любой ценой ввести в заблуждение Мюрата.

Да, действительно Мюрат попался на хитрости, подобной той, которую он и Ланн применили, чтобы провести австрийцев. Однако Багратиону пришлось пойти дальше, чем французским маршалам. На предложение перемирия Мюрата не удалось купить. Было очевидно, что перемирие полностью на руку русским. Действительно, маршал отправил назад русских переговорщиков. Но когда генерал-адъютант царя предложил *капитуляцию* (!), у пылкого гасконца от торжества тщеславия атрофировался разум, и в голове, вероятно, билась только одна мысль: «Он, Иоахим Мюрат, оказался совершенно прав, не преследуя русских в Креме. Он первый вступил в Вену. Он захватил хитростью венские мосты и теперь он, а не кто другой, вынудил всю русскую армию капитулировать!!!»

О том, насколько документ, подписанный Мюратом, был далек от простого перемирия, говорит тот факт, что утром следующего дня, когда все войска, бывшие в распоряжении у Мюрата, были собраны, он не отдал приказ начинать бой. Более того, в день подписания перемирия Мюрат приказал: «Войска должны оставаться до нового приказа на позициях, которые они занимают в этот момент. Его Светлость желает в соответствии с этим, чтобы корпус Сульта не совершал завтра никаких движений»[30]. В результате Сульт остался у Голерсдорфа, т.е. примерно в 10 км от Шенграбена. Если бы Мюрат заключал перемирие для того, чтобы подтянуть войска, подобное распоряжение было бы немыслимым, потому что оно полностью противоречит самой идее такого договора. Только надеясь на то, что подписанный документ означает не просто перемирие, а победоносное завершение войны, командир авангарда остановил двигающиеся ему на помощь войска. Он также с гордостью доложил императору: «Сир, я считал, что должен был подписать эту капитуляцию, ибо рассматриваю ее как предварительное соглашение, открывающее дорогу к миру, который, как я знаю, является предметом ваших самых сокровенных чаяний»[31]. Если бы Мюрат заключал соглашение с целью обмануть Багратиона, он, вероятно, прежде всего попросил бы ускорить движение французских дивизий на помощь авангарду, а не занимался философскими рассуждениями насчет «сокровенных чаяний».

С русской стороны подписание подобного документа вызвало, без сомнения, некоторое смущение. Одно дело болтовня, которой французы ввели в заблуждение австрийских генералов на венских мостах, другое — официально подписанная капитуляция, пусть даже не ратифицированная. Об этом документе постарались поскорее забыть. И действительно забыли. В публикации документов штаба Кутузова, предпринятой в 1951 г., в примечании на странице 163 говорится следующее: «Упомянутую копию *{акта, подписанного Винцингеро-де)* отыскать не удалось»[32]. А в сборнике документов «М.И. Кутузов», как уже упоминалось, выкинута фраза о капитуляции.

Итак, первой «тайной» Шенграбена является подписание весьма необычного документа, с помощью которого Багратион и Винцингероде сумели обмануть Мюрата. Оказывается, маршал не был простачком, попавшимся на ловкую выходку, подобно Ауэрспергу. Для того чтобы его обмануть, пришлось пустить в ход методы, которые не слишком уважались в среде военных в ту эпоху.

Однако результат был налицо. Французский авангард остался неподвижным. Солдаты с обеих сторон разбрелись за продовольствием и обменивались нехитрыми шутками в передовой цепи: «Мы были отделены от неприятеля лишь небольшой долиной, — вспоминал уже знакомый читателю офицер артиллерии Октав Левавассер, — прямо перед моей батареей на скате холма, на вершине которого стояли... русские, была видна дверца погреба. Мои артиллеристы почуяли вино и стали делать неприятельским постам знаки флягами и потихоньку приближались к дверце. Добравшись, они сломали ее и вышли оттуда с ведрами, наполненными вином. Русские солдаты... видя, как наши хорошо поживились, тоже захотели принять участие в дележе добычи и спустились в погреб, смешавшись с ними. Было видно, как русские... и французы забыли о войне, чтобы выпить вместе»[33].

Пока солдаты Багратиона и Мюрата пили вино, в 10 км к северу от Шенграбена безостановочно двигались главные силы русской армии. Хитрость дала возможность наверняка вывести из-под удара основную массу войск. Однако Багратион должен был оставаться на месте. Неизвестно, что происходило в этот момент в душе русского генерала, но он мог догадываться, что на следующий день придется платить по векселям...

«Сир, я спешу доложить Вашему Величеству, что неприятельский генерал сдержал свое слово. Его войска продолжают занимать те же позиции, что *v* вчера», — радостно докладывал в 9 часов утра 16 ноября Мюрат. Маршал н-преминул также продемонстрировать императору свой аналитический ум и сп: собность правильно редактировать ответственные бумаги: «Мне кажется, чт: было бы важно поменять формулировку одной из статей, где говорится, что -остановлю «мое движение по Моравии». Вместо нее предпочтительнее наш: сать «я остановлю свое движение против русских», так как капитуляция дол;; на быть составлена только в отношении их армии»[34].

Как явствует из рапорта Мюрата, к нему приезжал «генерал, командующие: войсками на позициях противника», т.е. не кто иной, как сам Багратион. Ни *г* рапорте Кутузова Александру I, ни в рапорте Багратиона Кутузову об это:: поездке не говорится ни слова. Знаменитый французский историк Тьер, авто: известнейшего в свое время произведения «История Консульства и Империи» над которым он работал в первой половине XIX века, использовал при работ-над своей многотомной книгой не только письменные, но и устные свидетельств^ очевидцев. Он говорит следующее: «На следующий день *(16 ноября)* были нанесены взаимные визиты. Князь Багратион приехал навестить Мюрата. Он быт любезен с французскими генералами, и особенно со знаменитым маршалом Лан-ном. Последний, простой в обращении, сохраняя при этом необходимый такт :: вежливость, сказал князю Багратиону, что если бы он был один во главе войск, то сейчас они бы сражались, а не обменивались комплиментами»[35].

Трудно утверждать с абсолютной уверенностью, что подобное посещение имело место, тем более что Мюрат говорит о приезде Багратиона в своем рапорте от 15 ноября, а Тьер говорит о визитах вежливости 16 ноября. Тем не менее, это весьма вероятно.

В тот момент, когда французские и русские генералы обменивались любезностями, на позициях перед Шенграбеном у Мюрата располагались следующие силы: непосредственно перед деревней стояла гренадерская дивизия Удино. рядом с ней — драгунская дивизия Вальтера и легко-кавалерийская бригада Се~ бастиани*, чуть дальше — пехотная дивизия Сюше, поблизости от Голлабрунна — кирасирские дивизии Нансути и д'Опуля, наконец, в нескольких километрах позади Голлабрунна — пехотная дивизия Леграна из корпуса Сульта и еще дальше — пехотная дивизия Вандамма из того же корпуса. В общей сложности около 35 тыс. солдат и офицеров. Рельеф местности и многочисленные виноградники не позволяли надеяться эффективно использовать кавалерию. Но и без конницы, а также оставленной позади дивизии Сент-Илера Мюрат обладал подавляющим преимуществом в силах. У него не было никакой необходимости ожидать подхода дополнительных войск. Сам маршал оценивал силы Багратиона в 10—12 тыс. человек, т.е. понимал, что в случае начала сражения у него будет как минимум трехкратное превосходство в силах.

Впрочем, никто не думал о сражении, и весь световой день для русских и французов прошел в битвах с местными погребами. Солдаты окончательно разбрелись в разные стороны в поисках провизии. Офицеры, собравшись вокруг маркитантских повозок, осушали запасы всех возможных горячительных напитков. Во французском лагере поднимали бокалы за победоносный мир: «Мы не

Здесь нет ошибки и противоречия с предыдущим текстом. 14 ноября организация кавалерии претерпела временные изменения: «Вы объедините 1-й конно-егерский с двумя полками гусар», — писал начальник штаба Мюрата Белльяр генералу Вальтеру. — Вы дадите командование над этой бригадой генералу Себастиани, который отныне не будет состоять в драгунской дивизии, которую вы сведете в две бригады» (S.H.D. 2. С. 240).

сомневались, что кампания завершилась, — вспоминал адъютант маршала Сульта Огюст Петие. — И каждый из нас думал о том, как он вернется в Париж. Мы думали о будущих удовольствиях карнавала, о скачках в Лоншане, и, размышляя об этих приятных вещах, мы перекидывались в карты. В тот момент, когда наша игра и наши разговоры были особенно веселы, мы услышали крик «По коням!»[36].

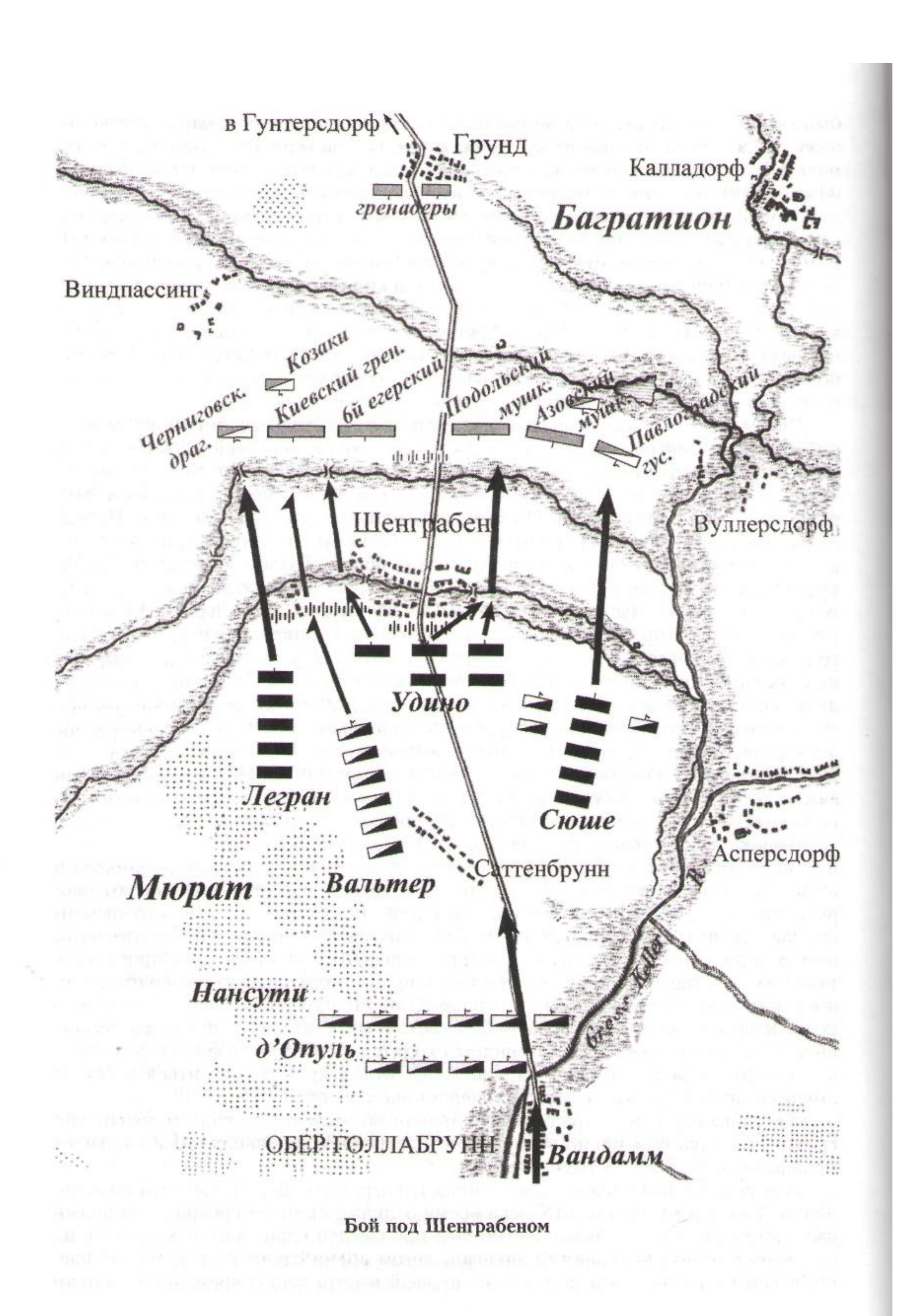
В этот миг во французских рядах внезапно со всех сторон поднялся шум, и в ответ на призывный звук труб и треск барабанов на широкой равнине засуетились тысячи людей, спешащих к своим полкам, впопыхах надевая амуницию, седлая лошадей и разбирая оружие. Это произошло в начале четвертого часа дня. В то время как маршал Мюрат предвкушал удовольствие получения неслыханных наград за свои удивительные подвиги и редкую политическую проницательность, к нему в штаб буквально ворвался забрызганный с ног до головы грязью адъютант Наполеона генерал Лемаруа.

Неизвестно, с каким выражением лица, и с какими словами Лемаруа вручил послание императора Мюрату. Однако его содержание было весомее любых жестов: «Мне невозможно найти слов, чтобы выразить вам все мое неудовольствие. Вы командуете только моим авангардом, и вы не имеете права заключать перемирия без моего приказа. Из-за вас потеряны плоды всей кампании. Немедленно разорвите перемирие и идите на врага. Объявите им, что генерал, который подписал эту капитуляцию, не имел на это права. Только император России имеет подобное право... Это не что иное, как хитрость. Идите вперед, разгромите русскую армию. Вы можете захватить их обозы и их артиллерию. Адъютант русского императора не кто иной, как прохвост. Офицеры значат что-нибудь только тогда, когда у них есть полномочия от власти, у этого не было никаких полномочий. Австрийцы дали себя обмануть при переходе венского моста, вы дали обвести себя вокруг пальца адъютанту императора. Я не могу понять, как вы могли допустить, чтобы вас провели подобным образом»[37]. Вероятно, от этих слов Мюрата бросило в холод, а потом в жар. Он тотчас отдал приказ немедленно начинать бой, и послал офицера предупредить русских, что так как конвенция не была соблюдена, то он оставляет за собой право начать бой, не соблюдая четырехчасового срока, оговоренного соглашением.

Выдающиеся французские историки Аломбер и Колен в их монументальной истории войны 1805 года утверждают, что депеша императора прибыла в штаб Мюрата в полдень и он, строго согласуясь с текстом договора, объявил русским, что атакует их в четыре часа дня. Во-первых, от Шенбруннского дворца, где находился Наполеон, до Голлабрунна порядка 60 км. У адъютанта императора не было возможности менять лошадей, а на одном коне проскакать такое расстояние за четыре часа невозможно. Во-вторых, текст императорского послания был столь суровым, что навряд ли Мюрат мог позволить себе роскошь ждать четыре часа, особенно с учетом того, что приближалось темное время суток (см. ниже). Все очевидцы сходятся в своих показаниях: как только Лемаруа передал депешу маршалу, тот отдал приказ готовиться к бою и лишь уведомил русских о том, что перемирие разорвано.

Едва французский парламентер объявил об этом и ускакал восвояси, как грохнула пушка и скоро по всему фронту затрещала ружейная пальба и загремела канонада. Было четыре часа дня...

В этом и заключается вторая «тайна» Шенграбена. Дело в том, что по отношению к солнцу в начале XIX века время отличалось от теперешнего на целый час, так как в XX веке повсеместно был произведен сдвиг часовых стрелов на час вперед (с целью экономии энергии, летом время сдвигают еще на час вперед). Следовательно, когда раздался первый выстрел по современным меркам

Бой под Шенграбеном

было уже 17 часов. По астрономическому времени (т.е. тому, которое использовалось в начале XIX века) закат солнца в местах, где происходили события, начинался в 16 часов 20 минут, чуть позже 17.00 становилось темно, а абсолютная темнота нступала в 18 часов.

Таким образом, сражение начиналось в наступающих сумерках, и оставался примерно час до наступления темноты. Напрасно маршал Сульт убеждал Мюра-та отменить атаку: «Он сказал, что необходимо дождаться дня, чтобы атаковать... Сульт добавил, что бесцельно будет потеряно много храбрых солдат, которые, несмотря на их доблесть, в темноте ночи не будут сражаться с таким же порывом. Мюрат был непреклонен. Он проклинал свою доверчивость по отношению к Вин-цингероде. Он уже видел перед собой, как русские преспокойно уйдут с позиции ночью. Он словно слышал упреки Наполеона и приказал атаковать»[38].

Несмотря на то что Мюрат предупредил о разрыве перемирия только в последний момент, большая часть русских войск успела занять позиции. Действительно, наблюдая шум, суету и сбор войск во французском лагере всего лишь в нескольких сотнях метров напротив русских позиций, не надо было быть Юлием Цезарем, чтобы понять: час битвы настал. Правда, на левом крыле русских войск солдаты разбрелись так далеко, что их все же не удалось полностью собрать.

Французы спешили. У них не было ни малейшего времени развернуть перед фронтом русских позиций все свои силы. Так как ближе всего к отряду Багратиона находилась гренадерская дивизия Удино, первыми были брошены в бой ее солдаты. Первый полк дивизии обошел Шенграбен с запада и вышел напротив правого фланга русских войск. Князь Багратион направил б-й егерский в контратаку. Французские гренадеры были опрокинуты. Одновременно русская батарея в центре засыпала Шенграбен гранатами, и деревня запылала. «Густая тьма ночи покрывала землю, — вспоминает очевидец. — Вся деревня была объята пламенем и представляла одновременно из себя самое прекрасное и самое ужасающее зрелище. Дома рушились в потоке пламени, солома, сложенная в ригах, служила прекрасной пищей для огня, который распространялся с большой скоростью. Скоро осталась нетронутой одна только церковь, но все предвещало то, что она не сможет избежать буйства пожарища, и скоро колокольня с диким грохотом обрушилась среди руин»[39].

Достаточно посмотреть на план, чтобы понять, что Шенграбен, занимавший по фронту почти 800 метров, перегородил дорогу французским войскам. Его нужно было обходить справа и слева, через овраги, рытвины и колдобины. В сгущающейся тьме пехота могла делать это с трудом, кавалерия практически застряла на месте, а для артиллерии прохода вообще не осталось: «Я остался у въезда в Голлабрунн *(автор имеет в виду Шенграбен),* слыша выстрелы и проклиная препятствие, которое мешало мне принять участии в бою, — вспоминал о действиях своей батареи Левавассер. — Вдруг показался какой-то гусар, выехавший из пылающей деревни. «Здесь можно проехать?» — спросил я его. — «Да, — ответил он, — я приехал с другой стороны». Тогда я приказал упряжке первого орудия скакать за мной. Я не взял большого зарядного ящика. Мы устремились в галоп по улице, объятой пламенем. Мы пересекли тысячу препятствий, где мой маленький зарядный ящик ежесекундно мог взлететь на воздух. И я вырвался из деревни. Мы продолжили скакать еще 200 шагов вперед, пока, наконец, не увидели неприятеля справа. Мы начали разворачиваться, чтобы поставить пушку на дорогу, но залп неприятельской артиллерии повалил моих канониров, шестеро из них было убито и ранено, а пушка разбита»[40].

Залп, которым была разбита пушка Левавассера, был дан с русской батареи, стоявшей в центре. Именно эту батарею превратит в своем романе Л.Н. Толстой

в знаменитую «батарею капитана Тушина». Только она состояла не из четырех пушек, как писал великий романист, а, как уже отмечалось, из двенадцати Пожар Шенграбена, сгустившийся мрак и пересеченная местность не давали возможности Мюрату ввести в дело все свои силы. Тем не менее гренадерская дивизия Удино обошла Шенграбен с двух сторон. Основная масса гренадег (бригады Дюпа и Лапланш-Мортьера) двинулась на левый фланг русских, а бригада Рюффена — на правый. Одновременно несколько драгунских эскадронов из дивизии Вальтера также двинулись против правого фланга русских и как могли, атаковали стоявшую у них на пути русскую пехоту.

Михайловский-Данилевский в своей истории войны 1805 г. назвал этих драгун «конными гренадерами». Это интересное свидетельство. Оно, возможно, основывается на информации, которую Михаил овский-Данилевский получил от кого-то из участников боя. Дело в том, что первая рота каждогс драгунского полка армии Наполеона носила меховые шапки. Вполне понятно что русские офицеры приняли их за конных гренадер. Но меховые шапк: носила только одна рота из восьми, которая обычно шла в голове полка. Врял ли, если бы полк шел развернутым строем, среди подавляющего большинства касок можно было бы рассмотреть несколько десятков меховых шапок. Суда по всему, рельеф местности был так труден для действий кавалерии, что ъ надвигавшейся темноте можно было двигаться и атаковать только колонной вводя в дело лишь несколько десятков впереди стоящих кавалеристов.

Вслед за гренадерами Удино и драгунами медленно продвигались вперед дивизия Сюше против левого фланга русских и дивизия Леграна против правого фланга. Столкновение с этими войсками на той позиции, на которой Багратион располагался в начале боя, уже не произошло. Генерал Ермолов очень верно передал суть происходящего в своих мемуарах: «...Двинулись отовсюду неприятельские колонны. Невозможно было ни минуты терять времени, и князь Багратион приказал начать отступление... В трех верстах позади арьергарда простирался глубокий ров, через который трудна была переправа. Кавалерии приказано немедленно перейти за овраг, дабы прочих войск не остановить Б отступлении... На левом крыле происходило величайшее замешательство. Генерал-майор Селихов имел неосторожность распустить людей за дровами и за водою и терял время в ожидании их. Они большею частию достались в плен, и полки, отсутствием их ослабленные, окружены были большими силами»[41].

Таким образом, на той позиции, на которой первоначально находился Багратион, его войска отразили только атаку двух батальонов первого гренадерского полка дивизии Удино, а его артиллерия подожгла деревню Шенграбен. После того как к русским линиям стали приближаться колонны дивизии Удино. за которыми продвигались Сюше и Легран, отряд Багратиона немедленно начал отступление. Необходимо добавить, что в этот момент на левом фланге русских ″ произвел контратаку Павлоградский гусарский полк*. Так же, как и французской кавалерии, русским гусарам было очень трудно действовать на пересеченной местности. Атака павлоградцев закончилась безуспешно, а самому полку пришлось отходить окольными тропами. На этом, собственно говоря, «организованная» часть боя завершилась. На поле сражения опустилась ночная тьма.

Теперь все усилия русских полков были направлены только на то, чтобы отступить в северном направлении. Французы же могли употребить лишь часть своих сил, так как основная масса войск осталась далеко позади и не имела

В романе «Война и мир» Л.Н. Толстого в этой атаке принимает участие один из главных героев книги Николай Ростов.

никакой возможности догнать в темноте отходящие русские части. «Ночная тьма посеяла путаницу в ряды сражающихся, — отмечено в журнале дивизии Удино. — Отныне самые лучшие маневры стали бесполезны. Солдаты действовали неуверенно, боясь открыть огонь по своим. Продвигались вперед на ощупь, но время от времени закипали кровавые стычки...»[42]

Особенно ожесточенный бой закипел вокруг деревни Грунд. Когда головной полк из дивизии Удино под командованием майора Брайера вошел в деревню, он поначалу не встретил никакого сопротивления. Но когда гренадеры в темноте проникли на улицы деревни, они были внезапно атакованы со всех сторон: «Русские с криками выскочили из домов, где они сидели в засаде, и атаковали со всей яростью, — говорится в рапорте дивизии Удино. — Начался жестокий рукопашный бой. Затихла ружейная стрельба, и только штык решал, за кем останется поле сражения...»[43]

Если в деревне шло жестокое побоище, то вокруг нее в темноте сталкивались отряды, открывая огонь по своим. Во многих французских источниках упоминается о том, что русские использовали военную хитрость. В первых рядах стояли офицеры, хорошо говорящие по-французски. «Двигаясь навстречу колонне, которая перерезала им отступление, они кричали: «Что вы делаете, вы стреляете по своим, мы французы!» Другой русский батальон использовал ту же хитрость. В момент, когда их атаковали, оттуда раздался крик: «Это свои, не стреляйте!» Французские солдаты остановились и получили в упор смертоносный залп. Возмущенные таким коварством, они с яростью устремились на русских и перебили всех до одного»[44].

Впрочем, один из участников битвы, вольтижер из дивизии Удино, говорит о том, что вне всяких военных хитростей бригада из дивизии Леграна действительно открыла огонь по гренадерам майора Брайера. Фантен дез Одоар после боя записал в своем дневнике, что в ряде мест трупы лежали так, что видно было, что солдаты стреляли по своим: «Можно было констатировать факт, что во время боя одни французские солдаты стреляли по другим и убивали друг друга в темноте... Эта прискорбная ошибка, увы, часто происходит в ночных столкновениях»[45].

Отчаянная беспорядочная резня, столкновения отдельных батальонов, где, открывая огонь, не знали, бьют ли по своим или по чужим, продолжались весь вечер. Михаил овский-Данилевский пишет: «Когда прошли Гунтерсдорф, смерк-лось *{см. ниже).* Во мраке ноябрьского вечера исчезло единство в повелениях, даваемых начальниками. Голос их был заглушаем пушечного и ружейною пальбою, восклицаниями нападавших и защищавшихся, стоном раненых, воплями раздавленных лошадьми. Каждый батальонный и эскадронный командир действовал, как внушали ему личное мужество и собственная распорядительность. Французы и русские рвались исполнить долг службы и чести. Неприятель старался окружать и обходить; наши по нескольку раз пробивали ряды его грудью»[46].

Этот рассказ очень верно передает то, что происходило в эти часы на поле боя поблизости от Шенграбена. Но в нем есть одна неточность — историк пишет: «когда прошли Гунтерсдорф, смерклось». На самом деле, когда русские войска подошли к деревне Гунтерсдорф, находящейся в 5 км позади первой позиции, было уже давно не видно ни зги. И здесь, так же как в предыдущей деревне, были оставлены два русских батальона*, которые встретили французов ружейным огнем в упор. А затем снова повторились дикие сцены штыковой схватки.

Скорее всего, оба эти батальона принадлежали Киевскому гренадерскому полку. Одним из них командовал майор Экономов, командир второго батальона Киевского гренадерского полка.

Отчаянный бой продолжался до 11 часов вечера. После чего изнуренные жестокой многочасовой дракой французские полки прекратили преследование, а Багратион, не прекращая ночного марша, сумел догнать главные силы. Штаб Мюрата расположился неподалеку от Шенграбена. «Резня прекратилась, — вспоминает адъютант маршала Сульта. — Была уже полночь. Принц Мюрат. маршал Ланн, маршал Сульт и их штабы собрались неподалеку от пылающих руин несчастной деревни и грелись от ее пламени, в то время как саперы разбивали топорами двери амбаров, которых не достиг огонь и которые должны были стать убежищем, чтобы ожидать рассвета»[47].

В общем итоге в ходе столкновения арьергард Багратиона, непрерывно сражаясь, прошел около 6 км. Генерал Ермолов точно охарактеризовал произошедшее на поле у Шенграбена: «Итак, сверх чаяния дело кончилось гораздо счастливее, нежели можно было ожидать, и князь Багратион прославился. Пол начальством его было менее семи тысяч человек, неприятель имел в действш: более двадцати тысяч... Одна скорость движения спасла арьергард наш»[48].

Таким образом, ход сражения под Шенграбеном можно резюмировать следующим образом. Примерно час, пока на поле боя было еще что-то видно. Багратион держался на первой позиции. Это было возможно потому, что французы не могли мгновенно развернуть все свои силы, а пожар Шенграбена еще более задержал процесс ввода в бой французских частей. Когда же французские дивизии пересекли Шенграбенский ручей, русские полки начали отступление. Все дальнейшее происходило в полной темноте, из-за которой Мюрат не мог ввести в бой всю свою пехоту. Что касается кавалерии, она вообще прекратила какие-либо попытки атаковать, ибо для этого не было возможности. Затем в течение шести часов русские отступали, встречая неприятеля упорным сопротивлением на позициях у Грунда, а затем у Гунтерсдорфа. Средняя скорость отступления была равна примерно 1 км/ч.

Разумеется, в этом описании битва утрачивает свой былинный размах. Зато становится понятным, в чем заключается «тайна» Шенграбена, и каким образом семитысячный арьергард Багратиона сумел выдержать столкновение со значительно превосходящими его силами. Как показывают потери отдельных полков, с французской стороны в бою приняли действительное участие только дивизия Удино, дивизия Леграна (причем из последней — в основном бригада Левассера) и одна драгунская бригада. В общей сложности около 16 тыс. человек.

Да, Шенграбен не был похож на голливудский фильм, где один тупоголовый супермен, не получая ни малейшей царапины, косит десятки врагов, стреляющих в него в упор. В жизни, на войне такого не бывает. И одному воину, даже очень храброму, не просто справиться даже с двумя врагами, тем более если они тоже храбры. Это никоим образом не отнимает славы у Багратиона и его солдат, а просто-напросто заменят фантастическую картину вполне реальной, где мужеству и доблести есть место не в меньшей, а может быть, в большей степени. Потому что правда, пускай даже и несколько менее феерическая, чем сюжет боевика, остается правдой и потому в тысячу раз более дорога, чем все художественные вымыслы.

Все, кто приняли участие в этом бою, отдали должное героическому бою русского арьергарда. «Это сражение, в котором русские гренадеры соперничали в бесстрашии с французами, — вспоминал известный штабной генерал Ма-тье Дюма, — делает честь князю Багратиону. Он пожертвовал собой во имя спасения своей армии...»[49]

Подобные похвалы куда ценнее, чем невероятная история, рассказанная Глинкой, знавшем об этом бое только понаслышке, а с его слов повторенная

чуть ли не всеми русскими историками. Но более всего весомы слова Фантена дез Одоара, стоявшего в этот день в рядах гренадеров Удино. Он написал о Багратионе: «Умелой хитростью он выиграл время, его войска, атакованные превосходящими силами, доблестно сражались, затем он сумел так ускольз-нуть от нас, что мы не смогли его нагнать, он не оставил ни артиллерии, ни обозов. Я начинаю думать, что куда более славно сражаться с русскими, чем с австрийцами»[50]. И наконец, генерал Пельпор, тогда офицер 18-го линейного полка из дивизии Леграна, сказал еще более короткой, но емкой фразой: «Князь Багратион выказал большую решительность, поддержанную великой отвагой, его солдаты были великолепны»[51].

Император нагнал авангард поздно вечером и заночевал в Голлабрунне. Утром он осмотрел поле сражения, еще дымившееся после отчаянной схватки. Повсюду валялись трупы, изуродованные всевозможным образом, особенно много убитых солдат лежало поблизости от Грунда и Гунтерсдорфа.

Потери в действительности были весьма серьезными. Согласно рапорту Багратиона его отряд потерял 2 216 человек* оставшимися на поле боя — из них убитыми 768, ранеными 737 и пропавшими без вести 711. Князь указал также, что были ранены, но сумели уйти с поля боя еще 194 человека. Последняя цифра плохо согласуется с численностью убитых, так как чаще всего на одного убитого приходилось как минимум три раненых, из которых один — тяжело. Отметим, что число убитых, которое Багратион приводит в рапорте, совпадает, как и должно быть, с числом тяжелораненых, оставшихся на поле сражения. Можно предположить, что количество легко и средне раненых было куда более значительно, чем 194 человека. В общем, Багратион потерял наверняка не менее, а даже несколько более чем 3 тыс. человек, из которых в плен попало около 1 500 (половина из них ранеными).

Багратион говорит о том, что он оставил на поле боя 8 орудий. Последнее подтверждается тем, что пишет генерал Ермолов: «Храбрые полки *{генерала Селихова),* отчаянно защищаясь, продлили сражение до глубокой ночи, но большая часть людей побита, взяты знамена и восемь пушек. Пользуясь темнотою, спаслись малые только остатки полков и четыре орудия»[52]. Таким образом, из 12-орудийной батареи 8 пушек было оставлено на поле битвы, а 4 спасено. Что касается знамен, то, как можно предположить, ни официальный отчет Кутузова, ни рапорт Багратиона о потере знамен не говорит.

Удино в своем донесении сообщает, что его дивизия потеряла 70 человек убитыми, 212 ранеными и 8 пленными. Итого: 290 человек. Потери дивизии Леграна и драгун не приводятся в рапортах. Известно только, что в дивизии Леграна было восемь убитых офицеров, а у драгун — двое. На основе этих документов получается, что французы потеряли убитыми и ранеными около 500 человек. Подобное соотношение французских и русских потерь представляется очень маловероятным. Большая часть сражения походила на бойню, где общее численное превосходство французских войск никак не сказывалось, потому что сталкивались отдельные батальоны. Можно предположить, что Удино либо намеренно, либо не получив точных сведений, неправильно указал свои потери. Нужно учесть также, что сам отважный генерал был ранен пулей в бедро и вынужден был на несколько дней покинуть армию для того, чтобы залечить рану. Исходя из характера боя, резонно предположить, что французская сторона могла потерять до тысячи человек убитыми и ранеными.

* В рапорте написано 2 208 человек, но если сложить количество потерь, указанных в рапорте, то получится 2 216. Вероятно, была допущена ошибка либо в одной из цифр, либо при сложении.

Кутузов в официальном отчете Александру I говорит о том, что было взято в плен 53 французских солдата и офицера и захвачено одно знамя. Багратион ничего не пишет ни о том, ни о другом. Если вполне логично предположить, что о захвате небольшой кучки солдат князь ничего не сообщил в своем рапорте, то совершенно неправдоподобно, чтобы он не отметил захват вражеского знамени. Французские источники также ничего не говорят о потере знамени (орла). Тем более что гренадерская дивизия Удино, наиболее пострадавшая в бою, не имела знамен. Ее батальоны были сводными формированиями, состоявшими из элитных рот, взятых из полков линейной и легкой пехоты.

Впрочем, возможно, что история с захваченным знаменем возникла не совсем на пустом месте. Дело в том, что батальоны дивизии Удино имели нерег-ламентированные и нигде не учтенные значки, сделанные мастерами самой дивизии. Они служили тактическими «приспособлениями», ориентирами для сбора и построения батальонов, не имевшими, по крайней мере, официально никакой ценности. Не исключено, что солдаты Багратиона захватили именно такой значок. Сам князь, понимая, что это не настоящее знамя, не учел его в своем рапорте. Кутузов же, докладывая императору, не стал церемониться и объявил о захвате знамени. Понятно и молчание французских источников. Генералу Удино не было никакого смысла докладывать о потере этого нигде не учтенного, официально не существующего знака, тем более что ему, скорее всего, об этом даже не сообщили.

Как бы там ни было, результаты боя весьма отличались от того, на что вправе был рассчитывать французский император. Вместо армии Кутузова, отрезанной от главных сил, или, по крайней мере, взятой в плен русской дивизии лишь полторы тысячи убитых русских и французов.

Наполеон проехал по полю кровавого побоища, хмуро взирая на рассыпанные повсюду мертвые тела. «День осветил землю, напоенную кровью, — записал в своем дневнике Фантен дез Одоар, — и показал нам, насколько велики были потери неприятеля и наши. Повсюду валялись трупы, одетые в синее и в зеленое, и в некоторых местах лежали такие кучи, что можно было понять, что здесь произошел самый жестокий бой с тех пор, как порох дал возможность людям уничтожать друг друга, не сходясь в упор»[53].

В этот день у императора были и другие поводы, чтобы быть не в духе. По дороге в Цнайм он получил первые сведения о катастрофе, постигшей французский флот под Трафальгаром.

В частности, поэтому встреча Наполеона со своим шурином была достаточно эмоциональной. Император высказал Мюрату все, что он думает по поводу его манеры командовать авангардом. Под горячую руку попался и Ланн. Неизвестно, что наговорил в сердцах Наполеон своему соратнику и другу, зато в архиве исторической службы французской армии сохранилось письмо, которое на следующий день написал маршал Ланн. Здесь рядом с сухими строками военного отчета стоят фразы, продиктованные чувством искренней дружбы. Необходимо помнить, что императору исполнилось всего лишь 36 лет, столько же было и его маршалу. Оба они были еще молоды и в их сердцах кипели настоящие страсти. «Я прошу Ваше Величество позволить мне сказать, что я всю ночь мучился оттого, что вчера видел Вас в плохом настроении. Я боюсь, что это происходит из-за того, что я чистосердечно сказал Вам, насколько устали наши войска. Ваше Величество, Вы должны знать мои чувства и Вы должны знать, что в моих жилах нет капли крови, которую я не был бы готов пролить за вашу славу. Скажу откровенно, что я переживал так сильно, что если бы гренадеры пошли дальше вперед и встретили бы сопротивление врага, я бы бросился грудью на его штыки»[54].

В тот же день Наполеон ответил другу: «...последний абзац Вашего письма мне было очень тяжело читать. Я упрекаю Вас только в одном — что Вы слиш-

ком часто подвергаетесь опасности. И мне вовсе не хочется, чтобы мои лучшие друзья из любви ко мне подставляли себя постоянно под пули. Если я и был сердит вчера на кого-то, то на генерала Вальтера, потому что нужно, чтобы кавалерийский генерал всегда преследовал неприятеля, держа ему «шпагу в спину». Особенно это касается отступления, и я не хочу, чтобы жалели лошадей, когда можно взять в плен людей... Вы скоро получите мои приказы... Поберегите себя и не сомневайтесь ни на секунду в моей дружбе»[55].

Если упреки, высказанные Ланну, были лишь результатом мимолетного раздражения и затем были начисто забыты, когда император диктовал письмо своему другу, недовольство действиями маршала Бернадотта было куда более серьезным. Дело в том, что 1-й корпус под командованием Бернадотта потратил двое суток на форсирование Дуная.

По поручению Наполеона Бернадотту было направлено 15 ноября следующее письмо: «Господин маршал, император очень сердится из-за того, что в тот момент, когда принц Мюрат и маршалы Ланн и Сульт сражаются в двух днях пути от Вены, Вы не смогли перевести на другой берег Дуная и одного человека. Ваши солдаты без сомнения должны быть недовольны тем, что Вы лишаете их возможности принять участие в славе этого похода»[56]. В результате первый корпус ускорил свой марш и 17 ноября в тот момент, когда Наполеон встретился с Мюратом, войска Бернадотта подошли к Голлабрунну.

В этот же день, 17 ноября, Наполеон занимался и политическими вопросами. Император французов получил письмо от Франца II, который написал его после встречи с генералом Гиулаем в Брюнне 15 ноября. Письмо было составлено в весьма любезных выражениях, однако австрийский монарх заявлял, что он не может подписать договора без консультации со своим союзником.

Наполеон ответил посланием, где он также рассыпался в любезностях. «Сегодня я желал двинуть мои авангарды на Брюнн, но я остановлю их на весь день, и завтра, и все время пока Ваше Величество будет оставаться в Брюнне. Моей единственной целью является преследование русской армии с целью изгнания ее из Вашего государства и потому я не желаю сделать малейшего шага, который мог бы быть Вам неприятным»[57].

Впрочем, кроме любезностей Наполеон говорил в этом письме о настроениях населения Австрии на территориях, занятых французами, и, конечно же, в самой Вене. «Я хочу только сказать Вашему Величеству, что его Моравские земли разорены ужасным образом, что настроения во всех провинциях и даже в Вене таковы, что все единодушно настроены против русских и что если Ваше Величество будет следовать советам тех людей, которые являются предметом ненависти всего народа, Вы сможете потерять любовь Ваших подданных, которую Вы заслуживаете по праву...»[38]

Несмотря на эти доводы, император Франц II не спешил заключить сепаратный мир. Ситуация, как казалось, складывалась для союзников весьма благоприятно. Несмотря на потери, армия Кутузова подошла к Брюнну, и сам главнокомандующий прибыл в город 18 ноября. Здесь он получил известие, которое ему привез поручик Кавалергардского полка Чернышев, о том, что колонны армии Буксгевдена находятся в полутора маршах от Брюнна. 19 ноября армия Кутузова покинула Брюнн и у местечка Вишау соединилась с передовыми колоннами Буксгевдена. На этом отступление русской армии заканчивалось. Соотношение сил стало складываться в пользу союзников. Сам австрийский император покинул столицу Моравии накануне 17 ноября и отправился на встречу с императором Александром в город Ольмюц.

Конечно, отступление армии Кутузова обошлось русским полкам дорого. После боя под Шенграбеном русский главнокомандующий, обняв Багратиона,

воскликнул: «О потерях не спрашиваю: ты жив — для меня довольно!» Однако урон не ограничивался убитыми и ранеными в боях. При поспешном отступлении невозможно было избежать того, что в плен десятками попадали отставшие солдаты, изнуренные тяжелыми переходами. Во французской армии также было много отставших. Но они имели возможность нагнать свои войска, русские же неминуемо попадали в плен.

Согласно рапортам от авангардных отрядов 18 ноября в плен к французам снова попалось много отставших солдат. Так, генерал Вальтер сообщал, что он взял в плен 500 человек «отступавших в беспорядке», командир первого конно-егерского доносил, что его полком взято 600—700 пленных, а в момент написания рапорта было захвачено еще 150 человек[59]. Даже если эти рапорты, как всегда, несколько преувеличивают число пленных, совершенно очевидно, что, вися на хвосте отступающей армии, французские войска брали по несколько сот человек в день. Так что Кутузов привел с собой в Вишау едва ли немногим более 30 тыс. человек. И всетаки стратегическая обстановка начала резко изменяться. Несмотря ни на что союзные войска соединились. Результатом этого было не только изменение численных соотношений, но и морального духа. И в скором времени французские аванпосты почувствовали это в полной мере...

Пока же наступление Великой Армии продолжалось. Утром 19 ноября, неотступно преследуя уходящую армию Кутузова, драгуны Вальтера и 1-й конный егерский полк вступили в Брюнн и двинулись дальше в восточном направлении. В это время похолодало. Дороги, еще недавно покрытые грязью, подморозило. «Солдаты не чувствовали холода, — рассказывает адъютант маршала Сульта. — Они шли быстро по гладкой равнине, чувствуя необходимость догнать русских, которые все так же продолжали отступать»[60].

В этот день гренадеры Удино, располагавшиеся на биваке позади кавалерийских отрядов, повстречались с Наполеоном: «...едва только начало рассветать, и мы еще спали, зарывшись кто где может в солому. Вдруг невысокого роста человек в сером рединготе подошел к нашему лагерю. Его сопровождало два офицера. Он приблизился к бивачному огню, пепел которого еще был горячим, покопался там и вытащил из золы картошку, которую он съел, запросто беседуя с гренадерами о недавнем сражении. Это был император без свиты... В течение > нескольких минут он с удовольствием беседовал, думая, что он сохраняет инкогнито. Едва он понял, что его узнали, как он вскочил на коня и поскакал галопом. Но прежде чем покинуть нас, он крикнул в толпу солдат, которая собиралась со всех сторон: «Гренадеры, я доволен вашим поведением в сражении при Голлаб-рунне. Еще один удар — и войне конец. Тогда я обещаю вам, что вы расположитесь на отдых в Вене». Эти слова скоро все передавали друг другу...»[61]

На следующий день 20 ноября, в 10 часов утра Наполеон был у ворот Брюнна. Пехота расположилась перед городом, а Наполеон принял депутацию местных властей и духовенства, которые поднесли ему ключи от города. Тотчас после этого смотра французская пехота вступила в Брюнн.

Столица Моравии город Брюнн был оставлен армией Кутузова без всякого сопротивления. По тем временам это был довольно значительный город. По переписи 1804 г. здесь жило 8 693 человека[62]. В центре города на высокой горе Шпильберг находился хорошо укрепленный форт. Его грозные стены высятся и поныне. Когда-то это была средневековая крепость, в XVII—XVIII веках вокруг нее были построены мощные бастионы и куртины. На этих валах в 1805 г. стояло 60 орудий, внутри находился арсенал, в котором было сложено 6 000 новеньких ружей, а в погребах хранились тонны пороха. Подобную цитадель тысяча солдат легко могла бы оборонять даже против очень сильной армии. «Я

посетил Шпильберг, — вспоминал капитан Тиар, — и не мог понять, почему русские не оставили в этой цитадели хотя бы два батальона»[63].

Действительно это может озадачить. Ведь в распоряжении шедших с императором корпусов Великой Армии не было тяжелых орудий, а без серьезнейшей осады предпринять штурм Шпильберга было бы настоящим самоубийством. Пруссаки в ходе войны за Австрийское наследство даже с осадной артиллерией так и не смогли взять этот форт. Контроль союзников над цитаделью очень сильно затруднил бы действия наполеоновской армии. И тем не менее Кутузов не оставил на Шпильберге даже маленького отряда. Это весьма интересный факт. Он говорит о том, что русский полководец, несмотря на соединение с главными силами, не считал возможным и необходимым переходить в немедленное наступление, а наоборот, предполагал продолжить стратегический отход. В этом случае действительно было неразумно оставлять гарнизон в цитадели, ибо он рано или поздно был бы взят в плен.

«Прибыв в Брюнн, — рассказывает Савари, — император нашел цитадель, оставленную неприятелем. Ее склады были полны и по небрежности, которую трудно понять, здесь были сложены уже приготовленные боеприпасы, которые мы могли тотчас же использовать. Австрийские чиновники передали нам все с такой точностью и пунктуальностью, как бы они сделали это для своего командования»[64]. Император был очень доволен этой находкой и тотчас же распорядился сделать город Брюнн и Шпильбергскую цитадель операционной базой для своей армии.

В тот момент, когда дивизия Удино вступала в город, а штабные офицеры французской армии принимали шпильбергские склады, французская кавалерия двигалась вперед по широкой равнине к востоку от Брюнна вдоль шоссе Брюнн — Ольмюц. Чувствовалось, что настроение на аванпостах изменилось. Больше не встречалось дезорганизованных групп отставших солдат. Вместо них на равнине были развернуты значительные силы русской конницы. Со своей стороны, Мюрат двинулся вперед с мощным конным авангардом. Вслед за командующим по дороге и прямо через поля широким фронтом скакали на рысях стройные эскадроны драгун, конных егерей и гусар. В распоряжении Мюрата было более 3 000 кавалеристов: драгунская дивизия Вальтера, три легкоконных бригады и два полка конных егерей*. С русской стороны под командованием генерал-майора Чаплица было также более 3 000 кавалеристов".

Стычки передовых постов начались еще в 9 часов утра. С появлением основной массы французской конницы все говорило о том, что начнется жаркое дело. Бригада драгун Себастиани, конно-егерская бригада Мильо и гусары Трейяра сбили посты русской кавалерии и устремились вперед вдоль Ольмюц-кого шоссе. Но на подходе к Позоржицкой почте они столкнулись с основными силами русских. Октав Левавассер, который со своими пушками, как всегда,

Дивизия Вальтера: бригады Себастиани (3-й и 6-й драгунский), Роже (10-й и 11-й драгунский), Буссара (13-й и 22-й драгунские) — около 1 400 человек; гусарская бригада Трейяра (9-й и 10-й гусарский), бригада Маргарона (8-й гусарский, 11-й конно-егер-ский), бригада Мильо (16-й и 22-й конно-егерские), 1-й и 26-й конно-егерский были приданы бригаде Себастиани. Всего легкой кавалерии около 1 750 человек.

" Павлоградский гусарский полк, Мариупольский гусарский полк, Санкт-Петербургский драгунский полк, Тверской драгунский полк — всего 30 эскадронов, Казачий Сысоева полк и Казачий Малахова полк — всего 10 сотен. К этому моменту в эскадронах регулярной кавалерии и казачьих сотнях было менее 100 человек в строю. Ориентировочно можно оценить численность русских кавалеристов в 3—3,5 тыс. человек.

был впереди авангарда, вспоминал: «Дойдя до гребня холма, мы вдруг увидели в долине массу в шесть тысяч кавалеристов, которые шагом двинулись на наши два полка. Моя артиллерия открыла огонь по этой грозной туче всадников. Трейяр и Латур-Мобур закричали: «Держитесь, гусары! Держитесь, конные егеря!»... Массы русской кавалерии разделились, одна обошла нас справа, другая слева. Увидев позади нас другие эскадроны, они решили их охватить...»[63] По всему полю закипела отчаянная кавалерийская рубка. Французские драгуны и конные егеря были опрокинуты. Санкт-Петербургский драгунский полк врезался в ряды неприятельских всадников. Согласно рапорту Багратиона, рядовой Дмитрий Чумаков в упорной схватке захватил штандарт*.

Французские легкоконные эскадроны покатились по равнине в обратном направлении. Но в этот момент на поле сражения появилась кирасирская дивизия д'Опуля и четыре эскадрона конных егерей и конных гренадер императорской гвардии под личным командованием маршала Бессьера.

Мюрат и Бессьер были не из тех людей, которые упускали возможность нанести несколько добрых ударов саблей, и тотчас же земля задрожала от гула тяжелых кирасирских коней. 500 кирасир бригады Фонтена и 4 эскадрона гвардии врезались в расстроенные успешной атакой ряды русских всадников. «Вторая бригада атаковала с таким порывом, что она опрокинула все боевые порядки, которые ей противостояли»[66], — докладывал д'Опуль в своем рапорте. А в другом отчете об этом эпизоде можно прочитать: «Маршал Бессьер вс главе четырех эскадронов гвардии провел блистательную атаку, которая сокрушила и опрокинула врага»[67].

На этот раз отступать пришлось русским кавалеристам, которые галопом понеслись в сторону Раусница. Здесь на шоссе осталась без прикрытия батарея Левавассера. Молодой офицер вспоминал: «Мои канониры и солдаты обоза тотчас же соскочили с коней и бросились вместе с пушками прочь с дороги. В течение пяти минут опрокинутая конница скакала мимо моей артиллерии. Не кавалеристы не выходили из рядов и нас не атаковали. В нашу сторону былс направлено только несколько выстрелов из пистолетов»[68].

Бой прекратился уже в темноте. Французы продвинулись километров на 12 вперед и остановились неподалеку от Раусница. Первый конно-егерский i; драгуны расположились вокруг Позоржицкой почты.

Кавалерийские схватки бывали обычно очень скоротечными. Само столкновение длилось недолго и, несмотря на порыв атакующих, потери обычно были невелики. Не составлял исключения бой на Ольмюцком шоссе. Согласие рапорту Багратиона, русские полки потеряли НО человек убитыми и без вести пропавшими и 31 человек ранеными. Как всегда, в рапортах Багратиона наблюдается несоответствие между количеством убитых и раненых. Даже если учитывать, что из НО человек половина попала в плен, раненых должно было бы быть гораздо больше. Общее количество русских потерь можно определить, вероятно, как 200 человек убитыми, ранеными и пленными.

О французских потерях почти ничего не известно. Отмечается лишь, что во 2-й бригаде кирасир было ранено 40 человек. Так КЭ.К НЭ, 40 раненых нужно полагать, по крайней мере, 10—15 убитых, можно предположить, что кирасиры потеряли порядка 50 человек. Но кирасиры, без всякого сомнения, менее, чем другие, пострадали в этом бою. Скорее всего, французские потери были не меньше, а возможно, и больше, чем русские. «Русская кавалерия атаковала отважно, — вспоминал Савари, — и опрокинула бы нас, если бы конные гре-

* Речь может идти только о драгунском «гидоне». Гусары и конные егеря не брали с собой на войну штандартов.

надеры не вступили в дело. Кирасиры поддержали их успех и рассеяли тех русских кавалеристов, которые висели на плечах наших легкоконных»[69].

В момент кавалерийской схватки Наполеон появился на поле сражения. «Император прибыл на поле боя, — рассказывает капитан Тиар, — и он присутствовал при атаке гвардейской кавалерии. Затем он доехал до Позоржицкой почты и, возвращаясь, пересекая эту всхолмленную равнину... он сказал нам: «Молодые люди, изучайте хорошенько эти места. Здесь мы будем драться»[70].

Действительно равнина, на которой кипела кавалерийская схватка, станет через несколько дней самой известной равниной Европы. Еще утром 20 ноября Наполеон отдал приказ:

«Маршалу Сульту

Порлиц, 29 брюмера XIV года (20 ноября 1805 г.), 8 часов утра Маршалу Сульту приказано занять *Аустерлиц...»*[11]

Так впервые Наполеон произнес слово, которому суждено будет войти в историю Европы.

1 Глинка Ф. Письма русского офицера... с. 135.

2 Генерал Багратион. Сб. док. М., 1945, с. 8—9.

3 Fantin des Odoards L.-F. Journal du general Fantin des Odoards... p. 63.

4 D'Heralde J.-B. Memoires d'un chirurgien de la Grand Armee. Paris, 2002, p. 81.

5 Bigarre A. Memoires du general Bigarre, aide de camp du roi Joseph. Paris, 1893, p. 171.

6 Correspondance de Napoleon I[er]., t. 11, p. 400.

7 Thiard M.-T. Souvenirs diplomatiques et militaires du general Thiard, chambellan de Napoleon F[r]. Paris, 1900, p. 189.

8 Lettres et documents... t. 4, p. 149.

9 Thiard M.-T. Op. cit., p. 191.

10 Correspondance... t. 11, p. 401.

11 S.H.D. 2C7.

12 Correspondance... t. 11, p. 404.

13 Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 5, p. 29.

14 S.H.D. 2C7.

15 S.H.D. 2C7.

16 S.H.D. 2C7.

17 Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго. // Русская старина, 1874, июнь, с. 497-498.

18 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г., с. 121.

19 Correspondance... t. 11, p. 403.

20 Ibid., p. 404.

21 Ibid.

22 Документы штаба М.И. Кутузова 1805—1806., с. 162.

23 Lettres et documents... t. 4, p. 153.

24 Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 125.

25 Lettres et documents... t. 4, p. 153.

26 Petiet A. Memoires du general Auguste Petiet... p. 116.

27 Кутузов М.И. Сб. док., т. 2, с. 173.

28 S.H.D. 2C7.

29 Lettres et documents... t. 4, p. 153.

30 S.H.D. 2C240, .

31 Ibid.

[32] Документы штаба М.И. Кутузова... с. 163.
[33] Levavasseur O. Souvenirs militaries d'Octave ... p. 47.
[34] Lettres et documents... t. 4, p. 154—155.
[35] Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire., t. 6, p. 272—273.
Й [36]Petiet A. Op. cit., p. 116-117.
[37] Correspondance... t. 11,-p. 415—416.
[38] Petiet A. Op. cit., p.115.
[39] Ibid.
, [40] Levavasseur O. Op. cit., p. 47—48.
[41] Ермолов А.П. Указ. соч., с. 49.
[42] Journaux et souvenirs sur la campagne de 1805. Journal historique de la division de G. Oudinot. Paris, 1997, p. 66.
[43] D'apres: Pils F. Journal de marche du grenadier Pils. Paris, 1895, p. 259.
[44] Dumas M. Precis des evenements militaires ou essais historiques sur les campagnes de1799 a 1814. Paris, 1822, t. 4, p. 53.
[45] Fantin des Odoards L.-F. Op. cit., p. 63.
[46] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 130.
[47] Petiet A. Op. cit., p. 118.
[48] Ермолов А.П. Указ. соч., с. 50.
[49] Dumas M. Op. cit., t. 4, p. 54.
[50] Fantin des Odoards L.-F. Op. cit., p. 66.
[51] Pelleport P. Souvenirs militaire et intimes du general vicomnte de Pelleport de 1793 a 1853. Paris, 1857, t. 1, p. 213.
[52] Ермолов А.П. Указ. соч., с. 49.
[53] Fantin des Odoards L.-F. Op. cit., p. 65.
[54]S.H.D. 2C8.
[55] Correspondance... t. 11, p. 425.
[56] Ibid., p. 410.
[57] Ibid., p. 421.
[58] Ibid., p. 421-422. [59]S.H.D. 2C8.
5 [60] Petiet A. Op. cit., p. 121.
[61] Fantin des Odoards L.-F. Op. cit., p. 67.
[62] Frantisek J. Holeeek, O. M. Francouzska okupaeni sprava Brna. T0sti koalienf valka 1805. Brna, 2004, p. 49.
[63] Thiard M.-T. Op. cit., p. 198.
[64] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Memoires du due de Rovigo pour servir a l'empereur
Napoleon. Paris, 1828, t. 2, p. 168.
[65] Levavasseur O. Op. cit., p. 51.
[66] Цит. по: Alombert P.-C, Colin J. Op. cit., t. 5, p. 57.
[67] Ibid.
[68] Levavasseur O. Op. cit., p. 52.
[69] Savary A.-J.-M.-R., due de Rovigo. Op. cit., t. 2, p. 168.
[70] Thiard M.-T. Op. cit., p. 200.
[71] Correspondance... t. 11, p. 428.

ГЛАВА 12 ОТ ЮГА ДО СЕВЕРА

—Мы будем иметь честь атаковать вас, — произнес Арамис, одной рукой приподняв шляпу, другой обнажая шпагу.

—Вот как... вы сопротивляетесь ! — воскликнул де Жюссак.

—Тысяча чертей! Вас это удивляет?

И все девять сражающихся бросились друг на друга с яростью, не исключавшей, впрочем, известной обдуманности действий.

Дюма. Три мушкетера.

В то время как пушки грохотали в долине Дуная, союзники привели в движение массы войск, разбросанных на огромном фронте от берегов Балтики до теплых волн Адриатики. Боевые действия на севере и юге Европы, в Тирольских горах и на побережье Венецианской лагуны происходили совсем по иному сценарию, чем война в сердце Австрии. Где-то армии сталкивались в упорнейших битвах, и кровь лилась рекой. А где-то боевые действия походили то ли на маневры, то ли на народные гуляния. Как бы там ни было, картина войны 1805 г. без разбора этих операций будет неполной и однобокой. Только с учетом того, что происходило на всех театрах военных действий, можно составить правильное представление как об общем ходе войны, так и об ее политических аспектах.

СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ

Вплоть до самого начала войны австрийцы предполагали, что Наполеон отправится командовать войсками на равнины Италии, где он уже два раза сражался с силами Габсбургской монархии. Поэтому с самого начала коалиция предполагала сосредоточить здесь огромные силы. С другой стороны, так как эрцгерцог Карл, самый знаменитый и пользующийся наибольшим престижем полководец Австрии, оказался в числе противников войны, он не получил командования в Германии, где предполагалось нанести решающий удар (см. выше). Естественно, что ему поручили командовать на втором по важности театре военных действий — не мог же брат императора и выдающийся генерал остаться совсем без войска. Но сам факт назначения эрцгерцога Карла на пост командующего армией в Северной Италии сыграл немалую роль. Понятно, что эрцгерцог взял к себе своих лучших генералов. Чтобы как-то компенсировать фактическое отстранение Карла от самого главного командного поста, в его распоряжение были переданы лучшие полки.

В результате получилась совершенно парадоксальная ситуация. В то время как армия Макка, оказавшаяся волею судеб лицом к лицу с главными силами Наполеона, насчитывала лишь 80 тыс. человек, армия эрцгерцога Карла, располагавшаяся в Венецианской области и Южном Тироле, состояла из 208 батальонов и 102 эскадронов и насчитывала по состоянию на 25 августа 1805 г. 119 537 человек!* Правда, спохватившись, Гофкригсрат прислал 27 сентября

* Из них 171 батальон, 96 эскадронов — 98 447 человек располагались в Венецианской области, а 41 батальон и 6 эскадронов составляли так называемую армию Южного Тироля численностью 21 092 человека.

приказ направить часть войск на усиление австрийской группировки в Германии. Эрцгерцог выделил из своей армии 30 батальонов, а затем и другие подкрепления. Интересно, что генерал Макк отказался от направленных ему войск и послал их обратно. В результате целый корпус провел то время, пока остальные сражались, в бесцельных изнурительных маршах. Тем не менее даже с учетом выделения этих сил к началу боевых действий австрийцы располагали в Северной Италии мощнейшей армией. Ее численность округленно можно оценить в 90 тыс. человек.

Французы даже и отдаленно не могли сосредоточить здесь подобных сил. К 7 сентября 1805 г., Итальянская армия* насчитывала в своих рядах 34 674 человека (44 батальона и 40 эскадронов). Мало того, что получалось, что австрийцы имели подавляющее численное превосходство, качество французских войск, расквартированных в Италии, отличалось от полков, состоявших в рядах Великой Армии. Хуже была экипировка, обмундирование, снабжение. Во французских полках было много новобранцев, а что касается итальянских частей, то они большей частью еще вообще не нюхали пороха. Не хватало офицеров штаба, обозов, материальной части артиллерии и т.д.

Командование Итальянской армией император поручил маршалу Массена. Это было удачное назначение. У маршала, как у всех людей, были свои недостатки, самым главным из которых современники единодушно называли его чудовищное корыстолюбие. Тем не менее Массена обладал рядом выдающихся качеств. В свои 47 лет физически здоровый и способный переносить лишения похода, он обладал огромным военным опытом. В кампанию 1796—1797 гг. он командовал самой крупной дивизией в составе Итальянской армии Бонапарта и покрыл себя славой в битвах при Кастильоне, Арколе и Риволи. В 1799 г. он одержал победу под Цюрихом над армией Римского-Корсакова. В 1800 г. своей героической обороной Генуи он помог Бонапарту одержать блистательную победу при Маренго. В общем, Массена был опытнейший полководец, беззаветно отважный в бою, но что еще очень важно, человек, прекрасно знавший Итальянский театр военных действий, а все события войны 1805 г. будут развиваться практически точно в тех же местах, где войска сражались в кампанию 1796—1797 гг. Массена знал местность великолепно. Он был хорошо знаком со всеми особенностями региона и говорил по-итальянски.

Массена прибыл в штаб армии в Милан 7 сентября в три часа дня и тут же занялся организацией своих войск. Необходимо было ускорить подход подкреплений, пополнить ряды новобранцами, обмундировать их, вооружить, организовать обозы, пополнить материальную часть артиллерии, отремонтировать крепости, поставить на валы новые пушки. Главнокомандующий потребовал у военного министра прислать в Италию генералов, на которых он мог рассчитывать, офицеров штаба, которых очень не хватало. Пришлось работать в сложных условиях, тем более что вице-король Италии Евгений Богарне, защищая интересы своих подданных, спорил с Массена по поводу расходования каждого франка. Ситуация была непростая. Когда-то, 9 лет тому назад, Бонапарт смело требовал новые и новые миллионы в качестве контрибуции, обращаясь с областями, в которых находилась французская армия, как с завоеванной страной. Теперь Итальянское королевство рассматривалось не просто как союзное государство, а практически как часть единой Империи. Страна была небогатой, и необходимо было всеми силами стараться избегать чрезмерных поборов,

Итальянская армия — по французской терминологии, принятой в ту эпоху, — совокупность войск под французским командованием на территории Италии. Сюда входили как французские полки, так и войска Итальянского королевства.

которые могли вызвать недовольство местного населения. Несмотря на все сложности, маршалу удалось в короткий срок привести армию в состояние, в котором она могла надеяться сражаться с превосходящими силами неприятеля.

В результате огромной работы Массена удалось к началу октября значительно усилить свое войско. Теперь под его командованием было 5 пехотных дивизий, одна сводно-гренадерская дивизия и 3 кавалерийские дивизии общей численностью 41 355 человек, сведенных в 77 батальонов и 59 эскадронов (по состоянию на 18 октября). 5 733 человека находились в гарнизонах крепостей, еще около 5 тыс. оставалось в госпиталях, в полковых депо и далеких тылах было еще 12 тыс. человек. Всего списочная численность Итальянской армии составляла 65 235 человек. Из них реально в боевых действиях могло принять участие до 50 тыс. человек, а активная часть насчитывала порядка 40 тыс. солдат и офицеров. Хотя диспропорция в численности продолжала оставаться более чем серьезной — можно сказать, что австрийская армия почти двукратно превосходила по количеству войска Массена — тем не менее с этими силами можно было надеяться успешно вести оборонительную войну. В распоряжении французского командования находился знаменитый «четырехугольник крепостей»: Мантуя, Леньяго, Верона, Пескьера. Опираясь на эти твердыни Италии, умелый полководец мог надолго приковать к себе даже очень сильную неприятельскую армию.

Вполне понятно, что у Массена не было никакой причины торопиться с открытием боевых действий. Он знал, что император нанесет главный удар в Германии. В случае его успеха австрийцы неизбежно вынуждены будут ослабить свою армию в Италии либо вообще покинуть ее пределы, чтобы спасать «наследственные владения». Поэтому маршал решил предложить эрцгерцогу Карлу заключить конвенцию, согласно которой ни та ни другая сторона не начнут войны, не предупредив заранее противника. Поначалу эрцгерцог Карл ответил дипломатичными фразами насчет миролюбия австрийского императора, нет де никаких оснований подписывать подобное соглашение между странами, находящимися в самых лучших отношениях. Но с каждым днем все более становилось ясно, что война вот-вот начнется. В конечном итоге эрцгерцог прислал своего уполномоченного, генерала Винцента в Верону, который встретился там с представителем Массена генералом Солиньяком. 30 сентября утром Солиньяк и Винцент подписали конвенцию, согласно которой между противостоящими армиями не должно было быть никаких столкновений. В случае если та или другая сторона пожелает разорвать это соглашение, необходимо было предупредить противника не менее чем за 6 дней, причем боевые действия могли начаться не раньше 12 часов шестого дня.

Накануне того дня, когда была подписана конвенция, Массена получил послание от маршала Бертье, который от имени императора предписывал Итальянской армии начать активные действия. Однако офицер, которого Массена послал, чтобы предупредить генерала Солиньяка, опоздал, соглашение уже было подписано. Однако навряд ли маршал очень переживал по этому поводу. Он прекрасно знал, насколько велики силы неприятеля, ему было ясно, что все, что оттягивает время, было на руку французам. Массена получил время проинспектировать крепости Мантуя и Леньяго, что он не успел сделать раньше, и еще лучше подготовить свои войска к началу войны. Выдержав несколько дней, как того требовали приличия, а также отсутствие бурного желания немедленно устремиться в бой, 8 октября Массена приказал уведомить австрийцев о том, что он разрывает конвенцию. Ровно через 6 дней, в И часов утра 14 октября генерал Солиньяк отправился к передовым частям неприятеля и предупредил о том, что конвенция более не действует. В 12 часов 5 минут генерал Гар-дан, командир дивизии, стоявшей в Вероне, еще раз предупредил австрийское

Окрестности Вероны. Французский план начала XIX в.

командование, что конвенция отныне прекратила действовать и что австрийские аванпосты должны удалиться с Понте Веккио (старого моста, ведущего в замок)*, иначе по ним будет открыт огонь.

Здесь необходимо сказать несколько слов о местности, на которой будут разворачиваться дальнейшие события. По условиям Кампо-Формийского мира, подтвержденным в Люневиле, Австрия получила значительную часть венецианской Терра Ферма (областей на севере Италии, принадлежавших Венецианской республике) и сам город Венецию. Граница между Итальянским королевством и Австрией проходила отныне по реке Адидже, берущей свое начало в отрогах Альп и проходящей через город Верона, а далее несшей свои воды в юго-восточном направлении в Адриатическое море. Знаменитый своими историческими памятниками город, где, как повествовал Шекспир, сражались кланы Монтекки и Капулетти, оказался разделенным между Австрией и Итальянским королевством. Главная часть Вероны с ее старым замком (Кастель Веккио), площадью Сеньории, дворцами и древними церквями, находилась на западной «французской» стороне. Предместья Сан-Джорджио и Веронета оказались в руках австрийцев. Четыре старых моста, некоторые из которых были построены еще во времена Римской империи, соединяли отныне два враждующих государства. Река Адидже в районе Вероны имеет в ширину около 100 метров, поэтому противники могли хорошо наблюдать солдат неприятеля на противоположном берегу и при желании с началом боевых действий сразу засыпать их ядрами и картечью. .. Однако подобная пальба могла привести к напрасному разрушению и потерям среди мирного населения. Поэтому французы и австрийцы корректно наблюдали друг за другом, и 14 октября ни в 12.05 ни в 12.15 огонь не был открыт, пушки продолжали молчать и 15 октября... В течение нескольких дней генералы обеих сторон смотрели в подзорные трубы, но ни одного выстрела не было сделано.

Так как Франция была страной передовой науки, это не могло не сказаться на способе, который французский главнокомандующий избрал для изучения линий противника. За несколько дней до разрыва соглашения (на всякий случай), 9 октября 1805 г., Массена поднялся над городом на воздушном шаре, откуда с высоты 120 метров подробно рассмотрел укрепления и размещение австрийских войск.

Маршалу стало ясно, что войска противника немногочисленны в австрийской части Вероны. Действительно, армия эрцгерцога Карла была рассредоточена на широком фронте, ее правое крыло располагалось в горах севернее Вероны, ее левое крыло стояло у города Монтаньяно, в 50 км к юго-востоку**. Так называемая армия Южного Тироля под командованием генерала Гиллера находилась в 70 км к северу от Вероны в районе Тренто. Генеральная квартира эрцгерцога Карла находилась в 50 км к востоку от Вероны в Виченце.

В результате Массена принял смелое решение: попытаться захватить переправы через Адидже прямо в Вероне, а затем, если обстоятельства позволят,

* Сейчас этот мост называется мостом Скалигеров.

** Правое крыло под командованием генерала Бельгарда 41 батальон, 24 эскадрона, 24 837 человек — Кальдиеро и предместья Вероны (авангард под командованием генерала Вукасовича — Авеза).

Центр генерал-лейтенанта Аржанто 44 батальона, 40 эскадронов, 26 414 человек — Сан-Грегорио (авангард под командованием генерала Нордмана в Альбаредо).

Левое крыло под командованием генерала Давидовича 21 батальон, 16 эскадронов, 11 071 человек — Монтаньяно (авангард под командованием генерала Радетского в Минербо).

Армия Южного Тироля под командованием генерала Гиллера 41 батальон, 6 эскадронов в Тренто. Гарнизон Венеции 8 батальонов, 4 170 человек.

овладеть и самим предместьем, занятым австрийцами. 16 октября маршал получил первые известия об успехах в Германии. Это было письмо, где говорилось о победе под Вертингеном. В 16 часов этого же дня три залпа артиллерийского салюта возвестили войскам о первой победе Великой Армии. Стало ясно, что в скором времени австрийские войска вынуждены будут уходить из Италии, и Массена принял решение действовать. Он перенес свой штаб в местечко Альпо неподалеку от Вероны, и к 18 октября его войска заняли позиции недалеко от города и непосредственно в самой Вероне*.

Маршал решил использовать особенности местности. Река Адидже, причудливо извиваясь, образует в городе и поблизости от него большие излучины. Северо-западная излучина на австрийском берегу была почти не застроена, здесь находились только сады и отдельные здания. Почти вся ее территория хорошо простреливалась с французской стороны, со стен старого замка и с так называемого Испанского бастиона. Оба берега реки соединяет здесь самый значительный из всех существовавших тогда мостов, Понте Веккио. На концах моста австрийцы и французы соорудили каждый со своей стороны укрепления, а в центре моста была построена так называемая пограничная стена, которая разделяла отныне два враждующих государства. Можно было попытаться захватить мост и, используя господство над местностью французской артиллерии, закрепиться на левом берегу.

Были приняты все меры предосторожности для того, чтобы австрийцы не обнаружили подготовку атаки. В ночь на 19 октября 24 роты вольтижеров — элитных рот, выбранных из всех полков дивизий Гарданна и Дюэма — молча двинулись по улицам Вероны по направлению к замку. За ними во мраке ночи шли главные силы этих дивизий. Сам Массена приехал в город только поздно вечером в сопровождении маленького эскорта. У генерала Гарданна он собрал своих офицеров для того, чтобы дать последние указания, а затем, накинув на плечи солдатскую шинель, пешком отправился в замок. Все было готово для штурма.

Ночью французские саперы бесшумно разобрали баррикаду, закрывавшую вход на мост, подкрались к пограничной стене и заложили мощный фугас. В замке все были на своих местах. За несколько минут до того, как пробило четыре утра, Массена поднялся на замковую башню, и ровно в четыре тишину разорвал грохот фугаса, который вдребезги разнес пограничную стену. Точно в это же время 25 вольтижеров переправились на лодке через реку и атаковали австрийский пост у моста. В несколько мгновений семеро австрийцев было заколото штыками, остальные разбежались или были взяты в плен.

В тот же миг загремели залпы тяжелых орудий со стен замка. 40 саперов, ведомые капитаном Дельма, бегом устремились по мосту, чтобы сделать про-

* Дивизия Гарданна — 12 бат., 3 эск., 6 066 чел. (в Вероне).

•Дивизия Вердье — 15 бат., 7 эск., 5 129 чел., 11 пушек (в 15 км к югу от Вероны, Валезе).

Дивизия Молитора — 13 бат. ,6 812 чел. (в 15 км к юго-западу от Вероны, Виллафранка).

Дивизия Дюэма — 13 бат., 3 эск., 6 824 чел. (позади Вероны).

Дивизия Сера — 16 бат., 4 эск., 8 016 чел. (в горах к северу от Вероны, Риволи и Аффи).

Сводно-гренадерская дивизия Партуно — 8 бат., 3 949 чел. (в 10 км к юго-западу от Вероны, Альпо).

Кавалерийская дивизия Мерме — 15 эск., 1 702 чел. (в 20 км к югу от Вероны, Изола-делла-Скала).

Кавалерийская дивизия д'Эспаня — 16 эск., 1 849 чел. (в 10 км к югу от Вероны).

Кавалерийская дивизия Пюлли — 11 эск., 1 008 чел. (в 25 км к юго-западу от Вероны, Ровербелло).

Общая численность активной армии — 77 бат., 59 эск., 41 355 чел.

ход для войск. С австрийской стороны в настиле моста был сделан огромный пролом, его нужно было срочно заделать с помощью досок и балок. Сразу у моста был выкопан ров, который нужно было завалить фашинами. Пользуясь внезапностью, еще до того, как опомнились основные силы австрийцев, саперы сумели наскоро починить мост и завалить ров. Вся работа была сделана в 10 минут. Тотчас же отборные роты французской пехоты устремились на другую сторону реки. И скоро в темноте и тумане среди садов и виноградников затрещала оживленная ружейная пальба.

Примерно в километре от моста австрийцы возвели земляные укрепления. В то время как австрийская пехота поспешно занимала редуты, на левый берег перешла 1-я бригада дивизии Гарданна. В половине пятого утра Массена сел на коня и также перешел через мост. Около пяти утра начало светать и туман постепенно рассеивался. Рожки вольтижеров, словно откликаясь на первые лучи восходящего солнца, протрубили сигнал атаки, и с криком «Да здравствует Император!» французские солдаты устремились на штурм укреплений. Первые роты вольтижеров, ведомые адъютантами главнокомандующего Штрольцем, Жаменом и Пеле, атаковали укрепления и забаррикадированные дома предместья Сан-Джорджио. В 10 часов утра после отчаянного боя та часть предместья Сан-Джорджио, которая находилась за пределами крепостных стен, была в руках французов. Однако ворота взять не удалось. Напрасно командир французской артиллерии Лакомб де Сан-Мишель переправил по только что отремонтированному мосту две пушки. Огонь французских орудий не смог разбить укрепления, а артиллеристы понесли тяжелые потери и вынуждены были отступить. Сам Лакомб получил ранение в ногу.

Упорный бой с подходившими австрийскими подкреплениями кипел весь день. В три часа дня австрийцы внезапно атаковали левый фланг французов. Это был генерал Вукасович, который привел к полю боя хорватские батальоны 2-го Банатского полка, Отточанского полка и гусар Фердинанда. Их натиск был столь силен, что французская пехота была отброшена. Гусары с бешеной отвагой атаковали каре 52-го линейного полка. Сам маршал Массена находился в гуще боя. По его приказу на помощь войскам, сражавшимся на левом берегу, двинулась дивизия Дюэма. В то время когда 1-й линейный полк в густых колоннах двинулся прямо на австрийских кавалеристов, с французского берега открыла мощный огонь тяжелая артиллерия Кастель Веккио, а генерал Лакомб, несмотря на свою рану, переправил артиллерийскую батарею, которая вовремя встретила неприятеля залпами картечи. Австрийцы заколебались, и в этот момент их удачно атаковал эскадрон 23-го конно-егерского полка. Солдаты Вукасовича были остановлены, а затем обратились в бегство по дороге, ведущей в северо-западном направлении.

Несмотря на этот успех, французам не удалось овладеть укреплениями предместья Сан-Джорджио и Веронета. Некоторые наиболее отчаянные отряды, поднявшись по холмам, господствующим над предместьем, попытались атаковать даже форт Сан-Феличе. Однако неподготовленная в инженерном отношении атака захлебнулась. Около 5 часов вечера началась настоящая буря, и полил проливной дождь, остановивший битву. По приказу маршала французские полки стали отходить на исходные позиции. На левом берегу осталась только часть пехоты дивизии Гарданна. Пока кипел бой, под руководством знаменитого иненерного генерала Шаслу французские саперы соорудили укрепление, которое надежно прикрывало восстановленный мост. Собственно, на этом результат боя и исчерпывался. Французам удалось овладеть переправой, обеспечить ее защиту, но предместья левого берега остались в руках австрийцев.

Разумеется, обе стороны приписывали себе победу. Французы потому, что овладели мостом и разбили отряд Вукасовича, австрийцы потому, что отразили атаку на предместье. Австрийские источники признают потерю в 210 убитых, 906 раненых. Они оставили также на поле боя 8 пушек и 850 пленных. Французские рапорты говорят о потере 150 убитых и 300 раненых. Даже если учитывать, что основной урон австрийцы понесли в момент поражения батальонов Вукасовича, все равно подобное соотношение кажется не совсем точным. Не исключено, что французские атаки на стены Сан-Джорджио и Сан-Феличе стоили больших потерь. Однако даже с этой оговоркой необходимо отметить, что сражение, в общем, было успешным для французов. Под носом у почти двукратно превосходящей армии был проведен успешный наступательный бой и захвачен надежный плацдарм для дальнейших операций.

В тот момент, когда дивизии Гарданна и Дюэма вели упорный бой в предместьях Вероны, по приказу маршала были проведены две ложные переправы. В 10 км выше по течению Адидже отвлекающий маневр провела дивизия Сера, а примерно в 20 км ниже по течению на левый берег одну из своих бригад перевел генерал Вердье. Оба маневра внесли путаницу в распоряжения австрийского командования. Особенно удалась демонстрация Вердье. Эрцгерцог Карл направил к месту ложной переправы целую армию — 39 батальонов и 24 эскадрона (более 25 тыс. человек!). Эти войска совершили бесполезную 20-километровую прогулку и оказались лишенными возможности принять участие в бою под стенами Вероны.

Вообще, действия эрцгерцога Карла в ходе кампании в Италии далеко не блистательны. С двукратно превосходящей армией он действует исключительно пассивно. Эту пассивность часто мотивируют тем, что австрийский полководец прекрасно понимал, что все решится на Германском театре военных действий, и хотел сохранить для Австрии нетронутой свою армию. Эрцгерцог сделал бы для Австрии куда больше, если бы сумел разгромить армию Массена. Нет сомнения, что уже один этот факт мог бы повлиять больше на общий ход войны, чем бесплодное стояние под стенами Вероны. Оценивая силы эрцгерцога, многие авторы не учитывают корпус Гиллера (армию Южного Тироля), как будто эти войска не имели к эрцгерцогу никакого отношения. Генерал Гиллер подчинялся эрцгерцогу Карлу, и если он стоял совершенно без дела в нескольких десятках километров на севере от Вероны, то это целиком и полностью решение австрийского полководца. Ничто не мешало ему использовать этот более чем 20-тысячный корпус. Тем более, что Южному Тиролю решительно никто не угрожал. У Массена не было возможности заниматься операциями в Тироле, его сил едва хватало для того, чтобы защищать земли Итальянского королевства. Единственное, что можно сказать в защиту эрцгерцога, это то, что он решил действовать исключительно осторожно и не подвергаться ни малейшему риску.

Австрийский полководец решил дать битву Массена на выбранной им позиции у местечка Кальдиеро в 12 км к востоку от Вероны. Это была точно та позиция, на которой австрийский генерал Альвинци отразил атаки Бонапарта 12 ноября 1796 г. Позиция при Кальдиеро действительно очень выгодна. Она перегораживает главную дорогу, идущую из Вероны на Виченцу и дальше в глубь австрийских владений. Ее практически невозможно обойти с севера, так как правый фланг австрийцев упирался в отроги Доломитовых Альп. Чтобы совершить обход с этой стороны, французам пришлось бы подниматься по долине Адидже вплоть до самого Тренто. Это было невозможно, так как при этом небольшая армия Массена оголяла бы дорогу на Милан. Трудно было обойти ее и с юга. Левый фланг австрийцев упирался в болотистые берега Адидже. Обойти

это крыло было проще, однако все равно при этом потребовалось бы совершать слишком широкий маневр, опять-таки оставляя на волю австрийцев Верону и путь к Милану. Поэтому армию, занимающую позицию у Кальдиеро, нужно было либо атаковать в лоб, либо стоять перед ней, ничего не предпринимая. Эрцгерцог усилил и без того выгодную позицию целой системой инженерных сооружений. 12 мощных редутов и другие укрепления надежно прикрыли фронт австрийских войск. Впрочем, на самой позиции находилась лишь небольшая часть австрийских войск. Основные силы эрцгерцога располагались в 15 км позади позиции, вокруг местечка Сан-Грегорио*. Если избирать осторожность, невозможно было найти лучшего способа действий.

В течение 10 дней после боя за переправу армии оставались неподвижны. Массена потратил их на то, чтобы еще лучше подготовить свою армию к новым боям. 26 октября письмо от Бертье известило его о том, что Великая Армия одержала блистательную победу: войска Макка капитулировали под Ульмом. Эта новость еще больше подогрела боевой дух французский войск. Теперь маршал и его солдаты горели желанием сравняться в славе со своими товарищами, сражавшимися в Германии. 27 октября главные силы Итальянской армии снова получили приказ сконцентрироваться у стен Вероны. На следующий день к вечеру все были готовы к наступлению.

В 5 часов утра 29 октября Массена и Гарданн перешли по мосту Понте Век-кио на левый берег Адидже. Массена собрал вокруг себя генералов, командиров полков и офицеров штаба. Он еще раз объяснил им диспозицию и закончил свою речь энергичными словами: «Сегодня, господа, нужно, чтобы вы повели за собой войска с нашим старым боевым кличем VI года «Победа или смерть!». Вы слышите меня, никаких упаднических настроений и ни шагу назад!»[1]

С первыми лучами солнца дивизии Гарданна и Дюэма устремились вперед. На этот раз атака развивалась как нельзя более успешно. Части генерала Розен-берга, находившиеся в предгорьях к северу от Вероны, были отброшены. Французские войска заняли все господствующие высоты вокруг предместий. Полковнику Легисфельду, коменданту Веронеты, был предъявлен ультиматум: если он тотчас не оставит предместье, французы. пойдут на штурм, и он будет беспощадным. Австрийского полковника не потребовалось долго уговаривать. Он тотчас начал выводить свои войска по дороге на восток, в сторону Кальдиерской позиции. А французские саперы немедленно бросились к мостам Наве, Нуово и Пьетро, разобрали баррикады, засыпали рвы и проложили дорогу главным силам.

В этот момент по улицам Вероны уже шли стройными рядами дивизии Партуно и Молитора, за ними продвигалась конница д'Эспаня, Мерме и Пюл-ли. Французские войска были полны энтузиазма, гремела военная музыка. Под взглядами маршала французские полки прошли по мостам, пересекли предместье Веронета и с криком «Да здравствует Император!» вышли из городских ворот навстречу австрийским полкам.

В 2 км к востоку от города, в деревне Сан-Микеле стояли батальоны под командованием генерала Фримона. Французы с ходу перешли в атаку. Желая, очевидно, изумить австрийцев, Массена, который шел с передовыми частями своих войск, приказал командиру своего эскорта капитану Мартигу с 40 кавалеристами взять штурмом деревню. Адъютанты Массена и офицеры штаба по рыцарской традиции встали во главе этой безумной атаки. Кавалерийский взвод на бешеном галопе ворвался в деревню. Невообразимая атака удалась. Несмотря на

Сан-Грегорио находится в нескольких километрах к востоку от деревни Арколе, вокруг которой в 1796 г. кипела знаменитая битва, где покрыл себя славой молодой генерал Бонапарт (см. гл. 1).

беспорядочный огонь застигнутых врасплох внезапной атакой пехотинцев, французская конница влетела на главную улицу, рубя направо и налево ошеломленных австрийских солдат. Кавалерия взяла «штурмом» деревню и, более того, захватила несколько сот пленных! Разумеется, подобное было возможно только с учетом того подъема, который охватил всю французскую армию, и упадка духа австрийских полков, беспорядочно отступавших под натиском войск Массена.

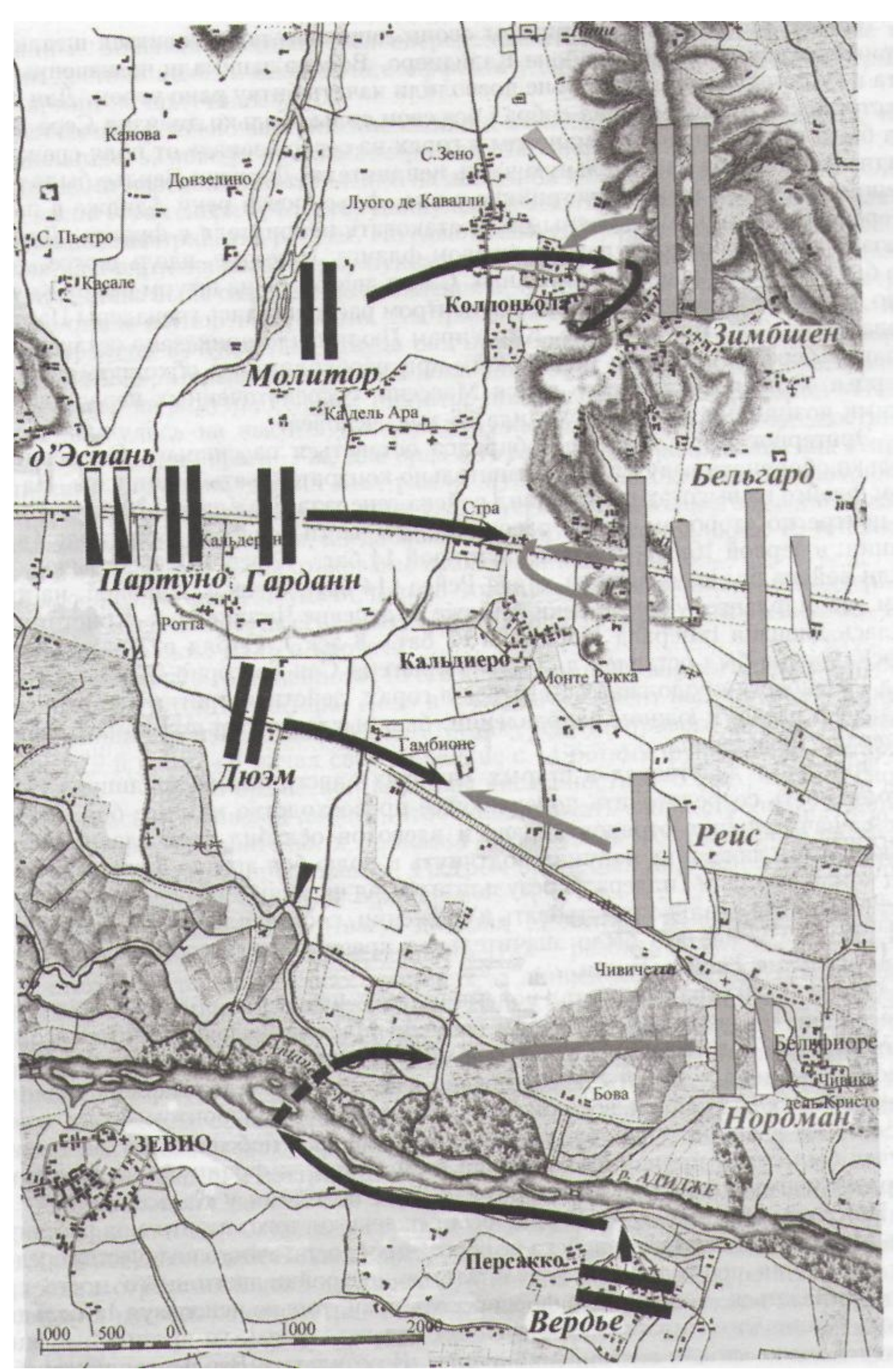
Наступление продолжалось до самого вечера. Сминая отдельные австрийские отряды, французы неумолимо двигались на восток. Отчаянный бой произошел вокруг деревни Кальдерино в 2 км к западу от основной позиции австрийцев. Четыре роты вольтижеров 60-го полка ворвались в Кальдерино и устроили настоящую бойню австрийцам. Вместе с ними во главе отряда конных егерей бросился в атаку командир эскадрона Фридольсхейм, адъютант и друг генерала Молитора. Отважному офицеру удалось повторить подвиг эскорта Массены. Деревня была взята, но храбрый офицер был сражен наповал.

К исходу дня французы развернули свои силы перед австрийскими позициями. Опускался вечер, и сражение затихало. Обе стороны понесли чувствительные потери. У французов было убито и ранено 527 человек, 157 солдат попало в плен. Австрийцы понесли почти такие же потери убитыми и ранеными — 712 человек, зато в плен попало 1114 солдат и офицеров. Французы взяли также 4 неприятельские пушки.

В тот момент, когда главные силы Массена полностью овладели Вероной и вышли к позициям австрийцев перед Кальдиеро, в 10 км к северу, недалеко от местечка Пескантино, реку Адидже форсировала дивизия Сера. «29 октября 1805 г. мы совершили ночной марш, — вспоминал капитан Дебеф, тогда молодой унтер-офицер 81-го линейного полка. — На рассвете дивизия приготовилась перейти Адидже... Я думал, что этот переход будет очень трудным, однако очень быстро я убедился в обратном. Наш генерал выбрал такое место, что с нашей стороны берег был высокий, а со стороны неприятеля низкий и открытый. Тотчас были развернуты пушки, и в миг на противоположном берегу все было сметено их огнем. Понтонеры быстро навели плавучий мост, и войска устремились по нему в нетерпении сразиться с неприятелем. Затрещала ружейная пальба, я ускорил свой шаг, гордый тем, что я иду по австрийской земле, и еще более гордый, что я иду в охране знамени. Это было великолепное зрелище, мой первый бой!»[2]

Не вызывает удивления, что французские солдаты, сражавшиеся с таким подъемом, опрокинули неприятеля: «...Наши колонны, выстроенные точно и с восхитительной быстротой, двинулись, чтобы отрезать им наступление. Затем, внезапно сделав захождение налево, мы атаковали неприятеля по всей линии. Сделав несколько залпов, видя приближение наших страшных штыков, они обратились вспять»[3].

Среди французских войск, шедших здесь в атаку, было и одно удивительное формирование — так называемая Рота черных саперов, которой командовал знаменитый капитан Эркюль, чернокожий гигант, отличившийся еще в эскорте Бонапарта в первую Итальянскую кампанию 1796 г. Эта рота отважно действовала в первых рядах дивизии Сера, применяя порой неожиданные методы ведения боя. «Чернокожие и вольтижеры, которые были впереди, бросились в их ряды, — писал Дебеф. — Я видел, как они, хватая австрийцев за ноги и за патронные сумы, опрокидывали одних, разоружали других, и все больше смешивались с врагом...»[4] Победа была полной. Австрийские войска оставили берег Адидже. «Мы расположились на бивак на той позиции, которая была занята врагом, — вспоминал Дебеф. — Это был счастливый бивак. Я почувствовал, что такое слава и радость, которую дает молодым сердцам первая победа»[5].

Сражение при Кальдиеро

Ночью Массена отдал приказы своим дивизиям подготовиться в атаке неприятельских позиций в районе Кальдиеро. Войска занимали назначенные места в густом тумане, который не позволили начать битву рано утром. Для атаки австрийской армии маршал собрал все свои силы. Только дивизия Сера должна была продолжить свои маневры в горах на северо-западе от поля сражения, оттягивая на себя значительную часть неприятеля. Дивизии Вердье было поручено попытаться обойти австрийцев с юга, форсировав реку Адидже в районе Персакко. Остальные должны были атаковать неприятеля с фронта. Дивизии Дюэма поручалось наступать на правом фланге. В центре, вдоль шоссе, должна была атаковать дивизия Гарданна. Слева двигалась на штурм высот Колонь-оло дивизия Молитора. В резерве за центром располагались гренадеры Партуно, кавалерия д'Эспаня и Мерме. Кирасирам Июли было приказано оставаться на правом берегу Адидже и поддержать при необходимости обходное движение Вердье. Общая численность войск Массена, сосредоточенных перед австрийскими позициями, не превосходила 33 тыс. человек.

Эрцгерцог Карл тоже не собирался оставаться пассивным. Он решил не только оборонять редуты, но и решительно контратаковать французов. На правом фланге на высотах он поставил войска генерала Зимбшена (20 бат., 4 эск.). В центре по сторонам шоссе располагались части генерала Бельгарда (в две линии: в первой 16 бат., 12 эск.; во второй 14 бат., 12 эск.) Левое крыло составили войска под начальством князя Рейса (14 бат., 8 эск.). Наконец, на крайнем левом фланге, у самой реки Адидже, в деревне Чивико-дель-Кристо, находилась дивизия генерала Нордмана (7 бат., 8 эск.). Отряд в 7 батальонов и 8 эскадронов был оставлен для охраны лагеря Сан-Грегорио. Кроме того, отряд Розенберга продолжал оставаться в горах, действуя против дивизии Сера. А далеко влево, в южном направлении, был выслал отряд под командованием генерала Давидовича.

Эрцгерцог действовал в старых «добрых» австрийских традициях. Имея возможность сосредоточить подавляющее превосходство на поле боя, выделением значительных отрядов вправо и влево он ослабил свои главные силы. Наконец, он даже и не подумал подтянуть к полю боя армию Южного Тироля под командованием Гиллера. В результате общая численность австрийских войск, которые могли реально участвовать в сражении, составляла около 49 тыс. чело-' век. Тем не менее это было значительное превосходство, особенно с учетом силы Кальдиерской позиции.

Около 10.30 утра туман стал понемногу рассеиваться, и по всей линии стрелковые цепи завязали бой. В скором времени Массена услышал справа, со стороны Адидже гул пушечных выстрелов. Это вступила в бой дивизия Вердье, на обходной маневр которой Массена очень рассчитывал. Едва маршал различил звуки канонады, как он воскликнул, проезжая перед фронтом своих войск: «Если мои распоряжения будут точно выполнены, победа будет за нами!»[6] Тотчас был отдан приказ атаковать по всей линии, и французские батальоны твердым шагом двинулись навстречу грозным позициям у Кальдиеро.

На самом деле действия Вердье были далеки от того, на что мог рассчитывать Массена. Инженерные войска не обеспечили достаточного количества средств для наведения переправы. В результате от постройки понтонного моста пришлось отказаться, можно было форсировать реку, только используя 11 больших лодок. Кроме того, в районе, намеченном для переправы, на противоположном берегу Адидже стояли австрийские пушки. В результате Вердье вынужден был подняться выше по течению и начал переправлять свои полки небольшими группами в районе Зевио. Получилось, что французы форсировали реку медленно, а на противоположном берегу их встретили батальоны Нордмана. Несмотря на

отчаянные попытки продвинуться вперед, авангардные батальоны Вердье не смогли достичь цели, и ожидаемого эффекта удара с фланга и в тыл австрийской армии не получилось.

Тем самым реально австрийские позиции атаковало еще меньше солдат, чем предполагалось, исходя из плана маршала Массена.

Первыми перешли в наступление на австрийцев войска левого фланга. Около 11 часов утра генерал Молитор двинулся на высоты Колоньоло, где возвышались мощные австрийские редуты. Но едва только его полки подошли к подножию холмов, как вдруг на него сверху буквально обрушились 10 австрийских батальонов. Эта атака была совершенно неожиданна, но французы хладнокровно встретили ее огнем в упор и штыками. Австрийские солдаты повернули вспять и в скором времени исчезли там, откуда они появились, а Молитор привел в порядок свои полки. Первая бригада под командованием генерала Лоне бесстрашно пошла прямо на редуты. Генерал Молитор докладывал в своем рапорте: «Наши войска двинулись на высоты Колоньоло с пылкой отвагой и скоро достигли первых укреплений врага. Уже два орла 5-го полка были водружены над неприятельскими редутами, третий был разбит пушечным выстрелом, а знаменосец убит, собирая его обломки. 60-й полк уже спустился в ров самого мощного редута и поднимался на его валы, когда я заметил, что генерал Валори с 79-м полком отстал от нас, а мои тылы атакованы вражеской кавалерией»[7].

Было ли причиной неудачи только то, что один из полков не поддержал вовремя атаку? Скорее всего, наступление просто-напросто захлебнулось под градом австрийских пуль и картечи.

Что касается 79-го линейного, то его командир полковник Годар был просто возмущен рапортом Молитора. Дело в том, что в момент наступления на редуты австрийцы произвели мощную контратаку против правого фланга дивизии, где шел 79-й полк. «Я начал свое движение с 14 ротами фузилеров, — вспоминал Годар, — против вражеской колонны численность 4—5 тыс. человек, которая двигалась от большой дороги, чтобы поддержать своих стрелков. Подойдя на 150 шагов к неприятелю, я приказал дать залп из всех ружей, а затем мы бросились в штыки скорым шагом. Разгром врага был полным. Мы захватили в плен 1200 солдат и около 40 офицеров»[8].

Несмотря на всю свою отвагу, дивизия Молитора, в которой было всего лишь 12 батальонов, не смогла совершить чуда — разбить 20 батальонов неприятеля, стоявшего на сильнейших позициях за линией мощных редутов. Солдаты Молитора отступили. Сам генерал докладывал: «Я должен считать себя удачливым, сумев отразить наступление правого крыла австрийцев и сорвав наступательные планы численно превосходящего меня неприятеля. С этого момента я занимался тем, что удерживал войска на позициях, которые они заняли, и прогонял неприятеля с моих тылов...»[9] Иначе говоря, после неудачной атаки на высоты бой на левом крыле французов постепенно прекратился. Молитор не мог больше идти вперед, а австрийцы также не решались на контратаку.

Однако самый главный бой завязался в центре, в районе деревень Гомбио-не, Кальдиеро и Стра. Здесь наступали французские дивизии Дюэма и Гардан-на. Дивизия Дюэма действовала, построившись в две линии батальонных колонн. Впереди в стрелковой цепи двигался 14-й легкий полк. Едва французы продвинулись на несколько сот метров вперед, как подобно тому, как это произошло на левом фланге, навстречу им ринулись в контратаку австрийские батальоны под предводительством князя Рейса. Одновременно генерал Нордман атаковал французскую дивизию с юга. Отчаянный бой завязался вокруг деревни Гом-бионе и на подходе к Кальдиеро. Австрийцам удалось отбросить французов почти до самых исходных позиций.

Почти в это же время дивизия Гарданна, которая двигалась вдоль шоссе на Стра и Кальдиеро, была контратакована войсками Бельгарда и также откатилась назад. Массена вынужден был ввести в бой гренадерские батальоны из резерва. Генерал Гарданн и адъютант главнокомандующего Сибюэ увлекли за собой пехоту в штыковую атаку. Французы опрокинули неприятеля и ворвались на его плечах в Кальдиеро. Первая бригада дивизии Дюэма отбила у неприятеля Гомбионе. В Стра, Кальдиеро и Гомбионе бушевала кровавая штыковая схватка. В результате, завалив трупами эти деревни, французская пехота начала выдвигаться из них, чтобы штурмовать редуты. Но с высот Монте Рокка и Монте Санта-Марта их засыпали ядрами и картечью, а эрцгерцог бросил в атаку свежие батальоны Бельгарда.

Снова Кальдиеро стало местом кровопролитнейшего боя. Бельгард построил свои войска глубокими колоннами, и они решительно вступили в дело. Французы снова были отброшены, а густые колонны австрийцев, несмотря на потери, продолжали неумолимо продвигаться вперед. «В 4 часа дня наша армия была отброшена на всех пунктах, — вспоминал генерал Гюго (отец знаменитого писателя), тогда командир батальона. — Наш 20-й полк, входивший в бригаду Эрбена дивизии Дюэма, был брошен вперед с единственной целью — остановить противника, многочисленные отряды которого выходили из Кальдиеро. Второй и третий батальоны были опрокинуты, едва они развернулись, так же как и 102-й линейный полк. Четвертый батальон, которым я командовал, оставаясь стоять в сомкнутой колонне, продержался перед лицом победоносного врага...»[10]

Центр французской армии прогнулся под давлением превосходящих сил. Но маршал Массена ввел в дело все оставшиеся батальоны гренадер. По его приказу батарея конной артиллерии, выдвинувшись в галоп, развернулась справа от австрийских колонн и открыла ураганный огонь картечью. Конные егеря д'Эспаня обрушились на противника слева. Используя замешательство неприятеля, дивизия Гарданна снова сомкнула ряды и вместе с гренадерами пошла на врага в лоб. Массена с офицерами штаба лично бросился в гущу боя. Вокруг героя собирались рассеянные отряды, и французская пехота сошлась с австрийцами в кровавой штыковой схватке.

Солдаты с обеих сторон был так разгорячены боем, что никто не давал пощады. Со стороны австрийцев пример отваги подавал эрцгерцог Максимилиан, который также сражался в первых рядах. Однако, несмотря на все его мужество, австрийские колонны снова были опрокинуты, а французы ворвались в Кальдиеро. Однако выйти из заваленной мертвыми телами деревни и продолжить наступление было невозможно. Австрийская кавалерия бешено атаковала, с редутов била артиллерия.

«В то время, когда пехота, которую мы опрокинули, строилась у подножия укреплений, — писал Гюго, — мы увидели позади деревьев многочисленные вражеские эскадроны, которые тронулись, чтобы пойти на нас в атаку. Я тотчас же привел в порядок мою колонну и все в том же сомкнутом боевом порядке я двинулся на них, видя, что местность представляет для кавалерии множество препятствий. Нас заметили с вражеских редутов, и вся их артиллерия сосредоточила свой огонь на моем батальоне. Хотя почти все ядра пролетали над нашими штыками, половину моих барабанщиков разорвало в клочья взрывом гранаты*, упавшей прямо в середину их группы. Внезапно вражеские эскадроны остановились... Мы поняли, что их задержало какое-то препятствие... Скоро мы вышли прямо на них и увидели, что они встали перед канавой, представлявшей из себя русло

* Граната — здесь артиллерийский снаряд, представляющий собой полую чугунную сферу, начиненную порохом.

пересохшего ручья... Я тотчас же развернул батальон в линию за этим препятствием и открыл огонь по неприятелю с 20 шагов... Кавалерия, чтобы избежать своей полной гибели, бросилась назад в беспорядке, но едва она исчезла, как вокруг нас засвистела картечь с редутов и мы все попрыгали в канаву, чтобы укрыться от нее и в то же время чтобы открыть огонь по вражеским стрелкам»[11].

В ходе кровопролитного многочасового боя в центре французы потеснили неприятеля, овладели деревнями Стра и Кальдиеро, но дальше успех развить им не удалось. Сражение закончилось с наступлением темноты. Генерал Гюго утверждал, что он со своим батальоном дрался в Кальдиеро до 8 часов вечера, т.е. бой продолжался некоторое время в полной тьме. Передовые линии остались стоять друг от друга на расстоянии пистолетного выстрела.

Потери с обеих сторон были тяжелыми. Австрийские источники указывают урон армии эрцгерцога 5 612* человек убитыми, ранеными и пленными и пропавшими без вести. Разумеется, это число нельзя считать абсолютно точным. Как бы ни были пунктуальны австрийские офицеры штаба, ошибки в подсчетах неизбежны, и было бы правильно округлить эти данные. Но очевидно, что подобные потери вполне соответствуют характеру боя, количеству задействованных войск и число 5 612 может рассматриваться как очень близкое к реальности.

На основе французских рапортов получается, что армия Массена в битве при Кальдиеро потеряла 3 042 человека. «Плохо управляемая стрельба австрийской артиллерии, спешка, с которой пехотинцы разряжали свои ружья, боевые навыки и хладнокровие французов — вот причины того, что наши потери были ниже тех, которые понесла армия эрцгерцога»,[12] — поясняет причины такой разницы в потерях Эдуард Гашо, автор исследований о жизни и боевом пути маршала Массена. Подобные доводы смотрятся, по меньшей мере, наивно. У австрийцев было 128 орудий против 32 французских. Поистине австрийские канониры должны были быть феноменально косыми, чтобы стрелять, по меньшей мере, в четыре раза менее эффективно, чем французы. В ходе сражения солдатам Массена приходилось неоднократно атаковать редуты и укрепленные деревни, и хотя неприятель также часто бросался в контратаки, но, по крайней мере, австрийцам не пришлось ходить в лоб на ретраншементы.

Судя по всему, число потерь, понесенных французской армией, было большим, чем указанное в рапортах, с той разницей, что пленными французы понесли не слишком большой урон. Австрийцы считают его 1 710, французы 525. Скорее всего, можно сказать, что обе армии потеряли примерно по 4 тыс. человек убитыми и ранеными, сверх того порядка полутора тысяч австрийцев и около тысячи французов попало в плен.

В любом случае, поле сражения являло собой страшное зрелище. «Оно было буквально завалено трупами, — вспоминал полковник Гонневилль, тогда молодой лейтенант. — Наши кони, несмотря на то что они старались идти по земле, вынуждены были наступать на тела убитых. Мы останавливались чуть не каждую секунду, а когда мы проезжали по дороге, идущей в углублении, кроме трупов, которые попадались под ноги моего коня, я увидел тела, которыми были завалены скаты с обеих сторон дороги... Они были полностью раздеты и были видны ужасающие раны. Те, которые лежали на дне дороги, были раздавлены колесами пушек. Волосы на головах убитых большей частью стояли дыбом... Я признаюсь... что мои волосы также невольно стали подражать тем, которых я видел...»[13].

На следующий день, с восходом солнца, войска стояли на прежних позициях. По предложению эрцгерцога было объявлено перемирие на несколько ча-

* 503 человек убито, 2 209 ранено, 1 590 попало в плен, 1 310 пропавших без вести.

сов для того, чтобы подобрать раненых, оставшихся на поле сражения, и похоронить убитых. С 8 часов утра до полудня французы и австрийцы подбирали павших воинов. Офицеры обеих сторон обменивались вежливыми фразами. Но едва колокола Кальдиеро пробили полдень, как раздались два выстрела из пушки, и снова началась война...

Впрочем, бой начался, скорее, для очистки совести, чем для того, чтобы достичь ощутимых результатов. С обеих сторон войска были измотаны предыдущим днем. Массена ввел в дело только дивизию Вердье, которая накануне пострадала меньше других. Генерал Вердье наконец навел мост через Адидже у Зевио и, переправившись на другой берег, тотчас же атаковал крайний левый фланг австрийцев. Ему удалось отбросить войска генерала Нордманна, однако эрцгерцог Карл со своей стороны подтянул к югу новые силы. В результате вокруг деревни Саббионара закипел отчаянный бой.

Массена не хотел посылать в бой остальные дивизии, но зато он лично прискакал к месту схватки и со своим эскортом бросился на австрийскую пехоту. Определенно, маршал умел и любил дать несколько добрых ударов саблей и не рассматривал свой эскорт как неких «бессмертных», которые должны украшать своими пышными мундирами официальные церемонии. Рядом с ним отважно сражался и генерал Вердье. Конь под ним был убит, и на него налетели хорваты, но адъютанты главнокомандующего Штрольц и Пеле оказались вовремя на месте, и вражеские солдаты упали под бешеными сабельными ударами. Пеле был ранен, но продолжал сражаться. Две пули пробили мундир маршала, а его шляпу снесло то ли картечью, то ли пистолетным выстрелом.

Французские солдаты последовали за своими отважными командирами, и австрийцы вынуждены были отступить. Генерал Нордманн был ранен. В этот день французы потеряли примерно 315 человек убитыми и ранеными, примерно столько же выбыло из строя у австрийцев.

На следующий день, 1 ноября, французские войска оставались на своих позициях. Маршал не решался возобновить атаку, тем более что ему доложили, что у него в тылу появились колонны неприятельских войск. Это был генерал Розенберг, который получил от эрцгерцога Карла приказание отвлечь на себя часть войск французов. Впрочем, демонстрации генерала Розенберга закончатся неудачно. На следующий день один из его отрядов под командованием генерала Геллингера подошел близко к Вероне, где его тотчас же атаковали французы. От имени главнокомандующего адъютант Сибюэ потребовал Геллингера капитулировать, заявив ему, что он окружен со всех сторон. На самом деле у Геллингера было 6 с половиной батальонов, а у французов только 2 батальона 22-го полка, но на помощь им шли 4 батальона гренадер Партуно, а также несколько эскадронов драгун и кирасиры. Геллингер не отважился сопротивляться и добровольно сложил оружие. По французским данным, было взято в длен 70 офицеров и 5 тыс. солдат. Австрийцы утверждают, что в плен попало только 2 тыс., остальные разбежались в горах. Так или иначе, отряд Геллингера перестал существовать.

Демонстрации на тылах и туман, окутывавший поле сражения, позволили эрцгерцогу днем 1 ноября незаметно сняться с позиции и начать отступление. На редутах был оставлен только арьергард под командованием генерал-майора Фримона из 4 батальонов и 12 эскадронов. Ночью австрийцы развели множество огней, поддерживая впечатление, что на позициях находится вся армия. Только на следующий день, 2 ноября, разобравшись с Геллингером, Массена отдал распоряжение о преследовании австрийцев.

На этом пятидневная операция у Кальдиеро завершилась. Ее результаты трудно охарактеризовать одной фразой. Обе стороны приписывали себе победу. Авст-

рийцы потому, что они удержали основную позицию. Французы потому, что эрцгерцог в конечном итоге отступил. В рядах французской армии некоторые считали, что Массена дал бесполезное сражение. Сам Наполеон был не особенно доволен его результатами. 13 ноября он написал своему брату Жозефу: «Будет неплохо, если вы через общих друзей сообщите ему, что я не слишком-то доволен. Разумеется, речь идет не о доблести, но о его военных дарованиях»[14].

С другой стороны, нельзя не заметить, что эрцгерцог действовал крайне пассивно. Имея полуторакратное превосходство, он не осмелился контратаковать со всеми своими силами, а бросал в бой лишь отдельные отряды. У него были все шансы добиться настоящей победы, но он их не реализовал.

Французская армия сражалась с отчаянной отвагой, а ее главнокомандующий действовал по-настоящему дерзко и даже рискованно. Он не добился блестящей победы, но и не проиграл, а самое главное, он убедил и своих солдат, и солдат неприятеля в моральном превосходстве французов, что очень важно. Ведь война — это не только пространственные и численные соотношения, но прежде всего моральные факторы, которые пронизывают ее насквозь. В своей знаменитой книге «О войне» в главе «Смелость» Клаузевиц, словно говоря о действиях Массена, написал: «...то, что упорядочивается в массе порядком службы, вошедшим в плоть и кровь, то у вождя должно упорядочивать размышления, и здесь смелость отдельного поступка может легко превратиться в ошибку. Но все же это будет красивая ошибка, на которую нельзя смотреть теми же глазами, как на всякую другую ошибку. Благо той армии, в которой часто проявляется несвоевременная отвага, — это буйная растительность, она — признак могучей почвы. Даже безрассудную смелость, то есть смелость бесцельную, нельзя ценить низко; в основе своей она является той же душевной силой, только проявляющейся в виде особого рода страсти...»[15]

Еще до начала сражения эрцгерцог Карл знал обо всем, что случилось на Германском театре военных действий. Как только затихли пушки, его единственной мыслью было как можно быстрее идти на спасение Вены. Путь отступления австрийской армии пересекал множество естественных препятствий: реки Баккильоне, Брента, Пьяве, Ливенца, Тальяменто и Изонцо. На берегах многих из них можно было найти выгодную оборонительную позицию. Однако эрцгерцог не думал более об обороне. Он стремился двигаться безостановочно, но тем не менее старался задержать продвижение французов с помощью небольших арьергардов, оставленных на удобных для защиты пунктах.

В Виченце, на берегах Баккильоне, он выставил арьергард генерал-майора Фогельзанга с 4 гренадерскими батальонами. 3 ноября здесь разгорелся жаркий бой, так как Фогельзанг, используя старинные укрепления Виченцы, оказал отчаянное сопротивление. Французам пришлось ждать тяжелую артиллерию. Но на рассвете 4 ноября, когда она прибыла, австрийцев в Виченце уже не было. 5 ноября главные силы эрцгерцога перешли реку Пьяве.

Здесь, как и в Виченце, австрийский арьергард оказал сопротивление. Капитан Дебеф вспоминал: «Австрийские колонны, не имея более возможности защищать переправу, отступали. Равнина была покрыта движущимися войсками. Гремели пушечные выстрелы, трещала ружейная пальба. Мое внимание было привлечено этим шумом и блеском оружия, которое сверкало в клубах дыма и облаках пыли. Вдруг Массена в окружении своего штаба появился перед нами. «Да здравствует Император! Да здравствует Массена!» — закричали солдаты. Маршал поднял свою шляпу и прокричал также «Да здравствует Император!» и пустил своего коня в галоп»[16].

8 ноября австрийские войска переправились через реку Тальяменто и на следующий день собрались у города Кодроипо, где они, наконец, получили воз-

можность передохнуть. По дороге эрцгерцог выделил несколько батальонов для усиления гарнизона Венеции. Этот знаменитый город на берегах Адриатики был отныне единственной крепостью, которую австрийцы контролировали на территории Италии. Все остальные гарнизоны уходили вслед за отступающей армией.

Со своей стороны, Массена, выделив для блокады Венеции часть своих сил, продолжал движение за эрцгерцогом. Утром 12 ноября французский авангард был на берегах Тальяменто. К вечеру подошла пехота. Массена надеялся, что здесь, где в 1797 г. армия Бонапарта уже один раз побила войска эрцгерцога Карла, он сможет нанести очередной удар по неприятелю. Однако на следующий день на рассвете австрийские арьергарды исчезли с противоположного берега. Новая битва при Тальяменто не состоялась.

14 ноября утром французская кавалерия под командованием генерала д'Эс-паня достигла крепости Пальманова. Мощные укрепления были брошены противником. Отныне Массена убедился, что австрийская армия-приняла решение покинуть Италию. Действительно, 16 ноября армия эрцгерцога вступила в Юлий-ские Альпы и двинулась на север. 17 ноября французы подошли к подножию этих высоких гор, а штаб армии расположился в городе Гориция.

Перед Массена встал вопрос: что делать дальше? Позади него осталась обширная территория Северной Италии, почти лишенная франко-итальянских войск. Справа в тылу находился мощный австрийский гарнизон в Венеции. Что происходило слева, на севере, ему также было не ясно. Известно было только, что в горах Тироля у австрийцев располагались немалые силы. Массена также получил известие о появлении английской эскадры перед Ливорно и о том, что на юге Италии высадился англо-русский корпус. Наконец, эрцгерцог умело распространил слух о том, что русские войска прибывают на кораблях в Далмацию. В этой обстановке, не имея точных сведений и никаких приказов из генерального штаба, Массена принял решение остановиться.

Армия эрцгерцога Карла оторвалась таким образом от преследования. В это время эрцгерцог Иоанн во главе Тирольской армии, усиленной остатками отряда Гиллера, шел на соединение с войсками своего брата по долине реки Дравы через Клагенфурт. Эрцгерцог Карл двигался навстречу ему через Ламбах. В районе городка Виндишфейстриц, неподалеку от Маренберга (сейчас Марибор) 26 ноября войска обоих братьев соединились. Под командованием эрцгерцога Карла сосредоточилось 155 батальонов и 96 эскадронов — более чем 80-тысячная армия. Главные силы Массена остались в 150 км позади, а до Вены оставалось 200 км.

Эрцгерцог Карл считал, что дела идут не так уж плохо. Он был уверен, что союзные войска, собиравшиеся к северу от австрийской столицы, сделают все для того, чтобы дождаться подхода его мощной армии. И поэтому он решил не торопиться и дать отдых своей армии. Его войска двинулись на север 2 декабря 1805 г.

ГОРНАЯ ВОЙНА

Важным театром военных действий стала также территория, которая пролегает между долиной Дуная, где действовали основные силы Великой Армии, и Северной Италией. Это огромный горный район, простирающийся с запада на восток на 500 км и на сотню километров с юга на север. Административно эти земли разделялись на несколько провинций, с запада на восток: Фораль-берг, Тироль, Каринтия и Штирия. Эти провинции, прежде всего Тироль, издавна считались особо преданными правящему Габсбурскому дому. Они имели также довольно важное стратегическое значение, так как через их территорию осуществлялась связь между войсками в Италии и Германии. Именно поэтому

австрийское командование выделило сюда значительные силы. Это была армия под командованием эрцгерцога Иоанна численностью около 30 тыс. человек.

На первый взгляд может показаться, что это вполне логично. Но только на первый взгляд. Союзники, как известно, собирались вести наступательную войну, и первые военные операции на главном театре военных действий планировали осуществлять в Баварии. В случае успеха войска, занимавшие Тироль, оказались бы совершенно бесполезными, так как они располагались позади левого фланга наступающей армии Макка. В случае неудачи французы могли сначала добить главную австрийскую армию, а потом взяться и за другую.

Так оно и произошло. Разгромив австрийцев под Ульмом, Наполеон мог спокойно заняться Тиролем. Было бы сложно, разумеется, для французского полководца продолжить движение вперед, оставив на своих коммуникациях 30-тысячное австрийское войско. Однако теперь он мог выделить для этих операций лишь минимально необходимое число солдат. Ибо острой необходимости в полном уничтожении 30 тыс. австрийцев не было. Нужно было лишь изолировать их и не дать им выйти из гор на равнины, в тылы Великой Армии. Конечно, Наполеон не написал так своим маршалам, он приказал, как всегда и везде, разгромить, уничтожить неприятеля. Однако количество сил, назначенных для этого, явно свидетельствовало о том, что император отныне рассматривает операции в горах лишь как вспомогательные действия.

Для наступления в Тироль был выделен 6-й корпус под командованием маршала Нея. На самом деле это был корпус только по названию. В помощь главным силам из него изъяли дивизию генерала Дюпона, одну пехотную бригаду из дивизии Луазона и часть кавалерии. В результате у маршала осталось лишь около 10 тыс. человек, из них только 600 кавалеристов и несколько сот артиллеристов.

Отделение корпуса Нея от основных сил произошло, можно сказать, само собой. Дело в том, что в пунктах капитуляции, подписанной генералом Мак-ком в Ульме, по его настоянию, был занесен параграф о том, что корпус Нея останется под стенами крепости до 25 октября. Генерал Макк считал, таким образом, что он выполнил важную задачу и значительно ослабил Великую Армию. Наполеон так не считал. Как ни покажется странным современному читателю, условие капитуляции было пунктуально выполнено. За маленьким исключением. Так как дивизия Дюпона была передана другому корпусу, она преспокойно продолжила свой марш вперед. А первая бригада из дивизии Луазона была направлена для конвоирования пленных австрийцев. Оставшиеся 10 тыс. солдат вместе с маршалом, отдохнув несколько дней после тяжелых боев, двинулись в южном направлении, в Тироль.

Седьмой корпус Ожеро, идущий далеко позади главных сил, был также направлен для действий в горах. Двенадцать с половиной тысяч солдат и офицеров под командованием Ожеро должны были действовать в Форальберге, самой западной из всех горных провинций Австрии.

Что касается эрцгерцога Иоанна, он действовал в «лучших» традициях Гоф-кригсрата. Свою небольшую 30-тысячную армию он разбросал по более чем 300-километровой линии маленькими группами по несколько батальонов*.

Генерал Шателер — 10 бат., 8 эск. у Раттенбурга (на реке Инн); корпус Сен-Юлиана — 1 , 5 бат. и 1 эск. в Инсбруке; 2 бат. в Шарницском укреплении; 1 бат. в форте Лусташ; 4 бат. и 8 эск. в Рейте;
корпус Фестенберга — 9 бат., 6 эск. в Инсбруке; 2 эск. при генеральной квартире;
корпус Шенасси — 6,5 бат., 2 эск. в Верфене;
отряд Шпауэра — 1 бат., 1 эск. в Вингау (в верховьях Адидже);
корпус Иелачича — 13,5 бат., 13 эск. в Форальберге, перед Фельдкирхом.

Маршал Ней действовал также в традиционном стиле. Только традиции в наполеоновской армии были другие. Не раздробляя свои силы, он двинулся напролом прямо на центр австрийского кордона, на ключевой город провинции — Инсбрук. На пути корпуса Нея находились два сильных укрепления, Шарниц и Лусташ, которые запирают долину реки Изар на подходе к Инсбруку. Австрийцы, видимо, не сильно беспокоились о том, что французские войска могут пройти по этому пути. Форт Шарниц сооружен был таким образом, что обойти его, как казалось австрийским генералам, было невозможно. Сам же форт имел мощные укрепления. Он состоял из двух полубастионов, соединенных прочной куртиной. Между полубастионами был сооружен равелин. Укрепления были выложены камнем, а глубокий ров был на 3 метра наполнен водой. На валах стояли 12 пушек, 700 человек регулярной армии составляли гарнизон форта, несколько сот тирольских ополченцев в случае опасности должны были защищать укрепления вместе с солдатами. Впрочем, у форта было одно слабое место: та часть его, которая примыкала к непроходимым горам, была плохо укреплена.

Австрийские генералы не ошибались. Маршал Ней действительно не собирался обходить это укрепление. Недолго думая, он решил взять его с ходу и ударом в лоб.

Генерал Роге, командовавший оставшейся в составе корпуса бригадой дивизии Луазона, утверждает в своих мемуарах, что он обратился к маршалу с другим предложением. По его словам, в начале кампании он догадался, что их корпус может оказаться в Тироле. Это гениальное предвидение было связано ни с какими-то экстрасенсорными способностями генерала, а происходило из-за нумерации корпусов. Так как номера корпусам были даны, начиная с левого фланга: первым оказалась бывшая Ганноверская армия под командованием маршала Бернадотта (см. гл. 6). Роге предположил, что, раз у них шестой номер, они окажутся на крайнем правом фланге армии и, следовательно, с большой вероятностью попадут в Тироль. Поэтому предусмотрительный генерал запасся литературой об этой провинции. В одной из книг говорилось о том, что в обход Шарниц-кого форта идет небольшая тропинка, которую используют контрабандисты.

Маршал Ней выслушал генерала и согласился с его предложением. Бригада Роге должна была попытаться пройти по этой тропинке, выйти в тыл форта Лусташ, который располагался неподалеку от Шарница, захватить его, а затем, таким же образом, напасть сзади и на сам Шарниц.

«Моя бригада выступила в этот же день *(4 ноября)* в 6 часов утра, — вспоминал генерал Роге. — Местные жители осыпали нас шутками, когда увидели, куда мы собираемся карабкаться. Действительно, кто бы мог подумать, что отряд в 2 500 человек решится двигаться через множество опасностей и почти непреодолимых препятствий, идти цепочной, один да другим в течение 5 часов, а потом взобраться на отвесные скалы. Австрийцам было бы достаточно сбросить на нас несколько камней, чтобы уничтожить всю нашу колонну. Но все препятствия были преодолены. К 11 часам утра мы поднялись на гору Грунс-копт, откуда мы прогнали небольшой пост тирольского ополчения. Изумленные тирольцы убежали, не оказав никакого сопротивления»[17].

Первая часть операции прошла как нельзя более успешно. Французы обрушились с тыла на маленький форт Лусташ. После отчаянного сопротивления в 3 часа австрийский отряд капитулировал. В плен попало 600 человек, австрийцы потеряли также 20 убитыми и 50 ранеными. Французы потеряли только 10 человек убитыми и несколько ранеными. Австрийских солдат французы оставили в качестве военнопленных, а тирольских ополченцев просто разоружили и отпустили по домам.

В это время маршал Ней, который, очевидно, не слишком доверял всяким военным хитростям и сомнительным обходным маневрам, собрал дивизию Малера и приказал ей штурмовать в лоб Шарницкое укрепление.

Как специально, накануне выступления в поход маршал составил для своих войск тактические инструкции на этот счет. Нужно отметить, что в наполеоновской армии строевой устав, которым пользовались войска, во многих своих пунктах безнадежно устарел, а боевого вообще не было. Высшее командование никак не могло собраться и переделать строевой устав в соответствии с новыми реалиями и наконец разработать боевой устав, общий для всех. Подразумевалось, что все это очевидные для всех вещи. Поэтому в каждом корпусе, а иногда и в каждом полку все это делали на свой манер. Вот и маршал Ней составил подробные инструкции для своего корпуса. Предпоследний параграф назывался «Об атаке укреплений или укрепленных линий одной или несколькими дивизиями». В качестве примера Ней описывал штурм укрепления дивизией из 8 батальонов. Так как дивизия Малера состояла как раз из 8 батальонов, то маршал, очевидно, решил, что нет лучшей возможности применить на практике свои теоретические изыскания.

«Дивизия из 4 полков или 8 батальонов, предназначенная для атаки, — наставлял маршал, — развернется для боя вне досягаемости пушек вражеских укреплений, которыми она должна будет овладеть открытой силой. Все приказы для проведения данного предприятия должны быть ясными, точными и лаконичными. В минуты перед боем офицеры штаба, ответственные за колонны, проверят, получены ли соответствующие инструкции... Командующий обратится к своим войскам с энергичным воззванием, достойным истинных воинов. Когда все будет готово, будет дан сигнал к атаке — три пушечных выстрела, и войска устремятся вперед скорым шагом... Роты 8-го батальона будут рассыпаны в стрелковую цепь и прикроют своим огнем наступление. Солдаты кроме ружья должны быть снабжены топором. Когда они дойдут до зоны поражения ружейным огнем, они устремятся бегом ко рвам укрепления и сломают палисады...» Далее Ней подробно описывал, в каком порядке будут двигаться батальоны и даже отдельные роты, и завершал наставление оптимистичной фразой: «Когда укрепления будут взяты, стрелки будут преследовать врага, отступающего в беспорядке...»[18]

Последнюю часть инструкции применить не удалось. Дивизия Малера отважно устремилась вперед. Не известно, успели ли раздать солдатам топоры, но штурмовыми лестницами дивизия была снабжена. Несмотря на шквал огня, французам удалось добраться до рвов. Однако здесь атака захлебнулась. Несмотря на потери, едва войска вернулись на исходную позицию, маршал приказал новый штурм. Ливень пуль и картечи снова скосил десятки людей, и дивизия опять откатилась назад. Стало ясно, что таким методом мощное Шарницкое укрепление взять невозможно. На гласисе перед вражескими рвами осталось лежать 36 убитых и почти 400 раненых. Французские пушки били по стенам, а коменданту форта было предъявлено требование немедленно сдаться. Зрелище сотен окровавленных тел, лежащих перед неприступными стенами, подсказало, очевидно, коменданту, что, возможно, подобное требование не слишком подкреплено реальными силами, и он наотрез отказался сдавать форт.

Пока солдаты дивизии Малера безуспешно штурмовали укрепления, бригада Роге продолжала свое обходное движение. Вечером комендант форта узнал, что он обойден, и ночью решил прорваться сквозь кольцо окружения. Австрийский командир взял с собой 6 полевых орудий, стоявших в форте, и со своими солдатами двинулся навстречу бригаде Роге. Ему удалось напасть в темноте на передовой пост гренадер, которых Роге поставил в замке Шольцберг. Две роты

французских гренадер, которые не выставили никакого боевого охранения, были захвачены врасплох и сдались в плен. Но остальная часть бригады успела подняться по тревоге, и когда австрийцы продолжили свое движение вперед, сама их атаковала на марше. На этот раз захваченными врасплох оказались австрийцы. В коротком бою солдатам Роге удалось взять в плен коменданта, его подчиненные, деморализованные этой потерей, не оказали серьезного сопротивления. 700 австрийских солдат с пушками попали в плен, а французские гренадеры были освобождены.

Неприступный горный проход оказался в руках французов, и уже днем 5 ноября корпус Нея вступил в Инсбрук, который сдался без боя. К этому времени эрцгерцог Иоанн получил от своего брата эрцгерцога Карла приказ оставить Тироль и двинуться на соединение с его армией, отходившей из Италии.

В Инсбруке Ней нашел огромные склады и в частности богатый арсенал, где в руки французов досталось 16 тыс. ружей, многочисленные артиллерийские припасы и тонны пороха. Но в Инсбрукском арсенале французские солдаты нашли не одни материальные ценности. Вот как в мелодраматичном стиле эпохи описал произошедшее в арсенале 25-й бюллетень Великой Армии: «Но не только богатые трофеи победа дала в руки нашей армии. Здесь же произошла сцена, которая тронула до глубины души наших солдат. В ходе последней войны *(1798— 1800 гг.)* 76-й линейный полк* потерял в боях в Швейцарии два знамени. Эта потеря в течение долгого времени рассматривалась полком как горькая утрата... И вот эти знамена, предмет столь благородной скорби, были найдены в арсенале Инсбрука. Один из офицеров *(76-го полка)* узнал их. Тотчас же к знаменам устремились солдаты. И когда в торжественной обстановке маршал Ней вернул полку его реликвии, слезы текли по щекам старых воинов. Юные новобранцы были горды тем, что они отбили знаки, потерянные их старшими товарищами в превратностях войны. Император распорядился, чтобы эта трогательная сцена была запечатлена на большом полотне. Французский солдат испытывает по отношению к знаменам чувство нежной привязанности. Они являются объектом такого же культа, как подарок, полученный из рук возлюбленной»[19].

В то время как Ней расположился со своим корпусом в Инсбруке, баварская дивизия Деруа по приказу Наполеона также вступила в Тироль. Баварцы двигались по долине реки Инн и 7 ноября подошли к крепости Куфштейн. Если сама крепость не отличалась силой своих валов, то цитадель, стоящая на отвесных скалах, была такова, что даже маленький отряд мог сколь угодно долго сопротивляться огромной армии. Город и цитадель занимал один австрийский батальон. При приближении баварцев отряд покинул город и отступил в цитадель. Несмотря на неприступные стены, сопротивление продолжалось недолго: австрийский комендант понимал, что ему никто не поможет, а муниципалитет города упросил его не упорствовать. В результате цитадель Куф-штейна была сдана на почетных условиях. Семьсот пятьдесят австрийских солдат со своим оружием и двумя полевыми пушками вышли из замка и 10 ноября присоединились к отряду генерала Шателера.

В то время как Ней и баварцы овладели центральной частью Тироля, маршал Ожеро приближался к Форальбергу, занятому генералом Иелачичем. Под командой Иелачича были войска, спасшиеся от капитуляции в Ульме. Они

Строго говоря, нужно было бы сказать 76-я полубригада, так как до 1803 г. в армии Французской республики пехотные части назывались не полками, а полубригадами. В 1803 г. название «полк» снова официально вернулось, и вполне естественно, что император употребляет это привычное вновь вернувшееся название.

могли беспрепятственно отступить в глубь Тироля. Но генерал Иелачич, считая, что его войска принадлежат к Дунайской армии, а не Тирольской, хотел попытаться уйти в северном направлении и по тылам французов дойти до Богемии. Однако, узнав о приближении войск Ожеро, Иелачич остался на месте. По его приказу только 12 эскадронов направились на север и впоследствии действительно сумели достичь Богемии через Эльванген и Анспах. Что же касается главных сил, они продолжали стоять в нерешительности.

13 ноября передовые отряды Ожеро подошли к австрийским позициям. Иелачич даже не пытался ни сопротивляться, ни отступать. 14 ноября он подписал капитуляцию, которую французский маршал утвердил на следующий день. Согласно этой капитуляции 4 тыс. австрийских солдат сложили оружие и знамена и под конвоем французских войск были препровождены до богемской границы. Далее они были отпущены на свободу при условии, что в течение года не будут участвовать в боевых действиях ни против Франции, ни против Итальянского королевства.

Единственным австрийским отрядом, остававшимся в Форальберге, была дивизия под командованием принца Роана — французского эмигранта на службе Габсбургской монархии. У принца было около 7 тыс. пехоты и 1 200 кавалеристов. Его положение было очень сложным: со всех сторон ему угрожали французские дивизии. Отряд Иелачича перестал существовать, а эрцгерцог Иоанн, собрав главные силы своей армии, шел на восток в Каринтию на соединение с армией эрцгерцога Карла. Однако Роан принял мужественное решение любой ценой прорваться к своим.

Пройдя по узким горным тропам, 18 ноября он сумел отбросить небольшой авангард корпуса Нея. Так как путь в Каринтию был к этому времени уже совершенно отрезан, ситуация все равно казалась безвыходной. Но принц решил сделать неожиданный и смелый ход: попытаться через горы добраться до равнин Северной Италии. Этот план мог показаться экстравагантным, однако успех сопутствует смелым. Несмотря на все сложности, в начале последней декады ноября отряд Роана, не встречая сопротивления, вышел на равнину. Однако на этом его приключения не завершились (см. ниже).

Таким образом, несмотря на значительные силы австрийцев в Тироле, к середине ноября французы овладели большей частью этой горной страны, разбили и взяли в плен значительную часть неприятельской армии. Ее остатки отступали в разных направлениях.

Одновременно с операциями в Тироле Наполеон был вынужден направить часть войск в Каринтию. 7 ноября генерал Мармон получил задачу выступить со своим корпусом из Штейера, двинуться в южном направлении по долине реки Энс и занять Леобен. У Мармона было под ружьем около 12 тыс. человек. В его задачу входило, закрепившись на южных отрогах Альп, помешать возможному движению армии эрцгерцога Карла из Италии. Конечно, генерал Мармон не мог с маленьким корпусом остановить движение всей армии эрцгерцога Карла. Однако, учитывая характер местности — узкие горные дороги, — он мог серьезно замедлить марш неприятельских войск, уничтожая за собой переправы через горные реки, защищая арьергардами проходы в ущельях.

Впрочем, прежде чем стать на пути австрийцев, войска Мармона должны были сами проложить себе дорогу в глубь горного края. «Марш, который я предпринял, был наполнен трудностями, — вспоминал Мармон, — Энс течет среди высоких гор в узком ущелье. Мосты через него деревянные и их почти невозможно восстановить в случае разрушения... Время года также добавляло нам сложностей. В горах уже была зима. Известно, насколько это время года

сурово в этих краях и насколько обледенелые дороги замедляли и затрудняли наш марш. Тем не менее необходимо было двигаться вперед как можно быстрее, чтобы надеяться добиться успеха»[20].

Недалеко от местечка Альтенмаркт над бурными водами Энса повисли два высоких моста. В случае их разрушения австрийцами продвижение корпуса было бы надолго остановлено. Французский генерал решил захватить их во что бы то ни стало. В своих мемуарах Мармон рассказывает: «Я поручил капитану Онак-тену, из 6-го гусарского полка, взять сто лучших кавалеристов и устремиться на мост, как только он окажется поблизости от него. Онактен, офицер редкой отваги, предприимчивый и решительный, не колебался ни минуты. Он двинулся вперед с авангардом. За ним шел весь полк и несколько рот вольтижеров... Австрийские эскадроны под его натиском вынуждены были поспешно отступать. Когда вражеские всадники доскакали до первого моста, Онактен обрушился на них как молния и пронесся по мосту вместе с ними, порубил две роты пехоты, которые должны были зажечь кучу горючих материалов, как только отойдет их конница. Затем он продолжил свою бешеную атаку, влетел на второй мост и пересек его таким же образом. Так опасное препятствие было преодолено»[21].

Продолжая двигаться вперед, войска Мармона заняли Леобен, а 15 ноября авангарды корпуса дошли до Граца. Нужно сказать, что подобное выдвижение не входило в намерения императора. 15 ноября он написал: «Господин генерал Мармон, вы должны помнить, что вы всего лишь командуете обсервационным корпусом, чтобы поддержать вас, армии потребуется несколько дней, потому что все мои силы сосредоточены против русских. У меня недостаточно войск, потому что я должен держать Вену, и, желая обойти неприятеля и нанести ему серьезное поражение, мне нужно еще больше солдат. Если вы сможете... помешать неприятелю появиться в долине Дуная, ваша роль будет выполнена»[22].

Что касается Мармона, он считал, что позиция под Грацем более выгодна. «Настоящим выгодным пунктом в стратегическом отношении казался мне Грац, — писал Мармон в своих мемуарах. — Занятие Граца повлияло на общественное мнение этих краев. Кроме того, оно дало большие ресурсы для армии. Прибыв в Грац, я расположил там свою генеральную квартиру... Разведывательные отряды каждый день отравлялись к венгерской границе»[23].

В горной войне, которую пришлось вести с рассеянными остатками австрийских войск, отличились, как и под Альтенмарктом, французские кавалеристы. 24 ноября генерал Мармон, узнав, что поблизости отступает неприятельский отряд, направил к верховьям реки Зальца роту 8-го конно-егерского полка. Французов было всего 75 человек. От местных крестьян и захваченных на дороге отставших австрийских солдат они узнали, что впереди, в деревне Долах, находится отступающий австрийский батальон численностью около 400 человек. Конные егеря сумели бесшумно разоружить передовые посты и незамеченными подошли к деревне. «Подъехав к селению, мы увидели зажженные бивачные огни, ружья, составленные в козлы, груды багажа и рассеянных солдат, которые ходили взад и вперед, — написал в своем письме через несколько дней после произошедших событий трубач 8-го конно-егерского полка. — Увидев это, наш капитан обрадовался и воскликнул: «Вот отличное дело! Они не на своих постах — и они в наших руках!». А потом своим громовым голосом скомандовал: «Смирно! Дивизион в атаку, в галоп! Захватим в плен этих чудаков!» В тот же момент я протрубил атаку... И вся наша рота устремилась с саблями наголо, издавая дикие крики и наделав шуму, как если бы мы были целым полком. Вскоре мы все рассеялись по деревне. Одни захватывали оружие и багажи, другие останавливали и лупили ударами сабель плашмя всех

кайзерлитов...* Наш капитан был повсюду и кричал: «Егеря, не рубите острием! Не наносите им ран! Это несчастные люди! Они итак наши. Берите их в плен и быстрее захватывайте ружья — их нужно все сломать!» Сказано — сделано: мы взяли врасплох этих австрийцев, и они не успели сделать ни одного выстрела... В этот момент я оказался рядом с моим капитаном, который пытался найти австрийского командира. Тот появился из одного из домов в сопровождении своих офицеров, бургомистра и нескольких крестьян... Гордым тоном он сказал по-немецки: «Постойте-ка, господа французы! Зачем вы пришли сюда? Что вы от нас хотите?» Эти вопросы заставили нас рассмеяться . Наш капитан ответил таким же тоном: «Господа, мы воюем — вот что мы хотим... А вы теперь наши пленники. Сдавайтесь, и мы не причиним вам никакого вреда. Мы авангард огромной колонны кавалерии и пехоты...» Австрийские офицеры посовещались и, видя, что все их солдаты захвачены без сопротивления, отдали свои шпаги нашему капитану и лейтенанту»[24]. Так маленький отряд конницы в 75 человек захватил в плен 400 солдат и 19 офицеров.

Занимая позицию под Грацем, Мармон успешно выполнил свою задачу. Эрцгерцог Карл не осмелился двигаться по прямой дороге на Вену. Для того чтобы соединиться с главными силами союзников, он решил пойти кружным путем через Венгрию. В общем, горная война была австрийцами полностью проиграна, и Наполеон, не опасаясь за свой правый фланг, мог сосредоточить свое внимание на операциях в Моравии.

ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ

Для того чтобы понять происходившее в Южной Италии и конкретно в Неаполитанском королевстве (Королевстве Обеих Сицилии), необходимо снова на некоторое время вернуться к политическим вопросам. 29 марта 1801 г. между Францией и Неаполитанским королевством был подписан мирный договор во Флоренции, ставивший точку в участии Неаполя в войне против революционной Франции. Согласно одной из статей этого договора, французы в обмен на неприкосновенность королевства получили право занять своими войсками порты на юге Италии: Бриндизи, Отранто и Таранто. Как уже указывалось, после подписания Амьенского мира с Англией французские войска были выведены с территории Неаполитанского королевства. Однако с возобновлением англо-французской войны Наполеон распорядился вернуть французские гарнизоны в порты Южной Италии. В июле 1803 г. 17-тысячный корпус под командованием генерала Сен-Сира вступил на территорию Неаполитанского королевства и занял те же порты, которые французы контролировали по условиям Флорентийского мира.

Судьба королевства отныне была под вопросом. Король и в особенности королева ненавидели и боялись распространения идей французской революции. Учитывая, что королева Мария-Каролина, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии, была старшей сестрой казненной во время революции Марии-Антуанетты, не трудно предположить ее чувства по отношению ко всему, что было связано с республиканской Францией. К этому добавлялись воспоминания о событиях в Неаполе в 1798—1799 гг. Наконец, Мария-Каролина находилась полностью под влиянием своего фаворита лорда Эллиота Актона — министра английского происхождения и посла Великобритании. С другой сторо-

* Кайзерлит — насмешливое прозвище, которым французские солдаты называли австрийцев.

ны, при дворе боялись французов. Ни для кого не было секретом, что в случае враждебных действий Неаполя, Сен-Сир имел предписание тотчас же двинуться со своими войсками на столицу королевства. Поэтому, несмотря на все свои чувства, неаполитанская королевская чета вынуждена была вести себя осторожно по отношению к Французской республике, а впоследствии империи.

Однако с 1804 г. со стороны Англии и России было предпринято самое жесткое дипломатическое давление. Англичане прозрачно намекали, что в том случае, если с началом континентальной войны Неаполь не поддержит коалицию, они оккупируют Сицилию и отторгнут ее от владений королевства. С другой стороны, Неаполю обещали золотые горы и многотысячное союзное войско, чтобы изгнать с юга Италии французов. Нечего и сомневаться, что подобная перспектива приводила в восторг Марию-Каролину, и если она проявляла определенную осторожность, то лишь из страха перед войсками Сен-Сира.

Конечно же, деятельность организаторов коалиции не могла долгое время быть тайной для Наполеона. Готовя высадку в Англию, он менее всего желал, чтобы Итальянскому королевству и Франции угрожали в этот момент с юга. 2 января 1805 г. он направил Марии-Каролине письмо, которое выходит за рамки того, что принято считать дипломатической корреспонденцией. «Какова бы ни была ненависть Вашего Величества по отношению к Франции, — писал Наполеон — неужели любовь к супругу, к детям, к семье, к Вашим подданным не подсказывает вам, что в политических вопросах вы должны соблюдать хотя бы чуточку сдержанности, которая соответствует вашим интересам?.. Я прошу Ваше Величество выслушать внимательно мое пророчество: в случае начала войны, которая произойдет по Вашей вине, Вы потеряете Ваше королевство, а Ваши дети будут просить подаяние при дворах Европы и помощь для своих родителей»[25].

Подобное жесткое, можно сказать грубое, лишенное всяческих дипломатических уверток письмо возможно было написать только при условии категорического нежелания войны на континенте. Если бы Наполеон, как об этом часто говорят, искал лишь поводов, чтобы развязать войну, и в частности захватить Неаполь, такое послание было бы совершенно ни к чему. Говоря в резкой, безапелляционной форме, называя вещи своими именами, император надеялся запугать неаполитанский двор и заставить его остаться нейтральным в предстоящей борьбе.

Что касается запугивания, оно, без сомнения, удалось, и королева, как отмечают свидетели, разразилась «потоком слез». Однако ее ненависть стала только более жгучей, а желание войны с Францией — еще более сильным. При неаполитанском дворе видели также неразборчивость в методах английских политиков и, готовясь сражаться, все больше и больше рассчитывали на русских. Действительно, в мае 1805 г. в Неаполь прибыли два весьма неординарных путешественника. Это были генерал от инфантерии Ласси и генерал-майор Оппер-ман. Один выходец из ирландской семьи, другой из немецкой, но оба состояли на службе России. Они прибыли в Италию инкогнито. Не случайно выбор пал на генерала Ласси. В 1805 г. он был в отставке и жил близ Гродно. Его тайно известили о принятии на службу и, соблюдая строгую тайну, отправили с миссией в Неаполь. «Повелел я отправиться в Неаполь без отлагательства Генералу от инфантерии де Ласси, — писал 18 февраля (2 марта) 1805 г. император Александр I, — под видом путешествия для поправления здоровья, уполномочив его, буде удостоверится в успехе, пригласить немедленно отряд войск Российских из Корфу... Но прежде того обязанности его подлежать будет... заняться генеральным обозрением *(военного потенциала Неаполитанского королевства)...* »[26] Ласси и Опперман должны были также договориться с английским командованием о присылке войск с Мальты, обсудить с неаполитанским двором план военных

действий, договориться о снабжении экспедиционного корпуса деньгами, продовольствием, кавалерийскими и артиллерийскими лошадьми.

Сведения, которые генералы-«путешественники» могли сообщить своему правительству, говорили о том, что военные силы Неаполя были, мягко говоря, не велики. Армия не насчитывала и 10 тыс. человек (по спискам — 10 863) и находилась в таком же запущенном состоянии, как и все королевство. Все же Михайловский-Данилевский, видимо, несколько сгущает краски, сообщая о полном ничтожестве неаполитанских войск.

Начиная с октября 1804 г. на пост генерального инспектора военных сил королевства был назначен русский офицер, француз по происхождению, Роже де Дама. Он был соратником великого Суворова, дрался под его командованием на Кинбурнской косе и штурмовал Измаил. Роже де Дама сделал все возможное, чтобы усилить и организовать неаполитанскую армию. Он стал регулярно проводить смотры и учения войск. Впрочем, эти занятия остались незавершенными, так как в марте 1805 г., по требованию посла Франции Алькье, Роже де Дама был временно выслан из Неаполя.

Сам генерал Дама утверждает, что русские представители были удовлетворены результатами своих инспекций. «Они были действительно довольны, особенно кавалерией и артиллерией, — писал Дама в своих мемуарах, — это вполне понятно, так как русская пехота неподражаема и за то малое время, которое было использовано, чтобы улучшить пехоту королевства, она не могла, конечно, достигнуть того уровня, на котором стоит, быть может, единственно русская пехота. Что касается кавалерии, она была почти что на том уровне, на котором ее хотелось бы видеть»[27].

Мемуары Дама вполне подтверждает рапорт Оппермана. Вот что в нем говорится: «Они *(Ласси и Опперман)* нашли материальную часть артиллерии в очень хорошем состоянии. Пушки, лафеты и зарядные ящики сделаны по французской модели. Администрация очень хорошо и точно функционирует. Но высококачественной и многочисленной артиллерии не хватает личного состава... Пехота неаполитанского гарнизона набрана из физически крепких людей, однако все передвижения они выполняют медленно, в строю не сохраняют неподвижности и должного внимания... Они *{Ласси и Опперман)* видели пехотные маневры, исполненные всем гарнизоном Капуи. Это были 2 батальона гренадер, 3 мушкетеров и 1 егерей, но все вместе они не насчитывали и тысячи человек, потому что батальоны были всего лишь по 192 солдата. Перестроения, однако, выполнялись очень точно и слаженно. Особенно отличились егеря своими умелыми действиями в рассыпном строю, как в самостоятельных движениях, так и в движениях перед фронтом войск. В общем, нужно сказать, что степень обученности этого гарнизона, который находится под командованием генерала Розенхейма, стоит выше таковой в других неаполитанских полках»[28].

Так или иначе, но переговоры о конкретном участии Неаполя в коалиции велись самым активным образом, и в королевстве все было готово к тому, чтобы выступить против Франции. В сентябре в Неаполь прибыл Дмитрий Павлович Татищев — полномочный министр России в Королевстве Обеих Сицилии. 10 сентября 1805 г. Татищев и министр иностранных дел Неаполя маркиз Черчелло подписали конвенцию о совместных действиях против Франции.

Согласно этой конвенции, неаполитанские власти должны были принять на территории королевства русско-английский экспедиционный корпус. Главное командование должен был осуществлять русский генерал. В его распоряжение предоставлялись все крепости, форты, замки и склады, а также все силы неаполитанской армии. Власти королевства обязывались, что «в течение всего

времени пребывания союзных войск на неаполитанской территории жилье, отопление, освещение будут обеспечиваться местным населением. Кроме того, они будут получать съестные припасы и денежное вознаграждение... а также фураж, поставляемый либо натурой, либо в денежном возмещении... Русские эскадры, предназначенные для прикрытия операций союзных войск на континенте, будут получать от его сицилийского величества все необходимое довольствие в соответствии с регламентами и нормами, существующими в русском флоте»[29].

Неаполитанские власти брали на себя также обязательства предоставить за свой счет русским и английским кавалерийским полкам лошадей, а также «лошадей и мулов, необходимых для перевозки артиллерии, боеприпасов и лагерного снаряжения». Союзники получали право, если они пожелают, прибегнуть к реквизициям, правда, отмечалось, что «русский главнокомандующий позаботится о том, чтобы эти реквизиции производились лишь в случае абсолютной необходимости»[30].

«Я был потрясен, увидев, насколько абсурдно и бездарно были забыты все интересы короля, — вспоминал Роже де Дама о своих впечатлениях, когда он сразу по своему возвращению в Неаполь получил возможность ознакомиться с текстом конвенции. — Было невообразимо, как человек, преданный своему повелителю, как маркиз Черчелло... мог подписать конвенцию, условия которой, ее детали, ее параграфы связывали короля по рукам и ногам во всех отношениях. Он брал на себя формальные обязательства, которые ничем не были гарантированы с другой стороны. Отдать себя на волю союзника, поверить в его добрые намерения — это, обычно, весьма опасное дело. Но, по крайней мере, за это можно получить какие-то компенсации и выгоды. Но это при том условии, что страны, вступающие в соглашение, находятся поблизости друг от друга. Когда же они находятся друг от друга на расстоянии в тысячу лье, вы уже не находитесь больше в руках правительства державы, а полностью зависите от произвола ее представителей или ее генералов... Школьник, двадцатилетний начинающий чиновник должен был бы покраснеть от всех глупостей, которыми была наполнена эта конвенция»[31].

Действительно, отныне Неаполь начал опасную игру. Но самое удивительное, что спустя всего лишь несколько дней, 21 сентября посол Королевства Обеих Сицилии в Париже маркиз де Галло подписал другую конвенцию, согласно которой королевство брало на себя обязательство соблюдать строжайший нейтралитет в предстоящей войне! Таким образом, неаполитанские власти не только вступили в коалицию против Франции, полностью отдавшись на волю России и Англии, но и попытались обмануть Наполеона. Это было даже хуже, чем то, от чего император французов предостерегал Марию-Каролину. Можно было легко догадаться, что в случае провала коалиционной авантюры неаполитанской королевской чете предстояло расплачиваться за свое коварство.

Подписание конвенции с Россией держалось в строгой тайне. И французские дипломаты, и генерал Сен-Сир ни о чем не догадывались. Поэтому Наполеон, уверенный в нейтралитете Неаполя, с началом военных действий отдал приказ войскам Сен-Сира покинуть королевство и двинуться на север Италии на помощь армии маршала Массена. 9 октября 1805 г. корпус Сен-Сира двинулся на север. Со стороны властей королевства корпус должен был сопровождать некто маркиз де Родио, которому поручили, используя случаи распущенности солдат, спровоцировать столкновения с местными жителями и тем самым хоть как-то мотивировать предстоящее выступление против Франции. Однако генералу Сен-Сиру удалось поддерживать в войсках строжайшую дисциплину, и никаких эксцессов не произошло. Если верить документам, опубликованным в

приложении к мемуарам Сен-Сира, маркиз Родио доложил королеве: «Мадам, ничего не получается, так как это не солдаты, а какие-то монахи!»[32]

Пройдя в образцовом порядке с юга Италии на север, в середине ноября войска Сен-Сира вышли в район Падуи. По дороге силы корпуса значительно уменьшились, так как Сен-Сир должен был выделить около 5 тыс. человек на усиление гарнизона крепости Анкона. Сам генерал отправился в штаб Массена в Горицию. Отныне войска Сен-Сира стали правым крылом Итальянской армии. Маршал Массена приказал Сен-Сиру расположиться в районе Местре и блокировать австрийский гарнизон Венеции.

В Неаполитанском королевстве отныне не было ни одного французского солдата. 19 ноября 1805 г. с фортов Неаполя увидели на горизонте паруса многочисленного флота. Это была долгожданная русская эскадра. В 5 часов вечера боевые корабли бросили якорь в Неаполитанском заливе. На следующий день в Неаполь прибыл и английский флот. Посол Франции Алькье немедленно потребовал паспорта для выезда из королевства и 21 ноября покинул Неаполь. Отныне все сомнения исчезли — Неаполитанское королевство стало участником войны на стороне третьей коалиции.

На берег высадились русские и английские войска, общее командование над которыми принял генерал Ласси. Английский генерал Крейг стал под его начальство. Всего в эти ноябрьские дни на итальянский берег ступило около 10 200 русских солдат*. Вместе с ними высадился легион, сформированный на деньги русского правительства из албанцев и греков. Его численность по спискам была 1 495 человек. Английский корпус насчитывал (по спискам) в своих рядах 7 629 человек. Таким образом, всего высадилось в Неаполе более 19 тыс. солдат и офицеров союзников.

Михайловский-Данилевский в ярких красках описывает энтузиазм неаполитанских властей и народа по поводу их прибытия. «Король и королева Неаполитанские приняли Генерала Ласси чрезвычайно милостиво... Двор истощался в изъявлении благосклонности генералам и офицерам нашим; народ чествовал солдат; тысячи любопытных стекались ежедневно любоваться Русским лагерем, раскинутым у подошвы Везувия»[33].

Несколько другое впечатление вынес о присутствии союзников в Неаполе Роже де Дама. Нужно сказать, что его мемуары были написаны всего лишь шесть месяцев спустя после указанных событий, и потому сохранили всю свежесть и точность исторической картины. «Никогда еще генеральная квартира не располагалась в захваченной стране с такими же претензиями, как это сделали союзные генералы. Ласси и Опперман заняли целиком постоялый двор, где они жили на широкую ногу за счет королевской казны. Перед постоялым двором находился дом наследного принца... Они потребовали его для канцелярии штаба... Этот пример, только один из многих, дает представление о том оскорбительном деспотизме, который они вкладывали во все свои претензии. Я приложил все усилия, чтобы удовлетворить их, ибо сложно было сомневаться в моей преданности России... Но моего времени не хватало, чтобы это сделать... Господин Крейг *(английский генерал)* сказал мне: «Король должен быть мне очень обязан за то, что я прибыл сюда, и я желаю, чтобы он дал мне все, что я захочу...» Он потребовал, чтобы были удовлетворены потребности его войск в

Полки Сибирский гренадерский, Витебский, Козловский и Колыванский мушкетерские, батальон Алексопольского мушкетерского полка, 13-й и 14-й егерские, рота батарейной артиллерии (подробнее см. приложение 15).

вещах столь невоенных и абсурдных, что я вынужден был подумать, что у него не все в порядке с умом»[34].

« Быть может, вспоминая об этом, генерал Крейг, по возвращении английских войск на Сицилию, в приказе по армии от 6 апреля 1806 г. написал по поводу неаполитанской экспедиции: «...В стране, где столь легко было добыть вино, англичане подтвердили мнение, согласно которому трезвость не является добродетелью военных нашей нации...»[35]

Король и королева уже, видимо, сами были не рады «гостям» и всячески пытались удалить их из Неаполя для ведения боевых действий. Однако союзники не спешили. Наконец, 8 декабря они все-таки собрались в поход. Перед выступлением из Неаполя был проведен огромный смотр всей армии на набережной, идущей вдоль берега моря. Всего в смотре участвовало около 23 тыс. человек. На правом фланге стояли русские войска, в центре англичане, а на левом неаполитанцы. Король и королева в позолоченной карете объехали войска, благословляя их на подвиги в ходе предстоящего наступления.

Однако в отсутствие неприятеля это наступление выглядело, по меньшей мере, странно. Двигаться далеко на север Италии для относительно небольшой союзной армии было невозможно. «Новости об отступлении австрийской армии с берегов Адидже в Венгрию и о поражении их войск в Германии, — писал в своем рапорте генерал Опперман, — не позволяли думать о том, чтобы маленький корпус, который прибыл в Неаполитанское королевство, мог надеяться на успех в далеких операциях»[36].

Идти же вперед километров на 100—200 все равно не имело смысла, так как никакого противника рядом не было. Но деятельность изобразить надо было. Поэтому армии начали-таки марш вперед, но самым неожиданным образом. Англичане и русские в качестве привилегированной части контингента прошли лишь несколько десятков километров.

Главнокомандующий союзными войсками был русский генерал, но, совершенно очевидно, что, несмотря на это, английская армия смотрела на себя как на самую «белую кость». Джентльмены с берегов туманного Альбиона остановились ближе всего от Неаполя и, конечно же, на берегу моря, чтобы, на всякий случай, не терять связь с кораблями. Районом расквартирования были выбраны живописные места на берегу Гаэтского залива Траэтто и Сесса, первое всего лишь в пятидесяти, а второе — в сорока километрах к северу от Неаполя. В соответствии с иерархией ценностей чуть дальше от моря и чуть дальше от Неаполя, в Сан-Жермано и Теано, разместилась русская армия. Что касается неаполитанцев, непонятно зачем путавшихся под ногами в Неаполе, для них нашлась великолепная боевая задача: оборонять восточную границу королевства! Для этого неаполитанской армии было поручено совершить зимой 200-километровый марш через горы и выйти к крепости Пескара. По узким дорогам, покрытым четырьмя футами снега, неаполитанские полки пошли в бесполезный поход и после двух недель тяжелейшего марша добрались непонятно зачем до крепости Пескара.

На этом «боевые действия» в южной Италии временно прекратились, и союзники остановились в ожидании новостей с главного театра военных действий...

ВЕНЕЦИЯ

После того как генерал Сен-Сир встретился с Массена, 22 ноября он расположил свои части вокруг Венеции для блокады этого города. Взять Венецию штурмом и даже осадой не представлялось никакой возможности. Зато, с учетом того, что из города на островах выйти было так же сложно, как и войти в него,

можно было блокировать австрийский гарнизон относительно небольшими силами. Австрийские войска под командованием генерала Бельгарда состояли из 24 батальонов пехоты и 1 эскадрона кавалерии. В общей сложности гарнизон насчитывал более 12 тыс. человек. Сен-Сир получил от Массена порядка 5 тыс: солдат, вместе с 10 тыс., которые он привел с юга, в его распоряжении был отныне небольшой корпус. В него входили: б тыс. солдат дивизии Ренье, 5 тыс. итальянских солдат Леччи и 3 тыс. поляков, входивших в резервную бригаду Пейри. Всего, вместе с артиллерией и инженерными войсками, около 15 тыс. человек. Сен-Сир разместил свои войска широким фронтом. Его укрепленные линии протянулись от Падуи до Местре и берега моря на 30-километровом фронте.

Едва только Сен-Сир занял своими полками укрепления перед Венецией, как на следующий день (23 ноября) ему доложили, что с тыла, со стороны Кастель-Франко, приближаются какие-то австрийские части. Появление здесь австрийцев было полным сюрпризом для французского командования. Казалось бы, неприятелю неоткуда было взяться. Армия эрцгерцога Карла ушла на север, по ее следам шли войска Массена, в тылу были земли Итальянского королевства, занятые французскими и итальянскими гарнизонами. Как выяснилось, этими непонятными свалившимися с неба войсками были части принца Роана. Принц со своим 8-тысячным корпусом, вырвавшись из окружения в Тироле, пройдя сотни километров по горам, неожиданно для всех спустился в тылу французской армии на равнины Северной Италии.

Он понимал, что идти на восток невозможно — здесь его бы встретила вся армия Массена. Идти на запад было также немыслимо — он оказался бы во враждебной стране, окруженный со всех сторон полевыми войсками и национальной гвардией Итальянского королевства. Путь на север был также отрезан корпусом Мармона. Что делалось на юге Италии, он понятия не имел, да и путь туда был далеким и непредсказуемым. Роан принял единственно возможное решение — напасть с тыла на линии французов поблизости от Венеции и вместе с гарнизоном города прорвать их. При удачном стечении обстоятельств и активном содействии Бельгарда принц мог надеяться не только проложить себе дорогу в Венецию, но и нанести французскому корпусу серьезное поражение.

Сен-Сир мгновенно разведал силы врага и оценил всю степень опасности. Его могли спасти только быстрые слаженные и решительные действия. Еще засветло, в 3 часа утра 24 ноября большая часть войск Сен-Сира незаметно покинула укрепленные линии и двинулась на северо-запад навстречу Роану. Сен-Сир оставил перед Венецией только итальянские полки Леччи и одну бригаду из дивизии Ренье — всего около 7 тыс. человек. Оставшиеся 8 тыс. человек* должны были атаковать Роана. Таким образом, численность войск с каждой стороны была почти что идеально равна.

Ренье двинулся со своими десятью батальонами и 6-м конно-егерским полком прямо на австрийцев, Сен-Сир с поляками предпринял скрытный обход, чтобы внезапно ударить на врага с тыла и фланга. Дивизия Ренье и корпус Роана столкнулись около 8 утра у деревни Ресана в 8 км к юго-востоку от Кастель-Франко. Сражение началось как встречный бой, однако французы действовали активней. Они успели развернуть все свои войска и сумели занять

* Дивизия Ренье: 10-й линейный полк — 3 батальона, 56-й линейный полк — 2 батальона, 62-й линейный полк — 4 батальона, 1-й швейцарский полк — 1 батальон — всего 5 тыс. человек. Шестой конно-егерский полк — 4 эскадрона, 489 человек. Бригада Пейри: польский пехотный полк — 3 батальона, 1 787 (по другим данным 2 217) человек. Польский кавалерийский полк — 4 эскадрона, 470 человек. Вместе с артиллерией немногим более 8 тыс. человек.

выгодную оборонительную позицию. Тем не менее австрийские войска атаковали с отчаянием обреченных. Генерал Ренье вынужден был посылать одного адъютанта за другим, чтобы доложить своему командиру, что он едва удерживается под натиском неприятеля. Но один из талантливейших полководцев наполеоновской армии Сен-Сир рассчитал все точно: когда австрийские войска пустили в ход все свои резервы и были полностью заняты фронтальным боем, польские части, завершив к И часам дня свое скрытное обходное движение, по команде генерала стремительно атаковали врага.

В наполеоновской армии поляки всегда выделялись своей отвагой и преданностью, а что касается польских улан — они вообще вошли в легенду. Не случайно поэтому, Сен-Сир использовал поляков как «засадный полк». 1-й и 3-й батальоны под командованием Беловейского и Малаховского обрушились на правое крыло австрийцев с такой отвагой и дерзким порывом, что в тот же миг австрийские ряды смешались, и в считанные минуты корпус Роана был разгромлен и обратился в бегство. 2-й батальон поляков под командованием Хлопицкого генерал Сен-Сир предусмотрительно отправил еще дальше в тыл врага, и он врезался уже в отступающие неприятельские части. Принц Роан повел за собой в атаку кирасир и попытался опрокинуть батальон Хлопицкого, но храбрые пехотинцы встретили австрийцев огнем и штыками. Сам принц, попытавшись дать пример своей коннице, получил удар польским штыком в грудь. Его только с трудом сумели вытащить из свалки.

Одновременно польская конница Рожнецкого также вступила в дело, и поражение неприятеля было полным. Около полудня остатки корпуса Роана, запершиеся в Кастель-Франко, капитулировали перед польскими батальонами, ведомыми лично генералом Сен-Сиром. Всего сдалось около 6 тыс. австрийских солдат. Французам и полякам достались: вся артиллерия неприятеля (12 пушек и 1 гаубица), 6 знамен, 1 штандарт и 1000 лошадей. Среди пленных был и сам принц Роан.

Так, боем под Кастель-Франко 24 ноября 1805 г., закончилась эпопея маленького корпуса, который с огромным трудом вырвался из окружения в Форальберге и Тироле, чтобы целиком и полностью попасть в руки французов поблизости от Венеции. Бой происходил примерно в 30 км от города, поэтому гарнизон не слышал звука канонады и не предпринял даже попытки вылазки. На следующий день французские войска уже снова стояли в укрепленных линиях, и блокада Венеции продолжилась.

СЕВЕРНАЯ ГЕРМАНИЯ

В то время когда под ярким итальянским солнцем русские солдаты приводили в порядок свою амуницию на склонах Везувия, на противоположном конце Европы, в полутора тысячах километров от Неаполя, происходила другая десантная операция. 12 (24) сентября из Кронштадта и Ревеля (Таллина) вышли эскадры, которые несли на своем борту экспедиционный корпус для боевых действий на севере Германии. Этот корпус находился под командованием генерала графа Толстого и насчитывал в своих рядах 21 354 человека*. Кроме боевых кораблей эскадры адмирала Тета (11 линейных кораблей и 7 фрегатов) для перевозки войск были использованы **140** частных купеческих судов. В начале плавание проходило благополучно, однако почти у самых берегов Германии эскадра попала в бурю, в результате которой потонуло несколько мелких судов, погибло **400** казаков.

* См. Приложение

Когда буря закончилась, корабли высадили войска в нескольких портах Померании, и в конечном итоге они были собраны у Штральзунда. В момент высадки экспедиционного корпуса король Пруссии уже подписал Потсдамский договор. Союзники ожидали, что вскоре к коалиции примкнут шведские войска (12 тыс. человек). Наконец, ожидалось, что к концу ноября в Северной Германии высадятся два английских корпуса общей численностью 24 тыс. человек. Таким образом, здесь могла объединиться мощная союзная армия численностью более 56 тыс. солдат и офицеров. Не ожидая подхода шведов, в первых числах ноября русский корпус двинулся на Ганновер. Войска графа Толстого переправились через Эльбу в Лауенбурге и двинулись на запад. «Марш уподоблялся торжеству, — пишет Михаил овский-Данилевский. — Навстречу нашим выезжали герцог Мекленбургский и другие владетельные Принцы; народонаселение окрестных мест толпами стекалось смотреть на Русских, со времен Семилетней войны не появлявшихся в северной Германии. Все были поражены удивлением, ибо корпус графа Толстого находился в самом блистательном состоянии. Всюду угощали офицеров и солдат наших; в больших городах давали нам балы»[37].

Действительно, как кажется, именно приемы и балы составили главную часть «операций» экспедиционного корпуса. За исключением крепости Гамельн, занятой французским гарнизоном, воевать было решительно не с кем. О том, насколько напряженными были действия корпуса Толстого, хорошо повествует журнал подпоручика 20-го егерского полка:

«Квартира в Людвигсбурге; чувствительный и благородный мой поступок с прекрасною дочерью хозяина замка барона фон-Клинкевистрема...

Город Грибзее *(Трибзее),* где я, как молодой адъютант, в полной мере старался изгнать сердечную мою любовь, которою я заразился в Людвигсбурге...

Приход полка в город Гноен, где я, хотя себя показать, упал на всем скаку спотыкливой моей лошади, вывихнул себе ногу и не смотря на боль пригласил тамошних дам ночью расхаживаться по грязным улицам и сделал страшную дерзость в одном купеческом доме...

Смотр на равнине при Панцове, представленный графом Остерманом-Тол-стым герцогу Мекленбургскому. Завтрак генералитету, штаб- и обер-офицерам, обед и порция рядовым.

Герцог своею любезною и приветливою оригинальностью, герцогиня его жена важною холодностью, а Шарлотта томно-важною красотою отличались.

Пребывание в Шверине, представление герцогу и его фамилии, любовные проказы... самое забавное приключение между мною же и офицерами нашего полка; прекрасные женщины.

Гольденбоо... два раза пировал в Цюре у премилых хозяйских дочерей.

Бойценбург. Очаровательная красота Каролины, дочери тамошнего обер-ланд-рата, довела меня и моего товарища Молера к самым чувствительным восторгам изумления, и заманчивая надежда не оставляла и посреди самой реки Эльбы ...

Город Блекед, где мы проводили дни наши в неге и роскоши, а притом и в бесполезном желательстве воспользоваться благосклонностью супруги тамошнего бальи господина Вензее...

Город Люнебург. Там я в первый раз увидел главнокомандующего нашим десантным корпусом генерала Толстаго. Это был придворный человек, которого разум был весьма ограничен. Там я, у него отобедав, был в театре...

Геменлинген. Там я познакомился с генерал-майором Кожиным, остроумным, забавным и распутным человеком...

Город Ниенбург. Занявши все пространство Гановерского электорства до самого Везера и не находя нигде неприятеля кроме крепости Гамельн, которой нельзя было овладеть вооруженною рукою, наш полк был отряжен к авангарду для дальнейшего наступления и занятия стран прилежных к Голландии.

Местечко Либенау. Чудесная моя интрига с сумасшедшею от любви обладательницею баронессою фон Габр, которая требовала потом, чтобы я на ней женился.

Местечко Зулинген. Тамошние дамы весьма благоприятны к нашим офицерам. Матильда дочь почтмейстера; затеянный нашего полка офицерами бал, для которого мы не щадили ни денег, ни волокитства нашего»[38].

К концу ноября — началу декабря 1805 г. корпус Толстого продолжал ожидать прибытия англичан и шведов. К крепости Гамельн был послан отряд, который «наблюдал» за ней. Главная квартира корпуса расположилась у города Ниенбург. О последнем у бравого офицера 20-го егерского сохранилось лишь следующее воспоминание: «Картежная игра у моего шефа; я выигрываю 600 червонцев, из которых 100 лишаюсь на верном проигрыше в вертюн. Роскошь, нега и распутная моя жизнь лишают меня не только денег, но и, временно, здоровья»[39].

18 декабря 1805 г. в Люнебурге состоялся военный совет в присутствии шведского короля, графа Толстого, английского генерала лорда Каткарта и генерала Дона. Высокие персоны, удовлетворенные развитием военных операций, приняли единогласное решение о дальнейших действиях. «В ожидании, пока просохнут дороги, ограничиться обороною переправ через Эмс и овладеть Гамельном, а когда заморозки стянут землю, идти к Нижнему Рейну»[40].

Дождаться, пока просохнут дороги, не удалось... В этот же день из Моравии прискакал адъютант императора Александра князь Гагарин, который привез известия, опрокинувшие все расчеты союзных генералов, нарушившие неторопливый ход «военных действий» на севере Германии и в Неаполе, перевернувшие все планы эрцгерцогов Карла и Иоанна...

1 Gachot E. La troisieme campagne d'ltalie (1805-1806). Paris, 1911, p. 34.

2 Desboeufs Ch. Souvenirs du capitaine Desboeufs. Paris, 1901, p. 55.

3 Ibid.

4 Ibid., p. 56.

5 Ibid.

6 Dumas, M. Precis des evenements militaires. Paris, 1822, t. 13, p. 135—136.

7 Цит. по: Memoires d'Andre Massena, due de Rivoli, prince d'Essling, marechal d'Empire... Paris, 1966, t. 5, p. 379-380.

8 Godart R. Memoires du general baron Roch Godart (1792-1815). Paris, 1895, p. 91-92.

9 Цит. по: Memoires d'Andre Massena., t. 5, p. 380.

10 Hugo J.-L. Memoires du general Hugo, gouverneur de plusieurs provinces et aide-major des armees en Espagne. Paris, 1828, t. 1, p. 114.

11 Ibid., p. 115.

12 Gachot, E.Op. cit., p. 81.

13 Gonneville A.-O. Souvenirs militaires. Paris, 1875, p. 14.

14 Lecestre L. Lettres inedites de Napoleon I[er]. Paris, 1897, t.l, p. 62.

15 Клаузевиц К. Указ. соч., т. 1, с. 205.

16 Desboeufs Ch. Op. cit., p. 57.

17 Roguet F. Memoires militaries du lieutenant-general comte Roguet, colonel en second des grenadiers a pied de la Vieille Garde. Paris, 1862—1865, t. 3, p. 146-147.

18 Instructions pour les troupes du corps de gauche. Dans: Ney M. memoires du marechal Ney, due d'Elchingen, prince de la Moskowa, publies par sa famille. Paris, 1833, t. 2, p.

421, 422, 424.
[19] Correspondance de Napoleon I[er]..., t. 11, p. 420.
[20] Marmont A.-F.-L., due de Raguse. Memoires de 1792 a 1841 imprimes sur le manuscript
original de l'auteur avec plans. Paris, 1856—1857, t. 2, p. 199.
[21] Ibid., p. 200
[22] Correspondance... 1.11, p. 412.
[23] Marmont A.-F.-L., due de Raguse. Op. cit., t. 2, p. 202-203.
[24] Chevillet . J. Souvenirs d'un cavalier de la Grande-Armee 1800—1810. Paris, 2004, p. 86-88.
[25] Correspondance de Napoleon... 1.10, p. 163
[26] Внешняя политика... т. 2, с. 328.
[27] Damas R. Memoires du compte Roger de Damas. Paris, 1912, 1914, t. 2, p. 376.
[28] ГВИАВУА. №3119, с. 2.
[29] Внешняя политика... т. 2, с. 576.
[30] Там же.
[31] Damas R. Op. cit. p. 390.
[32] Gouvion Saint-Cyr. Memoires pour servir a l'histoire militaire sous le Directoire, le Consulat et l'Empire. Paris, 1831, t. 4, p. 309.
[33] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 269, 273.
[34] Damas R. Op.cit. p. 406, 410.
[35] ЦГА ВМФ. Ф. 8, on. 3, д. 72.
[36] РГВИАВУА. №3119, с. 5.
[37] Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 260.
[38] Журнал биографической моей жизни. // Русский Архив, 1895, кн. 2, № 6, с. 200—203.
[39] Ibid., с. 204.
[40] Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 261—262.

ОГЛАВЛЕНИЕ